Images of Estonia(nness) in Estonian-Russian literary translation flows since 1991. Appendices to Chapters 2, 3, 4, 5

Table of Contents

Images of Estonia(nness) in Estonian-Russian literary translation flows since 1991. Appendices to Chapters 2, 3, 4, 5 1

APPENDICES TO CHAPTERS 2 AND 3. 3

Appendix 1. Corpus of Estonian-Russian translations for the period of 1991-2023 3

Appendix 2. Russian titles produced in Estonia in 1991-2023 60

APPENDICES TO CHAPTER 4 70

Appendix 1. KPD Publisher Bibliography 70

Appendix 2. Aleksandra Publisher Bibliography 74

Appendix 3. Avenarius Publisher Bibliography 80

Appendix 4. Kite Publisher Bibliography 81

Appendix 5. K&G and SOLO Publishers' Bibliography, Käsper and Markosjan-Käsper Bibliographies 82

Appendix 6. Dialoog Publisher Bibliography 84

Appendix 7. Andrus Kivirähk's bibliography 84

Appendix 8. Valdur Mikita's bibliography 89

Appendix 9. Andrei Ivanov's bibliography 90

Appendix 10. Jelena Skulskaja's bibliography 91

Appendix 11. Igor Kotjuh's Bibliography 91

Appendix 12. P.I. Filimonov's Bibliography 92

Appendix 13. Larissa Joonas' Bibliography 93

Appendix 14. Ljudmila Kazarjan's Bibliography 94

Appendix 15. Tatjana Sigalova's Bibliography 94

Appendix 16. Vera Prohorova's Bibliography (translations) 95

Appendix 17. Tatjana Verhoustinskaja's Bibliography (translations) 96

Appendix 18. Maia Melts' Bibliography (translations) 98

APPENDICES TO CHAPTER 5. 100

Table 1. Corpus of Estonian-Russian translations selected for imagological research. Short version. 100

Table 2. Russian corpus selected for imagological research. Short version. 115

Table 1. Corpus of Estonian-Russian translations selected for imagological research. Full version.... 116

Table 2. Russian corpus selected for imagological research. Full version. 626

INDEX OF NAMES. IMAGES OF ESTONIA(NNESS) IN ESTONIAN-RUSSIAN LITERARY TRANSLATION FLOWS SINCE 1991, THE MONOGRAPH 655
INDEX OF NAMES. APPENDICES TO CHAPTER 5, TABLES 1 AND 2 660

APPENDICES TO CHAPTERS 2 AND 3.

Appendix 1. Corpus of Estonian-Russian translations for the period of 1991-2023

№	Title	Russian title	Author	Genre	Publisher	Translator	Year	Country
1.	Eesti rahvajutud	Эстонские народные сказки		Children's literature	MKP Pikul	L.Vlasov (ed.)	1991	Ukraine
2.		Чудесная мельница			Malysh		1991	Russia
3.		Эстонская литература: книга для чтения в V–VI классах русских школ	Arvo Valton and others	Anthologies	Valgus	Irina Belobrovtseva	1991	Estonia
4.	Ja sada surma	И сто смертей… Нарвский водопад	Vladimir Beekman	Novels	Sovetski pisatel	Arnold Tamm	1991	Russia
5.	Maria Siberimaal	Мария в Сибири	Heino Kiik	Novels	Õllu	A. Tomberg	1991	Estonia
6.	Jutustused	Два лица в одном зеркале: роман, повести, эссе	Ülo Tuulik, Jüri Tuulik	Short stories	Sovetski Pisatel		1991	Russia
7.	Keisri hull	Императорский безумец	Jaan Kross	Novels	Druzhba narodov	Olga Samma	1991	Russia
8.	Pool koera	Половина собаки	Leelo Tungal	Children's literature	Detskaya literatura	Gennadi Muravin	1991	Russia
9.	Saatja aadress	Адрес отправителя	Paul-Eerik Rummo	Poetry	Kupar	Svetlan Semenenko	1991	Estonia
10.	Tere-tere	В один прекрасный грустный день	Leelo Tungal	Children's literature	Detskaya literatura	Mihhail Jasnov	1991	Russia

11.	10 kooki	10 блинчиков	Lehte Hainsalu	Children’s literature	Oktoober	Tatjana Verhoustinskaja	1991	Estonia
12.	Kuidas ma maailma tulin?	Как я появился на свет, или Откуда берутся дети	Mall Johanson	Children’s literature	Antek	Vera Prohorova	1991	Estonia
13.	Üks öö. Vihmapiisad.	Одна ночь. Капли дождя.	Paul Kuusberg	Novels	Sovetsky pisatel	Arnold Tamm	1991	Russia
14.	Püha argupäev	Святые будни. Стихи разных лет	Arvi Siig	Poetry	Eest Raamat	Arvi Siig	1991	Estonia
15.	Lood Kuukeleegua linnast	Приключения в Кукарекии и на острове Сладкая отрада	Robert Vadlo	Children’s literature	Eesti raamat	T. Burlakov	1991	Estonia
16.	Jälle Naksitrallid	И снова Муфта, Полботинка и Моховая Борода (1–2)	Eno Raud	Children’s literature	MP Print	Leo Vaino	1992	Russia
17.	Ajaloo ilu	Красота историй	Viivi Luik	Novels	Novõi mir	J. Kallonen	1992	Russia
18.	Pannkoogipäev	День-оладень	Reet Kudu	Children’s literature	Pressa	Nina Bavina	1992	Russia

19.	Seenekuningas	Король грибов	Oskar Luts, Friedrich Kreutzwald, Mattias Eizen, Juhan Kunder, Jaan Vahtra, Jüri Parijõgi, August Jakobson	Children's literature, anthology	Avlad	D. Grigoriev, E. Leit, J. Pozdnjakova, N. Kramer, L. Toom, S. Semenenko, T. Vaino	1992	Russia
20.	Soome-ugri poetesside luulet	Дом в собственном сердце: стихи финно-угорских поэтесс	Betti Alver, Doris Kareva, Lydia Koidula, Viivi Luik, Kersti Merilaas, Ellen Niit, Minni Nurme, Marie Under, Debora Vaarandi	Anthologies	Šypas	Anhava Helena, G. V. Butyreva, Liisa Laukkarinen	1993	Russia

21.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children’s literature	Detskaya Literatura	Leo Vaino	1993	Russia
22.	Toomas Nipernaadi	Тоомас Ниперннади	August Gailit	Novels	Aleksandra	Irina Belobrovtseva, Vitali Belobrovtsev	1993	Estonia
23.	Arve Jomm. [romaan] / 2. raamat, Elame üle	Арве Йомм. Вторая часть романа. Переживем и это.	Heino Kiik	Novels	Õllu	Aleksander Tomberg	1993	Estonia
24.	Mu isamaa on minu arm	Венок из слез души	Lydia Koidula	Poetry	Eesti Raamat	Artur Laast (ed.)	1993	Estonia
25.	Seenepudru lugu	Лисенок Рыжик и грибная каша	Siima Škop	Children’s literature	Koolibri	N. Juhanson	1993	Estonia
26.	Ajalooline jutustus suurest Liivi sõjast	Мститель: знаменитое историческое повествование о борьбе с Ливонским орденом	Eduard Bornhöhe	Novels	Teks	R. Trass	1994	Russia
27.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children’s literature	Evraziyski region	Leo Vaino	1994	Russia
28.	Pokuraamat	Поки: сказочная повесть	Edgar Valter	Children's literature	Ulvi Postkaart	Tatjana Teppe	1995	Estonia
29.	Manöövrite aeg	Время для маневров (Est: Rus)	Paavo Matsin	Short stories	Talmar & Põhi	Roman Kallas	1996	Estonia

30.	Eesti kirjanduse lugu	Очерки по истории эстонской литературы	Karl Ristikivi	Essays	Raduga	Vera Prohorova, Ain Toots	1997	Russia
31.	Luuletused	Стихотворения (EST/RU)	Henrik Visnapuu	Poetry	Avenarius	Irina Belobrovtseva	1997	Estonia
32.	Kammertoon	Камертон (EST/RU)	Doris Kareva	Poetry	D. Kareva; M. Tervonen	M. Tervonen	1997	Estonia
33.		Сказки (EST/RU)	Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children’s literature	Tallinskii tsentr MADPR/KPD		1997	Estonia
34.	Lohe hambad. Rõõmulaul	Зубы дракона. Песнь радости	Karl Ristikivi	Novels	Aleksandra	Olga Nael	1997	Estonia
35.	Luuletused	Стихотворения (EST/RU)	Marie Under	Poetry	Avenarius	Irina Belobrovtseva	1997	Estonia
36.	Piiririik	Пограничье	Emil Tode	Novels	Druzhba Narodov	Veera Ruben	1997	Russia
37.	Sügislootus	Осенние надежды	Mats Traat	Poetry	M. Traat	Boriss Baljasnõi	1997	Estonia
38.	Inimese teekond	Пути человеческие	Karl Ristikivi	Poetry	Avenarius	Boriss Baliasnõi	1998	Estonia
39.	Kalevipoeg	Калевипоэг: Эстонский народный эпос	Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud (eds.)	Children's literature	Tiritamm	Tatjana Urbel	1998	Estonia
40.	Karu süda	Сердце медведицы	Nikolai Baturin	Children's literature	N. Baturin	Elvira Mihhailova	1998	Estonia

41.	Kõrboja peremees. Miniatuurid. Novellid. Meie rebane. Põrgupõhja uus Vanapagan. I-II	Избранное, I-II	Anton Hansen Tammsaare	Novels	Tallinskii tsentr MADPR	Veera Ruben	1998	Estonia, Russia
42.	Luuletused	Стихотворения (EST/RU)	Heiti Talvik	Poetry	Avenarius	Irina Belobrovtseva	1998	Estonia
43.	Luuletused	Стихотворения (EST/RU)	Kalju Lepik	Poetry	Avenarius	Boriss Baljasnõi	1998	Estonia
44.	Tõde ja õigus I	Варгамяэ	A.H. Tammsaare	Novels	KPD	Olga Nael	1998	Estonia
45.	Tõde ja õigus II	Индрек	A.H. Tammsaare	Novels	KPD	Olga Nael	1998	Estonia
46.	Rokokoo daam. Provintsineiu. Semm. Vürst. Juhuslik. Kõhuvalu. Võimu rist. Sodomiit. Muusika ja moraalsus. Külma kondid. Kaamel. Pulmasäng. Kunstnik Jaagup.	Новая эстонская новелла: 1990-е годы. Библиотека журнала «Таллинн»	Maimu Berg, Mihkel Mutt, Mart Kivastik, Jaan Kross, Eva Park, Peeter Sauter, Mats Traat, Ene Mihkelson, Toomas Raudam, Emil Tode, Arvo Valton, Ülle Kauksi, Andrus	Novels	Aleksandra		1999	Estonia

	Hanna sünnipäev. Armuavaldus. Tekst ja laip.		Kivirähk, Tiia Toomet, Jüri Elvest, Mati Unt					

47.	Eesti luule antoloogia	Антология эстонской поэзии	Valmar Adams, Artur Alliksaar, Betti Alver, Nikolai Baturin, Reiner Brockmann, Andres Ehin, Ernst Enno, Villem Grünthal-Ridala, Anna Haava, Käsu Hans, Indrek Hirv, Johnny B. Isotamm, Bernard Kangro, Jaan Kaplinski, Doris Kareva, Lydia Koidula, Jaan Kross, Hasso Krull, Ilmar Laaban, Ilona Laaman, Kalju Lepik, Juhan Liiv, Toomas Liiv, Viivi Luik, Uku Masing, Kersti Merilaas, Ene Mihkelson, Ellen Niit, Minni Nurme, Ralf Parve, Kristjan Jaak Peterson, Ado	Anthologies	KPD	Irina Belobrovtseva, Ain Kaalep, Svetlan Semenenko	1999	Estonia

			Reinvald, Paul-Eerik Rummo, Hando Runnel, August Sang, Johannes Semper, Arvi Siig, Juhan Smuul, Gustav Suits, Aleksander Suuman, Karl Eduard Sööt, Juhan Sütiste, Heiti Talvik, Mats Traat, Marie Under, Debora Vaarandi, Mari Vallisoo, Johannes Vares-Barbarus, Juhan Viiding, Henrik Visnapuu					
48.	Mäeküla piimamees	Молочник из Мяэкюла	Eduard Vilde	Novels	Avita	Maria Kulišova	2000	Estonia

49.	Paigallend	Полет на месте: роман Улло Паэранда	Jaan Kross	Novels	KPD	Elvira Mihhailova	2000	Estonia
50.	Vari	Завеса: повесть из недавнего прошлого	Juhan Liiv	Novels	Avita	Liidia Tugolesova	2000	Estonia
51.	Juudas	Иуда	Ain Kalmus	Novels	Vene Entsüklopeedia	Olga Nael	2000	Estonia
52.	Kauka jumal Libahunt Näidend viies vaatuses	Бог мошны Оборотень: драма в пяти действиях	August Kitzberg	Play	Avita	L. Ojamaa	2000	Estonia
53.	Kevad: pildikesi koolipõlvest	Весна: картинки из школьной жизни	Oskar Luts	Children's literature	Avita	B. Liivak	2000	Estonia
54.	Ümera jõel	На реке Юмера	Mait Metsanurk	Novels	Avita	Jelena Pozdnjakova	2000	Estonia
55.	Tabamata ime	Непостижимое чудо	Eduard Vilde	Play	Avita	L. Toom	2000	Estonia
56.	Õige mehe koda	Жилище праведника	Karl Ristikivi	Novels	Avita	Ljudmila Simagina	2001	Estonia
57.	Oaas. Teemandirada	Оазис. Алмазная тропа	Nikolai Baturin	Short stories	Eesti Raamat	Elvira Mihhailova	2001	Estonia
58.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2001	Russia
59.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Oniks 21 vek/AST	Leo Vaino	2001	Russia

60.	Palun loe mulle!	Мама, почитай, пожалуйста! Сказки, занимательные рассказы и стихи для малышей	Leelo Tungal (ed.)	Children's literature	Bri & Ko	Boriss Baljasnõi	2001	Estonia
61.	Loe veel!	Мама, почитай еще! От весны до весны: сказки, занимательные рассказы и стихи для малышей	Leelo Tungal (ed.)	Children's literature	Lapse-Ilo	Boriss Baljasnõi, Jelena Gluhhova	2001	Estonia
62.	Suvi. Pildikesi noorpõlvest	Лето: картинки юношеских лет	Oskar Luts	Children's literature	Avita	Nelli Javorskaja	2001	Estonia
63.	Läkitus Egiptusesse	Послание в Египет	Martin Napa	Novels	Interregional Union of North-West writers	Jelena Baljasnaja, Feliks Tammi	2001	Russia
64.	Arabella, mereröövli tütar	Арабелла, дочь пирата	Aino Pervik	Children's literature	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	Olga Nael	2001	Estonia
65.	Hektor; Jää ja Titanic; Jää ja kanarbik	Гектор; "Титаник" и льды; Лёд и вереск	Jaan Kaplinski	Essays	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	Tatjana Teppe	2002	Estonia

66.	Ja valguse armulise. Viini plika	И меркнет свет: рассказы; Венская барышня: новелла	Asta Põldmäe	Short stories	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	Natalja Kalaus, E. Kallonen, Svetlan Semenenko	2002	Estonia
67.	Meie kodu on Eestis	Наш дом – в Эстонии. Книга для учителя.	Virve Tuubel	Children’s literature	Eesti Rahva Muuseum	Svetlana Karm	2002	Estonia
68.	Jussikese seitse sõpra	Семь друзей Юссике	Silvi Väljal	Children's literature	Avita	Galina Diomidova	2002	Estonia
69.	Kaltsutitt ja puuhobune	Тряпичная кукла и деревянная лошадка: занимательная этнография для детей	Tiia Toomet	Children's literature	KPD	Ljudmila Simagina	2002	Estonia
70.	Lastejutte	Детям	August Kitzberg	Children's literature	KPD		2002	Estonia
71.	Maari suvi	Лето Маари	Jaan Rannap	Children's literature	Vene Entsüklopeedia	Jelena Rozina	2002	Estonia
72.	Pöialvalguke ja kass, kes sööb häält	Сказкоешка-Сладкоежка: сказка о девочке, которая встретила кошку	Reet Kudu	Children's literature	KPD	Boriss Baljasnõi	2002	Estonia

73.	Kui mind üldse olemas ei oleks	Если бы меня не было на свете	Henno Käo	Short stories	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2002	Estonia
74.	Sipsik	Сипсик	Eno Raud	Children’s literature	KPD	Gennadi Muravin	2002	Estonia
75.	Tänavalapsed	Уличные мальчишки	Tea Kask	Children’s literature	Avita	Andrei Dvortsov	2002	Estonia
76.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children’s literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2002	Russia
77.		Человек с добрым сердцем	Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children’s literature	Prut International	n/a	2003	Moldova
78.	Muinasjutud	Сказки	Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children's literature	KPD	N. Kramer, Jelena Pozdnjakova, V. Rammo	2003	Estonia
79.	Kala kõnnib jala	Рыба ходит, колобродит: смешные стихи для весёлых детей	Eno Raud	Children's literature	KPD	Ljudmila Simagina	2003	Estonia
80.	Mõrvarühma inspektor	Инспектор отдела убийств	Hans Luik	Novels	Kuldsulg	Alla Kallas	2003	Estonia
81.	Kodumaa muld	Земля отечества	Ilmar Jaks	Short stories	KPD	Gohar Markosjan-Käsper	2003	Estonia

82.	Ületamine: luulevalimik	Преодоление	Marina Tervonen	Poetry	M. Tervonen	Marina Tervonen	2003	Estonia
83.	Sügis: Tootsi lugude järg	Осень: новые истории про Тоотса	Oskar Luts	Children's literature	Vene Entsüklopeedia	Nelli Javorskaja	2003	Estonia
84.	Iseseisvuspäev	День независимости: когда Эстония еще не была пограничным государством	Kaur Kender	Novels	MTÜ Kirjandus – ühine keel	Boris Tuch	2003	Estonia
85.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2003	Russia
86.	Üksindus on hommikuti hell. Trdat See-ja-See-jani elu	Ода утреннему одиночеству, или жизнь Трдата	Kalle Käsper	Novels	K&G	Gohar Markosjan-Käsper	2004	Estonia
87.	Kalevipoeg	Калевипоэг	Editors: Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud	Children's literature	Ilo	Tatjana Urbel	2004	Estonia
88.	Luuletused. Ballaadid. Legendid	Поездка в утро. Стихи. Баллады. Легенды	Marie Under	Poetry	KPD	Igor Koreiši	2004	Estonia
89.	Maailm Sulelise ja Karvasega	Мир с Пернатой и Мохнатым	Aino Pervik	Children's literature	Vene Entsüklopeedia	Olga Nael	2004	Estonia

90.	Une-Mati, Päris-Mati ja Tups	Засыпайка в Таллине	Dagmar Normet	Children's literature	Ilo	Irina Belobrovtseva, Vitali Belobrovtsev	2004	Estonia
91.	Krimmi ja Kaukaasia eestlastel külaliseks	В гостях у крымских эстонцев: путевые заметки	Eduard Vilde	Travelogue	Crimean Estonian Culture Society	L. Boichuk	2004	Ukraine
92.	2язычные = 2keelsed	2язычные = 2keelsed	Ave Avalainu, Tatyana Tretyakova	Poetry	Ave Vita!	Ave Avalainu, Tatyana Tretyakova	2004	Estonia
93.	Muinasjutte	Эстонские народные сказки о птицах и животных	August Jakobson	Children's literature	KPD	Leon Toom	2004	Estonia
94.	Tasuja: jutustus Eesti vanast ajast	Мститель: историческая повесть из далекого прошлого эстонского народа	Eduard Bornhöhe	Novels	Ilo	R. Trass	2005	Estonia
95.	Kui ma ükskord	Как я однажды	Lehte Hainsalu	Poetry	KPD	Marina Tervonen	2005	Estonia
96.	Luuletused Eestist	Стихи об Эстонии	Lydia Koidula	Poetry	KPD		2005	Estonia
97.	Ristideta hauad	Могилы без крестов	Arved Viirlaid	Novels	Eesti Kultuurikeskus "Vene Entsüklopeedia"	Jelena Pozdnjakova	2005	Estonia

98.	Sõnad sõnatusse	Инакобытие (Est: Rus)	Jaan Kaplinski	Poetry	Vagabund	Jaan Kaplinski	2005	Estonia
99.	Tasuja: jutustus Eesti vanast ajast	Мститель: историческая повесть из далекого прошлого эстонского народа	Eduard Bornhöhe	Novels	KPD	R. Trass	2005	Estonia
10.	Une-Mati rannakülas	Засыпайка в рыбацкой деревне	Dagmar Normet	Children's literature	Ilo	Irina Belobrovtseva, Vitali Belobrovtsev	2005	Estonia
101.	Olivia ja esimene maailm	Оливия открывает мир	Kerttu Soans	Children's literature	Bri & Ko	Jelena Baljasnaja	2005	Estonia
102.	2004	2004	fs (pseud.)	Poetry	Taam	Igor Kotjuh	2005	Estonia
103.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Нежданное письмо	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2005	Russia
104.	Jälle need naksitrallid	Новые приключения Муфты, Полботинка и Моховой Бороды	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2006	Russia
105.	Minu esimesed triibulised	Мои первые «полосатые»	Eduard Vilde	Children's literature	KPD	Liidia Tomm	2006	Estonia
106.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2006	Russia

107.	Näidendid	Костер Савонаролы и еще семь новейших эстонских пьес	Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Madis Kõiv, Urmas Lennuk, Jaan Tätte	Anthologies	Aleksandra	Boris Tuch	2006	Estonia
108.	Nukitsamees	Мальчик с рожками	Oskar Luts	Children's literature	KPD	Svetlan Semenenko	2006	Estonia
109.	Soome-ugri kirjanduste antoloogia, I-II	Антология литературы финно-угорских народов, I–II	Kristiina Ehin, Jaan Kaplinski, Doris Kareva, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Hando Runnel, Arvo Valton	Anthologies	Sokrat		2006	Russia
110.	Maailma avastamine	Открытие мира	Jaan Kross	Short stories	Vene Kultuurikeskus	Elvira Mihailova, Svetlan Semenenko, Tatjana Verhoustinskaja	2006	Estonia
111.	Meelis	Мээлис: историческая повесть	Enn Kippel	Novels	Ilo	A. Tulik	2006	Estonia
112.	Loomine	Творчество	Martin Napa	Novels	Tuul ja Nool	Jelena Baljasnaja, Boris Baljasnõi	2006	Estonia
113.	Tallinn legendides	Таллинн в легендах	Jana Reidla	Travelogue	Grenader	Svetlana Karm	2006	Estonia

114.	Diplomaat ja mälu	Дипломат и память	Jaak Jõerüüt	Memoirs	Tuum	Elvira Mihhailova	2007	Estonia
115.	Kahekordne mäng	Двойная игра	Karl Ristikivi	Novels	Varrak	Ljudmila Simagina	2007	Estonia
116.	Lohe hambad. Rõõmulaul	Зубы дракона. Песнь радости	Karl Ristikivi	Novels	Aleksandra	Olga Nael	2007	Estonia
117.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2007	Russia
118.	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Эстонский писатель-шестидесятник. 1 сборник.	Jaan Kaplinski, Andres Ehin, Aino Pervik, Jüri Tuulik, Reine Saluri, Mats Traat, Viivi Luik, Ülo Tuulik, Paul-Eerik Rummo, Londa Ruud, Mati Unt, Li Seppel, Vaino Vahing, Aleksander Suuman, Arvo Valton	Anthology	Bri & Ko	Aleksander Kuropatkin, Irina Barabolya, Svetlana Emshanova, Yulia Barsukova, Marina Kuzmina, Igor Kotjuh, Tatyana Naiden, Inga Tammemets, Boriss Baljasnõi (ed.)	2007	Estonia
119.	Paula lõpetab lasteaia	Паула: выпускной в детском саду	Aino Pervik	Children's literature	Aleksandra	Sofia Petrosjan	2007	Estonia
120.		Сказки народов мира		Children’s literature	Eksmo		2007	Russia

121.	Viljandi	История культуры Вильянди	Aime Jõgi	Travelogue	Viljandi Maavalitsus	Vera Looga	2007	Estonia
122.	Kaelkirjak	Жираф	Andrus Kivirähk	Children's literature	KPD	Boris Tuch	2008	Estonia
123.	Rehepapp ehk november	Ноябрь, или, Гуменщик	Andrus Kivirähk	Novels	Aleksandra	Tatjana Verhoustinskaja	2008	Estonia
124.	Sipsik	Сипсик	Eno Raud	Children’s literature	KPD	Gennadi Muravin	2008	Estonia
125.	Rooma päevik	Римский дневник Каспара фон Шмерцбурга	Karl Ristikivi	Novels	L. Kokk	Ljudmila Simagina	2008	Estonia
126.	Sirli, Siim ja saladused	Сирли, Сийм и секреты	Andrus Kivirähk	Children's literature	KPD	Boris Tuch	2008	Estonia
127.	Suur must koer	Большая черная собака	Triinu Laan	Children’s literature	KITE	Igor Kotjuh	2008	Estonia
128.	Kolmas printsess	Третья принцесса	Kerttu Rakke	Novels	Vastus	Marina Tervonen	2008	Estonia
129.	Väikeste meeste lennumasinajutud	Рассказы о самолетах для маленьких мужчин	Urmas Nemvalts	Children’s literature	Grenader	Svetlana Luik	2008	Estonia
130.	Liisu	Лиису	Heiki Vilep	Children’s literature	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2008	Estonia
131.	Eesti lipu värviraamat	Эстонский флаг: книжка-раскраска	Jaanus Vaiksoo	Children’s literature	Koolibri		2008	Estonia
132.	Hingede öö	Ночь душ, или Посторонний	Karl Ristikivi	Novels	L. Kokk	Ljudmila Simagina	2009	Estonia

133.	Kolm reisi	Уроки Германии	Kalle Käsper	Short stories	Aleksandra	Gohar Markosjan-Käsper	2009	Estonia
134.	Kristiina, see keskmine	Кристийна, или легко ли быть средней сестрой	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Boris Tuch	2009	Estonia
135.	Leiutajateküla Lotte	Лотте из Деревни изобретателей	Andrus Kivirähk	Children's literature	Eesti Päevaleht	Marina Tervonen	2009	Estonia
136.	Limpa ja mereröövlid	Лимпа и пираты	Andrus Kivirähk	Children's literature	Varrak	Jelena Baljasnaja	2009	Estonia
137.	Ma armastasin venelast	Я любила русского	Maimu Berg	Novels	Vene Entsüklopeedia	Svetlan Semenenko	2009	Estonia
138.	Ma armastasin venelast	Я любила русского	Maimu Berg	Novels	Hroniker	Svetlan Semenenko	2009	Russia
139.	Millega mõõta põngerjatempe?	Чем измерить озорство?	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Mihhail Jasnov	2009	Estonia
140.	Miriami lood	Истории Мириам	Leelo Tungal	Children's literature	Eesti Päevaleht	Marina Tervonen	2009	Estonia
141.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2009	Russia

142.	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Эстонский писатель-шестидесятник. 2 сборник.	Nikolai Baturin, Teet Kallas, Helgi Muller, Hando Runnel, Leelo Tungal, Viivi Luik, Paul-Eerik Rummo, Arvi Siig, Toomas Vint, Enn Vetemaa	Anthology	Bri & Ko	Natalia Vershinina, Yana Gorbenko, Irina Melyakova, Yulia Barsukova, Dmitry Kotjuh, Maria Unt, Yulia Gerasimova	2009	Estonia
143.	Punane elavhõbe	Красная ртуть	Andres Anvelt	Novels	Eesti Päevaleht	Roosa Anvelt, Marina Tervonen	2009	Estonia
144.	Mudilane Mummu ja tema perekond	Малыш Горошка и его семья	Kätlin Vainola	Children's literature	Oma Pere	Igor Kotjuh	2009	Estonia

145.	Kaamel, Pärast suurt külma, Baltic Dream; 'Estonian Dream', Külma kondid, Vürst, Kunstnik Jaagup, Armastus raamatu vastu	Эстонские писатели на страницах «ДН»	Jaan Kross, Emil Tode, Arvo Valton, Andrus Kivirähk, Maimu Berg, Jaak Jõerüüt, Jaan Undusk, Doris Kareva, Hando Runnel, Kivisildnik, Jürgen Rooste, Andra Teede, Jan Kaus, Boris Tuch, Rein Veidemann	Anthologies	Druzhba narodov	Nelli Abašina-Melts, Elvira Mihhailova, Jelena Pozdnjakova, Svetlan Semenenko, Jelen Kallonen, Larissa Joonas, Marina Tervonen, P.I. Filimonov, Igor Kotjuh, Lena Bljum	2009	Russia
146.	Vabadus ja armastus	Свобода и любовь: эстонские вариации	Reet Kudu	Novels	Absurdum Art	Boris Tuch	2009	Estonia
147.	Valge paat	Белая лодка	Tõnu Kallas	Novels	Aleksandra	Boris Tuch	2009	Estonia
148.	Mardileib	Мартов хлеб	Jaan Kross	Novels	Vene Entsüklopeedia	Olga Samma	2009	Estonia
149.	Tulest tulnud	Пройдя сквозь огонь	Tiit Veeber	Memoirs	Wellesto	Aleksander Pashkov, Marina Raudar	2009	Estonia
150.	Barni ja šokolaadijõe saladus	Барни и тайна шоколадной реки	Tanel Kuningas	Children's literature	Baltic FCB	Oksana Bondar	2009	Estonia

151.	Kaka ja kevad	Весна и какашка	Andrus Kivirähk	Children's literature	Varrak	Tatjana Verhoustinskaja	2010	Estonia
152.	Kasper ja viis tarka kassi	Каспер и пять умных кошек	Kristiina Kass	Children's literature	KPD	Maia Melts	2010	Estonia
153.	Käru-Kaarel	Каарел с тележкой	Kristiina Kass	Children's literature	Kite	Igor Kotjuh	2010	Estonia
154.	Lasnamäe lunastaja	Ласнамяэский мессия	Mari Saat	Novels	Aleksandra	Tatjana Teppe	2010	Estonia
155.	Seltsimees laps ja suured inimesed	Товарищ ребенок и взрослые люди: еще одно повествование о «нашем счастливом детстве»	Leelo Tungal	Novels	KPD	Gennadi Muravin	2010	Estonia
156.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2010	Russia
157.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2010	Russia
158.	Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Книга 1, книга 2	Eno Raud	Children's literature	Nigma	Leo Vaino	2010	Russia
159.	Sigtuna väravad	Сигтунские врата	Karl Ristikivi	Novels	KPD	Ljudmila Simagina	2010	Estonia
160.	Tõrjutud mälestused	Отвергнутые воспоминания	Imbi Paju	Memoirs	Eesti Entsüklopeedia	Svetlana Karm	2010	Estonia
161.	Tuli ja raud	Огонь и железо	Karl Ristikivi	Novels	Pegasus	Ljudmila Simagina	2010	Estonia

162.	Robot Robin saab südame	Робот Роберт получил в подарок сердце	Hille Karm	Children's literature	Ajakirjade Kirjastus	Tatjana Teppe	2010	Estonia
163.		Реабилитация настоящего. I Международный открытый фестиваль современной драматургии. Сборник пьес	Jaan Undusk	Anthologies	Natsionalnaya teatralno-tvorcheskaya associacia	Boris Tuch	2010	Russia
164.	Võlusõna	Волшебное слово: детский альманах	Ljudmila Glushkovskaja (ed.)	Children's literature	Vene Entsüklopeedia		2010	Estonia
165.	Sipsik	Сипсик	Eno Raud	Children's literature	Tammerraamat	Gennadi Muravin	2010	Estonia
166.	Hirm	Страх	Heiki Vilep	Novels	A-Disain	Jelena Baljasnaja, Boriss Baljasnõi	2010	Estonia
167.	Kadunud jõulud	Пропавшее рождество	Heiki Vilep	Novels	A-Disain	Jelena Baljasnaja, Boriss Baljasnõi	2010	Estonia
168.	Eesti lipu värviraamat	Эстонский флаг: книжка-раскраска, второе издание	Jaanus Vaiksoo	Children's literature	Koolibri		2010	Estonia

169.	Arabella, mereröövli tütar	Арабелла - дочь пирата	Aino Pervik	Children's literature	Tänapäev	Olga Nael	2011	Estonia
170.	Öölaul meeshäälele	Ночная песня для мужского голоса	Juhan Viiding	Poetry	Varrak	Jelena Skulskaja	2011	Estonia
171.	Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2011	Russia
172.	Kirjad pääsukestele	Письма ласточкам	Asta Põldmäe	Short stories	Eesti Kultuurikeskus „Vene Entsüklopeedia“	Marina Tervonen	2011	Estonia
173.	Kirjutajad. Seisab üksi mäe peal	Рукопись, найденная в Веймаре (Рукопись, найденная в Веймаре; Мадам Паресссез; Тартуский дух; Игрушечный писатель)	Maimu Berg	Novels	KPD	Boris Tuch	2011	Estonia
174.	Kuukujuline kõrvits	Тыкволунье	Eno Raud	Children's literature	KPD	Mihhail Jasnov	2011	Estonia
175.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2011	Russia
176.	Naksitrallid. I, II	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2011	Russia

177.	Naljatilgad lähevad laulupeole	Пошли смешинки на Певческий праздник	Leelo Tungal	Children's literature	Menu	Tatjana Aleksandrova	2011	Estonia
178.	Nukkude teater	Камень времени и кукольный театр мастера Мозера	Mihkel Ulman	Children's literature	Avenarius	Vitali Belobrovtsev	2011	Estonia
179.	Paula lood	Паула	Aino Pervik	Children's literature	Aleksandra	Sofia Petrosjan	2011	Estonia
180.	Eesti lipu värviraamat	Эстонский флаг: книжка-раскраска, третье издание	Jaanus Vaiksoo	Children’s literature	Koolibri		2011	Estonia
181.	Jänku Jussi Ohutuskaardid. Teine osa	Истории зайчонка Юсся, вторая часть	Janika Leoste	Children’s literature	Lasteveeb	Marina Tervonen	2011	Estonia
182.	Jänku Jussi Ohutuskaardid. Kolmas osa	Истории зайчонка Юсся, третья часть	Janika Leoste	Children’s literature	Lasteveeb	Marina Tervonen	2011	Estonia
183.	Petra lood	Истории про Петру	Kristiina Kass	Children's literature	KPD	Maia Melts	2011	Estonia
184.	Ahvid ja solidaarsus	Обезьяны и солидарность	Maarja Kangro	Short stories	KPD	Marina Tervonen	2012	Estonia
185.	Barbara ja suvekoerad	Барбара и летние собаки	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Lena Bljum	2012	Estonia
186.	Barbara ja sügiskoerad	Барбара и осенние собаки	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Lena Bljum	2012	Estonia

187.	Ernesto küülikud	Эрнесто и его кролики	Piret Raud	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2012	Estonia
188.	Isa voodi all	Отец под кроватью	Hugo Ader	Children's literature	Vagu; Standartų Spaustuvė	Martin Šutting	2012	Estonia, Lithuania
189.	Kuus monoloogi raha asjus	Шесть монологов о деньгах	Andrus Kivirähk	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2012	Estonia
190.	Möbiuse leht. E-raamat	Лист Мебиуса (E-book)	Enn Vetemaa	Novels	Harte	Aleksandr Tomberg	2012	Estonia
191.	Mereröövlimäng	Игра в пиратов	Sass Henno	Children's literature	Kite	P.I. Filimonov	2012	Estonia
192.	Minevik kui helesinised mäed. Ivan Orava mälestused	Былое как голубые горы. Мемуары Ивана Орава	Andrus Kivirähk	Memoirs	Aleksandra	Tatjana Verhoustinskaja	2012	Estonia
193.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2012	Russia
194.	Rahvusvaheline mees	Международный человек	Mihkel Mutt	Novels	Eesti Päevaleht	Elvira Mihhailova	2012	Estonia
195.	Samet ja saepuru ehk Seltsimees laps ja kirjatähed	Бархат и опилки, или товарищ ребёнок и буквы	Leelo Tungal	Memoirs	KPD	Gennadi Muravin	2012	Estonia

196.	Seiklus Salamandril, ehk, Morten Viksi uskumatud juhtumised lollide laevas	Мортен на корабле дураков	Kaspar Jancis	Children's literature	Menu	Ilona Kings	2012	Estonia
197.	Seltsimees laps ja suured inimesed	Товарищ ребенок и взрослые люди: еще одно повествование о "нашем счастливом детстве"	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Gennadi Muravin	2012	Estonia
198.	Semud, sellid	Пушистые проказники	Karl Ristikivi	Children's literature	KPD	Boris Tuch	2012	Estonia
199.	Tere, Volli!	Привет, Волли!	Ilmar Tomusk	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2012	Estonia
200.	Vana Toomase legend: üks äraütlemata põnew luggu	Легенда о Старом Тоомасе: несказанно увлекательная история	Gert Helbemäe	Short stories	Grenader	Boris Tuch	2012	Estonia
201.	Varastatud aja lõpus	В конце украденного времени	Peeter Helme	Novels	Kite	Igor Kotjuh	2012	Estonia
202.	Jänku Jussi Ohutuskaardid	Истории зайчонка Юсся	Janika Leoste	Children’s literature	Lasteveeb	Marina Tervonen	2012	Estonia
203.	Jänku Jussi Ohutuskaardid. Kolmas osa	Истории зайчонка Юсся, третья часть	Janika Leoste	Children’s literature	Lasteveeb	Marina Tervonen	2012	Estonia

204.	Jalutuskäigud muusaga	Прогулки с музой. Хрестоматия	Ljudmila Glushkovskaja (ed.)	Children's literature	Vene Entsüklopeedia		2012	Estonia
205.	Presidendi torukübar	Цилиндр президента	Ülo Pikkov	Children's literature	Silmviburlane	Marina Tervonen	2012	Estonia
206.	Kuus monoloogi raha asjus	Шесть монологов о деньгах	Andrus Kivirähk	Essays	KPD	Vera Prohorova	2012	Estonia
207.	Vahva Toomas: Vana Toomase legend	Храбрый Тоомас: легенда старого Таллинна, история о маленьком храбром мальчике, который вырос и стал спасителем города Таллинна во время Ливонской войны	Tiia Mets	Children's literature	Päike ja pilv	Olga Titova	2012	Estonia
208.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода: кошки-мышки	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2012	Russia
209.	Kreete	Грета	Kätlin Vainola	Children's literature	Sotsiaalministeerium		2012	Estonia
210.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2013	Russia
211.	Autoportree naise ja hobusega	Автопортрет с женой и лошадью	Mart Kivastik	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2013	Estonia

212.	Viis vaba kutsikat	Пятёрка ничейных щенков	Mare Müürsepp	Children's literature	Argo	Natalja Maltseva-Zamkovaja	2013	Estonia
213.	Direktor	Директор: история приватизации одного рынка	Andres Anvelt	Novels	Randvelt Kirjastus	Vitali Belobrovtsev	2013	Estonia
214.	Ebatavaline ja ähvardav loodus	Волшебный и грозный мир природы: рассказы	Mehis Heinsaar	Short stories	Kite	P.I. Filimonov	2013	Estonia
215.	Imede saar	Остров чудес	Karl Ristikivi	Novels	KPD	Nikolay Karayev	2013	Estonia
216.	Kõrvetavate silmade juhtum. Eesti novell 2000-2012	Казус пристального взгляда: эстонская новелла 2000–2012	Mehis Heinsaar, Maarja Kangro, Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Jaan Kruusvall, Viivi Luik, Rein Põder, Asta Põldmäe, Aive Raudkivi, Tarmo Teder, Mats Traat, Ülo Tuulik, Arvo Uustalu, Arvo Valton, Rein Veidemann,	Short stories	Aleksandra, Oktopus	Nelli Abašina-Melts	2013	Estonia, Russia

			Sirje Vihma-Normet, Toomas Vint, Tõnu Õnnepalu, Ervin Õunapuu			P. I. Filimonov, Albina Ilm, Natalja Kalaus, Maia Melts, Jelena Pozdnjakova, Vera Prohorova, Svetlan Semenenko, Tatjana Teppe, Ain Toots, Boris Tuch, Tatjana Verhoustinskaja, Irina Zolotõh		
217.	Kuidas töötada presidendina	Как работать президентом	Aino Pervik	Children's literature	KPD	Lena Bljum	2013	Estonia
218.	Lihtsalt ime! Luuletusi lastele	Просто чудо! Стихи для детей (EST: RUS)	Mihhail Jasnov, Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Mihhail Jasnov, Leelo Tungal	2013	Estonia
219.	Mere ja maa vahel. Baltikumi autorite lasteluulet	Между морем и землей	Leelo Tungal	Anthologies	Grif	Mikhail Jasnov	2013	Russia

220.	Paula lood	Паула: продолжение	Aino Pervik	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2013	Estonia
221.	Pilet Kalaabriasse	Билет в Калабрию	Mehis Heinsaar	Short stories	Vene Entsüklopeedia	Vera Prohorova	2013	Estonia
222.	Sillamäe passioon	Страсти по Силламяэ	Andrei Hvostov	Memoirs	Kite	P. I. Filimonov	2013	Estonia
223.	Tantsiv kaamel	Танцующий верблюд (EST: RUS)	Ilmar Trull	Children's literature	BRI & Ko	Boriss Baljasnõi	2013	Estonia
224.	Vanad muinasjutud täiskasvanutele	Старые сказки для взрослых	Andrus Kivirähk	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2013	Estonia
225.	Varastatud oranž jalgratas	Украденный оранжевый велосипед	Mika Keränen	Children's literature	Kite	Maria Einman	2013	Estonia
226.	Sipsik	Сипсик	Eno Raud	Children’s literature	Rosmen	Gennadi Muravin	2013	Russia
227.	Printsessi mõrv Koluvere lossis	Убийство принцессы в замке Колувере	Hinge Kaljund	Novels	Kanopus	Boris Tuch	2013	Estonia
228.	Vürst Gabriel ehk Pirita kloostri viimsed päevad	Последняя реликвия	Eduard Bornhöhe	Novels	Knizhnyi Dom	n/a	2013	Belarus
229.	Naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода	Eno Raud	Children's literature	Astrel/AST	Leo Vaino	2014	Russia

230.	Õnneliku lõpuga lood	История со счастливым концом	Toomas Vint	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2014	Estonia
231.	Vend	Брат	Rein Raud	Novels	BRI & Ko	Jelena Baljasnaja	2014	Estonia
232.	Jutte loomadest	Рассказы о животных	Jaan Rannap	Children's literature	KPD	Marina Tervonen	2014	Estonia
233.	111 sammu Juhan Liiviga	111 ступеней с Юханом Лийвом	Juhan Liiv, Vladislav Sumarok	Poetry	Rotulus	Malle Peiker, Vladislav Sumarok	2014	Estonia
234.	Pints ja Tutsik. Esimene raamat	Пинтс и Тутсик. I часть	Aidi Vallik	Children's literature	BRI & Ko	Jelena Baljasnaja	2014	Estonia
235.	Ingeri kuningas	Король Ингермандандии	Arnold Aru	Play	Gjol	Antti Pükkenen	2014	Russia
236.	Klabautermanni mure	Морские приключения и заботы корабельного гнома Клабаутермана	Aino Pervik	Children's literature	KPD	Lena Bljum	2014	Estonia
237.	Tähtsad asjad	Важные вещи	Piia Ausman	Children's literature	Haus Galerii	Jelena Skulskaja	2014	Estonia
238.	Konna musi	Поцелуй лягушку!	Andrus Kivirähk	Children's literature	Varrak	Nelli Abašina-Melts	2014	Estonia
239.	Kunksmoor	Баба-Мора	Aino Pervik	Children's literature	Tammerraamat	Tatjana Teppe	2014	Estonia

240.	Pokuraamat	Поки: сказочная повесть	Edgar Valter	Children's literature	Rosmen	Tatjana Teppe	2014	Russia
241.	Kuraditosin kratijuttu	Чёртова дюжина историй про Домовёнка	Heli Illipe-Sootak	Children's literature	Tiritamm	Maia Melts	2014	Estonia
242.	Pörkölt	Перкёльт	Heli Illipe-Sootak	Children's literature	Tiritamm	Maia Melts	2014	Estonia
243.	Mees, kes teadis ussisõnu	Последний, кто знал змеиную молвь	Andrus Kivirähk	Novels	Aleksandra / Oktopus	Tatjana Verhoustinskaja	2014	Estonia, Russia
244.	Pannjärve imelikud lood	Удивительные истории Паннъярве	Jaanis Kert	Travelogue	J. Kert		2014	Estonia
245.	Siil Felix	Ёжик Феликс	Leelo Tungal	Children's literature	KPD	Mihhail Jasnov, Aleksander Kesa	2014	Estonia
246.	Must tomat	Черный помидор	Maarja Kangro	Poetry	Kite	P. I. Filimonov, Igor Kotjuh, Andrei Sen-Senkov	2014	Estonia
247.	Minu Narva: kahe maailma vahel	Моя Нарва: между двух миров	Katri Raik	Travelogue	Petrone Print	Kristina Verbitskaja, Jelena Rutte	2014	Estonia
248.	Natuke napakad lood	Чудные истории	Piret Raud	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2014	Estonia
249.	Väiksed romaanid. Kirsioks. Ravitseja	Маленькие романы. Вишневая ветка. Лекарь	Arvo Valton	Novels	KPD	Vera Prohorova	2014	Estonia

250.	Eesti album, ehk, Mitte kõik ei ole veel kaotatud	Эстонский альбом, или Ещё не всё потеряно	Svetlan Semenenko	Poetry	Ilo	Svetlan Semenenko	2014	Estonia
251.	Novellid	Дебил	Armin Kõomägi	Short stories	Eesti Kultuurikeskus Vene entsüklopeedia	Vera Prohorova	2014	Estonia
252.	Nukitsamees	Мальчик с рожками	Oskar Luts	Children's literature	Rosmen	Svetlan Semenenko	2014	Russia
253.	Aforismid ja miniatuurid	Афоризмы и миниатюры	Arvo Valton	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2015	Estonia
254.	Ülikond	Костюм	Mehis Heinsaar	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2015	Estonia
255.	Eesti rahva muinasjutte lindudest ja loomadest	Эстонские народные сказки о птицах и животных	August Jakobson	Children's literature	KPD	Leon Tomm	2015	Estonia
256.	Hea firma	Хорошая фирма	Armin Kõomägi	Novels	Aleksandra	Vera Prohorova	2015	Estonia
257.	Kooparahvas läheb ajalukku	Народ пещеры уходит в историю	Mihkel Mutt	Novels	Fabian	Elvira Mihhailova	2015	Estonia
258.	Lepatriinu ja Pingviin	Божья коровка и Пингвин	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2015	Estonia

259.	Lugu väikesest tammepuust, vihast ja varesest	Рассказ о дубке, злости и вороне	Juhani Püttsepp	Children's literature	Tähtvere Avatud Naistekeskus		2015	Estonia

260.	Magazine Октябрь, No 9, Baltic Literature	Октябрь: БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии	Nelli Abašina-Melts, Janar Ala, Boris Baljasnõi, P. I. Filimonov, Ljudmila Glushkovskaja, Sveta Grigorjeva, Mehis Heinsaar, Andrei Hvostov, Larissa Joonas, Kätlin Kaldmaa, Kirke Kangro, Maarja Kangro, Jaan Kaplinski, Nikolai Karayev, Jan Kaus, Andrus Kivirähk, Igor Kotjuh, Armin Kõomägi, Valdur Mikita, Jürgen Rooste, Olesja Rotar, Jelena Skulskaja, Andra Teede, Urmas Vadi, Berk Vaher, Arvo Valton, Juhan Viiding	Anthologies	Magazine Oktyabr, No 9, Baltic Literature		2015	Russia

261.	Marie Under. Elu ja luule	Марие Ундер: жизнь и поэзия: биография	Sirje Kiin	Biography	Tartu Ülikooli Kirjastus	Igor Kotjuh, Marina Tervonen, Boris Tuch	2015	Estonia
262.	Marta varbad	Малышка Марта	Epp Petrone	Children's literature	Petrone Print	Maia Melts	2015	Estonia
263.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Книга 1, книга 2	Eno Raud	Children's literature	Nigma	Leo Vaino	2015	Russia
264.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Книга 3, книга 4	Eno Raud	Children's literature	Nigma	Leo Vaino	2015	Russia
265.	Nõianeiu Nõbinina	Курноска на метле	Kristiina Kass	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2015	Estonia
266.	Sinine liblikas	Синяя бабочка: сказочные повести	Karl Ristikivi	Children's literature	Kite	Ljudmila Simagina	2015	Estonia
267.	Tselluloos (EST: RUS)	Целлюлоза	P. I. Filimonov, Katrin Väli	Poetry	Kite	P. I. Filimonov, Katrin Väli	2015	Estonia
268.	Tund enne igavikku	Вечный университет: роман в трех действиях	Rein Veidemann	Novels	KPD	Marina Tervonen	2015	Estonia
269.	Juku, sääsk ja elevant: 444 lasteanekdooti loomariigist	Юку, комар и слон: 444 детских анекдота про животных	Leelo Tungal	Children’s literature	Tammerraamat	Juta Vinver	2015	Estonia

270.	Arkaadia öö	Аркадская ночь	Rein Veidemann	Short stories	Vene Entsüklopeedia	Svetlan Semenenko, Marina Tervonen	2016	Estonia
271.	Karneval ja kartulisalat	Карнавал и картофельный салат	Andrus Kivirähk	Children's literature	Varrak	Tatjana Verhoustinskaja	2016	Estonia
272.	Kas Putin on vepslane	О финно-угорских народах и в шутку, и всерьез	Jaak Prozes	Essays	Argo	Ljudmila Simagina	2016	Estonia
273.	Kass ja kinopilet	Признания Сказочника: как это было на самом деле	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2016	Estonia
274.	Lui Vutoon	Луи Вутон	Armin Kõomägi	Novels	Super Izdatelstvo	Vera Prohorova	2016	Russia
275.	Maailma otsas. Pildikesi heade inimeste elust	На краю света: картинки из жизни хороших людей	Andrus Kivirähk	Novels	Aleksandra; Oktopus	Tatjana Verhoustinskaja	2016	Estonia, Russia
276.	Mõned kummalised naised	16 загадочных женщин	Toomas Vint	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2016	Estonia
277.	Minu kodu on Eestimaa	Эстония – мой дом	Tiia Toomet	Children's literature	Tammerraamat	Tatjana Teppe	2016	Estonia
278.	Pokuraamat. Pokulood	Поки и все-все-все	Edgar Valter	Children's literature	Rosmen	Tatjana Teppe	2016	Russia

279.	Rekonstruktsioon	Реконструкция	Rein Raud	Novels	KPD	Nikolay Karayev	2016	Estonia
280.	Uued pilved, 3-4 2016	Новые облака, 3-4 2016	Mehis Heinsaar, Kätlin Kaldmaa, Maarja Kangro, Indrek Koff, Peeter Sauter	Anthologies	Oblaka	Maria Einman, P. I. Filimonov, Igor Kotjuh	2016	Estonia
281.	Võsa, aas ja mägi	Чаща, поле и гора	Jüri Arrak	Essays	Ilmamaa	Ljudmila Simagina	2016	Estonia
282.	Mati Palm: slancio della voce	Мати Пальм: slancio della voce	Allan Vurma	Memoirs	Aleksandra, Kompozitor	Boris Tuch	2016	Estonia, Russia
283.	Hiir, kes oskas võõraid keeli	Мышка, знавшая иностранные языки	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2017	Estonia
284.	Kolmanda A kriminalistid	Криминалисты из третьего А	Ilmar Tomusk	Children's literature	Aleksandra	Nelli Kotova, Maia Melts	2017	Estonia
285.	Kriminaalsed viineripirukad	Криминальные пирожки с сосисками: криминалисты из четвёртого А	Ilmar Tomusk	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2017	Estonia

286.	Kuidas meil asjad käivad	Как у нас идут дела	Anti Saar	Children's literature	KPD	Jüri Rebane	2017	Estonia
287.	Kus on tuukri koduke?	Дядя Отто и Рак Ракович	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Mihhail Jasnov	2017	Estonia
288.	Lotte reis lõunamaale	Путешествие Лотты в тёплые края	Andrus Kivirähk	Children's literature	Eesti Joonisfilm	Nelli Abašina-Melts, Irina Meljakova	2017	Estonia
289.	Novellid	Игры времени	Arvo Valton	Short stories	Eesti Kultuurikeskus Vene entsüklopeedia	Vera Prohorova	2017	Estonia
290.	Nukitsamees ja teised eesti muinasjutud	Мальчик с рожками и другие эстонские сказки	Oskar Luts	Children's literature	KPD	Svetlan Semenenko, Tatjana Teppe	2017	Estonia
291.	Paradiis	Рай	Tõnu Õnnepalu	Novels	KPD	Boris Tuch	2017	Estonia
292.	Pints ja Tutsik. Teine raamat	Пинтс и Тутсик. II часть	Aidi Vallik	Children's literature	BRI & Ko	Jelena Baljasnaja	2017	Estonia
293.	Taaniel Teine	Даниил Второй	Kadri Hinrikus	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2017	Estonia
294.	Inimene ja kõrvits	Человек и тыква	Jüri Kolk	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2017	Estonia
295.	Buridanid	Буриданы	Kalle Käsper	Novels	Avenarius	Gohar Markosjan-Käsper	2017	Estonia
296.	Teed	Дороги	Uno Schultz	Poetry	Vene Entsüklopeedia	Linda Laur	2017	Estonia

297.	Murri	Мурри	Silje Soveti	Children’s literature	S. Tomifejeva		2017	Estonia
298.	Hirm ja iha	Страх и желание	Mats Traat	Novels	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	Ljudmila Simagina	2018	Estonia
299.	Ime	Чудо	Kalle Käsper, Gohar Markosjan-Käsper	Anthologies	EKSMO	Aleksei Purin	2018	Russia
300.	Ülemiste vanake	Старец из озера Юлемисте	Arvo Valton	Novels	KPD	Aleksey Turovsky	2018	Estonia
301.	Jääpurikas, murelik piim ja teised tüübid	Сосулька, беспокойное молоко и другие	Aino Pervik	Children's literature	KPD	Lena Bljum	2018	Estonia
302.	Kõik on kõige targemad	Все мы умники	Contra (Margus Konnula)	Children's literature	Bri & Ko	Boriss Baljasnõi	2018	Estonia
303.	Lugu hiirest, kellel polnud kelku	Мышонок, у которого не было санок	Kadri Lepp	Children's literature	Nigma	Darya Nalepina	2018	Russia
304.	Meie Eesti	Наша Эстония	Epp Petrone	Children's literature	Petrone Print	Maia Melts	2018	Estonia
305.	Minu kevad	Моя весна	Marie Under	Poetry	Aleksandra	Marina Tervonen	2018	Estonia
306.	Moemaja	Дом моды	Maimu Berg	Memoirs	KPD	Vera Prohorova	2018	Estonia

307.	Orpheuse laule	Песни Орфея	Kalle Käsper	Poetry	Zvezda (Magazine)	Aleksei Purin	2018	Russia
308.	Tartu tähestik ehk Tarto maine ja taevane trükis	Загадки Тарту	Valdur Mikita	Travelogue	Tartu Linnavalitsus	Igor Kotjuh	2018	Estonia
309.	Täiusliku lause surm	Смерть идеальной фразы	Rein Raud	Novels	KPD	Nikolay Karayev	2018	Estonia
310.	Tobias ja teine B	Тобиас и второй Б	Piret Raud	Children's literature	Koolibri	Jelena Baljasnaja	2018	Estonia
311.	Vene veri	Русская кровь	Kai Aareleid	Novels	Eesti Kultuurikeskus, Vene Entsüklopeedia	Vera Prohorova	2018	Estonia

312.	Märjamaa legend: ehk lugu sündmustest, mis toimusid Läänemaal Liivi sõja ajal aastatel 1560-1574	Мярьямааская легенда: повествование о событиях, имевших место в Ляэнемаа во время Ливонской войны в годы 1560-1574	Arvo Valton	Novels	KPD	Boris Tuch	2018	Estonia
313.	Elli kirjad	Письма Элли	Pille Arnek	Children's literature	Avita	Mariina Tirinen	2018	Estonia

314.	Piraadipoiss Peedu ja Hambaämblik, ehk, Lugu sellest, kuidas ka mereröövlil võivad olla terved hambad	Пиратик Пеэду и Паук-Дантист, или История о том, как морскому пирату удалось сохранить здоровые зубы	Britta Jürgenson	Children's literature	Helios	Vera Looga	2018	Estonia
315.	Palgasõdur	Наемник нашего времени	Kalle Klandorf	Novels	Cellarius	Ain Toots	2018	Estonia
316.	Narva neitsi	Нарвская дева	Lydia Koidula	Poetry	Lauluklubi Ehno	Mikhail Rumyantsev, Maria Rumyantseva	2018	Estonia
317.	Rahvamuinasjutud	Старинные эстонские народные сказки	Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children's literature	Rech		2018	Russia
318.	Elu algab kümneselt	В десять лет начинается жизнь	Reet Kudu	Children's literature	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2018	Russia
319.	Eesti 100. I, Reformid Eestis	Эстония 100. I, Реформы в Эстонии	Henn Leetna	Novels	H. Leetna	Marianna Mägi	2018	Estonia
320.	See lustakas Katarina	Веселая Катарина	Kristina Ruder	Children's literature	Hea Tegu	Valeria Ostapchuk	2018	Estonia
321.	Luulekogu	Путешествуем, бываем	Jüri Talvet	Poetry	Center of innovation technologies	Jelena Vedernikova	2018	Russia

322.	Maa ja rahvas. Valgusepühad	Земля и народ = Land and people (Estonian: Russian: English)	Jaan Kaplinski, Karl Ristikivi	Poetry	Eesti Keele Sihtasutus	Jaan Kaplinski, Sergei Zavjalov	2019	Estonia
323.	Metsa pühapäev	Лесной воскресник	Edgar Valter	Children's literature	KPD	Tatjana Teppe	2019	Estonia
324.	Lennujaama lutikad ei anna alla	Клопиная книга. Обитатели аэропорта не сдаются	Kairi Look	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2019	Estonia
325.	Et head haldjad sind hoiaksid	Чтобы добрые феи хранили тебя	Kadri Hinrikus	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2019	Estonia
326.	Naisekäe puudutus ehk Seltsimees laps ja isa	Товарищ ребенок и папа	Leelo Tungal	Novels	KPD	Gennadi Muravin	2019	Estonia
327.	Natuke naljakad pildid	Немного забавные картинки	Edgar Valter	Children's literature	KPD	Tatjana Teppe	2019	Estonia
328.	Oskar ja asjad	Оскар и вещи	Andrus Kivirähk	Children's literature	KPD	Tatjana Verhoustinskaja	2019	Estonia
329.	Pokuraamat	Поки: сказочная повесть	Edgar Valter	Children's literature	Rosmen	Tatjana Teppe	2019	Russia
330.	Puuviljadraakon	Фруктовый дракон	Maarja Kangro	Children's literature	Aleksandra	Nelli Abašina-Melts	2019	Estonia

331.	Serafima ja Bogdan	Серафима и Богдан	Vahur Afanasjev	Novels	Vemsa OÜ	Vera Prohorova	2019	Estonia
332.	Tilda ja tolmuingel	Тильда и пылевичок	Andrus Kivirähk	Children's literature	Aleksandra	Tatjana Verhoustinskaja	2019	Estonia
333.	Öö jumalik enklaav	Ночь – мой божественный анклав	Kalle Käsper	Short stories	Zvezda	Aleksey Purin	2019	Russia
334.	Öökulli kutse jõe taga	Зов совы за рекой	Ilmar Vananurm	Poetry	Hilanamoro		2019	Estonia
335.	Minu Eesti seiklus	Приключение по моей Эстонии	Kätlin Vainola	Novels	Päike ja Pilv	Ija Labutina	2019	Estonia
336.	Villiam	Вильям	Heiki Vilep	Novels	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2019	Estonia
337.	Lugu lendavate taldrikutega	История с «Летающими тарелками»	Eno Raud	Children’s literature	Machaon	Gennadi Muravin	2019	Russia
338.	Ingeri tütar. Luigelaul	Дочь Ингрии. Лебединая песня	Maie Ojamaa	Novels	Ingermanlandia	Jelena Skulskaja	2019	Russia
339.	Vapper Koiott Oskar	Храбрый койот Оскар	Anna Maria Tammesaar	Children’s literature	Lasteraamat	Irina Koksharova	2020	Estonia

340.	Liivimaa Hannibal, või Päev Ivo Schenkenbergi elust	Ливонский Ганнибал, или День жизни Иво Шенкенберга	Arvo Valton	Novels	KPD	Vera Prohorova	2020	Estonia
341.	Nukitsamees ja teised eesti muinasjutud	Мальчик с рожками и другие эстонские сказки	Oskar Luts	Children's literature	KPD	Svetlan Semenenko, Tatjana Teppe	2020	Estonia
342.	Ma olen su luuletus. Eesti luulet Jelena Skulskaja tõlkes	Я – твое стихотворение. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской	Maarja Kangro, Jan Kaus, Juku-Kalle Raid	Anthologies	Kite	Jelena Skulskaja	2020	Estonia
343.	Kuidas õppida vaatama?	Смотри – и увидишь	Edgar Valter	Children’s literature	KPD	Tatjana Teppe	2020	Estonia
344.	Puulased ja tohtlased	Чурки да веники	Andrus Kivirähk	Short stories	Aleksandra	Tatjana Verhoustinskaja	2020	Estonia
345.	Täius	Само совершенство	Armin Kõomägi	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2020	Estonia

346.	Hõbevalge	Серебристо-белый путь Леннарта Мери	Lennart Meri	Biography	Aleksandra	Ain Toots, Grigori Trapido, Leivi Šer	2020	Estonia
347.	Lugu väikesest majast, kes tahtis olla kodu	История о домике, который искал себе жильцов	Piret Raud	Children's literature	Popurri	Jekaterina Matijevskaja	2020	Estonia
348.	Emajõe sinine veri	Голубая кровь Эмайыги	Lehte Heinsalu	Travelogue	s.n.	Marina Raudar	2020	Estonia
349.	Musta kassi naabrid. Teistmoodi liikluslood	Соседи черной кошки: забавные истории о дорожном движении	Indrek Koff	Children's literature	Maanteeamet		2020	Estonia
350.	Mina, Meg ja meie klass	Я, Мэг и наш класс	Tiina Laanem	Children's literature	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2020	Estonia
351.	Anna hambad	Сестричка Анечка	Epp Petrone	Children's literature	Petrone Print	Maia Melts	2020	Estonia
352.	Hüüdnimi Eestlane. I.	По прозвищу Эстонец. Часть первая	Harry Raudvere	Novels	Adepte	Vera Looga	2020	Estonia
353.	Tark ei torma tänaval	Умный не мчится по улице	Aidi Vallik	Children's literature	Maanteeamet		2020	Estonia
354.	Sipsik	Сипсик	Eno Raud	Children's literature	Tammerraamat	Gennadi Meravin	2020	Estonia

355.	Onu Mati, loomaarst	Дядя Мати, ветеринар	Priit Põhjala	Children's literature	Bri & Ko	Jelena Baljasnaja	2020	Estonia
356.	Pintselsabad	Хвостатые из Кистеляндии	Edgar Valter	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2020	Estonia
357.	Mina hoolin Eestist!	Я забочусь об Эстонии	Heli Illipe-Sootak	Children's literature	Päike ja Pilv	Ija Labutina	2020	Estonia
358.		Парадигма стрекогузки	Valdur Mikita	Essays	Aleksandra	Tatjana Verhoustinskaja	2021	Estonia
359.	Valged varesed	Белые вороны	Ene Hion	Novels	Aleksandra	Leivi Sher	2021	Estonia
360.	Tule tagasi, helmemänd	Вернись, янтарная сосна	Jaan Kaplinski	Poetry	Aleksandra	Jekaterina Velmezova	2021	Estonia
361.	Kogetud teosed – novellikogu	Я и моя муза	Kai Kask	Short stories	KPD	Vera Prohorova	2021	Estonia
362.	Elupiletiga Venemaalt: 99,99	Билет на двоих: из России в жизнь 99,99	Thavet Atlas	Novels	Sulemees	Marina Tervonen	2021	Estonia
363.	Sireen: romantiline tragöödia kahes osas	Сирена: романтическая трагедия в двух частях	Urmas Allik	Novels	Ankruvinn	Boris Tuch	2021	Estonia
364.	Väike karu otsib lund	Маленький мишка ищет снег	Maarja Astover	Children's literature	Mäepealse	Anna Ushakova	2021	Estonia

365.	Samueli võlupadi	Волшебная подушка Самуэля	Kristiina Kass	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2021	Estonia
366.	Kratitüdruk Krata aitab libahundikutsikat	Домовинка Крата помогает оборотненку	Evelin Kivimaa	Children's literature	Argo	Ivan Makarov	2021	Estonia
367.	Jah, ma armastan, kuid mitte inimesi	Да, я люблю, но не людей	Kalle Käsper	Poetry	Eesti Keele Sihtasutus	Aleksey Purin	2021	Estonia
368.	Londiste, õige nimega Vant	Хоботок по прозвищу Слоняйка: подарок ко дню рождения	Iko Maran	Children's literature	Kacheli	Tatjana Urbel	2021	Russia
369.	Mu vanaisa on murdvaras!	Мой дедушка – грабитель!	Priit Põhjala	Children's literature	Bri&Ko	Jelena Baljasnaja	2021	Estonia
370.	Kuidas mu isa endale uue naise sai	Как папа новую жену искал	Reeli Reinaus	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2021	Estonia
371.	Pannkoogid! Nalja ja naeruga	Блины! с шутками и прибаутками	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2021	Estonia
372.	Tont ja mannapuder. Viieküüruline kaamel ja teisi naljajutte	Манная каша и чертёнок: шутливые истории для детей	Markus Saksatamm	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2021	Estonia
373.	Minu tulevik Eestis: 40 vahvat ametit	Моё будущее в Эстонии: 40 замечательных профессий	Liis Sein	Children's literature	Päike ja Pilv	Ija Labutina	2021	Estonia

374.	Luulekogu	Вешалка вечности. Том 2	Triin Soomets	Poetry	Kite	Jelena Skulskaja	2021	Estonia
375.	Viimane vihim	Последний дождь	Mari Vallisoo	Poetry	L.Kokk	Ljudmila Kokk	2021	Estonia
376.	Pokuraamat	Поки	Edgar Valter	Children’s literature	KPD	Tatjana Teppe	2021	Estonia
377.	Pokulood	Поки и Пека	Edgar Valter	Children’s literature	KPD	Tatjana Teppe	2021	Estonia
378.	Piimaring	Молочный круг	Rein Veidemann	Novels	KPD	Marina Tervonen	2021	Estonia
379.	Pärt ja ploomid	Пярт и соседские сливы	Anti Saar	Children’s literature	Alpina Publisher	Valentina Veller	2021	Russia
380.	Pärt ja viimane koogitükk	Пярт и последний кусок торта	Anti Saar	Children’s literature	Alpina Publisher	Valentina Veller	2021	Russia
381.	Seisa siin, Pärt!	Стой тут, Пярт!	Anti Saar	Children’s literature	Alpina Publisher	Valentina Veller	2021	Russia
382.	Pärt läheb uuele ringile	Пярт проехал остановку	Anti Saar	Children’s literature	Alpina Publisher	Valentina Veller	2021	Russia
383.	Pärt ei oska saltot	Пярт не может прыгнуть сальто	Anti Saar	Children’s literature	Alpina Publisher	Valentina Veller	2021	Russia
384.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Книга 1, книга 2	Eno Raud	Children's literature	Nigma	Leo Vaino	2021	Russia
385.	Naksitrallid. Jälle need naksitrallid	Муфта, Полботинка и Моховая Борода. Книга 3, книга 4	Eno Raud	Children's literature	Nigma	Leo Vaino	2021	Russia
386.	Kuidas taluda Tartut	Как вынести Тарту	Vahur Afanasjev	Essays	Vemsa	Vera Prohorova	2022	Estonia

387.	Aeg puudutab tõde	Там время встречает истину	Argo Järve	Novels	A. Järve	Oleg Teplyakov	2022	Estonia
388.	Kratitüdruk Krata otsib näkkide kodu	Домовинка Крата ищет, где живут русалки	Evelin Kivimaa	Children's literature	Argo	Ivan Makarov	2022	Estonia
389.	Tont ja Facebook	Глюк и Фейсбук	Andrus Kivirähk	Children's literature	Varrak	Tatjana Verhoustinskaja	2022	Estonia
390.	Luulekogu	Волк на паперти: стихи	Toomas Liiv	Poetry	Kite	Jelena Skulskaja	2021	Estonia
391.	Hüüdnimi Eestlane. II.	По прозвищу Эстонец. Часть вторая	Harry Raudvere	Novels	Adepte	Rita Liivak	2022	Estonia
392.	Vanalinna detektiivid. Verega kirjutatud kirjad	Детективы старого Таллинна. Письма, написанные кровью	Reeli Reinaus	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2022	Estonia
393.	Vanalinna detektiivid. Mustpeade maalid	Детективы Старого Таллинна. Картины Черноголовых	Reeli Reinaus	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2022	Estonia
394.	Õilsad südamed	Благородные сердца, или Два друга из Флоренциии	Karl Ristikivi	Novels	Ludmila Simagina	Ludmila Simagina	2022	Estonia
395.	Maa jääb paigale	Сказ о Петре и Карле. Из истории Северной войны в Тартумаа	Arvo Valton	Novels	KPD	Vera Prohorova	2022	Estonia

396.	Vennad Luiged	Братья Луйк	Kalle Käsper	Novels	KPD	Leivi Sher	2022	Estonia
397.	Igaviku igavus: Valik esseid kirjandusest	Любовь и влечение: литературные эссе и заметки	Kalle Käsper	Essays	KPD	Kalle Käsper	2022	Estonia
398.	Vanalinna detektiivid 3. Neitsitorni meedium	Детективы Старого Таллинна. Медиум Девичьей башни	Reeli Reinaus	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2022	Estonia
399.	Ellen, Eik ja kilekoti mõistatus	Эллен, Эйк и загадка пакета	Kätlin Vainola	Children's literature	Eesti Pakendiringlus		2022	Estonia
400.	Taks ja dogi	Такса и Дог	Kadri Hindrikus	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2022	Estonia
401.	Pudelikorjaja käsiraamat	Руководство для собирающих бутылки	Merle Veesalu-Rand	Short stories	Rand Design	Helju Rebane	2022	Estonia
402.	Jutud on ilmunud ajakirjas "Täheke" aastatel 2005-2021	Сам умею я кататься	Kadri Hindrikus, Andrus Kivirähk, Kristiina Kass…	Children's literature	Aleksandra	Maia Melts	2022, 2023	Estonia
403.	Mina olin siin	Я был здесь. №1: первый арест	Henno Sass	Novels	Rahva Raamat	Boris Tuch	2022	Estonia
404.	Eesti rahvajutud	Эстонские народные сказки	Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children's literature	KPD	N. Kramer, E. Pozdnyakova, V. Rammo	2022	Estonia
405.	Juurtega aed	Чудесный сад	Piret Raud	Children's literature	Popurri	Ekaterina Matievskaya	2022	Belarus

406.	Kuidas minust ei saanud kirjanikku	10 более или менее невероятных историй о том, как я не стал писателем	Anti Saar	Children's literature	Bri & Ko	Jelena Baljasnaja	2022	Estonia
407.	Lindude ümberõppekeskus	Центр переподготовки птиц	Kristiina Tamm	Children's literature	Kristiina Tamm	Natalya Tselikova	2022	Estonia
408.	Kassike ja Kakuke	Котенок и Совенок	Edgar Valter	Children's literature	KPD	Tatjana Teppe	2022	Estonia
409.	Kunksmoor	Баба-Мора	Aino Pervik	Children's literature	KPD	Tatjana Teppe	2023	Estonia
410.	Jõe matmine. Eesti luule tõlgete antoloogia [4]	Похороны реки	Triin Paja, Kristjan Haljak, Andrus Kasemaa	Poetry	Kite	Jelena Skulskaja	2023	Estonia
411.	Mirtmärt loomapäästekamp	Команда Мирт-Мярт по спасению животных	Tiia Selli	Children's literature	BRI & Ko	Jelena Baljasnaja	2023	Estonia
412.	Kuidas mu isa uue töö sai	Как мой папа получил новую работу	Kristi Piiper	Children's literature	BRI & Ko	Jelena Baljasnaja	2023	Estonia
413.	Eestisse rändama!	Колесим по Эстонии!	Epp Petrone	Children's literature	Maxima Eesti, Petrone Print	Maia Melts	2023	Estonia
414.	Tulekandja. Muhumaa põnevik	Разносчик огня. Мухумааский триллер	Katrin Pauts	Novels	KPD	Vera Prohorova	2023	Estonia

415.	Kalevipoeg: Fr. R. Kreutzwaldi eepose järgi jutustanud E. Raud	Калевипоэг	Eno Raud, Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children's literature	KPD	Tatyana Urbel	2023	Estonia
416.	Politseiniku tütar	Дочь полицейского	Katrin Pauts	Novels	KPD	Vera Prohorova	2023	Estonia
417.	Ajalugu piltides. History in pictures. История в картинках	Ajalugu piltides. History in pictures. История в картинках (EST, ENG, RUS)	Virve Tuubel, Tõnno Jonuks, Anti Lillak, Siiri Taimla-Rannala, Liia Vijand, Piret Tänav	Children's literature	Eesti Rahva Muuseum		2023	Estonia
418.	Piia Pääänik kolib sisse	Пийа Пряник переезжает	Kairi Look	Children's literature	Koolibri	Jelena Baljasnaja	2023	Estonia
419.	Vanalinna detektiivid 4. Niguliste muumia ja nõiamärgid	Детективы Старого Таллинна. Мумия церкви Нигулисте и магические знаки	Reeli Reinaus	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2023	Estonia
420.	Pokuaabits	Поки и буквы	Edgar Valter	Children's literature	KPD	Tatjana Teppe	2023	Estonia
421.	Mitte ainult minu tädi Ellen	Не одна только моя тетя Эллен	Mudlum	Children's literature	KPD	Vera Prohorova	2023	Estonia
422.	Suur Tõll	Большой Тылль	Andrus Kivirähk	Children's literature	KPD	Tatjana Verhoustinskaja	2023	Estonia

423.	Peeter, sõpradele Peetrike	Пеэтер, для друзей Пеэтрике	Kairi Look	Children's literature	Koolibri	Jelena Baljasnaja	2023	Estonia
424.	Helmemänni varju all	Под тенью янтарной сосны	Jaan Kaplinski	Poetry	Aleksandra	Jekaterina Velmezova	2023	Estonia
425.	Pirita kloostri kummitus	Привидение из монастыря	Helen Käit	Children's literature	Randvelt Kirjastus	Maia Melts	2023	Estonia
426.	Hüüdnimi Eestlane. 3.	По прозвищу Эстонец. Часть третья	Harry Raudvere	Novels	Adepte	Rita Liivak	2023	Estonia

Appendix 2. Russian titles produced in Estonia in 1991-2023

№	Title	Author	Genre	Publisher	Year	Country
1.	Здравствуй, я тебя знаю! Рассказы голубого терьера	Aleksei Olgin	Children's literature	Detskaya literatura	1991	Russia
2.	Змеесос	Yegor Radov	Novels	Aleksandra	1992	Estonia
3.	Эстонские пословицы	Nyneshneva T.	Anthologies	Narva-F	1993	Estonia
4.	Разрыв-трава	Nil Nerlin	Poetry	Aleksandra	1994	Estonia
5.	Таллинские палачи	Andrei Shakhov	Novels	Avenarius	1994	Estonia
6.	Междуцарствие	Nil Nerlin	Poetry	Avenarius	1996	Estonia
7.	Кузнечик	Nil Nerlin	Poetry	Avenarius	1997	Estonia
8.	Настроение	Vasily Sazonov	Poetry	Avenarius	1997	Estonia
9.	Триглав	Nil Nerlin	Poetry	Avenarius	1998	Estonia
10.	Отрывные листки	Nil Nerlin	Poetry	Avenarius	1998	Estonia
11.	И все-таки море	Rostislav Titov	Novels	Avenarius, Aleksandra	1998	Estonia
12.	Вагон и маленькая тележка. Забавные рассказы	Aleksei Olgin	Children's literature	Aleksandra	1998	Estonia
13.	Кресник	Nil Nerlin	Poetry	Avenarius	1999	Estonia
14.	Стираются грани	Aarne Puu	Poetry	Ofycina Konfraterni Poetow	1999	Poland
15.	Иноречие	Nil Nerlin	Poetry	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2000	Estonia
16.	Однокрылый рояль. Рыбы спят с открытым ртом	Jelena Skulskaja	Novels	Antek	2000	Estonia

17.	Пенелопа	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	AST	2001	Russia
18.	Лики	Larissa Vanejeva	Novel	Diooptra	2001	Estonia
19.	Первая десятка современной русской литературы	Boris Tuch	Essays	Oniks 21 vek	2002	Russia
20.	Путеводитель по Серебряному веку: краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры	Boris Tuch	Essays	KPD	2002	Estonia
21.	Роман с театром: лирические очерки	Boris Tuch	Essays	Aleksandra	2002	Estonia
22.	Сон и другие мистические истории	Gohar Markosjan-Käsper	Short stories	KPD	2003	Estonia
23.	Горячая десятка эстонских писателей: эстонская литература второй половины XX — начала XXI века	Boris Tuch	Essays	KPD	2004	Estonia
24.	Елена	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	K&G	2004	Estonia
25.	Палимпсесты	Denis Kuzmin	Poetry	Avenarius	2005	Estonia
26.	Когда наступит завтра?	Igor Kotjuh	Poetry	Huma	2005	Estonia
27.	Ева на шесте	Jelena Skulskaja	Poetry	Antek	2005	Estonia
28.	Кариатиды	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	K&G	2005	Estonia

29.	Письма к Ингрид, Бухара, Минарет Калян, Экскурсия. Маленькие трагедии. Диверсанты	Boris Krjatško	Novels	Eesti Kultuurikeskus "Vene Entsüklopeedia"	2006	Estonia
30.	Летнее перемирие	Dmitry Krasnov	Poetry	Eesti Kirjanduse Selts: Tuulelohe	2006	Estonia
31.	Муравейник	Irina Meljakova	Poetry	Eesti Kirjanduse Selts: Tuulelohe	2006	Estonia
32.	В осенних лесах	Arvo Mets	Poetry	n/a	2006	Russia
33.	Между раем и адом	Julia Chizh	Poetry	Aleksandra, Mobi Dik	2006	Estonia, Russia
34.	Пенелопа пускается в путь	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	K&G	2007	Estonia
35.	Лица	Nil Nerlin	Poetry	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2007	Estonia
36.	Зона неевклидовой геометрии	P.I. Filimonov	Novels	Tuulelohe	2007	Estonia
37.	Мантры третьего порядка	P.I. Filimonov	Poetry	Bookmill	2007	Estonia
38.	Углы - 114915: коллективный сборник поэтов лит-арт объединения	Denis Kuzmin, Dmitry Krasnov, Ligija Tenina, P.I. Filimonov, Nikita Dubrovin	Poetry	Miredita	2007	Estonia

39.	Воздушный змей: альманах / Tuulelohe - Воздушный змей (TVZ)	Igor Kotjuh (ed.)	Anthologies	Tuulelohe	2007	Estonia
40.	Со всеми, кем любим, кого люблю: стихи разных лет	Svetlan Semenenko	Poetry	Aleksandra	2008	Estonia
41.	Со всеми, кем любим, кого люблю	Svetlan Semenenko	Poetry	Ilo	2008	Estonia
42.	Вверх. Вниз	Nil Nerlin	Poetry	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2008	Estonia
43.	Попытка партнерства: стихи и ессемы 2004–2008	Igor Kotjuh	Poetry	Kite	2008	Estonia
44.	«Любовь» и другие рассказы о любви	Jelena Skulskaja	Short stories	Meie raamat	2008	Estonia
45.	Объяснение в любви: 150 стихотворений 18 русских поэтов Эстонии	Igor Kotjuh (editor)	Poetry	KITE	2009	Estonia
46.	Путешествие Ханумана на Лолланд	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2009	Estonia
47.	Здесь и там / Там и здесь: стихи 2005–2009 гг.	Tatjana Sigalova (Doxie)	Poetry	Bookmill	2009	Estonia
48.	Безумное малабарское чаепитие (Воздушный змей: Первый полет)	Nikolay Karayev	Poetry	Kite/Bookmill	2009	Estonia

49.	В Микенах, златом обильных	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	K&G	2009	Estonia
50.	Боги безрыбья	P.I. Filimonov	Poetry	P.I.Filimonov	2010	Estonia
51.	Реабилитация настоящего. I Международный открытый фестиваль современной драматургии. Сборник пьес	Jaan Undusk	Anthologies	Natsionalnaya teatralno-tvorcheskaya associatsiya	2010	Russia
52.	Стихи Александры Мухиной (четвертый сборник виршей)	Tatjana Sigalova (Doxie)	Poetry	Bookmill	2010	Estonia
53.	Отторжения: Тартуский сборник	Tatjana Sigalova (Doxie), Lyudmila Loginova	Poetry	Bookmill	2010	Estonia
54.	Групповой портрет с дамой в интерьере эстонской литературы	Boris Tuch	Essays	KPD	2010	Estonia
55.	Ухабы счастья: юмористические рассказы, притчи и прочее	Aleksei Olgin	Short stories	Revelex	2010	Estonia
56.	Путешествие Ханумана на Лолланд	Andrei Ivanov	Novels	AST/Astrel	2011	Russia
57.	Копенгага	Andrei Ivanov	Novels	KPD	2011	Estonia
58.	Триник и другие	Nil Nerlin	Novels	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2011	Estonia
59.	Анамор: два очень маленьких романа	Manya Nork (Tatjana Sigalova)	Short stories	Aleksandra / Alfapress	2011	Estonia

60.	Ночь в Сен-Клу	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2012	Estonia
61.	Эстонский дизайн: стихи 2009–2013	Igor Kotjuh	Poetry	KITE	2013	Estonia
62.	Харбинские мотыльки	Andrei Ivanov	Novels	Zvezda	2013	Russia
63.	Батискаф	Andrei Ivanov	Novels	EKSMO	2013	Russia
64.	Харбинские мотыльки	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2013	Estonia
65.	Самостояние: к 75-летию со дня рождения	Svetlan Semenenko	Essays, poetry	Aleksandra	2013	Estonia
66.	Белый корабль Ласнамяэ	Viktoria Ladynskaya	Novel	Kite	2014	Estonia
67.	Бизар	Andrei Ivanov	Novels	RIPOL Classic	2014	Russia
68.	Харбинские мотыльки/Горсть праха	Andrei Ivanov	Novels	AST	2014	Russia
69.	Народы перед зеркалом. Эссе. Статьи. Очерки	Jaan Undusk	Anthologies	Druzhba narodov – Kulturnaya revolutsiya	2014	Russia
70.	Оазис	Nil Nerlin	Poetry	Vene Entsüklopeedia	2014	Estonia
71.	Там, где я родилась	Nadezhda Katayeva-Valk	Memories	Dialoog	2014	Estonia
72.	Memento mori	Gohar Markosjan-Käsper	Novel	Avenarius	2014	Estonia
73.	Белые бабочки ночи	Jaan Kaplinski	Poetry	Kite	2014	Estonia
74.	Эй, Нарва!	Vladimir Cherdakov	Short stories	V.Tšerdakov	2014	Estonia

75.	Лунный круг (семь романов)	Nil Nerlin	Novels	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2015	Estonia
76.	Исповедь лунатика	Andrei Ivanov	Novels	AST	2015	Russia
77.	Исповедь лунатика	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2015	Estonia
78.	Мраморный лебедь	Jelena Skulskaja	Novels	Vremya	2015	Russia
79.	Берегите любимых: рассказы, были, юморески	Nikolay Ivanov	Short stories	Paar	2015	Estonia
80.	Пела, пока все не закончилось	P.I. Filimonov	Novel	Kite	2015	Estonia
81.	Наши мамы покупали вещи, чтобы не было войны	Jelena Skulskaja	Novels	Tortola: LitRes, Multimedia Publisher Strelbooks	2016	Russia
82.	Аргонавт	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2016	Estonia
83.	Память сердца: тебе, родная, посвящаю строки	Ljudmila Kolesnikova	Poetry	L.Kolesnikova	2017	Estonia
84.	Буду любить всегда	Ljudmila Kolesnikova	Poetry	L.Kolesnikova	2017	Estonia
85.	Естественно особенный случай: стихотворения в прозе	Igor Kotjuh	Poetry	KITE	2017	Estonia
86.	Здравствуй, я тебя знаю! Рассказы голубого терьера	Aleksei Olgin	Children’s literature	Melik-Pashayev	2017	Russia

87.	Печатный шар Расмуса Хансена: повесть, новеллы, эссе	Andrei Ivanov	Novels, essays	Avenarius	2017	Estonia
88.	Третье сердце: избранное	Nil Nerlin	Poetry	Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia	2017	Estonia
89.	Кодумаа	Larissa Joonas	Novel	Russky Gulliver	2017	Russia
90.	Улыбка Вегенера: книга стихов	Jaan Kaplinski	Poetry	Literature without borders	2017	Latvia
91.	Батискаф	Andrei Ivanov	Novels	EKSMO	2018	Russia
92.	Обитатели потешного кладбища	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2018	Estonia
93.	Любовь в русской литературе: двадцать четыре рассказа читателя	Jelena Skulskaja	Essays	Originaalne keskus	2018	Estonia
94.	Конец августа	Ilya Prozorov	Novels	Chaika (Magazine)	2018	Russia
95.	Порошковые огнетушители	P.I.Filimonov	Poetry	Kite	2018	Estonia
96.	Наши тени так длинны…	Jaan Kaplinski	Poetry	Novoyy literaturnoe obozreniye	2018	Russia
97.	Обитатели потешного кладбища	Andrei Ivanov	Novels	EKSMO	2019	Russia
98.	Untermensch: Моя разорванная часть	Andrei Ivanov	Novels	Nosorog Magazine	2019	Russia
99.	Пограничная любовь	Jelena Skulskaja	Novels	Originaalne keskus	2019	Estonia

100.	10 живых эстонских авторов	P.I.Filimonov	Essays	PLUG	2019	Estonia
101.	482	Ilya Prozorov	Novels	Chaika	2019	Russia
102.	Роман с театром – 2. XXI век	Boris Tuch	Essays	Aleksandra	2019	Estonia
103.	The isolation tapes: стихотворения и заметки	Igor Kotjuh	Poetry	Kite	2020	Estonia
104.	Поводырь	Mikhail Stalnuhhin	Novels	Argo	2020	Estonia
105.	Стихотворения: дневник 2011–2020	Ludmila Loginova-Kazarjan	Poetry	Dialoog	2020	Estonia
106.	Ночью все кошки	P.I.Filimonov	Poetry	Kite	2021	Estonia
107.	Тоска зеленая	Ilya Prozorov	Novels	Avenarius	2021	Estonia
108.	За другими реками	Jaan Kaplinski	Poetry	Kite	2021	Estonia
109.	Театр ужасов	Andrei Ivanov	Novels	NLO	2021	Russia
110.	Меланхолия сумерек	Andrei Ivanov	Novels	Avenarius	2022	Estonia
111.	Рю Одиноких Сердец	Ilya Prozorov	Short stories	KPD	2022	Estonia
112.	Отпечаток крылатого пальца	Kaplinski Jaan	Poetry	Kite	2022	Estonia
113.	Альманах журнала “Таллинн”	Emma-Lotta Lõhmus, Aia Sakova, Larissa Joonas, Peeter Olesk, Vaiko Tigane, Anastasiya Trofimova, Ene Hion, Boris Tuch, and others	Anthology	Aleksandra	2022	Estonia
114.	Пьеро одинаковые	Manya Nork	Novels	Aleksandra	2022	Estonia
115.	Еле-еля и Быстр. Стихи для детей и не только про зверей	Lena Larina	Poetry	KPD	2023	Estonia

116.	Йохан Лайдонер, Верховный Главнокомандующий войсками Эстонской Республики. Историко-биографическое исследование	Valdimir Pool	Biographies	KPD	2023	Estonia
117.	Красная точка на горизонте	Larissa Joonas	Short stories	Avenarius	2023	Estonia

APPENDICES TO CHAPTER 4

Appendix 1. KPD Publisher Bibliography

Kodumaa-Родной дом Series

1. Крейцвальд, Ф.Р. Сказки. — Tallinn: KPD, 1997.
2. Таммсааре, А.Х. Хозяин Кырбоя. — Tallinn: KPD, 1998.
3. Таммсааре, Антон Хансен. Избранное в 2-х томах. — Tallinn: KPD, 1998.
4. Таммсааре, Антон Хансен. Правда и справедливость. — Tallinn: KPD, 1998.
5. Антология эстонской поэзии. — Tallinn: KPD, 1999.
6. Ундер, Марие. Стихи. Баллады. Легенды. — Tallinn: KPD, 2004.
7. Борнхёэ, Эдуард. Мститель. Историческая повесть из далёкого прошлого эстонского народа. — Tallinn: KPD, 2005.
8. Ристикиви, Карл. Сигтунские врата. Исторические повести. — Tallinn: KPD, 2010.
9. Берг, Майму. Рукопись, найденная в Веймаре. — Tallinn: KPD, 2011.
10. Ристикиви, Карл. Остров чудес. — Tallinn: KPD, 2013.
11. Валтон, Арво. Маленькие романы. Вишневая ветка. Лекарь. — Tallinn: KPD, 2014.
12. Валтон, Арво. Афоризмы и миниатюры. — Tallinn: KPD, 2015.
13. Рауд, Рейн. Реконструкция. — Tallinn: KPD, 2016.
14. Берг, Майму. Дом моды. — Tallinn: KPD, 2018.
15. Вейдеманн, Рейн. Молочный путь. — Tallinn: KPD, 2021.
16. Каськ-Аррак, Кай. Я и моя муза. Новеллы. — Tallinn: KPD, 2021.
17. Валтон, Арво. Сказ о Петре и Карле. Из истории Северной войны в Тартумаа. — Tallinn: KPD, 2022.
18. Каспер, Калле. Любовь и влечение. Литературные эссе и заметки. — Tallinn: KPD, 2022.
19. Каспер, Калле. Братья Луйк. — Tallinn: KPD, 2022.

Estonian authors to children Series

20. Тоомет, Тийа. Тряпичная кукла и деревянная лошадка. — Tallinn: KPD, 2002
21. Кицберг, Аугуст. Детям. — Tallinn: KPD, 2002.
22. Крейцвальд, Фр. Р. Сказки. Kreutzawld, Fr.R. Muinasjutud. — Tallinn: KPD, 2003.
23. Куду, Рээт. Сказкоешка-Сладкоежка. Сказка о девочке, которая встретила кошку. — Tallinn: KPD, 2002.
24. Рауд, Эно. Рыба ходит, колобродит... Смешные стихи для веселых детей. — Tallinn: KPD, 2003.
25. Сказки народов Балтии. — Tallinn: KPD, 2004.
26. Якобсон, Аугуст. Эстонские народные сказки о птицах и животных. Jakobson, August. Eesti rahva muinasjutte lindudest ja loomadest. — Tallinn: KPD, 2004.
27. Царева, Ольга, Кемпи, Маргарита. Эстонское детство. — Tallinn: KPD, 2004.
28. Вильде, Эдуард. Мои первые полосатые. — Tallinn: KPD, 2004.
29. Хайнсалу, Лехте. Как я однажды. — Tallinn: KPD, 2005.
30. Койдула, Лидия. Стихи об Эстонии. — Tallinn: KPD, 2005.
31. Лутс, Оскар. Мальчик с рожками. — Tallinn: KPD, 2006.
32. Кивиряхк, Андрус. Жираф. — Tallinn: KPD, 2008.
33. Рауд, Эно. Сипсик. — Tallinn: KPD, 2008.
34. Кивиряхк, Андрус. Сирли, Сийм и секреты. — Tallinn: KPD, 2008.
35. Тунгал, Леэло. Чем измерить озорство? — Tallinn: KPD, 2009.
36. Касс, Кристийна. Каспер и пять умных кошек. — Tallinn: KPD, 2010.
37. Тунгал, Леэло. Кристийна, или Легко ли быть средней сестрой? — Tallinn: KPD, 2009.
38. Касс, Кристийна. Истории про Петру. — Tallinn: KPD, 2011.
39. Лоок, Кайри. Клопиная книга. Обитатели аэропорта не сдаются. — Tallinn: KPD, 2019.
40. Рейнаус, Реэли. Как папа новую жену искал. — Tallinn: KPD, 2021.

Compedium Series

41. Эстония в произведениях русских писателей XVIII – нач. XX века. Антология. — Tallinn: KPD, 2001

42. Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Антология. — Tallinn: KPD, 2002.

Master Series - Contemporary Literature in Translations

43. Кросс, Яан. Полет на месте. Роман Улло Паэранда. — Tallinn: KPD, 2000
44. Якс, Ильмар. Земля отечества: Новеллы. — Tallinn: KPD, 2003

Õppetund/Lesson Series

45. Пушкин, А.С.. Урок русского литературного языка. — Tallinn: KPD, 1998
46. Тамярв, Марет. Иванов день. Jaanipäev. (Урок традиций). — Tallinn: KPD, 1999.
47. Тамярв, Марет. Рождество. Jõulud. (Урок традиций) — Tallinn: KPD, 1999.
48. Пасха. Lihavõtted. (Урок традиций). — Tallinn, KPD, 1999.
49. Эстонско-русский фразеологический словарь-справочник. Эмоции. Чувства. — Tallinn: KPD, 2000.
50. Эстонский балет. (Урок искусства). — Tallinn: KPD, 2000.
51. Тарасенко, Марианна. Пожалуйста, говорите по-русски! Пособие для тех, кто не желает быть смешным. — Tallinn: KPD, 2000.
52. Некоторые упражнения, темы и тексты изучающим эстонский язык. Сборник для основной школы. (Урок эстонского языка) — Tallinn: KPD, 2000.
53. Симагина, Людмила. Экология Эстонии (и занятная экология). — Tallinn: KPD, 2001.
54. Бачурина, Ю. Ганзейский — Таллинн и Европа. — Tallinn: KPD, 2001.
55. Синцова, Н. Научи меня читать! Или книга для взрослых, которые учат ребенка читать с удовольствием и для удовольствия. — Tallinn: KPD, 2002.
56. Бачурина, Юлия. Таллинн времен шведского господства и Европа (1561–1710). (Сравнительная и занимательная блиц-история) – Кац Й. История привычных вещей. – Tallinn: KPD, 2002.
57. Тух, Борис. Горячая десятка эстонских писателей. Эстонская литература второй половины XX – начала XXI века. — Tallinn: KPD, 2004.
58. Тух, Борис. Путеводитель по Серебряному веку. — Tallinn: KPD, 2005.
59. Тух, Борис. Крутые мужчины и кровожадные женщины. Кто есть кто в русском детективе? — Tallinn: KPD, 2006.
60. Тух, Борис. Групповой портрет с дамой в интерьере эстонской литературы. — Tallinn: KPD, 2010.
61. Тамярв, Марет. Eesti rahvarõivaid. Эстонский народный костюм. Издание 2-е. — Tallinn: KPD, 2010.
62. Я – безработный. Уроки жизни**.** — Tallinn: KPD, 2010.

Romantic Culturology of Estonia Series

63. Лившиц, Лев. Путешествие из Петербурга в Таллинн. Книга для чтения. — Tallinn: KPD, 2004.
64. Вейдеманн, Рейн. Коллоквиум по эстонской литературе. — Tallinn: KPD, 2007.
65. Кац, Йосеф. Старый Таллинн: четыре времени города (ганзейское, шведское, остзейское и русское). — Tallinn: KPD, 2008.
66. Танаков, Аркадий. Благословенная тяжесть. Акушерские истории династии Романовых. — Tallinn: KPD, 2009.

Exclusive Series

67. Пантелеева, Наталья. Русский язык и литература. Сборник упражнений в вольном изложении. Литература абсурда и литературные пародии. — Tallinn: KPD, 2007.
68. Уразов, Измаил. Почему мы так говорим. Из истории происхождения слов. Словарик. — Tallinn: KPD, 2008.

Minu eestikeeline raamat. Моя эстонская книжка (My Estonian book) Series

69. Тунгал, Леэло. Товарищ ребенок и взрослые люди. Еще одно повествование о нашем счастливом детстве. — Tallinn: KPD, 2010.

70. Тунгал, Леэло (сост.). Юку и Вовочка. Детские анекдоты. — Tallinn: KPD, 2010.
71. Рауд, Эно. Тыкволунье. — Tallinn: KPD, 2011.
72. Тунгал, Леэло. Бархат и опилки, или Товарищ ребёнок и буквы. — Tallinn: KPD, 2012.
73. Тунгал, Леэло. Барбара и осенние собаки. — Tallinn: KPD, 2012.
74. Тунгал, Леэло. Барбара и летние собаки. — Tallinn: KPD, 2012.
75. Ристикиви, Карл. Пушистые проказники. — Tallinn: KPD, 2012.
76. Шевченко, Алексей. Я читаю без запинки. Скороговорки. Скорочиталки. — Tallinn: KPD, 2012.
77. Первик, Айно. Как работать президентом. — Tallinn: KPD, 2013.
78. Тунгал, Леэло; Яснов Михаил. Просто чудо! Стихи для детей. — Tallinn: KPD, 2013.
79. Раннап, Яан. Рассказы о животных. Кролик Тупсик. Щенок Тору. Мышелов Виугу. — Tallinn: KPD, 2014.
80. Первик, Айно. Морские приключения и заботы корабельного гнома Клабаутермана. — Tallinn: KPD, 2014.
81. Тунгал, Леэло. Ёжик Феликс. Ёжик Феликс и криминальный зоопарк. Ёжик Феликс и заботы осени. Ёжик Феликс и гномик Керли. — Tallinn: KPD, 2014.
82. Саксатамм, Маркус. Божья коровка и Пингвин. — Tallinn: KPD, 2015.
83. Яснов, Михаил. Про Никтошку и Ничегошку. Маленькие сказки в стихах. — Tallinn: KPD, 2015.
84. Саксатамм, Маркус. Признания Сказочника. Как это было на самом деле. — Tallinn: KPD, 2016.
85. Саксатамм, Маркус. Дядя Отто и Рак Ракович. — Tallinn: KPD, 2017.
86. Лутс, Оскар. Мальчик с рожками и другие эстонские сказки. — Tallinn: KPD, 2017.
87. Саар, Анти. Как у нас идут дела. — Tallinn: KPD, 2017.
88. Саксатамм, Маркус. Мышка, знавшая иностранные языки. — Tallinn: KPD, 2017.
89. Первик, Айно. Сосулька, беспокойное молоко и другие. — Tallinn: KPD, 2018.
90. Разина, Катерина. Море – небо. Стихи для детей. — Tallinn: KPD, 2018.
91. Вальтер, Эдгар. Немного забавные картинки. — Tallinn: KPD, 2019.
92. Вальтер, Эдгар. Лесной воскресник. — Tallinn: KPD, 2019.
93. Кивиряхк, Андрус. Оскар и вещи. — Tallinn: KPD, 2019.
94. Тунгал, Леэло. Товарищ ребенок и папа. Еще одно повествование о нашем счастливом детстве. — Tallinn: KPD, 2019.
95. Вальтер, Эдгар. Смотри – и увидишь. — Tallinn: KPD, 2020.
96. Вальтер, Эдгар. Хвостатые из Кистеляндии. — Tallinn: KPD, 2020.
97. Дубровский, Андрей. Истории таллиннских старожилов. Сказки-шутки на эстонский, финский, карельский, саамский, водский, ижорский и вепсский лад. — Tallinn: KPD, 2020.
98. Вальтер, Эдгар. Поки и Пека. — Tallinn: KPD, 2021.
99. Вальтер, Эдгар. Поки. — Tallinn: KPD, 2021.
100. Саксатамм, Маркус. Манная каша и чертёнок. Шутливые истории для детей. — Tallinn: KPD, 2021.
101. Саксатамм, Маркус. Блины! С шутками и прибаутками. — Tallinn: KPD, 2021.
102. Разина, Катерина. Если в гости ко мне придёт слон… Стихи для детей. — Tallinn: KPD, 2021.
103. Вальтер, Эдгар. Котёнок и Совёнок. — Tallinn: KPD, 2022.
104. Крейцвальд, Фридрих Рейнгольд. Эстонские народные сказки. 2-е изд. — Tallinn: KPD, 2022.
105. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Письма, написанные кровью. — Tallinn: KPD, 2022.
106. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Картины черноголовых. — Tallinn: KPD, 2022.
107. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Медиум Девичьей башни. — Tallinn: KPD, 2022.
108. Вальтер, Эдгар. Поки и буквы. Эстонская азбука. — Tallinn: KPD, 2023.

109. Калевипоэг. Эстонский народный эпос. — Tallinn: KPD, 2023.
110. Ларина, Лена. Еле-еля и Быстр. Стихи для детей и не только про зверей. — Tallinn: KPD, 2023.
111. Кивиряхк, Андрус. Большой Тылль. По мотивам эстонских народных сказок. — Tallinn: KPD, 2023.
112. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Мумия церкви Нигулисте и магические знаки. — Tallinn: KPD, 2023.

Estonian Literary Award Winners Series

113. Бронштейн, Михаил. На рубеже эпох. — Tallinn: KPD, 2002.
114. Грюнштейн, Александр. Наказание без преступления. Роман о судьбе и службе советского пограничника. — Tallinn: KPD, 2003.
115. Маркосян-Каспер, Гоар. Сон и другие мистические истории. — Tallinn: KPD, 2004.
116. Блюм, Рэм. Избранные статьи. В воспоминаниях. — Tallinn: KPD, 2005.
117. Брунс, Дмитрий. Таллинн: история градостроения, рассказанная главным архитектором. — Tallinn: KPD, 2006.
118. Паульман, Валерий. Прогноз судьбы человечества. Размышления о глобальном капитализме, демократическом социализме и истории СССР. — Tallinn: KPD, 2007.
119. Краснова, А. Н. Виды Эстонии в произведениях мастеров русской школы живописи XIX века. — Tallinn: KPD, 2007.
120. Брунс, Дмитрий. Таллинн: достопримечательности. — Tallinn: KPD, 2008.
121. Кузнецова, Нелли. Лица Эстонии. Журналистские очерки. — Tallinn: KPD, 2009.
122. Кузнецова, Нелли. Эстония в лицах. Журналистские очерки. — Tallinn: KPD, 2010.
123. Иванов, Андрей. Копенгага. — Tallinn: KPD, 2011.
124. Кангро, Маарья. Обезьяны и солидарность. — Tallinn: KPD, 2012.
125. Кивиряхк, Андрус. Шесть монологов о деньгах. — Tallinn: KPD, 2012.
126. Холопова, Елена. Тойлаский променад и Игорь Северянин. Фотоальбом. — Tallinn: KPD, 2012.
127. Кивиряхк, Андрус. Старые сказки для взрослых. — Tallinn: KPD, 2013.
128. Кивастик, Март. Автопортрет с женой и лошадью. — Tallinn: KPD, 2013.
129. Гайнуллин, Марат. Галерея остзейских героев эпохи наполеоновских войн. Исторические очерки. — Tallinn: KPD, 2013.
130. Кузнецов, Борис. Она утонула…. Правда о Курске, которую скрывают Путин и Устинов. — Tallinn: KPD, 2013.
131. Вейдеманн, Рейн. Канон. История эстонской литературы в лучших произведениях. — Tallinn: KPD, 2013.
132. Зеттерберг, Сеппо. История Эстонской Республики. — Tallinn: KPD, 2013.
133. Винт, Тоомас. История со счастливым концом. Новеллы. — Tallinn: KPD, 2014.
134. Лившиц, Лев. Из историй улиц Таллинна. — Tallinn: KPD, 2014.
135. Вейдеманн, Рейн. Вечный университет. Роман в трех действиях. — Tallinn: KPD, 2015.
136. Хейнсаар, Мехис. Костюм. Новеллы. — Tallinn: KPD, 2015.
137. Муравин, Геннадий. Нецензурные истории эстонского книгоиздания советского времени. — Tallinn: KPD, 2016.
138. Винт, Тоомас. 16 загадочных женщин. — Tallinn: KPD, 2016.
139. Брунс, Дмитрий. Архитектурные и исторические шедевры Таллинна. — Tallinn: KPD, 2016.
140. Ыннепалу, Тыну. Рай. — Tallinn: KPD, 2017.
141. Кольк, Юри. Человек и тыква. Рассказы. Новеллы. — Tallinn: KPD, 2017.
142. Данилюк, Семен. Константинов крест. — Tallinn: KPD, 2017.
143. Рауд, Рейн. Смерть идеальной фразы. — Tallinn: KPD, 2018.

144. Пооль, Владимир. Зампред КГБ Эстонской ССР. Жизнь и служба в спецслужбе. — Tallinn: KPD, 2019.
145. Кыомяги, Армин. Само совершенство. Рассказы. Новеллы. — Tallinn: KPD, 2020.
146. Брунс, Дмитрий. Таллинн: история градостроения столицы Эстонской Республики. 1918–1940. — Tallinn: KPD, 2020.
147. Пооль, Владимир. Первый президент Эстонской Республики Константин Пятс. Заключенный № 12. — Tallinn: KPD, 2021.
148. Прозоров, Илья. Рю Одиноких Сердец. Рассказы. — Tallinn: KPD, 2022.
149. Гущик, Владимир. Собачий сын. Анималистические рассказы. — Tallinn: KPD, 2022.
150. Мудлум (Маде Луйга). Не одна только моя тётя Эллен. — Tallinn: KPD, 2023.

Encyclopedias and reference books

151. Кильюнен, Киммо. Государства и флаги. Мини-энциклопедия. — Tallinn: KPD, 2005.
152. Яаксоо, Андрес. Ключ к эстонской детской и юношеской литературе. XIX–XXI вв. Библиографический справочник. — Tallinn: KPD, 2014.

Medieval stories

153. Валтон, Арво. Старец из озера Юлемисте. Роман-сказка. — Tallinn: KPD, 2018
154. Валтон, Арво. Мярьямааская легенда. Повествование о событиях, имевших место в Ляэнемаа во время Ливонской войны в годы 1560–1574. — Tallinn: KPD, 2018
155. Валтон, Арво. Ливонский Ганнибал, или День жизни Иво Шенкенберга. — Tallinn: KPD, 2020.

Legends, tales, and funny tasks Series

156. Роом, Урмас. Проклятье Чёрного рыцаря. Таллинн в легендах, сказаниях и весёлых заданиях. — Tallinn: KPD, 2016.
157. Роом, Урмас. Тайна старого маяка. — Tallinn: KPD, 2019

Off-series

158. Пооль, Владимир. Йохан Лайдонер, Верховный Главнокомандующий войсками Эстонской Республики. Историко-биографическое исследование. — Tallinn: KPD, 2023.
159. Паутс, Катрин. Дочь полицейского. Сааремааский триллер. — Tallinn: KPD, 2023.
160. Паутс, Катрин. Разносчик огня. Мухумааский триллер. — Tallinn: KPD, 2023.

Appendix 2. Aleksandra Publisher Bibliography

1. Гроссман, Василий. Все течет. — Tallinn: Aleksandra, 1990.
2. Дойл, К.А. Собака Баскервилей. — Tallinn: Aleksandra, 1990.
3. Ерофеев, Венедикт. Москва-Петушки. — Tallinn: Aleksandra, 1990.
4. Лукьянов, Александр. Потребности – занятость – управление. *Методологические проблемы исследования и оптимизации*. — Tallinn: Aleksandra, 1990.
5. Анохина, Ирина. Витражи для птиц. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
6. Бродский, Иосиф. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
7. Гладилин, Анатолий. Французская ССР. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
8. Жильяр, Пьер. Трагическая судьба русской императорской фамилии. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
9. Котиев, Юрий. Покупаем иностранный автомобиль. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
10. Кузнецова, Серафима. Подворье. *Стихи*. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
11. О возлюбленных и желанных: Любовно-эротическая новелла Возрождения. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
12. Перелыгин, Виктор, Самойлов, Давид. Пярнуский альбом. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
13. Хлопонина, Марианна. Тени. *Стихи*. — Tallinn: Aleksandra, 1991.
14. Шмидт, Вера. В пути. *Стихотворения*. — Tallinn: Aleksandra, 1991.

15. Батшев, Владимир. Вещие сны. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
16. Губин, Всеволод. Времена не выбирают… Воспоминания. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
17. Дюма, Александр. Три мушкетера. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
18. Котиев, Юрий. Иностранный автомобиль. *Второе издание*. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
19. Крученых, Алексей. Кукиш прошлякам. (Совместно с издательством Гилея.) — Tallinn: Aleksandra, 1992.
20. Лотман, Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т 1. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
21. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т 2. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
22. Мережковский, Д.С., Гиппиус, З.Н. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
23. Прайсман, Леонид. Дело Дрейфуса. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
24. Радов, Егор. Змеесос. (Совместно с издательством Гилея.) — Tallinn: Aleksandra, 1992.
25. Самойлов, Давид. Из последних стихов. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
26. Сафонов, Михаил. В странный город мы попали. *Стихи для детей*. — Tallinn: Aleksandra, 1992.
27. Esop, Erika. Magamata ööd. (Эзоп Э. Бессонные ночи. - На эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 1992.
28. Гайлит, Аугуст. Томас Нипернаади. — Tallinn: Aleksandra, 1993.
29. Кашнева, Татьяна. Земная коротка наша память: Невыдуманная повесть. — Tallinn: Aleksandra, 1993.
30. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 3. — Tallinn: Aleksandra, 1993.
31. Оппенгейм, Олег. Времена другие. — Tallinn: Aleksandra, 1993.
32. Трулль Иван. Куда улетают медведи. (Совместно с Антек.) — Tallinn: Aleksandra, 1993.
33. Kotiev, Juri. Välismaa autod. Ill. (Котиев Ю. Иностранный автомобиль. - На эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 1993.
34. Välismaa autod. *Kataloog* / Иностранные автомобили. *Каталог.*/ На рус. и эст.яз. — Tallinn: Aleksandra, 1993.
35. Булгаковский сборник, 2. (Совместно с издательством Avenarius.) — Tallinn: Aleksandra, 1994.
36. Калаус, Наталия. Мне снилась заря золотая. *Стихи.* — Tallinn: Aleksandra, 1994.
37. Литературный процесс и развитие мировой культуры: *Материалы конференции 30.III – 2.IV 1994.*/ — Tallinn: Aleksandra, 1994.
38. Лотман, Юрий, Цивьян, Юрий. Диалог с экраном. — Tallinn: Aleksandra, 1994.
39. Лутс, Х., Лутс, Э. УКВ ЧМ трансивер. — Tallinn: Aleksandra, 1994.
40. Нерлин, Нил. Разрыв-трава. *Стихи*. — Tallinn: Aleksandra, 1994.
41. Православный календарь 1994. — Tallinn: Aleksandra, 1994.
42. Талгре, Маарья. Лео – судьба эстонца. — Tallinn: Aleksandra, 1994.
43. Хлебникова-Смирнова, Ксения. Воспоминания./ Оформление: Владислав Станишевский (Серия Русская культура в Эстонии). — Tallinn: Aleksandra, 1994.
44. Губин, Всеволод. Времена не выбирают… Второе, дополненное и исправленное издание. — Tallinn: Aleksandra, 1995.
45. Катцманн, Юрий. Белые тени. — Tallinn: Aleksandra, 1995.
46. Православная церковь Святителя Чудотворца Николая Мирликийского. (Совместно с ЭКЦ Русская энциклопедия.) — Tallinn: Aleksandra, 1995.
47. Актуальные проблемы современной Эстонии. *Материалы общепартийной теоретической конференции ОНПЭ. 14–15 июня 1996 года.* — Tallinn: Aleksandra, 1996.
48. Алхазов, Николай. Кровь травы. *Позы свободных мыслей.* — Tallinn: Aleksandra, 1996.
49. Генис, Александр. Вавилонская башня: Искусство настоящего времени. *Эссе.* (Библиотека журнала ТАЛЛИНН) — Tallinn: Aleksandra, 1996.
50. Гильц, Эдуард. Кто я? *Книга для детей*. — Tallinn: Aleksandra, 1996.
51. Губин, Всеволод. Все это было. *Стихи разных лет*. — Tallinn: Aleksandra, 1996.
52. Лотман, Михаил. Мандельштам и Пастернак. *Опыт контрастивной поэтики*. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН) — Tallinn: Aleksandra, 1996.
53. Малышева, Наталья. Любовь и покаяние. — Tallinn: Aleksandra, 1996.
54. Рихтер, Елизавета. Кто и как жил на земле Эстонии. *Этнографические очерки*. — Tallinn: Aleksandra, 1996.
55. Ферлин, Нильс. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 1996.

56. Абашина-Мельц, Нэлли. Я не стихи пишу – слагаю строки в жизнь. *Из семейного альбома*. — Tallinn: Aleksandra, 1997.
57. Бергман, Ингмар. Картины. (Совместно с Музеем кино, Москва.) Aleksandra, 1997.
58. Губин, Всеволод. Память жива. *Стихотворения.* Aleksandra, 1997.
59. Губин, Всеволод. Париж в моих воспоминаниях. Aleksandra, 1997.
60. Земельное законодательство в действии. *Сборник докладов*. Стокгольм, июнь 1996./ Aleksandra, 1997.
61. Киселев, Борис. Машина-шина и яхта-ахта. *Детские песни на стихи Михатла Сафонова*./ — Tallinn: Aleksandra, 1997.
62. Микушевич, Владимир. Сонеты к Пречистой Деве. — Tallinn: Aleksandra, 1997.
63. Микушевич, Владимир. Проблески. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН) Aleksandra, 1997.
64. Парамонов, Борис. Снисхождение Орфея. *Русские писатели и коммунизм*. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН) Aleksandra, 1997.
65. Ристкиви, Карл. Зубы Дракона. Песнь радости. — Tallinn: Aleksandra, 1997.
66. Учу и учусь: Творческие разработки учителей русских школ. — Tallinn: Aleksandra, 1997.
67. Анисимов, Андрей. Алый чиж. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 1998.
68. Анисимов, Андрей. История о том, как я в городе Жуковском на улице Гагарина не написал книгу. — Tallinn: Aleksandra, 1998.
69. Губин, Всеволод. Европа, Азия, Африка. *По следам экскурсии академических женщин Эстонии под руководством З.Н. Дормидонтовой, 1938 год.* — Tallinn: Aleksandra, 1998.
70. Куускема, Юри. Estica: Культура и история. — Tallinn: Aleksandra, 1998.
71. Леец, Георг. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 1998.
72. Микушевич, Владимир. Власть и право. Соблазн и угроза тоталитарной демократии. — Tallinn: Aleksandra, 1998.
73. Ольгин, Алексей. Вагон и маленькая тележка. Забавные рассказы. — Tallinn: Aleksandra, 1998.
74. Сафонов, Михаил. От синей воды до огня. *Стихи.* — Tallinn: Aleksandra, 1998.
75. Таллиннское кладбище Александра Невского. — Tallinn: Aleksandra, 1998.
76. Tallinna Aleksandri Nevski kalmistu. (Таллиннское кладбище Александра Невского. *Буклет.* – На эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 1998.
77. Абашина-Мельц, Нэлли. Я не стихи пишу – слагаю в строки жизнь. Второе издание. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
78. Анисимов, Андрей. Мы все эмигранты в России. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
79. Красавин, Дмитрий. ВАСИЛИАДА: О Васе и от Васи. Краткие очерки. Сочинения Николеньки. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
80. Малышева, Наталья. Тебе, Бога, хвалим. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
81. Микушевич, Владимир. Сонеты к Пречистой Деве. Второе, дополненное издание. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
82. Новая эстонская новелла: 1990-е годы. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
83. Плюханова, М. С. Мне кажется, что мы не расставались. Воспоминания. — Tallinn: Aleksandra, 1999.
84. Анисимов, Андрей. Нудисты не играют в гольф. Криминальный роман. — Tallinn: Aleksandra, 2000.
85. Смирнова, Лилия. Чаша. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 2000.
86. Трулль, Иван. Повитухинские истории. — Tallinn: Aleksandra, 2000.
87. Вольнова, Татьяна. Пробуждение. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 2001.
88. Иваск, У.Г. Библиография. 2-е, дополненное издание. — Tallinn: Aleksandra, 2001.
89. Кириллов, Георгий. Приходи сегодня. Верлибры и новеллы. — Tallinn: Aleksandra, 2001.
90. Шраер-Петров, Давид. Замок в Тыстамаа. Роман-фантелла. — Tallinn: Aleksandra, 2001.
91. Aleksandra, Semm-Sarv. –112 lk./ Koostaja Volita Paklar. (Александра Сёмм-Сарв. /Составитель Волита Паклар. - На эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 2001.
92. Иваск, Юрий. Похвала российской поэзии. Эссе. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2002.
93. Кириллов, Георгий. Мир ослепших на пути в Дамаск. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2002.

94. Трулль, Иван. Синий кот. Мысли вслух. Иронические заметки. Современные сказки. — Tallinn: Aleksandra, 2002.
95. Тух, Борис. Роман с театром. Лирические заметки. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2002.
96. Анисимов, Андрей. Зажги свечу. Стихи разных лет. — Tallinn: Aleksandra, 2003.
97. Лусти, Наталья. Траектория одиночества. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2003.
98. Юный Таллинн. Альманах. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2003.
99. Liiv, Rolf. Enda sisse minek. Luulet. (Лийв Рольф. Погружение в себя. Стихи. - На эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 2003.
100. Беленкова, Алла. И сила, и слава… Из истории семейства Крузенштернов. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2004.
101. Егорова, Марина. Мои раздумья. В музыке и стихах. — Tallinn: Aleksandra, 2004.
102. Исаков, С.Г. Чародей звука. Певец Дмитрий Смирнов и Эстония. — Tallinn: Aleksandra, 2004.
103. Кириллов, Георгий. Серебристый запах кофе. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2004.
104. Исаков, С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
105. Простатов, Анатолий. Биографические зарисовки. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
106. Расскажи о своей жизни. Жизнеописания эстоноземельцев. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
107. Трулль, Иван. Маленький принц Растрепа и добрая Фея. Записки Андреса Курба. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
108. Трулль, Иван. Доктор Сеппо. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
109. Хлопонина, Марианна. Точка возврата. Стихи 1990–2005. — Tallinn: Aleksandra, 2005.
110. Анисимов, Андрей. Кремлевский синдром. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
111. Кириллов, Георгий. Сплелись воедино руки. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
112. Костер Савонаролы и еще 7 новейших эстонских пьес. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
113. Лесмент, Владимир. Древний Таллинн. 2005. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2006.
114. Сазонов, Василий. Автограф. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
115. Трулль, Иван. Чудаки из Мерепийга. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
116. Чиж, Юлия. Между Адом и Раем. Стихотворения. — Tallinn: Aleksandra, 2006.
117. Anissimov, Andrei. Nudistid golfi ei mängi. Kriminaalromaan./ Vene keelest tõlkinud Tiito Himma. (Нудисты не играют в гольф. Криминальный роман. – На эст. яз.). — Tallinn: Aleksandra, 2006.
118. Вольнова, Татьяна. Северное сияние. Моя Гремиха. — Tallinn: Aleksandra, 2007.
119. Микушевич, Владимир. Пазори. Книга I. — Tallinn: Aleksandra, 2007.
120. Микушевич, Владимир. Пазори. Книга II. — Tallinn: Aleksandra, 2007.
121. Первик, Айно. Паула. Выпускной в детском саду. — Tallinn: Aleksandra, 2007.
122. Кашнева, Татьяна. Земная коротка наша память: Невыдуманная повесть. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2008.
123. Кекелидзе, Этэри. Время и сцена. Русский драматический театр Эстонии 1963–1994. — Tallinn: Aleksandra, 2008.
124. Кивиряхк, Андрус. Ноябрь, или Гуменщик. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2008.
125. Макшеев, Вадим. Несите ей цветы! Рассказы. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2008.
126. Микушевич, Владимир. Сонеты к Татьяне. — Tallinn: Aleksandra, 2008.
127. Новикова, Татьяна. Душа с годами не стареет: Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2008.
128. Семененко, Светлан. Со всеми, кем любим, кого люблю. Стихи разных лет. — Tallinn: Aleksandra, 2008.
129. Трулль, Иван. Эхо Бомбы Померанцева. Воспоминании и размышления бывшего инструктора ЦК КП Эстонии. — Tallinn: Aleksandra, 2008.

130. Kirillov, Georgi. The Silvery Smell of Coffee. Poems./ Translated from Russian by Richard McKane. / Иллюстрации: Алексей Туровский. (Кириллов Георгий. Серебристый запах кофе. Стихи. – На англ. яз.). — Tallinn: Aleksandra, 2008.
131. Исаков, С.Г., Шор, Т.К. Властители Российской империи на эстонской земле. — Tallinn: Aleksandra, 2009.
132. Каспер, Калле. Три путешествия. Три текста. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2009.
133. Кириллов, Георгий. Это умение быть сыном: Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2009.
134. Каллас, Тыну Р. Белая лодка. (Библиотека журнала ТАЛЛИНН). — Tallinn: Aleksandra, 2009.
135. Maksejev, Vadim. Viige talle lilli! Jutud. (Несите ей цветы! Рассказы. – На эст.яз.) — Tallinn: Aleksandra, 2009.
136. Веебер, Наталья. Раймонд Валгре: Недосказанная легенда. — Tallinn: Aleksandra, 2010.
137. Филиппова, Елена. Незримые тени: Стихи разных лет. — Tallinn: Aleksandra, 2010.
138. Саат, Мари. Ласнамяэский искупитель. — Tallinn: Aleksandra, 2010.
139. Куускемаа, Юри. Легенды и были Старого Таллинна. — Tallinn: Aleksandra, 2010.
140. Трулль, Иван. Грани русского века. Книга I. Эстонская вертикаль. — Tallinn: Aleksandra, 2010.
141. Балашова, Галина. Инсталлияция на фоне эстонского пейзажа. [Русские хдожники Эстонии: Н.Кормашов, А.Умеренков, В.Аншон, В.Бачу, В.Семериков, Э.Стерпу, В.Лаур, А.Страхов, В.Макаренко, С. Инкатов, А.Игонин, Ю.Хорев, Э.Зеньчик] — Tallinn: Aleksandra, 2011.
142. Исаков, С.Г. Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918-1940. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
143. Норк, Маня. Анамор. Два маленьких романа. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
144. Нормет, Лео. Симфонии Сибелиуса. Т. I. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
145. Нормет, Лео. Симфонии Сибелиуса. Примеры [Нотная графика]. Т. II. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
146. Первик, Айно. Паула: [Паула переезжает в город. Паула и Йоозеп. Паула идет в первый класс. Рождественские каникулы Паулы]. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
147. Пясок, Владимир. Цветные Овцы (Made in Britain) — Tallinn: Aleksandra, 2011.
148. Трулль, Иван. Грани русского века. Книга II. Под черным солнцем вождизма. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
149. Кивиряхк, Андрус. Былое как Голубые горы: Мемуары Ивана Орава. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
150. Кирилов, Георгий. Тихий человечек, слушающий совершенное. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
151. Kuuskemaa, Jüri. Legends and Tales of Tallinn. (на англ яз.). — Tallinn: Aleksandra, 2012.
152. Лесмент, Владимир. Загадки Старого города. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
153. Рауд, Пирет. Эрнесто и его кролики. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
154. Томуск, Ильмар. Привет, Волли! — Tallinn: Aleksandra, 2012.
155. Трулль, Иван. Дети зеленого солнца. Повесть для любознательных детей и взрослых. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
156. Трулль, Иван. Сага о мудрости и мудром учителе [Посвящается 90-летию со дня рождения Михаила Лазаревича Бронштейна]. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
157. Казус пристального взгляда. Эстонская новелла 2000–2012. (Совместно с издательством Oktopus, Москва— Tallinn: Aleksandra, 2013.
158. Микушевич, Владимир. Голуби-свидетели. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2013.
159. Первик, Айно. Паула. Продолжение [Паула и Патрик. Паула и дети со двора. Паула идет в магазин. Паула едет на пикник. Паулу отвозят в больницу.]. — Tallinn: Aleksandra, 2013.
160. Семененко, Светлан. Самостояние: К 75-летию со дня рождения. — Tallinn: Aleksandra, 2013.

161. Кивиряхк, Андрус. Последний, кто знал змеиную молвь. (Совместно с издательством Oktopus, Москва). — Tallinn: Aleksandra, 2014.
162. Рауд, Пирет. Чудные истории. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
163. Шер, Лейви. Память просыпается во сне. Книга первая. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
164. В гражданстве Северной державы…: Материалы IV и V Таллиннских пушкинских чтений, Юбилейной конференции 2010–2013. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
165. Иван Трулль. Обыкновенные истории: Заметки на полях книги жизни. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
166. Kirillov, Georgy. Hands Entwined as One: Poems. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
167. Gavrilova, Dina. Pusja uus elu Eestis: Allegooriline muinasjutt. (на эст. яз.) — Tallinn: Aleksandra, 2014.
168. Касс, Кристийна. Курноска на метле. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
169. Юкш-Меос, Алла. Кружевное сказание: От яблоньки до свастики. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
170. Кыомяги, Армин. Хорошая фирма. (Совместно с издательством Oktopus, Москва). — Tallinn: Aleksandra, 2015.
171. Тоотси, Мила. Блюз опрокинутой лодки. Повесть, рассказ. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
172. Вурма, Аллан; Мати Пальм: slancio della voce. (Совместно с издательством Композитор. Санкт-Петербург.) — Tallinn: Aleksandra, 2016.
173. Кивиряхк, Андрус. На краю света: Картинки из жизни хороших людей. (Совместно с издательством Oktopus, Москва). — Tallinn: Издательство Aleksandra, 2016.
174. Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии. 1918–1940. Том I (1918–1931). — Tallinn: Aleksandra, 2016.
175. Шер, Лейви. Память просыпается во сне. Книга вторая. — Tallinn: Aleksandra, 2016.
176. Ильмар, Томуск. Криминалисты из 3 А. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
177. Томуск, Ильмар. Криминальные пирожки с сосисками. Криминалисты из 4 А. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
178. Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии. 1918–1940. Том II (1932–1940). — Tallinn: Aleksandra, 2017.
179. Хинрикус, Кадри. Даниил Второй. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
180. Гаврилова, Дина. Путешествие Пуси Югорской из Сибири в Эстонию. Аллегорическая сказка для взрослых. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
181. Ундер, Марие. Моя весна. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2018.
182. Гаврилова, Дина. Ты лучше всех. [Продолжение романа Цвета холодных лет, 2015.] — Tallinn: Aleksandra, 2018.
183. Коробов, Игорь. Имматрикулированное эстляндское дворянство. — Tallinn: Aleksandra, 2018.
184. Бьерг, Боф. Ауэрхаус. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
185. Кангро, Маарья. Фруктовый дракон. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
186. Ефимова, Aleksandra. Вязаные игрушки по мотивам книги Маарьи Кангро и Кирке Кангро Фруктовый дракон. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
187. Хинрикус, Кадри. Чтобы добрые феи хранили тебя. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
188. Тух, Борис. Роман с театром – 2. XXI век. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
189. Кивиряхк, Андрус. Тильда и Пылевичок. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
190. Абашина-Мельц, Нэлли. Я не стихи пишу, слагаю в строки жизнь. Стихотворения, переводы с эстонского, эссе. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
191. Чичерина, Елена. Благодарю. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
192. Серебристо-белый путь Леннарта Мери. Путевые заметки. Выступления и интервью. Леннарт Мери глазами друзей. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
193. Райг, Кулле. Георг Отс 100. Фотоальбом. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
194. Raig, Kulle. Georg Ots 100. Foatoalbum. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
195. Кивиряхк, Андрус. Чурки да веники. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
196. Каплинский, Ян. Вернись, Янтарная сосна. Стихи. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
197. Тух, Борис. Диалоги. Встречи. Портреты. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
198. Тинн, Эдуард. Бронзовая голова. Статьи и эссе разных лет. — Tallinn: Aleksandra, 2021.

199. Хион, Эне. Белые вороны. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
200. Журнал ТАЛЛИНН / ЛЕТОПИСЬ журнальных статей 1978–2018, 2019. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
201. Бабушкина, Полина. Про двух тощих селёдок Жюли и Люси и другие морские истории. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
202. Микита, Валдур. Парадигма стрекогузки. Природа и мифы. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
203. Касс, Кристийна. Волшебная подушка Самуэля. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
204. Бобылёва, Валерия. Зягряжские. История рода с конца XIV до начала XXI вв. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
205. Анисимов, Андрей. Европейское танго. Роман-фэнтези о недалеком будущем. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
206. Anissimov, Andrei. Euroopa tango. Ulmeromaan lähitulevikust. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
207. Гаврилова, Дина. Цвета холодных лет. Роман. Второе, дополненное издание. — Tallinn: Aleksandra, 2022.
208. Норк, Маня (Татьяна Сигалова). Пьеро одинаковые. Бульварный роман. — Tallinn: Aleksandra, 2022.
209. Хинрикус, Кадри. Такса и Дог. Рассказы для детей. — Tallinn: Aleksandra, 2022.
210. Кивиряхк, Андрус, Хинрикус, Кадри и др. Сам умею я кататься: сборник рассказов. — Tallinn: Aleksandra, 2023.
211. Журнал ТАЛЛИНН. Альманах журнала “Таллинн”. — Tallinn: Aleksandra, 2023.

Appendix 3. Avenarius Publisher Bibliography

1. Ундер, Марие. Серия Эстонская поэзия для русской школы. — Tallinn: Avenarius, 1988.
2. Виснапуу, Хенрик. Серия Эстонская поэзия для русской школы. — Tallinn: Avenarius, 1988.
3. Ристикиви, Карл. Серия Эстонская поэзия для русской школы. — Tallinn: Avenarius, 1988.
4. Тальвик, Хейти. Серия Эстонская поэзия для русской школы. — Tallinn: Avenarius, 1988.
5. Лепик, Калью. Серия Эстонская поэзия для русской школы. — Tallinn: Avenarius, 1988.
6. Шахов, Андрей. Таллинские палачи. — Tallinn: Avenarius, 1994.
7. Булгаковский сборник II. — Tallinn: Avenarius, 1994.
8. Aimla, Priit. Aasija astub Euroopasse. — Tallinn: Avenarius, 1995.
9. Стриндберг, А. На пути в Дамаск I. — Tallinn: Avenarius, 1995.
10. Андреев, Н.Е. То, что вспоминается. В 2-х т. — Tallinn: Avenarius, 1996.
11. Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Тт. I–3. — Tallinn: Avenarius, 1996.
12. Нерлин, Нил. Междуцарствие. — Tallinn: Avenarius, 1996.
13. Strindberg, A. Damaskusesse I. — Tallinn: Avenarius, 1996.
14. Кто есть кто в культуре Эстонии. — Tallinn: Avenarius, 1996.
15. Шведские памятники в Эстонии. Краткий путеводитель. — Tallinn: Avenarius, 1997.
16. Сазонов, Василий. Настроение. — Tallinn: Avenarius, 1997.
17. Как купить и продать квартиру. — Tallinn: Avenarius, 1997.
18. Рогачевский, А., Фигурнова, О. Журнал Творчество (М., 1918–1920). Аннотированный указатель. — Tallinn: Avenarius, 1997.
19. Korteriühing: ost, müük, üürimine. Tarbija käsiraamat. — Tallinn: Avenarius, 1998.
20. Левин, Александр. Vis vitalis. — Tallinn: Avenarius, 1998.
21. Нерлин, Нил. Триглав. — Tallinn: Avenarius, 1998.
22. Нерлин, Нил. Отрывные листки. — Tallinn: Avenarius, 1998.
23. Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра. — Tallinn: Avenarius, 1998.
24. Нерлин, Нил. Кресник. — Tallinn: Avenarius, 1999.
25. Соостер, Лидия / Lidia Sooster. Мой Соостер / Minu Sooster. — Tallinn: Avenarius, 2000.
26. Самойлов, Давид. День рождения. Sünnipäev. Двуязычный сборник стихов. — Tallinn: Avenarius, 2000.
27. Lars, O. Lagerqvist. Rootsi ajalugu. — Tallinn: Avenarius, 2001.
28. Russian Writers in Britain. An Annotated Reader. Ed. Andrey Rogatchevski, Rose France. — Tallinn: Avenarius, 2001.
29. Самойлов, Давид. В кругу себя. — Tallinn: Avenarius, 2001.

30. Кормашов, Н., Кормашов, О., Пантелеев, А. Никольская церковь в Таллинне. — Tallinn: Avenarius, 2002.
31. Самойловские чтения II. — Tallinn: Avenarius, 2006.
32. Астров, Александр. Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? — Tallinn: Avenarius, 2007.
33. Самойловские чтения III. Юрий Абызов — Давид Самойлов: переписка. — Tallinn: Avenarius, 2009.
34. Иванов, Андрей. Путешествие Ханумана на Лолланд. — Tallinn: Avenarius, 2009.
35. Ульман, Михкель. Камень времени и кукольный мастер мистера Мозера. — Tallinn: Avenarius, 2011.
36. Иванов, Андрей. Кризис. — Tallinn: Avenarius, 2012.
37. Иванов, Андрей. Ночь в Сен-Клу. — Tallinn: Avenarius, 2012.
38. Иванов, Андрей. Холод под сердцем. — Tallinn: Avenarius, 2012.
39. Анвельт, А. Директор. — Tallinn: Avenarius, 2013.
40. Балтийский архив. Т. 13. Только Вы поймете следующий текст…. Tallinn: Avenarius, 2013.
41. Иванов, Андрей. Харбинские мотыльки. — Tallinn: Avenarius, 2013.
42. Маркосян-Каспер, Гоар. Memento mori. — Tallinn: Avenarius, 2014.
43. Meimre, Aurika. David Samoilovi Pärnu. — Tallinn: Avenarius, 2015.
44. Меймре, Аурика. Пярну Давида Самойлова. — Tallinn: Avenarius, 2015.
45. В окно моего друга: Давид Самойлов / Яан Кросс. — Tallinn: Avenarius, 2015.
46. Перелыгин, Виктор. Пярнуский альбом. — Tallinn: Avenarius, 2015.
47. Иванов, Андрей. Исповедь лунатика. — Tallinn: Avenarius, 2015.
48. Иванов, Андрей. Аргонавт. — Tallinn: Avenarius, 2016.
49. Белобровцев, Виталий. Эстонско-русский словарь новых слов. — Tallinn: Avenarius, 2016.
50. Кяспер, Калле. Буриданы I–II. — Tallinn: Avenarius, 2017.
51. Иванов, Андрей. Печатный шар Расмуса Хансена. — Tallinn: Avenarius, 2017.
52. Иванов, Андрей. Обитатели потешного кладбища. — Tallinn: Avenarius, 2018.
53. Давид Самойлов в Пярну. Дневник Виктора Перелыгина. — Tallinn: Avenarius, 2020.
54. ‘Oma’ ja ‘võõra’ paradigma XX sajandi Eesti kultuuris. — Tallinn: Avenarius, 2020.
55. Иванов, Андрей. Театр ужасов. — Tallinn: Avenarius, 2021.
56. Прозоров, Илья. Тоска зеленая. — Tallinn: Avenarius, 2021.
57. Меймре, Аурика. Лики периодики I. — Tallinn: Avenarius, 2022.
58. Иванов, Андрей. Меланхолия сумерек. — Tallinn: Avenarius, 2022.
59. Иванов, Андрей. Под ласковой звездой. — Tallinn: Avenarius, 2023.

Appendix 4. Kite Publisher Bibliography

1. Воздушный змей: альманах. – Тарту: Kite, 2006–2007.
2. Котюх, Игорь. Попытка партнёрства: стихи и эссемы 2004–2008. – Võru: Kite, 2008.
3. Ояр, Трийну. Большая чёрная собака. – Võru: Kite, 2008.
4. Котюх, Игорь (сост.). Объяснение в любви: 150 стихотворений 18 русских поэтов Эстонии. – Võru: Kite, 2009.
5. Караев, Николай. Безумное малабарское чаепитие. – Tartu: Kite, 2009.
6. Филимонов, П. И. Зона неевклидовой геометрии. – Tallinn: Kite, 2010.
7. Котюх, Игорь. Usaldusliin. – Võru: Kite, 2010.
8. Кассь, Кристийна. Каарел с тележкой. – Tallinn: Kite, 2010.
9. Котюх, Игорь (сост.). Kius olla julge: luuletajad luulest. – Võru: Kite, 2011.
10. Симич, Горан. Kui sured nagu kass. – Tallinn, Võru: Kite, 2012.
11. Сассь, Хенно. Игра в пиратов. – Tallinn: Kite, 2012.
12. Väli, Katrin. ktrn. – Tallinn: Kite, 2013.
13. Каплинский, Ян. Белые бабочки ночи. – Tallinn: Kite, 2014.
14. Ладынская, Виктория. Белый корабль Ласнамяэ. – Tallinn: Kite, 2014.
15. Кангро, Маарья. Чёрный помидор. – Tallinn: Kite, 2014.
16. Zakirov, Hamdam. Vahimadrus kaugel merest. – Tallinn: Kite, 2014.
17. Tasuja, Triin. Vastuseta kirjad. – Tallinn: Kite, 2014.
18. Connelly, Karen. Tule, külm jõgi. – Tallinn: Kite, 2015.
19. Väli, Katrin; Филимонов, П. И. Tselluloos / Целлюлоза. – Tallinn: Kite, 2015.
20. Kotjuh, Igor. Kuidas kujutada päeva? – Tallinn: Kite, 2015.

21. Филимонов, П. И. Пела, пока всё не закончилось. – Tallinn: Kite, 2015.
22. Zavjalov, Sergei. Meelika; Kõned. – Tallinn: Kite, 2015.
23. Котюх, Игорь (сост.). Kius olla julge. II. – Tallinn, Võru: Kite, 2015.
24. Ристикиви, Карл. Синяя бабочка. – Tallinn: Kite, 2015.
25. Hanin, Semjon; Punte, Artur; Svetlov, Vladimir; Timofejev, Sergei. Orbita. – Tallinn: Kite, 2016.
26. Tammiste, Liina. Tagurpidi kuu. – Tallinn: Kite, 2017.
27. Котюх, Игорь. Естественно особенный случай. – Paide: Kite, 2017.
28. Филимонов, П. И. Порошковые огнетушители. – Tallinn: Kite, 2018.
29. Ødegård, Knut. Olin imiku nutt varisenud keldris. – Tallinn: Kite, 2018.
30. Котюх, Игорь. The Isolation Tapes. – Paide: Kite, 2020.
31. Райд, Юку-Калле; Кангро, Маарья; Каус, Ян. Я — твоё стихотворение. – Tallinn: Kite, 2020.
32. Соометс, Трийн; Синиярв, Карл Мартин; Кивисилла, Вероника. Вешалка вечности. Том 2. – Tallinn: Kite, 2021.
33. Каплинский, Ян. За другими реками. – Paide: Kite, 2021.
34. Тоомас Лийв, Калев Кескюла, Александер Сууман. Волк на паперти. Том 3: эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn: Kite, 2022.
35. Sireenid ja sähvatused (сборник стихов/материалов). — Tallinn: Kite, 2022.
36. Пая, Трийн; Хальяк, Кристьян; Касемаа, Андрес. Похороны реки. Том 4: эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn, KITE, 2023.

Appendix 5. K&G and SOLO Publishers' Bibliography, Käsper and Markosjan-Käsper Bibliographies

Solo Publisher

1. Маркосян-Каспер, Гоар. Евангелие от Марка. Версия вторая. – Tallinn: Solo, 2007.
2. Маркосян-Каспер, Гоар. Четвёртая Беты. – Tallinn: Solo, 2008.
3. Маркосян-Каспер, Гоар. Ищи горы. – Tallinn: Solo, 2009.
4. Маркосян-Каспер, Гоар. Забудь о прошлом. – Tallinn: Solo, 2010.
5. Маркосян-Каспер, Гоар. Земное счастье. – Tallinn: Solo, 2011.
6. Маркосян-Каспер, Гоар. Все зависит от тебя. – Tallinn: Solo, 2012.
7. Маркосян-Каспер, Гоар. Вторая Гаммы. – Tallinn: Solo, 2013.
8. Маркосян-Каспер, Гоар. Париж был так прекрасен… – Tallinn: Solo, 2015.

K & G Publisher

1. Каспер, Калле. Ода утреннему одиночеству, или, Жизнь Трдата (Üksindus on hommikuti hell. Trdat See-ja-See-jani elu), перевод Гоар Маркосян-Каспер. — Tallinn: K & G, 2004.
2. Маркосян-Каспер, Гоар. Елена. – Tallinn: K & G, 2004.
3. Маркосян-Каспер, Гоар. Кариатиды. – Tallinn: K & G, 2005.
4. Маркосян-Каспер, Гоар. В Микенах, златом обильных. – Tallinn: K & G, 2009.

Kalle Käsper Bibliography

1. Käsper, Kalle. Härra Käsperi tõsilood: humoreskid. – Tallinn: Meelejahutaja, 1994.
2. Käsper, Kalle. Taani prints Hamlet, nuhk: üks pikk ja mõned lühemad lood. – Tallinn: Kupar, 1996.
3. Käsper, Kalle. Üksindus on hommikuti hell: Trdat See-ja-See-jani elu. – Tallinn: Faatum, 1997.
4. Käsper, Kalle. Vennad Luiged. – Tallinn: Faatum, 2001.
5. Käsper, Kalle. Alliksandriine. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2003.
6. Käsper, Kalle. Buridanid I. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2005.
7. Käsper, Kalle. Kolm reisi: jutustused. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2005.
8. Käsper, Kalle. Buridanid II. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2006.
9. Käsper, Kalle. Buridanid III. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2006.
10. Каспер, Калле. "Ода утреннему одиночеству, или Жизнь Трдата." Нева 6 (2006).
11. Käsper, Kalle. Buridanid IV. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007.
12. Käsper, Kalle. Buridanid V. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009.
13. Каспер, Калле. Уроки Германии (Kolm reisi), перевод Гоар Маркосян-Каспер. — Tallinn: Aleksandra, 2009.

14. Каспер, Калле. От июня до июня. Главы из эпопеи. *Звезда*, № 3, 2009. – Санкт-Петербург: *Звезда*, 2009.
15. Käsper, Kalle. Jah, armastan, kuid mitte inimesi. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009.
16. Käsper, Kalle. Buridanid VI. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2011.
17. Käsper, Kalle. Buridanid VII. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012.
18. Käsper, Kalle. Öö jumalik enklaav. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012.
19. Käsper, Kalle. Mülgas. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2013.
20. Käsper, Kalle. Buridanid VIII. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2014.
21. Käsper, Kalle. Filosoofilisi novelle. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2016.
22. Käsper, Kalle. Orpheuse laule. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2017.
23. Каспер, Калле. Буриданы 1–2. – Tallinn: Avenarius, 2017.
24. Каспер, Калле. Песни Орфея (Orpheuse laule), перевод Алексея Пурина. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2018.
25. Каспер, Калле. Ночь — мой божественный анклав (Öö – minu jumalik enklaav), перевод Алексея Пурина. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2019.
26. Käsper, Kalle. Ime. – Tallinn: EKSA, 2020.
27. Каспер, Калле. Пробуждение. – Москва: Флобериум, 2020.
28. Каспер, Калле. Жизнь после жизни. – Москва: Флобериум, 2020.
29. Гаспари, Алессио *(псевд. Калле Каспера)*. Вместо мавзолея. – Москва: Флобериум, 2020.
30. Käsper, Kalle. Pihtimus harimatusest. – Tallinn: EKSA, 2021.
31. Каспер, Калле. Да, я люблю, но не людей (Jah, armastan, kuid mitte inimesi), перевод Алексея Пурина. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2021.
32. Каспер, Калле. Любовь Эрвина Буридана. – Москва: Руграм, 2022.
33. Каспер, Калле. Братья Луйк (Vennad Luiged), перевод Лейви Шера. — Tallinn: KPD, 2022.
34. Каспер, Калле. Ослепляющая страсть. – Москва: Руграм, 2022.
35. Каспер, Калле. Любовь и влечение: литературные эссе и заметки (Igaviku igavus: valik esseid kirjandusest). — Tallinn: KPD, 2022.

Gohar Markosjan-Käsper Bibliography

1. Markosjan-Käsper, Gohar. Nõelraviarst annab nõu: punktimassaaž kõigile. – Tallinn: Varrak, 1996.
2. Маркосян-Каспер, Гоар. Пенелопа. – Санкт-Петербург: *Звезда*, 1998.
3. Маркосян-Каспер, Гоар. Елена. – Санкт-Петербург: *Звезда*, 2000.
4. Маркосян-Каспер, Гоар. Пенелопа. – Москва: АСТ, 2001.
5. Маркосян-Каспер, Гоар. Helena. – Tallinn: Faatum, 2003.
6. Маркосян-Каспер, Гоар. Сон и другие мистические истории. – Tallinn: KPD, 2003.
7. Маркосян-Каспер, Гоар. Teekond säravatele tippudele. Novellid (translated into Estonian by Kalle Käsper). – Tallinn: Kultuurileht, 2006.
8. Маркосян-Каспер, Гоар. Пенелопа пускается в путь. – Санкт-Петербург: *Звезда*, 2007.
9. Маркосян-Каспер, Гоар. Возвращение Агамемнона из Трои. – Санкт-Петербург: *Нева*, 2008.
10. Маркосян-Каспер, Гоар. Электра выходит замуж. – Санкт-Петербург: *Нева*, 2009.
11. Markosjan-Käsper Gohar. Penelope, die Listenreiche. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2010.
12. Маркосян-Каспер, Гоар. Memento mori. – Санкт-Петербург: *Звезда*, 2012.
13. Markosjan-Käsper Gohar. Memento mori (translated into Estonian by Kalle Käsper). – Tallinn: Tuum, 2013.
14. Маркосян-Каспер, Гоар. Memento mori. – Tallinn: Avenarius, 2014.
15. Маркосян-Каспер, Гоар. Родилась я черной пантерой. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017.
16. Markosjan-Käsper, Gohar. Kullarohkes Mükeenes (translated into Estonian by Kalle Käsper). – Tallinn: EKSA, 2017.
17. Маркосян-Каспер, Гоар. Последняя любовь. – Москва: ЛитРес, 2020.
18. Маркосян-Каспер, Гоар. Lumi rohul. – Tallinn: EKSA, 2021.
19. Маркосян-Каспер, Гоар. Встреча в метро. – Москва: Флобериум, 2022.
20. Markosjan-Käsper Gohar. Penelope. Пер. Мирко Галленци. — Firenze: goWare, 2022.

Joint publications by Kalle Käsper and Gohar Markosjan-Käsper

1. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Чудо. – Москва: Эксмо, 2018.
2. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Краткие либретто опер Россини. – Санкт-Петербург: Композитор, 2018.
3. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Краткие либретто опер Верди. – Санкт-Петербург: Композитор, 2018.
4. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Убийство на улице Фельмана. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
5. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Убийство на острове Родос. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
6. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Миллион на стене. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
7. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Убийство в старом городе. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
8. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Смерть журналиста. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
9. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Похищенная партитура. – Москва: Литературное агентство Флобериум, 2020.
10. Маркосян-Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Война в Карабахе. – Москва: Флобериум, 2021.
11. Каспер, Гоар; Каспер, Калле. Краткие либретто опер Беллини. – Санкт-Петербург: Композитор, 2023.

Appendix 6. Dialoog Publisher Bibliography

1. Катаева-Валк, Надежда. Там, где я родилась. — Tartu: Dialoog, 2015.
2. Иванов, Николай. Детство, которого не было. — Tartu: Dialoog, 2016.
3. Катаева-Валк, Надежда. Seal, kus ma sündisin (рус. Там, где я родилась / “Там, где я родилась”). — Tartu: Dialoog, 2016.
4. Катаева-Валк, Надежда. Тартуский художник Иван Соколов. Жизнь и творчество. — Tartu: Dialoog, 2018.
5. Логинова-Казарян, Людмила. Стихотворения. Дневник 2011–2020. — Tartu: Dialoog, 2020.
6. Вельмезова, Екатерина. Время, конец и начало. — Tartu: Dialoog, 2021.
7. Титова, Ольга. Лето балтийской жизни. — Tartu: Dialoog, 2022.
8. Титова, Ольга. Лето балтийской жизни (повторное издание / печать). — Tartu: Dialoog, 2022.
9. Вельмезова, Екатерина. Тасму. — Tartu: Dialoog, 2023.
10. Назаревский, Борис. От Причудья до Обозерья. — Tartu: Dialoog, 2023.
11. Тервонен, Марина. Инспектор Добротный и его женщины. — Tartu: Dialoog, 2023.

Appendix 7. Andrus Kivirähk’s bibliography

1. Kivirähk, Andrus. Ivan Orava mälestused. Minevik kui helesinised mäed. – Tallinn: Varrak, 1995.
2. Kivirähk, Andrus. Kaelkirjak. – Tallinn: Tiritamm, 1995.
3. Kivirähk, Andrus. Õlle kõrvale. – Tallinn: AS Vaho, 1996.
4. Kivirähk, Andrus. Kalevipoeg. – Tallinn: BNS, 1997.
5. Kivirähk, Andrus. Vanamehed seitsmendalt. Jalutuskäik vikerkaarel. – Tallinn: Loomingu Raamatukogu, 1997.
6. Kivirähk, Andrus. Pagari piparkook. – Tallinn: Kupar, 1999.
7. Kivirähk, Andrus. Liblikas. – Tallinn: Tuum, 1999.
8. Kivirähk, Andrus. Sirli, Siim ja saladused. – Tallinn: Varrak, 1999.
9. Раудам, Тоомас; Берг, Майму; Юри Эльвест; Кивиряхк, Андрус; Кросс, Яан; Валтон, Арво; Кивастик, Март; Михкельсон, Эне; Мутт, Михкель; Парк, Ээва; Траат, Матс; Саутер, Пеэтер; Тоомет, Тийа; Каукси, Юлле; Унт, Мати; Тоде, Эмиль. Новая эстонская новелла: 1990-е годы (Eesti novell 1990. aastail) — Tallinn: Aleksandra, 1999.
10. Kivirähk, Andrus. Rahva oma kaitse. – Tallinn: Tänapäev, 2000.
11. Kivirähk, Andrus. Rehepapp ehk November. – Tallinn: Varrak, 2000.

12. Kivirähk, Andrus. Sibulad ja šokolaad. – Tallinn: Varrak, 2002.
13. Kivirähk, Andrus. Papagoide päevad. – Tallinn: Varrak, 2002.
14. Kivirähk, Andrus. Lotte reis lõunamaale. – Tallinn: Varrak, 2002.
15. Maimu Berg, Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Indrek Hargla, Jaan Kaplinski, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Arvo Valton, Teet Kallas, Mihkel Mutt, Eeva Park, Mari Saat, Mats Traat, Mati Unt, Toomas Vint, Ervin Õunapuu, Vaino Vahing, Jüri Tuulik, Kerttu Rakke. Les Hirondelles: anthologie de nouvelles estoniennes contemporaines (Les Hirondelles: anthologie de nouvelles estoniennes contemporaines) — Caen: Presses Universitaires de Caen, 2002.
16. Andrus Kivirähk. Riihiukko eli Marraskuu (Rehepapp ehk november) — Helsinki: Otava, 2002.
17. Kivirähk, Andrus. Romeo ja Julia. – Tallinn: Absurdia, 2003.
18. Kivirähk, Andrus. Vargamäe vanad ja noored. – Tallinn: Varrak, 2003.
19. Maimu Berg, Kristiina Ehin, Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Jaan Kaplinski, Doris Kareva, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Arvo Valton, Viivi Luik, Ene Mihkelson, Mihkel Mutt, Eeva Park, Jürgen Rooste, Paul-Eerik Rummo, Peeter Sauter, Karl Martin Sinijärv, Mats Traat, Mati Unt, Emil Tode, Asta Põldmäe, Ellen Niit, Jaan Kruusvall, Reet Kudu. 95/XXIV (Lichtungen) — Germany: Zeitschrift für Literatur, Kunst und Zeitkritik, 2003.
20. Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Indrek Hargla, Jan Kaus, Andrus Kivirähk, Eeva Park, Peeter Sauter, Ervin Õunapuu, Olavi Ruitlane, Kerttu Rakke, Aapo Ilves, Veiko Märka, Urmas Vadi, Karen Orlau, Veiko Belials, Matt Barker, Kaur Kender, Kauksi Ülle. Tallinnasta pois: groteskia virolaista proosaa (Tallinnasta pois: groteskia virolaista proosaa). — Helsinki: Absurdia, 2003.
21. Kivirähk, Andrus. Limpa ja mereröövlid. – Tallinn: Varrak, 2004.
22. Andrus Kivirähk. Ördöngös idők (Rehepapp ehk november). — Budapest: Polar Könyvek, 2004.
23. Andrus Kivirähk. Romeo ja Julia (Romeo ja Julia). — Helsinki: Absurdia, 2004.
24. Kivirähk, Andrus. Vaene üliõpilane. – Tallinn: Kuulamisraamat, 2004.
25. Kivirähk, Andrus. Vargamäe vanad ja noored lähevad Euroopasse. – Tallinn: Varrak, 2004.
26. Kivirähk, Andrus. Wremja. Timur ja tema meeskond. – Tallinn: Varrak, 2004.
27. Kivirähk, Andrus, Mart Juur. Wremja. Zorro märk. – Tallinn: Varrak, 2004.
28. Kivirähk, Andrus. Trollskap i november (Rehepapp ehk November). – Oslo: Pax forlag, 2004.
29. Kivirähk, Andrus. Jutud. – Tallinn: Varrak, 2005.
30. Kivirähk, Andrus. Adolf Rühka lühikene elu. – Tallinn: Varrak, 2005.
31. Kivirähk, Andrus. Vargamäe vanad ja noored tembutavad jälle. – Tallinn: Varrak, 2005.
32. Andres Ehin, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Arvo Valton, fs, Kalju Lepik, Ene Mihkelson, Eeva Park, Paul-Eerik Rummo, Karl Ristikivi, Mari Saat. Világirodalmi folyóirat (Nagyvilág). — Budapest: No 11, 2005.
33. Andrus Kivirähk. Kék vagon (Helesinine vagun). — Budapest: Kráter Műhely Egyesület, 2005.
34. Sven Kivisildnik, Jaan Kaplinski, Indrek Hirv, Kauksi Ülle, Hasso Krull, Kalev Kesküla, Asko Künnap, Viivi Luik, Andres Ehin, Doris Kareva, Hando Runnel, Karl Martin Sinijärv, Paul-Eerik Rummo, Triin Soomets, Mari Vallisoo, Elo Viiding, Juhan Viiding, Maimu Berg, Ene Mihkelson, Ilmar Jaks, Jan Kaus, Jaan Kross, Andrus Kivirähk, Nikolai Baturin, Jüri Ehlvest, Mihkel Mutt, Mehis Heinsaar, Tarmo Teder, Jaan Undusk, Arvo Valton, Tõnu Õnnepalu, Mats Traat, Eeva Park, Ervin Õunapuu, Peeter Sauter, Toomas Vint. A Sharp Cut (Eesti kaasaegset kirjandust) — Tallinn: Estonian Literature Centre, 2005.
35. Kivirähk, Andrus. Aabitsa kukk. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2006.
36. Kivirähk, Andrus. Leiutajateküla Lotte. – Tallinn: Eesti Joonisfilm, 2006.
37. Кивиряхк, Андрус; Кыйв, Мадис; Кивастик, Март; Тятте, Яан; Леннук, Урмас. Костер Савонаролы и еще 7 новейших эстонских пьес (Näidendid) — Tallinn: Aleksandra, 2006.
38. Эхин, Кристийна; Каплински, Яан; Карева, Дорис; Кивиряхк, Андрус; Кросс, Яан; Валтон, Арво; Руннель, Хандо. Антология литературы финно-угорских народов, I–II (Soome-ugri kirjanduste antoloogia, I–II) — Moscow: Sokrat, 2006.
39. Maimu Berg, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Arvo Valton, Eeva Park, Karl Ristikivi, Mari Saat, Mats Traat, Jaan Undusk, Mati Unt, Ervin Õunapuu. Éjszakai ügyelet. Modern észt elbeszélések (Tänapäeva eesti jutustused) — Budapest: Nagyvilág, 2006.
40. Kivirähk, Andrus. Mees, kes teadis ussisõnu. – Tallinn: Varrak, 2007.
41. Kivirähk, Andrus. Sürrealistid. – Tallinn: Eesti Draamateater, 2007.
42. Kivirähk, Andrus. Voldemar. – Tallinn: Eesti Draamateater, 2007.

43. Andrus Kivirähk, Sven Kivisildnik, Jürgen Rooste, Peeter Sauter, Karl Martin Sinijärv, Veiko Belials, Jaan Tätte, Contra, Peep Pedmanson, Juhani Püttsepp, Jaanus Vaiksoo. Hopp i säng! Godnattsagor av Estniska pappor (Unejutud) — Stockholm: NyNorden, 2007.
44. Peeter Sauter, Maimu Berg, Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Jaak Jõerüüt, Viivi Luik, Ene Mihkelson, Eeva Park, Tiia Toomet. Estland berättar (Short stories) (Estland berättar: Hur man dödar minnet: fjorton noveller) — Stockholm: Tranan, 2007.
45. Kivirähk, Andrus. Keksijäkylän Lotta (Lotte reis lõunamaale). – Helsinki: Otava, 2008
46. Кивиряхк, Андрус. Сирли, Сийм и секреты (Sirli, Siim ja saladused). – Tallinn: KPD, 2008.
47. Кивиряхк, Андрус. Жираф (Kaelkirjak). – Tallinn: KPD, 2008.
48. Кивиряхк, Андрус. Ноябрь, или Гуменщик (Rehepapp ehk November). – Tallinn: Aleksandra, 2008.
49. Kivirähk, Andrus. Sári, Samu és a titkok (Sirli, Siim ja saladused). — Budapest: Cerkabella, 2008.
50. Kivirähk, Andrus. Neue Nordische Novellen II (Bist Du's?). — Mersenburg: Mersenburg, 2008.
51. Kivirähk, Andrus. Kaka ja kevad. – Tallinn: Varrak, 2009.
52. Kivirähk, Andrus. Jumala lood. – Tallinn: Eesti Päevaleht, 2009.
53. Mehis Heinsaar, Andrus Kivirähk, Jaan Kross, Arvo Valton, et al. In forma di parole: poetare e pensare (Eesti ilukirjandust ja eeposekatkendeid) — Rome: Associazione culturale, 2009.
54. Берг, Майму; Карева, Дорис; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Тух, Борис; Кивисильдник, Свен; Кросс, Яан; Валтон, Арво; Йыэрюйт, Яак; Роосте, Юрген; Руннель, Хандо; Ундуск, Яан; Тоде, Эмиль; Вейдеманн, Рейн; Теэде, Андра. *Дружба народов* (Eesti novellid). — Moscow: *Дружба народов*, 2009.
55. Andrus Kivirähk. 2 Novembre, Giorno Dei Morti (2. november, hingede öö. La sparuta progenie di Kalev. Poesia epica e novelle d'Estonia). — Rome: In forma di parole No 2, 2009.
56. Andrus Kivirähk. 5 novembre (5. november. La sparuta progenie di Kalev. Poesia epica e novelle d'Estonia). — Rome: In forma di parole No 2, 2009.
57. Kristiina Ehin, Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Jaan Kaplinski, Doris Kareva, Maarja Kangro, Jan Kaus, Kalev Kesküla, Andrus Kivirähk, Sven Kivisildnik, Hasso Krull, Asko Künnap, Mart Kivastik, fs, Jürgen Rooste, Peeter Sauter, Karl Martin Sinijärv, Triin Soomets, Jaan Undusk, Elo Viiding, Tõnu Õnnepalu, Ervin Õunapuu, Paavo Piik, Jaan Pehk, Aare Pilv, Lauri Sommer, Wimberg, Kruusa Kalju, Andra Teede, Contra, Mihkel Samarüütel, Kauksi Ülle, Valdur Mikita, Paavo Matsin, Anti Saar. *Pluralica*, no 1-2. — Budapest: Pluralica Alapítvány, 2009.
58. Кивиряхк, Андрус. Лимпа и пираты (Limpa ja mereröövlid) — Tallinn: Varrak, 2009.
59. Кивиряхк, Андрус. Лотте из Деревни изобретателей (Leiutajateküla Lotte) — Tallinn: Eesti Päevaleht, 2009.
60. Kivirähk, Andrus. Sirli, Sīms un noslēpumi (Sirli, Siim ja saladused) — Riga: Liels un Mazs, 2009.
61. Kivirähk, Andrus. Rijkuris jeb Novembris (Rehepapp ehk november) — Riga: Lauku Avīze, 2009.
62. Кивиряхк, Андрус. Весна и какашка (Kaka ja kevad). – Tallinn: Varrak, 2010.
63. Kivirähk, Andrus. Sirlė, Simas ir slėpiniai (Sirli, Siim ja saladused). — Vilnius: Kronta, 2010.
64. Kivirähk, Andrus. Lote no Izgudrotāju ciema (Leiutajateküla Lotte). — Riga: Zvaigzne ABC, 2010.
65. Kivirähk, Andrus. Vombat. – Tallinn: Eesti Draamateater, 2011.
66. Kerttu Rakke, Tõnu Õnnepalu. Anthologie française (Nepalu, Kerttu Rakke). — Paris / Montréal: Maison des cultures du monde / Actes Sud / Leméac, 2011.
67. Kivirähk, Andrus. Muž, který rozuměl hadí řeči (Mees, kes teadis ussisõnu). — Zlín: Zlín, 2011.
68. Kivirähk, Andrus. Breviárium (Lühiproosa). — Budapest: Észt Intézet - Pluralica, 2011.
69. Kivirähk, Andrus. Vīrs, kas zināja čūskuvārdus (Mees, kes teadis ussisõnu). — Riga: Lauku Avīze, 2011.
70. Kivirähk, Andrus. Kevadine Luts. – Tallinn: Loomingu Raamatukogu, 2012.
71. Kivirähk, Andrus. Lood. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012.
72. Кивиряхк, Андрус. Шесть монологов о деньгах. – Tallinn: KPD, 2012.
73. Kivirähk, Andrus. Kaka un pavasaris (Kaka ja kevad). — Riga: Liels un Masz, 2012.
74. Kivirähk, Andrus. Maailma otsas. Pildikesi heade inimeste elust. – Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2013.
75. Kivirähk, Andrus. Konna musi. – Tallinn: Varrak, 2013.

76. Kivirähk, Andrus. L'Homme qui savait la langue des serpents (Mees, kes teadis ussisõnu). – Le Rayol: Le Tripode, 2013.
77. Kivirähk, Andrus. Lotes ceļojums uz Dienvidiem (Lotte reis lõunamaale). — Riga: Zvaigzne ABC, 2013.
78. Ыннепалу, Тыну; Хейнсаар, Мехис; Кангро, Маарья; Кивастик, Март; Кивиряхк, Андрус, et al. Казус пристального взгляда: эстонская новелла 2000-2012 (Kõrvetavate silmade juhtum. Eesti novell 2000-2012). — Tallinn / Moscow: Aleksandra / Oktopus, 2013.
79. Кивиряхк, Андрус. Старые сказки для взрослых (Vanad muinasjutud täiskasvanutele). — Tallinn: KPD, 2013.
80. Kivirähk, Andrus. Skaistais dzīvnieks: stāsti (Ilus loom: jutud). — Riga: Mansards, 2013.
81. Kivirähk, Andrus. L'homme qui savait la langue des serpents (Mees, kes teadis ussisõnu). — Paris: Attila, 2013.
82. Kivirähk, Andrus. Suur Tõll. – Tallinn: Varrak, 2014.
83. Kivirähk, Andrus. Les Groseilles de novembre (Rehepapp ehk November). – Le Rayol: Le Tripode, 2014.
84. Кивиряхк, Андрус. Последний, кто знал змеиную молвь (Mees, kes teadis ussisõnu). — Tallinn: Aleksandra, Moscow: Oktopus, 2014.
85. Кивиряхк, Андрус. Поцелуй лягушку! (Konna musi). – Tallinn: Varrak, 2014.
86. Kivirähk, Andrus. Karneval ja kartulisalat. – Tallinn: Varrak, 2015.
87. Kivirähk, Andrus. Inimväärne elu. – Tallinn: Varrak, 2015.
88. Kivirähk, Andrus. Oskar ja asjad. – Tallinn: Film Distribution, 2015.
89. Kivirähk, Andrus. The Man Who Spoke Snakish (Mees, kes teadis ussisõnu). – New York: Grove Atlantic, 2015.
90. Kivirähk, Andrus. De Schiet un dat Fröhjohr (Kaka ja kevad). — Plaggenhauer, 2015.
91. Kivirähk, Andrus. Az ember, aki beszélte a kígyók nyelvét (Mees, kes teadis ussisõnu). — Budapest: Typotex, 2015.
92. Хвостов, Андрей; Хейнсаар, Мехис; Каплински, Яан; Кангро, Маарья; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус, et al. *Октябрь*: БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии (Anthology). — Moscow, 2015.
93. Kivirähk, Andrus. De man die de taal van slangen sprak (Mees, kes teadis ussisõnu). – Amsterdam: Prometheus, 2015.
94. Kivirähk, Andrus. Синият вагон: пиеси (Helesinine vagun). — Sofia: Ergo, 2015.
95. Kivirähk, Andrus. Sara, Simon in skrivnosti (Sirli, Siim ja saladused). — Ljubljana: Sodobnost International, 2015.
96. Kivirähk, Andrus. Slangehvisleren (Mees, kes teadis ussisõnu). — Copenhagen: Jensen & Dalgaard, 2015.
97. Kivirähk, Andrus. Frösche küssen (Konna musi). – Aachen: Willegoos, 2015.
98. Kivirähk, Andrus. Der Schiet und das Frühjahr (Kaka ja kevad). – Aachen: Willegoos, 2015.
99. Kivirähk, Andrus. Koiranne alkaa kohta kukkia (Kaka ja kevad). – Helsinki: Otava, 2016.
100. Кивиряхк, Андрус. На краю света: картинки из жизни хороших людей (Maailma otsas. Pildikesi heade inimeste elust). — Tallinn: Aleksandra; Moscow: Oktopus, 2016.
101. Кивиряхк, Андрус. Карнавал и картофельный салат (Karneval ja kartulisalat). — Tallinn: Varrak, 2016.
102. Kivirähk, Andrus. Karnevāls un kartupeļu salāti (Karneval ja kartulisalat) — Riga: Liels un Mazs, 2016.
103. Kivirähk, Andrus. Le Papillon (Liblikas). – Le Rayol: Le Tripode, 2017.
104. Кивиряхк, Андрус. Путешествие Лотты в тёплые края (Lotte reis lõunamaale). — Tallinn: Eesti Joonisfilm, 2017.
105. Kivirähk, Andrus. Der Mann, der mit Schlangen sprach (Mees, kes teadis ussisõnu). — Stuttgart: Klett-Cotta, 2017.
106. Kivirähk, Andrus. El hombre que hablaba serpiente (Mees, kes teadis ussisõnu). — Sevilla: Impedimenta, 2017.
107. Kivirähk, Andrus. Tilda ja tolmuingel. – Tallinn: FD Distribution, 2018.
108. Kivirähk, Andrus. Millest kõneleb vana taksojuht kuupaistel. – Tallinn: FD Distribution, 2018.
109. Kivirähk, Andrus. *Kun Musti muni mummon* (Karneval ja kartulisalat). – Helsinki: WSOY, 2018.

110. Kivirähk, Andrus. Köster. – Tallinn: FD Distribution, 2018.
111. Kivirähk, Andrus. Miis kiä’ tiidse hussisõnnu (Mees, kes teadis ussisõnu). — Setomaa: Seto Kiri, 2018.
112. Kivirähk, Andrus. Куд шкетой окса шумлык: ойлымаш-влак (Jutud). — Yoshkar-Ola: Oto, 2018.
113. Kivirähk, Andrus. Die Fibel (Aabitsa kukk). — Vienna: Österreichischer Bühnenverlag Kaiser & Co, 2018.
114. Kivirähk, Andrus. Oskars un lietas (Oskar ja asjad). — Riga: Liels un Mazs, 2018.
115. Kivirähk, Andrus. Oskar i rzeczy (Oskar ja asjad). — Warsaw: Widnokrąg, 2018.
116. Kivirähk, Andrus. Sinine sarvedega loom. – Tallinn: Varrak, 2019.
117. Kivirähk, Andrus. Tont ja Facebook. – Tallinn: Varrak, 2019.
118. Ene Mihkelson, Peeter Sauter, Eeva Park, Viivi Luik, Maimu Berg, Andrus Kivirähk, Mehis Heinsaar, Jüri Ehlvest, Jaan Kross, Jaak Jõerüüt, Tiia Toomet. Estland berättar (Short stories) (Estland berättar: Hur man dödar minnet: fjorton noveller) — Stockholm: Tranan, 2019.
119. Каплински, Яан; П.И. Филимонов; Кивиряхк, Андрус; Хвостов, Андрей; Кангро, Маарья; Хейнсаар, Мехис; Роосте, Юрген; Григорьева, Светлана; fs; Каус, Яан; Вяли, Катрин. 10 живых эстонских авторов (Kümme Eesti autorit) — Tallinn: *PLUG*, 2019.
120. Кивиряхк, Андрус. Тильда и пылевичок (Tilda ja tolmuingel). — Tallinn: Aleksandra, 2019.
121. Кивиряхк, Андрус. Оскар и вещи (Oskar ja asjad). — Tallinn: KPD, 2019.
122. Kivirähk, Andrus; Ernits, Heiki . Lotte. L’avventuroso viaggio al sud (Lotte reis lõunamaale) — Milano: De Bastiani, 2019.
123. Kivirähk, Andrus. Човекот што зборуваше змиски (Mees, kes teadis ussisõnu) — Skopje: PNV Publications, 2019.
124. Kivirähk, Andrus. Puulased ja tohtlased. – Tallinn: Varrak, 2020.
125. Kivirähk, Andrus. Człowiek, który znał mowę węży (Mees, kes teadis ussisõnu) — Warsaw: Marpress, 2020.
126. Kivirähk, Andrus. Les Secrets (Sirli, Siim ja saladused) — Paris: Le Tripode, 2020.
127. Kivirähk, Andrus. A mumus és a Facebook (Tont ja Facebook). — Budapest: Cerkabella, 2020.
128. Kivirähk, Andrus. Žmogus, mokėjęs gyvačių kalbą (Mees, kes teadis ussisõnu) — Vilnius: Aukso žuvys, 2020.
129. Kivirähk, Andrus. Zilais, ragainais dzīvnieks (Sinine sarvedega loom). — Riga: Latvijas Mediji, 2020.
130. Kivirähk, Andrus. Tilda un putekļu eņģelis (Tilda ja tolmuingel). — Riga: Zvaigzne ABC, 2020.
131. Kivirähk, Andrus. Oskar in govoreči predmeti (Oskar ja asjad). — Ljubljana: KUD Sodobnost International, 2020.
132. Kivirähk, Andrus. Mälestused. – Tallinn: Varrak, 2021.
133. Kivirähk, Andrus. Tilda i kurzołek (Tilda ja tolmuingel) — Warsaw: Wydawnictwo Widnokrąg, 2021.
134. Kivirähk, Andrus. Listopadowe porzeczki (Rehepapp ehk november) — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2021.
135. Karl Ristikivi, Kristjan Haljak, Andrus Kivirähk, Triin Paja, Kairi Look, Viivi Luik. No More Amber. Baltikumi kirjanduse antoloogia 1. — Vilnius: Lithuanian Writers' Union, 2021.
136. Kivirähk, Andrus. Ērms un feisbuks (Tont ja Facebook). — Riga: Liels un mazs, 2021.
137. Kivirähk, Andrus. Kocenieki un tāsenieces (Puulased ja tohtlased). — Riga: Pētergailis, 2021.
138. Kivirähk, Andrus. Szépséges kék állat (Sinine sarvedega loom). — Budapest: Gondolat, 2021.
139. Kivirähk, Andrus. 蛇の言葉を話した男 (Mees, kes teadis ussisõnu). — Tokyo: Kawade Shobo Shinsha, 2021.
140. Kivirähk, Andrus. Le Papillon (Liblikas). — Paris: Le Tripode, 2021.
141. Кивиряхк, Андрус. Чурки да веники (Puulased ja tohtlased). — Tallinn: Aleksandra, 2021.
142. Kivirähk, Andrus. Lend kuule. – Tallinn: Varrak, 2022.

143. Kivirähk, Andrus. Oskar and the Things (Oskar ja asjad). – Birmingham: The Emma Press, 2022.
144. Kivirähk, Andrus. L' uomo che sapeva la lingua dei serpenti (Mees, kes teadis ussisõnu) — Rome: La nave di Teseo, 2022.
145. Meelis Friedenthal, Maarja Kangro, Hanneleele Kaldmaa, Veronika Kivisilla, Igor Kotjuh, Andrus Kivirähk, Hasso Krull, Andrei Ivanov, Kätlin Kaldmaa, Kai Aareleid, Kruusa Kalju, Margit Lõhmus, Triin Soomets, Tõnis Vilu, Urmas Vadi, Triin Paja, Ave Taavet, Maarja Pärtna, Rein Raud, Kaur Riismaa, Elo Viiding. Antologija sodobne estonske književnosti (Meelestik) — Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev, 2022.
146. Kivirähk, Andrus. الرجل الذي تحدث الثعبانية (Mees, kes teadis ussisõnu) — Dubai: Al Arabi Publishing and Distributing, 2022.
147. Andrus Kivirähk, Eno Raud, Markus Saksatamm, Piret Raud, Janno Põldma. *Täheke*: українською мовою (Täheke) — Kyiv: Kultuurileht, 2022.
148. Кивиряхк, Андрус. Большой Тылль (Suur Tõll). — Tallinn: KPD, 2023.
149. Kivirähk, Andrus. Jaujininkas (Rehepapp ehk November). — Vilnius: Aukso žuvys, 2023.
150. Kivirähk, Andrus. 뱀의 말을 할 수 있는 사나이 (Mees, kes teadis ussisõnu), Seoul: Golden Branch, 2023.
151. Kadri Hinrikus, Andrus Kivirähk, Kristiina Kass, Triinu Laan. Täheke: українською мовою (Täheke). — Tallinn: Kultuurileht, 2023.
152. Kivirähk, Andrus. Lidojums uz Mēnesi (Lend Kuule). — Riga: Pētergailis, 2023.
153. Kivirähk, Andrus, Veiko Tammjärv. November. Erster Teil (Rehepapp. I osa). — Berlin: Voland & Quist, 2023.

Appendix 8. Valdur Mikita's bibliography

1. Mikita, Valdur. Äparduse rõõm: keele- ja kultuurimänge. — Tartu: V. Mikita, 2000.
2. Mikita, Valdur. Rännak impampluule riiki. — Tallinn: Faun, 2001.
3. Mikita, Valdur. Kirsiõieturundus: visioon alternatiivsest turundusest. — Tartu: Fontese Kirjastus, 2004.
4. Mikita, Valdur. Metsik lingvistika: sosinaid kartulikummardajate külast. — Tallinn: Grenader, 2008.
5. Kristiina Ehin, Jüri Ehlvest, Mehis Heinsaar, Jaan Kaplinski, Doris Kareva, Maarja Kangro, Jan Kaus, Kalev Kesküla, Andrus Kivirähk, Sven Kivisildnik, Hasso Krull, Asko Künnap, Mart Kivastik, fs, Jürgen Rooste, Peeter Sauter, Karl Martin Sinijärv, Triin Soomets, Jaan Undusk, Elo Viiding, Tõnu Õnnepalu, Ervin Õunapuu, Paavo Piik, Jaan Pehk, Aare Pilv, Lauri Sommer, Wimberg, Kruusa Kalju, Andra Teede, Contra, Mihkel Samarüütel, Kauksi Ülle, Valdur Mikita, Paavo Matsin, Anti Saar. *Pluralica*, no 1–2. — Budapest: Pluralica Alapítvány, 2009.
6. Mikita, Valdur. Teoreem. — Tartu: HM, 2011.
7. Mikita, Valdur. Lingvistiline mets: tsibihärblase paradigma. Teadvuse kiirendi. — Tallinn: Grenader, 2013.
8. Mikita, Valdur. Lindvistika ehk metsa see lingvistika. — Tallinn: Grenader, 2015.
9. Хвостов, Андрей; Хейнсаар, Мехис; Каплински, Яан; Кангро, Маарья; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Валтон, Арво; Кыомяги, Армин; Котюх, Игорь; Роосте, Юрген; Балясный, Борис; Вийдинг, Юхан; Скульская, Елена; П.И. Филимонов; Калдмаа, Кятлин; Абашина-Мельц, Нелли; Григорьева, Света; Вахер, Берк; Теэде, Андра; Микита, Вальдур; Вади, Урмас; Кангро, Кирке; Ротар, Олеся; Глушковская, Людмила; Ала, Яанар; Караев, Николай; Юди, Юри; Йоонас, Лариса. *Октябрь*, No 9. *Октябрь:* БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии. — Москва: *Октябрь*, 2015.
10. Mikita, Valdur. Kukeseene kuulamise kunst: läänemeresoome elutunnet otsimas. — Välgi metsad, 2017.
11. Mikita, Valdur. Omakultuurist ja oma kultuurist. — Viljandi: Viljandi Kultuuriakadeemia, 2017.
12. Mart Kangur, Mihkel Mutt, Olavi Ruitlane, Jaan Pehk, Veronika Kivisilla, Valdur Mikita, Eda Ahi, Sven Vabar, Tiina Laanem, Piret Jaaks. *Nippernaati 3. Virolaisen kirjallisuuden antologia*.— Helsinki: Viro-instituutti, 2017.

13. Mikita, Valdur. Tartu tähestik ehk Tarto maine ja taevane trükis. — Tartu: Tartu Linnavalitsus, 2017.
14. Mikita, Valdur. Eesti looduse kannatuste aastad. Manifest Eesti metsale. — Välgi metsad, 2018.
15. Микита, Вальдур. Загадки Тарту. — Tartu: Tartu Linnavalitsus, 2018.
16. Mikita, Valdur. Tarton arvoitus. — Tartu: Tarton kaupunginhallitus, 2018.
17. Mikita, Valdur. Kantarellin kuuntelun taito. Itämerensuomalaista maailmankuvaa etsimässä. — Helsinki: Sammakko, 2018.
18. Mikita, Valdur. Das Rätsel von Tartu. — Tartu: Tartu Linnavalitsus, 2018.
19. Mikita, Valdur. Mikita keeleaabits: põliskeele omailm. — Välgi metsad, 2019.
20. Mikita, Valdur. Kodukäija koodeks. — Välgi metsad, 2019.
21. Mikita, Valdur. Forestonia = Estwald = Mine metsa! — Tallinn: Estonian Literature Centre, 2020.
22. Микита, Вальдур. Парадигма стрекогузки: природа и мифы. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
23. Mikita, Valdur. Lingvistinen metsä. — Helsinki: Sammakko, 2021.
24. Mikita, Valdur. Mõtterändur: taevalike eksirännakute taskuraamat. — Välgi metsad, 2022.

Appendix 9. Andrei Ivanov's bibliography

1. Иванов, Андрей. Путешествие Ханумана на Лолланд. — Tallinn: Avenarius, 2009.
2. Иванов, Андрей. Путешествие Ханумана на Лолланд. — Москва: АСТ, 2009.
3. Иванов, Андрей. Копенгага. — Tallinn: KPD, 2011.
4. Ivanov, Andrei. Peotäis põrmu. — Tallinn: Varrak, 2011.
5. Иванов, Андрей. Ночь в Сен-Клу. — Tallinn: Avenarius, 2012.
6. Ivanov, Andrei. Hanumani teekond Lollandile. — Tallinn: Varrak, 2012.
7. Ivanov, Andrei. Hanumans Reise nach Lolland. — Antje Kunstmann, 2012.
8. Иванов, Андрей. Харбинские мотыльки. — Tallinn: Avenarius, 2013.
9. Ivanov, Andrei. Harbini ööliblikad. — Varrak, 2013.
10. Иванов, Андрей. Харбинские мотыльки. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2013.
11. Иванов, Андрей. Батискаф. — Русская проза (литературный сборник), 2013.
12. Андрей Иванов. Харбинские мотыльки / Горсть праха. — Москва: АСТ, 2014.
13. Андрей Иванов. Бизар. — Москва: Рипол-Классик, 2014.
14. Ivanov, Andrei. Bizarre. — Tallinn: Varrak, 2014.
15. Иванов, Андрей. Исповедь лунатика. — Tallinn: Avenarius, 2015.
16. Иванов, Андрей. Исповедь лунатика. — Москва: АСТ, 2015.
17. Ivanov, Andrei. Kuutõbise pihtimus. — Tallinn: Varrak, 2015.
18. Иванов, Андрей. Аргонавт. — Tallinn: Avenarius, 2016.
19. Ivanov, Andrei. Bizarre. — Tallinn: Varrak, 2014.
20. Ivanov, Andrei. Bizarre. — Tallinn: Varrak, 2014.
21. Ivanov, Andrei. Argonaut. — Tallinn: Varrak, 2016.
22. Ivanov, Andrei. Харбински молци. — Бата Прес, 2016.
23. Ivanov, Andrei. Le Voyage de Hanuman. — Tripode, 2016.
24. Иванов, Андрей. Печатный шар Расмуса Хансена. — Tallinn: Avenarius, 2017.
25. Ivanov, Andrei. Batüskaaf. — Tallinn: Tänapäev, 2017.
26. Иванов, Андрей. Обитатели потешного кладбища. — Tallinn: Avenarius, 2018.
27. Иванов, Андрей. Аргонавт. — Москва: ЭКСМО, 2018.
28. Иванов, Андрей. Батискаф. — Москва: ЭКСМО, 2018.
29. Иванов, Андрей. Обитатели потешного кладбища. — Москва: ЭКСМО, 2018.
30. Ivanov, Andrei. Hanuman's Travels. — Vagabond Voices, 2018.
31. Ivanov, Andrei. Kourallinen tomua. — Aviador, 2018.
32. Ivanov, Andrei. Isevärki kalmistu asukad. — Tallinn: Varrak, 2019.
33. Андрей Иванов. Untermensch: моя разорванная часть. — Носорог (журнал), 2019.
34. Ivanov, Andrei. Pariisi arabeskid. — Tallinn: Tuum, 2020.
35. Иванов, Андрей. Театр ужасов. — Москва: НЛО, 2021.
36. Ivanov, Andrei. Untermensch: minu lõhkikistud osa. — Tallinn: Kultuurileht / Loomingu Raamatukogu, 2021.
37. Ivanov, Andrei. Öö Saint-Cloud's. — Tallinn: Varrak, 2021.
38. Ivanov, Andrei. Õuduste teater. — Tallinn: Varrak, 2022.

39. Иванов, Андрей. Меланхолия сумерек. — Tallinn: Avenarius, 2023.

Appendix 10. Jelena Skulskaja's bibliography

1. Скульская, Елена. Глава двадцать шестая. — Tallinn: Ээсти раамат, 1978.
2. Скульская, Елена. Неизвестному художнику. — Tallinn: Ээсти раамат, 1980.
3. Скульская, Елена. Песня грифельной ветки. — Tallinn: Ээсти раамат, 1984.
4. Скульская, Елена. В пересчёте на боль. — Москва: ИКПА, 1991.
5. Скульская, Елена. Записки к N…. — Tallinn: Антек, 1996.
6. Скульская, Елена. На смерть фикуса. — Tallinn: Антек, 1996.
7. Скульская, Елена. Однокрылый рояль. Рыбы спят с открытым ртом. — Tallinn: Антек, 2000.
8. Скульская, Елена. Наши мамы покупали вещи, чтобы не было войны. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2002.
9. Skulskaja, Jelena. Vene rulett. — Tallinn: KesKus, 2002.
10. Skulskaja, Jelena. Siilid udus. — Tallinn: KesKus, 2006.
11. Скульская, Елена. Ева на шесте. — Tallinn: Антек, 2005.
12. Скульская, Елена. Любовь и другие рассказы о любви. — Tallinn: Meie Raamat, 2008.
13. Скульская, Елена. До. — Москва, 2010.
14. Скульская, Елена. До встречи в Раю. — Tallinn: Varrak, 2011.
15. Скульская, Елена. Мраморный лебедь. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2014.
16. Скульская, Елена. Не стой под небом…. — Москва: МИК, 2015.
17. Скульская, Елена. Мраморный лебедь. — Москва: Время, 2015.
18. Skulskaja, Jelena. Marmorluik. — Tallinn: Petrone Print, 2015.
19. Скульская, Елена. Пограничная любовь. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2017.
20. Скульская, Елена. Компромисс между жизнью и смертью. Сергей Довлатов в Таллине и другие встречи. — Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.
21. Скульская, Елена. Любовь в русской литературе. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2018.
22. Skulskaja, Jelena. Armastus vene kirjanduses. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2018.
23. Skulskaja, Jelena; Arjev, Andrei; Genis, Aleksandr. Dovlatovi kolm linna. — Tallinn: Tänapäev, 2018.
24. Скульская, Елена. Самсон выходит из парикмахерской. — Санкт-Петербург: *Звезда*, 2019.
25. Скульская, Елена. Пограничная любовь. — Tallinn: Originaalne KesKus OÜ, 2019.
26. Skulskaja, Jelena. Piiriarmastus. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2019.
27. Скульская, Елена. Самсон выходит из парикмахерской. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2020.
28. Skulskaja, Jelena. Simson lahkub juuksuri juurest. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2020.
29. Скульская, Елена. Мальчишеская месть. — Москва: Флобериум, 2022.
30. Skulskaja, Jelena. Ga Dong Tao. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2022.
31. Скульская, Елена. Четвёртый сюжет / Neljas süžee. — Tallinn: Originaalne Keskus OÜ, 2023.
32. Skulskaja, Jelena. Amore mia! — Roma: Giuliano Ladolfi Editore, 2023.

Translations:

33. Вийдинг, Юхан. Ночная песня для мужского голоса. Переводы Елены Скульской. — Tallinn: Varrak, 2011.
34. Райд, Юку-Калле; Маарья, Кангро; Каус, Ян. Я — твое стихотворение. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn: Kite, 2020.
35. Соометс, Трийн; Синиярв, Карл Мартин; Кивисилла, Вероника. Вешалка вечности. Том 2: : эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn: Kite, 2021.
36. Лийв, Тоомас; Кескюла, Калев; Сууман, Александер. Волк на паперти. Том 3: эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn: Kite, 2022.
37. Пая, Трийн; Хальяк, Кристьян; Касемаа, Андрес. Похороны реки. Том 4: эстонские поэты в переводах Елены Скульской. – Tallinn, Kite, 2023.

Appendix 11. Igor Kotjuh's Bibliography

1. Котюх, Игорь. Когда наступит завтра? — Tallinn: Huma, 2005.
2. Kotjuh, Igor. Teises keeles. — Tallinn: Tuum, 2007.

3. Котюх, Игорь. Попытка партнёрства: стихи и эссемы (2004–2008). — Võru: Kite, 2008.
4. Kotjuh, Igor. Usaldusliin. — Tallinn: Kite, 2010.
5. Котюх, Игорь. Эстонский дизайн: стихи (2009–2013). — Tallinn: Kite, 2013.
6. Kotjuh, Igor. Kuidas kujutada päeva? — Tallinn: Kite, 2015.
7. Котюх, Игорь. Естественно особенный случай: стихотворения в прозе. — Paide: Kite, 2017.
8. Kotjuh, Igor. Loomulikult eriline lugu. — Tallinn: Kite, 2017.
9. Котюх, Игорь. The Isolation Tapes. — Tallinn: Kite, 2020.
10. Котюх, Игорь. Sireenid ja sähvatused. — Paide: Kite, 2022.

Translations

1. fs. 2004 / 2004. перевод И. Котюха. – Tallinn: Tuum, 2006.
2. Лаан, Трийну. Большая черная собака (Suur must koer), перевод И. Котюха.– Tallinn: Kite, 2008.
3. Бург, Майму; Карева, Дорис, Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Тух, Борис; Кивисильдник, Свен; Кросс, Яан; Валтон, Арво; Йыэрюйт, Яак; Роосте, Юрген; Руннель, Хандо; Ундуск, Яан; Тодэ, Эмиль; Вейдеманн, Рейн; Теэде, Андра. Эстонские писатели на страницах журнала *Дружба народов*. Антология. Перевод Эльвиры Михайловой, Елены Поздняковой, Светлана Семененко, Марины Тервонен, Игоря Котюха, И.Каллонен, Лены Блюм, П.И. Филимонова, Нелли Абашиной-Мельц, Ларисы Йоонас. – Москва: *Дружба народов*, 2009.
4. Касс, Кристийна. Каарел с тележкой (Käru-Kaarel), перевод Игоря Котюха. — Tallinn: Kite, 2010.
5. Вайнола, Кятлин. Малыш Горошка и его семья (Mudilane Mummu ja tema perekond), перевод И. Котюха. – Tallinn: Oma Pere, 25, 2009.
6. Керянен, Мика. Украденный оранжевый велосипед (Varastatud oranž jalgratas), перевод И. Котюха) – Tallinn: Kite, 2013.
7. Кангро, Маарья. Черный помидор: [стихи] / перевод с эстонского: Андрей Сен-Сеньков, Игорь Котюх, П. И. Филимонов. — Tallinn: Kite, 2014.
8. Соометс, Трийн. Новые облака, no 1–2 (67–68) / *Uued pilved,* перевод И. Котюха. – Tallinn: oblaka, 2014.
9. Кийн, Сирье. Марие Ундер: жизнь и поэзия: биография (Marie Under. Elu ja luule.), перевод И. Котюха, Б. Туха, М. Тервонен. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015.
10. Хвостов, Андрей; Хейнсаар, Мехис; Каплински, Яан; Кангро, Маарья; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Валтон, Арво; Кыомяги, Армин; Котюх, Игорь; Роосте, Юрген; Балясный, Борис; Вийдинг, Юхан; Скульская, Елена; П.И. Филимонов; Калдмаа, Кятлин; Абашина-Мельц, Нелли; Григорьева, Света; Вахер, Берк; Теэде, Андра; Микита, Вальдур; Вади, Урмас; Кангро, Кирке; Ротар, Олеся; Глушковская, Людмила; Ала, Яанар; Караев, Николай; Юди, Юри; Йоонас, Лариса. *Октябрь*: БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии, *Октябрь*, No 9, Baltic Literature, перевод И. Котюха, Т. Верхоустинской, Е. Скульской, П. И. Филимонова, А. Сен-Сенькова, В. Прохоровой. – Москва: *Октябрь*, 2015.
11. Хейнсаар, Мехис; Кангро, Маарья; Саутер, Пеэтер; Калдмаа, Кятлин; Кофф, Индрек. *Uued pilved*, 3-4, перевод Игоря Котюха, Марии Эйнманн, П.И. Филимонова. – Tallinn: *Новые облака*, 2016.
12. Теэде, Андра. Атлас, перевод с эстонского Игоря Котюха. — Paide: Kite, 2017.
13. Микита, Вальдур. Загадки Тарту (Tartu tähestik ehk Tarto maine ja taevane trükis), перевод И. Котюха. – Tartu: Тартуская городская управа, 2018.
14. Каплински, Яан; П.И. Филимонов; Кивиряхк, Андрус; Хвостов, Андрей; Кангро, Маарья; Хейнсаар, Мехис; Роосте, Юрген; Григорьева, Светлана; fs; Каус, Яан; Вяли, Кятлин. 10 живых эстонских авторов / (Kümme Eesti autorit), перевод И. Котюха, Т. Верхоустинской, П.И. Филимонова. – Tallinn: *PLUG*, 2019.

Appendix 12. P.I. Filimonov's Bibliography

1. Филимонов, П. И. Зона неевклидовой геометрии: роман о манипуляции. — Tartu: Eesti Kirjanduse Selts: Tuulelohe, 2007.
2. Филимонов, П. И. Мантры третьего порядка. — Tartu: Eesti Kirjanduse Selts: Tuulelohe, 2007.
3. Филимонов, П. И. Боги безрыбья. — Tallinn: Miredita, 2009.

4. Filimonov, P. I. Mitteeukleidilise geomeetria tsoon: romaan manipulatsioonist. — Tallinn: Kite, 2010.
5. Filimonov, P. I. Väärastuste käsiraamat. — Tallinn: Tuum, 2011.
6. Filimonov, P. I. Nekroloogide kirjutamise oskus: novellid. — Tallinn: Kite, 2013.
7. Filimonov, P. I. Thalassa! Thalassa! [Võrguteavik]: romaan-imerohi. — Tallinn: Varrak, 2013.
8. Filimonov, P. I. Tselluloos: [luuletused] = Целлюлоза: [стихи] / Katrin Väli. — Tallinn: Kite, 2015.
9. Филимонов, П. И. Пела, пока всё не закончилось. — Tallinn: Kite, 2015.
10. Filimonov, P. I. Laulis, kuni kõik lõppes. — Tallinn: Varrak, 2016.
11. Filimonov, P. I. Hariton Naganovi surm ja ajatus: libabiograafia. — Tallinn: Gallus, 2017.
12. Filimonov, P. I., Aleksejev, T., Friedenthal, M. et al. Kuusteist Eesti kirja [Võrguteavik]. — Tallinn: Kultuurileht: Digira, 2018.
13. Filimonov, P. I. Hariton Naganovi surm ja ajatus [Võrguteavik]: libabiograafia. — Tallinn: Gallus, 2018.
14. Filimonov, P. I., Aleksejev, T., Friedenthal, M. et al. Kuusteist Eesti kirja. — Tallinn: Kultuurileht, 2018.
15. Филимонов, П. И. Порошковые огнетушители: [стихи]. — Tallinn: Kite, 2018.
16. Филимонов, П. И. 10 живых эстонских авторов. — Tallinn: *PLUG*, 2019.
17. Filimonov, P. I. Läti stjuardessid teavad saladust. — Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2019.
18. Filimonov, P. I. Asünkroonujumine: romaan-lahkuminek. — Tallinn: Tuum, 2019.
19. Филимонов, П. И. Ночью все кошки. — Paide: Kite, 2021.

Translations:

20. Glazova, Jelena. Plasma / English translation: P. I. Filimonov. — Tartu: Paranoia, 2014.
21. Кангро, Маарья. Черный помидор: [стихи] / перевод с эстонского: Андрей Сен-Сеньков, Игорь Котюх, П. И. Филимонов. — Tallinn: Kite, 2014.
22. Хейнсаар, Мехис. Волшебный и грозный мир природы / перевод с эстонского: П. И. Филимонов. — Tallinn: Kite, 2013.
23. Карулин, Отт; Марини, Моника. Мир эстонского театра / перевод: П. И. Филимонов. — Tallinn: Институт Эстонии: Эстонское театральное агентство, 2013.
24. Хвостов, Андрей. Страсти по Силламяэ / перевод с эстонского: П. И. Филимонов. — Tallinn: Kite, 2013.
25. Хенно, Сассь. Игра в пиратов: повесть для детей / перевод с эстонского: П. И. Филимонов. — Tallinn: Kite, 2012.
26. Виддер, Бернхард. Сленг рук; перевод с английского: П. И. Филимонов. — Tartu: Luul, 2016.

Appendix 13. Larissa Joonas' Bibliography

1. Йоонас, Лариса. Сетевая поэзия // Журнал сетевой поэзии, №1. — Москва, 2003.
2. Йоонас, Лариса. Стихи и проза разных лет. Сетевая словесность. — Москва: 2003–2007.
3. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Радуга (*Vikerkaar*) №2. — Tallinn: Vikerkaar, 2005.
4. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Журнал *Таллинн*, №1–2, — Tallinn: Aleksandra, 2006.
5. Йоонас, Лариса. Стихи. Альманах Воздушный змей № 2/2006, — Tartu: EKS, Tuulelohe, 2006.
6. Йоонас, Лариса. Снозрение. Ноосфера семян. Топос. — М., 2003–2005.
7. Йоонас, Лариса. Младенцы безумного града. Вечерний гондольер. — Москва: 2005–2006.
8. Йоонас, Лариса. Самый белый свет. Стихи и проза. — Москва: Memories, 2006.
9. Йоонас, Лариса. Полисветие. Литературно-художественный и публицистический сборник Ида-Вирумаа. N 1 2007.
10. Йоонас, Лариса. Полисветие. Литературно-художественный и публицистический сборник Ида-Вирумаа. N 2 2007
11. Йоонас, Лариса. Белой ниткой чёрным лоскутом. *Октябрь*, № 12. — Москва: *Октябрь*, 2007.
12. Йоонас, Лариса. 11 стихотворений. Новые облака, № 3. — Tartu: EKS, Tuulelohe, 2007.
13. Йоонас, Л. Подборка стихов. Воздушный змей, № 4. — Tartu: EKS, Tuulelohe, 2007.
14. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Рец, № 45. — М., 2007.
15. Larissa, Joonas. Luulet. Vikerkaar, № 9. — Tartu: EKS, Tuulelohe, 2007.

16. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Мегалит. — Екатеринбург, 2007–2010.
17. Йоонас, Лариса. Побег: пьеса. Театральная библиотека Сергея Ефимова. — Москва, 2008.
18. Йоонас, Лариса. Двигался параллельно солнцу. Василиск, № 7. — М., 2012.
19. Йоонас, Лариса. На фоне окна. *Октябрь*, № 9. — Москва, 2015.
20. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. *Воздух*, № 2. — Москва: АРГО-РИСК, 2016.
21. Йоонас, Лариса. В феврале бывал сильный ветер… *Волга*, № 3–4. — Саратов, 2017.
22. Йоонас, Лариса. Самый белый свет. Крещатик, № 3. — Германия, 2017.
23. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Oceanus Sarmaticus, № 1. — Каунас; Рига, 2017.
24. Йоонас, Лариса. Стихи в переводах на польский К. Шатравски. Variart, № 3. — Ольштын, 2017.
25. Йоонас, Лариса. Стихи. *Плуг*. — Tallinn, 2017.
26. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Письмена: поэтический альманах. — Рига, 2017.
27. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Площадь мира: антология. — Рига, 2017.
28. Йоонас, Лариса. Мори. Квадрига Аполлона, № 49 (52). — Москва, 2018.
29. Йоонас, Лариса. Способности к сотворению мира. Textura. — Москва, 2018.
30. Йоонас, Лариса. Младенцы безумного града. — Екатеринбург: Издательские решения, 2017.
31. Йоонас, Лариса. Кодумаа. — Москва: Русский Гулливер. — 2017.
32. Йоонас, Лариса. Мировое словесное электричество. *Волга*, № 5–6. — Саратов, 2018.
33. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Балтика, № 3 (57). — Калининград, 2018.
34. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Oceanus Sarmaticus, № 3. — Рига, 2018.
35. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Письмена: поэтический альманах. — Рига, 2018.
36. Йоонас, Лариса. Мировое словесное электричество. — Чебоксары: Free Poetry, 2019.
37. Joonas, Larissa. Un quanto perso in strada, в переводах Paolo Galvagni. — Bologna: Arcipelago Itaca Edizioni, 2019.
38. Йоонас, Лариса. Пустыня высокого напряжения. *Волга*, № 3–4. — Саратов: Волга, 2019.
39. Йоонас, Лариса. Умалчиваемые смыслы. *Артикуляция*, вып. 5. — Москва, 2019.
40. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. *Среда*, № 1 (12) Балтийская. — Рига, 2019.
41. Йоонас, Лариса. Подборка стихов // Современный русский свободный стих: антология. — М., 2019.
42. Йоонас, Лариса. Человеческое кино. — СПб.: Борей Арт, — 2020.
43. Joonas, Larissa. Arütmia või ööbikud. В переводах и с послесловием Aare Pilv. — Tallinn: Tuum, 2020.
44. Йоонас, Лариса. Vikerkaar 4–5 2020. Kogust „Кодумаа". – Tallinn: Vikerkaar, 2020.
45. Йоонас, Лариса. Подборка стихов, *Воздух* № 42. – Москва: АРГО-РИСК, 2021
46. Йоонас, Лариса. Подборка стихов, *Волга* № 11–12, — Саратов: Волга, 2021.
47. Йоонас, Лариса. Пустоши флайтрадара: Книга стихов. Книжный проект журнала Воздух, вып. 92. – Москва: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2021.
48. Йоонас, Лариса. Подборка стихов. Антология Современный русский верлибр: антология. — Москва: Воймега, 2021.
49. Йоонас, Лариса. Красная точка на горизонте. – Tallinn: Avenarius, 2023.

Translations

50. Йоонас, Лариса. Подборка переводов стихов Дорис Каревой с эстонского. *Дружба народов*, № 4. — Москва: *Дружба народов*, 2009.

Appendix 14. Ljudmila Kazarjan's Bibliography

1. Логинова, Людмила; Doxie (Татьяна Сигалова). Отторжения: Тартуский сборник. – Tartu: Dialoog, 2010
2. Логинова-Казарян, Людмила. Дневник 2011–2020, Tartu: Dialoog, 2020.

Appendix 15. Tatjana Sigalova's Bibliography

1. Doxie (a.k.a. Do). Синяки под луной (вирши). — Tartu: Bookmill, 2005.

2. Doxie. Настоящие? Стихи? (второй сборник виршей) – Tartu: Bookmill, 2006.
3. Doxie (Татьяна Сигалова). Здесь и там/Там и здесь: стихи 2005–2009 гг. – Tartu Bookmill, 2009.
4. Doxie (Татьяна Сигалова). Стихи Александры Мухиной (четвертый сборник виршей). – Tartu: Bookmill, 2010.
5. Людмила Логинова, Doxie (Татьяна Сигалова). Отторжения: Тартуский сборник. – Tartu: Dialoog, 2010
6. Маня Норк. Анамор: два очень маленьких романа. — Tallinn: Aleksandra, 2011.
7. Маня Норк. Пьеро одинаковые. – Tallinn: Aleksandra, 2022.

Appendix 16. Vera Prohorova's Bibliography (translations)

1. Каллас, Теет. Коррида: роман; рассказы, перевод Веры Прохоровой [и др.]. — Москва: Советский писатель, 1983.
2. Ристикиви, Карл. Очерки по истории эстонской литературы, перевод Веры Прохоровой, Айна Тоотса. — Tallinn: Радуга, 1997.
3. Кивиряхк, Андрус. Шесть монологов о деньгах, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2012.
4. Кивиряхк, Андрус. Старые сказки для взрослых, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2013.
5. Кивастик, Март. Автопортрет с женой и лошадью, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2013.
6. Ыннепалу, Тын; Хейнсаар, Мехис; Кангро, Маарья; Кивастик, Март; Кивиряхк, Андрус; Луйк, Вийви; Валтон, Арво; Тедер, Тармо; Траат, Матс; Винт, Тоомас; Ыунапуу, Эрвин; Туулик, Юло; Вейдеманн, Рейн; Пыдер, Рейн, Круусвалль, Яан; Вихма-Нормет, Сирье; Уусталу, Арво; Раудкиви, Айве; Пыльдмяэ, Аста. Казус пристального взгляда: эстонская новелла 2000–2012, перевод Веры Прохоровой [и др.]. — Tallinn: Aleksandra; Oktopus, 2013.
7. Хейнсаар, Мехис. Билет в Калабрию, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Русская энциклопедия, 2013.
8. Кыомяги, Армин. Дебил, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Eesti Kultuurikeskus Вене энциклопедия, 2014.
9. Валтон, Арво. Маленькие романы. Вишневая ветка. Лекарь, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2014.
10. Винт, Тоомас. История со счастливым концом, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2014.
11. Хейнсаар, Мехис. Костюм, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2015.
12. Саксатамм, Маркус. Божья коровка и Пингвин, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2015.
13. Хвостов, Андрей; Хейнсаар, Мехис; Каплински, Яан; Кангро, Маарья; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Валтон, Арво; Кыомяги, Армин; Котюх, Игорь; Роосте, Юрген; Балясный, Борис; Вийдинг, Юхан; Скульская, Елена; П.И. Филимонов; Калдмаа, Кятлин; Абашина-Мельц, Нелли; Григорьева, Света; Вахер, Берк; Теэде, Андра; Микита, Вальдур; Вади, Урмас; Кангро, Кирке; Ротар, Олеся; Глушковская, Людмила; Ала, Яанар; Караев, Николай; Юди, Юри; Йоонас, Лариса. *Октябрь*: Берег литературы. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии, перевод Веры Прохоровой, Татьяны Верхоустинской, Елены Скульской, П.И. Филимонова [и др.]. *Октябрь*, № 9 (Baltic Literature). — Москва: *Октябрь*, 2015.
14. Валтон, Арво. Афоризмы и миниатюры, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2015.
15. Кыомяги, Армин. Хорошая фирма, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
16. Саксатамм, Маркус. Признания Сказочника: как это было на самом деле, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2016.
17. Кыомяги, Армин. Луи Вутон, перевод Веры Прохоровой. — Москва: Super Издательство, 2016.
18. Винт, Тоомас. 16 загадочных женщин, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2016.
19. Валтон, Арво. Игры времени, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Eesti Kultuurikeskus; Vene Entsüklopeedia, 2017.
20. Саксатамм, Маркус. Мышка, знавшая иностранные языки, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2017.

21. Кольк, Юри. Человек и тыква. Рассказы, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2017.
22. Берг, Майму. Дом моды, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2018.
23. Аарелейд, Кай. Русская кровь, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Eesti Kultuurikeskus; Vene Entsüklopeedia, 2018.
24. Афанасьев, Вахур. Серафима и Богдан, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: Vemsa OÜ, 2019.
25. Лоок, Кайри. Клопиная книга. Обитатели аэропорта не сдаются, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2019.
26. Кыомяги, Армин. Само совершенство. Рассказы. Новеллы, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2020.
27. Вальтер, Эдгар. Хвостатые из Кистеляндии, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2020.
28. Валтон, Арво. Ливонский Ганнибал, или день жизни Иво Шенкенберга, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2020.
29. Саксатамм, Маркус. Блины! С шутками и прибаутками, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2021.
30. Саксатамм, Маркус. Манная каша и чертёнок. Шутливые истории для детей, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2021.
31. Каск, Кай. Я и моя муза, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2021.
32. Рейнаус, Реэли. Как папа новую жену искал, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2021.
33. Валтон, Арво. Сказ о Петре и Карле. Из истории Северной войны в Тартумаа, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2022.
34. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Кн. 1: Картины Черноголовых, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2022.
35. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Кн. 2: Письма, написанные кровью, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2022.
36. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Кн. 3: Медиум Девичьей башни, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2022.
37. Паутс, Катрин. Разносчик огня. Мухумааский триллер, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2023.
38. Паутс, Катрин. Дочь полицейского, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2023.
39. Рейнаус, Реэли. Детективы Старого Таллинна. Кн. 4: Мумия церкви Нигулисте и магические знаки, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2023.
40. Мудлум. Не одна только моя тетя Эллен, перевод Веры Прохоровой. — Tallinn: KPD, 2023.

Appendix 17. Tatjana Verhoustinskaja's Bibliography (translations)

1. Валтон, Арво. Странное желание, перевод Татьяны Верхоустинской, Геннадия Муравина, Норы Яворской. — Москва: Советский писатель, 1970.
2. Йыгисалу, Харри. Птицы мечты, перевод Татьяны Верхоустинской, Лео Вайно, Олега Костанди [и др.]. — Tallinn: Eesti Raamat, 1977.
3. Каллас, Теэт. Коррида: роман; рассказы, перевод Татьяны Верхоустинской, Елены Поздняковой, Александра Томберга, Веры Прохоровой, Аллы Каллас. — Москва: Советский писатель, 1983.
4. Хайнсалу, Лехте. 10 блинчиков, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Perioodika, 1991.
5. Кросс, Яан. Побег, *Дружба народов* № 3, перевод Татьяны Верхоустинской. — Москва: *Дружба народов*, 1999.
6. Когер ,Тыну. Прогулки по старому Таллину — Jalutuskäik vanas Tallinas, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastuse AS, 2003.
7. Рюйтель, Арнольд. Возрождение будущего, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Kirjastus Ilo, 2003.
8. Белая книга о потерях, причинённых народу Эстонии оккупациями 1940–1991 (разделы Культура, Экономика), перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Kirjastus Ilo, 2005.

9. Кросс, Яан; Туулик, Юло; Вейдеманн, Рейн. Побег. Труба. Свадебное путешествие, в книге Открытие мира, перевод Татьяны Верхоустинской, Эльвиры Михайловой, Светлана Семененко. — Tallinn: Vene Kultuurikeskus; Vene Entsüklopeedia, 2006.
10. Кивиряхк, Андрус. Ноябрь, или Гуменщик, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2008.
11. Эстония. Энциклопедический справочник (статьи по искусству), перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastuse AS, 2008.
12. Линдпере, Хейки. Пакт Молотова—Риббентропа. Трудное признание, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut, 2009.
13. Разноликий Таллинн. Статистико-социологический обзор (главы Культура, Здоровье), перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 2009.
14. Кивиряхк, Андрус. Ноябрь, или Гуменщик, Дружба народов № 8, 2009, перевод Татьяны Верхоустинской. – Москва: Дружба народов, 2009.
15. Туулик, Юло. Холодное красное море, Вышгород № 1–2, 2010, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2010.
16. Кивиряхк, Андрус. Весна и Какашка, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Varrak, 2010.
17. Вейдеманн, Рейн. Семиотическое видение, Вышгород № 6/2011, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2011.
18. Кивиряхк, Андрус. Былое как голубые горы. Мемуары Ивана Орава, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
19. Кивиряхк, Андрус. Какая женщина!, Таллинн № 5–6/2012, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
20. Туулик, Юло. Быть в здравом уме, К 100-летию со дня рождения Валленберга. Вышгород № 5/2012, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2012.
21. Кивиряхк, Андрус. Иван Орав. К истории эстонско-российской границы, Таллинн №1–2/2013, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2013.
22. Кивиряхк, Андрус в сборнике Казус пристального взгляда, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra; Москва: Oktopus, 2013.
23. Микита, Вальдур. Мудель Лотмана—Цвики, Таллинн №2/2014, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
24. Тунгал, Леэло (сост.). 444 детских анекдота про животных, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Tammerraamat, 2014.
25. Кивиряхк, Андрус. Последний, кто знал змеиную молвь, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra; Москва: Oktopus, 2014.
26. Микита, Вальдур. Парадигма стрекогузки, *Таллинн*, № 1-2/2015, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
27. Туулик, Юло. Генна Первый (об авторе документального эссе Давид Седьмой), перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2015.
28. Райг Кулле. Мистер Икс. Жизнь Георга Отса, перевод Татьяны Верхоустинской. — Хельсинки, 2015.
29. Хвостов, Андрей; Хейнсаар, Мехис; Каплински, Яан; Кангро, Маарья; Каус, Яан; Кивиряхк, Андрус; Валтон, Арво; Кыомяги, Армин; Котюх, Игорь; Роосте, Юрген; Балясный, Борис; Вийдинг, Юхан; Скульская, Елена; П.И. Филимонов; Калдмаа, Кятлин; Абашина-Мельц, Нелли; Григорьева, Света; Вахер, Берк; Теэде, Андра; Микита, Вальдур; Вади, Урмас; Кангро, Кирке; Ротар, Олеся; Глушковская, Людмила; Ала, Яанар; Караев, Николай; Юди, Юри; Йоонас, Лариса. *Октябрь*: Берег литературы. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии, перевод Веры Прохоровой, Татьяны Верхоустинской, Елены Скульской, П.И. Филимонова [и др.]. *Октябрь*, № 9 (Baltic Literature). — Москва: *Октябрь*, 2015.
30. Кивиряхк, Андрус. Карнавал и картофельный салат, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Varrak, 2016.
31. Кивиряхк, Андрус. На краю света. Картинки из жизни хороших людей, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra; Москва: Oktopus, 2016.
32. Туулик, Юло. Светлые клетчатые пиджаки, Вышгород № 1/2016, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2016.
33. Микита, Вальдур. Возвращение к собирательству, *Таллинн* № 3-4/2016, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2016.

34. Кивиряхк, Андрус. Об интеграции. Рейд по Европе, Таллинн, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
35. Вейдеманн, Рейн. Послание к Эстонии, *Вышгород* № 1-2/ 2018, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2018.
36. Туулик, Юло. Про зло, *Вышгород* № 1-2/2018, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Вышгород, 2018.
37. Кивиряхк, Андрус. Тильда и Пылевичок, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
38. Кивиряхк, Андрус. Оскар и вещи, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: KPD, 2019.
39. Каплински, Яан; П.И. Филимонов; Кивиряхк, Андрус; Хвостов, Андрей; Кангро, Маарья; Хейнсаар, Мехис; Роосте, Юрген; Григорьева, Светлана; fs; Каус, Яан; Вяли, Катрин. 10 живых эстонских авторов, перевод Татьяны Верхоустинской [и др.]. — Tallinn: *PLUG*, 2019.
40. Микита, Вальдур. Парадигма стрекогузки: природа и мифы, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
41. Кивиряхк, Андрус. Чурки да веники, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: Aleksandra, 2021.
42. Кивиряхк, Андрус. Большой Тылль, перевод Татьяны Верхоустинской. — Tallinn: KPD, 2023.

Appendix 18. Maia Melts' Bibliography (translations)

1. Паюпуу, Хилле. Как освоиться в чужой культуре, перевод Майи Мельц. — Tallinn: EKSA, 2004.
2. Касс, Кристийна. Пять умных кошек, перевод Майи Мельц. — Tallinn: KPD, 2010.
3. Касс, Кристийна. Истории про Петру, перевод Майи Мельц. — Tallinn: KPD, 2011.
4. Журнал *Звёздочка* (*TÄHEKE*), перевод Майи Мельц. — Tallinn: SA Kultuurileht, 2011.
5. Рауд, Пирет. Эрнесто и его кролики, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
6. Томуск, Ильмар. Привет, Волли!, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2012.
7. Первик Айно. ПАУЛА (5 книг серии), перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2013–2016.
8. Иллипе-Соотак, Хели. Дюжина историй про домовёнка, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Tiritamm, 2014.
9. Иллипе-Соотак, Хели. Пёркольт, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Tiritamm, 2014.
10. Рауд, Пирет. Чудные истории, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2014.
11. Касс, Кристийна. Курноска на метле, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2015.
12. Петроне, Эпп. Малышка Марта, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Petrone Print, 2015.
13. Томуск, Ильмар. Криминальные пирожки с сосисками, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
14. Хинрикус, Кадри. Даниил Второй, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2017.
15. Петроне, Эпп. Наша Эстония, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Maxima, 2018.
16. Хинрикус, Кадри. Чтобы добрые феи хранили тебя, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2019.
17. Журнал *Звёздочка* (*TÄHEKE*) на русском языке, 2011–2019, перевод Майи Мельц. – Tallinn: SA Kultuurileht, 2019.
18. Касс, Кристийна. Волшебная подушка Самуэля, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2020.
19. Петроне, Эпп. О природе: откуда? Как? Почему?, перевод Майи Мельц [и Нелли Абашиной-Мельц]. — Tallinn: Maxima Eesti, Petrone Print, 2022.
20. Кивиряхк, Андрус; Хинрикус, Кадри и др. Сам умею я кататься, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2023.
21. Кэйт, Хэлен. Привидение из монастыря, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Randvelt, 2023.
22. Петроне, Эпп. Колесим по Эстонии!, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Maxima Eesti, Petrone Print, 2023.

23. Хинрикус, Кадри. Такса и Дог, перевод Майи Мельц. — Tallinn: Aleksandra, 2023.

APPENDICES TO CHAPTER 5.

Table 1. Corpus of Estonian-Russian translations selected for imagological research. Short version.

№	Year	Original Title	Author	Genre	Russian Title / English translation
	Peritext in Estonian / English translation				**Peritext in Russian translation / English translation**
1.	1991	Keisri hull	Jaan Kross	Novel	Императорский безумец / The Tsar's Madman
2.	1993	Soome-ugri poetesside luulet	Ellen Niit, Lydia Koidula, Marie Under, Kersti Merilaas, Minni Nurme, Viivi Luik, Doris Kareva	Poetry	Дом в собственном сердце: стихи финно-угорских поэтесс Мне казалось. В. С. / Эллен Нийт. Моя Эстония - моя любовь / Лидия Койдула. Приказ / Марие Ундер. Певец / Бетти Альвер. Тысячелистник / Керсти Мерилаас. Далекий забытый / Дебора Вааранди. Ищу тишины / Минни Нурме. Ты же знаешь. Любовь. Мольба / Вийви Луйк. На обозрение представить чью-то жизнь / Дорис Карева Home in one's heart: lyrics by Finno-Ugric poetesses.
3.	1993	Toomas Nipernaadi	August Gailit	Novel	Тоомас Нипернаади
4.	1993 2005	Mu isamaa on minu arm	Lydia Koidula	Poetry	Стихи об Эстонии/ My fatherland is my love
5.	1997	Очерки по истории эстонской литературы	Karl Ristikivi	Essays	Eesti kirjanduse lugu / Essays on Estonian literature history
6.	1997	Стихотворения (EST/RU)	Henrik Visnapuu	Poetry	Luuletused – Poetry
7.	1997	Luuletused	Marie Under	Poetry	Стихотворения (EST/RU) – Poetry
8.	1997	Piiririik	Emil Tode	Novels	Пограничье / The Border State
9.	1998	Kõrboja peremees. Miniatuurid. Novellid. Meie rebane. Põrgupõhja uus Vanapagan. I-II	Anton Hansen Tammsaare	Novels	Избранное, I–II / Selected novels

10.	1998	Tõde ja õigus I, II	Anton Hansen Tammsaare	Novels	Варгамяэ, Индрек / Vargamäe. Indrek.
11.	1998	Kalevipoeg	Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud (eds.)	Children's literature	Калевипоэг / Kalevipoeg
12.	1999	Rokokoo daam. Provintsineiu. Semm. Vürst. Juhuslik. Kõhuvalu. Võimu rist. Sodomiit. Muusika ja moraalsus. Külma kondid. Kaamel. Pulmasäng. Kunstnik Jaagup. Hanna sünnipäev. Armuavaldus. Tekst ja laip.	Maimu Berg, Mihkel Mutt, Mart Kivastik, Jaan Kross, Eva Park, Peeter Sauter, Mats Traat, Ene Mihkelson, Toomas Raudam, Emil Tode, Arvo Valton, Ülle Kauksi, Andrus Kivirähk, Tiia Toomet, Yuri Elvest, Mati Unt	Novels	Новая эстонская новелла: 1990-е годы. Библиотека журнала «Таллинн» / New Estonian novel of the 1990s. The bibliography of *Tallinn* magazine

13.	2000	Mäeküla piimamees	Eduard Vilde	Novel	Молочник из Мяэкюла / The Milkman from Mäeküla
14.	2000	Paigallend	Jaan Kross	Novel	Полет на месте: роман Улло Паэранда / Trading Air
15.	2000	Vari	Juhan Liiv	Novels	Завеса: повесть из недавнего прошлого / The veil: a story from the recent past
16.	2000, 2001	Kevade: pildikesi koolipõlvest Suvi: pildikesi noorpõlvest	Oskar Luts	Children's literature	Весна: картинки из школьной жизни / Spring: pictures of the school life Лето: картинки юношеских лет / Summer: pictures of the youth
17.	2000	Ümera jõel	Mait Metsanurk	Novels	На реке Юмера / On the Yumera river
18.	2001	Õige mehe koda	Karl Ristikivi	Novels	Жилище праведника / The Home of a Good Man
19.	2002	Kaltsutitt ja puuhobune	Tiia Toomet	Children's literature	Тряпичная кукла и деревянная лошадка / A rag doll and a wooden horse
20.	2002	Maari suvi	Jaan Rannap	Children's literature	Лето Маари / Maari's Summer
21.	2003	Kodumaa muld	Ilmar Jaks	Short stories	Земля отечества / The soil of Fatherland
22.	2003	Iseseisvuspäev	Kaur Kender	Novels	День независимости: когда Эстония еще не была пограничным государством / The Independence Day: before Estonia became a border state
23.	2004	Une-Mati, Päris-Mati ja Tups	Dagmar Normet	Children's literature	Засыпайка в Таллинне / Une-Mati in Tallinn
24.	2004	Üksindus on hommikuti hell. Trdat See-ja-See-jani elu	Kalle Käsper	Novels	Ода утреннему одиночеству, или жизнь Трдата / Ode to the morning solitude, or the life of Trdat
25.	2004	Kalevipoeg	Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud (eds.)	Children's literature	Калевипоэг / Kalevipoeg
26.	2005	Une-Mati rannakülas	Dagmar Normet	Children's literature	Засыпайка в рыбацкой деревне / Une-Mati in the Fishers' Village

27.	2005	Tasuja: jutustus Eesti vanast ajast	Eduard Bornhõhe	Novels	Мститель: историческая повесть из далекого прошлого эстонского народа / The Avenger, a historical novel about the past times
28.	2006	Meelis	Enn Kippel	Novels	Мээлис: историческая повесть / Meelis
29.	2006	Näidendid	Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Madis Kõiv, Urmas Lennuk, Jaan Tätte	Plays	Костер Савонаролы и еще 7 новейших эстонских пьес / Savonarola Fire and 7 newest Estonian plays
30.	2005	Tallinn legendides	Jana Reidla	Travelogue	Таллинн в легендах /Tallinn in legends
31.	2007	Diplomaat ja mälu	Jaak Jõerüüt	Memoirs	Дипломат и память / Diplomat and memory

32.	2007	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Jaan Kaplinski, Andres Ehin, Aino Pervik, Yuri Tuulik, Reine Saluri, Mats Traat, Viivi Luik, Julo Tuulik, Paul-Erik Rummo, Londa Ruud, Mati Unt, Li Seppel, Vaino Vahing, Aleksander Suuman, Arvo Valton	Anthology	Эстонский писатель-шестидесятник. 1 сборник. / Estonian author of the 1960s. Volume 1.
33.	2008	Rehepapp ehk november	Andrus Kivirähk	Novels	Ноябрь, или Гуменщик / November, or the Barn Keeper
34.	2009	Kolmas printsess	Kerttu Rakke	Novels	Третья принцесса / The third princess
35.	2009	Kolm reisi	Kalle Käsper	Short stories	Уроки Германии / Three journeys
36.	2009	Ma armastasin venelast	Maimu Berg	Novels	Я любила русского / I loved a Russian man

37.	2009	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Nikolay Baturin, Teet Kallas, Helgi Muller, Hando Runnel, Leelo Tungal, Viivi Luik, Paul-Erik Rummo, Arvi Siig, Toomas Vint, Enn Vetemaa	Anthology	Эстонский писатель-шестидесятник. 2 сборник / Estonian author of the 1960s. Volume 2.
38.	2009	Punane elavhõbe	Andres Anvelt	Novels	Красная ртуть / Red Mercury

39.	2009	’Kaamel’, ’Pärast suurt külma’, ’Baltic Dream’; ’Estonian Dream’, ’Külma kondid’, ’Vürst’, ’Kunstnik Jaagup’, ’Armastus raamatu vastu’	Jaan Kross, Emil Tode, Arvo Valton, Andrus Kivirähk, Maimu Berg, Jaak Jõerüüt, Jaan Undusk, Doris Kareva, Hando Runnel, Kivisildnik, Jürgen Rooste, Andra Teede, Jan Kaus, Boris Tuch, Rein Veidemann	Anthologies	Эстонские писатели на страницах «ДН» / Estonian authors published in “*Druzhba narodov*”
40.	2009	Vabadus ja armastus	Reet Kudu	Novels	Свобода и любовь: эстонские вариации / Freedom and Love: Estonian variations
41.	2009	Valge paat	Tõnu Kallas	Novels	Белая лодка / The White Boat
42.	2009	Mardileib	Jaan Kross	Novels	Мартов хлеб / The Bread of Mart
43.	2009	Tulest tulnud	Tiit Veeber	Memoirs	Пройдя сквозь огонь / Having passed through the fire
44.	2010	Tuli ja raud	Karl Ristikivi	Novels	Огонь и железо / Fire and Iron

45.	2010	Lasnamäe lunastaja	Mari Saat	Novels	Ласнамяэский мессия / Lasnamäe Messiah
46.	2010	Seltsimees laps ja suured inimesed	Leelo Tungal	Novels	Товарищ ребенок и взрослые люди: еще одно повествование о «нашем счастливом детстве» / Comrade Child and adults: one more narrative of our happy childhood
47.	2010	Tõrjutud mälestused	Imbi Paju	Memoirs	Отвергнутые воспоминания / Memories Denied
48.	2011	Kirjutajad. Seisab üksi mäe peal	Maimu Berg	Novels	Рукопись, найденная в Веймаре (Рукопись, найденная в Веймаре; Мадам Паресссез; Тартуский дух; Игрушечный писатель) / A manuscript found in Weimar; Madame Paresses, The spirit of Tartu, A toy writer)
49.	2011	Öölaul meeshäälele	Juhan Viiding	Poetry	Ночная песня для мужского голоса / A night song for a male voice
50.	2011	Naljatilgad lähevad laulupeole	Leelo Tungal	Children's literature	Пошли смешинки на Певческий праздник / Smiles went to th Signing Festival
51.	2012	Ahvid ja solidaarsus	Maarja Kangro	Short stories	Обезьяны и солидарность / Monkeys and solidarity
52.	2012	Minevik kui helesinised mäed. Ivan Orava mälestused	Andrus Kivirähk	Memoirs	Былое как голубые горы. Мемуары Ивана Орава / Past as Azure Mountains. The memoirs of Ivan Orav
53.	2012	Rahvusvaheline mees	Mihkel Mutt	Novels	Международный человек / The International Man
54.	2012	Samet ja saepuru ehk Seltsimees laps ja kirjatähed	Leelo Tungal	Novels	Бархат и опилки, или товарищ ребёнок и буквы / Velvet and sawdust, or Comrade Child and letters
55.	2012	Vana Toomase legend: üks äraütlemata põnew luggu	Gert Helbemäe	Short stories	Легенда о Старом Тоомасе: несказанно увлекательная история / The Legend about Old Toomas, a very amuzing story
56.	2012	Vahva Toomas: Vana Toomase legend	Tiia Mets	Children's literature	Храбрый Тоомас: легенда старого Таллинна, история о маленьком храбром мальчике, который вырос и стал спасителем города Таллинна во время Ливонской войны / Brave Toomas: the legend of Old Tallinn, a story of a boy who saved Tallinn during the Livonian war
57.	2012	Direktor	Andres Anvelt	Novels	Директор: история приватизации одного рынка / The Director: one market privatization story
58.	2012	Ebatavaline ja ähvardav loodus	Mehis Heinsaar	Short stories	Волшебный и грозный мир природы: рассказы / Magic and dangerous world of nature

59.	2012	Kõrvetavate silmade juhtum. Eesti novell 2000-2012	Mehis Heinsaar, Maarja Kangro, Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Jaan Kruusvall, Viivi Luik, Rein Põder, Asta Põldmäe, Aive Raudkivi, Tarmo Teder, Mats Traat, Ülo Tuulik, Arvo Uustalu, Arvo Valton, Rein Veidemann, Sirje Vihma-Normet, Toomas Vint, Tõnu Õnnepalu, Ervin Õunapuu	Short stories	Казус пристального взгляда: эстонская новелла 2000–2012 / Estonian n2000–2012 2000-2012

60.	2013	Sillamäe passioon	Andrei Hvostov	Memoirs	Страсти по Силламяэ / Sillamäe Passion
61.	2013	Printsessi mõrv Koluvere lossis	Hinge Kaljund	Novels	Убийство принцессы в замке Колувере / Murder of the Princess in the Koluvere Castle
62.	2014	111 sammu Juhan Liiviga	Juhan Liiv, Vladislav Sumarok	Poetry	111 ступеней с Юханом Лийвом / 111 steps with Juhan Liiv
63.	2014	Ingeri kuningas	Arnold Aru	Plays	Король Ингерманландии / The King of Ingria
64.	2014	Mees, kes teadis ussisõnu	Andrus Kivirähk	Novels	Последний, кто знал змеиную молвь / The Last Man Who Spoke Snakish
65.	2014	Must tomat	Maarja Kangro	Poetry	Черный помидор / Black Tomato
66.	2014	Minu Narva: kahe maailma vahel	Katri Raik	Travelogue	Моя Нарва: между двух миров / My Narva: Between Two Worlds
67.	2014	Väiksed romaanid. Kirsioks. Ravitseja	Arvo Valton	Novels	Маленькие романы. Вишневая ветка. Лекарь / Short novels. Cherry branch. Healer.
68.	2014	Eesti album, ehk, Mitte kõik ei ole veel kaotatud	Svetlan Semenenko	Poetry	Эстонский альбом, или Ещё не всё потеряно / Estonian Album. Not all is lost yet
69.	2014	Hea firma	Armin Kõomägi	Novel	Хорошая фирма / Good firm
70.	2015	Eesti rahva muinasjutte lindudest ja loomadest	August Jakobson	Children's literature	Эстонские народные сказки о птицах и животных / Estonian Tales About Birds and Animals
71.	2015	Kooparahvas läheb ajalukku	Mihkel Mutt	Novels	Народ пещеры уходит в историю / The Cave People Is Now History

72.	2015	Magazine Октябрь, No 9, Baltic Literature	Nelli Abašina-Melts, Janar Ala, Boris Baljasnõi, P. I. Filimonov, Ljudmila Glushkovskaja, Sveta Grigorjeva, Mehis Heinsaar, Andrei Hvostov, Larissa Joonas, Kätlin Kaldmaa, Kirke Kangro, Maarja Kangro, Jaan Kaplinski, Nikolai Karayev, Jan Kaus, Andrus Kivirähk, Igor Kotjuh, Armin Kõomägi, Valdur Mikita, Jürgen Rooste, Olesja Rotar, Jelena Skulskaja, Andra Teede, Urmas Vadi, Berk Vaher, Arvo Valton, Juhan Viiding	Anthologies 110	Октябрь: БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии / Oktyabr Magazine. New word of Latvia, Lithuania, Estonia

73.	2015	Tund enne igavikku	Rein Veidemann	Novels	Вечный университет: роман в трех действиях / A class before the Eternity
74.	2016	Maailma otsas. Pildikesi heade inimeste elust	Andrus Kivirähk	Novels	На краю света: картинки из жизни хороших людей / At the edge of the world. Pictures of good people's life
75.	2016	Rekonstruktsioon	Rein Raud	Novels	Реконструкция / The Reconstruction
76.	2016	Lui Vutoon	Armin Kõomägi	Novels	Луи Вутон / Louis Vutoon
77.	2016	Minu kodu on Eestimaa	Tiia Toomet	Children's literature	Эстония – мой дом / Estonia is my home
78.	2016	Uued pilved, 3-4 2016	Mehis Heinsaar, Kätlin Kaldmaa, Maarja Kangro, Indrek Koff, Peeter Sauter	Anthologies	Новые облака, 3–4, 2016 / New Clouds 3–4, 2016
79.	2017	Buridanid	Kalle Käsper	Novels	Буриданы / The Buridans
80.	2018	Vene veri	Kai Aareleid	Novels	Русская кровь / Russian blood
81.	2018	Ülemiste vanake	Arvo Valton	Novels	Старец из озера Юлемисте / The Oldman from the Ülemiste Lake
82.	2018	Ime	Kalle Käsper, Gohar Markosjan-Käsper	Novels	Чудо / The Miracle

83.	2018	Märjamaa legend	Arvo Valton	Novels	Мярьямааская легенда / the Legend of Märjamaa
84.	2018	Meie Eesti	Epp Petrone	Children's literature	Наша Эстония / Our Estonia
85.	2018	Moemaja	Maimu Berg	Memoirs	Дом моды / Fashion House
86.	2018	Tartu tähestik ehk Tarto maine ja taevane trükis	Valdur Mikita	Travelogue	Загадки Тарту / Misteries of Tartu
87.	2018		Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children's literature	Старинные эстонские народные сказки / Old Estonian Folk Tales
88.	2018	Eesti 100. I, Reformid Eestis	Henn Leetna	Novels	Эстония 100. I, Реформы в Эстонии / Estonia 100, Reforms in Estonia
89.	2019	Naisekäe puudutus ehk Seltsimees laps ja isa	Leelo Tungal	Novels	Товарищ ребенок и папа / Comrade Child and the Father
90.	2019	Ingeri tütar. Luigelaul	Maie Ojamaa	Memoirs	Дочь Ингрии. Лебединая песня / The daughter of Ingria. Swan's Song
91.	2019	Serafima ja Bogdan	Vahur Afanasjev	Novels	Серафима и Богдан / Serafima and Bogdan
92.	2020	Emajõe sinine veri	Lehte Hainsalu	Poetry	Голубая кровь Эмайыги / The Blue Blood of Emajõgi
93.	2020	Liivimaa Hannibal, või Päev Ivo Schenkenbergi elust	Arvo Valton	Novels	Ливонский Ганнибал, или День жизни Иво Шенкенберга / Livonian Hannibal, or One day of Ivo Schenkenberg's life
94.	2020	Ma olen su luuletus. Eesti luulet Jelena Skulskaja tõlkes	Maarja Kangro, Jan Kaus, Juku-Kalle Raid	Anthologies	Я - твоё стихотворение. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской / I am your poem. Estonian poetry in Yelena Skulskaja's translations
95.	2020	Täius	Armin Kõomägi	Short stories	Само совершенство / Perfection Itself

96.	2020	Hõbevalge	Lennart Meri	Biography	Серебристо-белый путь Леннарта Мери / Silver-white path of Lennart Meri
97.	2020	Hüüdnimi Eestlane. I.	Harry Raudvere	Novels	По прозвищу Эстонец. Часть первая / Nickname Estonian
98.	2021	Puulased ja tohtlased	Andrus Kivirähk	Short stories	Чурки да веники / Logs and Brooms
99.	2021	Metsik lingvistika. Lingvistiline mets. Lindvistika ehk metsa see lingvistika. Kukeseene kuulamise kunst	Valdur Mikita	Essays	Парадигма стрекогузки / Wagtail Paradigm
100.	2021	Valged varesed	Hion Ene	Novels	Белые вороны / Whire Crows
101.	2021	Tule tagasi, helmemänd	Jaan Kaplinski	Poetry	Вернись, янтарная сосна (Поэтические вариации Екатерины Вельмезовой) / Come back, amber pine (Poetic variations by Ekaterina Velmezova)
102.	2021	Elupiletiga Venemaalt: 99,99	Atlas Thavet	Novels	Билет на двоих: из России в жизнь 99,99
103.	2021	Luulekogu	Triin Soomets	Poetry	Вешалка вечности. Том 2 / Poetry
104.	2021	Piimaring	Rein Veidemann	Novels	Молочный круг / The Milk Ring
105.	2022	Kuidas taluda Tartut	Vahur Afanasjev	Essays	Как вынести Тарту / How to stand Tartu
106.	2022	Tont ja Facebook	Kivirähk, Andrus	Children's literature	Глюк и Фейсбук / Hallucination and Facebook

107.	2022	Luulekogu	Toomas Liiv, Kalev Kesküla, Aleksander Suuman	Poetry	Волк на паперти: стихи / Poetry
108.	2022	Hüüdnimi Eestlane. II.	Harry Raudvere	Novels	По прозвищу Эстонец. Часть вторая / Nickname Estonian. Part 2.
109.	2022	Vanalinna detektiivid. Verega kirjutatud kirjad	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы старого Таллинна. Письма, написанные кровью / Detectives of Old Tallinn. Letters written with blood
110.	2022	Vanalinna detektiivid. Mustpeade maalid	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Картины Черноголовых / Detectives of Old Tallinn. The Paintings of the Blackheads.
111.	2022	Vennad Luiged	Kalle Käsper	Novels	Братья Луйк
112.	2022	Vanalinna detektiivid 3. Neitsitorni meedium	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Медиум Девичьей башни / Detectives of Old Tallinn. The medium of the Maiden's Tower
113.	2022	Mina olin siin	Sass Henno	Novels	Я был здесь. №1: первый арест / I was here. No. 1, the first arrest.
114.	2022	Eesti rahvajutud	Friedrich R. Kreutzwald	Children's literature	Эстонские народные сказки / Estonian folklore tales
115.	2022	Maa jääb paigale. Lugu Põhjasõja sündmustest Tartumaal	Arvo Valton	Novels	Сказ о Петре и Карле. Из истории Северной войны в Тартумаа / The story of Peter and Carl. History of the Northern War in Tartumaa
116.	2023	Luulekogu	Triin Paja, Kristjan Haljak, Andrus Kasemaa	Poetry	Похороны реки. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской
117.	2023	Vanalinna detektiivid. Niguliste muumia ja nõiamärgid.	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Мумия церкви Нигулисте и магические знаки / Detectives of Old Tallinn. The mummy of the Niguliste Church and magic signs.

Table 2. Russian corpus selected for imagological research. Short version.

№	Year	Title	Author	Genre
1.	2004	Елена / Elena	Gohar Markosjan-Käsper	Novels
2.	2006	Воздушный змей: альманах / Tuulelohe - Воздушный змей (TVZ) / Kite Almanac	Igor Kotjuh (ed.)	Anthologies
3.	2007	Воздушный змей: альманах / Tuulelohe - Воздушный змей (TVZ) / Kite Almanac	Igor Kotjuh (ed.)	Anthologies
4.	2008	Со всеми, кем любим, кого люблю: стихи разных лет / With everyone who loves me who I love: poetic collection of different periods	Svetlan Semenenko	Poetry
5.	2009	Объяснение в любви: 150 стихотворений 18 русских поэтов Эстонии / Confessions of love: 150 poems by 18 Russian poets in Estonia	Igor Kotjuh (ed.)	Poetry
6.	2009	Путешествие Ханумана на Лолланд / Hanuman's Travel	Andrei Ivanov	Novels
7.	2009	Унтерменш / Untermensch	Andrei Ivanov	Novels
8.	2011	Анамор: два очень маленьких романа / Anamor: two very small novels	Manya Nork (Tatjana Sigalova)	Short stories
9.	2012	Эстонский дизайн: стихи 2009–2013 / Estonian Design: 2009–2013 2009-2013	Igor Kotjuh	Poetry
10.	2014	Белый корабль Ласнамяэ / The white ship of Lasnamäe	Viktoria Ladynskaya	Novel
11.	2014	Белые бабочки ночи / The white butterflies of night	Kaplinski, Jaan	Poetry
12.	2014	Эй, Нарва! All together! /Hey, Narva! All together!	Vladimir Cherdakov	Short stories
13.	2015	Мраморный лебедь / The Marble Swan	Jelena Skulskaja	Novels
14.	2015	Кодумаа	Larissa Joonas	Poetry
15.	2019	Там, где я родилась / Where I was born	Nadezhda Katayeva-Valk	Memoirs
16.	2019	Пограничная любовь / Borderline Love	Jelena Skulskaja	Novels

17.	2020	Самсон выходит из парикмахерской / Samson comes out of the hairdresser's salon	Jelena Skulskaja	Novels
18.	2021	Тоска зеленая / Broken spirits	Ilya Prozorov	Novels
19.	2021	Театр ужасов / The horror theater	Andrei Ivanov	Novels
20.	2022	Меланхолия сумерек / Melancholy of twilights	Andrei Ivanov	Novels

Table 1. Corpus of Estonian-Russian translations selected for imagological research. Full version.

№	**Year**	**Original Title**	**Author**	**Genre**	**Russian Title / English translation**
	Peritext in Estonian / English translation				**Peritext in Russian translation / English translation**
1.	1991	Keisri hull	Jaan Kross	Novel	Императорский безумец / The Tsar's Madman
	Avaldaja saatesõna <…> Leningradi ajaloolane Dridzo, muuseas afrikanoloogilise estica uurimise entusiaste, juhtis mu tähelepanu vanale Londoni publikatsioonile krahv S-i eluloo kohta, mis on näiteks kindral Michelsoni omale mitmeti analoogiline. Anonüümsed soovitajad pakkusid mulle välja leitnant Huseni ja tema järglased Räpinast. Tuttavad ja tundmatud meenutasid mulle kapten Jürgen Bogdanovit, maalikunstnik Jüri, kindral Tennerit, doktor Espenbergi ja hulka muid tähelepanuväärt elulugusid. Juba ühel või teisel määral publiikse materjali kõrval juhatati mind kohati ka hoopis tundmatu juurde või tundmatute sissevaadete juurde piirjoontes varem tuntud saatustesse. Käesolevas avaldatud käsikirja tõi mulle üks Eesti vanema ajaloo innukaid sõpru Tartus, kes oli selle omandanud Suure Isamaasõja ajal Leningradi blokaadis oma korterikaaslase Ignatjevi surma järel viimasele kuulunud asjade seas. Tõsieestilise mälulünga tõttu ei mäletanud käsikirja tooja kadunud Ignatjevi, juba blokaadipäevil eaka mehe, vist kantseleiametniku, ees- ega isanime. Kõik minupoolsed Ignatjevi isiku identifitseerimise ja sealtkaudu edasi- või pigem tagasipääsemise katsed osutusid viljatuks. Kohusetruu				Вступительное слово издателя <…> Ленинградский этнограф и историк А. Дридзо, кстати сказать, по специальности латиноамериканист, с энтузиазмом изучающий историю и культуру Эстонии, обратил мое внимание на некогда опубликованную в Лондоне историю жизни графа С., во многом аналогичную жизни генерала Михельсона. Неведомые мне люди советовали заняться лейтенантом Хузеном и его потомками в Ряпина. Знакомые и незнакомые упоминали при случае о капитане Юргене Богданове, о живописце Юри, о генерале Теннере, о докторе Эспенберге и еще о многих других, достойных внимания историка личностях. Меня направляли к в той или иной мере опубликованным материалам и к еще совсем неизвестным человеческим судьбам или рекомендовали новое вглядывание в ранее уже известные. Предлагаемую читателю рукопись мне принес один из ревностных любителей эстонской старины. Во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде он обнаружил эту рукопись после смерти своего соседа по квартире, некоего Игнатьева, среди принадлежавших тому вещей. Человек, принесший мне рукопись, не помнил ни имени, ни отчества покойного

	ajaloolane ei söandaks käsikirja sisule toetudes tema päritolu kohta muidugi mitte midagi väita. Sest hüpoteesid pole kohusetruu ajaloolase asi. Üksnes poolfantasöörist ajalookirjanik julgeks ehk seostada käsikirjas avaneva isikutegalerii ning Ignatjevi nime ja püstitada oletuse: kuna on tegemist viitseadmiral Georg Bocki onu päevikuga, võis selle hilisem Ignatjevi-nimeline omanik olla admirali naise Anna Ignatjeva sugulaste järglasi. Mõni sõna teksti redaktsioonilise külje kohta. Lugeja märkab sedamaid, et see ei pärine möödunud sajandi algusest. Olen osalt eesti- ning prantsuse-, osalt saksakeelse käsikirja võõrkeelsed osad eesti keelde tõlkinud ja mõlema kihi keele kaasaegsele lugejale enam-vähem loetavaks ühtlustanud. Loodetavasti leiab meie epistolaar- ja ürikväljaannete tormiliselt pikenevas reas varsti (aga endastmõista alles Russowi kroonika, Mülleri jutluste, Masingu kirjade, Faehlmanni teoste ja kõige muu järel) endale paiga ka Jakob Mättiku päevaraamatu keeleliselt mitmeti huvitav algredaktsioon. Muidugi oleks see Rosenplänteri „Beiträgedes" vapustavam sündmus olnud, kui ta „Keeles ja Kirjanduses" olema saab. (Ajaloolise materjalina publitseerimiseks polnud meil Rosenplänteri päevil paraku ajakirja.) Aga ka meie sajandi seitsmekümnendail aastail oleks sel avaldamisel vähemalt üks väärtus: see meenutaks neile, kes seda seni pole tähele pannud, veel kord, et käsikiri, filoloogiline niisama kui kirjanduslik, pole ei konjak ega ohvitser, mis või kes vaadis või aplaagris aastatega tärne juurde saab. J. K.	Игнатьева, в блокаду уже человека пожилого, по-видимому, какого-то служащего. Все мои попытки установить личность Игнатьева и тем самым сделать возможными дальнейшие поиски, направленные главным образом в прошлое, оказались бесплодными. Добросовестный историк не может себе позволить утверждать что-либо о происхождении рукописи, исходя только из ее содержания. Ибо произвольно строить гипотезы — не самое лучшее занятие для верного своему долгу ученого-историка. Но писатель-историк, имеющий право на фантазию, мог решиться связать открывающуюся в рукописи галерею личностей с именем Игнатьева и высказать предположение: поскольку автором дневника был брат матери вице-адмирала Георга фон Бока, то допустимо предположить, что последний ее владелец, человек по фамилии Игнатьев, был потомком родственников жены адмирала — Анны Игнатьевой. Несколько слов о редакционной стороне текста. Читатель сразу же заметит, что, судя по языку, рукопись не может быть отнесена к началу прошлого века. Эстонский язык перемежается в дневнике с иноязычным текстом, французским и немецким, эти части переведены мною на эстонский, и весь текст унифицирован, чтобы сделать его доступнее современному читателю. Хотелось бы надеяться, что в недалеком будущем, в наступающую эпоху бурно растущих публикаций нашего эпистолярного наследия и старых документов (однако, само собою разумеется, только после опубликования хроники *Руссова*, проповедей *Мюллера*, писем *Мазинга*, сочинений *Фельмана* и еще многого другого), найдет свое место и лингвистически во многих отношениях интересная первоначальная редакция дневника *Якоба Меттика*. Разумеется, появись она в Beiträge *Розенплентера*, это было бы более потрясающим событием, чем когда она будет напечатана в журнале *Keel ja Kirjandus*. (Для публикаций исторических материалов во времена Розенплентера, увы, у нас не было журнала.) Однако в семидесятых годах нашего столетия публикация эта имела бы еще одно преимущество: она лишний раз напомнила бы тем, кто до сих пор этого не замечал, что рукопись, будь она филологическая или литературная, не коньяк и не офицер, которые с годами — первый в бочке, второй в отставке — получают лишнюю звездочку.
	Publisher's Foreword The Leningrad historian Dridzo, incidentally an enthusiast of African and Estonian studies, drew my attention to an old London publication about Count	Publisher's Preface

	S's life, which is, for example, in several ways analogous to General Michelson's. Anonymous recommenders suggested Lieutenant Huseni and his descendants from Räpina to me. Familiar and unfamiliar people reminded me of Captain Jürgen Bogdanov, the painter Jüri, General Tenner, Dr. Espenberg, and many other remarkable life stories. Alongside already somewhat public material, I was occasionally directed to entirely unknown or unfamiliar insights into previously known destinies. The manuscript published herein was brought to me by an avid friend of older Estonian history in Tartu, who acquired it during the Great Patriotic War in Leningrad's blockade among the belongings of his late roommate Ignatjev. Due to a true Estonian memory gap, the bearer of the manuscript did not remember the deceased Ignatjev, already an elderly man during the blockade days, perhaps a civil servant, neither by his first name nor partonymic. All my attempts to identify Ignatjev's identity and consequently to advance, or rather regress, proved futile. A conscientious historian would not dare, based on the content of the manuscript, to assert anything about his origin, of course. Because hypotheses are not the concern of a conscientious historian. Only a semi-fantastical historian would perhaps dare to associate the depicted gallery of personalities in the manuscript with the name of Ignatjev and posit an assumption: since this is the diary of Vice Admiral Georg Bock's uncle, its later owner named Ignatjev could be descendants of Admiral's wife Anna Ignatjeva's relatives. A few words about the editorial aspect of the text. The reader will immediately notice that it does not originate from the beginning of the last century. I have partly translated the foreign-language parts of the Estonian, French, and German manuscript into Estonian and somewhat standardized the language of both layers for the modern reader. Hopefully, in the rapidly expanding series of our epistolary and document publications, soon (but naturally only after Russow's chronicle, Müller's sermons, Masing's letters, Faehlmann's works, and everything else), Jakob Mättik's diary will find a place with linguistically interesting original editing. Of course, it would have been a more stunning event in Rosenplänter's "Beiträge" if it could have been in "Keeles ja Kirjanduses" (unfortunately, during Rosenplänter's time, we did not have the journal for historical material publication.) But even in the	<...> The Leningrad ethnographer and historian A. Dridzo, incidentally by profession a Latin Americanist, enthusiastically studying the history and culture of Estonia, drew my attention to a once published in London history of the life of Count S., largely analogous to the life of General Michelson. Unknown people advised me to learn more about Lieutenant Huzen and his descendants in Ryapina. Acquaintances and strangers mentioned on occasion Captain Jurgen Bogdanov, painter Yuri, General Tenner, Doctor Espenberg, and many others worthy of the historian's attention. I was suggested to read some published materials and learn about still completely unknown human destinies or have a new look at previously known ones. The manuscript offered to the reader was brought to me by one of the zealous lovers of Estonian antiquity. During the Great Patriotic War in besieged Leningrad, he discovered this manuscript after the death of his neighbor Ignatiev among the things that belonged to him. The man who brought me the manuscript did not remember the name or patronymic of the late Ignatiev, during the blockade already an elderly person, apparently some kind of official. All my attempts to establish the identity of Ignatiev and thereby advance, or rather travel back to the past in my search, were fruitless. A conscientious historian cannot state anything about the origin of a manuscript based solely on its content, as building hypotheses arbitrarily is not the best occupation for a conscientious historian. But a writer-historian, having the right to fantasy, could decide to link the gallery of personalities revealed in the manuscript with the name of Ignatiev and express the assumption: since the author of the diary was the brother of the mother of Vice-Admiral Georg von Bock, it is permissible to assume that its last owner, a person named Ignatiev, was a descendant of the admiral's wife's relatives – Anna Ignatieva. A few words about the editorial side of the text. The reader will immediately notice by the language that the manuscript cannot be attributed to the beginning of the past century. The Estonian language is interspersed in the diary with foreign-language text, French and German. I translate these parts into Estonian, and the entire text is standardized to be more accessible to the modern reader. It would be desirable to hope that soon, in the approaching era of rapidly growing publications of our epistolary heritage and old documents (however, it goes without saying, only after the publication of the chronicle of Russow, the sermons of Müller, the letters of Mazing, the writings of Felman, and much more), the initially interesting linguistic version of Jakob Mettik's diary will find its place in many respects. Of course, if it appeared in Beiträge of Rosenplenter, it would be a more stunning event than when it is printed in the journal Keel ja Kirjandus. (For the publication of historical materials in Rosenplenter's times, alas, we did not have a journal.) However, in the seventies of

	seventies of our century, this publication would have at least one value: it would remind those who have not noticed it yet, once again, that a manuscript, both philological and literary, is neither cognac nor an officer, which or who gains stars over the years in a barrel or a camp. J. K.				our century, this publication would have another advantage: it would once again remind those who have not noticed this so far that a manuscript, whether philological or literary, is neither cognac nor an officer that with years — the first in the barrel, the second in retirement — receives an extra star. J.K.
2.	1993	Soome-ugri poetesside luulet	Ellen Niit, Lydia Koidula, Marie Under, Kersti Merilaas, Minni Nurme, Viivi Luik, Doris Kareva	Poetry	Дом в собственном сердце: стихи финно-угорских поэтесс Мне казалось. В. С. / Эллен Нийт. Моя Эстония – моя любовь / Лидия Койдула. Приказ / Марие Ундер. Певец / Бетти Альвер. Тысячелистник / Керсти Мерилаас. Далекий забытый / Дебора Вааранди. Ищу тишины / Минни Нурме. Ты же знаешь. Любовь. Мольба / Вийви Луйк. На обозрение представить чью-то жизнь / Дорис Карева Home in one's heart: lyrics by Finno-Ugric poetesses.
	n/a				В сборник вошли стихотворения поэтесс Эстонии, Венгрии, Финляндии и финно-угорских республик России.
	n/a				The collection included poetry by poetesses of Estonia, Hungary, Finland, and the Finno-Ugric republics of Russia.
3.	1993	Toomas Nipernaadi	August Gailit	Novel	Тоомас Нипернаади
	n/a				Аугуст Гайлит (1891-1960) – один из самых замечательных писателей «серебряного века» эстонской литературы 20-30 годов. В 1944 году он эмигрировал в Швецию. Поэтому на русском языке его книга выходит впервые. Роман «Тоомас Нипернаади» – это семь новелл, объединенных образом главного героя. Герой романа путешествует, встречается с разными людьми, узнает их проблемы, переживает любовные приключения. Это человек романтических настроений мечтательный, остроумный. Он любит помогать

					людям, не унывает в трудных обстоятельствах, он наделен богатой фантазией, любит жизнь и умеет ободрить ближнего. Роман читается как современный – большинство проблем и чувств, изображенных писателем,— это вечные проблемы и вечные чувства, не меняющиеся во времени и пространстве.
	n/a				August Gailit (1891 - 1960) is one of the most remarkable writers of the "Silver Age" of Estonian literature in the 1920s and 1930s. In 1944, he emigrated to Sweden, so his book is being published in Russian for the first time. The novel "Toomas Nipernaadi" consists of seven novellas united by the character of the main protagonist. The hero of the novel meets different people, learns about their problems, and experiences romantic adventures. He is a dreamy, witty person with romantic inclinations. He enjoys helping people, does not despair in difficult circumstances, has a rich imagination, loves life, and knows how to encourage others. The novel is perceived as a modern one - most of the problems and feelings depicted by the writer are timeless, not changing over time and space.
4.	1993 2005	Mu isamaa on minu arm	Lydia Koidula	Poetry	Стихи об Эстонии/ My fatherland is my love
	Lydia Emilia Florentina Jannsen (1843-1886) – esimene eesti väljapaistev naispoeet. Tema luuletaja pseudomüüm – Koidula – tuleneb sõnast koit. See pole juhuslik: XIX saj. 60-ndatel aastatel, rahvuslikul ärkamisajal, väljendab Lydia Koidula oma luuletustes rahva kõige pühamaid tundeid. Luuletus ´Mu isamaa on minu rõõm´ (G.Ernesaksa muusika) sai rahvushümniks. Kodumaa, Isamaa, Eestimaa, need mõisted esinevad L.Koidula luules esmaskordselt kui piiritu armastuse ja vaimustuse objektid. Kogumiku suurem osa on esitatud eesti ja vene keeles paralleelselt.				Лидия Эмилия Флорентина Яннсен (1843-1886) – первая эстонская женщина, ставшая крупным поэтом. Ее поэтический псевдоним – Койдула – происходит от слова koit – утренняя заря. И не случайно: в 60-е годы XIX века, время бурного подъема национального самосознания эстонцев, Лидия Койдула смогла в стихах выразить самые сокровенные чувства своего народа. Стихотворение «Моя Эстония – моя любовь» (муз. Густава Эрнесакса) стало национальным гимном. Родина, Отчизна, Эстония впервые в эстонской поэзии выступили в стихах Л.Койдулы как предмет любви, поклонения и беззаветного служения. Сборник – митридат: большая часть стихотворений представлена параллельно на эстонском и русском языках.
	Lydia Emilia Florentina Jannsen (1843-1886) was the first prominent Estonian female poet. Her poetical pseudonym, Koidula, comes from the word "koit," meaning dawn. This is not accidental: in the 1860s, during the national awakening, Lydia Koidula expressed the most sacred feelings of the nation in her poetry. The poem "Mu isamaa on minu rõõm" (music by G. Ernesaks)				Lydia Emilia Florentina Jannsen (1843-1886) was the first Estonian woman to become a prominent poet. Her poetic pseudonym, Koidula, comes from the word "koit," meaning morning dawn. And not by chance: in the 1860s, during the period of intense national awakening among Estonians, Lydia Koidula expressed the most intimate feelings of her nation in her poems. The poem "My Estonia – My Love"

	became the national anthem. Homeland, Fatherland, Estonia, these concepts appear in L. Koidula's poetry for the first time as objects of boundless love and enthusiasm. The majority of the collection is presented in Estonian and Russian in parallel.				(music by Gustav Ernesaks) became the national anthem. Homeland, Fatherland, Estonia appeared for the first time in Estonian poetry in Koidula's verses as objects of love, adoration, and selfless service. The collection is bilingual: most poems are presented in parallel in Estonian and Russian.
5.	1997	Очерки по истории эстонской литературы	Karl Ristikivi	Essays	Eesti kirjanduse lugu / Essays on Estonian literature history
	n/a				Карл Ристикиви, выдающийся эстонский прозаик, поэт и литературовед, разделил судьбу значительной части эстонской интеллигенции, оказавшейся в годы войны в эмиграции. Карл Ристикиви родился 16 октября 1912 года в Восточной Эстонии в семье батрачки. Учебу начал в Таллиннской торговой школе. Получив среднее образование, поступил в Тартуский университет на отделение естественных наук, где занялся изучением географии. После университета работал ассистентом в Тартуском институте экономической географии. Во время войны К. Ристикиви был мобилизован в немецкую армию, откуда он в 1943 году бежал в Финляндию, а позднее – в 1944 году – перебрался в Швецию. Серьезно заниматься литературной деятельностью Карл Ристикиви стал уже в начале 1930-х годов. На родине успел опубликовать несколько значительных романов, среди них – «Огонь и железо» (1938), утвердивший его как писателя. Доброжелательными отзывами были встречены и его книги для детей и юношества. В Швеции К. Ристикиви обосновался поначалу в городе Уппсала, позднее – в одном из тихих предместий Стокгольма. Там мастер эстонского романа занимал скромную должность страхового служащего. Большинство произведений К. Ристикиви (14 романов, сборник стихов, монография, статьи, рецензии) опубликованы в Швеции, в эстонских издательствах, многие его книги переведены на финский, шведский и другие языки. Но для писателя, вынужденного покинуть свою родину, живущего на чужбине, жизнь и творчество – даже при наличии большого таланта – поистине тяжкое и неблагодарное испытание. Из-за «железного занавеса», воздвигнутого советской властью, творчество К. Ристикиви до последнего времени было мало известно на его родине, в Эстонии, особенно молодому поколению. К. Ристикиви, равно отвергавший как гитлеровскую, так и большевистскую империи, на собственной родине был объявлен чиновниками от культуры персоной поп grata, а его произведения – заперты в спецфондах. (Лишь

		единственный его роман «Остров чудес» по иронии судьбы издали и в ЭССР в 1966 году.) К счастью, время от времени в Эстонию удавалось провезти книги живущих в изгнании писателей, в том числе и книги К. Ристикиви. Благодаря этому советским властям не удалось окончательно стереть из памяти народа имена зарубежных эстонских писателей, хотя все это время власти пытались делать вид, будто не существует никакого свободного мира, никакой довоенной (читай: дооккупационной) Эстонии. Естественный интерес к ранней эстонской литературе и к произведениям, издаваемым в зарубежных странах на эстонском языке, не угасал; подогревался он еще и тем, что в самой Эстонии «в созидательных условиях советской власти» литературная жизнь была совершенно деформирована. Литературоведение же в советской Эстонии, как и другие научные сферы, должно было обслуживать и оправдывать насилие коммунистической идеологии. Открыто заговорить о творчестве К. Ристикиви, о новом рождении его произведений в Эстонии возможно стало лишь с началом так называемой перестройки. Своеобразным символическим прорывом в гуманитарной жизни Эстонии стала научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения К. Ристикиви, которая – по инициативе литературоведов - была проведена в Таллинне в декабре 1987 года. Тем самым в послевоенной Эстонии была заложена новая концепция, рассматривающая всю эстонскую литературу – как «коренную», так и зарубежную – в одной неразрывной связи. Во имя единственно возможной цельности национальной литературы. Именно памятуя об этом и следует сегодня читать «Историю эстонской литературы», написанную многие годы назад и изданную в 1954 году в Стокгольме. Литературная сфера исследуется автором как бы изнутри, в русле ее законов и закономерностей. К. Ристикиви пытается проследить судьбу эстонской литературы, всем сердцем сопереживая и разделяя ее. Его повествование пронизано печалью и ностальгией. Автор поставлен перед непреложным фактом: одна эпоха в жизни его родины миновала, и у эстонского народа, у его культуры нет никаких гарантий выживания, гарантий, что они смогут выстоять до новых лучших времен. Наблюдая за тем, что происходило на наших глазах, мы можем лишь подтвердить, сколь реальны были эти опасения. К интересному выводу пришли

		литературоведы: «История эстонской литературы», связующая воедино разные времена, приобретает значение и весомость романа. Более того, эту книгу, этот сборник эссе можно прочесть как роман из восьми новелл, сопроводительной статьи, введения и заключения; внутренней динамике этого романа особую тональность придают названия глав и эпиграфы. К героям своего произведения, то есть к писателям, К. Ристикиви относится с толерантностью коллеги. А свой народ в потоке исторических событий воссоздает как единую живую сущность, совестью которой он как писатель призван быть. Своей «Историей эстонской литературы» К. Ристикиви создал духовный мост между душой изгнанника и его обездоленной родиной, между разными эпохами – сложным, но счастливым временем эстонской независимости и продолжением на чужбине, многогранным и неоднозначным. Возврата к прошлому нет, но творческая мысль автора вновь и вновь устремляется на поиски утраченного времени, утерянного пути... Роман К. Ристикиви «Все, что когда-то было» (1946) заканчивается словами: «Невозможно завершить все в одной точке, так же как невозможно начать с самого начала. Но задать вопрос можно всегда». Литературовед и критик Р. Вейдеманн, в свою очередь, определил, что «История эстонской литературы» не завершается, а символически обрывается, и ключ к прочтению такого финала К. Ристикиви дает в своем введении: «У каждой истории должны быть свое начало и свой конец, даже у тех, что обрываются на середине, как эта история эстонской литературы»... Тойво Таса
	n/a	Karl Ristikivi, an outstanding Estonian prose writer, poet, and literary scholar, shared the fate of a significant part of the Estonian intelligentsia forced to emigrate during the war years. Karl Ristikivi was born in Eastern Estonia on October 16, 1912, to a peasant family. He began his education at the Tallinn Commercial School and later was enrolled in the University of Tartu to study geography. After graduation, he worked as an assistant at the Tartu Institute of Economic Geography. During the war, K. Ristikivi was mobilized by the German army and later fled to Finland in 1943; in 1944, he moved to Sweden. Karl Ristikivi began his literary activities in the early 1930s. In his homeland, he managed to publish several significant novels, including "Tuli ja Raud/Fire and Iron" (1938), which gave a start to his career as a writer. His

		books for children and youth also received positive reviews. In Sweden, K. Ristikivi initially settled in the city of Uppsala and later moved to one of the quiet suburbs of Stockholm. There, the master of the Estonian novel held a modest position as an insurance clerk. Most of K. Ristikivi's writings (14 novels, a collection of poems, a monograph, articles, and reviews) were published in Sweden by Estonian publishers, and many of his books were translated into Finnish, Swedish, and other languages. However, for a writer forced to leave his homeland and live abroad, life and creativity - even with great talent - were truly difficult. Due to the "iron curtain" built by Soviet authorities, until recently, K. Ristikivi's writings were little known in his homeland, Estonia, especially by the younger generation. K. Ristikivi, who rejected both the Hitlerite and Bolshevik empires, was declared persona non grata by cultural officials in his own country, and his writings were locked away in special funds. (Only one of his novels, "Imede Saar/The Island of Wonders," ironically, was published in the Estonian SSR in 1966.) Fortunately, books by writers living in exile, including K. Ristikivi's works, were occasionally smuggled to Estonia, thwarting the Soviet authorities' attempts to erase the names of foreign Estonian writers from the people's memory, even though during all this time, the authorities pretended that there was no free world, no pre-occupation Estonia. The natural interest in early Estonian literature and works published in foreign countries in Estonian brought results; which was further fueled by the fact that in Estonia, under the "constructive conditions of Soviet rule," literary life was completely distorted. Literary studies in Soviet Estonia, like other scientific spheres, were supposed to serve and justify the violence of communist ideology. Speaking openly about K. Ristikivi's writings, and the resurgence of his works in Estonia, became possible only with the beginning of the so-called perestroika. A scientific conference dedicated to the 75th anniversary of K. Ristikivi, initiated by literary scholars and held in Tallinn in December 1987, became a kind of symbolic breakthrough in Estonia's humanitarian life. Thus, a new concept was proposed in post-war Estonia, considering all Estonian literature- both indigenous and foreign- as an inseparable whole. In the name of the only possible integrity of national literature. Today, when reading "The History of Estonian Literature" written many years ago and published in 1954 in Stockholm, we should remember that. The author explores the literary sphere as if from within, following its laws and regularities. K. Ristikivi tries to trace the fate of Estonian literature, empathizing and sharing it with all his heart. His narrative is permeated with sadness and nostalgia. The author has to face the inexorable fact: one era in the life of his homeland has passed, and the Estonian people with their culture have no guarantees

					of survival, no guarantees that they will withstand until better times. Observing what was happening in front of our eyes, we can only confirm how real these fears were. Literary scholars came to an interesting conclusion: "The History of Estonian Literature," covering different historical times, is significant and profound as a novel. Moreover, this book, this collection of essays, can be read as a novel consisting of eight novellas, with introductory and concluding articles; the internal dynamics of this novel is conditioned by a special tone given by the titles of chapters and epigraphs. K. Ristikivi treats the heroes of his work, i.e., the writers, as a tolerant colleague. And he recreates his people in the flow of historical events as a single living entity, whose conscience he, as a writer, is called to be. With his "History of Estonian Literature," K. Ristikivi created a spiritual bridge between the soul of an exile and his impoverished homeland, between different eras - the complex but happy time of Estonian independence and its continuation abroad, multifaceted and ambiguous. There is no return to the past, but the author's creative thought again and again strives to search for lost times, the lost path... Karl Ristikivi's novel "Kõik mis kunagi oli / All That Once Was" (1946) ends with the words: "It is impossible to finish everything in one point, just as it is impossible to start from the very beginning. But you can always ask a question." The literary scholar and critic R. Veidemann, in turn, determined that "The History of Estonian Literature" does not end, but symbolically breaks off, and the key to understanding such a finale by K. Ristikivi is given in his introduction: "Every story must have its beginning and its end, even those that are cut off in the middle, like this story of Estonian literature"... Toivo Tasa
6.	1997	Стихотворения (EST/RU)	Henrik Visnapuu	Poetry	Luuletused – Poetry
	n/a				Один из самых ярких эстонских поэтов начала XX века был Хенрик Виснапуу. Он родился 2 января 1890 г. (по старому стилю 21 декабря 1889 г.) в волости Леэбику Валгаского уезда в семье батрака. В поисках более доходной работы семье часто приходилось переезжать с места на место. И все потому, что целью было дать детям как можно лучшее образование (брат Хенрика Виснапуу, Эдуард стал писателем и музыкантом). Из-за частых переездов Хенрику с 1899 - 1907 г. пришлось учиться в пяти разных школах: в волостной школе Реала, министерских школах в Ропка, Вана-Куусте и Саадярве, и Тартуской городской школе. Где-то он проучился несколько лет, где-то меньше года. Но вполне

		успевал. Все в семье Виснапуу понимали, что путь к лучшей жизни возможен лишь через образование. В 1907 г., когда Виснапуу сдал при Нарвской гимназии экзамены на должность учителя начальной школы, то по его же словам, сделал большой шаг к выполнению своей жизненной цели, приблизился к интеллигенции. Работу найти было нелегко. Городские школы для учителя Х. Виснапуу были закрыты: там требовалось знание немецкого языка, которым он пока еще не владел. А в волостных школах учителя должны были иногда заменять местных пасторов при обрядах крещения или же на похоронах. В конце концов его взяли в волостную школу Ахунапалу, где Виснапуу проработал до 1910 г. В этом всеми забытом уголке будущий поэт начал учить немецкий и латынь, необходимые для сдачи экзаменов, которые позволили бы занять место учителя в городских школах либо поступить в университет. В 1912 г. Виснапуу решает переехать в Тарту, где начинается период усиленной подготовки к поступлению в университет. Он дает уроки эстонского языка в женской прогимназии М. Айдника и посещает вечерние курсы Тартуского педагогического общества. Выпускные экзамены он сдал при Тартуской Александровской гимназии в 1916 г. В начале 1917 г. Хенрик Виснапуу был зачислен студентом на отделение классической филологии Тартуского университета. Выбор специальности был продиктован желанием получить как можно лучшую подготовку к писательской деятельности. Однако к более серьезным занятиям он приступил лишь в 1920 г. Чтобы разобраться в самом себе, а также чтобы установить новые литературные контакты, Виснапуу в 1921 г. отправляется за границу. Вместе с А. Гайлитом он поехал в Советскую Россию, довольно необычное путешествие для того времени, - писатели, их современники, предпочитали Западную Европу. По совету И. Северянина Виснапуу какое-то время жил в Петрограде, где встречался с многими русскими поэтами, художниками. В круг его новых знакомых вошли композитор А. Глазунов, поэт Ф. Сологуб, театральный режиссер Н.Евреинов, художник А. Бенуа и др. Затем Виснапуу отправляется в Москву, где общается с С.Есениным, А.Белым, А.Дункан, Б.Пильняком и др. не менее известными деятелями культуры. Там в переводе И.Северянина вышел первый сборник стихов Виснапуу «Amores». В Москве же

		он выступал с докладами о современной эстонской поэзии, переводил на эстонский язык произведения русских авторов, в том числе И.Северянина. В 1922 г. Виснапуу в течение нескольких семестров посещает в Берлинском университете лекции по философии и эстетике истории искусств, а также сдает несколько экзаменов цикла германистики. Его все больше интересуют общетеоретические проблемы филологии, он увлекается философией, читает Шопенгауэра, восточных философов. Вернувшись в Эстонию в 1924 г., Виснапуу стал активным организатором литературной жизни - членом союза писателей Эстонии, на какое-то время даже заместителем председателя союза. До 1935 г. он был профессиональным писателем, затем ему предложили стать советником по культуре в Государственном управлении пропаганды. С 1937 по 1940 г. он был редактором литературно-художественного журнала "Вараму", закрытого после июньского переворота. В первые дни новой власти Виснапуу, как и многие другие литераторы, опубликовал приветствие советскому правительству вместе со стихотворением "Песня родины", написанным еще в 1919 г. Текст стихотворения быстро приобрел популярность, его предлагали даже как текст нового гимна. И хотя гимном это стихотворение Виснапуу все-таки не стало, но очень многие композиторы написали музыку на этот текст (А. Ляте, Л. Неуман, К.Тюрнпуу, В.Тормис и др.). Но, несмотря на это, Виснапуу вскоре остается без работы. После закрытия журнала он уезжает в Луунья, на свой хутор. 5 октября 1941 г. там умирает от туберкулеза его жена Хильда, которая почти четверть века была вдохновительницей и лирической героиней поэзии Виснапуу. В стихах он называл ее романтическими именами – Инг, Алаеа. С осени 1942 г. Виснапуу получает работу в Эстонском театре драмы в Таллинне, сотрудничает с разными газетами, выпускает два номера литературного альманаха "Аммукаар" (1942, 1943). В 1944 г., когда стали наступать советские войска, Виснапуу, как десятки тысяч жителей Эстонии, начал искать возможности уехать. Немецкие оккупационные власти разрешали эстонцам эмигрировать вместе с отступающей армией в Германию и лишь в исключительном порядке, с визой – в другие страны. Опоздавший на один из последних пароходов, отплывших в Швецию, Виснапуу направился было на

		острова, где надеялся нелегально переплыть Балтийское море и оказаться вдали от военных действий. Но это не удалось. Он отплывает на одном из немецких минных тральщиков и через некоторое время оказывается в Германии, где живет в лагерях для переселенцев. Его жизнь оказалась нелегкой: Виснапуу отказывается от занятий нелегальной торговлей, обычным заработком эмигрантов, и пытается найти себе применение в разного рода печатных органах, но редкие публикации оставляют его в бедственном положении. В 1945 г. Виснапуу знакомится с Ыйе Нурмет, которая вскоре стала для поэта новой музой. Она, как и умершая жена Виснапуу, получила в его стихах особое поэтическое имя. Но в 1948 г. она уезжает из Германии, и Виснапуу опять остается один. Чтобы не оказаться в полном одиночестве, Виснапуу решил в очередной раз заняться организаторской деятельностью и основал Всемирный союз эстонской литературы. Первое собрание союза состоялось в октябре 1948 г. Целью новой организации было объединение эстонских литераторов, рассеянных по всему свету, сохранение и развитие национальных культурных традиций, издательская деятельность. В 1949 г. Виснапуу задумывает очередную эмиграцию – в Америку, но для этого необходимо найти человека, который обеспечил бы ему там жилье и содержание. Таковы были требования американской стороны. Найдя такого человека (Сильвия Нарма), в октябре 1949 г. Виснапуу переплывает Атлантический океан и оказывается в Нью-Йорке, где умирает спустя полтора года, 3 апреля 1951 г., от тяжелой сердечной болезни. Литературный дебют Хенрика Виснапуу состоялся 27 октября 1908 г. на страницах газеты «Постимеэс», где был о опубликовано его стихотворение «Осенью». К моменту публикации первых стихотворений Виснапуу успел в душе стать истинным поэтом: он сам понимал, что все им написанное ничтожно по сравнению с произведениями настоящих поэтов. (Как он утверждал позже, ему повезло – читать он начал сразу поэтов-классиков, среди них и А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова). Придя к такому неутешительному выводу, Виснапуу уничтожил большую часть стихотворений, написанных к концу 1900-х гг. Новый период в его творчестве начинается со знакомства с Густавом Суйтсом, который был для Виснапуу одним из образцов для подражания. Суйтс привил молодому поэту интерес к неоромантизму, которым увлекались члены основанной им группировки «НоорЭэсти». Он обещал

		принять в «НоорЭэсти» и Виснапуу, но группировка вскоре прекратила свое существование. Внимание к себе и своим стихам Виснапуу привлек в 1913 г., когда он вместе с другими молодыми поэтами (М.Хейберг, Р. Рохт, Р. Веллнер) организовал коллективный сборник "Момент 1" и в 1914 г. – второй сборник, «Зеленый момент». Эти две книги были полны модернистской поэзии, написанной главным образом под влиянием поэзии русских символистов и кубофутуристов. Молодые авторы шли на сознательное шокирование читателя языковыми изысками и визуальными эффектам и графическим изображением стихотворений. Лучшим примером может служить стихотворение Х. Виснапуу "Дочь фараона". Часть произведений Виснапуу были подписаны псевдонимом Alfred Varik, то же делали и другие поэты, создавая таким образом видимость множества авторов. <…> К 1914 г. относится личное знакомство Виснапуу с русским поэтом И.Северянином, чье творчество он знал и раньше, а с 1918 г. их контакты становятся более тесными – И.Северянин эмигрирует из Советской России в Эстонию в Тойла. Своеобразие северянинского стиля оказало на Виснапуу серьезное влияние: в подражание старшему другу Виснапуу несколько лет называет свои стихотворения «поэзами», а сам получает звание «короля поэз». <…> В следующий творческий период – 1925– 1932 гг. – Виснапуу издает 5 сборников: 1) «Кремень» – 1925; 2) «Песни Маарьямаа» – 1927; 3) " Идолы" – 1929; 4) "Ветряное решето" – 1931; 5) "Солнце и река" – 1932. В эти годы стих Виснапуу набирает зрелость - он утратил спонтанность и лиричность, но стал музыкальней. Виснапуу продолжает интенсивно осмыслять разные отношения к природе. Заметным становится предпочтение естественного, что выражено в введении мотива земли, почвы, и отрицание города, иногда даже враждебное отношение к большим городам. В социальном плане он надеется на развитие Эстонии и в то же время боится за ее будущее. <…> Несмотря на то, что за первые десять с лишним лет самостоятельная Эстония развивалась вполне успешно, Виснапуу все-таки почувствовал внутренне какую-то угрозу, ему самому пока еще непонятную, дальнейшему развитию как государства, так и народа в целом. Под влиянием этих опасений, внешних угроз Виснапуу постоянно ищет выход или решение создавшейся

		ситуации. Менее всего выход виделся в физическом сопротивлении («Песни Маарьямаа»). Напротив, поэт отдавал предпочтение духовной силе народа и развитию национальной культуры, видел утешение в природе, роль которой в его поэзии все возрастала. Виснапуу придавал ей мифическую или идиллическую святость. <…> В 1938 г. вышел сборник стихов «Северное сияние», в который Виснапуу включил поэтические легенды и баллады, рассказывавшие о верованиях древних эстов (так, в стихотворении «Смерть бабушки» душа умершей должна в виде бабочки по воде достичь трона Бога). По тематике этот сборник оказался разнообразным: здесь и быт, и религиозно-философские размышления, сказочная романтика, элегия, даже утопия. Во время войны в 1942 г. выходит сборник лироэпических произведений под названием «Мать ветра». В 1939–1944 г. у Виснапуу готовился сборник "Могилы предков", который вместе с некоторыми более новыми стихотворениями был издан в 1946 г. в Швеции. Из этого сборника вычитывается еще не угасшая вера поэта в лучшее будущее, в возрождение независимой Эстонии. Словарь этого сборника впитал множество мотивов и фраз Ветхого Завета, а сам Виснапуу приравнивает себя к пророкам. Хотя он пишет о смерти и разрухе, но настойчиво держится за надежду. <…> Однако в последующие три года (1944–47) постоянно в стихотворения Виснапуу постоянно вторгаются грусть и депрессия. Место призыва к свободе занимает теперь грустный и лиричный анализ судьбы отечества. <…> В конце жизни, в 1948–51 гг. Виснапуу находит утешение в новой национально-политической идее: объединение малых народов Балтийского моря во имя свободы и победы, а также всех литераторов, эмигрировавших из Эстонии и разбросанных по всему миру. Эти мотивы пронизывают его сборник 1948 г. «Mare Balticum». Вновь вспыхнули гнев и месть. Протест поэта обращен не только к прямым виновникам трагедии народа, но и к тем, кто дали всему этому случиться и теперь стараются об этом забыть. И все же рядом со всем этим вновь просыпается надежда на скорое освобождение, возникшая благодаря воспоминаниям о родных краях и родных людях. Лишь в последнем сборнике «Млечный путь. Книга странствий» (1950) поэт достигает относительного спокойствия и равновесия. Этим сборником Виснапуу отметил

		свое 60-летие, публикуя избранные стихотворения и самых ранних лет, и последние, описывающие жизнь в годы Германии, пересечение Атлантического океана и прибытие на Новую Землю. Он пытается вжиться в американскую реальность, понять ранее ненавистные города Нового мира. И что-то подсказывает поэту, что больше никогда не увидеть ему своей родины, берегов Маарьямаа. Уже после смерти Виснапуу в Лунде были изданы его воспоминания о детстве и начале творческого пути под названием «Солнце и Река» (1951), в 1964–65 гг. в Швеции же издан двухтомник его избранных стихов, дающий обзор творчества одного из самых значительных поэтов Эстонии. Ирина Белобровцева
	n/a	One of the most prominent Estonian poets of the early 20th century was Henrik Visnapuu. He was born on January 2, 1890 (according to the old calendar, December 21, 1889) in the parish of Leebiku in Valga County, in a peasant family. In search of more lucrative work, the family often had to move from place to place, as the goal was to provide the children with the best education possible (Henrik Visnapuu's brother, Eduard, became a writer and musician). Due to frequent moves, Henrik had to attend 5 different schools from 1899 to 1907: the parish school of Reala, ministerial schools in Ropka, Vana-Kuuste, and Saadjarv, and the Tartu city school, in some he studied for several years, in other less than a year. However, he managed quite well. Everyone in the Visnapuu family understood that the path to a better life was possible only through education. In 1907, when Visnapuu passed exams for the position of an elementary school teacher at the Narva Gymnasium, he, according to his own words, took a huge step towards fulfilling his life goal and approaching the intelligentsia. Finding a job was not easy. The city schools were not available for teacher H. Visnapuu: knowledge of the German language was required, which he did not yet know. In parish schools, teachers sometimes had to replace local pastors at baptismal rites or funerals. Eventually, he was hired at the Ahunapalu parish school, where Visnapuu worked until 1910. In this godforsaken corner, the future poet began to learn German and Latin, which were required for exams that would allow him to take a teacher's position in city schools or enter university. In 1912, Visnapuu moved to Tartu, where he was intensively preparing for university. He taught Estonian lessons at the M. Aidnik Women's Gymnasium and attended evening courses at the Tartu Pedagogical Society. He passed his graduation exams at the Tartu Alexander

		Gymnasium in 1916. In early 1917, Henrik Visnapuu was enrolled as a student in the Department of Classical Philology at the University of Tartu. The choice of the field was conditioned by the desire to receive the best possible background for literary work. However, he only started proper studies in 1920. To understand himself better and to establish new literary contacts, Visnapuu went abroad in 1921. Together with A. Gailit, they traveled to Soviet Russia, a rather unusual journey for that time as authors and their contemporaries preferred Western Europe. Following the advice of Igor Severianin, Visnapuu lived in Petrograd for some time, where he met many Russian poets and artists. Among his new acquaintances were composer A. Glazunov, poet F. Sologub, theater director N. Yevreinov, artist A. Benois, and others. Then Visnapuu went to Moscow, where he communicated with S. Yesenin, A. Bely, A. Duncan, B. Pilnyak, and other famous cultural figures. There was published the first collection of Visnapuu's poems "Amores" translated by I. Severianin. In Moscow, he also gave lectures on contemporary Estonian poetry and translated Russian authors into Estonian, including I. Severianin’s poetry. In 1922, Visnapuu attended lectures on philosophy and aesthetics of art history at the University of Berlin for several semesters and also passed several exams in German studies. He became increasingly interested in the theoretical problems of philology, was fascinated by philosophy, and read Schopenhauer, as well as Eastern philosophers. Having returned to Estonia in 1924, Visnapuu became an active organizer of literary life, a member of the Union of Writers of Estonia, and for a while even a deputy chairman of the union. Until 1935, he was a professional writer, after which he was offered the position of cultural advisor in the State Propaganda Administration. From 1937 to 1940, he worked as an editor of the literary and artistic magazine "Varamu," which was closed after the June coup. In the early days of the new regime, Visnapuu, like many other writers, published a greeting to the Soviet government along with the poem "Song of the Homeland," written back in 1919. The text of the poem quickly gained popularity and was even suggested as the text for a new anthem. Although this poem did not become the anthem, many composers wrote music to it (A. Läte, L. Neuman, K. Türnpu, V. Tormis, etc.). However, despite this, Visnapuu soon became unemployed. After the dismissal of the magazine, he moved to Luunja, to his farm. On October 5, 1941, his wife Hilda died of tuberculosis. She had been the inspiration and lyrical heroine of Visnapuu's poetry

		for almost a quarter of a century. In his verses, he gave her the romantic names Ing and Alaea. In the fall of 1942, Visnapuu got a job at the Estonian Drama Theater in Tallinn, collaborated with various newspapers, and published two issues of the literary almanac "Ammukaar" (1942, 1943). In 1944, as Soviet troops began to advance, Visnapuu, like tens of thousands of residents of Estonia, began looking for opportunities to leave. The German occupation authorities allowed Estonians to immigrate with the retreating army to Germany and, only exceptionally, with a visa to other countries. Missing one of the last ships sailing to Sweden, Visnapuu set out for the islands, hoping to illegally cross the Baltic Sea and escape the war. But no success. He sailed on one of the German minesweepers and eventually ended up in Germany, where he lived in resettlement camps. His life was difficult: Visnapuu refused to engage in illegal trade, the usual way to earn money for immigrants and tried to find a job in various publishing houses, but rare publications could not provide much money. In 1945, Visnapuu met Eje Nurmet, who soon became a new muse for the poet. Like his deceased wife, Nurmet received a special poetic name in his verses. But in 1948, she left Germany, and Visnapuu was alone again. To avoid complete loneliness, Visnapuu decided once again to engage in organizational activities and founded the World Union of Estonian Literature. The first meeting of the union took place in October 1948. The new organization aimed to unite Estonian writers scattered around the world, preserve and develop national cultural traditions, and engage in publishing activities. In 1949, Visnapuu decided to immigrate to America. However, to do this, he needed to find someone who would provide him with housing and support. These were the requirements of the American side. Having found such a person (Silvia Narma), Visnapuu crossed the Atlantic Ocean in October 1949 and arrived in New York, where he died a year and a half later, on April 2, 1951, from severe heart disease. Henrik Visnapuu's literary debut took place on October 27, 1908, on the pages of the newspaper "Postimees," where his poem "Autumn" was published. By the time of the publication of his first poems, Visnapuu had already become a true poet in his soul: he understood that everything he had written was insignificant compared to the works

		of real poets. (As he later claimed, he was lucky as he began reading classical poets, including A.S. Pushkin and M. Yu. Lermontov). Coming to such a bleak conclusion, Visnapuu destroyed a large part of the poems written by the end of the 1900s. A new period in his creative work began when he met Gustav Suits, who was a role model for Visnapuu. Suits invoked in the young poet an interest in neoromanticism, which was embraced by the members of the group "NoorEesti" founded by him. He promised to accept Visnapuu into "NoorEesti," but the group soon ceased to exist. Visnapuu's figure and poems attracted attention in 1913 when he, along with other young poets (M. Heiberg, R. Roht, R. Wellner), published the collective anthology "Moment 1," and in 1914, the second anthology, "Green Moment." These two books were full of modernist poetry, mainly influenced by the poetry of Russian symbolists and cubofuturists. The young authors deliberately shocked the reader with linguistic experiments, visual effects, and graphical representations of poems. The poem "The Daughter of the Pharaoh" by H. Visnapuu is a prime example. Some of Visnapuu's works were signed with the pseudonym Alfred Varik, as other poets did as if there were multiple authors. In 1914, Visnapuu met the Russian poet Ivan Severyanin, whose work he had known before, and from 1918, their contacts became closer as I. Severyanin immigrated from Soviet Russia to Estonia, Toila. The uniqueness of Severyanin's style had a serious influence on Visnapuu: imitating his elder friend, Visnapuu called his poems "poezas" for several years and received the title of "the king of poetry." During the next creative period, 1925-1932, Visnapuu published 5 collections: 1) "Flint" - 1925; 2) "Songs of Maarjamaa" – 1927; 3) "Idols" – 1929; 4) "Windmill" – 1931; 5) "Sun and River" - 1932. During these years, Visnapuu's poetry matured; it lost its spontaneity and lyricism but became more musical. Visnapuu continued to intensively contemplate various relationships with nature. The preference for the natural became noticeable, expressed in the introduction of motifs of land, soil, and the denial of the city, sometimes even hostile attitudes towards large cities. Socially, he hoped for the development of Estonia but also feared for its future. <...> Despite the fact that, during its first decade of independence, Estonia developed quite successfully, Visnapuu nevertheless felt an internal, as yet unclear threat to the further development of both the state and the nation as a whole. Influenced by these

		concerns and external dangers, Visnapuu constantly sought a way out or a solution to the situation. Physical resistance seemed the least likely path forward (“Songs of Maarjamaa”). On the contrary, the poet preferred the spiritual strength of the people and the development of national culture, finding solace in nature, which played an increasingly significant role in his poetry. Visnapuu attributed a mythical or idyllic sanctity to nature. In 1938, the collection of poems "Northern Lights" was released, in which Visnapuu included poetic legends and ballads about the beliefs of ancient Estonians (for example, in the poem "Grandmother's Death," the soul of the deceased must reach God's throne in the form of a butterfly over the water). Thematically, this collection was diverse: it included everyday life, religious-philosophical reflections, fairy-tale romance, elegy, and even utopia. During the war in 1942, the collection of lyrical-epic works titled "Mother of the Wind" was published. From 1939 to 1944, Visnapuu prepared the collection "Graves of Ancestors," which, along with some newer poems, was published in 1946 in Sweden. This collection reflects the poet's still overwhelming faith in a better future, in the revival of independent Estonia. The vocabulary of this collection absorbed many motifs and phrases from the Old Testament, and Visnapuu himself compared himself to the prophets. Although he wrote about death and destruction, he persistently clung to hope. However, in the following three years (1944-47), sadness and depression constantly intervened in Visnapuu's poems. Instead of calls for freedom, there was now a sad and lyrical analysis of the homeland's fate. Towards the end of his life, in 1948-51, Visnapuu found solace in a new national-political idea: the unification of the small nations of the Baltic Sea in the name of freedom and victory, as well as all the writers who emigrated from Estonia and scattered around the world. These motifs permeated his 1948 collection "Mare Balticum." Anger and revenge flared up again. The poet's protest was addressed to the culprits of the national tragedy and those who allowed all this to happen, and now tried to forget about it. Yet, amidst all this, hope for imminent liberation reawakens, inspired by memories of the homeland and its people. Only in the last collection, "Milky Way. Book of Wanderings" (1950) did the poet achieve relative peace and balance. With this collection, Visnapuu marked his 60th birthday by publishing

					selected poems from his earliest years to his latest, describing life during the years in Germany, crossing the Atlantic Ocean, and arriving in the New World. He tries to immerse himself in American reality, to understand the previously hated cities of the New World. And the poet says that he will never see his homeland again, the shores of Maarjamaa. After Visnapuu's death, his memoirs about childhood and the beginning of his creative path were published in Lund under the title "Sun and River" (1951), and in 1964-65 in Sweden, a two-volume collection of his selected poems was published, providing an overview of the work of one of the most significant poets of Estonia. Irina Belobrovtseva
7.	1997	Luuletused	Marie Under	Poetry	Стихотворения (EST/RU) – Poetry
	n/a				МАРИЕ УНДЕР (1883 – 1980) Женскому началу принадлежит особая роль в эстонской поэзии. Считается, что авторами и исполнительницами фольклорных песен были в основном женщины, отсюда так силен в них дар стихотворчества. И история эстонской поэзии знает тому немало примеров. До Марие Ундер самыми популярными поэтессами в Эстонии были Лидия Койдула и Анна Хаава, однако именно творчество Ундер произвело глубочайшее впечатление на любителей поэзии. Между тем в условиях Эстонии начала XX в. вполне могло случиться так, что ее стихи осталось бы неизвестными широкому читателю – девочка из учительской семьи (она была третьей из пя-терых детей), ученица немецкой школы, М.Ундер и стихи начала писать на немецком языке. По счастью, на ее жизненном пути встретились двое деятелей культуры – писатель Эдуард Вильде и художник Антс Лайкмаа (1866–1942), с которыми Ундер работала в газете «Театая» («Вестник»), – и оба они посоветовали ей перейти в поэзии на эстонский язык (точно такой же совет более чем за полвека до этого дал Лидии Койдула Ф.Р.Крейцвальд). <…> Двадцатые годы – время знакомства Ундер с широким миром: она увидела Париж, побывала в Польше, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Италии и Голландии. Жадно впитывала впечатления, всегда вспоминала увиденного на всемирном конгрессе Пен-клуба Рабиндраната Тагора. Мир входил в ее творчество и через переводы: с ее помощью заговорили по-эстонски Шиллер и

		Шекспир, Ростан и Метерлинк, Ибсен и Бодлер, Гете. К концу десятилетия к ней пришла поэтическая слава. Рядом с ней эстонский читатель мог поставить только Густава Суйтса, каждая книга которого становилась вехой в эстонской поэзии. Этот короткий и плодотворный период дал эстонской поэзии четыре прекрасных поэтических сборника Ундер: «Голос из тени» /"Haal varjust", 1927 /, «Радость одного прелестного дня» /"Room iihest ilusast paevast", 1928/, «Затмение счастья» /"Onnevarjutus", 1929/ и «Под небом пустым» /"Lageda taeva all", 1930/. <…> В эстонской поэзии нет другого такого рассказчика. Работая с этим жанром, Ундер совместила национальное и общечеловеческое: укорененные в культурных традициях своего народа сюжеты она переплела с традициями жанра мировой литературы, приемы эстонского фольклора – с особенностями баллады французского романтизма. Темы ее баллад – страх, смерть, любовь – движители жизни. Она рассказывает о далеком или близком прошлом. Сюжеты в основном взяты из эстонского фольклора, хотя Ундер использовала также исторические и библейские мотивы («Мандрагоровые яблоки»), создавала собственные сюжеты. Баллады и выстроены с помощью приемов народной поэзии: в них много параллелизмов, иносказаний. Есть привычные для жанра баллады (само название жанра происходит от прованского balade – танцевальная песня) четко выраженные ритмическое начало и рефрен. Но эффектные, часто трагичные концовки восходят к поэтическому темпераменту самой М.Ундер. В балладах Ундер человек постоянно борется со злом и так же постоянно терпит в этой борьбе сокрушительное поражение. Карл Ристикиви писал об этом: «Это общечеловеческая и вечная проблема – борясь со злом, мы неизбежно им заражаемся». <…> Марие Ундер прожила дольше любого другого эстонского писателя. Это было яркое и теплое горение, это была достойная и светлая жизнь глубоко человечного поэта. Внешние реалии мало что решают. Ее имя не раз называлось в числе кандидатов на получение Нобелевской премии в литературе, но лауреатом она так и не стала. Это не главное. Главное – стихи, которые продолжают жить, главное – обаяние образа, которое не тускнеет от

		времени, главное – имя Марие Ундер, которое произносят с неизменным почтением и благодарностью. Ирина Белобровцева.
	n/a	MARIE UNDER (1883 – 1980) Females played a special role in Estonian poetry. It is believed that the authors and performers of folk songs were mainly women, hence they were granted a great gift of poetry. The history of Estonian poetry has seen many examples of this. Before Marie Under, the most popular poetesses in Estonia were Lydia Koidula and Anna Haava, but it was Under's work that deeply impressed poetry lovers. Meanwhile, in the conditions of Estonia at the beginning of the 20th century, it could happen that her poems would remain unknown to the wide reader as a girl from a teacher's family (she was the third of five children), a student of a German school, M. Under began to write poems in German. Fortunately, two cultural figures crossed her path, the writer Eduard Vilde and the artist Ants Laikmaa (1866-1942), with whom Under worked at the newspaper "Teataja" ("The Bulletin"), and both of them advised her to switch to Estonian as her poetry language (the same advice was given to Lydia Koidula by F.R. Kreutzwald more than half a century before). <...> The 1920s were the times when Under learned about the world: she saw Paris and visited Poland, Czechoslovakia, Austria, Hungary, Italy, and the Netherlands. She eagerly absorbed impressions and always remembered Rabindranath Tagore at the World Congress of the Pen Club. Through translations and writing, she explored the world: Schiller and Shakespeare, Rostand and Maeterlinck, Ibsen and Baudelaire began to speak Estonian. By the end of the decade, she became famous as a poet. Estonian readers could only compare her with Gustav Suits, each of whose books became a milestone in Estonian poetry. This short and fruitful period gave Estonian poetry four beautiful poetic collections by Under: "Voice from the Shadows" / "Naal varjust", 1927 /, "The Joy of a Lovely Day" / "Rõõm ühest ilusast päevast", 1928/, "Eclipse of Happiness" / "Õnnevarjutus", 1929/, and "Under an Empty Sky" / "Lageda taeva all", 1930/. <...> There is no other storyteller in Estonian poetry comparable to her. Working with this genre, Under combined the national and the universal: the cultural traditions

					of her nation she intertwined with the traditions of the genre of world literature, Estonian folklore techniques with the plots of the ballads of French romanticism. The themes of her ballads - fear, death, love - are the driving forces of life. She tells about the distant or recent past. The plots are mainly taken from Estonian folklore, although Under also used historical and biblical motifs ("Mandrake Apples"), creating her own stories. Ballads are based on the techniques of folk poetry, with many parallels and innuendos. These are typical for the genre of ballads (the very name of the genre comes from the Provençal ballad - a dance song) clearly expressing rhythmic beginning and refrains. But the striking, often tragic endings go back to the poetic temperament of Marie Under. In Under's ballads, a person is constantly struggling with evil and constantly suffers a crushing defeat in this struggle. Karl Ristikivi wrote about this: "This is a universal and eternal problem - fighting evil, we inevitably become infected." <...> Marie Under lived longer than any other Estonian writer. It was a bright and warm burning, it was a worthy and bright life of a truly humanistic poet. External realities do not matter. Her name has been mentioned more than once among the candidates for the Nobel Prize in Literature, but she was never awarded. This is not the most important thing. The most important thing is that the poems that continue to live, the charm of the image that does not fade over time, and the name of Marie Under are pronounced with constant respect and gratitude. Irina Belobrovtseva
8.	1997	Piiririik	Emil Tode	Novels	Пограничье / The Border State
	n/a				Послесловие В Пограничной стране — повсюду От автора Я обратил внимание, что трактовка «Пограничья», особенно за рубежом, сосредоточивается преимущественно на теме Восток—Запад. На встрече Востока и Запада как на конфликте. Действительно, подход к роману в первую очередь в этом ключе — прост и утешителен. Протагонист — автор писем, то есть Восточная Европа, ищет себе место на Западе, однако не находит его.

		Профессор философии Франц, полуфранцуз-полунемец, — он, конечно, Запад, богатый, но приходящий в упадок. Взаимоотношения Франца и рассказчика — это взаимоотношения любви—ненависти, шлюхи—клиента, а таящийся в этом конфликт находит одновременно трагическое и комическое разрешение: Восток убивает Запад с помощью собственного изощренного изобретения — микстуры, которую следует принимать по капле, главный же герой, охваченный деструктивным порывом, выливает все лекарство из пузырька в стакан Франца с джином и тоником. Интересно, что отношение читателей к персонажам книги определяется тем, на какой стороне они сами. Западные читатели сурово осуждают убийство как нечто особенно циничное и хладнокровное. Ведь рассказчик нисколько не раскаивается в содеянном, он только удивляется, что никто не заинтересовался им, что его не арестовали и не предали суду. Что он по-прежнему — никто. Читатели Эстонии, вообще Балтии, подходят к книге иначе: по их мнению, Франц, то есть Запад, получил то, что заслужил. Что это достойная расплата за его надменное и лицемерно заботливое отношение к Восточной Европе. Такое пристрастное толкование книги, по правде говоря, ошеломляет. Я не думал, что дело настолько серьезно, что наш расколотый надвое мир настолько укоренился в сознании европейцев. И особенно печально, что к книге относятся без малейшего юмора. Никто не решился написать о «Пограничье» как об ироничном произведении. Хотя не один человек с глазу на глаз признавался мне, что, читая его, посмеивался. Создается впечатление, что никто не осмеливается усмотреть здесь смешное, еще бы, ведь вопрос такой серьезный: Восток и Запад, война и мир, прошлое и настоящее, объединяющаяся Европа. Разве можно шутить над всем этим! Кажется, что встреча Востока и Запада вызвала такое глубокое чувство неловкости с обеих сторон, что с политической точки зрения было бы корректно сделать вид, будто ничего и не произошло. Или хотя бы оставаться беспристрастно серьезным. Отчего же чувство неловкости? Да оттого, что обнаружилось довольно неловкое обстоятельство: не так уж много людей ожидало падения стены, она, эта стена, свалилась многим на голову, разрушила их привычный и надежный

		мир. Разделенный на Восток и Запад мир был чрезвычайно удобен, чтобы культивировать любые утопии и антиутопии. Для обеих сторон существовал другой мир, где возможно то, что невозможно здесь. То есть такое место, где все возможно, поскольку эту возможность нельзя проверить. Место, куда можно поместить абсолютное добро и абсолютное зло, абсолютную свободу и абсолютную зависимость. Благополучие и отсутствие благополучия. Права человека и его бесправие. Весь XX век тешил себя утопией, тем, что утопия реализуема. В это верили и по ту, и по другую сторону стены. Верили, что все дело в системе. Эта вера освобождала людей как от личной свободы, так и от личной ответственности. Падение стены обнажило то, что никакого другого мира нет. И не было. Что, несмотря на разные системы, люди все время жили в одном и том же мире, что Восток и Запад были две разные и по-разному неудачные реализации одной и той же утопии. Наивно и даже опасно продолжать думать в системе двух блоков, то есть думать, будто западный блок одержал победу над восточным. Крушение утопии действительно началось с востока, поскольку восточная система была менее эффективна. Но главное событие девяностых годов — не исчезновение «империи зла», а исчезновение границы, исчезновение стены между «империей зла» и «империей добра», между утопией и антиутопией, между той и этой стороной. Уже ничто больше не находится по ту сторону границы. Теперь все по эту сторону, и оказывается, именно эту истину Европе конца века труднее всего освоить. Иначе почему возникло желание вновь восстановить границу и блоки, пусть и в обновленном виде? Почему в Европе все чаще звучат речи в защиту находящейся в опасности европейской культуры и европейского самосознания, почему Европу все больше охватывает страх и желание замкнуться в себе? Почему вновь стремятся установить границу между Востоком и Западом, между добром и злом, на этот раз сдвинув ее ближе к Востоку? Немецкое название моего романа в каком-то смысле даже точнее соответствует его содержанию, нежели эстонское. На эстонском языке — «Пограничная страна», на немецком — «В пограничной стране». В самом деле, «Пограничная

		страна» — это не та провинция на берегу Балтийского моря, веками переходившая из рук в руки, ставшая символом Восточной Европы, и откуда, по утверждению рассказчика, он явился. Он рассказывает не о Пограничной стране, откуда он родом, а о том Пограничье, где он постоянно пребывает — всегда и повсюду. Будь то в воспоминаниях, мечтах, преступлениях или лжи; будь то в Таллинне, в Боснии-Герцеговине, Париже, Амстердаме или Страсбурге. И не только он. В пограничной стране живет и Франц, живут все, однако не все хотят признавать это. Потому что граница проходит уже не по земле, вдоль рек и горных хребтов. Границу обозначает уже не колючая проволока, а ее отсутствие: то, что каждый и повсюду может выбирать и обязан выбирать. Граница в нас самих, и может быть, она и всегда была только там. А сейчас это стало очевидным. Разделительные рубежи, названия, категории — это неизбежные орудия нашего языка и мышления. Но столь же неизбежно освобождение от них. Они не могут оставаться там, где они есть, и такими, какие есть. Нужно освободиться от границы в сознании. Легко думать и говорить, будто на самом деле существуют Восток и Запад, добро и зло, эта и та сторона. Но в какой-то момент оказывается, что думать так дальше невозможно. Может обнаружиться, как, например, с падением той пресловутой стены, что всё есть и на той, и на другой стороне. Что на той и на другой стороне существуют разные мысли и разные люди, разные способы реализации свободы. Что в каждом есть все и что каждый человек — это целый мир со своим востоком и западом, своим стремлением к потребительству и жаждой свободы, со своей ограниченностью и широтой. Думаю, что романы должны не описывать и объяснять мир, а создавать его. Что творчество — это созидание. Что, расширяя понимание, мы творим мир, которого раньше не было. Ex nihilo. Что после появления одной книги мир стал другим, что он стал больше, что его стало больше. Я всегда желал только того, чтобы мир стал больше, чтобы стало больше свободы, слияния границ в одном большом мире — ибо контуры пейзажа размываются и сливаются с небом в ярком весеннем сиянии. Я хочу писать книги, приумножающие свободу, книги, которые не определяют нашу самость, а расширяют ее до бесконечности.

	n/a	Author’s Afterword In the Borderland - Everywhere I noticed that the interpretation of the "Borderland," especially abroad, primarily focuses on East-West. The East and West face each other as a conflict. Indeed, the approach to the novel in this regard is simple and comforting. The protagonist, the letter writer, i.e., Eastern Europe, seeks a place for himself in the West but does not find it. Professor of Philosophy Franz, half-French, half-German, of course, he is the West, rich but decaying. The relationship between Franz and the narrator is a relationship of love-hate, whore-client, and the lurking conflict is revealed as both a tragic and a comic resolution: the East kills the West with its sophisticated invention, a mixture that should be taken drop by drop, while the main character, seized by a destructive impulse, pours all the medicine from the bottle into Franz's glass of gin and tonic. Interestingly, readers' attitudes towards the characters of the book are determined by their side. Western readers harshly condemn the murder as something particularly cynical and cold-blooded. After all, the narrator does not repent at all; he is only surprised that no one was interested in him and that he was not arrested and not brought to trial. That he is still nobody. Readers in Estonia, generally in the Baltic States, approach the book differently: in their opinion, Franz, that is, the West, got what he deserved. That this is a worthy retribution for his arrogant and hypocritically caring attitude towards Eastern Europe. Such a biased interpretation of the book, to tell the truth, is staggering. I did not think that the matter was so serious that our divided world has ingrained so deeply in the minds of Europeans. And, sadly, the book is considered without the slightest hint of humor. No one dared to write about the "Borderland" as a humorous work. Although more than one person confessed to me privately that they laughed while reading it. It leaves the impression that no one dares to see the funny side here, no wonder, because the question is so serious: East and West, war and peace, past and present, and merging Europe. Can you joke about all this? It seems that the encounter of East and West has caused such a deep feeling of awkwardness on both sides that from a

		political point of view it would be correct to pretend that nothing happened. Or at least to remain impartially serious. Why then the feeling of awkwardness? Yes, because it turned out to be quite an awkward circumstance: not so many people expected the wall's fall, this wall fell on many heads, destroying their familiar and reliable world. The world, divided into East and West, was extremely convenient for cultivating any utopias and dystopias. For both sides, there was another world where what was impossible here was possible. That is a place where everything was possible because this possibility could not be verified. A place where you could place absolute good and absolute evil, absolute freedom and absolute dependence. Prosperity and lack of prosperity. Human rights and lack of rights. The entire 20th century consoled itself with the idea of utopia, the idea that utopia was achievable. This was believed on both sides of the wall. They believed that the system was the culprit. This belief liberated people from both personal freedom and personal responsibility. The fall of the wall revealed that there is no other world. And never was. Despite different systems, people have always lived in the same world, the East and the West were two different and differently unsuccessful implementations of the same utopia. It is naive and even dangerous to continue thinking in terms of two blocs, that is, to think as if the Western bloc had triumphed over the Eastern one. The collapse of the utopia indeed began in the East, as the Eastern system was less effective. But the main event of the nineties was not the disappearance of the "evil empire," but the disappearance of the border, the disappearance of the wall between the "empire of evil" and the "empire of good," between utopia and anti-utopia, between this side and that side. Nothing is beyond the border anymore. Now everything is on this side, and it turns out that it is this truth that Europe at the end of the century finds most difficult to grasp. Why then the desire to rebuild the border and the blocs, albeit in a renewed form? Why are speeches in defense of European culture and European identity, why is Europe increasingly engulfed in fear and the desire to close in on itself? Why is there

		a renewed effort to establish a border between East and West, between good and evil, this time shifting it closer to the East? The German title of my novel, in some sense, even more accurately reflects its content than the Estonian one. In Estonian, it's "Border State," in German - "In the Border State." Indeed, "Borderland" is not that province on the shores of the Baltic Sea, which has changed hands for centuries, has become a symbol of Eastern Europe, and where, according to the narrator, he came from. He does not talk about the Borderland where he comes from, but about the Borderland where he constantly resides - always and everywhere. Whether in memories, dreams, crimes, or lies; whether in Tallinn, Bosnia and Herzegovina, Paris, Amsterdam, or Strasbourg. And not only he. In the borderland lives Franz; everyone lives, however, not everyone wants to admit it. Because the border no longer runs along the land, rivers, and mountain ranges. The border is already indicated not by barbed wire, but by its absence: by what everyone can and must choose everywhere. The border is within ourselves, and perhaps it has always been only there. And now it has become obvious. Divisive boundaries, names, and categories - these are inevitable tools of our language and thinking. But equally inevitable is liberation from them. They cannot remain where they are, and as they are. We need to free ourselves from the border in consciousness. It's easy to think and speak as if the East and the West, good and evil, this and that side, exist. But at some point, it turns out that it's impossible to continue thinking like that. It may turn out, as, for example, with the fall of that infamous wall, that everything exists on both sides. On both sides, there are different thoughts and different people, different ways of realizing freedom. That in everyone there is everything, and that every person is a whole world with their East and West, their craving for consumerism and thirst for freedom, with their limitations and expansiveness. I believe that novels should not describe and explain the world, but create it. Creativity is creation. By expanding understanding, we create a world that did not exist before. Ex nihilo. After the appearance of one book, the world becomes different; it becomes bigger.

					I have always wished only for the world to become bigger, for there to be more freedom, for the merging of borders in one big world – because the contours of the landscape blur and merge with the sky in bright spring radiance. I want to write books that increase freedom, books that do not define our selfhood, but expand them to infinity.
9.	1998	Kõrboja peremees. Miniatuurid. Novellid. Meie rebane. Põrgupõhja uus Vanapagan. I-II	Anton Hansen Tammsaare	Novels	Избранное, I–II / Selected novels
	n/a				«Избранное» посвящено 120-летию со дня рождения А. Х. Таммсааре (1878–1940). В двухтомник включены произведения, рекомендованные программой курса «Эстонская литература» в русской школе. Миниатюры и новелла предложены читателю в переводе и на языке оригинала — это становится традицией серии «Kodumaa Родной дом». 120 лет со дня рождения А.Х. Таммсааре (1878-1998) Яан Кросс Таммсааре – вчера, сегодня, завтра (статья, посвященная 100-летнему юбилею) 30 января 1978 года исполнится сто лет со дня рождения А.Х.Таммсааре. Впрочем, несколько раньше, в последних числах октября 1976 года (точная дата до сих пор не установлена) минуло полстолетия со дня выхода первого тома главного произведения Таммсааре, его «Правды и справедливости». В связи с этими датами 1978 год объявлен в Эстонии годом Таммсааре. Впервые в истории эстонской культуры год назван именем конкретного человека и ему посвящен. По случаю столетнего юбилея Таммсааре дпя освещения его наследия будет осуществлено много различного рода мероприятий, вплоть до всемирного ознаменования этой даты в рамках ЮНЕСКО, на протяжении всего будущего года.

		Итак, почему и благодаря чему прежде всего в глазах эстонского читателя эстонский писатель Таммсааре поднялся на высшую ступень лестницы признания? <…> Краем детских забот и радостей для Таммсааре была усадьба его отца в Ярвамаа - местности в центре Северной Эстонии с ее своеобразным ландшафтом болот и островов среди болот. В 1872 году его отец вместе с молодой женой поселился здесь, покинув гораздо более богатые и оживленные земли Южной Эстонии. Здесь, на одном из болотистых островов, отец купил за 2500 рублей, взятых в долг, заброшенный, запущенный хутор и начал десятилетнее ратоборство с болотной водой и камнями на полях, чтобы прежде всего выплатить долг за усадьбу и стать, в конце концов, хозяином своей земли. С одной стороны, отдавая дань времени национального пробуждения, отец Таммсааре был деревенским идеалистом в духе Карла Роберта Якобсона, и в то же время это был суровый и невероятно трудолюбивый человек. Его идеи по упорядочению хутора, перенесенные им из Южной Эстонии - из гораздо более благоприятных природных условий и живее думающей деревенской среды, неожиданно обернулись здесь, на его болотном острове, тягучим конфликтом как с природой, так и с соседями. Но он не отступил. И видимо, обстоятельства и усилия, казавшиеся совсем безнадежными и все же не сломившие сопротивления и веры в себя, стали основной тональностью детства Таммсааре. Именно это позволило ему впоследствии неоднократно варьировать великую мысль: мечтать нужно с такой силой, чтобы мечта стала действительностью. <…> Для того, чтобы можно было позволить себе маленькие радости, сопутствовавшие тяжкой работе: яркое празднование календарных и семейных событий, чтение книг (наряду с духовной, в первую очередь читалась кое-какая сельскохозяйственная и популярная литература по естествознанию), домашнее музицирование, семейное пение хором на несколько голосов, которым руководила хозяйка дома, игра на скрипке, на всю жизнь ставшая увлечением А. Х. Таммсааре. Таким образом, познание труда как самого ценного в содержании жизни, как тайны мира, – родом из его детства. От матери, нежность которой с годами таяла, у которой все меньше оставалось времени для пения, но которая все же сумела до самой смерти сохранить эту любовь. И от отца, который все больше каменел на работе, все суровел, все больше погружался в священное писание,

		разочаровывался в боге, во имя правды и справедливости вел тяжбу с соседями и видел, как все дальше от него ускользает осуществление его намерений, и который все же сумел сохранить свою тайную надежду. Итак, в доме своего детства Таммсааре познал прежде всего тогдашние трудности эстонской деревенской жизни, ее прелесть и самый ее дух, узнал множество носителей этого духа, послуживших ему прототипами, и, разумеется, всю сочность, всю соль языка эстонских крестьян того времени непосредственно из их уст. К тому же вдумчивый и наблюдательный по натуре, он рано проникся этой довольно разрозненной местностью, этим ландшафтом без всякого «великолепия» и живым чувством природы, присущим ребенку, с детской наблюдательностью он различал птичьи голоса, звериные следы, стебельки трав и на фоне этого микромира научился различать трепет человеческой души. Позже мы увидим, как эти впечатления раннего возраста (и социальная жизнь и ландшафт) в какой-то мере довольно скоро, но главным образом спустя десятилетия реализуются в монументальной эпике Таммсааре. После нескольких лет учения в близлежащей деревенской школе Таммсааре поедет учиться в Вяйке-Маарьяскую приходскую школу. Школа эта была трехклассная, ее можно условно сравнить, скажем, с теперешней неполной средней школой, и при тогдашних условиях образования она была для деревенских детей чуть ли не гимназией ... Директорствовал в Вяйке-Маарьяской приходской школе один из известных на рубеже столетия эстонских поэтов Якоб Тамм (1861–1907). В девяностые годы вокруг вдумчивого учителя и влиятельного поэта сгруппировались признанные писатели того времени (Якоб Лийв, Пеэтер Якобсон, Отто Мюнтер и др.), и в эстонском литературоведении появился даже термин Вяйке-Маарьяский парнас. Несколько лет Таммсааре получает весьма многостороннее образование. Ибо благодаря директору кругозор этой несколько необычной школы далеко выходил за пределы обязательного для ярой русификации 90-х годов треугольника: «за веру, царя и отечество». Таммсааре вспоминает, что Тамм читал им даже «Калевалу». Весной 1897 года Таммсааре окончил приходскую школу. И тем самым в его жизни завершился и период, который дал ему основной материал для вскоре появившихся первых деревенских рассказов и для вышедшего тридцать лет спустя первого тома «Правды и справедливости».

		Итак, в январе 1898 года белокурый деревенский парень, которому через несколько дней исполнится двадцать лет, с капиталом в пятьдесят рублен в кармане, со скрипкой под мышкой и, может быть, с тетрадью стихов, спрятанной за пазухой, поступает в Тартускую гимназию Хуго Треффнера. То было удивительное и весьма пестрое учебное заведение, единственное не только в Эстонии, но и за ее пределами, принимавшее мальчиков-переростков, и училось здесь кто знает сколько разных национальностей, эстонцы, немцы, русские, евреи, грузины, латыши, поляки. У одних еще ломался голос, а другим было чуть ли не под тридцать. Фантастична была и галерея типов – учившихся и обучавших. Наряду со случайными отщепенцами и чудаками среди учителей были и некоторые тогдашние и будущие профессора Тартуского университета. Не менее фантастичен был и директор этой гимназии. Однако нужно сказать, что господин Треффнер в жизни все же не был так колоритен, как господин Маурус во II томе «Правды и справедливости». Этот консервативного склада человек приспосабливался к обстоятельствам: с фасада – царский верноподданный, а в душе - приверженец своего народа. И в довершение по образованию теолог. При всем этом его школа неизбежно была пропитана более или менее радикальными идеями конца века: материалистическими, атеистическими, дарвинистскими, вплоть до идей разношерстного вульгарного социализма. <…> В-третьих, там он написал свои первые повести из деревенской жизни. Одна из них, «Старики и молодые», законченная в 1903 году, знаменательна в двух отношениях. Социальность в сочетании с психологической насыщенностью, что в истории эстонской литературы стали называть анализом благочестивой злости, делает это произведение, пусть даже задним числом, классикой эстонского критического реализма. Кроме того, «Старики и молодые» в сущности этюд (что автор едва ли мог предвидеть) к первому тому «Правды и справедливости». <…> В конце 1907 года Таммсааре сдает необходимый для поступления в университет экзамен по латыни и с 1 января 1908 года становится в соответствии с его активными общественными интересами студентом юридического факультета Тартуского университета в надежде именно здесь самым разносторонним образом удовлетворить всю жизнь сопутствовавшую ему, можно сказать, по-крестьянски благоговейную жажду образования.

		<…> В это же время Таммсааре написал свои знаменитые студенческие рассказы: в 1908 году – «Длинные шаги», в 1909 году - «Молодые души» и в 1910 году – «Через границу». На него обрушиваются упреки консервативной критики за отход от большой социальной темы и в то же время небывало свободной трактовкой сексуальных проблем его рассказы вызывают широкое оживление, особенно среди академической молодежи. В своеобразной импрессионистически-аналитической и полемической интерпретации он касается новой для тогдашней эстонской литературы сферы любви и эмансипации. <…> В тихих койтъярвеских лесах он остается на шесть самых бурных лет этого десятилетия. Где-то далеко за этими лесами идет первая мировая война, происходит Октябрьская революция, несколько ближе – временная победа Советской власти в Эстонии, немецкая оккупация, гражданская война и трудное начало Эстонской буржуазной республики... Связи с внешним миром Таммсааре сохраняет главным образом при помощи эстонских, немецких, финских и шведских газет, которые выписывал лесник. В эти годы Таммсааре написал прежде всего два тома эссе о философии творчества и на темы нравственно-философские и культурно-политические - несколько проблематичная, но в то же время, несомненно, самая оригинальная часть такого рода эссеистики во всей эстонской литературе. Эти эссе написаны преимущественно в форме скептических маргиналий, и одна из ведущих тем в них – критика европейской культуры и морали и связанная с ними тема сущности эстонской культуры. Понимание искусства в этих работах Таммсааре движется прежде всего к углублению реалистических и пластических требований, но в то же время к синтезу двух идеалов: изображения жизни, исходящего из реалистических требований и из временного для Таммсааре идеала служения красоте в духе младоэстонцев, иными словами, к синонимичности жизни и красоты. <…> Определение значимости представителя национальной литературы всегда субъективно, но порой в какой-то мере все же бесспорно. Совершенно бесспорно, что первыми в градационном ряду национальных литератур стоят те авторы, которые создали литературные образы, наиболее ярко и понятно воплощающие в традициях и сознании их стран историческую и психологическую сущность их народов. И вслед за традицией в родной стране, характерное представительство таких образов вскоре становится традицией и в более тесном или в более широком мире. Кстати, если эти образы появились

		достаточно давно, если их человечность достаточно емка и если их национальное своеобразие не слишком ограничивающее, то мир - рано или поздно - отторгает их от родившей литературы, забирает себе и заставляет представлять, например, человека европейской культурной среды и даже человека вообще. Дон Кихот, Гамлет, Фауст уже давно доросли до этих масштабов. Несколько меньший пространственный резонанс, скажем, у Пер Гюнта и Юколаских братьев. Впрочем, оглянувшись на историю литературы, можно обнаружить, что в какой-то мере парные антиподы действующих лиц, взаимно усиливающие свою сущность, особенно подходят для того, чтобы национально-человеческое обрело мифические размеры: Дон Кихот и Санчо Панса, Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак, Фауст и Мефистофель. Типология таких парных действующих лиц дает интересные наблюдения для теории структуры мифов и позволяет их глубже осмыслить. Совершенно очевидно, что в эстонской литературе к таким действующим лицам - антиподам мифической мерки, оспаривающим свое право принадлежать мировой литературе, относятся прежде всего Андрее и Пеару из «Правды и справедливости» Таммсааре. Следует сказать: наше теперешнее отношение к Таммсааре, выяснение его места в литературе созревало в глубоком процессе национального самосознания, самоизмерения, продолжающегося пятьдесят лет. Именно вокруг созданных Таммсааре главных притягательных действующих лиц, прежде всего вокруг его Андреса и Пеару, этот процесс был наиболее всеобъемлющим, по сравнению с любыми другими мерками, которые дала эстонская литература. Да, прежде всего Андрее и Пеару. Прежде всего Андрес. Эстонец, будь он колхозник, рабочий или профессор, одним или двумя поколениями раньше - крестьянин. Уже в силу этого Андрее ему исходно близок. Так или иначе, но Андрее для всех нас отец, дед или прадед. Своей мономанией он нас предостерегает и в то же время монументальностью возвышает нас. Потому что он не только крестьянин. В любовном и горьком видении Таммсааре он вырастает до Фауста каменистых полей за болотами. Который начинает с того, к чему приходит доктор теологии и философии только к концу трагедии: с преображения мира трудом, настолько концентрированным, чтобы появилась искра, из которой родится любовь. Андрее начинает с этого и, пройдя через все свои тяжкие сомнения, через отрицание бога его сыном Индреком, во втором поколении возвращается к тому, с чего начал.

		Затем Пеару. Которого некоторые критики считали, может быть, даже самым интересным действующим лицом в романе. Сопредельный Андресу человек, судьба его и тень. Дух лжи и интриг, винных паров, сквернословия и выходок. Деревенский Мефистофель, который стремится все испортить, но испортив, всему сообщает новое измерение. Который не подарил Андресу вечной молодости (как, мы помним, Мефистофель подарил Фаусту), но на собственном фоне обеспечивает Андресу художественное постоянство его пуританских очертаний. А женщины в «Правде и справедливости»? Крыыт, первая жена Андреса, мать его первенца, умирает от родов. Ее звонкий голос пятьдесят лет остается символом удивительной и неуловимой светлой женственности. И, очевидно, не только в нашем сознании. И француз Жак Жионо говорит об этом в предисловии к французскому переводу «Правды и справедливости» как о символе своеобразного очарования. И вторая жена Андреса Мари, жена батрака, на которую заглядывается хозяин и муж которой в отчаянии повесился. Став женою хозяина, она до самой смерти искупает свой грех болью любви и всепобеждающего чувства долга. И наконец два глубоких парадоксальных воплощения женских переживаний у Таммсааре: Рамильда, дочь директора школы господина Мауруса, первая любовь Индрека, главного героя II тома романа, и жена Индрека Карин (в IV томе). Две богини, требующие жертв, и две жертвы, две жертвы, обе все искупающие смертью. При этом среда, из которой происходит Карин, под пером Таммсааре становится мишенью, может быть, самой саркастической критики буржуазии, созданной эстонским критическим реализмом. Начиная со II тома романа, главным героем становится Индрек, сын варгамяэского Андреса от второго брака. С ним в романе появляется тема судьбы интеллигента тех десятилетий. И через Индрека замыкается круг циклического развития романа: Индрек покидает деревню, проходит через революционное горение 1905 года, через болото буржуазных выскочек, через чистилище своего несчастного брака и в V томе романа возвращается обратно в Варгамяэ. В романе он самый всеобъемлющий и самый необъятный, ибо Индрек - образ, в наибольшей степени воплощающий «я» самого автора. Порой критика находила в этом персонаже, проходящем сквозь все произведение, некоторую пассивность, но никогда никто не мог отрицать его захватывающую

		человеческую яркость и эпическую требовательность его усилий в осмыслении мира. <…> «Я любил немку» – трагически завершившаяся история любви неуклюжего деревенского парня-студента и девушки из прибалтийской дворянской семьи, но наряду с этой историей и за ней кроется критика весьма распространенного в некоторых кругах эстонской буржуазии 30-х годов комплекса национальной неполноценности и его социально уродливой поросли. В ту пору этот аспект романа придавал ему остропамфлетное значение. <…> Прежде чем обратиться к этому произведению, поучительно вспомнить, что борьба с землей, как Таммсааре это назвал, была, по его мнению, основным поприщем человеческого самоутверждения. Отношения земли и народа, живущего на ней, всегда его чрезвычайно интересовали. Вот почему Таммсааре считал такой важной (гораздо более важной, чем было ее историческое значение) земельную реформу буржуазной Эстонии, согласно которой у нас в начале 20-х годов конфисковали латифундии прибалтийских помещиков и поделили их между крестьянами. Ради этой земельной реформы и вытекавших отсюда надежд Таммсааре готов был временно простить Эстонской буржуазной республике большую часть грехов ее насильственной классовой сущности и мракобесия в культурной политике. <…> В XV веке у нас появилась Библия, в XIX – «Калевипоэг» Крейцвальда и в XX веке – «Правда и справедливость» Таммсааре.
	n/a	"The Selected Novels" is dedicated to the 120th anniversary of the birth of A. H. Tammsaare (1878 - 1940). The two-volume collection includes works recommended by the curriculum of the "Estonian Literature" course in Russian schools. Miniatures and novellas are provided for the reader in translation and the original language, continuing the tradition of the "Kodumaa Родной дом" series. 120th anniversary of A.H. Tammsaare (1878-1998) Jaan Kross

		Tammsaare – yesterday, today, tomorrow (the article dedicated to the 100th anniversary) January 30, 1978, is the 100th anniversary of A.H. Tammsaare. However, somewhat earlier, in late October 1976 (the exact date is still undetermined), fifty years had passed since the publication of the first volume of Tammsaare's main work, "Truth and Justice." Therefore, 1978 has been declared the Year of Tammsaare in Estonia. For the first time in the history of Estonian culture, a specific year has been dedicated to a person. On the occasion of Tammsaare's centenary, many events will be held to highlight his legacy, including worldwide recognition of this date by UNESCO throughout the coming year. So why and due to what, first and foremost in the eyes of the Estonian reader, did Estonian writer Tammsaare receive the ultimate recognition? <...> The heart of childhood cares and joys for Tammsaare was his father's estate in Järvamaa, a plot in the center of Northern Estonia with its peculiar landscape of swamps and islands amidst the swamps. In 1872, his father settled there with his young wife, leaving rich and fertile lands in Southern Estonia. Here, on one of the marshy islands, his father bought an abandoned, neglected homestead for borrowed 2,500 rubles and began a decade-long struggle with marsh water and stones in the fields, primarily aiming to pay off the debt for the estate and eventually become the owner of his land. On the one hand, paying tribute to the era of national awakening, Tammsaare's father was a rural idealist inspired by Karl Robert Jakobson, and, at the same time, he was a stern and incredibly hardworking man. His ideas for organizing the homestead brought from Southern Estonia, with much more favorable natural conditions and a more lively rural environment, unexpectedly turned into a protracted conflict on his marshy island, both with nature and with neighbors. But he did not give up. Circumstances and efforts that seemed utterly hopeless and yet did not break resistance and belief in oneself became the main motif of Tammsaare's childhood. It was this that allowed him to repeatedly play with the great idea: one must dream so intensively that the dream becomes reality. <...> Small joys were rewarding their hard work: bright celebrations of calendar and family events, reading books (together with religious books, primarily there was

		some agricultural and popular science literature), home music-making, family singing conducted by the mistress of the house, playing the violin, which became A.H. Tammsaare's lifelong passion. Thus, the understanding of labor as the most valuable meaning of life, as the mystery of the world, comes from his childhood. From his mother, whose tenderness had gone over the years, who had less and less time for singing but still managed to preserve this love until the end. From his father, who became increasingly stern at work, increasingly immersed in the holy scriptures, disappointed in God, fighting with neighbors in the name of truth and justice, and seeing how the implementation of his intentions became senseless, yet still managed to maintain his secret hope. So, in the house of his childhood, Tammsaare first learned about the difficulties of Estonian rural life of the time, its charm and spirit, about many bearers of this spirit who served as prototypes for him, and, of course, all the richness, all the salt of the language of Estonian peasants of the time. Moreover, being thoughtful and observant by nature, he became imbued by this disparate land, the landscape without any "splendor," and with a child's sense of nature and attentiveness, he could distinguish birdcalls, animal tracks, blades of grass, and living in his microworld, he learned to discern the awe of the human soul. Later, we will see how these impressions of early childhood (and social life and landscape) were implemented quite soon, but mainly they appeared in Tammsaare's monumental epic after several decades. After several years of study at the nearby village school, Tammsaare started studying at the Vaika-Maarja parish school. This school was three-grade, it can be conditionally compared, let's say, to today's secondary school, and in conditions of education of the time, it was almost a gymnasium for rural children ... At that time, the director of the Vaika-Maarja parish school was one of the famous Estonian poets at the turn of the century, Jakob Tamme (1861-1907). In the 1890s, recognized writers of the time (Jakob Liiv, Peeter Jacobson, Otto Münter, and others) gathered around the thoughtful teacher and influential poet, and even the term Vaika-Maarja Parnassus emerged in Estonian literary studies. For several years, Tammsaare was obtaining a very comprehensive education. Thanks to the director, the curricula of this unusual school exceeded the limits of the compulsory triangle of fervent Russification of the 1890s: "the faith, the tsar, and the fatherland." Tammsaare remembers that Tamms even read "Kalevala". In the spring of 1897, Tammsaare graduated from the parish school. A fair-haired country boy,

		who would turn twenty in a few days, with a capital of fifty rubles in his pocket, a violin under his arm, and perhaps a notebook of poems hidden in his bosom, started studying at the Tartu Gymnasium of Hugo Treffner. It was an extraordinary and bright educational institution, unique not only for Estonia, that accepted boys who had outgrown primary school, where students of many different nationalities studied, i.e., Estonians, Germans, Russians, Jews, Georgians, Latvians, and Poles. Some were still youngsters, while others were almost thirty. The gallery of types—students and teachers—was fantastic. Alongside random renegades and eccentrics among the teachers, there were present and future professors of the University of Tartu. Fantastic was the director of this gymnasium. However, the real Mr. Treffner was not as bright as Mr. Maurus in the 2nd volume of "Truth and Justice". This conservative man adapted to circumstances: seemingly, he was loyal to the tsar, but deep in his heart he supported his people. Besides, he was a theologist. Nevertheless, his school inevitably absorbed more or less radical ideas of the end of the century: materialistic, atheistic, Darwinistic, and even various ideas of vulgar socialism. Thirdly, there he wrote his first stories about village life. One of them, "The Old and the Young," completed in 1903, is significant in two respects. The social aspect combined with psychological depth, which in the history of Estonian literature is called an analysis of pious anger, makes this work, albeit retrospectively, a classic of Estonian critical realism. In addition, "The Old and the Young" is essentially a research work (which the author could hardly have foreseen) for the first volume of "Truth and Justice." At the end of 1907, Tammsaare passed the necessary Latin exam and was enrolled in the university; from January 1, 1908, he became, following his active public interests, a student at the Faculty of Law of the University of Tartu, hoping to satisfy his lifelong peasant-like thirst for the most diverse education. At the same time, Tammsaare wrote his famous student stories: 1908 - "Long Strides", 1909 - "Young Souls", and 1910 - "Across the Border". He was criticized by conservative critics for deviating from the major social topic, and at the same time, his stories, with an unprecedentedly free interpretation of sexual problems, caused a wide discussion, especially among academic youth. In a kind of impressionistic-analytical and polemical interpretation, he touched upon a new sphere of love and emancipation for Estonian literature at that time.

		In the silent forests of Koitjärve, he spent the six most turbulent years of the decade. Somewhere outside the First World War was raging, the October Revolution took place, then there was a temporary victory of Soviet power in Estonia, the German occupation, the civil war, and the difficult beginning of the Estonian bourgeois republic... Tammsaare received global news mainly from Estonian, German, Finnish, and Swedish newspapers, which the forester subscribed to. During these years, Tammsaare primarily wrote two volumes of essays on the philosophy of creativity and moral-philosophical and cultural-political themes - a somewhat problematic but undoubtedly the most original part of such essays in all Estonian literature. These essays were predominantly written in the form of skeptical marginalia, and one of the topical discussions was the criticism of European culture and morality and the associated topic of the essence of Estonian culture. The understanding of art by Tammsaare primarily focused on realism and plastic arts but at the same time considered the synthesis of two ideals: the portrayal of life, based on realistic requirements, and the temporary ideal of serving beauty as it was for the Young Estonians, in other words, the synonymity of life and beauty. The determination of the significance of a representative of national literature is always subjective, but sometimes it is indisputable. It is indisputable that the first in the series of national literatures are those authors who created literary images that most vividly embody the historical and psychological essence of people in the traditions and consciousness of their nations. Following the national tradition, the characteristic representation of such images soon becomes a tradition in a narrower or broader world. By the way, if these images appeared long ago, if they are humanistic enough, and if their national peculiarity is not too limiting, then the world - sooner or later - extracts them from the mother literature and adopts them, making them represent, for example, a person of a European cultural environment and even a person in general. Don Quixote, Hamlet, and Faust have grown to these proportions. Peer Gynt and the Jukolask brothers have less spatial resonance. However, looking back at the history of literature, one can find that to some extent, the paired antipodes of the acting characters, mutually enhancing their essence, are particularly suitable for national-humanistic to grow to the mythical dimensions: Don Quixote and Sancho Panza, Till Eulenspiegel and Lamme Goedzak, Faust and Mephistopheles. The typology of such paired acting characters implies interesting observations for the theory of myth structure and ensures a better understanding. It is quite obvious that in Estonian literature, such acting characters, antipodes of the mythical measure,

		disputing their right to belong to world literature, are primarily Andres and Pearu from "Truth and Justice" by Tammsaare. It should be said that our current vision of Tammsaare, the establishment of his place in literature, was maturing along with the deep process of national self-awareness and self-measurement that lasted for fifty years. It was around the main characters created by Tammsaare, primarily around his Andres and Pearu, that this process was most intensive, compared to any other measures provided by Estonian literature. Yes, first and foremost, Andres and Pearu. First and foremost, Andres. An Estonian, whether a collective farmer, a worker, or a professor, is a peasant in one or two previous generations. Therefore, Andres is initially his prototype. In one way or another, Andres is a father, grandfather, or great-grandfather of all of us. With his monomania, he warns us and at the same time elevates us with monumentality. Because he is not just a peasant. In Tammsaare's loving and bitter vision, he grows into Faust of stony fields beyond the swamps. Who begins with what a Ph.D. in theology and philosophy comes to only at the end of the tragedy: from the transformation of the world through intensive labor to generate a spark from which love will be born. Andres starts from this and, going through all his serious doubts, through the denial of God by his son Indrek, in the second generation, returns to where he started. Then Pearu. Whom some critics considered, perhaps, even the most interesting character in the novel. Andres' associate, his fate, and his shadow. The spirit of lies and intrigue, the alcohol fumes, obscenities, and pranks. Rural Mephistopheles, who strives to spoil everything, but by spoiling it, gives everything a new dimension. Who did not grant eternal youth to Andres (as we remember, Mephistopheles granted it to Faust), but being himself provides Andres with the artistic constancy of his puritan outlines. And the women in "Truth and Justice"? Krõõt, Andres's first wife, the mother of his firstborn, dies in childbirth. Her silver voice remains a symbol of amazing and elusive bright femininity for fifty years. Apparently, not only in our consciousness. Jean Giono speaks about this in the preface to the French translation of "Truth and Justice" as a symbol of a peculiar charm. Andres' second wife, Mari, the wife of a farmhand, attracts the attention of the master, while her husband hangs himself in

		despair. Becoming the master's wife, she redeems her sin with the pain of love and the all-conquering feeling of duty until death. Finally, two deep and paradoxical interpretations of women's experiences in Tammsaare: Ramilda, the daughter of the school director, Mr. Maurus, Indrek's first love, the main character of the second volume of the novel, and Indrek's wife, Karin (in the fourth volume). Two goddesses demanding sacrifices, and two victims, both redeeming everything with death. Meanwhile, the environment where Karin comes from becomes the target, perhaps, of the most sarcastic criticism of the bourgeoisie, created by Estonian critical realism. In the second volume of the novel, the main character is Indrek, the son of Vargamäe's Andres from his second marriage. With him, the theme of the fate of the intelligentsia of those decades arises in the novel. Through Indrek, the circle of the cyclic development of the novel completes: Indrek leaves the village, goes through the revolutionary blaze of 1905, through the swamp of bourgeois upstarts, through the purgatory of his unhappy marriage, and in the fifth volume of the novel returns back to Vargamäe. In the novel, he is the most comprehensive and boundless because Indrek is the character closest to the author himself. Sometimes critics found in this character, passing through the entire work, a certain passivity, but no one could ever deny his captivating human brightness and the epic demand of his efforts to understand the world. <…> "I Loved a German Girl" – the tragic love story of an awkward village boy-student and a girl from a Baltic noble family, but along with this story and behind it lies criticism of a very common complex of national inferiority in some circles of the Estonian bourgeoisie of the 1930s and its ugly social offspring. At that time, this aspect of the novel gave it a sharply pamphleteering significance. <…> Before turning to this work, it is good to remember that the struggle against the land, as Tammsaare called it, was, in his opinion, the main field of human self-assertion. The relationship between the land and the people living on it has always interested him immensely. That is why Tammsaare considered the land reform of bourgeois Estonia so important (much more important than its historical significance), according to which, in the early 1920s, large estates of Baltic landowners were confiscated and divided among peasants. For the sake of this land reform and the hopes it brought, Tammsaare was ready to temporarily forgive the Estonian bourgeois republic most of the sins of its violent class essence and obscurantism in cultural policy.

					<…> In the 15th century, we had the Bible, in the 19th century, "Kalevipoeg" by Kreutzwald, and in the 20th century, "Truth and Justice" by Tammsaare.
10.	1998	Tõde ja õigus I, II	Anton Hansen Tammsaare	Novels	Варгамяэ, Индрек / Vargamäe. Indrek.
	n/a				ИНДРЕК, I По словам автора, во второй книге эпопеи его внимание сосредоточено на вторжении материалистических идей – на «борьбе человека с Богом». Таммсааре прослеживает это в одной клеточке общества – в стенах частной гимназии Хуго Треффнера, которая стала, по свидетельству автора, прообразом школы Мауруса. Гимназия Хуго Треффнера в Юрьеве (Тарту) была единственной в своем роде школой не только в Эстонии, но и во всей царской России. В отличие от казенных гимназий в эту школу (право на ее открытие было получено в 1880 году) принимали учеников независимо от их возраста и подготовки. Хуго Треффнер рекламировал школу очень широко по всей России, и в ее стенах собрались ученики разных национальностей. Здесь были и переростки, и те, кто не попал в казенные гимназии из-за плохой подготовки или чьи родители не могли вносить высокую плату за обучение. Принимались сюда и дети богатых родителей, в честности те, кто был исключен из казенных гимназий. Хотя и в гимназии Треффнера была установлена твердая плата за обучение, все же были возможны различные комбинации и отступления: заключались частные сделки, можно было поторговаться, можно было учиться под вексель, оплачивать обучение работой в гимназии и в пансионе. Например, сам Антон Хансен (Таммсааре) отрабатывал плату за обучение и питание, служа сторожем. Он будил учеников, выполнял разные подсобные работы в пансионе, преподавал в младших классах и т.д. По окончании этой школы ученики должны были сдавать выпускные экзамены в казенной гимназии. Так было начиная с основания казенной школы и до 1917 года. Треффнер заботился о хорошей репутации своего учебного заведения. Хотя он иногда принимал учителей на работу по конъюнктурным соображениям, среди них фигурируют и имена преподавателей Тартуского университета и других хорошо знающих свой предмет специалистов.

		Частная гимназия Треффнера сыграла большую роль в истории эстонской культуры, поскольку она открыла путь к высшему образованию сотням детей из необеспеченных семей, перед которыми двери казенных гимназий оставались закрытыми. Борьба мнений, по-разному оценивающих директора школы как личность, педагога и общественного деятеля, продолжается до наших дней. Одни видят в нем ветерана эстонской национальной культуры, другие – конъюнктурщика периода политики русификации, чья личность и нравственный облик мало подходили для педагогической деятельности. В эту полемику вмешался в свое время Таммсааре, взяв Треффнера прототипом для создания колоритной и сложной фигуры Мауруса. Кроме Треффнера, Таммсааре запечатлел в художественных образах ряд своих учителей (в учителе русского языка Слопашеве можно узнать Знаменского, в учителе Закона Божьего Вихалеппе – В.Охмана, в старом профессоре комографии – директора обсерватории К.Покровского и др.). В книге упоминаются имена ряда эстонских литературных, культурных и политических деятелей, встерчается много сравнений из мифологии; все это нуждается в комментариях. Стр. 14. Знаете, кто был Якобсон, этот самый Карл-Роберт? – Якобсон Карл-Роберт (1841–1882) – руководитель прогрессивного направления в эстонском национальном движении. Калевипоэг – герой одноименного эстонского народного эпоса, составленного Ф.-Р.Крейцвальдом, эпос выражал идеи и устремления передовых эстонских кругов в борьбе с феодализмом за политические права, экономическое и культурное развитие народа. Стр. 128. Это было на одном многолюдном диспуте, вы ведь слышали – Хурт и буйные головы… – Намек на противоречия в Эстонском литературном обществе, которые достигли кульминации с уходом из общества Хурта и его сторонников в 1881 году.

		«Буйными головами» называли представителей радикального лагеря, которым руководил К.-Р. Якобсон. … доктор Хурт – Хурт Якоб (1839–1907), один из руководящих деятелей национального движения, кго консервативно-клерикального крыла; языковед и фольклорист, жил в последние годы жизни (1880–1907) в Петербурге, до 1901 года будучи пастором церковного прихода. Трудом всей жизни Хурта было собирание эстонского фольклора. Он сумел разбудить широкий интерес к фольклору, заложил основы одного из самых больших в мире собраний фольклорных текстов. Стр. 139. Профессор Кёлер. – Имеется в виду известный эстонский художник и общественный деятель И.Кёлер (1826–1899), живший в Петербурге. Если умолкнет звук речи эстонцев, незачем жить и тебе, о солнце… – Последние строки из стихотворения Михкеля Веске «К солнцу». Шаховской С.В. (1852–1894) – русский государственный деятель, губернатор Эстляндии, убежденный славянофил, проводивший в Эстонии русификаторскую политику. Боролся против привилегий местных немецких кругов. Манассеин Н.А. (1835–1895) – русский сенатор и министр юстиции, оставивший след и истории Прибалтики тем, что провел ревизию Лифляндской и Курляндской губерний в 1882–1883 годах. Манассеину были посланы десятки тысяч жалоб и ходатайств как от частных лиц, так и волостей, с резкой критикой местных аграрных, судебных, школьных и церковных порядков. Однако собранный им обвинительный материал остался лишь историческим документом, так как правительство не ответило на справедливые требования народа. Стр. 167. «Вирулане» – эстонская газета, редактором которой была Яак Ярве (1852-1926). Выходила с 1882-го по 1881 год, пользовалась популярностью благодаря освещению социальных проблем и для своего времени могла служить образцом высокой газетной культуры. Газету закрыл эстляндский

		губернатор Шаховской по доносу редактора конкурировавшей газеты «Валгус» Я.Кырва. Я.Ярве был отправлен в ссылку. «Валгус» – газета, выходившая в Таллинне под редакцией Я.Кырва, служила реакционной политике царского правительства. Стр. 177. Якобсон сделался в Петербурге социалистом… – В своих взглядах Якобсон не сошел до социализма, оставаясь радикалом, буржуазным демократом. В Петербурге благодаря влиянию Кёлера и др. так называемых «петербургских патриотов» К.–Р. Якобсон стал активным политическим борцом. Финский кузнец – один из героев эстонского народного эпоса, выковавший меч для Калевипоэга. Стр. 280. Суур-Тылль – мифический эстонский богатырь.
	n/a	"INDREK, I" According to the author, in the second book of his epic, his attention was focused on the invasion of materialistic ideas, on the "struggle of man against God." Tammsaare traced this in one strata of society, namely within the walls of the private gymnasium of Hugo Treffner, which, according to the author, became a prototype of Maurus' school. Hugo Treffner Gymnasium in Tartu (Yuryev) was unique in its kind, not only in Estonia but in the entire Russian Empire. Unlike state gymnasiums, this school (which was officially opened in 1880) accepted students regardless of their age and academic level. Hugo Treffner advertised the school extensively throughout Russia, and students of various nationalities gathered within its walls. There were both overgrown students and those who did not enter state gymnasiums due to a lack of education or whose parents could not afford the high tuition fees. Children of wealthy parents were also accepted, including those who were expelled from state gymnasiums. Although Treffner Gymnasium charged a solid fee for education, various combinations and concessions were possible: private deals were made, bargaining was allowed, tuition could be paid with promissory notes, and payment could be reimbursed by working in the gymnasium and boarding house. For example, Anton Hansen (Tammsaare himself) worked off the tuition and board fees by serving

		as a watchman. He woke up students, performed various auxiliary tasks in the boarding house, taught in first grades, and so on. Upon completion of this school, students had to pass final exams at a state gymnasium. This was the procedure from the moment of the establishment of state schools until 1917. Treffner took care of the good reputation of his educational institution. Although he sometimes hired teachers for opportunistic reasons, among them were teachers from the University of Tartu and other top experts. Treffner's private gymnasium played a significant role in the history of Estonian culture, as it paved the way for higher education for hundreds of children from underprivileged families, whose doors to state gymnasiums remained closed. The debate over the figure of the director of the school as a person, educator, and public figure continues. Some see him as a veteran of Estonian national culture, while others as an opportunist during the period of Russification policies, whose personality and moral character were unsuitable for educational activities. Tammsaare intervened in this debate at one point, taking Treffner as a prototype to create the bright and complex figure of Maurus. In addition to Treffner, Tammsaare depicted other teachers in literary images (the teacher of the Russian language, Slopashev, can be recognized as Znamensky, the teacher of God's Law, Vihalepp, as V. Okhman, the old professor of cosmography, as the director of the observatory, K. Pokrovsky, and others). The book mentions the names of several Estonian literary, cultural, and political figures, and many comparisons from mythology are present; all of this requires commentary. Page 14. Do you know who Jakobson, this very Karl-Robert, was? – Jakobson Karl-Robert (1841-1882) was the leader of the progressive movement in the Estonian national movement. Kalevipoeg is the hero of the eponymous Estonian folk epic compiled by F.R. Kreutzwald, the epic expressed the ideas and aspirations of advanced Estonian circles in the struggle against feudalism for political rights, and economic and cultural development of the people.

		Page 128. It was at a crowded debate, you've heard – Hurts and wild heads... – Reference to contradictions in the Estonian Literary Society, which reached a climax with the departure of Hurts and his supporters from the society in 1881. "Wild heads" referred to representatives of the radical camp, led by K.–R. Jakobson. … Dr. Hurt is Hurt Jacob (1839-1907), one of the leading figures in the national movement of its conservative-clerical wing; linguist and folklorist, he lived in St. Petersburg in his last years (1880-1907), until 1901 being the pastor of the church parish. Hurt all his life was collecting Estonian folklore. He managed to inspire wide interest in folklore and gathered one of the largest collections of folklore texts in the world. Page 139. Professor Kõler. – Refers to the well-known Estonian artist and public figure I. Kõler (1826-1899), who lived in St. Petersburg. If the sound of Estonian speech ceases, there's no need for you to live either, O Sun... – The last lines from the poem by Mihkel Veske "To the Sun." Shakhovskoy S.V. (1852–1894) was a Russian statesman, governor of Estland, and a convinced Slavophile who pursued a Russification policy in Estonia. He fought against the privileges of local German circles. Manassein N.A. (1835-1895) was a Russian senator and minister of justice. He left a mark on the history of the Baltic States by conducting an inspection of the Livland and Courland provinces in 1882-1883. Manassein received tens of thousands of complaints and petitions from individuals and parishes, with sharp criticism of local agrarian, judicial, school, and church practices. However, the accusatory material he collected remained only a historical document, as the government did not respond to the people's just demands. Page 167. *Virulane* – Estonian newspaper, edited by Jaak Järve (1852–1926). Published from 1882 to 1881, enjoyed popularity due to its coverage of social issues, and for its time could be an example of high newspaper culture. The newspaper was closed by the governor of Estland Shakhovskoy on denunciation from the editor of the competing newspaper "*Valgus*" Jaan Kürva. Jaak Järve was sent into exile.

					"Valgus" - a newspaper published in Tallinn under the editorship of Jaan Kürva, served the reactionary policy of the Tsarist government. Page 177. Jakobson became a socialist in St. Petersburg... – In his views, Jakobson did not descend to socialism, remaining a radical, bourgeois democrat. In St. Petersburg, thanks to the influence of Kõler and others, the so-called "Petersburg patriots," K.-R. Jakobson became an active political figure. Finnish blacksmith – one of the heroes of the Estonian folk epic, who forged a sword for Kalevipoeg. Page 280. Suur-Tõll – mythical Estonian hero.
11.	1998	Kalevipoeg	Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud (eds.)	Children's literature	Калевипоэг / Kalevipoeg
	n/a				n/a
	n/a				n/a

12.	1999	Rokokoo daam. Provintsineiu. Semm. Vürst. Juhuslik. Kõhuvalu. Võimu rist. Sodomiit. Muusika ja moraalsus. Külma kondid. Kaamel. Pulmasäng. Kunstnik Jaagup. Hanna sünnipäev. Armuavaldus. Tekst ja laip.	Maimu Berg, Mihkel Mutt, Mart Kivastik, Jaan Kross, Eva Park, Peeter Sauter, Mats Traat, Ene Mihkelson, Toomas Raudam, Emil Tode, Arvo Valton, Ülle Kauksi, Andrus Kivirähk, Tiia Toomet, Yuri Elvest, Mati Unt	Novels	Новая эстонская новелла: 1990-е годы. Библиотека журнала «Таллинн» / New Estonian novel of the 1990s. The bibliography of *Tallinn* magazine
	n/a				ОБ ЭСТОНСКОЙ НОВЕЛЛЕ КОНЦА XX ВЕКА И НЕМНОЖКО О ЕЕ ИСТОРИИ «Золотым временем» для эстонской новеллы, без сомнения, остается в истекающем столетии промежуток между концом 60-х и началом 70-х годов. Несмотря на то, что в это время эстонская литература, особенно поэзия, уже начала понемножку, тайком высвобождаться из цепких пут соцреализма, в сознании многих литераторов еще оставалось незыблемым правило: реализм – это хорошо, отход от реализма – это плохо. Но вскоре мощная группировка

		"шестидесятников" и несколько более молодых авторов (Мати Унт, Арво Валтон, Вайно Вахинг, Тоомас Винт, Мари Саат и др.) резко изменили картину. Для понимания их творчества оказались необходимы такие жуткие вещи, как «подсознание», «поток сознания», «экзистенциализм», «модернизм», из-за чего литературная критика, жестко контролируемая властями, нередко была вынуждена прибегать к языку эвфемизмов, к литературной фене и говорить в первую очередь об «условной изобразительной манере», «отчуждении», «моделях» и т.п. Русский читатель смог почувствовать этот прорыв с некоторым запозданием, когда появилась так называемая «черная книга»*, антология переводов с эстонского, породившая широкую всесоюзную полемику. *Эстонская молодая проза. Таллинн: «Ээсти раамат», 1978, 352 с. тираж 30 000 экз. И в данном сборнике, содержащем новеллы уже 90-х годов, представлены двое из той «могучей кучки» – Мати Унт (1944) и Арво Валтон (1935), первый из которых представлял тогда больше модернистское психологическое направление, а второй - условно говоря, параболическое, то есть заметно отклонявшееся от основного русла. За эти годы творчество обоих претерпело ряд изменений. Мати Унт в последние два десятилетия был известен прежде всего своими театральными постановками и романами, которые критика привыкла оценивать как постмодернистские, в том значении, что под этим понимал каждый конкретный критик. Новелла «Текст и труп» – вообще одна из немногих у Унта 90-х годов, но единственная в таком роде, не совсем обычным путем к тому же и возникшая, – журнал «Лооминг» (*Looming*), решив посвятить один из своих номеров детективному жанру, обратился к известным прозаикам с предложением написать криминальный рассказ «на заданных условиях». Валтон в 80-90-х годах, напротив, написал много разных рассказов, в которых порой чувствуется очаровательный отсвет его давнего пристрастия к истории Востока, наиболее масштабным результатом которого стал написанный в 1978 году роман о Чингисхане «Дорога в другой конец бесконечности» (в русском переводе «Пути сходятся в вечности», 1989 (перевод А.Туровского). Учитывая это, легче осмыслить и его новеллу «Верблюд». Во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов в эстонской прозе преобладает роман. Предшествовавший этому периоду модернистский бум оказался шумным, но коротким; многие авторы и читатели испытывали явную

		тягу к прежним традиционным формам, четко выраженному, нередко авантюрному сюжету, к описаниям будничной жизни. На первый план выдвинулись, с одной стороны, исторический роман, с другой – так называемая бытовая проза – неореалистические или умеренно модернистские, не лишенные психологизма романы о повседневности. Большое значение приобрело усиление общественного и народного, то есть национального, контекста, приводимого в исторической прозе главным образом в аллегорической форме, а в бытовой прозе – в виде упоминаний и намеков на вполне определенные реалии в обстановке постоянной борьбы с цензурными рогатками. Центральной фигурой первого жанра был, естественно, Яан Кросс; в обоих значительно преуспел Матс Траат (об их новеллистике 90-х годов будет сказано несколько позднее). Магистральное направление оставляло тем не менее место и для заметного разнообразия. В начале 80-х, к примеру, в литературу приходит Михкель Мутт (1953). Точностью и современностью манеры он во многом следовал за Мати Унтом, но главный интерес находил в назидательно-критическом, блестяще-ироническом изображении жизни. Кажущаяся легкость стиля Мутта, многослойность его бурлеска дают основание сравнить его со многими современными зарубежными писателями, в первую очередь с английскими. В первой половине 90-х годов широкий отклик получают саркастические, местами гротескные романы Мутта, изображающие «переходный период» в Эстонии. Так что его роман «Провинциалка» на этом фоне выглядит вполне благопристойным, даже «серьезным» произведением. С запозданием, уже к 80-м годам, пришла в литературу со своим первым романом Майму Берг (1945), начинавшая еще в конце 60-х – начале 70-х как представительница интеллектуальной группировки молодых литераторов. Ее проза тоже созвучна эпохе, когда жесткий модернизм психологического толка начинал вытесняться более мягкой, более «литературной» манерой. К тому же Берг одной из первых привнесла в эстонскую прозу 80-х годов специфический женский взгляд. В новелле «Дама рококо» ей как мне кажется, удалось, воспользовавшись классическим приемом повествования от лица ребенка, отразить многие существенные черты мироощущения эстонцев советского времени, которым одинаково чужды были и далекое, уже почти мифическое «эстонское время», и это самое «рококо», то есть этнически чуждое, но становящееся все значительней «русское житье-бытье» со всеми его инородными вкраплениями. Ключом к пониманию новеллы служит эстонское слово saadik с его двойственным значением – на языке поры независимости означавшее в первую очередь посла иностранного государства, а в годы оккупации получившее значение слова rahvasaadik, то есть депутат. Живущие в Эстонии русские и их изображение (или неизображение) в литературе – очень

		интересная тема, и двумя словами тут не обойтись. Однако имея в виду творчество Майму Берг, следует сказать, что для нее обращение к этой теме – не исключение, по позднейшему времени мы знаем ее как автора романа «Я любила русского» (на русском опубликован в журнале «Радуга» в № 1-12, 1994 (перевод Светлана Семененко). Модернистская проза тоже, разумеется, не оставляла поисков новых острых, даже крайних форм. Из прозаиков, пришедших в литературу в то время, специального упоминания, безусловно, заслуживает Тоомас Раудам (1947). Испытавший сильное влияние Пруста и Джойса, он, исповедуя стиль, богатый словесными и умозрительными, вызванными памятью ассоциациями, как будто пишет своеобразную интимную автобиографическую микроисторию, в которой очень многие родившиеся после войны найдут собственную «историю души». Со второй половины 80-х наметился новый подъем жанра. Здесь следует отметить две относительно самостоятельные тенденции. Первая непосредственно связана с эпохой перестройки и падением цензуры. Как часто бывает в переходное время, новелла (как и драма) оказалась тем жанром, который смог наиболее быстро отреагировать на происшедшие изменения и в прямом смысле слова заговорить о вещах, до сих пор строго запрещенных, прежде всего о событиях недавней истории – о трагедии эстонского народа в предвоенные годы, во время войны и в послевоенное время. Хотя обновление коснулось больше тематики, чем поэтики, жанр новеллы не утратил тем не менее своей важной роли. Яан Кросс (1920), к примеру, до сих пор больше писавший об отдаленных исторических временах, теперь обращается к собственному биографическому опыту. Результатом этого интереса стала, к примеру, включенная в данный сборник новелла «Князь», рассказывающая об одном из эпизодов лагерной жизни писателя. В то же время новелла Матса Траата (1936) «Крест власти» показывает, как в новых условиях оказалось возможным осветить события и более отдаленной истории. Сюда же, может быть, с некоторой натяжкой, я рискнул бы поместить и Эне Михкельсон (1944). Несмотря на свои совершенно иные, чем у названных авторов, эстетические установки – Михкельсон вошла в литературу прежде всего как модернистский поэт, мастер фрагментарных видений и как автор сложно выстроенных, устремленных в глубины индивидуальной и общенациональной психики романов, – и в ее «Содомите» заметен мотив «момента истины», когда народ получил возможность сбросить наконец с себя накопившийся груз страданий. Вместе с тем прямое изображение событий и настроений переломного периода

		оказалось в эстонской серьезной литературе явлением довольно редким (исключая разве один из романов 90-х годов той же Эне Михкельсон). Создается такое впечатление, будто массовые демонстрации 1988 года, знаменитая «Балтийская цепь», защита телебашни от русских десантных войск в дни августовского путча не особо вдохновили наших мастеров пера ... Либо же, если эти события и оказались каким-то образом отраженными в литературе, то через сильную призму самоиронии. Действительно, самоиронию нередко принято считать едва ли не главным свойством эстонцев, но не следует все же сбрасывать со счета и то, что полвека советского засилья со всеми этими «революционными панно» не прошли для ни х даром и создали стойкий иммунитет к вещам подобного рода, в сущности, смехотворным. И все же: новелла Тийи Тоомет (1947) "Лето отчизны" доказывает, что и о таких вещах можно писать серьезно, без опасений показаться смешным или неловким. Вторая тенденция эстонской новеллистики, получившая начало во второй половине 80-х годов, ознаменована приходом в литературу нового поколения писателей. Их творчество получило даже специальное название – «проза журнала *Vikerkaar»*, поскольку этим журналом преимущественно и печаталась. Эти авторы привнесли в литературный процесс свой менталитет, собственные представления о жизни, истории, взаимосвязи вещей. В некотором смысле они исходили из главной «тезы» предыдущей литературы, сформулированной эстонскими шестидесятниками, к этому времени превратившимися едва ли не в живых классиков. К счастью, все эти новые фигуры очень разные. Так что если попытаться чисто механически охарактеризовать их всем скопом, то получим, видимо, привычный букет умонастроений, вообще характерных для конца века: недоверие ко всякого рода культурным и социальным мифам, свободный, лишенный иллюзий взгляд на жизнь и быт своих ровесников, обилие мотивов секса и насилия, часто встречающиеся интертекстуальные игры, скепсис по отношению к претензиям литературы быть «выразителем жизни». Иногда сюда добавляются еще характерные для последней трети столетия феминистские и гомосексуальные темы. Главной доминантой их мировоззрения представляется все же известная осторожность по отношению к любым коллективным самоидентификациям, обостряемая недавним советским (комсомольским) опытом.

		В стилевом и жанровом отношении новая проза, как уже говорилось, довольно разнообразная, и в ней наряду с модернистскими приемами продолжают действовать и менее претенциозные традиционные способы изображения. Последние можно без труда обнаружить в новеллах Ээвы Парк (1950) и Марта Кивастика (1960), также участников данного сборника. В глазах читающей публики упомянутый литературный прорыв поначалу все же остался в тени бурных общественных изменений того времени, однако с середины 90-х новая литература, в том числе и жанр *новелла нового типа*, уже оформилась, что породило жаркие споры. Новое поколение писателей (и не только его) начали обвинять в аморальности, скабрезности, цинизме, нигилизме по отношению к собственному народу, в том, что оно не рассказывает народу о «главном», слепо подчиняется влиянию Запада и т.п. Требовали принять едва ли не полицейские меры. Думаю, что эти обвинители исходили, в числе прочего, из представления, будто литература, освободившись от оков советского режима, теперь должна полностью подчинить себя интересам нового народного государства. Одним из главных виновников таких страстей стал Пеэтер Саутер (1962), многие произведения которого, особенно новелла «Живот разболелся», вызвали в прессе бурю негодования и целый поток сердитых читательских писем. (В то же время литературная критика, большей частью дамы, внимательно проанализировала эту новеллу и расценила ее как попытку развенчать распространенные в обществе мифы, сопутствующие акту рождения ребенка.) Саутер, со своей стороны, демонстрировал полное безразличие как к официальной литературе, так и ко всяким модам и признавался в единомыслии с американскими писателями-битниками 50-х годов, в манере которых благополучно «сосуществуют полупустая пачка сигарет с Господом Богом». Он и сам стал одним из тех, кто активно использовал разговорную речь в литературе, где раньше стилистические рамки были и довольно строго регламентированы. Не отягощенный предрассудками читатель сразу должен заметить, что за внешним безразличием героя Саутера, за тем, как он показывает, как ему осточертела вся эта жизнь, скрывается действенная, зовущая за собой жажда жизни. Один молодой критик даже назвал эту скрытую человечность и некоторую склонность к морализаторству у Саутера толстовскими. Работая журналистом, Саутер опубликовал ряд суггестивных

		очерков и репортажей о «простых русских людях», их менталитете и житье в Эстонии. Эмиль Тоде (настоящее имя Тыну Ыннепалу, 1962) в последнее десятилетие оказался наряду с Яаном Кроссом самым переводимым эстонским автором. Его роман «Пограничье» (1993) (отрывок в русском переводе – журнал «Радуга», № 7, 1995, перевод Веры Рубер), – одно из самых спорных произведений эстонской прозы последнего времени. Прозе Ыннепалу / Тоде свойствен лиричный и вместе с тем плотный. напряженный, богатый символикой стиль, а тематика простирается от гомосексуализма до христианства. О нем мало судить по тому лишь, что включено в данный сборник, здесь важно вспомнить и о том, что сейчас вообще существенно для эстонской прозы. Бросается в глаза, что действие многих современных эстонских романов происходит за границей, «где-то в Европе». В этих текстах зачастую соприкасаются и скрещиваются западно- и восточноевропейские культурные коды, и следствие такого скрещивания нередко выглядит довольно гротескным, зачастую комичным (как в романах Михкеля Мутта, например, или в рассказах Юри Эльвеста), а подчас и трагичным (как у Тоде). Если целью литературы времен перестройки было разоблачение преступлений советского режима и окончательное сведение счетов с прошлым, то здесь сделан, так сказать, следующий логический шаг: ищут, нащупывают, исследуют свое и, как следствие, место Эстонии в том западном культурном пространстве, куда вернулись после пятидесятилетнего отсутствия и которое за это время до неузнаваемости изменилось. При том что проза Тоде не может, разумеется, исчерпать всей этой обширной экзистенциальной проблематики. Андрус Кивиряхк (1970) – один из самых значительных комических талантов, появившихся в эстонской прозе за последние полвека. Известность он получил своим абсурдистским романом (или, может быть, лучше сказать, серией гротескных рассказов) «Воспоминания Ивана Орава», главным героем которого является хорошо узнаваемый по мировой литературе образ «подпрыгивающего солдата», в рассказах которого яркий, фантастический и гротескный вид приобретают события недавнего прошлого и те же самые конкретные лица, которых новеллическая проза конца 80-х представляла читателю с самым серьезным видом и едва ли не со скрежетом зубовным: крайне идеализированные картины Эстонии конца 30-х годов, смехотворный революционный фарс 1940 года, духовное сопротивление советскому режиму со всеми сопутствующими этому «подпольными» выкрутасами. Для

		обозначения этого присущего роману Кивиряхка своеобразного юмора критика придумала даже специальный термин «белый абсурд» как противоположность хорошо всем известному «красному абсурду». Позднее Кивиряхк выступил и как драматург и новеллист. Новелла «Художник Яагуп» содержит следы гротескной манеры, однако в ходе повествования она неожиданно перерастает в цельное многоплановое повествование, охватывающее многое – например, вплоть до картины авангардистской утопии XX века, пытавшейся стереть грань между искусством и жизнью. Однако стоп! – автор предисловия не вправе, как мне кажется, своими слишком конкретными толкованиями ограничивать свободный взгляд читателя… Если Пеэтера Саутера всерьез сравнивали с Толстым, то проза Юри Эльвеста (1967), несомненно, близка к миру Достоевского. Из молодых прозаиков он самый своеобразный и вместе с тем наименее почитаемый читательской публикой. Нередко прибегая в своих творениях к методу «магического реализма», он сплетает воедино мистико-эзотерические мотивы с этическими парадоксами, мрачную, нередко с садистскими мотивами атмосферу со странным, часто направленным на самого себя и собственный текст юмором. Его произведения полны более или менее заметных стилевых аллюзий и пастишей как из высокой классики, так и из массовой культуры. И хотя действие его новелл зачастую не маркировано определенным временем и пространством, в них всегда можно обнаружить некий современный контекст. Так, когда читаешь маниакальные теоретизирования могильщика из новеллы «Изъявление любви», вполне можешь вспомнить «колонки читателя» из газетной прессы 80-х годов со всей их самодеятельной философской стихией, вырвавшейся наружу после падения тоталитарного режима. Совсем особый случай – Юлле Каукси (1962), пишущая на юго-восточном (выруском) эстонском диалекте. На нем же написан и рассказ «Свадебное ложе», являющийся главой из ее обширного, написанного в исповедальном ключе романа «Ложе». Новый подъем самосознания выруской диалектной культуры начался в конце 80-х годов вместе с общественным оживлением в Эстонии, но стал уделом скорее немногочисленных молодых интеллектуалов, чем широких народных масс. Может быть, это движение не получило должного развития, как это предполагалось бы, именно потому, что пыталось соединить архаику с самым современным материалом.

		Литература в эстонской культуре всегда занимала центральную, сплачивающую народное самосознание позицию. Во времена политической несамостоятельности печатному слову отводилась роль парламента, президента, даже сил обороны. Поэтому писателям старшего поколения оказалось довольно трудно пережить новую литературную ситуацию, когда потребность в литературе как в главном средстве сопротивления режиму ослабла, когда по сравнению с прочими национальными ценностями она была отодвинута на задний план, туда, где находятся массовая культура и аудиовизуальные формы массовой информации. Молодые писатели были более склонны извлекать плюсы из новой ситуации, освободившей их от бремени общественного долга, и поспешили воспользоваться вновь предоставившимися свободами. Новелла, в свою очередь, не стала в 90-х годах особенно распространенным или выгодным жанром. Роману, благодаря некоторым его жанровым особенностям, оказалось легче в новых экономических условиях завоевать читателя. Это заметно и по тому, сколь часто в данном предисловии приходилось ссылаться на роман как основную форму у того или иного автора. Даже поэзия сохраняет сейчас свою пусть не широкую, но традиционно устойчивую аудиторию. (К примеру, «собрания сочинений» многих лучших эстонских поэтов XX века вышли едва ли не на первое место в десятке наиболее охотно покупаемых изданий). И напротив, как говорят, теперь любой издатель, получив свежую рукопись сборника новелл, еще трижды взвесит все обстоятельства, прежде чем рискнет запустить ее в печать. Но, несмотря на это, именно новелла того или иного автора сумела в 90-х годах вызвать ожесточенные споры и настоящий ажиотаж, перехлестнувший привычные рамки читательской аудитории. Бьют – значит жива! Подобно тому, как этот жанр оказался весом и актуален в культурном перевороте 60-70-х годов, так и сейчас – остается актуален своими последствиями, которым суждено утвердиться уже в следующем веке. Кяар ПРУУЛЬ 1999

		ABOUT THE ESTONIAN NOVEL OF THE LATE 20TH CENTURY AND A BIT ABOUT ITS HISTORY The "golden time" for Estonian novellas is undoubtedly the period between the late 1960s and early 1970s. Even though during this time Estonian literature, especially poetry, had already begun to subtly break free from the tight grip of socialist realism, many writers followed the strict rule: realism is good, deviation from realism is bad. But soon, a powerful group of "sixties" and several younger authors (Mati Unt, Arvo Valton, Vaino Vahing, Toomas Vint, Mari Saat, and others) dramatically changed the landscape. To understand their work it was required to operate with such "scary" things as "subconsciousness," "stream of consciousness," "existentialism," and "modernism," therefore, literary criticism, although tightly controlled by the authorities, had to use euphemistic language and literary jargon when speaking about "conditional representational style," "alienation," "models," and so on. Russian readers felt this breakthrough belatedly when the so-called "black book", i.e., the anthology of translations from Estonian, appeared and sparked wide-ranging nationwide debates. Two authors of the "mighty bunch" contributed to this collection of novellas of the 1990s: Mati Unt (1944) and Arvo Valton (1935). Unt represented a more modernist psychological group, while Valton, broadly speaking, represented a parabolic one, noticeably deviating from the mainstream. Over the years, the work of both underwent several changes. Mati Unt, in the last two decades, was primarily known for his plays and novels that critics usually marked as postmodernist, each according to his/her interpretation. The novella "Text and Corpse" is one of the few by Unt written in the 1990s, but the only one of its kind emerged in an unordinary way: the *Looming* ("Creation") magazine dedicated one of its issues to the detective genre and appealed to well-known prose writers with a proposal to write a crime story "under specified conditions." Valton, on the other hand, wrote many different stories in the 1980s and 1990s, with the feel of charming reflection of his long-standing fascination with Eastern history, the most significant outcome of which was the novel about Genghis Khan written in 1978, "The Road to the Other End of Infinity" (in Russian translation "Paths Converge in Eternity," 1989). Taking this into account, it is easier to comprehend his novella "The Camel." From the second half of the 1970s to the first half of the 1980s, Estonian prose was represented mostly by novels. The previous period of the modernist boom was bright but short-lived; many authors and readers turned to the adopted traditional forms. The

		historical novel and the so-called domestic prose, non-realist or moderately modernist novels with a psychological touch, came to the forefront. A significant emphasis was made on the public and national context, predominantly presented in allegorical form in historical prose and as references and allusions to specific realities in the conditions of constant struggle with censorship in prose dedicated to everyday life. The central figure in the first genre was, naturally, Jaan Kross; Mats Traat (more about their novellas of the 1990s will be mentioned later) was successful in both genres. However, the industrial prose allowed for some noticeable diversity. In the early 1980s, for example, Mihkel Mutt (1953) stepped into literature. With the precision and contemporaneity of his style, he followed Mati Unt but his main interest was based on the didactic-critical, brilliantly ironic portrayal of life. The seeming easiness of Mutt's style and the multilayered nature of his burlesque provide grounds for comparison with many contemporary foreign writers, primarily English. In the first half of the 1990s, the sarcastic, sometimes grotesque novels of Mutt, depicting the "transitional period" in Estonia, received wide recognition. Against this background, his novel "Provincial" looks quite decent, even a "serious" work. Later, by the 1980s, Maimu Berg (1945) entered literature with her first novel, having started in the late 1960s - early 1970s as a representative of the intellectual group of young writers. Her prose also resonates with the era when rigid psychological modernism began to be replaced by a softer, more "literary" manner. Moreover, Berg was one of the first authors to bring a specifically female perspective into Estonian prose of the 1980s. In her novella "Rococo Dame," she managed, in my opinion, to reflect many essential features of the worldview of Estonians in Soviet times by using the classical narrative technique from the perspective of a child, to whom both the distant, almost mythical "Estonian time" and this very "rococo," i.e., ethnically Other, but increasingly significant "Russian life" with all its alien markers seemed equally alien. The key to understanding the novella is the Estonian word "saadik" with its dual meaning: in the language of independence, it primarily meant an envoy of a foreign state, and in the years of occupation, it meant "rahvasaadik," i.e., a deputy. The lives of Russians living in Estonia and their depiction (or lack thereof) in literature are very interesting topics that cannot be covered in just a few words. However, considering the work of Maimu Berg, it should be noted that interest in the topic is not an exception. Later, we will know her as the author of the

		novel "I Loved a Russian Man" (published in Russian in the magazine "*Vikerkaar* / *Raduga*" 1-12, 1994). Modernist prose, of course, also continued the search for new acute, even extreme forms. Undoubtedly, Toomas Raudam (1947) must be mentioned among the authors who entered literature at that time. Inspired by Proust and Joyce, he adopted a style rich in verbal and speculative associations, as if writing a peculiar intimate autobiographical microhistory, where many post-war-born readers would find their own "history of the soul." From the second half of the 1980s, a new rise in the genre was observed. Here, two relatively independent tendencies became obvious. The first is directly related to the era of *perestroika* and the fall of censorship. As often happens in transitional times, novella (as well as drama) turned out to be the genre that could most quickly respond to the changes and speak about the matters that had been strictly forbidden earlier, primarily about the recent events, namely about the tragedy of the Estonian people in the pre-war years, during the war, and in the post-war period. Not poetics but topics were changed, but the genre of novella nevertheless did not lose its important role. Jaan Kross (1920), who previously wrote more about distant historical times, now turns to his own biographical experience. As a result of this, for example, the novella "The Prince," included in the anthology, tells about one of the episodes of the writer's life in a prison camp. At the same time, Mats Traat's novella (1936) "The Cross of Power" shows how it became possible to shed light on events from more distant history in the new conditions. Here, perhaps tenuously, I would also dare to place Ene Mihkelson (1944). Despite her aesthetic inclinations completely different from the above-mentioned authors, Mihkelson came to literature primarily as a modernist poet, a master of fragmentary visions, and as an author of intricately constructed novels delving into the depths of the individual and national psyche; in her "Sodomite," the motif of the "moment of truth" is noticeable, when the people finally had the opportunity to cast off the accumulated burden of suffering. However, direct depiction of events and spirits of the pivotal period is rare in Estonian serious literature (except, perhaps, for one of the novels of the 1990s by the same Ene Mihkelson). It creates the impression that the mass demonstrations of 1988, the famous "Baltic Way," the defense of the TV tower from Russian airborne troops during the days of the August coup did not particularly inspire our pen masters... Or, if these events were somehow reflected in literature, it was through a strong prism of self-irony. Indeed, self-irony is often considered almost the main

characteristic of Estonians, but it is worth remembering that half a century of Soviet domination, with all these "revolutionary tableaux," left its trace and thus created a resilient immunity to such essentially absurd things. Yet Tiit Toomet's novella (1947) "Summer of the Homeland" proves that such things can be written about seriously, without fear of looking funny or awkward.

The second trend in Estonian novellas of the second half of the 1980s is marked by the new generation of writers. Their works even received a special name, "*Vikerkaar* prose", since they were predominantly published by this magazine. These authors brought their mentality, their ideas about life, history, and the interconnection of things into the literary process. In a sense, they proceeded from the main "thesis" of the previous literature, formulated by the Estonian writers of the 1960s, who by this time had almost turned into living classics.

Fortunately, all these new figures are very different. If you try to mechanically characterize them all, you will probably get the usual bouquet of attitudes generally specific to the end of the century, i.e., distrust of all kinds of cultural and social myths, a free disillusioned view of everyday life, the abundance of motifs of sex and violence, intertextual plays, and skepticism towards literature's claims to be the "expression of life." In addition, feminist and homosexual topics are specific to the last third of the century. The main dominant of their worldview, however, seems to be the well-known caution towards any collective self-identifications, sharpened by recent Soviet (Komsomol) experience. In terms of style and genre, the new prose, as mentioned earlier, is quite diverse, and alongside modernist techniques, less pretentious traditional methods of portrayal are used, for example, in the novellas of Eeva Park (1950) and Mart Kivastik (1960), the contributors to this anthology.

In the eyes of the readers, the aforementioned literary breakthrough initially remained overshadowed by the turbulent social changes of the time, but since the mid-90s, new literature, including the new genre of novella, has already taken shape, thus sparking hot debates. The new generation of writers (and not only them) was accused of amorality, vulgarity, cynicism, nihilism towards their nation, not telling the people about the "important things," blindly following the trends of the West, and so on. There were demands for almost police measures to be taken. I think that these accusers, among other things, proceeded from the idea that literature, having freed itself from the shackles of the Soviet regime, should now fully submit to the interests of the new national state.

		One of the main instigators of such passions was Peeter Sauter (1962), many of whose works, especially the novella "The Stomach Ache," caused a storm of indignation in the press and a whole stream of angry reader letters. (At the same time, literary criticism, mostly female, carefully analyzed this novella and regarded it as an attempt to debunk the common myths associated with the birth of a child.) Sauter, on his part, demonstrated complete indifference both to official literature and to any fashions and sympathized American beatnik writers of the 1950s, who can imagine how a half-empty pack of cigarettes "coexists peacefully with God." He became one of those who actively used colloquial speech in literature, where earlier, the stylistic boundaries were quite strictly regulated. Free of prejudices, the reader should immediately notice that behind the external indifference of Sauter's character, behind his seeming tiredness of all this life, is a real, beckoning thirst for life. One young critic even called Sauter's hidden humanism and tendency to moralization the "Tolstoy style." Working as a journalist, Sauter published a series of suggestive essays and reported about "ordinary Russian people," their mentality, and life in Estonia. Emil Tode (real name Tõnu Õnnepalu, 1962) has become, alongside Jaan Kross, the most translated Estonian author of the last decade. His novel "Border State" (1993) (an excerpt in Russian translation that was published in the magazine *Raduga*, No. 7, 1995, translated by Veera Ruber) is one of the most controversial works of Estonian prose in recent times. Õnnepalu / Tode's prose is characterized by a lyrical and at the same time dense, tense, richly symbolic style, and the topics swing from homosexuality to Christianity. We cannot judge his prose only based on what is published in the anthology; it is important to remember what is generally significant for Estonian prose now. It is striking that the action of many modern Estonian novels takes place abroad, "somewhere in Europe." In these texts, Western and Eastern European cultural codes often intersect and intertwine, and the consequence of such a mix often looks quite grotesque, often comical (as in the novels by Mihkel Mutt, for example, or in the stories by Jüri Elvest), and sometimes tragic (as with Tode). If the goal of literature during the time of *perestroika* was to expose the crimes of the Soviet regime and finally settle scores with the past, then here, so to speak, the next logical step is taken: they search, grope, and explore their place in the Western cultural space, to which they returned after fifty years of absence and which has changed beyond recognition during this time. Despite this, Tode's prose, of course, cannot exhaust all the vast existential problems.

		Andrus Kivirähk (1970) is one of the most significant comic talents in Estonian prose in the last half-century. He became known for his absurdist novel (or, perhaps better to say, a series of grotesque stories) "Memoirs of Ivan Orav," whose main character is the well-recognized literary figure of the "jumping soldier". In these stories, recent events of the past take a vivid, fantastical, and grotesque form, portraying extremely idealized images of Estonia of the late 1930s, the ludicrous revolutionary farce of 1940, and the spiritual resistance to the Soviet regime with all its accompanying underground antics. To denote the unique humor inherent in Kivirähk's novel, critics even coined a special term, "white absurd," as opposed to the well-known "red absurd." Later, Kivirähk also contributed as a playwriter and novelist. The novella "The Artist Jaagup" refers to his grotesque style, but unexpectedly evolves into a multi-layered narrative covering many topics and including a picture of the avant-garde utopia of the 20th century, attempting to blur the line between art and life. However, stop! – The author of the preface is not entitled to limit the reader's free view with his too-specific interpretations... If Peeter Sauter could be compared to Tolstoy, then the prose of Jüri Elhvest (1967) is undoubtedly close to the world of Dostoevsky. Among young prose writers, he is the most original and at the same time, the least recognized by the reading public. Often using the method of "magical realism," he intertwines mystical-esoteric motifs with ethical paradoxes, a gloomy, often sadistic motives atmosphere with a strange, often self-directed humor. His works are full of more or less noticeable stylistic allusions and pastiches from both recognized classics and mass culture. Although the action of his novellas is not marked by a specific time and space, one can always see a certain modern context. So, when reading the maniacal theorizing of the gravedigger from the novella "Declaration of Love," one can easily recall the "reader's columns" from the newspaper press of the 1980s with all their amateur philosophical fervor that burst out after the fall of the totalitarian regime. A completely special case is Ülle Kauksi (1962), who writes in the southeastern (Võru) Estonian dialect. It is the dialect that the story "The Wedding Bed" is written in, which is a chapter from her extensive confessional novel "The Bed". A new rise in self-awareness of the Võru dialect culture began in the late 1980s along with the social revival in Estonia but remained peripheral, supported by rather few young intellectuals than the broad masses. Perhaps, this movement did not receive the expected development because it tried to combine archaism with the most modern material.

					Literature in Estonian culture has always occupied a central, cohesive position in national self-awareness. In times of political dependence, the printed word was assigned the role of the parliament, president, and even defense forces. Therefore, writers of the older generation found it quite difficult to survive the new literary situation, when the need for literature as the main means of resistance to the regime diminished, when, compared to other national values, literature was pushed into the background along with mass culture and audiovisual forms of mass information. Young writers were more inclined to take advantage of the new situation, which freed them from the burden of social duty, and hastened to take advantage of the freedoms that had become available again. Novella, in turn, did not become a particularly widespread or profitable genre in the 1990s. Thanks to some of its peculiarities, the genre of the novel was more appreciated by readers in the new economic conditions. This is evident from how often in this preface it was necessary to refer to the novel as the main form. Even poetry now retains its traditionally stable, if not wide, audience. (For example, "collected works" of many of the best Estonian poets of the 20th century were almost first in the top ten most eagerly purchased editions). On the contrary, as they say, now any publisher, having received a fresh manuscript of a collection of novellas, will thoroughly weigh all the circumstances before daring to publish it. However, despite this, it was the novella that in the 90s caused hot debates and a real stir, exceeding the usual framework of the reading audience. If it bites - it means it's alive! Just as this genre proved to be significant and relevant in the cultural upheaval of the 60s-70s, now remains relevant and will continue to develop in the next century. Kajar Pruul, 1999
13.	2000	Mäeküla piimamees	Eduard Vilde	Novel	Молочник из Мяэкюла / The Milkman from Mäeküla
	n/a				n/a
	n/a				n/a
14.	2000	Paigallend	Jaan Kross	Novel	Полет на месте: роман Улло Паэранда / Trading Air
	n/a				ТРЕТЬЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

		Лев Аннинский "Почему это государство оставляет ей два стула, если она одновременно может сидеть только на одном?» Яан Кросс. Полет на месте. <…> Улло Паэранд это «незаметное» выскальзывание отлично чувствует, потому что он – незаметный чиновник эстонского правительства, которое делается все более незаметным - на дворе 1940 год. Так что неслучайно Яан Кросс избирает героем своего романа человека «незаметного». Он не берет ни одного из тех ярких, самозабвенных, «продвинутых» (как сказали бы теперь) деятелей независимой Эстонии, которые либо бежали в Германию, либо остались под Советами и полегли в чекистских подвалах с простреленными затылками, либо умерли «естественной» смертью от голода и болезней в сибирских лагерях. Кросс не хочет знать крайних типов. Вовсе не те «доведенные несправедливостью до отчаяния» – «чахоточные, измученные идеалисты», от лица которых творилось «все это», – на «том полюсе» у Кросса не героические отморозки (как сказали бы теперь), но «циничные откормленные рожи при мундирах, с пивной пеной на усах». Если краснота рож художественно соотносится с цветом сталинских знамен, то пивная пена явно несет мюнхенский оттенок. И то, и другое – так далеко от нормальной жизни. <…> Между рожами (пивными ли, чахоточными) надо найти что-то нормальное, естественное и здравомыслящее. Независимое и неангажированное. Если угодно, нейтральное. Мелодия текста все время подспудно работает на этот лейтмотив. Говорит же Улло, бывший спортивный журналист, бывший чиновник независимого эстонского правительства, бывший работник чемоданной фабрички, допущенный Советской властью на ответственный пост завсклада: - Тут единственно возможное соотношение порядка и беспорядка!

		- Что имеешь в виду? – переспрашивает Яак, подталкивая наше читательское любопытство. - То, что большего беспорядка не выдержал бы я. А более точного порядка не выдержала бы система… в самом широком смысле слова (последнее добавлено в расчете на нашу недогадливость). А хороша формулировочка! Блеск ее выдает в герое романа Кросса очевидную незаурядность. Которая в себе сомневается и все время пытается уронить себя в общий рад. Вы чувствуете мощь крыльев. И – невозможность взлететь. Полет на месте. Как теперь сказали бы, - невесомость. <…> Итак, перед нами повествование об Улло Паэранде, эстонце, который как бы находится в нейтральном поле. Он далек, как мы видели, и от чахоточных комиссаров, и от краснорожих выпивох. Далек, что очень важно, и от корректных прусских юберменшей, аккуратно и невозмутимо стреляющих в затылок, и от особистов, обожающих перед расстрелом поговорить с приговоренным по душам. Кажется, что в этой связи чисто эстонский период жизни Улло Паэранда должен быть воплощением идиллии. Но идиллии нет. Именно детство и юность Паэранда, совпавшая с временами, когда не было ни той, ни этой оккупации, изображается в романе как пора тяжких потерь и надвигающейся нищеты; это в жизни его родителей – путь вниз, и в сознании героя такой опыт не проходит бесследно. Во всяком случае, пролетарская гордость работника прачечной в критический момент оказывается в нем сильнее буржуазной спеси спортивного журналиста. Что не мешает ему (зараженному кроссовской склонностью к «противоречиям») в следующий критический момент пойти на службу в аппарат правительства. Что могла бы обеспечить ему эта служба? Карьеру? Он в это не верит. Он просто служит, потому что это в нем естественно. Потом так же естественно выявляется в нем уникальная способность «запоминать координаты места и времени», за это его делают координатором. Способность, поразившая папского нунция (когда, как мы помним, Улло сходу перечислил ему координаты всех итальянских посетителей Эстонии в веках),

		побуждает нунция предложить умному эстонцу место в любом католическом университете (стипендия, докторская степень). Отказался! Это кажется безумием: остаться в крошечной, обреченной Эстонии накануне мировой войны, которая кровавым прессом пройдется по судьбам, отказаться от тихой крыши в какой-нибудь католической библиотеке «где-нибудь в Италии». Не будем забывать о дьявольской иронии, закладываемой Кроссом в каждый такой «момент выбора». Тот архиепископ Эстонии, который передал избраннику план спасения, – немец Профиттлих (любопытствующий читатель может по соответствующему словарю убедиться, что «профит» в немецком языке значит то же, что в русском), – архиепископ этот в ждановские времена угодил-таки в руки чекистов и умер по всем правилам, в кировской тюрьме зимой 1942 года, «уже приговоренный к смерти, но еще до казни». Вот и выбирай после этого, куда податься. Но нас интересует не этот несчастный немец. Нас интересует эстонец, который отказался от ватиканской неслыханной (как сказали бы теперь) везухи. Почему отказался? Я думаю, что в этот момент мы прикасаемся к сердцевине, к глубинной мелодии, к пику той духовной драмы, которую вмещает и пытается разрешить Яан Кросс. Единственное условие получения ватиканской стипендии – переход в католичество. <…> Чувствуете? Дворник сверху – дворник снизу. Ну и дела! То тебе баба в ванной, то буря в стакане. Баба – это уборщица служебных апартаментов премьер-министра, которая в его отсутствие тайком моется в его ванной; с приходом Советской власти баба

		застукана и вышиблена вон со службы – несмотря на свое пролетарское происхождение. А стакан, выскальзывающий из рук, — это скользящая меж двух мировых войн (меж моровых поветрий) эфемерная эстонская государственность. Роман Яана Кросса «Полет на месте» — потрясающая по точности и выразительности картина этого полупризрачного и вместе с тем полуреального существования. Со всеми твердо зафиксированными атрибутами. То есть со всеми признаками времени и места. Среди коих: неотступное «стремление вернуться в Европу». И «неопределенное состояние безымянности и безликости для всего остального мира». И отчаянные попытки «дать о себе знать». И воображаемые «идеальные черты» гипотетического эстонца. И чаемые признаки осуществления, например, почитание государственного национального флага. Флаг приходится почитать иносказательно (восторг по поводу дерзости Манолиса Глезоса, попробовавшего в 1941 году отстоять от немцев флаг Греции). Крик о помощи не доходит до тех, кто мог бы помочь (то есть до англичан с их вторым фронтом). «Ядро декларации», которую Улло спешно переводит на английский («Эстония никогда добровольно не отказывалась от своей независимости») при переводе выскальзывает из рук: never voluntary relinquished, yielded, surrendered, abandoned, assigned, gave up. (Русский язык дал бы не меньше двоящихся определений: не оставляла надежду? бросала привычку? поддавалась? капитулировала? была сброшена в распутство? сдана в опеку?). Чертов хаос. Контуры двоятся, призрак расплывается. Но внутреннее стремление неотступно: закрепить ядро, пусть даже еще ничем не наполненное, очертить себя как что-то центрированное, пусть еще не определившееся — поставить пределы расползанию эстонцев о фатальное псевдобытие. Особист в Гулаге формулирует ту же задачу «с другого конца»: активные националисты будут уничтожены как враги Советской власти, а пассивные, то есть молча сочувствующие или потенциально могущие испытать к ним сочувствие, должны быть сосланы, рассеяны по окраинам огромной страны.

— Размазаны по стенке, — сказали бы нынешние интеллектуалы. — Чтобы координат не было.

Яан Кросс, то есть Яак Сиркель, как всегда, старается понять «и другую сторону». Он соглашается с тем, что особист по-своему прав, и все лояльные, нейтральные, нормальные эстонцы действительно либо сочувствуют, либо будут сочувствовать, либо должны сочувствовать своим национальным активистам. Иначе говоря, империя неизбежно будет их раскатывать катком.

А они?

А они так же неизбежно будут сопротивляться. Просто в силу хода вещей.

Лояльный, нейтральный, нормальный эстонец Улло Паэранд – не активист. Он сопротивляется «без программы» и даже без всякой надежды на успех. Так сопротивляется естественная материя удару или давлению. Если давят с двух сторон, — значит, надо искать что-то третье. Третью возможность.

<…> В мировой драме — чем больше форса, тем больше фарса. Но из-под любого фарса брызжет кровь. Кросс знает неразрешимость проблемы и не теряет юмора. Адмиралу, который командует эфемерным и символическим эстонским сопротивлением, докладывают, что на дороге показались русские танки и что капрал украл с кухни двадцать буханок хлеба. Ввиду появления русских танков адмирал приказывает сопротивление прекратить и разбегаться по лесам.

— Господин адмирал, а как быть насчет того, кто хлеб украл?

— Выпороть! Эстонец не должен воровать даже у своих палачей!

Герой Кросса должен оценить это высказывание. Он тоже за словом в карман не лезет. Только однажды промолчал глухо, мертво. Когда принес жене найденное в лесу детское пальтецо с тремя пулевыми отверстиями и запекшейся вокруг них кровью.

Кровь брызжет из-под морковного сока актеров мировой драмы. Даже когда активисты-актеры сами себя уверяют, что это морковный сок. Проза Яана

		Кросса построена на этом контрапункте. В эстонской литературе я не знаю другого такого мастера и другой такой души. Вот вам эпизод — для финала. Когда в 1926 году отец Улло обанкротился, судебный пристав распорядился описать и увезти их имущество. Улло и его мать остались сидеть на двух оставленных им стульях за кухонным столом, внесенным в комнату. Яак Сиркель, то есть Яан Кросс, откомментировал этот эпизод так. «Моей маме после ареста отца в 1945 году, и не за долги, а по политическим мотивам, был оставлен настоящий дубовый стол с обутыми в медь ножками. И тоже два стула!». Вы начинаете невольно сравнивать «ту» и «эту» сторону? Ну, так ваше глубокомыслие и будет осажено в эстонский юмор. «Я тогда не жил с матерью, мама была одна». И она спросила у носителя Исторической Непостижимости, то есть у начальника увозивших мебель солдат, то есть у молоденького советского лейтенантика в голубых погонах: как же это она одна усидит на двух стульях? О третьей возможности не спросила. Сын — спросил.
	n/a	Afterword THE THIRD POSSIBILITY Lev Anninsky "Why does the state leave her two chairs if she can only sit on one at a time?" Jaan Kross. Trading Air. <...> Ullo Paerand feels this "unnoticed" slip-out perfectly because he is an unnoticed official of the Estonian government, which is becoming increasingly unnoticed – in 1940, to be exact. So it's no coincidence that Jaan Kross chooses an "unnoticed" person as the hero of his novel. He doesn't choose any of those bright, selfless,

		"advanced" (as they would say now) figures of independent Estonia, who either fled to Germany or remained under the Soviets and perished in Chekist basements with bullet holes in their skulls, or died "naturally" from hunger and disease in Siberian camps. Kross doesn't want to know extreme types. Not those "driven to despair by injustice" - "consumptive, tormented idealists" through whose perspective "all this" was created. At Kross's pole, there are no heroic fanatics (as they would say now), but "cynical, well-fed faces in uniforms, with beer foam on their mustaches." If the redness of their faces is artistically related to the color of Stalinist banners, then the beer foam carries a Munich hue. Both are so far from normal life. <...> Among these faces (whether beer-soaked or consumptive), one must find something normal, natural, and sensible. Independent and unengaged. Neutral, if you like it. The melody of the text constantly works subtly on this leitmotif. Ullo, a former sports journalist, a former official of the independent Estonian government, and a former employee of a suitcase factory, assigned by the Soviet authorities to a responsible position as a warehouse manager, says: “Here is the only possible relationship between order and disorder!” “What do you mean?” asks Jaak, prompting our reader’s curiosity. “That I couldn't stand any more disorder. And the system couldn't withstand more precise order... in the broadest sense of the word” (the latter added to account for our lack of understanding). Ah, what a good formulation! Its brilliance gives the hero of Kross's novel an obvious extraordinariness. One who doubts himself and constantly tries to lower himself to the common level. You feel the power of the wings. And the impossibility of taking off. Flight in place. As they would say now, weightlessness. <...> So, we have the story of Ullo Paerand, an Estonian who somehow stays in a neutral field. He is equally distant, as we have seen, from the consumptive commissars and the red-faced drinkers. Distant, which is very important, from the proper Prussian ubermen shooting calmly and impassively in the back of the head, and from the officials who love to talk to the condemned souls before the execution.

		It seems that in this connection, the purely Estonian period of Ullo Paerand's life should be an embodiment of an idyll. But it is not idyllic. The childhood and youth of Paerand are the times of no occupations, but are depicted in the novel as a time of heavy losses and impending poverty; in the lives of his parents, it is a downshift, and for the hero, such an experience must have left a trace. In any case, the proletarian pride of a laundry worker at a critical moment turns out to be stronger than the bourgeois arrogance of a sports journalist. That doesn't stop him (due to Kross's inclination to "contradictions") from serving in the government at the next critical moment. What could this service provide for him? A career? He doesn't believe in that. He just serves because it's natural for him. Then, his unique ability to "remember the coordinates of place and time" is something natural, and for this, they make him a coordinator. The ability that impressed the papal nuncio (when, as we recall, Ullo immediately listed the coordinates of all Italian visitors to Estonia over the centuries) prompts the nuncio to offer the smart Estonian a place at any Catholic university (scholarship, doctoral degree). He refused! This seems to be madness: to stay in tiny, doomed Estonia on the eve of the world war that will roll over people as a bloody press, to refuse a quiet roof in some Catholic library "somewhere in Italy." Let's not forget about the devilish irony laid by Kross in every "moment of choice." The Archbishop of Estonia handed the plan of salvation to the chosen one, German Profitlich (the curious reader can verify in the appropriate dictionary that "profit" in German means the same as in Russian), this archbishop at the times of Zhdanov is taken by the Chekists and dies according to all the rules, in the Kirov prison in winter 1942, "already sentenced to death, but before the execution." So choose where to go after that. But we are not interested in this unfortunate German. We are interested in the Estonian who refused the Vatican's unearned (as they would say now) luck.

		Why did he refuse? I think that at this moment we touch the heart, the deep melody, the peak of that spiritual drama that Jaan Kross is trying to resolve. The only condition for receiving a Vatican scholarship is conversion to Catholicism. Can you feel it? A janitor on the top, a janitor underneath. Well-well! Sometimes you can find a lady in the bath, sometimes you can find a storm in a teacup. The "lady" is the cleaner of the Prime Minister's official residence, who secretly bathes in his bath in his absence; with the arrival of Soviet power, the "lady" is caught and kicked out, despite her proletarian origins. And the slipping glass slipping from the hands is the swing between two world wars (between plagues) of the ephemeral Estonian statehood. Jaan Kross' novel "Ullo Paerand" is a stunningly precise and expressive picture of this semi-transparent and at the same time semi-real existence. With all firmly fixed attributes, i.e., with all the signs of time and place. Among them is the relentless "desire to return to Europe." The "indefinite state of anonymity and facelessness for everyone else in the world." The desperate attempts to "make oneself known." The imagined "ideal features" of a hypothetical Estonian. The cherished signs of realization, for example, the reverence for the national flag. The flag has to be revered metaphorically (admiration for the audacity of Manolis Glezos, who tried in 1941 to defend the Greek flag from the Germans). The cry for help does not reach those who could help (that is, the English with their second front). The "core of the declaration" that Ullo hastily translates into English ("Estonia never voluntarily renounced its independence") slips out of his hands when translating: never voluntarily relinquished, yielded, surrendered, abandoned, assigned, gave up. (The Russian language would provide no fewer ambiguous definitions: did not leave hope? abandoned? surrendered? capitulated? was debauched? was placed under guardianship?). Damn chaos. The contours double, and the ghost dissipates. But the inner desire is relentless: to establish the core, even if it is not yet filled with anything, to outline oneself as something centered, even if not yet defined to set limits to the dissipation of Estonians about a fatal pseudo-event.

		The officer in the Gulag formulates the same task "from the other hand": active nationalists will be extinguished as enemies of Soviet power, and passive ones, those who silently sympathize, or potentially may sympathize with them, must be deported and dispersed to the outskirts of the vast country. Scattered around, — would say today's intellectuals. — So that no coordinates are left. Jaan Kross, that is, Jaak Sirke, as always, is trying to understand "the other side". He agrees that the officer is right in his way, and all loyal, neutral, normal Estonians really either sympathize, or will sympathize, or should sympathize with their national activists. In other words, the empire will inevitably crush them like a steamroller. And what about them? And they will inevitably resist. Simply because of the state of things. Loyal, neutral, normal Estonian Ullo Paerand is not an activist. He resists "without a program" and even without any hope for success. This is how natural matter resists a blow or pressure. If pushed from both sides, then you need to look for something third. The third possibility. In the global drama, the more force, the more farce. But blood spurts from under any farce. Kross knows the insolubility of the problem and nevertheless does not lose his sense of humor. The admiral, who commands the ephemeral and symbolic Estonian resistance, is informed that Russian tanks have appeared on the road and that a corporal has stolen twenty loaves of bread from the kitchen. Due to the appearance of Russian tanks, the admiral orders the resistance to stop and scatter into the forests. “Mr. Admiral, what about the one who stole the bread?” “Punish him! An Estonian should not steal even from his executioners!”

					The hero of Kross must value this statement. He, too, is never short for words. He only remained silent once, deafly, dead. When he brought his wife a child's jacket found in the forest with three bullet holes and dried blood around them. Blood spatters from under the carrot juice of the actors of the global drama. Even when the activist-actors reassure themselves that it's just carrot juice. Jaan Kross's prose is built on this counterpoint. In Estonian literature, I don't know another master and another soul like his. Here's an episode for the finale. When in 1926 Ullo's father went bankrupt, the bailiff ordered their property to be seized and taken away. Ullo and his mother remained sitting on the two chairs left to them at the kitchen table. Jaak Sirkel, that is, Jaan Kross, commented on this episode as follows. "After my father's arrest in 1945, not for debts, but for political reasons, my mother was left with a real oak table with copper legs. And two chairs!" You start involuntarily comparing "that" and "this" side, don't you? Well, then your profundity will be besieged in Estonian humor. "I didn't live with my mother then, she was alone." And she asked the bearer of Historical Incomprehensibility, i.e., the chief of the soldiers who were taking away the furniture, the young Soviet lieutenant in blue epaulets: how can she sit alone on two chairs? She didn't ask about the third possibility. But her son did.
15.	2000	Vari	Juhan Liiv	Novels	Завеса: повесть из недавнего прошлого / The Veil: a story from the recent past
	n/a				n/a
	n/a				n/a
16.	2000, 2001	Kevade: pildikesi koolipõlvest Suvi: pildikesi noorpõlvest	Oskar Luts	Children's literature	Весна: картинки из школьной жизни / Spring: pictures of the school life Лето: картинки юношеских лет / Summer: pictures of the youth
	Kevade: pildikesi koolipõlvest SAATEKS				Весна: картинки из школьной жизни ОТ АВТОРА

	Oh, kui palju kordi on minult juba küsitud „Kevade" esimese trüki ilmumisest saadik: Kas ikka tõesti elasid ja tegutsesid kord säärased isikud, nagu Joosep Toots, nagu Arno Tali, Raja Teele, Georg Adniel Kiir, Tõnisson jne.! Kas nad elavad veel? Kus nad praegu on? Ning edasi, paljutähendavalt silma pilgutades: Küllap te ise ikka olitegi see Toots? Küllap te ise olitegi see Arno Tali? Küllap te ise olitegi see ja see? ─ Ainult ühes pole mind seni veel kahtlustatud: et ma olnuksin tolleaegne Palamuse praost Sielmann, köster Lender või kellamees Lible. Ent ometi on asi tõeliselt nii, et iga kirjeldatud tüüp, kas selles või teisteski töödes, on kuskilt „võetud"; iga tüübi kirjeldamiseks on ikkagi mõningal määral olnud oma algkuju. Kuidas kirjanik seda või teist tüüpi kujundab, see on juba tema loomingulise protsessi küsimus. Kirjanik pole ju ometi fotograaf, kes kõik täpp-täpilt edasi annab, mis tema aparaat kinni püüab. Peetagu meeles, et kõik lood, mis kirjeldatakse ilukirjanduses, ei tarvitsegi täpselt nii sündinud olla, kuid nad olgu tõepärased ─ nagu nad tegelikkuses võinuksid olla. Mis siis sellest, kui mõni „obadus" langeb vaese Joosep Tootsi kaela, mõni säärane, millest tal polnud aimugi? Kes on praegu need isikud, kes mind inspireerisid minu „Kevade" tegelasi kujundamama? ─ Üks siin, teine seal, kolmandal-neljandal pole enam elavategi kirjas. Mõtelgem neile suurtele sõdadele, mis lahutavad minu Paunvere kooliaega praegusest ajast! 1905. aastal, teenistujate-apteekrite streigi ajal Tartus, anti minunulegi rohkesti vaba aega ─ mind kihutati minema Kivisilla apteegist. Kolisin maale, Rakke raudteejaama lähedale, kus mu isal-emal oli väike talukohake. Ja just seal nad, need endised Paunvere kihelkonnakooli õpilased, lausa ründasid mind: kirjuta meist, jutusta meist, sa ju nägid meid, tundsid meid! Ja nad ei jätnudki enne, kui kütsid mu kuumaks. Oli seal talus üks poolpime suberik, kus hakkasin kirjutama oma pildikesi koolipõlvest... et ometi vähemalt midagi teha. Ent neist kirjutusist ma siis veel kuidagi ei arvanud, ei nad kunagi trükki lähevad, et neist võiks saada raamat. See mõte tekkis alles aastate pärast, kui juba üsna kaua olin ringi rännanud ja nii häid kui kurje päevi näinud.	О, сколько раз с тех пор, как «Весна» впервые вышла из печати, мне приходилось слышать такие вопросы: «Действительно ли были на свете Йоозеп Тоотс, Арна Тали, раяская Тээле, Георг Аадниэль Кийр, Тыниссон и другие? Живы ли они еще? Где они теперь?» И вслед за этим спрашивающие, многозначительно подмигивая, обычно добавляли: «Наверное, Тоотс — это вы сами и есть? Наверное, Арно Тали — это вы и есть? Наверное, такой-то и такой-то герой повести — это вы и есть?» В одном только меня до сих пор еще никто не заподозрил — в том, что я — тогдашний пробст из Паламузе, Зильман, кистер Лендер или звонарь Либле. В действительности же дело обстоит так, что каждый герой, выведенный и в этом, и в любом другом литературном произведении, всегда откуда-то «взят»; любой изображаемый писателем персонаж в какой-то степени имеет свой прообраз. А как писатель создает тот или другой тип — это уже вопрос его творческого процесса. Писатель ведь не фотограф, передающий в точности то, что запечатлено его аппаратом. Нельзя забывать вот что: вовсе нет нужды, чтобы события описывались в художественном произведении точно так, как они происходили в действительности; но они должны быть правдоподобными - такими, какими могли быть в реальной жизни. Что из того, скажем, если бедняге Йоозепу Тоотсу приписаны такие проделки, о каких он и понятия не имел? Где же сейчас те люди, которые послужили прообразами для моей «Весны»? Один тут, другой там, а кое-кого и вовсе уже нет в живых. Подумаем хотя бы о войнах, отделяющих наше время от тех далеких дней, когда я учился в Паунвереской школе! В 1905 году, во время забастовки служащих аптек в Тарту, был и мне обеспечен неограниченный досуг — меня выгнали со службы из аптеки, что близ Каменного моста. Я перекочевал в деревню и поселился около железнодорожной станции Ракке — там у родителей моих был маленький хуторок. И вот именно там бывшие ученики Паунвереской приходской школы прямо-таки пошли на меня штурмом: напиши о нас, расскажи о нашей жизни, ты же нас видел, ты нас знаешь! И они не оставляли меня в покое до тех пор, пока я и сам не загорелся этой мыслью. На хуторе у нас была полутемная комнатушка, и здесь я, чтобы хоть чем-нибудь заняться, стал писать свои картинки из школьной жизни ... Но тогда мне еще и в голову не приходило, что писания мои когда-нибудь увидят свет,

	Vaheajal, kui töötasin apteekrina Narvas ja uuesti Tartus, jäi „Kevad" ühes oma tegelastega hoopis unustusse. Alles 1908. aastal, töötades Tallinnas, hakkasin jälle sirvima juba kortsunud ja luitunud lehti. Ühtlasi kirjutasin siis tasapisi ka edasi. Kuid ikkagi mul polnud veel mingisugust kindlat eesmärki või plaani oma kirjatööga. Ja ma enam ei mäleta sedagi, kas sellest kellelegi lugesin mõne lehekülje. Mäletan üksnes niipalju, et mul alati oli üpris piinlik ütelda, et minagi tegelen ─ kirjandusega. Tuli aeg, kus mulle suruti pähe „kuninga kübar", kus pidin teenima Vene tsaari. Sinnagi võtsin kaasa oma „Kevade", ja sealgi kirjutasin vähehaaval edasi. Kord isegi sattusin kahtluse alla, et kas ma ei sepitse midagi riigivastast... Aga sellest ma juba olen jutustanud oma mälestustes – mistarvis korrata üht ja sedasama. 1912. aastal tulin tagasi oma armsasse Tartusse, lugesin läbi oma päevi näinud käsikirja, ja siis, alles siis tuli mulle mõttesse, et selle võiks trükki anda. Aga kes ta kirjastaks? Tegin tagajärjetuid käike kirjastusäridesse ─ keegi ei tahtnud minu pildikesi. „Ee-ei-ei lähe", sain ikka ühe ja sama vastuse. Siis vihastasin, laenasin raha, kust iganes sain, ning lasksin „Kevade" 1 ilmuda nii-öelda oma kulu ja kirjadega. Tingimused tolleaegse „Postimehe" trükikoja poolt olid väga ebasoodsad, kuid minul polnud teist valikut. Las minna…! Ent näe, paari-kolme kuu pärast ma olin juba omadega väljas. Raamatuke võeti nii arvustuse kui kirjandusehuvilise publiku poolt vastu vägagi heatahtlikult; ja varsti ma olingi mitte ainult kirjastaja, vaid ka kirjanik. Ja kui ma nüüd vahel heidan pilgu tagasi ning hakkan võrdlema endisi ja praegusi aegu, siis näen, milline vahe on endise ja praeguse vahel. Juba see Paunvere kihelkonnakool... Sinna pääsesid ainult enam-vähem jõukama kihi lapsed, kuna kehvikule, teenijate järeltulijad pidid leppima ainult külakooliga. Õpperaha polnud ju suur ─ vist kuus rubla aastas ─, aga kes läks karja nende kehvikute võsude eest? Sügisel, kui kihelkonnakool oma tegevust algas, ei pääsenud kehvikute lapsed karja juurest, ja kevadel töötas kool veel edasi, kui karjalapsed juba pidid platsis olema. Ainult mõni üksik kehvikuke jõudis sinnagi ─ kihelkonnakooli, aga need olid enamikus käsitööliste perest.	что из них может получиться книга. Мысль эта явилась только несколько лет спустя, после того, как я уже довольно много пространствовал по свету, изведал и радости, и горе. Позже, когда я работал аптекарем в Нарве, потом снова в Тарту, «Весна» со всеми ее героями была совсем забыта. Лишь в 1908 году, служа уже в Таллинне, я снова стал перелистывать пожелтевшие, измятые страницы. В то же время я понемножку продолжал писать. Но и тогда в моей литературной работе еще не было определенной цели или замысла. И я даже не помню, читал ли я кому-нибудь хотя бы отрывки из этой вещи. Помню лишь одно: мне всегда бывало очень неловко признаваться, что и я имею отношение... к литературе. Затем наступило время, когда мне нахлобучили на голову «царскую шапку», и мне пришлось идти служить российскому императору. Я взял с собой «Весну» даже на военную службу и урывками продолжал писать дальше. Однажды я даже попал под подозрение - не замышляю ли я что-нибудь антигосударственное... Но об этом я уже рассказывал в своих воспоминаниях - к чему здесь повторять то же самое. В 1912 году я вернулся в свой любимый Тарту, прочел свою видавшую виды рукопись, и тогда только впервые пришла мне в голову мысль, что ее можно было бы напечатать. Но кто возьмется ее издать? Я обошел несколько издательств, но безуспешно - никому мои «картинки» не были нужны. «Нет ... нет ... не пойдет», - всюду один и тот же ответ. Тогда я обозлился, занял денег, где только смог, и выпустил первую часть «Весны», как говорится, на свой страх и риск. Тогдашняя типография «Постимеэс» ставила очень тяжелые условия, но у меня не оставалось другого пути. Была не была! И что же? Через два-три месяца я вернул все свои затраты. И критики, и читающая публика встретили мою книжечку очень доброжелательно: так я и стал вскоре не только издателем, но и писателем. И когда сейчас я иной раз оглядываюсь назад и сравниваю прошлое с настоящим, я вижу, какая разница между теми временами и нынешними. Взять хотя бы ту же приходскую школу в Паунвере... В нее попадали лишь дети более или менее зажиточных

	Praegu? Praegust aega tunneb igaüks, kes pole kurt ega pime. ─ Vaba kool, lahedad õppimisvõimalused, abirahad – mingu kõik, saagu haridust ja vaimuvalgust, kel ei puudu hea tahe. Veel meenub mulle midagi. Oli'nd kõik, kuidas oli, aga omavaheline läbisaamine tolleaegsete kooliõpilaste vahel oli hea, seltsimehelik. Väga võimalik, et selleks aitas kaasa meie ühine vaenlane – Paunvere saksa kool ─ sealsamas meie kõrval. Isegi mõned virisejad ─ eks leidunud neidki ─ ühinesid teistega, kui kihelkonnakooli peret ähvardas üldine «hädaoht». Oh neid sõbralikke jutlemisi keppide ja kivide varal, mis meil sagedasti oli härrasmeeste võsudega! Nüüd see muidugi on meie silmis ainult tükike ajalugu, aga mis sellest. Eks õpeta meid ajalugugi õieti hindama praegust olukorda. Tartu, jaanuar 1949. O. LUTS Järelsõna (SUVI: pildikesi noorpõlvest) Humoristlike koolipõlvemälestuste ja külaelu negatiivseid nähtusi piitsutavale realistlike näidenditega üleöö kuulsaks ja populaarseks saanud, otsustab Luts	родителей, а дети бедняков и батраков должны были довольствоваться сельской школой. Плата за обучение была, правда, не так уж велика, кажется, рублей шесть в год, но кто стал бы за бедняцких ребят пасти скот? Осенью, когда в приходской школе начинались занятия, дети бедняков еще должны были ходить в пастухах, да и весной - школа еще работала, а маленьким пастухам уже надо было являться на место. Если в приходскую школу и попадал иногда какой-нибудь бедняк, то чаще всего из семьи ремесленников. А сейчас? Каково положение сейчас — это знает каждый, кто имеет глаза и уши. Свободный доступ в школу, неограниченные возможности для учебы, стипендии — только иди, учись, получай образование, приобщайся к знаниям. И еще вот что мне вспоминается. Как бы там ни было, относились тогда школьники друг к другу хорошо, по-товарищески. Весьма возможно, что способствовал этому наш общий враг — паунвереская немецкая школа, помещавшаяся тут же, рядом. Даже ворчуны — а были и такие — объединялись с товарищами, если ученикам приходской школы угрожала общая «опасность». О, эти «дружеские переговоры» при помощи камней и палок — как часто случалось нам их вести с молодыми барчуками! Сейчас все это, конечно, для нас — только кусочек истории, но что же из этого? Ведь история тоже учит нас ценить настоящее. Тарту, январь 1949 г. О.Лутс ЛЕТО: картинки юношеских лет: печатается по изданию 1986 г. Таллинн, «Периодика». Послесловие Произведения народного писателя Эстонской ССР Оскара Лутса (1887—1953), в особенности его талантливая, полная светлого, жизнерадостного юмора повесть «Весна», вышедшая также и на русском языке уже восьмью изданиями,

	hakata elukutseliseks kirjanikuks. Ta ütleb 1913. a. üles oma koha apteegis, et siis täie jõuga loomingulisele tööle pühenduda. Ikka uued ja uued tüübid kerkivad eluselgesti ta silmade ette ja nõuavad kirjanduslikku vormi valamist. Sealjuures satub noor Luts oma loomingulistes otsingutes neil aastail ajutiselt uusromantilise kirjanduse mõju alla. Nii kirjutab ta varsti peale «Kevade» valmimist jutustuse «Kirjutatud on ... » (1914; hilisema pealkirjaga «Soo»), millesse, vaatamata selle üldiselt realistlikule põhikoele, on hulk sümbolistlik-romantilisi lõimi põimitud. Sümbolistliku kirjanduse mõju on ilmne ka mitmes Lutsu sel perioodil kirjutatud näidendis. Võitlus realistlike ja antirealistlike tendentside vahel Lutsu loomingus kestab rea aastate jooksul, kuni kirjanik lõpuks jutustusega «Andrese elukäik» (1923) selle ainevalla ja käsitluslaadi juurde jõuab, milles ta on saavutanud kõige suurema kunstilise jõu ja ideoloogilise küpsise, kujutades väikeste inimeste sünget elusaatust kapitalistliku ühiskonna tingimustes. Sealjuures tuleb märkida, et realistlikust käsitluslaadist kõrvalekaldumine ja kaasaminek antidemokraatliku suunaga oli Lutsu puhul üldse poolik ja ajutine. Paralleelselt uusromantilise kirjanduse mõju all seisvale katsetustega jätkas ta ka realistlike jutustuste kirjutamist, minnes edasi «Kevade», «Paunvere» ja «Kapsapeaga» alustatud teel. Kui 1914. a. suvel puhkeb esimene maailmasõda, mobiliseeritakse Luts farmatseudina sõjaväkke, kus ta tunduvalt halvenenud loomistingimustest hoolimata jätkab oma kirjanduslikku tegevust. Ta kirjutab mõned sümbolistlikud muinasjutt-näidendid («Siniallik», «Sootuluke»), alustab kirjavormilise pihtimusnovelli «Kirjad Maariale» kirjutamist, kuid tunneb samal ajal ühtlasi vajadust oma loomupärastele kalduvustele nii sobiva «Kevade» laadi juurde tagasi pöörduda. Tal on kavatsus «Kevadele» järge kirjutada, et Tootsi ning ta kaaslaste uutest «tehingutest» lugejaile pajatada. Juba 1915. a. lõpul on see mõte kindla kuju võtnud ja töö käsilegi võetud, kuid alles aasta pärast saab kirjanik intensiivsema1t kirjutamise juurde asuda. Käsikiri valmib tal 1916. a. lõpu ja 1917. a. alguskuude kestel Vitebskis ja peab esialgse kavatsuse kohaselt kandma pealkirja «Kevade» II. Muudetud pealkirjaga «Suvi» I jõuab jutustus lugeja kätte 1918. a. lõpul ja aasta pärast järgneb sellele «Suvi» II.	завоевали у читателей широкую популярность. «Весна» открывает в творчестве писателя юмористическую серию так называемых «историй про Тоотса». Кроме «Весны» и «Лета», четвертый раз публикуемого в настоящей книге на русском языке, к этой серии относятся «Свадьба Тоотса», «Будни» и «Осень». Все эти произведения, особенно «Весна» и «Лето», на протяжении десятилетий оставались в Эстонии любимейшими книгами и для юношества и для взрослых. От Лутса, которому присущи исключительный дар рассказчика, непринужденность изложения, острое чувство юмора, читатель ждал прежде всего веселой шутки, занимательности и действительно находил их в произведениях любимого автора. И все же юмор — только одна сторона творчества Лутса. Это лишь оттенок, контрастный нюанс, помогающий более рельефно подчеркнуть печальное. Действительно, наиболее ценным в художественном отношении произведениям Лутса свойственна своеобразная грустная интонация, как бы минорный подтекст. Это оригинальное переплетение серьезного и веселого придает большую силу эмоционального воздействия и очарование и его наиболее популярной повести — «Весна», где наряду с рассказом о проделках озорного Тоотса автор сосредоточивает внимание на раскрытии внутреннего мира мечтательного и грустного Арно Тали. Подобные Арно юноши-романтики, со смутной жаждой счастья в душе, живущие в разладе с окружающей действительностью, встречаются на страницах многих повестей Лутса. Это поистине один из любимых литературных типов Лутса; проблемы его душевной жизни не дают писателю покоя, он возвращается к ним снова и снова. В «Весне» обнаруживается и еще одна характерная для Лутса черта, — «мемуарность» его творчества: пережитое и виденное самим автором тесно переплетается с художественным вымыслом. Подобно тому, как в основе «Весны» лежат воспоминания автора о его собственных школьных годах, в других его повестях элемент взятого из реальной жизни также очень значителен. Свое творческое кредо Лутс сформулировал в следующих словах: «Человек должен оставаться и творить в той среде, которую он знает. Я никогда не стану писать о вещах, которые мне неизвестны». Лутса как писателя-юмориста интересовал прежде всего человек, человек как характер, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Подробно и тщательно, с добросовестностью летописца, изображал он в своих

	«Suve» alapealkiri «Pildikesi noorpõlvest» iseloomustab hästi jutustuse laadi. «Suves» on kirjanik esitanud rea humoristlikke pilte lugejale juba «Kevadest» tuttavate tegelaste noorpõlvest, ilma et ta muret või vajadust oleks tundnud mõne kesksema ja tõsisema probleemi järele. Nagu «Kevades», nii köidab ka «Suves» lugejat ennekõike kirjaniku meisterlik jutustamise osavus, huvitavad tegelaskujud ja sädelev huumor. Kirjanik on peatähelepanu koondanud jutustuse tegelaste ja nendega seotud koomiliste sündmuste reljeefsele väljamaalimisele, mille kõrval sotsiaal-olustikulise tausta iseloomustus on jäänud teoses võrdlemisi hõredaks. Vahel siiski tõsineb autor hetkeks ja poetab siis võrdlemisi sapiseid märkusi kodanliku ühiskonna väärnähtuste kohta. Ajaliselt toimub «Suve» tegevus «Kevade» omast kümmekond aastat hiljem. Selle aja jooksul on Paunveres mõndagi juhtunud. Muutunud on juba küla väline ilme. Sinna on rida uusi maju juurde ehitatud, uusi «asjamehi» tekkinud, mis kõik küla kapitalistlikust arengust kõnelevad. «Kevade» tegelased, kelle koolipõlve seiklusi lugeja lõbuga jälgis, on nüüd täisealisteks saanud. Toots on vahepeal Venemaal ära käinud ja seal mõisavalitsejaks õppinud, Arno Tali käib ülikoolis, Tõnisson on taluperemeheks hakanud, Lible Saare teenijatüdruku Mariga paari läinud, ainult Jorh Aadniel Kiire elu pole erilisi suuremaid käänakuid teinud ─ punapea astub hoolega oma isa jälgedes. «Suve» peategelaseks on Joosep Toots. See elurõõmus vembumees on mitmeski suhtes selliseks jäänud, nagu lugeja teda «Kevades» tundma õppis. Ta ümmargused öökullisilmad vaatavad endise rahutusega, millest võib järeldada, et ta vaimgi niisama rahutuks on jäänud, olles valmis uuteks vempudeks. Viimased ei jäägi tulemata, kui Toots oma «kalli koolivenna» Kiirega jälle kokku satub, kellele ta vanade ja vastsete arvete õiendamiseks nii mõnegi uue «külma sauna» kütab. Teiselt poolt on aga aastad ka Tootsi tõsisemaks ja tasakaalukamaks muutnud. Koju tagasi saabunud, otsustab Toots oma isatalu korda seada, sood kuivendada, põldu juurde teha, karja suurendada ja nõnda eeskujuliku majapidamisega külas teistele eeskujuks saada. Ta on Venemaal mõndagi õppinud ja kavatseb seda nüüd kodus kasuga tarvitada. Häda on ainult rahaga, millest «valitsejal» kipub puudus kätte tulema. Laenuasutusest, kust Toots läheb lootusrikkalt «suurt saama ja	произведениях знакомую ему жизненную среду и встреченных здесь людей, в большинстве случаев предоставляя самому читателю делать более широкие и далеко идущие обобщения. Тематика большинства повестей Лутса взята из жизни городского мещанства. Внимание писателя особенно привлекает мир так называемых маленьких людей, пасынков жизни, которым всецело принадлежат его симпатии и любовь. «Их заботы и маленькие радости были мне близки, потому что я сам и в дни молодости, и в более поздний период знал и переживал их; в своих произведениях я лишь запечатлел эти явления жизни в беллетристической форме», — писал Лутс. Рассказывая с большой душевной теплотой о простых людях и их страданиях в обществе, где царит жестокая власть денег, об их борьбе с житейскими невзгодами, о том, как они, несмотря ни на что, отважно шагают по жизни, преодолевая трудности, автор вместе с тем вселяет в читателя веру в более светлое и прекрасное будущее. Именно благодаря этой оптимистической вере в будущее, благодаря глубокому гуманизму, которым проникнуто все творчество Лутса, широкие народные массы всегда считали и считают его своим писателем, писателем народным. *** Рассказ о том, как сын сапожника из поселка Паламузе стал известным писателем, мы находим в тринадцатитомной серии «Воспоминаний» Лутса. В самом начале их мы читаем: «На дороге и у стен хижины намело большие сугробы... Вечернее небо пылает заревом и бросает на снег пурпурный отсвет... В этот жестокий мир пришел новый человек». Этот человек и был сам писатель. Он родился 7 января 1887 года в Тартумаа в приходе Паламузе (ныне Йыгеваский район). Стремясь выбиться из нужды, его отец вскоре после рождения сына переменил профессию строительного рабочего на сапожное ремесло и поселился в поселке Паламузе. Его сапожная мастерская вскоре приобрела популярность среди самых различных заказчиков — «от баронов до батраков». Если в раннем детстве лучшими друзьями будущего писателя были бабушка, знавшая много сказок, и дедушка с его юмористическими историями, то позже сапожная мастерская отца стала для мальчика своего рода жизненной школой, где он сталкивался с самыми различными людьми. Его интересует их житье-бытье, интересуют типы людей, выражение их лица, тон голоса, их речь,

	jämedat jagama», ei saa ta kopikatki. Tal puuduvad mõjukad käemehed. Ühtlasi näeb ja veendub Toots, et koht, kust ta laenu palus, on mitte raha-, vaid rahameeste asutus. Kuid siis, kõige suurema kimbatuse hetkel tuleb ootamatu lahendus. Autor laseb jõuka Raja talu peretütrel Teelel Tootsi endale meheks kosida. See suurepärase huumoriga kujutatud pilt on ühtlasi Tootsi järjekordse, seekord võrdlemisi tõsist laadi «tehingu» õnnestunud finaaliks. Ennast üle jõu käivate plaanidega Ülesool sidudes oli Toots salajas küll Raja peretütrele lootnud. Et aga asjad nii kiiresti tema kasuks arenevad, see tuleb Tootsilegi üllatusena. Näidates Tootsi ettevõtliku ja teoka mehena, kes oma ülekeevale energiale lõpu positiivse rakenduse on leidnud, on kirjanik samal ajal talle alles jätnud vembud, mis ta aastatega tunduvad kohati vastuolus oleval. Need sobiksid küll hästi «Kevade» Tootsile, kuid ei ole «Suves» nagu enam päris usutavad. Selline on näiteks Tootsi ja Kiire öine kabelist möödajooksmine. Selle kõrval on aga teoses palju erakordselt plastiliselt väljamaalitud humoristlikke pilte ja koomilisi episoode, mis on ehtsad ja usutavad ja mis lubavad «Suvest» kõnelda kui heast humoristlikust jutustusest. «Suve» suureks õnnestumiseks on Jorh Aadniel Kiire kuju. Kiirt elurõõmsale ja hakkajale Tootsile vastandades on kirjanik andnud suurepärase portree saksiku antvärgi virilast ja saamatust pojast. Ta lõhkise sabaga pintsak, kitsaservaline õlgkübar, nööpsaapad ja jalutuskepp kõnelevad soovist ennast muust külarahvast paremana ja peenemana näidata. See väline toredus ei suuda aga varjata ta seesmist tühisust, väiklast hinge ja piiratud silmaringi. Igast sammust kasu püüdva väikekodanlasena näeb Kiir rikkas Raja peretütres endale sobivat elukaaslast. Selle mõtte külge jääb punapea rippuma nürimeelse visadusega, muutudes seejuures koomiliseks ja naeruväärseks. Sellised huumoriküllased ja koomilistest situatsioonidest rikkad kohad, nagu Kiire armukadeduse kirjeldus, ta kõne köstrit külastades, õnnetu teekond Venemaale ja alandav käik Tootsi juurde, et põllumeheks õppida, on kirjanikule andnud võimaluse seda «tedretähelist iibist», nagu Toots oma rivaali nimetab, kurjalt välja naerda. Kiire kuju on jutustuses välja joonistatud erakordse järjekindlusega. Ühest pildist teise avatakse järk-järgult Kiire nigel iseloom, ebameeldiv välimus ja harjumused. Väheste, kuid tabavalt leitud detailidega, milledest	которую он с большим мастерством имитирует. Именно здесь закладывается основа его наблюдательности, его умению улавливать характерное в людях, в их поведении, разговорах; запоминаются всяческие услышанные здесь истории, образные сравнения и высказывания, которые он в дальнейшем использует в своей литературной работе. Проучившись год в сельской школе, невысокий сероглазый паренек, сдержанный и скромный, но смышленый и сообразительный, поступает в 1895 году в Паламузеское приходское училище. Как и всякий мальчуган-школьник, он увлекается романтикой приключений, читает приключенческие книжки, известен среди ребят как талантливый рассказчик и принимает самое живое участие во всех событиях школьной жизни. К этому времени относятся и его первые литературные попытки. В 1899 году Лутсу удается поступить в Тартуское реальное училище. В городе классовые различия проявлялись более остро, чем в деревне, и Лутс вскоре больно почувствовал, что значит быть сыном сапожника и принадлежать к «низшему слою общества». Класс, в который он попал, был одним из самых слабых в училище как по успеваемости, так и по дисциплине. И можно предположить, что многие впечатления этого времени, наряду с воспоминаниями о приходском училище, впоследствии ожили на страницах «Весны». Учение у юноши, обнаруживавшего склонность к литературе, подвигалось успешно, особенно по гуманитарным предметам. Учитель русского языка и литературы, большой почитатель Гоголя, сумел достигнуть того, что Гоголь стал любимым писателем и для Лутса. Юноша увлекается и другими всемирно известными сатириками — Рабле, Сервантесом, Диккенсом, М. Твеном, с большой охотой читает произведения Тургенева, Толстого, Горького, Киплинга и др. Его охватывает настоящая страсть к чтению, грозящая отразиться на его успехах в учебе, особенно по математике. Авторы учебников математики кажутся ему чуть ли не личными врагами. Не справившись с возникшими трудностями и чувствуя отвращение к казарменной атмосфере училища, Лутс покидает его, не закончив курса. Сдав экзамен по латинскому языку, Лутс поступает учеником в аптеку. Домом его стала комната в квартире хозяина, соседом — пьяница-провизор, семьей — товарищи по работе. Условия труда в аптеке были очень тяжелые, юноше приходилось по четырнадцати часов подряд быть на ногах. Иногда он проводит свой досуг в чайной. Общественные интересы ему как будто чужды, он

	karakteersemaid kirjanik korduvalt esile toob, annab ta Kiirest tervikliku ja meeldesööbiva pildi. Kogu oma nüansirikka sõnavara ja kujukad võrdlused on Luts rakendanud Kiire kuju kõigekülgse iseloomustamise ja naeruvääristamise teenistusse. Kiir niheleb ja näseleb, piiksub ja piniseb, timbib ringi oma pikkadel ja peenikestel jalgadel, tal on harjumus naeru kihistades pead õlgade vahele tõmmata ja kimbatusse sattudes valjult nohiseda. Sellist otsest autoripoolset iseloomustust täiendavad leidlikud võrdlused ja kujundid, kusjuures viimased on valitud Kiire lähemast ümbrusest, nõnda et vaest rätsepat sagedasti ta enda kääride ja nõeltega torgitakse. Armukadeda Kiire hing on näiteks «otsekui villaveskile viidud ja hundi alla lastud». Heameelega võtaks õnnetu peigmees «suured käärid ja lõikaks välja selle ajajärgu oma elust. See pole enam üksik nõel, mis tema südant aeg-ajalt torkab, vaid on terve kiri nõelu, kaks kirja, mis teda alatasa «stepivad» ja «stepivad» risti ja rästi, nagu vammuse kraed». Nigela mehikesena ei leia Kiir kellegi silmis poolehoidu. Ainult Julk-Jüri, kelle pailaps Kiir juba koolis oli, leiab ta jaoks tröödstiva sõna. Et köstri õpetus pole maha visatud, seda tõendab Kiir oma usina kirikuskäimisega, kus ta põlvili maas posinal meieisapalvet loeb ja naljakalt huuli toruli ajades otsekui tahab «jumalale selgeks teha, et asi tema pattudega pole sugugi nii paha, nagu see vahest esialgu näib». Sooja poolehoiuga on kirjanik «Suves» kujutanud Liblet, kes peale pikka rähklemist on lõpuks abielusadamasse jõudnud. Samuti laseb ta põgusa pilgu ka Raja Teele hinge heita. Teistele «Kevade» tegelastele on «Suves» võrdlemisi vähe tähelepanu pühendatud. Arno Tali on ikka endiseks nukrameelseks unistajaks jäänud. Ainuke sõber on talle ta viiul, millel ta kurbi viise mängib ja sealjuures oma kannatusrikka saatuse üle mõtiskleb. «Nagu näed, ei teinud minu iseloom mingit ootamatut hüpet, vaid kordus sama laulu refrään, mille toone mäletan veel koolipõlvest,» pihib Arno oma armastatud neiule. Heatahtlikult muigab kirjanik Tõnissoni üle, kes vahepeal taluperemeheks on saanud ja ühes sellega natuke ihnsaks muutunud. Toreda huumoriga on antud	остается в стороне от поднимающегося революционного движения. Он не принимает участия в собраниях, сторонится споров на животрепещущие политические темы. Ему больше по душе спокойно наблюдать жизнь со стороны и накапливать впечатления. В 1905 году Лутс все же участвует в стачке аптекарских служащих, требовавших сокращения рабочего дня, и его увольняют с работы. Но вскоре Лутс снова возвращается в «латинскую кухню», на этот раз в Нарве, где ему удается добиться более благоприятных условий работы. В свободное время он много читает, посещает театр, пробует свои силы в литературном творчестве. Сдав в 1907 году при университете экзамен на помощника фармацевта, Лутс работает в аптеках Таллина, а затем, после военной службы, в Петербурге. В 1911 году Лутс — студент фармацевтического факультета Тартуского университета. Но тут для него все больше начинают выступать на передний план литературные интересы, внезапно — как только появляется в печати первая часть «Весны» — приходит к писателю слава, и фармация предается забвению. В 1914 году Лутса призывают в армию в качестве фармацевта. После окончания первой мировой войны он некоторое время работает в университетской библиотеке (1919—1921), а затем, окончательно поселившись в Тарту, становится на путь профессиональной литературной деятельности. В 1945 году О. Лутсу было присвоено звание народного писателя Эстонской ССР. Писатель умер 23 марта 1963 года и похоронен в Тарту. *** Как уже говорилось выше, первые литературные опыты Лутса относятся еще к школьным годам. В печати он выступил впервые в 1907 году со своим стихотворением «Жизнь». Но убедившись вскоре, что поэтического таланта у него нет, он навсегда отказался от писания стихов и посвятил себя прозе, найдя таким образом уже в ранней молодости свое настоящее призвание. Еще до выхода в свет «Весны», принесшей Лутсу славу писателя и широкую известность, он публикует в периодической печати под псевдонимом фельетоны и миниатюры, успешно пробует свои силы и в драматургии. «Весну» Лутс начал писать осенью 1907 года. «Однажды поздно вечером, — пишет он, вспоминая творческую историю своего первого крупного

episood, kus Toots Lesta raamatu jaoks Tõnissonilt 100 rubla välja kaupleb ja viimane selle suure vaevaga kuskilt oma ihukatete alt päevavalgele toob.

Ühenduses Lesta raamatu looga on Luts võrdlemisi teravalt ja tabavalt kritiseerinud meie tolleaegseid kirjandus- ja kirjastusolusid. Ta näitab, kui viletsalt käib kodanlikus ühiskonnas kirjamehe käsi. Kirjanik töötab raamatu kallal aastate ja aastakümnete kaupa, saades tasuks tihti ainult viletsust ja kannatust. Sealsamas aga ehitavad kirjastajad ja raamatukaupmehed endale võõra töö ja vaevaga uhkeid maju. Kapitalistlikus ühiskonnas on tavaline, et igast ettevõttest peaosa alati neile läheb, kes sealjuures kõige vähem vaeva näevad. Lesta käigud ajalehetoimetustesse raamatukaupmeeste ja tolle aja nimekate kirjanike juurde iseloomutavad hästi neid raskusi, mida tuli võita noorel algajal kirjanikul, enne kui ta oma raamatut lõpuks trükituna võis näha.

Teisal naeruvääristab Luts kodanlikku Tartut, kus eesti keelt sallitakse ainult paratamatu pahena — see on siin võõraslaps, «keda puid ja vett lastakse kanda, et oma lapsele kohvi keeta». Need aga, kes peaksid sammuma ees ja «valgustama teed» — mõeldud on kodanlikku intelligentsi, eeskätt nn. nooreestlasi —, «need teevad naljakaid hüppeid mingisuguse otsitava aristokratismi poole». Vahel saavad nad sellest otsitavast aristokratismist hammastega kinni, kõlguvad tükk aega maa ja taeva vahel ning langevad siis alla tagasi, «tükk aristokratismi irvitades orjalõugades». Samasuguse terava hukkamõistmisega räägib kirjanik ka eesti teatrielust, kus näitelaval jalutab ringi «mingisugune jeekim ... mingisugune monokliga valustatud pastlamees». Luts ei ole rahul tolleaegses eesti kunstis ja kirjanduses valitsevate antidemokraatlike suundadega. Ta seisab rahvaliku, realistliku kunsti positsioonil.

Lutsu erakordsest andest tüüpide loomisel kõnelevad mõned «Suve» episoodilised tegelased, keda kirjanik paari üksiku joonega elavalt lugeja silmade ette suudab tuua. Sellised on näiteks Vanapagan, apteeker, neiu Ärnja jt.

Sabrakute suguvõsa viimses liikmes, keda kohapealne rahvas Vanapaganaks nimetab, on Luts jäädvustanud liigkasuvõtja tüüpilise kuju. See punase näo ja nüri habemega ihnuskoi, kelle ainus silm paksu kulmupuhma alt teraselt

произведения, — лежа в своем чрезвычайно оригинально обставленном «кабинете» и размышляя обо всем, что видел в мире, я невольно набрел на курьезную мысль, которая сначала заставила меня только усмехнуться. А что если бы я... взял да записал, хотя бы для самого себя, кое-какие историйки из своих школьных воспоминаний? Прямо как живые встают у меня перед глазами все эти Тоотсы и Тээле, Арно и Имелики... вся эта пестрая ватага ребят из приходского училища. Они сами просятся на бумагу».

Какие литературные образцы и стимулы могли при этом оказать свое влияние на писателя, — выяснено еще недостаточно полно. Сам Лутс говорил о том, что чтение произведений П. Розеггера, а также Гоголя побудило его написать о школьной жизни, помогло увидеть характерные явления этого своеобразного мирка. Упоминались также «Детство Темы» и «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского, пользовавшиеся довольно большой популярностью в Эстонии в начале текущего столетия. Но несомненно, что прежде всего сам материал побудил Лутса, любившего рисовать взятые из реальной действительности картины жизни, испытать свои силы в создании именно такого произведения.

В первоначальном варианте первая часть «Весны» была написана уже к концу 1908 года. В начале 1909 года Лутса призывают на военную службу, он служит сперва в Польше, затем в Петербурге, но не оставляет своей заветной рукописи. Его волнует обилие материала, он работает с большим воодушевлением, «Еще совсем недавно я не знал, куда девать свой досуг, а теперь мне просто страшно делается, что времени не хватит, — пишет Лутс в своих «Воспоминаниях». — Встаю утром... так часика в четыре, сажусь за большой стол, закуриваю папиросу и принимаюсь за работу». Это привлекает внимание его чересчур ретивого начальства, которое начинает подозревать, что Лутс замышляет нечто антигосударственное. Командир не успокаивается, пока ему не переводят рукопись на русский язык, и он убеждается, что в ней нет ни единого слова о «политике». Лутсу разрешили продолжать работу, но все эти передряги с рукописью отбили у него всякую охоту писать.

Только освободившись от военной службы и возвратясь в Тарту, Лутс начинает подумывать об издании «Весны». Какой-то знакомый, которому повесть понравилась, берет па себя труд переписать ее, и теперь Лутс может отправляться с нею к издателям. Но, к его великому разочарованию, ему везде отвечают «нет». Никто не хочет рисковать, издавая на первый взгляд незамысловатое и в то же время довольно своеобразное произведение молодого

	võõrast jälgib, jääb meelde mitte ainult kui huvitav inimtüüp, vaid kui kindla ühiskondliku nähtuse esindaja. «Suve» tuleb hinnata kui suurepärast humoristlikku jutustust. Nagu soe suvine päike saadab autori naeratav pilk jutustuse tegelasi igas nende teos ja toimetuses. Tootsi vempude ja Kiire äparduste koomikale lisanduvad Lutsu ülemeelikud mõttekäigud ja sõnadega kukerpallitamised, mis «Suvele» ta omapärase võlu ja värvingu annavad ja selle lugemise nauditavaks teevad.	неизвестного автора. К счастью, Лутса это не обескураживает. Он берет денег взаймы и печатает книгу на свой счет, тиражом 2100 экземпляров. Она поступает в продажу в ноябре 1912 года. И тут оказывается, что эта внешне скромная серая книжечка с желтым цветком калужницы на обложке, книжечка, которую вначале никто не хотел издавать, в действительности обладает достоинствами, вскоре сделавшими ее исключительно популярной среди широких масс читателей. Только в канун рождественских праздников в одной из тартуских книжных лавок было продано 200 экземпляров «Весны». Рассказывают, что управляющий торговлей, придя в восторг от такого большого спроса на книжку, в честь ее назвал своего щенка Тоотсом. Вторую часть повести Лутс еще дополняет, дорабатывает, и читатель получает возможность ознакомиться с ней в конце 1913 года. Критики отнеслись к «Весне» в общем благожелательно, но нашлись и такие, которые сочли повесть местами слишком гротескной и неэстетичной. Высоко оценили творчество молодого Лутса демократические критики и писатели. Эдуард Вильде в одном из писем, относящихся к 1914 году, имея в виду «Весну», называет Лутса крупным талантом и как достоинство отмечает его склонность к юмору и сатире. В то же время Вильде с сожалением замечает, что именно этих черт не умеют ценить наши критики, «...особенно те, которые сами вовсе их лишены; они считают такие произведения неполноценными, видят в них лишь пустое зубоскальство...» Но лутсовский юмор умели ценить читатели, любящие хорошую шутку. Его произведения казались куском жизни, увиденной через восприятие писателя, с его своеобразным складом ума и эмоциональным строем. Такой и поныне осталась для эстонского читателя «Весна», одна из наиболее дорогих ему книг. Перешагнув через языковые границы, она завоевала признание и в более широком масштабе. Написанные одновременно с «Весной» реалистические пьесы («Паунвере», 1913, «Кочан капусты», 1913, и др.) благодаря их сочному народному языку и живому диалогу также имели успех, — они ставились на сцене многих эстонских театров. Это настолько укрепило у Лутса веру в себя, в свои литературные способности, что он оставляет учебу на фармацевтическом факультете Тартуского университета и работу в аптеке и становится профессиональным писателем. По-видимому, влияние модных литературных течений, критика, которой подверглись первые произведения писателя, а также его собственное тяготение

		к романтике явились причиной того, что он тоже пробует писать в романтико-символистском духе. За короткое время Лутс создает повесть «В писании сказано...» (1914; позднейший заголовок — «Болото»), в которой реалистическое изображение людей и событий переплетается с романтико-символистским. Склонность к символизму заметна и в пьесах, написанных в этот период («Заброшенный дом», 1914, и др). Начавшаяся первая мировая война прервала литературную деятельность Лутса — он был призван в армию как фармацевт. Когда для Лутса открывается возможность снова посвятить себя литературе, его творческая работа идет как бы в двух планах. Он пишет одну за другой три новеллы в форме писем, проникнутые грустным настроением («Письма к Марии», 1919, «Караван», 1920, «Харальд действует», 1921); главная тема их — трагедия несчастливых браков. К этим новеллам, написанным в импрессионистско-романтическом духе, примыкает несколько символических пьес-сказок («Болотный огонек», 1918, «Синий ручей», 1919). Наряду с этим Лутс не перестает ощущать в себе склонность и способность к правдивому изображению жизни. Повесть «Лето» как раз и явилась тем произведением, в котором писатель снова проявляет себя как реалист и в полной мере осознает свое подлинное призвание. В дальнейшем Лутс выступает уже как последовательный реалист и некоторый романтический оттенок сохраняется лишь в общем настроении его произведений. Мысль написать продолжение «Весны» появилась у Лутса еще во время создания этой повести. Он даже говорит об этом в своем обращении к читателю в конце второй части «Весны»: «А если, бог даст, буду жив и здоров, мы, возможно, услышим и о дальнейшей судьбе наших юных друзей». Война заставила его на некоторое время отложить осуществление этих планов. Но когда Лутс, находясь в армии, попадает на довольно продолжительное время в Витебск, он решает начать работу над продолжением «Весны» и рассказать читателю о новых событиях в жизни ее героев. В конце 1916 — начале 1917 года, параллельно с «Письмами к Марии», он пишет книгу, которую сперва намеревается опубликовать как третью часть «Весны». Она выходит из печати лишь в конце 1918 года, но под другим названием — «Лето», часть I. Так же как это было с «Весной», написанное не умещается в первую часть, и писатель, возвратившийся к тому времени на родину, продолжает работать над рукописью. Вторая часть «Лета» выходит в конце 1919 года. В течение

		короткого времени (1919—1922) «Весна» и «Лето» издаются еще дважды и становятся наиболее популярными книгами тех лет. Отчасти из собственных творческих побуждений, отчасти под влиянием успеха «Весны» и «Лета» и уступая требованиям читателей, Лутс продолжает эту же серию произведений. Он пишет «Свадьбу Тоотса» (1921) и «Будни» (1924), не достигая в них, однако, той живости и компактности изложения, как в первых двух книгах. Если «Свадьба Тоотса» (с подзаголовком «Картинки недавнего прошлого») еще являлась логическим и в какой-то мере необходимым продолжением «Лета» и давала автору возможность описать события, связанные с женитьбой Тоотса на раяской Тээле, то повесть «Будни» («Паунвереские картинки») оказалась просто данью, которую автор отдал нетерпеливому читательскому желанию узнать, «что же с ними было дальше». В предисловии к «Будням» Лутс говорит о своих трудностях. Он считает, что писать «Осень» и «Зиму» ему еще рановато, поэтому он и решил, чтобы «взять разгон», «порассказать о буднях знакомых нам героев и в деревне, и в городе», поскольку, по мнению автора, достаточно они уже и веселились, и на свадьбах пировали, и в так называемой любовной тоске терзались. Однако тут же добавляет: «Разумеется, нетрудно понять, что все сказанное мною выше — лишь весьма прозрачная маскировка того, насколько трудно мне сдвинуть повествование с мертвой точки. Но все же что-то сказать я должен». В повести Лутс описывает будни молодой пары после свадьбы. Несмотря на отдельные интересные эпизоды и в общем складное изложение, книга производит впечатление некоторой расплывчатости. Все больше выступают на первый план мемуарный и фельетонный элементы. Можно восхищаться присущей Лутсу легкостью письма, его умением наблюдать жизнь и передавать читателю свои впечатления, но зачастую это кажется просто «рассказом ради рассказа», легковесным, лишенным серьезного содержания. Художественно ценного продолжения этой серии книг так и не было создано. После длительного перерыва, в 1938 году, выходит повесть «Осень» («Продолжение историй про Тоотса»). Содержание ее сосредоточено главным образом вокруг Георга Аадниэля Кийра; о Йоозепе Тоотсе мы узнаем мало. Приключения Кийра в связи с покупкой хутора, его бездетное супружество и появление ребенка от свояченицы дают автору повод высмеять трусливого и упрямого портняжку; но рассказ зачастую напоминает пословатые деревенские

		пересуды, в нем преобладают грубо комические сцены. Слабая в художественном отношении, повесть не переиздавалась. В 1942–1943 годах в тартуской газете «Постимеэс» («Почтальон») были опубликованы «Еще несколько картинок к «Весне» и главы из второй части «Осени». Полностью вторая часть «Осени» издана не была. Вышедшая в 1923 году повесть «Жизнь Андреса» знаменует собой окончательное обращение Лутса к реалистической разработке близкой ему темы «маленьких людей»; здесь его писательское перо обретает наибольшую свободу, его творчество достигает наивысшей художественной силы. Бедные городские окраины со своими горестями, пороками и нищетой, всевозможные «задворки» и «тихие уголки» со своей красочной галереей типов, все эти ученики мастеровых, мелкие чиновники, пьяницы-ремесленники и им подобные отныне становятся излюбленными персонажами произведений Лутса. Один из его любимых героев, к которому Лутс относится с наибольшей теплотой, — это честный, трудолюбивый, немного грустный юноша, в душе которого живет мечта о лучшей, более светлой жизни, но который не может найти счастье в среде, где царят ложь, лицемерие, фальшь, жажда наживы. Писатель показывает, как жестокая буржуазная действительность разрушает надежды молодых тружеников на получение образования и лучшее будущее. Лишь благодаря исключительной стойкости и твердости характера герои Лутса не дают затоптать себя в грязь и ценой неимоверных усилий завоевывают себе скромное место в жизни (повести «Ученик Вальтер», 1927, «Юность Вяйно Лехтметса», 1935, и т. д.). Не остаются вне поля зрения писателя и те, кто являются виновниками жалкого, бесправного существования тысяч и тысяч простых людей, подобных Андресу, Вальтеру и Вяйно. Лутс показывает капиталистическое общество и капиталистов такими, каковы они есть в действительности, срывая с них маски и сусальное золото. Он изображает распад буржуазной семьи («Банкрот», 1929); он заглядывает на самые глухие задворки, где из каждого угла смотрит нищета и горе, где кричат голодные дети, дерутся пьяницы; и в то же время писатель показывает, что даже в этих обездоленных людях, утративших всякую надежду на лучшую жизнь, сохранилось больше человеческого достоинства и благородных чувств, чем в «почтенных бюргерах», разглагольствующих о справедливости и любви к ближнему и прячущих под личной благопристойности свою гнусную сущность («На задворках», 1933). Хотя и

		здесь писатель никого прямо не обвиняет, не пытается морализировать или прямо указывать пальцем на отрицательные явления, в повести «На задворках» критика эксплуататорского общества значительно резче, чем в других повестях Лутса. Социальные вопросы затрагиваются также в повести «Тихий уголок» (1934), где писатель возвышает свой голос против поднимающего голову фашизма. Человеческий документ большой познавательной ценности представляет собой тринадцатитомная серия «Воспоминаний» (1930—1941) Лутса, первые тома которой можно смело поставить в ряд с его лучшими повестями. В последние годы жизни писатель с интересом следил за гигантским размахом социалистического строительства в Советской стране. Глубоко интересовала его тема социалистического переустройства деревни. У него было намерение написать роман из колхозной жизни, он уже собирал материалы, проводил подготовительную работу; довести ее до конца помешало ухудшение в состоянии здоровья писателя. В Советской Эстонии произведения Лутса переиздавались много раз, их переводят на русский язык и языки других братских народов Советского Союза, Повесть «Весна» издавалась на русском, украинском, латышском, литовском, армянском, а также на чешском, словацком, венгерском, польском и финском языках. В репертуаре эстонских театров неизменно сохраняются и привлекают интерес многочисленных зрителей инсценировки «историй про Тоотса» и других его повестей. В 1956 году Таллинская киностудия поставила художественный фильм по мотивам повести «На задворках». Большой успех имели снятые на студии «Таллинфильм» экранизации «историй про Тоотса» («Весна», 1969, «Лето», 1996). Еще при жизни писателя было начато издание одиннадцатитомного собрания его избранных произведений (1952—1967), в предисловии к которому Лутс писал: «Хотя мои сочинения далеко не достигают уровня образцов литературного мастерства, все же я могу оглянуться на свою прошлую литературную деятельность с чувством удовлетворения: я внес в закрома эстонской литературы вклад, который, может быть, сохранится и после меня и будет помогать строить для наших потомков еще более светлое будущее». Хельдур Нийт

	FOREWORD Oh, how many times have I been asked since the first publication of "Spring": Did such characters as Joosep Toots, Arno Tali, Raja Teele, Georg Adniel Kiir, Tõnisson, and others really exist and act once? Are they still alive? Where are they now? And then, with a significant wink: Surely, you were Toots yourself? Surely, you were Arno Tali? Surely, you were this or that character? - The only suspicion I have yet to face is that I was the then-Palamuse provost Sielmann, the sacristan Lender, or the bell-ringer Lible. But indeed, it is true that every described character, whether in this or other works, is "taken" from somewhere; each character has some real-life inspiration behind it. How the writer shapes this or that type is already a matter of their creative process. After all, a writer is not a photographer who reproduces everything exactly as captured by their apparatus. Let it be remembered that not all the stories described in fiction must have happened exactly as written, but they should be plausible, as they could have happened in reality. So what if some "blows" fall on poor Joosep Toots, some of which he had no idea about? Who are the people who inspired my "Spring" characters now? - One is here, another there, some are no longer among the living. Think of the great wars that separate my Paunvere school days from the present time! In 1905, during the clerks' and pharmacists' strike in Tartu, I was given plenty of free time - I was sent away from the Kivisilla pharmacy. I moved to the countryside, near Rakke railway station, where my parents had a small farm. And it was there that the former students of Paunvere parish school almost demanded: write about us, tell our stories, you saw us, you knew us! And they didn't leave me alone until they got me fired up. There, in that dimly lit attic, I began writing my scenes from school life... at least to do something. However, at the time, I never thought that these writings would ever be published or that they could become a book. This idea only came years later,	Author’s Foreword Oh, how many times since "Spring" was first published, I've heard these questions: "Were there Jüri Toots, Arna Talu, the Teale, Georg Aadniel Kiir, Tynisson, and others in the world? Are they still alive? Where are they now?" Following these questions, with a meaningful wink, people usually added, "Surely, Toots - that's you, right? Surely, Arna Talu - that's you? Surely, so-and-so character from the story - that's you?" The only thing no one has suspected me of so far is being the parish priest from Palamuse at that time, Zilman, or the sexton Lender, or the bell-ringer Liible. The truth is that every character, portrayed in this or any other literary work, is always "taken" from somewhere; any character depicted by a writer to some extent has a prototype. How a writer creates one type or another is already a question of his creative process. After all, a writer is not a photographer who accurately captures what his camera records. It must not be forgotten that there is no need for events in a literary work to be described exactly as they happened in reality, but they must be trustworthy as if they could have happened in real life. Does it matter if poor Joosep Toots is attributed with deeds he had no idea about? Where are those people who served as prototypes for my "Spring" now? One here, another there, and some are no longer alive at all. Just think about the wars separating our times from those of the old days when I studied at Paunvere Parish School! In 1905, during the strike of pharmacy employees in Tartu, I was also provided with unlimited leisure time as I was dismissed from work at the pharmacy near the Stone Bridge. I moved to the village and settled near the Rakke railway station; my parents had a small homestead there. It was right there that former students of the Paunvere parish school practically besieged me: write about us, tell about our life, you've seen us, you know us! They didn't leave me alone until I myself became enthusiastic about this idea. We had a dimly lit room at the homestead, and here, to do something at least, I started writing my pictures from school life... But at that time, it didn't even occur to me that my writings would ever see the light of day that a book could emerge built on these

	after I had wandered around for quite a while and seen both good and bad days. In the meantime, while working as a pharmacist in Narva and again in Tartu, "Spring" and its characters were completely forgotten. Only in 1908, while working in Tallinn, did I start browsing through the already crumpled and faded pages again. At the same time, I wrote a bit more. But still, I had no clear goal or plan for my writing. And I don't even remember if I read any of it to anyone. I only remember that I was always quite embarrassed to admit that I, too, was engaged in writing. There came a time when I was crowned with the "king's hat" and had to serve the Russian Tsar. Even then, I took my "Spring" with me and continued writing little by little. Once, I was even suspected of writing something anti-state... But I've already told this in my memoirs - no need to repeat the same thing. In 1912, I returned to my beloved Tartu, read through my worn-out manuscript, and then, only then, did the idea come to me that it could be published. But who would publish it? I made fruitless attempts at publishing houses - no one wanted my little scenes. "No, no, it won't work," was the same answer everywhere. Then I got angry, borrowed money from wherever I could, and had "Spring" published at my own expense and risk. The terms offered by the "Postimees" printing house at the time were very unfavorable, but I had no other choice. Let it be! And see, in a couple of months, I was already out of debt. The little book was received very favorably by both critics and the reading public, and soon I was not only a publisher but also a writer. And now, when I sometimes look back and compare the past with the present, I see how different they are. The Paunvere parish school... Only children from relatively well-off families could attend, while the poor, the children of	pictures. This thought only occurred to me a few years later, after I had traveled quite a bit around the world, and experienced both joy and sorrow. Later, when I worked as a pharmacist in Narva, then again in Tartu, "Spring" with all its characters was completely forgotten. Only in 1908, while serving in Tallinn, did I start leafing through the yellowed, crumpled pages again. At the same time, I gradually continued writing. But even then, my literary work had no specific goal or plan. I don't even remember if I read any excerpts from this work to anyone. I only remember one thing: I always felt very awkward admitting that I had any connection... to literature. Then came the time when I was "fitted with a tsarist hat," and I had to go and serve to the Russian emperor. I took "Spring" with me even for military service and continued writing bits and pieces. Once I even fell under suspicion; maybe was I planning something anti-governmental... I've already told about this in my memoirs - there's no need to repeat the same thing here. In 1912, I returned to my beloved Tartu, read through my long-hand manuscript, and only then for the first time I thought that it could be published. But who would take it upon themselves to publish it? I visited several publishers, but unsuccessfully; no one needed my "pictures." "No... no... won't do," was the same answer everywhere. I got angry, borrowed money wherever I could, and released the first part of "Spring," so to speak, at my own risk. The *Postimees* printing house at the time set very tough conditions, but I had no other choice. It was now or never! And what happened? In two to three months, I covered all my expenses. Both critics and readers perceived my booklet very favorably: that's how I soon became not only a publisher but also a writer. Now, when I sometimes look back and compare the past with the present, I see what a difference there is between those times and today. Take, for example, the same parish school in Paunvere... Only children from relatively wealthy families attended it, and the children of the poor peasants and laborers had only the rural school. The tuition fee was not so high, it seems, about six rubles a year, but who would be watching over the poor kids' cattle? In the fall, when classes began at the parish school, the children of the poor still had to work as

	servants, had to make do with village schools. The tuition wasn't high - probably six rubles a year - but who would go herding cattle for the poor children? In the autumn, when the parish school started its activities, the poor children couldn't leave the cattle, and in the spring, the school was still in session when the herding season began. Only a few poor children managed to get into the parish school, and most of them were from craftsmen's families. Now? Everyone knows the present time unless they are deaf or blind. - Free school, ample learning opportunities, scholarships - let everyone get an education and enlightenment if they have the will. I remember something else. No matter how things were, the camaraderie among the students back then was good and friendly. Our common enemy, the Paunvere German school right next to us, probably helped with that. Even some grumblers - there were some - joined others when the whole parish school community was threatened. Oh, those friendly brawls with sticks and stones we often had with the sons of the gentlemen! Now, of course, it's just a piece of history to us, but so what? History teaches us to properly appreciate the present conditions. Tartu, January 1949. O. LUTS Afterword (SUMMER: Pictures from Youth) After gaining overnight fame and popularity with humorous school memories and realistic plays that criticize the negative aspects of village life, Luts decides to become a professional writer. In 1913, he resigned from his position at the pharmacy to fully dedicate himself to creative work. New and varied characters vividly come to life before his eyes, demanding to be shaped into literary form. During these years, in his creative quest, young Luts temporarily falls under the influence of neo-romantic literature. Shortly after completing "Spring," he wrote the story "Colored ..." (1914; later titled "Swamp"), which, despite its generally realistic foundation, is interwoven	shepherds, and in the spring the school was still open, but the little shepherds already had to show up for work. If occasionally a poor kid made it to the parish school, he was most often from a family of artisans. And now? What's the situation now? Everyone who has eyes and ears knows it. Free access to school, unlimited opportunities for education, scholarships, just go, study, get an education, and join the ranks of knowledgeable people. And one more thing comes to mind. Be that as it may, back then, schoolchildren treated each other well, like comrades. It's quite possible that our common enemy, the Paunvere German school, located right nearby, contributed to this. Even grumblers - and there were such - joined forces with their comrades if the students of the parish school faced a common "danger." Oh, those "friendly negotiations" with stones and sticks, how often we had them with the young barons! Now all this, of course, is only a piece of history, but what of it? After all, history also teaches us to value the present. Tartu, January 1949. O. Luts Afterword SUMMER: Pictures from Youth: Published from the 1986 edition, Tallinn, "Periodika". The works of the People's Writer of the Estonian SSR, Oskar Luts (1887–1953), especially his talented novella “Spring”, full of light and cheerful humor, published in Russian eight times, has gained wide popularity among readers. “Spring” opens the humorous series of the writer's works known as the "Toots’ stories." Besides “Spring” and “Summer”, the latter being published in this book for the fourth time in

	with many symbolist-romantic elements. The influence of symbolist literature is also evident in several plays Luts wrote during this period. The struggle between realistic and anti-realistic tendencies in Luts's work continues for several years until the author finally reaches the subject matter and style with the novella "Andres's Life Journey" (1923), which brings him the greatest artistic power and ideological maturity, depicting the grim fate of small people in a capitalist society. It should be noted that Luts's departure from a realistic approach and his engagement with an anti-democratic direction was generally partial and temporary. Alongside his experiments under the influence of neo-romantic literature, he continued to write realistic stories, advancing along the path begun with "Spring," "Paunvere," and "Cabbagehead." When the First World War breaks out in the summer of 1914, Luts is mobilized into the army as a pharmacist. Despite significantly disrupted creative efforts, he continues his literary activity. He writes some symbolist fairy-tale plays ("The Blue Spring," "The Little Man of the Marsh"), starts writing the epistolary confession novella "Letters to Maria," but also feels the need to return to the style so suited to his natural inclinations, like "Spring." He plans to write a sequel to "Spring" to narrate the new "deeds" of Tootsi and his companions to the readers. By the end of 1915, this idea had taken a definite shape, and work began, but it was only a year later that the author could engage in more intensive writing. The manuscript was completed in late 1916 and early 1917 in Vitebsk, initially intended to be titled "Spring III." With the changed title "Summer," the story reaches readers at the end of 1918, followed a year later by "Summer II." The subtitle of "Summer," "Pictures from Youth," aptly characterizes the nature of the story. In "Summer," the author presents a series of humorous scenes from the youth of characters familiar to readers from "Spring," without feeling the need or necessity for a more central and serious problem. As in "Spring," "Summer" captivates readers primarily with the author's masterful storytelling, interesting characters, and sparkling humor. The author focuses on vividly painting the characters and the comical events associated with them, while the depiction of the socio-economic background is relatively	Russian, this series includes “Toots’ Wedding”, “Weekdays”, and “Autumn”. These novels, especially “Spring” and “Summer”, have remained Estonia's favorite books for youth and adults for decades. Luts, with his exceptional gift for storytelling, a natural ease of narration, and a sharp sense of humor, was cherished by readers for his wit, entertaining plots, and engaging stories. However, humor is only one aspect of Luts' creativity. It serves as a contrasting nuance that accentuates the melancholy elements of his works. Indeed, Luts' most artistically valuable pieces are imbued with a unique sad undertone, a minor key, making his works emotionally impactful and charming. This intertwining of serious and cheerful elements is particularly evident in his most popular novella, “Spring”, where, alongside Toots' mischievous antics, the author delves into the inner world of the dreamy and melancholic Arno Tali. Luts often depicted romantic youths like Arno, with a vague yearning for happiness, struggling to reconcile with the realities of life. These characters frequently appear in his stories and form one of Luts' favorite literary types. The writer’s fascination with their souls' struggles compelled him to repeatedly return to these themes. “Spring” also reveals another characteristic trait of Luts' writing—its “memoir-like” quality. Lived and observed experiences are closely intertwined with artistic fiction. Just as *Spring* is based on the author’s memories of his school years, other works by Luts also feature significant elements drawn from real life. Luts expressed his creative credo with the following words: “A person must remain and create in the environment they know. I will never write about things that are unfamiliar to me.” As a comic writer, Luts was primarily interested in people as characters, with all their virtues and flaws. He meticulously and faithfully depicted the world he knew and the people he encountered, allowing readers to draw broader and more profound generalizations themselves. The themes of most of Luts’ novellas are drawn from the lives of the urban petty bourgeoisie. The writer was particularly drawn to the so-called “little people,” the stepchildren of life, to whom he gave his full sympathy and love. “Their concerns and small joys were close to me because I, both in my youth and later in life, knew and experienced them; in my works, I only captured these phenomena of life in literary form,” Luts wrote. With great warmth and compassion, he narrated the stories of ordinary people and their struggles in a society dominated by the cruel power of money. He described their battle with life’s difficulties and their courage in

	sparse. Occasionally, however, the author becomes momentarily serious and drops relatively caustic remarks about the wrongs of bourgeois society. The action of "Summer" takes place about ten years after "Spring." During this time, much has happened in Paunvere. The village's appearance has changed, with new houses built and new "officials" emerging, all reflecting the capitalist development of the village. The characters from "Spring," whose school adventures the reader enjoyed, are now adults. Toots traveled to Russia and learned to be an estate manager, Arno Tali attended university, Tõnisson became a merchant sailor, Lible married Mari from Saare, while Jorh Aadniel Kiir's life had not seen significant changes—he diligently followed in his father's footsteps. The main character of "Summer" is Joosep Toots. This cheerful prankster remains much like the reader knew him from "Spring." His round owl-like eyes still look with the same restlessness, suggesting his spirit remains ready for new pranks. And indeed, new pranks arise when Toots meets his "dear schoolmate" Kiir again, subjecting him to several new "cold showers" to settle old and new scores. On the other hand, years have also made Toots more serious and balanced. Returning home, Toots decides to restore his family farm, drain the marshes, expand the fields, increase the herd, and thus set an exemplary farm for others in the village. He has learned a lot in Russia and plans to use it profitably at home. The problem is only with money, which the "manager" tends to lack. From the loan institution, where Toots goes to "get a lot and distribute generously," he receives not a penny. He lacks influential guarantors. At the greatest moment of distress, an unexpected solution comes. The author allows the wealthy Raja farm daughter Teele to propose to Toots, humorously depicting this as the successful finale of Toots's latest serious "transaction." Secretly, Toots had hoped for Raja's daughter, but the rapid development of events in his favor comes as a surprise even to him. Portraying Toots as an enterprising and active man who has found a positive outlet for his overflowing energy, the author simultaneously retains his pranks, which sometimes seem at odds with his age. These would fit well with "Spring's" Toots but seem less credible in "Summer." For instance, the nighttime race from the chapel with Kiir feels inconsistent with his mature character. However, the story includes many exceptionally well-painted	overcoming obstacles. At the same time, Luts instilled in his readers a belief in a brighter and more beautiful future. This optimistic faith in the future and the deep humanism that permeates all of Luts' works have led the wider public to consider him a truly national writer—a writer for the people. *** The story of how the shoemaker's son from the village of Palamuse became a renowned writer is told in Luts' thirteen-volume series "Memoirs". At the beginning, we read: "Snowdrifts piled up high along the road and by the cottage walls... The evening sky blazed with a fiery glow, casting a crimson reflection on the snow... Into this harsh world, a new person was born." That person was the writer himself. He was born on January 7, 1887, in Tartu County, Palamuse parish (now Jõgeva County). Seeking to escape poverty, his father soon after his son's birth changed his profession from construction laborer to shoemaker and settled in the village of Palamuse. His workshop soon gained popularity among a wide range of clients—"from barons to farmhands." In early childhood, the writer's best friends were his grandmother, who knew many fairy tales, and his grandfather, with his humorous stories. Later, his father's workshop became a kind of life school for the boy, where he encountered all kinds of people. He was fascinated by their lives, their personalities, facial expressions, tones of voice, and speech, which he imitated with great skill. It was here that he developed his powers of observation, his ability to capture distinctive traits in people, their behavior, and conversations. He also remembered countless stories, vivid comparisons, and expressions he heard, which he would later use in his literary work. After spending a year at the village school, the short gray-eyed boy—reserved and modest but clever and quick-witted—entered Palamuse Parish School in 1895. Like any schoolboy, he was drawn to the romanticism of adventure, read adventure books, gained a reputation among his peers as a talented storyteller, and participated enthusiastically in all aspects of school life. His first literary attempts also date back to this period. In 1899, Luts was enrolled in Tartu's Secondary School of Real Studies. In the city, class distinctions were more pronounced than in the countryside, and Luts soon painfully realized what it meant to be a shoemaker's son and belong to the "lower

	humorous scenes and comical episodes that are genuine and believable, making "Summer" a good humorous story. "Summer's" great success is the character of Jorh Aadniel Kiir. By contrasting Kiir with the cheerful and enterprising Toots, the author provides an excellent portrait of a mean-spirited and inept son of a tailor. His torn-sleeved jacket, narrow-brimmed straw hat, patched boots, and walking stick speak of his desire to appear better and more refined than the rest of the villagers. This outward splendor cannot hide his inner emptiness, petty soul, and limited vision. As a petty bourgeois seeking gain from every step, Kiir sees the wealthy Raja farm daughter as a suitable companion. He clings to this idea with dull persistence, becoming comical and ridiculous in the process. Humorous and rich in comical situations, like the description of Kiir's jealousy, his speech when visiting the sexton, the unfortunate journey to Russia, and the humiliating visit to Toots to learn farming, these episodes allow the author to mock this "freckled devil," as Toots calls his rival. Kiir's character is depicted with exceptional consistency throughout the story. From one scene to another, Kiir's miserable character, unpleasant appearance, and habits are gradually revealed. With a few well-chosen details, the author provides a complete and memorable picture of Kiir. Luts uses his rich vocabulary and vivid comparisons to fully characterize and ridicule Kiir. Kiir squirms and fidgets, squeaks and buzzes, tiptoes around on his long, thin legs, has a habit of pulling his head into his shoulders when laughing, and snorts loudly when confused. Such direct authorial characterization is complemented by clever comparisons and images, often drawn from Kiir's immediate surroundings, so that the poor tailor is frequently poked with his own scissors and needles. For instance, Kiir's jealous heart is "like wool taken to the mill and put through the carding machine." The unfortunate groom would gladly "take the big scissors and cut out this period of his life." It's no longer a single needle occasionally pricking his heart, but a whole set of needles constantly "stabbing" and "stabbing" crosswise, like the collar of a coat. As a wretched little man, Kiir finds no favor in anyone's eyes. Only Julk-Jüri, who favored Kiir even in school, has a comforting word for him. Kiir proves that the sexton's teaching was not in vain by diligently attending church,	class of society." The class he joined was one of the weakest in the school, both academically and in terms of discipline. It is easy to imagine that many impressions from this time, along with memories of the parish school, later came to life on the pages of “Spring”. Despite his inclination toward literature, his studies progressed successfully, especially in the humanities. His Russian language and literature teacher, an admirer of Gogol, managed to instill in Luts a deep appreciation for Gogol, who became his favorite author. The young man also grew passionate about other world-famous satirists—Rabelais, Cervantes, Dickens, and Mark Twain—and eagerly read works by Turgenev, Tolstoy, Gorky, Kipling, and others. He developed a true passion for reading, which began to interfere with his studies, particularly in mathematics. The authors of math textbooks seemed to him almost like personal enemies. Unable to cope with the challenges and feeling repelled by the school’s barracks-like atmosphere, Luts left without completing the course. After passing an exam in Latin, Luts became an apprentice at a pharmacy. His new home was a room in his employer’s apartment, his neighbor was a drunken pharmacist, and his colleagues became his makeshift family. Working conditions in the pharmacy were extremely harsh, and the young man often had to spend fourteen hours a day on his feet. Occasionally, he spent his free time in a teahouse. Public matters seemed alien to him; he stayed away from the growing revolutionary movement, avoided gatherings, and refrained from engaging in heated political debates. Instead, he preferred to calmly observe life from the sidelines, quietly accumulating impressions. In 1905, Luts participated in a strike of pharmacy workers demanding shorter working hours, which led to his dismissal. However, he soon returned to the "Latin kitchen," this time in Narva, where he managed to secure better working conditions. In his free time, he read extensively, attended the theater, and began experimenting with literary writing. In 1907, after passing the pharmacist's assistant exam at the university, Luts worked in pharmacies in Tallinn and, following his military service, in St. Petersburg. In 1911, Luts became a student at the Faculty of Pharmacy at the University of Tartu. However, his literary interests gradually took precedence. Fame came unexpectedly when the first part of “Spring” was published, and pharmacy was abandoned for good. In 1914, Luts was drafted into the army as a pharmacist. After the First World War, he worked for a time at the university library (1919–1921) before settling permanently in Tartu and embarking on a career as a professional

	where he kneels and recites the Lord's Prayer loudly and comically, trying to convince God that his sins are not as bad as they might initially seem. With warm sympathy, the author portrays Lible in "Summer," who has finally reached the harbor of marriage after a long struggle. He also gives a gentle look into the soul of Raja Teele. The other characters from "Spring" receive relatively little attention in "Summer." Arno Tali remains the same melancholy dreamer. His only friend is his violin, on which he plays sad tunes while contemplating his suffering fate. "As you can see, my character did not take any unexpected leap but repeated the same song refrain, the tones of which I still remember from school days," Arno confides to his beloved. The author smiles benevolently at Tõnisson, who has become a farmer and, with it, a bit stingy. The humorous episode where Toots coaxes 100 rubles from Tõnisson for a book, and Tõnisson produces it with great difficulty from somewhere under his clothes, is wonderfully depicted. In connection with the book story, Luts sharply and aptly criticizes the literary and publishing conditions of his time. He shows how poorly writers fare in bourgeois society. A writer works on a book for years and decades, often rewarded only with poverty and suffering. Meanwhile, publishers and booksellers flaunt grand houses built on the labor of others. It is common in a capitalist society that the lion's share always goes to those who exert the least effort. Lesta's visits to newspaper offices, booksellers, and prominent writers of the time well illustrate the difficulties faced by a young novice writer before seeing the book printed. Luts is mocking the portrayal of the somewhat dull Tartu, where the Estonian language is only tolerated as a necessary evil—it's a "foreign child" who is "carried like wood and water" to brew coffee for others. However, those who should be leading and "illuminating the path"—referring to the bourgeois intelligentsia, particularly the so-called Young Estonians—"make ridiculous jumps towards some sought-after aristocratism." Sometimes they latch onto this sought-after aristocratism, dangle between heaven and earth for a while, and then fall back down, "mocking aristocratism with servile jaws." This	writer. In 1945, Oskar Luts was awarded the title of National Writer of the Estonian SSR. The writer passed away on March 23, 1953, and was buried in Tartu. --- As mentioned earlier, Luts' first attempts at literature date back to his school years. His first published work was a poem titled "Life" in 1907. However, realizing soon after that he lacked poetic talent, he abandoned poetry and turned to prose, discovering his true vocation at a young age. Before the release of "Spring", which brought him fame and widespread recognition, Luts published satirical pieces and vignettes under a pseudonym in periodicals and also experimented successfully with playwriting. Luts began writing "Spring" in the fall of 1907. "One late evening," he wrote, reflecting on the creative history of his first major work, "lying in my unusually furnished '" office" and pondering everything I had seen in the world, I stumbled upon a curious idea that at first made me smile. What if I… jotted down, even just for myself, some stories from my school memories? All those Toots' and Teeles, Arnos, and Imeliks… this colorful gang of parish school kids comes vividly to mind. They almost beg to be put on paper." The specific literary influences that may have inspired Luts during this process remain insufficiently studied. Luts himself mentioned that reading works by Peter Rosegger and Gogol motivated him to write about school life and helped him see the unique characteristics of that world. Other works mentioned include "Tema's Childhood" and "Gymnasium Students" by N. Garin-Mikhailovsky, which were quite popular in Estonia at the beginning of the 20th century. However, it is clear that the material itself, drawn from real life, motivated Luts, who loved depicting authentic scenes, to try his hand at creating such a work. The first draft of the initial part of "Spring" was completed by the end of 1908. In early 1909, Luts was drafted into military service, initially serving in Poland and later in St. Petersburg, but he never abandoned his cherished manuscript. The abundance of material excited him, and he worked with great enthusiasm. "Not long ago, I didn't know what to do with my free time, but now I'm almost scared that I won't have

	sharp condemnation is also extended to the Estonian theater scene, where "some kind of Yekim... some man with a monocle and slippers" wanders on stage. Luts is unhappy with the anti-democratic trends that dominated Estonian art and literature at the time. He stands firmly for a popular, realistic approach to art. Luts's unique gift for creating characters is shown in some of the episodic characters of Summer, whom he brings vividly to life with just a few strokes. These include characters like Vanapagan, the apothecary, and Miss Ärnja. Vanapagan, the last member of the Sabraku family, is a typical figure of a usurer. This miser with a red face and a dull beard, whose only eye peers sharply out from under a thick brow, remains memorable not only as an interesting human type but also as a representative of a particular societal phenomenon. Summer must be appreciated as an excellent humorous narrative. Just like the warm summer sun, the author's smiling gaze shines on the characters in their actions and affairs. The comedy of Toots' pranks and Kiir's mishaps is complemented by Luts's playful thoughts and wordplay, giving "Summer" its distinctive charm and color, making it a delightful read.	enough time," Luts wrote in his "Memoirs". "I get up in the morning... around four, sit at a large table, light a cigarette, and get to work." This attracted the attention of overly zealous superiors, who began to suspect Luts of harboring anti-state intentions. The commander insisted on having the manuscript translated into Russian to verify that it contained no political content. Once reassured, Luts was allowed to continue his work, but the ordeals surrounding the manuscript sapped his enthusiasm for writing. Only after being discharged from military service and returning to Tartu did Luts begin considering the publication of "Spring". An acquaintance, who liked the story, took on the task of copying it, which allowed Luts to approach publishers with his manuscript. However, to his great disappointment, he was met with refusals everywhere. No one wanted to take the risk of publishing what seemed, at first glance, to be a simple yet rather peculiar work by an unknown young author. Fortunately, this did not discourage Luts. He borrowed money and had the book printed at his own expense, with an initial run of 2,100 copies. The book went on sale in November 1912. It soon became clear that this modest gray book with a yellow marsh marigold on the cover—a book that no one initially wanted to publish—possessed qualities that quickly made it exceptionally popular among readers. Just before the Christmas holidays, 200 copies of "Spring" were sold in one Tartu bookstore alone. It is said that the shop manager, delighted by the book's high demand, named his puppy Toots in its honor. Luts continued to refine the second part of the story, which reached readers at the end of 1913. Critics were generally favorable toward "Spring", though some found the novella excessively grotesque or sometimes lacking aesthetic refinement. Democratic critics and writers praised the young Luts' work. In one of his letters from 1914, Eduard Vilde, referring to "Spring", described Luts as a major talent, highlighting his inclination toward humor and satire as a strength. At the same time, Vilde lamented that these traits were underappreciated by local critics, "...especially by those who completely lack them themselves; they consider such works inferior, seeing only hollow jesting in them..." However, readers who appreciated good humor valued Luts' wit. His works felt like slices of life, filtered through the unique mindset and emotional tone of the writer. For Estonian readers, "Spring" has remained one of their most cherished books. Having crossed language boundaries, it has also gained wider recognition beyond Estonia. Written alongside "Spring", Luts' realistic plays ("Paunvere", 1913; "A

		Cabbage Head", 1913, and others) also achieved success thanks to their rich vernacular language and lively dialogue. These plays were performed on the stages of many Estonian theaters, which bolstered Luts' confidence in his literary abilities. This ultimately led him to abandon his studies at the Faculty of Pharmacy at the University of Tartu and his work at the pharmacy, pursuing a career as a professional writer. It seems that the influence of contemporary literary trends, criticism of his earlier works, and Luts' leanings toward romanticism were the reasons why he began experimenting with romantic-symbolist writing. Within a short time, Luts wrote the novella "It Is Written..." (1914, later retitled "The Swamp"), in which realistic depictions of people and events are interwoven with romantic-symbolist elements. His inclination toward symbolism is also evident in plays written during this period ("The Abandoned House", 1914, and others). The outbreak of World War I interrupted Luts' literary activity, as he was drafted into the army as a pharmacist. When Luts was able to return to writing, his creative work unfolded on two levels. He produced three novellas in the form of letters, imbued with a melancholic tone ("Letters to Maria", 1919; "The Caravan", 1920; "Harald Takes Action", 1921), all centered around the tragedy of unhappy marriages. These novellas, written in an impressionistic-romantic style, are complemented by a number of symbolic fairy-tale plays ("The Marsh Light", 1918; "The Blue Creek", 1919). Alongside this, Luts never stopped feeling his inclination and ability to truthfully depict life. The novella "Summer" became the work in which the writer once again revealed himself as a realist and fully realized his true calling. From then on, Luts established himself as a consistent realist, with a slight romantic undertone preserved only in the general mood of his works. The idea of writing a sequel to "Spring" came to Luts while he was still working on the first novella. He even mentioned this in his address to readers at the end of the second part of "Spring": "And if God willing, I remain alive and healthy, we might hear about the future fate of our young friends." The war forced him to postpone these plans for some time. However, during his military service, when he was stationed for an extended period in Vitebsk, Luts decided to begin work on a continuation of "Spring" and narrate new events in the lives of its characters. Between late 1916 and early 1917, while simultaneously writing "Letters to Maria", he worked on a book he initially intended to publish as the third part of "Spring". It was not published until the end of 1918, under a different title—"Summer". As was the case with "Spring", the material did not fit

		into just one part, and Luts, who by that time had returned to his homeland, continued working on the manuscript. The second part of “Summer” was released at the end of 1919. Within a short period (1919–1922), “Spring” and “Summer” were reprinted twice more, becoming some of the most popular books of the time. Partly driven by his creative impulses and partly influenced by the success of “Spring” and “Summer”—as well as by the demands of his readers—Luts continued writing in the same series. He wrote “Toots’s Wedding” (1921) and “Weekdays” (1924), although these works did not achieve the same liveliness and conciseness of narrative as the first two books. While “Toots’ Wedding” (with the subtitle “Pictures of the Recent Past”) was a logical and somewhat necessary continuation of “Summer”, offering the author an opportunity to describe Toots’s marriage to Raja’s Teele, the novella “Weekdays” (“Paunvere Pictures”) turned out to be a mere concession to the impatient readers’ desire to know “what happened to them next.” In the preface to “Weekdays”, Luts spoke of his challenges. He admitted that writing “Autumn” and “Winter” was premature, so he decided, “to gain momentum,” to narrate the daily lives of familiar characters, both in the village and the city, as they had already experienced enough merriment, wedding feasts, and so-called romantic anguish. However, he also added, “Of course, it’s easy to see that all I’ve said above is a rather transparent disguise for how difficult it is for me to move the story forward. Yet, I must say something.” In “Weekdays”, Luts describes the daily life of the young couple after their wedding. Despite some interesting episodes and a generally coherent narrative, the book leaves an impression of vagueness. Memoir and feuilleton elements take center stage. While one can admire Luts’ natural ease of writing, his ability to observe life, and his skill in conveying his impressions to the reader, much of it often feels like “a story for the sake of storytelling,” lighthearted and lacking serious substance. A truly artistically valuable continuation of this series was never created. After a long hiatus, Luts published “Autumn” (“Further Stories about Toots”) in 1938. The content primarily revolves around Georg Aadniel Kiir, with little information about Jozep Toots. Kiir’s adventures involving the purchase of a farm, his childless marriage, and the birth of a child from his sister-in-law give the author a chance to mock the cowardly and stubborn tailor. However, the story often resembles overly detailed village gossip, dominated by crudely comedic scenes. Weak in literary value, the novella was never reprinted. In 1942–1943, “A Few More Pictures for Spring” and chapters from the second part of *Autumn* were published in the

		Tartu newspaper Postimees (The Postman). However, the second part of “Autumn” was never fully published. The novella “The Life of Andres”, published in 1923, marked Luts' definitive turn to the realistic exploration of his favored theme of the "little people." In this work, his writing achieved the greatest freedom, and his creativity reached its highest artistic power. Poor urban outskirts, with their sorrows, vices, and poverty, all kinds of "backyards" and "quiet corners" filled with a colorful gallery of characters—apprentices, minor clerks, drunken craftsmen, and others—became the beloved subjects of Luts' works. One of his favorite characters, treated with the greatest warmth, is the honest, hardworking, slightly melancholic young man who dreams of a better, brighter life but struggles to find happiness in a world ruled by lies, hypocrisy, greed, and deceit. The writer illustrates how the harsh realities of bourgeois society crush the hopes of young workers for education and a better future. Only through extraordinary resilience and strength of character do Luts' protagonists manage to avoid being trampled and carve out a modest place in life (“The Apprentice Walter”, 1927; “The Youth of Väino Lehtmets”, 1935, and others). Luts also sheds light on those responsible for the miserable, powerless existence of thousands of ordinary people like Andres, Walter, and Väino. He portrays capitalist society and capitalists as they truly are, stripping away their masks and gilded façades. He depicts the collapse of the bourgeois family (“Bankruptcy”, 1929), and explores the most impoverished backstreets where poverty and grief are omnipresent, where hungry children cry and drunkards brawl. Yet, even among these destitute individuals who have lost hope for a better life, Luts reveals more human dignity and noble feelings than in the "respectable burghers" who preach justice and love for their neighbors while concealing their vile natures behind a veneer of propriety (“Backyards”, 1933). Although Luts avoids direct accusations or moralizing, the critique of the exploitative society in “Backyards” is sharper than in his other works. Social issues are also addressed in the novella “Quiet Corner” (1934), where the writer raises his voice against the rising tide of fascism. Luts' thirteen-volume memoir series (1930–1941) represents a significant documentary achievement of great educational value, with its earlier volumes standing alongside his finest novellas. In the final years of his life, Luts followed with interest the sweeping socialist construction in the Soviet Union. He was deeply intrigued by the theme of socialist transformation in rural areas. He intended to write a novel about collective farm life

					and had already begun collecting materials and conducting preparatory work. Unfortunately, his deteriorating health prevented him from completing it. In Soviet Estonia, Luts' works were reprinted many times, and translated into Russian and the languages of other fraternal nations of the Soviet Union. The novella “Spring” was published in Russian, Ukrainian, Latvian, Lithuanian, and Armenian, as well as in Czech, Slovak, Hungarian, Polish, and Finnish. Stage adaptations of the "Toots stories" and other works consistently remained part of Estonian theater repertoires, attracting large audiences. In 1956, the Tallinn Film Studio produced a feature film based on “Backyards”. Great success followed with Tallinnfilm's adaptations of the "Toots stories" “Spring”, 1969; *Summer*, 1996). During Luts' lifetime, the publication of an eleven-volume collection of his selected works began (1952–1967). In its preface, Luts wrote: "Although my writings fall far short of the highest standards of literary mastery, I can still look back on my literary career with a sense of satisfaction. I have contributed to the treasury of Estonian literature, which may perhaps endure after me and help build an even brighter future for our descendants." Heldur Niit
17.	2000	Ümera jõel	Mait Metsanurk	Novels	На реке Юмера / On the Yumera river
	n/a				Аннотация Роман М. Метсанурка "На реке Юмере" повествует о сопротивлении древних эстонцев чужеземным завоевателям- немецким рыцарям. Действие романа охватывает короткий отрезок времени - от начального периода этой борьбы до битвы на реке Юмере в 1210 году, окончившейся победой эстонцев. Рать эстов спряталась, будучи в боевой готовности, в лесах на правом берегу реки Юмера, в месте, где река впадает в Койву. Там остались ждать врага. По Генриху, эсты атаковали крестоносцев совершенно неожиданно, но, вероятно, этим он пытается оправдать поражение. Из хроники можно вычитать, что разведданные об отступлении эстов принимались отчасти сомнительными, и поэтому войско двигалось, будучи в некоторой мере готовыми к бою. В любом случае, следует признать, что атака эстов была довольно стремительной. Немцы оказались в замешательстве, и в начале хотели бежать, но на призыв орденского брата Арнольда все же остались на месте и принялись бороться. В битве участвовало и прибывшее из Риги подкрепление. Но после атаки эстов, ливы и латгалы, бывшие за спиной немцев, стали сразу убегать, оставив, таким образом, немцев одних на поле битвы. Крестоносцы сгруппировались в единый клин и, борясь, стали отступать прямо к реке Койве. Эсты преследовали отступающих. и взяли

		в плен 100 человек. Часть из них убили сразу, часть привели назад к Юмера, где замордовали жестоко до смерти. Потери крестоносцев были довольно велики: погибли сын и зять Каупо, многие орденские братья и слуги епископа, среди прочих Рудольф Иерихов. Хроник обвиняет в поражении в битве, в основном ливов, и много сочувствует потерям латышей. Сражение закончилось полной победой эстов, причем они контролировали его ход от начала и до конца. Хотя военное значение победы не следует переоценивать, с точки зрения боевого духа, она была очень важна. Известие о победе на реке Юмера разнесли по все Эстонии. Это показало, что немцы не непобедимы, подняло самооценку и помогло дальнейшему объединению эстов в борьбе против захватчиков.
	n/a	Annotation: The novel “On the Yumera River” by M. Metsanurk tells the story of the resistance of ancient Estonians against foreign invaders—German knights. The events of the novel span a brief period, from the early stages of this struggle to the battle on the River Ümera in 1210, which ended in an Estonian victory. The Estonian forces, prepared for battle, concealed themselves in the forests on the right bank of the Yumera, near its confluence with the Koiva River. There, they awaited the enemy. According to Heinrich's accounts, the Estonians attacked the crusaders completely unexpectedly, though this may have been an attempt to excuse the defeat. From the chronicle, it can be inferred that intelligence regarding the Estonians’ retreat was somewhat unreliable, which led the army to advance with a degree of caution. Regardless, it must be acknowledged that the Estonian attack was swift and decisive. The Germans were initially confused and intended to flee but, at the call of the Teutonic brother Arnold, they stood their ground and fought. Reinforcements from Riga also joined the battle. However, following the Estonian assault, the Livonians and Latgalians, positioned behind the Germans, immediately fled, leaving the Germans alone on the battlefield. The crusaders formed a single wedge and, fighting, retreated toward the Gauja River. The Estonians pursued the retreating forces, capturing 100 men. Some were killed on the spot, while others were taken back to Ümera and cruelly executed. The crusaders suffered significant losses, including the son and son-in-law of Kaupo, several Teutonic brothers, and the bishop's servants, among them Rudolf of Jerichow. The

					chronicle largely blames the Livonians for the defeat and expresses sympathy for the losses among the Latgalians. The battle ended in a decisive victory for the Estonians, who controlled the course of events from beginning to end. While the military significance of the victory should not be overstated, its impact on morale was immense. News of the victory at the Yumera spread throughout Estonia, demonstrating that the Germans were not invincible, boosting self-esteem, and aiding in the further unification of Estonians in their struggle against the invaders.
18.	2001	Õige mehe koda	Karl Ristikivi		Жилище праведника / The Home of a Good Man
	«Võõrast majast» «Õige mehe kojani» Karl Ristikivi (1912–1977) on öelnud: «Sain alles siis aru, mis vabariik väärt on, kui seda vabariiki enam ei olnud». Tema romaani «Õige mehe koda» kirjutamisaeg langebki meie ühele dramaatilisemale ajale — 1939. aasta sügisele ja 1940. aasta kevadele (kuigi võib arvata, et põhitöö toimus siiski hoopis 1940. aasta suvel). Hiljem on autor neid aegu kajastanud oma romaanides «Kõik, mis kunagi oli» (1946) ja «Ei juhtunud midagi» (1947). Nagu «Tuli ja raud», tutvustab ka «Õige mehe koda» ühe inimese moraalset ja intellektuaalset küpsemist ja tema perekonna lugu 1880. aastate keskpaigast uue sajandi kolmekümnendate lõpuni. Loo sisse jääb ligi kahekümneaastane ajatühimik, mille alguses konkureerib kaupmeheõpilane ja hilisem omanik Jakob Kadarik oma emapoolsete sugulaste ja poolvend Villem Kansveiga, vaheperioodi lõpus aga on Kadarik ise suuromanik ja tema äri läheb ülesmäge. Lugejat selline II osa eel toimuv interregnum muidugi ei häiri, ses mõttes on «Õige mehe koda» isegi sujuvam kui «Tuli ja raud», kuigi ka viimasel on omad väärtused. Ristikivi biograaf Endel Nirk on oma raamatus «Teeline ja tähed» kirjutanud: «Sügisel õppetöö alguseks Tartusse minnes pidi Ristikivil romaan «Õige mehe koda» juba kindlasti kaasas olema. Kirjastus, kuhu tal nüüd tuli pöörduda, polnud aga enam osaühing Loodus, vaid endiste erakirjastuste asemele moodustatud riiklik kirjastus Ilukirjandus ja Kunst, mille peatoimetajaks senine Kirjanikkude Liidu esimees August Jakobson. Saksikute äriringkondade ja algtõusikluse omaaegset eluolu kriitiliselt käsitleva teose				ПУТЬ В ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО Излюбленным жанром Карла Константина Ристикиви был серийный роман. Герои своего времени, проблематика и особенности отображаемой эпохи объединены в его творчестве в «Таллиннской трилогии», написанной в Эстонии, и в «Исторических биографиях» и «Хрониках», созданных в Швеции. Судя по всему, оставшиеся после написания одного романа сомнения и возможности выразить их другими параллелями заставили автора прибегнуть к диалектическому расчленению материала на три части и снова вернуться к нему. Таких серийных романов у него много. Даже стоящее особняком произведение «Ночь духов» своей многоплановой структурой и многоголосием является хорошо скомпонованным циклом. «Жилище праведника» тоже относится к произведениям, составляющим серию. Воспринимаемый как самостоятельный роман, он, тем не менее, несет смысловую нагрузку и в общей обойме «Таллинской трилогии», которая включает в себя «Огонь и железо» (1938), «Жилишще праведника» (первое издание вышло под названием «В чужом доме» в 1940 году) и «Сад» (1942). Все эти романы объединяет панорамный обзор жизненного пути деревенских переселенцев в Таллинн, описание их судеб и судеб их наследников на протяжении почти полувека. Корни героев этих произведений уходят в их скудное деревенское существование. Персонажи романов обладают крестьянским трудолюбием, стремятся изменить свое будущее, проходят суровую жизненную школу отбора - либо выжить и преуспеть, либо опуститься и остаться на задворках жизни. Тема превращения деревенского жителя в

	avaldamisele ei saanud uue võimu kirjaülematel mingeid vastuväiteid tekkida — eks olnud see ju koguni aktuaalne. Ainult autori poolt antud piiblikeelse kõlaga tiitel, olgu küll iroonilist allteksti kandev, paistis kirjastuse seltsimeeste arvates mõjuvat liiga «kodanliselt». Pidanud nõu raamatu toimetajaks määratud Oskar Urgartiga, asendas Ristikivi selle siis pealkirjaga «Võõras majas». Ka uus nimi tähistas ju teose mõtte ära, ainult et oli otseütlevam ja kujundikehvem».[1] Oskar Urgartiga sai Ristikivi läbi niivõrd, kui aus kodanik punakarjeristide kaasajooksikuga toona üldse läbi võis saada. Urgart seletas, et uue kirjastuse plaanidega romaani avaldamine ei ühti, kuid teemakäsitlus on igati sobilik. Ristikivile aga tähendas riigipööre midagi sama halba, kui Eesti mistahes kodanikule sel ajal. See oli aeg, mil sõbra ja kaasveljestolase, latinist Rudolf Laanese mõjul küpses Ristikivi uus eluvaade: konservatiivsus. Erinevalt teistest Pätsi-ajastu üliõpilastest sai Ristikivist juba varakult konservatiiv: «Kaua aega pidasin ennast liberaaliks. Olulise tõuke [konservatiivsuseks] andis kadunud veli Laanes, kes sõja lävel äkki radikaalist konservatiiviks pöördus ja ennast selleks ka nimetas. Kui tema julges, miks siis mitte mina?» [2] Kirjandusteadlased on juba näinud arvestatavaid paralleele «Õige mehe koja» ja Thomas Manni esikromaani «Buddenbrookid. Ühe perekonna langus» (originaalis 1900, eesti keeles 1936) vahel. Sarnasused ei ole aga mõistagi liialt silmatorkavad. Manni tegelastes Buddenbrookides ja Krögerites kandub geene mööda edasi ebamusikaalsus, kuna Kadariku lapsed peavad arvestama, et nad näevad endas isa «kirstutegija verd» ja on selle perekonnast, kes «on oma maja rajanud kaljule». Buddenbrookides rikuvad perekonna edulugu üleannetud väimeespojad, «Õige mehe kojas» jääb Abneri kaubamajale tihti ette poolvenna Villem Kansvei äri osaline allakäik. [1] Endel Nirk. Teeline ja tähed: eurooplase Karl Ristikivi elu. Tallinn: Eesti Raamat, 1991, lk 93. [2] Kiri Arvo Mägile 1963. Valitud kirjad. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 2002, lk 306. On ka erinevused: kui «Buddenbrookid» ei ole pealkirjast hoolimata «ühe perekonna langus» (peale peategelase Tony Buddenbrooki kalkuleerivamaks	горожанина или интеллигента для автора не случайна. Подобный анализ человеческих судеб выражает жизнеощущение самого Карла Ристикиви, его основную моральную установку. Именно потому «Таллиннская трилогия» занимает достойное место среди романов психологического реализма. Центральный герой романа «Огонь и железо» Юри Сяэвель так и не достиг той «городской обочины», которую переступила Тийна Саалем. Как отметил автор в одном из своих интервью, он не достиг ничего. Интерес писателя сосредоточился на тех, кому все-таки удалось утвердиться в городе, и на том, какую цену они за это заплатили. Юношеский опыт самого писателя включает годы учебы в Талиннской торговой школе и в колледже (1927–1932), должность ученика и мальчика на побегушках в обойном магазине Брандиеза на Тартуском шоссе, нелегкий труд репетитора и даже разнорабочего на стройке. В 1936 году он поступает в Тартуский университет. К этому времени он уже хорошо знает и любит историю Таллинна и в студенческие годы создает свою «столичную» трилогию. Таким образом, мир коммерции и бизнеса, с которым мы сталкиваемся на страницах романа «Жилище праведника», знаком автору не понаслышке. Все романы трилогии изобилуют личными наблюдениями автора и заимствованными из печати бытовыми зарисовками. В описании уклада жизни магазина Абнера Ристикиви опирается прежде всего на личный опыт. Отсюда такие образные и емкие зарисовки, а также композиционная целостность романа. Ничего случайного в этом произведении нет. Основной идеей романа является поиск пути и становление Якоба Кадарика, горький и самоотверженный путь от мальчика-ученика до коммерсанта, от зятя хозяина магазина до владельца крупного торгового дела. На эту тему написаны сотни произведений. Роман Ристикиви отличается от них прежде всего тем, что основное внимание уделено здесь не внешней стороне событий, а психологическим сдвигам в структуре личности, сопровождающим человека в процессе обогащения. Для формирования личности Якоба Кадарика глубоко символично превращение трудолюбивого, усердного и замкнутого мальчика в карьериста, облаченного в шагреневую кожу набожной кротости, в человека,

	ja alatumaks muutumise ei lange seal keegi), siis «Õige mehe koda» näitab tõesti ühe «dünastia» langust kuni kaubamajahoone põlengu ja poja Paul «õnnelike pulmadeni» välja. Romaani algust võib teatud määrani võrrelda Vilde romaaniga «Kui Anija mehed Tallinnas käisid». Kindlasti tuletavad mõlemad romaanid meelde, et selli komme kosida oma meistri leske või tütart on sügavate tallinlike traditsioonidega, isegi ennereformatsiooniaegne. Jakobist ei saa veel tõelist meistrit vana Abneri surmaga, see võimalus avaneb talle, kui tal tsunfti siseselt on tarvidus omale pruuti otsida. Pruudiks ei kõlvanud mitte igaüks, pruutki pidi olema tsunftile vastuvõetav, selline, kes tsunfti nime ei häbistaks — oli näiteks 17. sajandi Tallinna Püha Kanuti ja Püha Olavi gildide kirja panemata ettekirjutus. Õige pruudi puhul olid ka meistriks saamise joodud ja sissemaks väiksemad ja kes võiski ühe meistrimaja jaoks parimaks pruudiks olla kui Elsa Abner, suguvõsa enda võsuke. On muuseas ka huvitav märkida, et Karl Ristikivi, kelle erialaks Tartu Ülikoolis oli majandusgeograafia, pidi oma erialast lähtudes läbi nägema ka sellise ärimehe nagu Jakob Kadariku katset surnud Kansvei pankrotistunud, kuid siiski oma ajupotentsiaali säilitanud firmat kahjudeta üle võtta. Kadariku nipp meenutab ju lõpuks nn Pareto optimumi printsiibi rakendamist (optimeeri oma kasum nii, et vastaspoole kahjum oleks minimeeritud), mida on kutsutud ka ärilise solidaarsuse põhimõtteks. Nii mõnigi ärinõks, mida autor oma romaanis kujutab, oli ilmselt omandatud kogemustest poesellina töötades, Tallinna kaubanduskoolis ning Tartu ülikooli majandusgeograafia loengutes. Ristikivi ise on «Õige mehe koja» valmimist oma ühes hilisemas intervjuus kommenteerinud nii: «See sündis õieti kahest kavast kokku. Üks oli vana Tallinn, teine Lambapea tänava tõusev rahvas, kes jõudis haljale oksale — vastupidiselt Jüri Säävelile, kes ju kuhugi ei jõudnud. Uurisin vanu ajalehti, kuulasin suusõnalisi jutustusi ja vaatasin interjööre... Võiks tähendada ka seda, et mulle väga oluliseks pöördeks oli Tallinna asumine 1927. aasta sügisel ja et ma otseselt armusin sellesse linna, eriti vanalinna. Mäletan ühte sellist vana maja kas Pikal või Laial tänaval, kus elas üks mu koolivend, keda mõnikord külastasin, ja milline maja mulle oma eeskoja ja treppidega jättis sügava mulje, andes emotsionaalse tõuke «Õige mehe koja» esikvariandi sündimisele». [3]	обанкротившегося материально и духовно. Хотя автор не раз отрицал присутствие в своих произведениях морализирующего начала, в его творчестве ложь и ханжество не побеждают никогда. Средства, какими Якоб Кадарик выстилает свой путь к буржуазному успеху, всячески поощрялись обществом и даже прошли проверку временем. На фоне опустившихся представителей старой немецкой буржуазии Розенфордов и Абнеров и аморального, бесперспективного пути Якоба Кадарика Саалемы выглядят куда более жизнеспособными, хотя по отношению к ним автор откровенно ироничен. Баранья слобода становится улицей Героев, мелкобуржуазность окраины насыщает крупнобуржуазность центра, деньги и карьеризм продолжают свой разрушительный кругооборот. Все действующие лица одинаково чужды автору. Якоб Кадарик, которого он поначалу представляет вполне разумным и которому даже сочувствует, по мере продвижения к успеху все более отдаляется от писателя. Теппана, Кансвея и других автор описывает с позиций критического наблюдателя и не удостаивает их тем понимаем, которое демонстрирует, например, по отношению к герою романа «Огонь и железо» Юри Сяэвелю. И ганзейское «жилище праведника», и «небоскреб», выскочкой взметнувшийся на фоне пельгулиннаских развалюх, вызывают у Ристикиви только ироничное отрицание. В своем эссе «О себе и о других» Карл Ристикиви подчеркивал реалистичность «Таллиннской трилогии». Многие действующие лица «Жилища праведника», а также бытовые зарисовки и описания города обязаны своим существованием реальному опыту писателя. Тем не менее, как подчеркивает он сам, творец не может быть лишь бесстрастным бытописателем, отстраненно фиксирующим прошлое и настоящее. Автор не копирует и не фотографирует жизнь, «Он стремится понять и объяснить - пусть даже посредством описания», - говорит Ристикиви. Таким образом, мы можем назвать роман «Жилище праведника» аналитическим описанием, призванным разрушить иллюзию счастья, построенного на деньгах. Подмена Кадариком общечеловеческих ценностей буржуазным конформизмом не могла найти у Ристикиви иного толкования и оценки. В «Жилище праведника» нет места тому снисходительному сочувствию, какое мы видим в отношении Юри Сяэвеля в «Огне и железе», или тому трагикомическому смягчению, какое автор использует в изображении

[3] Vestlus Karl Ristikiviga.– Teataja, 20.10.1962.

[4] EKLA F. 260, s. 2:5.

Karl Ristikivi pidas siin silmas romaani eeltöö-katkendit «Lambapea tänav», mis leidub praegugi Kirjandusmuuseumi kultuuriloolises arhiivis[4]. «Lambapea tänava» ideid on kirjanik lõppredaktsioonis ära kasutanud I jao üheteistkümnendas peatükis. Siin on tähendusrikas kõik see, millega noor kirjamees on mõelnud oma teksti kaunistada: väike Marie hammustab Eedi Saalemil (pro Maranil) sõrme veriseks, Juhan läheb aga Lambapea heinamaale ja varastab kuivi raielaaste. Karl Ristikivi on teinud kõigepealt valmis romaani plaani: «1. ptk. Majaehitus Lambapea tänavale, tolleaegne linn, seltskond ja tüüpe. 2. ptk. Noore revolutsiooni kevad. 3 ptk. Eduardi ja Alviine armulugu. 4. ptk. Eduardi sattumine tagaotsitavaks. Alviine kurbmäng».

Nagu nendest märkustest nähtub, ei tulnud lõppredaktsioon sugugi välja selline, nagu see esialgselt oli plaanitsetud. «Õige mehe kojas» ei satu keegi tagaotsitavaks, Saalemid on Eesti Kirjandusmuuseumis leiduvas katkendis hoopis Maranid ja «Õige mehe kojas» ei hakata maja valmimisel jooma. «Lambapea tänavas» on igal Maranil omad põhjused, miks just tema Lambapea uulitsale tahab. Priidik ja Truuta Maran soovivad uude elurajooni maja sellepärast, et nad ei saa elada liiga õhukeste seintega korteris: siis peaksid nad all elavate naabrite Sassijaanide lõugamist kuulama. Miina ja Juhan tahavad nende kõrvale, sest Priidik jaTruuta juba said. Vanal tahumatul Juhanil ei ole tööd, ta raiub saksikule prouale puid, aga kuulda saades, et selle raske töö eest soovitakse talle maksta vaid viisteist kopikat, ei võta sedagi vastu.

Karl Ristikivi kirjutas «Lambapea tänavat» tihedalt täis kaks vihikutäit, see on aga juba peaaegu viiendik lõpuks valminud romaani mahust. Pooleli jättis ta käsikirja ilmselt sellepärast, et Villem Maran, üks «Lambapea tänava» olulistest tegelastest hakkas üha enam omandama lõppredaktsiooni Jakob Kadariku jooni.

Iseenda isiksust kujutas Ristikivi selles katkendis terase taibuga väikese Marani Eedi kujus. «Õige mehe kojas» jääb Eedi konspektiivseks kujuks, kuna seal on kõige olulisem siiski Abneri kaubamaja liin, kuid «Lambapea

Юлиуса Килимита в последнем томе трилогии «Сад». Путь, который прошел Якоб Кадарик, для Ристикиви неприемлем.

Харальд Пеэп

	tänavas» on hiljem revolutsioonikeerisesse planeeritud Eedi määrava tähtsusega. Eedi on õigupoolest nagu autor ise: ta neelab raamatuid ja kuna tal on hea pea, siis jääb talle kõik väga kergesti meelde. Ta isa hämmastab eelkõige see, et osa «neelatavatest» tekstidest on venekeelsed, mis ta enda arvates peaks loetut vahest mitu korda raskemaks muutma. Ristikivi loomingu, ka tema hilisloomingu puhul tuleb alati arvestada, et ta kaldub vahel iseenda isiksust oma romaanidesse sisse kirjutama. Kuuludes nende suurte kirjanike hulka, kel oma tegeliku isaga arved õiendada (nagu Kafkagi), on tähelepanuväärsed tema teosest teosesse korduvad isa-otsimismotiivid. Kuningas Konradin («Põlev lipp», 1961) läheb Konstanzist teele Sitsiilia poole, kuna Švaabimaal ei ole tal midagi teha: ta isa on surnud siis, kui ta oli kolme-aastane. Noor Schmerzburg («Põlev lipp») võetakse vanade eestkoste alla, sest ta isa on surnud siis, kui laps oli veel väike. Roger de Tressalin («Viimne linn», 1962) lahkub Moreast, sest ta isa on surnud. De Montepervier («Viimne linn») otsib oma isa, et ta ära tappa. Johannes Faberist («Nõiduse õpilane», 1965) saab juut, kuna ta on leidlapsena ja korvis jäetud juutide ukse taha. Viimaseks jäänud teose, «Rooma päeviku» (1976) peategelaseks on aga mees, kelle initsiaalid K. R. – just nagu Ristikivil endalgi. «Kas kirjanikul on lubatud olla oma romaanis?» küsis Karl Ristikivi retooriliselt oma kirjas Bernard Kangrole. «Muidugi on ta seal, küsimus on ainult selles, kui hästi ta on kamufleeritud». [5] Ilmunud 1940. aasta viimastel päevadel kirjastuses Ilukirjandus ja Kunst, tabas romaani «Võõras majas» nõukogudemeelsete arvustuste laviin. Keegi G. H. kirjutas 1. märtsi 1941. a *Noorte Hääle* artiklis «Karl Ristikivi «Võõras majas»» järgmist: «Kuna Karl Ristikivi oskas meile veenvalt kirjeldada inimese mandumist, siis usume, et ta sama veenvalt oskab ka kirjeldada näiteks kasvõi kodanlises õhkkonnas kasvanud nooruki ümbersündi uuele ühiskonnale, kuigi käesolevast romaanist võib jääda mulje, et Ristikivi laadile sobib enam tuntud kaugusel asuvate faktide kirjeldamine, mis võimaldavad teatud üleolekut.» [5] Bernard Kangro, Karl Ristikivi. Kirjad romaanist: 31 kirja aastaist 1966-1977.Tallinn: Varrak, 2006, lk 14.	

Retsensent J. Sinimäe pani oma artiklis autorile ette, et lõpus oleks võinud Jakob Kadarik oma lapsed kokku korjata ja Saksamaale sõita, kuna uus, üles ehitatav sotsialistlik ühiskond ei vaja seesugust saksikut perekonda.

[6] J. Sinimäe. Karl Ristikivi «Võõras majas». Nõukogude Kultuur, nr 2, 1941, lk 141.

[7] Eesti Sõna, 10.01.1943

1943. aastal andis Eesti Kirjastus Tartus «Õige mehe koja» uuesti välja, seekord muidugi oma õige nime all. 10. jaanuaril 1943 kirjutas arvustaja H. P. Eesti Sõnas, et «Võõras majas» oli «ilus vääratus punase tsensuuri poolt, kahjuks jäi ta tollal hirmude varju». Samas arvustuses rõhutati, et miljöö oli «Võõras majas» tähtsam kui ei kunagi varem (Ristikivi puhul)[7].

Soolisest aspektist vaadatuna pakuvad «Õige mehe kojas» huvi proua Elsa Beckmanni jaa- ja ei-sõnad. Autor on siin murdnud kaanoneid: euroopalikus ilukirjandustraditsioonis kipub naise «ei» enamasti lõplik olema. Naisel kui nõrgemal poolel on selleks ei-sõnaks enamikus üsna kaalukad põhjused. Kuid leidub ka erandeid: juba mainitud «Buddenbrookide» peakangelanna muudab samuti mehele öeldud sõna. Õhtumaise kirjanduse üks huvitavamaid ja tegelikult ka korduvamaid motiive on naise «ei» «jaaks» rääkimise katsed. Pole võimatu, et Ristikivi, kes oli suur kinohuviline, oli nooruses näinud briti romaanikirjaniku Thomas Hardy loo järgi vändatud kuulsat tummfilmi «D'Urbeville'ide Tess», milles on see teema arendatud absurdini.

Kirjandusliku linnauurimuse seisukohalt on «Õige mehe koja» kangelaste elu huvitav kõrvutada pseudourbanistliku tehismaailmaga Juri Buida Kaliningradi-romaaniga «Preisi pruut» (e. k. 2004). Uuel, ersatsrahvuslikul ajastul nimetab linnavalitsus Lambapea tänava Kangelaste tänavaks, vana kord, vanad väärtused pekstakse halastamatult maha, samas kui kusagil oma kodu soppides peituv juba ürgvaimuks saanud kirstutegija-kaupmees tahab neid ikka veel säilitada. Samamoodi ei saa ka Buida romaani venelastest kaliningradlased aru, et nende kultuur, nende «kangelased», mille vanus vaid paarkümmend aastat, vegeteerivad pea tuhandeaastase preisi ja saksa kultuuri mõjuväljas. Tuleks arvestada, et tolleaegses, kolmekümnendate aastate lõpu ühiskonnas ei peetud Ristikivi selliseks vanade lugude leelotajaks nagu

	Tammsaaret. Kõiki noori peeti eranditult moodsateks loojateks, kasvanud masinate ja helifilmi ajastul. Kuigi mitte Ristikivi, olid noored paljuski paduvasakpoolsed, neid oli kasvatanud Pätsi-ja diktatuurivastane demokraatlik intelligents ja Saksa-aegne kirjanduspilt arvas kogu noorest eesti kirjandusest välja Aleksander Antsoni, Aadu Hindi, Aira Kaalu, August Jakobsoni, Rudolf Sirge, Juhan Sütiste, Enn Kippeli, Erni Hiire, Debora Vaarandi, Evald Tammlaane, Miimi Nurme, vanematest Johannes Vares-Barbaruse ja August Alle. Ristikivi jäi. Sest Ristikivi nõuab oma lugejalt distsipliini ja mõõtu. «Õige mehe koja» eelkavades leidus vihjeid «1934. aasta õudse talve kohta, mida oli raske läbi elada». Siin on küll ilmselge vihje Eesti demokraatia lõpu kohta. Sõja ajal tundus see vihje mõlemale võitlevale poolele vastumeelt ning nende soovile vastu tulles on kirjanik kõrvaldanud selle niihästi 1940. kui ka 1943. aasta väljaandest (tänu selle vihje eest Ristikivi ja linnakirjanduse uurijale Elle-Mari Taliveele). Lõppeks ei olnud kirjaniku ülesandeks ju mitte poliitika küsimuste valgustamine, vaid tema ülesandeks oli kujutada noorte hoole ja armastusega ehitatud maja, mille saatuseks muutuda iseenda vastandiks, kopitanud kummitustemajaks, laste kodust välja lendamise pesaks. 1942. aasta 1. veebruaril on kirjanik kirjutanud oma sõbrannale Hilja Vihalemmale: «Töötan parasjagu «Võõras majas» kallal, mille tahan omaks majaks teha.» Aarne Ruben Teksti saateks «Kummaline olend see inimene, kes oma hinge hinnaga püüab edasi ikka täiuslikkuse suunas ja käib öösel mittetäiuslikkuse haual nutmas». «Õige mehe koda» Karl Ristikivi romaanist «Õige mehe koda» on olemas kolm tervilikku versiooni. Algversioon elik mustand on kirjaniku käe ja sulega kirja pandud üheteistkümnes, täpsemini kümnes ja pooles koolivihikus. Säilinud on ka	

	esmatrüki (1940) masinakirjas käsikiri, mille ees on võõra käekirjaga tiitelleht, sellel võõrvõimu nõutud pealkiri «Võõras majas», venekeelne impressum ning märge, et teos ilmus 29. detsembril 1942. Kolmas versioon, pealkirjaga «Õige mehe koda» ilmus Tartu Eesti Kirjastuses detsembris 1943, nagu on trükitud tiitellehel. Suvel 1940 ühe hooga kirjutatud mustandist komponeerib kirjanik sügiseks teose esmatrüki. Marginaalne on mõne sõna või mõne nime (Suss-Priidiku asendamine Suss-Villemiga jmt) muutmine. Põhiline on nimelt teose harmoonia loomine. Ta asetab ümber sõnu, lauseid, lõike, tõstab ümber sündmusi ühest peatükist teise. Muudab teksti seotuse nõtkemaks ühelt lauselt, ühelt lõigult, ühelt peatükilt teisele üleminekul. Kujundab ümber peatükke. Välja jääb liigne seletamine, nüs täpselt toimus või mis pikemalt räägiti. Üha suuremaks muutub iga alles jäetud sõna kaal. [1] EKLA, Fond 260, M 3:6 [2] EKLA, Fond 56, M 255 Üha rohkem jäetakse lugeja aimata. Näiteks vihikus on proloogi pealkiri «Vana, vana lugu», masinkirjas «Vana lugu». Vihikus algab I peatükk lausega: «Sel aasta tuli talv hilja», masinkirjas «Talv oli visa tulema». Mustandis algab VII peatükk sõnadega: «Abnerid hakkasid sel aastal tõesti suuresti elama, nad ostsid endale paari sõiduhobuseid». Masinkirjas on sama peatükk VI ja sõnastatud palju iroonilisemalt: «Juba lapsepõlvest peale oli Elsa Abner tundnud poolehoidu alama rahva ja hobuste vastu». Jne. Masinkirjaversioonis on vihiku XVII peatükk tõstetud epiloogi alguseks ja juurde kirjutatud lõpulõik, mida teises trükis enam ei muudeta. Kriitika heidab Ristikivile ette romaani väsimist teises osas ja küllap tajus autor esmatrüki puudusi ka ise. Ta kujundab 1942. aasta algul romaani teise trüki jaoks ümber «Õige mehe koja» teise jao X ja XI peatüki. Õigemini, ta lahutab «Võõra maja» kümnenda peatüki kaheks, kirjutab esimesele osale kolmveerandi juurde, lisades nii romaanile ühe peatüki. Ja eraldab kolmveerandi endisest X peatükist XI peatükiks. «Võõra maja» X peatükis on Valteri ja Esteri suveveetmisest mõned leheküljed ja kolmveerandi peatükist loeb Valter ema päevikut. «Õige mehe kojas» lisab Ristikivi X peatüki veerandile	

kolmveerandi jagu teksti j uurde: Valteri ja Esteri suvele Pärnus lisanduvad Pauh kohtumine seal nendega ja tema kojusõit ning Valteri kohtumine Tapa jaama perroonil kaksikvend Rommiga. XI peatükk on aga tervenisti kolmveerand esmatrüki X peatükist. Muudetud on ainult vastava lõigu alguslause. «Võõras majas» oli see: «Nüüd on see kõik unustatud», «Õige mehe kojas» aga: «Kuidas oh kõik korraga teiseks saanud».

Romaani kolmel versioonil on ka kolm eri lõppu, millest trükki on jõudnud ja muutumatuks jäänud viimane. Käsikirjades on iga kord lisatud sõna «Lõpp». Vihikus lõpeb romaan järgmise lõiguga: «Midagi peab olema kindel». Masinakirjas enne juurde kirjutatud lõpulõiku: «Aga järelejätmatult nagu saatus koputas vihm katusele ja veetoru laulis oma vana, vana laulu». Ja kirjaniku lõplik lõpp on raamatupidaja Kaisa Juhansonist, kes ka kuulab vihmasadu ja kirjutab P. Abneri firma memoriaali. «Tema oli raamatupidaja, üks tüdruk, kes oli tulnud ei tea kust, ja tema ainus osa selles majas oli, et tema pidi kirjutama viimsed read sellesse raamatusse».

Ristikivi tunnetas romaani terviklikkust hästi. Vihikuteksti pani ta kirja 1940. aasta juunis, esmatrüki jaoks töötas käsikirja ümber oktoobrini 1940 ja teiseks trükiks andis romaanile lõpliku kuju 1942. aasta algul, enne «Rohtaia» mustandi valmimist. 1. veebruaril 1942 kirjutab ta Hilja Vihalemale: «Teen praegu sõjateatri kaarti Postimehe jaoks ja parandan oma «Võõrast maja», mille tahan oma majaks teha. Mõlema tööga on kole kiire...» Kirjas H.-M. Aaremäele 7. juunil 1957 nendib klassik (NB! pealkirja kasutus kirjas okupeeritud Eestisse): «Mida ma oma varasemast loomingust kõige rohkem hindan? Vahest siiski «Võõras majas», kuigi ma tean, et «Rohtaed» on kompositsiooniliselt terviklikum».

2008. aastal on kirjastus Pegasus «Õige mehe koja» viienda trüki aluseks võtnud 1950. aastal ilmunud kolmanda trüki, mis on identne 1943. aastal ilmunud teise trükiga.

Evi Laido

EKLA

	COVER Ristikivi on ka romaani lausestanud rahvapärasel mõttetuksatustega rikastatud tabav-lopsakas ees üksikuid võõrsõnu ja lauseid. Tõtt öelda, Ristikivi lauseehituselt kui ka sõnavalikult, (—) vaadelgen löövad lipsu, pildudes kogu aeg humoristlikke paraaofese. Hugo Viires, 1940 Vana hansalinn saab ka kaupmehelikus osas oma hilinenud kroonika. See pole küll nii ulatuslik nagu näiteks Galsivorthy tsükkel, kuid raha ja kapitali osatähtsus on raamatus vähemalt sama suur. Arvo Mägi, 1962 Jakob Kadarik elab võõras majas, mille päriselanikud tajuvad teda kui võõrast majas, ehkki peategelane ise tahaks seda näha õige mehe kojana. Paraku saab viimast võtta ainult irooniaga. Nii on pealkirja mõlemad variandid harukordselt märkitabavad. Oskar Kruus, 1984 Tallinna-triloogia kujutab endast edasimarssivat eestlust. Kõige olulisem probleem on aga hoopis inimese ajaline dimensioon, inimese teekond. Toomas Liiv, 1987 Omaenese loomingusse integreeritult tõi just tema eesti kirjanduse elutunnetusse mõndagi väärtuslikku inglise vaimulaadist. Maie Kalda, 1997	
	"From "A Stranger's House" to "The Home of a Good Man" Karl Ristikivi (1912-1977) once said, “I only realized the value of the republic once it no longer existed.” The time he spent writing his novel “The Home of a Good Man” coincided with one of the most dramatic periods in our history – the autumn of 1939 and the spring of 1940 (although it is believed that the main work on it took place in the summer of 1940). Later, the author reflected	THE PATH TO HIGH SOCIETY The preferred genre of Karl Konstantin Ristikivi was the serial novel. His works connect the heroes of their time, the issues, and the characteristics of the eras portrayed in “The Tallinn Trilogy”, written in Estonia, as well as in “Historical Biographies” and “Chronicles”, written in Sweden. It appears that any lingering doubts or unexplored possibilities after writing one novel led the author to return to the material and further dissect it into three parts. He wrote many such serial novels.

	on these times in his novels “All That Ever Was” (1946) and “Nothing Happened” (1947). Like “Fire and Iron”, “The Home of a Good Man” also portrays the moral and intellectual growth of a person and the story of his family from the mid-1880s to the late 1930s. The narrative includes an almost twenty-year gap, during which the merchant's apprentice and future owner Jakob Kadarik competes with his maternal relatives and half-brother Villem Kansvei, and by the end of this period, Kadarik has become the majority owner, and his business is thriving. This interim period before Part II does not disrupt the reader's experience; in this sense, “The Home of a Good Man” flows even more smoothly than “Fire and Iron”, though the latter also has its merits. Ristikivi's biographer, Endel Nirk, wrote in his book “The Pilgrim and the Stars”: “In the autumn, as he went to Tartu to begin his studies, Ristikivi must have already had the manuscript of “The Home of a Good Man” with him. The publishing house he now had to approach was no longer the private company Loodus, but the state publisher Kirjandus ja Kunst, established in place of former private publishers and run by the previous chairman of the Writers’ Union, August Jakobson. The authorities of the new regime had no objections to publishing a work that critically examined the bourgeois way of life and social climbing – it was even considered timely. However, the title given by the author, which carried a biblical resonance, albeit with an ironic undertone, seemed too 'bourgeois' to the comrades at the publishing house. After consulting with Oskar Urgart, who had been assigned as the book’s editor, Ristikivi replaced it with “A Stranger's House”. The new title also conveyed the essence of the work, though it was more straightforward and less nuanced.” Ristikivi got along with Oskar Urgart as much as an honest citizen could get along with a fellow traveler of the red regime at that time. Urgart explained that the novel's publication did not align with the new publishing plans, although the subject matter was considered suitable. For Ristikivi, however, the regime change meant something as troubling as it was for any citizen of Estonia at that time. It was a period when, under the influence of his friend and fellow alumnus Rudolf Laanes, a Latinist,	Even “The Night of Souls”, a standalone work, is a well-composed cycle in its complex structure and polyphonic style. “The Home of a Good Man” also belongs to Ristikivi’s series works. Though perceived as an independent novel, it still carries a thematic weight in “The Tallinn Trilogy”, which includes „Fire and Iron” (1938), “The Home of a Good Man” (first published under the title “In a Stranger House” in 1940), and “The Garden” (1942). All these novels share a panoramic view of the life journey of rural settlers moving to Tallinn, tracing their fates and those of their descendants over nearly half a century. The roots of these characters lie in a meager rural existence. The characters embody a rural work ethic, a drive to improve their future, and undergo the rigorous test of life—either they survive and succeed or fall into the fringes of society. The theme of a rural resident’s transformation into an urbanite or intellectual was no coincidence for Ristikivi. This analysis of human fate reflects Ristikivi’s own outlook on life and moral convictions, giving “The Tallinn Trilogy” its proper place among works of psychological realism. The central character of “Fire and Iron”, Jüri Säävel, never manages to reach the "urban threshold" that Tiina Saalem crosses. As the author noted in an interview, he achieved nothing. The writer’s interest shifted to those who managed to establish themselves in the city and the price they paid for it. Ristikivi’s youth included years of study at the Tallinn Commercial School and College (1927–1932), work as an apprentice and errand boy in a wallpaper store on Tartu Highway, as well as the hard work of tutoring and even laboring on a construction site. In 1936, he enrolled at the University of Tartu. By then, he already knew and loved Tallinn’s history, and during his student years, he created his “capital trilogy”. Thus, the world of commerce and business we encounter in “The Home of a Good Man” was not unknown to the author. The novels in the trilogy are full of personal observations and scenes from real life. In depicting the workings of Abner’s store, Ristikivi relies primarily on personal experience. This provides vivid and substantial sketches, as well as a cohesive composition. Nothing in this work is random. The central idea of the novel is Jakob Kadarik’s path and development—a bitter, self-sacrificing journey from apprentice to merchant, from shop owner’s son-in-law to the

	Ristikivi's new worldview matured: conservatism. Unlike other students of the Päts era, Ristikivi became a conservative early on: "For a long time, I considered myself a liberal. A significant push towards conservatism came from my late brother Laanes, who, on the brink of war, suddenly transformed from a radical to a conservative and identified as such. If he dared, why shouldn't I?" Literary scholars have already noted some parallels between "The Home of a Good Man" and Thomas Mann's debut novel "Buddenbrooks: The Decline of a Family" (originally published in 1900, with Estonian translation in 1936). However, the similarities are not overly striking. In Mann's characters, the Buddenbrooks and Krögers, a lack of musicality is passed down through the genes, while Kadarik's children must consider that they carry their father's "coffin-maker blood" and come from a family that "built its house upon a grave." In "Buddenbrooks", the family's success story is disrupted by unruly sons-in-law; in "The Home of a Good Man", Abner's store often faces setbacks due to the declining business of half-brother Villem Kansvei. There are also differences: while "Buddenbrooks" is not truly a "decline of a family" despite its title (apart from the protagonist Tony Buddenbrook becoming more calculating and conniving, no one really falls), "The Home of a Good Man" genuinely portrays the decline of a "dynasty," leading up to the department store's fire and the "happy wedding" of the son, Paul. The beginning of the novel can, to some extent, be compared to Eduard Vilde's novel "When the Men of Anija Went to Tallinn". Both novels certainly remind us that the tradition of an apprentice marrying his master's widow or daughter has deep roots in Tallinn, dating back to pre-Reformation times. Jakob does not become a true master with the death of old Abner; that opportunity only arises when he, within the guild, needs to find himself a bride. Not just anyone could be fit as a bride; she had to be acceptable to the guild, to be someone who would not disgrace the guild's name — a tradition observed even in the 17th-century guilds of St. Canute and St. Olaf in Tallinn. With the right bride, the initiation fees and entry dues were reduced, and who could be a more suitable bride for a master's house than Elsa Abner, a descendant of the family itself?	owner of a large business. Hundreds of works have been written on this topic. Ristikivi's novel is unique in that the focus is not on external events but on the psychological shifts within the character as he accumulates wealth. A profound symbol in shaping Jakob Kadarik's character is the transformation of a hardworking, diligent, and reserved boy into a careerist cloaked in the guise of devout humility, a man who ultimately goes bankrupt both materially and spiritually. Although the author has often denied any moralizing intent in his works, in Ristikivi's writing, deceit and hypocrisy never prevail. The means by which Jakob Kadarik builds his path to bourgeois success are socially endorsed and even time-tested. Against the backdrop of the degenerated old German bourgeoisie—the Rosenforts and Abners—and Jakob Kadarik's immoral, dead-end path, the Saalems appear far more viable, though the author's tone toward them is overtly ironic. The working-class district becomes Heroes' Street, petty bourgeois suburbia merges with the grand bourgeois center, and the cycle of money and ambition continues its destructive course. All characters are equally alien to the author. Jakob Kadarik, initially portrayed sympathetically, grows more distant from the writer as he progresses toward success. Teppan, Kansvey, and others are described with a critical eye, without the understanding shown, for example, to Jüri Säävel in "Fire and Iron". Both the Hanseatic "home of a good man" and the "skyscraper", which rises like an upstart against the dilapidated backdrop of Pelgulinn, evoke only ironic rejection from Ristikivi. In his essay "About Myself and Others", Karl Ristikivi emphasized the realism of "The Tallinn Trilogy". Many characters in "The Home of a Good Man", as well as its domestic scenes and city descriptions, owe their existence to the writer's personal experiences. However, as he himself stressed, a writer cannot merely be an impassive chronicler who detachedly records the past and present. The author does not merely copy or photograph life: "He seeks to understand and explain—even through description," Ristikivi says. Thus, we may call "The Home of a Good Man" an analytical depiction, intended to dismantle the illusion of happiness built on wealth. Kadarik's substitution of

	It is also interesting to note that Karl Ristikivi, whose field of study at Tartu University was economic geography, was able, through his academic background, to perceive how a businessman like Jakob Kadarik would attempt to acquire the bankrupt firm of the deceased Kansvei without incurring losses, while still maintaining its intellectual assets. Kadarik's strategy ultimately resembles the application of the Pareto optimum principle (optimizing one's profit to minimize the loss of the opposite party), sometimes referred to as the principle of business solidarity. Some of the business maneuvers depicted by the author were likely inspired by his experiences as a shop assistant, his studies at Tallinn's commercial school, and his lectures in economic geography at Tartu University. Ristikivi himself commented on the creation of "The Home of a Good Man" in a later interview: "It actually came together from two plans. One was old Tallinn, and the other was the rising folk of Lambapea Street who had reached greener pastures – quite unlike Jüri Säävel, who never arrived anywhere. I researched old newspapers, listened to stories, and observed interiors… It could also mean that a significant turning point for me was moving to Tallinn in the fall of 1927 and that I fell directly in love with this city, especially the Old Town. I remember one such old house, either on Pikk or Lai Street, where a schoolmate of mine lived, whom I sometimes visited. This house, with its hall and stairs, left a deep impression on me, providing an emotional impetus for the initial draft of "The Home of a Good Man." Karl Ristikivi was referring here to a fragmentary work titled "Lambapea Street", which can still be found in the cultural history archives of the Literary Museum. The ideas from "Lambapea Street" were incorporated by the writer in the eleventh chapter of Part I of the final version. All of the details young Ristikivi used to adorn his text were meaningful: little Marie bites Eedi Saalem's (or Maran's) finger until it bleeds, while Juhan goes to the Lambapea meadow to steal dry wood chips. Ristikivi first created a detailed outline for the novel: "Chapter 1. Construction of a house on Lambapea Street, the city of that time, society, and types of people. Chapter 2. The early spring of the young revolution. Chapter 3. The	universal human values with bourgeois conformity could not be met with any other interpretation from Ristikivi. In "The Home of a Good Man", there is no room for the lenient sympathy we see toward Jüri Säävel in "Fire and Iron", nor for the tragicomic touch with which the author portrays Julius Kilimit in the final book of the trilogy, "The Garden". Jakob Kadarik's path is unacceptable to Ristikivi. Harald Peep

	love story of Eduard and Alviine. Chapter 4. Eduard becomes wanted. Alviine's tragedy." As seen from these notes, the final version turned out to be quite different from the initial plan. In "The Home of a Good Man", no one becomes a wanted person; the Saalems in the fragment preserved at the Estonian Literary Museum are actually called the Marans, and there is no celebration when the house is completed. In "Lambapea Street", each Maran has their own reasons for wanting a house on Lambapea Street. Priidik and Truuta Maran want to move into the new residential area because they cannot bear living in a thin-walled apartment where they have to listen to the shouting of their downstairs neighbors, the Sassijaans. Miina and Juhan want to live next door, simply because Priidik and Truuta have already gotten their place. Old, clumsy Juhan has no job; he chops wood for a noble lady, but upon hearing that he would only be paid fifteen kopecks for the hard work, he refuses even that. Karl Ristikivi filled two notebooks with "Lambapea Street", which makes up nearly a fifth of the final volume of the novel. He likely abandoned the manuscript because Villem Maran, one of the significant characters in "Lambapea Street", increasingly began to take on the characteristics of Jakob Kadarik in the final draft. Ristikivi portrayed his own personality in the fragment through the sharp-minded young character, Eedi Maran. In "The Home of a Good Man", Eedi remains a minor character, as the main focus is on the Abner department store line, but in "Lambapea Street", Eedi is planned to have a decisive role in the revolutionary whirlwind later on. Eedi is essentially a reflection of the author himself: he devours books, and, having a good memory, remembers everything with ease. His father is particularly amazed that part of these "devoured" texts are in Russian, which, in his opinion, should make them much harder to remember. When looking at Ristikivi's body of work, including his later works, he sometimes tended to insert aspects of his own personality into his novels. As one of the great writers with unresolved issues with his own father (much like Kafka), the recurring motif of searching for a father is noteworthy in his works. King Conradin ("The Burning Banner", 1961) sets off from Constance	

	towards Sicily, as there is nothing left for him in Swabia; his father died when he was three years old. Young Schmerzburg (“The Burning Banner”) is taken under the care of old guardians because his father died when he was still a child. Roger de Tressalin (“The Last City”, 1962) leaves Morea because his father is dead. De Montepervier (“The Last City”) searches for his father to kill him. Johannes Faber (“The Sorcerer’s Apprentice”, 1965) becomes Jewish after being left as an infant at the door of Jews in a basket. The protagonist of his last work, “The Roman Diary” (1976), is a man with the initials K. R. — just like Ristikivi himself. “Is it permissible for the writer to be in his own novel?” Ristikivi rhetorically asked his friend, Bernard Kangro. “Of course, he’s there; the only question is how well he is disguised.” Published in the final days of 1940 by the publishing house Kiruandus ja Kunst, the novel “In a Stranger’s House” was met with a wave of criticism from pro-Soviet reviewers. A certain G. H. wrote in *Noored Hääled* on March 1, 1941, in an article titled “Karl Ristikivi’s “In a Stranger’s House”: “Since Karl Ristikivi has convincingly depicted the decline of a person, we believe he can just as convincingly describe, for example, the rebirth of a young person raised in a bourgeois environment into the new society, even though one might get the impression from this novel that Ristikivi’s style is better suited to describing distant facts, which allows for a certain superiority.” In his article, the reviewer J. Sinimäe suggested that in the end, Jakob Kadarik could have gathered his children and moved to Germany, as the new socialist society being built did not need such a bourgeois family. In 1943, the Eesti Kirjastus publisher in Tartu reissued “The Home of a Good Man”, this time, of course, under its final title. On January 10, 1943, a reviewer named H. P. wrote in *Eesti Maailm* that “In a Stranger's House” was a “beautiful mistake by the red censorship, unfortunately, left to lie in the shadow of fear at that time.” In the same review, it was noted that the atmosphere in “In a Stranger's House” was more significant than ever before in Ristikivi's work.	

	From a gender perspective, the “yes” and “no” responses of Mrs. Elsa Beckmann in “The Home of a Good Man” are intriguing. Here, the author breaks conventions: in the tradition of European literature, a woman's "no" is usually final. As the weaker party, a woman typically has substantial reasons for saying "no." Yet, there are exceptions: the protagonist of “Buddenbrooks”, as mentioned, also changes her word. One of the most intriguing and recurring motifs in Western literature is the attempt to turn a woman's "no" into a "yes." It is possible that Ristikivi, a great film enthusiast, saw the famous silent film “Tess of the d'Urbervilles”, based on Thomas Hardy’s novel, where this theme is developed to the point of absurdity. From the perspective of literary urban studies, the lives of the protagonists in “The Home of a Good Man” are interesting to compare with the pseudo-urban artificial world of Yuri Buida’s Kaliningrad novel “The Prussian Bride” (Estonian translation, 2004). In the new, ersatz-national era, the city council renames Lambapea Street to Heroes’ Street, ruthlessly demolishing old values and traditions, while somewhere in the recesses of his home, a coffin-maker and merchant, now an ancient spirit, still seeks to preserve them. Likewise, Buida’s Russian characters in Kaliningrad fail to understand that their culture, their “heroes,” merely decades old, exist under the influence of nearly a thousand years of Prussian and German culture. It is worth noting that in the society of the late 1930s, Ristikivi was not regarded as a mere “singer of old tales” like Tammsaare. All young people were considered modern creators, having grown up in the era of machines and sound films. While not necessarily Ristikivi, many young people were leftists, nurtured by democratic intellectuals opposed to Päts’s dictatorship, and the literary scene during the German occupation excluded much of young Estonian literature — Aleksander Antson, Aadu Hint, Aira Kaal, August Jakobson, Rudolf Sirge, Juhan Sütiste, Enn Kippel, Erni Hiir, Debora Vaarandi, Evald Tammlaan, Miimi Nurm, and, from the older generation, Johannes Vares-Barbarus and August Alle. Ristikivi remained. For Ristikivi demands discipline and measures from his readers. The initial drafts of “The Home of a Good Man” contained references to the “dreadful winter of 1934, which was hard to survive.” This is a reference to the end of Estonian democracy. During the war, this reference was distasteful	

to both fighting parties, and at their request, the writer removed it from both the 1940 and 1943 editions (thanks for this information go to Ristikivi and urban literature researcher Elle-Mari Talivee). Ultimately, the writer's task was not to shed light on political issues but rather to depict a house built with care and love by young people, destined to become the opposite of itself — a musty haunted house, a nest from which children eventually fly away.

On February 1, 1942, the writer wrote to his friend Hilja Vihalemm: "I am currently working on "In a Stranger's House", a book I wish to make my own."

— Aarne Ruben

Introduction to the Text

"A strange creature, this human being, who, at the cost of his soul, constantly strives toward perfection and goes to weep at the grave of imperfection at night."

"The Home of a Good Man"

There are three complete versions of Karl Ristikivi's novel "The Home of a Good Man"

The original draft, or manuscript, was written by the author in his own hand across eleven, or more precisely, ten and a half school notebooks. Also preserved is the typewritten manuscript of the first edition (1940), which has a title page in a foreign hand, bearing the title "In a Stranger House" — a title demanded by the foreign regime — along with a Russian-language copyright notice and a note that the work was published on December 29, 1940. The third version, titled "The Home of a Good Man", was published by the Tartu Eesti Kirjastus in December 1943, as indicated on the title page.

The author composed the first edition from the draft, which he wrote in one burst in the summer of 1940, by the autumn of that year. Only minor adjustments were made, such as changing a few words or names (like replacing Suss-Priidik with Suss-Villem). The primary focus was on

	establishing the work's harmony. Words, sentences, and paragraphs were rearranged, and events were shifted from one chapter to another to make transitions smoother from one sentence, paragraph, or chapter to the next. Chapters were restructured, and unnecessary explanations about what exactly happened or was discussed at length were removed. Each remaining word took on increased significance. Readers are left to infer much more. For example, the title of the prologue in the notebook is "An Old, Old Story," but in the typewritten manuscript, it is simply "An Old Story." In the notebook, Chapter I begins with the sentence, "That year, winter came late," while in the typewritten version, it reads, "Winter was reluctant to come." In the draft, Chapter VII begins with the words, "The Abners started living large that year; they bought a pair of carriage horses." In the typewritten version, the same chapter is now Chapter VI and is worded far more ironically: "Since childhood, Elsa Abner had felt an affinity for the lower class and horses." And so on. In the typewritten version, Chapter XVII from the notebook is placed at the beginning of the epilogue, with an added final paragraph, which remains unchanged in the second edition. Critics accused Ristikivi of allowing the novel to flag in its second part, and the author likely sensed the shortcomings of the first edition himself. In early 1942, he reworked Chapters X and XI of the second part for the novel's second edition. More specifically, he split Chapter X of "In a Stranger House" into two, adding nearly three-quarters of a new part, effectively creating an additional chapter in the novel. Three-quarters of the original Chapter X was then separated to form Chapter XI. In Chapter X of "In a Stranger House", there are a few pages about Valter and Ester's summer vacation, during which Valter reads his mother's diary. In "The Home of a Good Man", Ristikivi expands Chapter X by three-quarters with new material: Pauh encounters them in Pärnu, and Valter returns home and meets his twin brother Romm on the Tapa station platform. Chapter XI now consists almost entirely of the remaining three-quarters of the original Chapter X. Only the opening sentence of the relevant passage was changed. In "The Home of a Good Man" it was, "Now all this is forgotten," while in "The Home of a Good Man", it reads, "How everything had suddenly changed."	

	The three versions of the novel also have three different endings, with the final one being the published version that has remained unchanged. In each manuscript, the word "End" has been added. In the notebook, the novel ends with the following sentence: "Something has to be certain." In the typewritten manuscript, just before the newly added final paragraph: "And unceasingly, like fate, the rain tapped on the roof, and the water pipe sang its old, old song." The final version includes the story of the bookkeeper Kaisa Juhanson, who listens to the rain and writes in the memorial book of the P. Abner company. "She was an accountant, a girl who had come from who knows where, and her only part in this house was that she had to write the final lines in this book." Ristikivi had a keen sense of the novel's cohesiveness. He completed the notebook draft in June 1940, revised the manuscript for the first edition until October 1940, and gave the novel its final form for the second edition in early 1942, before completing the draft of "The Herb Garden". On February 1, 1942, he wrote to Hilja Vihalema: "I am currently making a map for the war theater for *Postimees* and revising my "In a Stranger House", which I want to turn into "My House". I am in a terrible hurry with both tasks..." In a letter to H.-M. Aaremäe on June 7, 1957, the classic author remarked (note the title used in correspondence to occupied Estonia): "What do I value most from my earlier work? Perhaps "In a Stranger House", though I know "The Herb Garden" is more compositionally complete." In 2008, the Pegasus publishing house based the fifth edition of "The Home of a Good Man" on the third edition published in 1950, which is identical to the second edition published in 1943. Evi Laido EKLA Karl Ristikivi on "The Home of a Good Man" Ristikivi has also crafted his novel's language in a folksy, expressive style enriched with witty phrases, using only a few foreign words and expressions.	

	Truthfully, both in terms of sentence structure and word choice, Ristikivi's style continually interjects playful allusions with a humorous touch. Hugo Viires, 1940 The old Hanseatic town also receives its belated chronicle of merchants. Although it is not as extensive as, for example, Galsworthy's cycle, the significance of money and capital in the book is at least as prominent. Arvo Mägi, 1962 Jakob Kadarik lives in a foreign house, where the true residents regard him as a stranger, even though the protagonist himself would like to see it as "The Home of a Good Man". Unfortunately, this notion can only be taken with irony. Thus, both title variants are uniquely insightful. Oskar Kruus, 1984 The Tallinn Trilogy represents advancing Estonianness. However, the most significant issue is the temporal dimension of the human experience—the journey of a person. Toomas Liiv, 1987 In a comprehensive way, he brought valuable elements of the English mindset into the life-sensibility of Estonian literature. Maie Kalda, 1997				
19.	2002	Kaltsutitt ja puuhobune	Tiia Toomet	Children's literature	Тряпичная кукла и деревянная лошадка / A rag doll and a wooden horse
	Fotol on selle raamatu peategelased, kes koos paljude teiste vanade mänguasjadega olid varjul Eesti Rahva Muuseumi hoiukappides. Ühel päeval otsustasid kaltsutitt ja puuhobune põgeneda pimedatest muuseumihoidlatest ja minna tänapäeva lapsi otsima. Kuidas see neil õnnestus ja mis kõigest lõpuks välja tuli, saad teada, kui oled raamatu läbi lugenud. Ühes sellega saad ka palju huvitavaid teadmisi endisaja talulaste mängudest ja mänguasjadest. Kaltsutitte, puuhoobust ja kõiki teisi vanu mänguasju, kellest raamatus juttu,				Дети на то и дети, без игр они просто не растут. И без игрушек тоже. Книга Тийи Тоомет «Тряпичная кукла и деревянная лошадка» – это работа широко известного мастера современной эстонской детской литературы, талантливого популяризатора, у которого научность материала (коллекция Тартуского музея игрушек) сочетается с живостью и занимательностью изложения.

	võid aga vaatama tulla Tartu Mänguasjamuuseumisse, kus nad näitusevitriinides põnevusega lapsi ootavad.	Не случайно в русском переводе (на русский язык переводится впервые) книга имеет подзаголовок «занимательная этнография». Построение книги отличается rnубокой продуманностью, «обрядностью», смысл которых – уважение к народной культуре. Автор не только придает большое значение познавательной стороне темы истории эстонской детской игрушки, но и обладает искусством сообщать повествованию энергию детского оптимизма. Дидактика растворяется в ассоциациях, играх, шутках, каламбурах. Читатель найдет загадки и забавы, головоломки и, конечно, сказхи с чудесами и подвигами и рассказы об эстонсюм хуторском и городском быте и укладе. Кладезь навыков работы предложит книга: с тканями и деревои, косточками и глиной, камышом, соломой, берестой, прутьями, корой, бумагой, веревкой, проволокой и т.п. Но что еше важнее - объяснит премудрости, отточит детскую смекалку, разовьет фантазию, воображение. В книге под рисунками дети найдут эстонско-русские словарики, способствующие закреплению нового языкового арсенала. Это книга – для семейного чтения: в ней есть все то, что привлекает детей, но есть и то, что заставляет размышлять взрослого читателя.
	On the cover are the main characters of this book, a rag doll and a wooden horse, who, along with many other antique toys, had been kept safely in the storage rooms of the Estonian National Museum. One day, however, the rag doll and the wooden horse decided to escape from the museum's dark storerooms to seek out children of the modern world. To discover how their adventure turned out and what happened along the way, you'll have to read the book! As you do, you'll learn fascinating details about the games and toys of farm children from days gone by. And if you want to meet the rag doll, the wooden horse, and all the other old toys from the story, you can visit the Tartu Toy Museum, where they eagerly wait for children to see them on display.	Children and Their Toys: A World of Discovery in Tiiu Toomet's "Rag Doll and Wooden Horse" Children, after all, are children—growing up is just not the same without play and toys. Tiia Toomet's "Rag Doll and Wooden Horse" is the work of a well-known master of contemporary Estonian children's literature, a skilled storyteller with an impressive ability to bring academic material, like the toy collection from the Tartu Toy Museum to life. It's no coincidence that the Russian translation of the book, appearing for the first time, carries the subtitle "An Entertaining Ethnography." This book is deeply thoughtful in its structure, designed almost like a ritual that imparts respect for folk culture. The author brings energy to the subject of Estonian toy history, immersing readers in a tale filled with childhood optimism. The educational element subtly weaves into associations, games, jokes, and wordplay. Readers will find riddles, puzzles, and, of

					course, stories full of wonder, heroic acts, and glimpses into the daily lives of Estonian villages and urban culture. The book is a treasure trove of crafting techniques: working with fabrics and wood, seeds and clay, reeds, straw, birch bark, branches, paper, string, wire, and more. But even more crucially, it teaches tricks of the trade, encourages ingenuity, and sparks imagination. Beneath the illustrations, children will also find Estonian-Russian mini-dictionaries to help reinforce new vocabulary. This is a book for family reading: it has all the elements that appeal to children, but it also provides moments that will give adult readers pause for thought.
20.	2002	Maari suvi	Jaan Rannap		Лето Маари / Maari's Summer
	Autori järelsõna Nüüd on ajast, mil ma panin paberile esimesed read „Maari suvest", möödunud 40 aastat. Selle aja jooksul on lapsed jõudnud ikka ja jälle küsida, kas Maari oli ka tegelikult olemas. Ma arvan, et väikesi tüdrukuid nagu Maari on alati olnud, on praegugi. Nad teevad oma mõttemaailmas rännakuid, mida suurtel inimestel on raske mõista. Sellest hoolimata on ju tore lastega koos rännata. Mis oli päriselt nii nagu raamatus, on lapsed küsinud. Palju oli. Üks metsaveohaagis poetas tõesti metsatalu värava ette paku, kus kunagi olid pesitsenud kakulised. Ja üks-kaks-kolm tegi toimekas vanaema tallest pakust nukumaja. Raamatu vanaema on just selline, nagu oli päris vanaema. Ja raamatu vanaisa nii kujult kui tegutsemiselt nagu päris vanaisa. Autor kirjutas nad elust maha, öeldakse selle kohta. Päris Maarist ma pikemalt ei räägi. Kuid temagi oli olemas, tantsis mesilaste tantsu, andis sipelgatele nimesid ja õppis kivikompassi tundma. Endistviisi on ta truu loodusele. Nüüd juba bioloogiadoktorina. jürikuul 2015 Jaan Rannap				Маари – это эстонская сестричка Дяди Федора. А ее друзья: совы, муравьи, пчелы – Шарик и кот Матроскин. Они оба – и Дядя Федор, и Маари – живут в городе и в силу обстоятельств, более или менее обычных или необычных, оказываются в деревне, там, где жили из дедушки, и там, где складывались традиции их анциональной культуры. И вот здесь как раз и вырисовывается то, что может сделать книжку о Маари познавательной не только для маленького эстонского, но и маленького русского читателя: ведь деревни Простоквашино и та, где живут дедушка и бабушка Маари, очень разные и в этой разности видится и различие в некоторых чертах наших национальных характерах. Простоквашино – это деревня, где можно ходить по, увы, пустынной деревенской улице, где есть почтальон Печкин и другие соседи. В деревне Маари соседей даже и нет, это отдельный хутор, живет своей цельной жизнью. Общинность и индивидуализм просматриваются в этих замечательных детских историях как естественные и обычные формы привычной жизни. Впрочем, эти различия не являются преградой понимания, я надеюсь. Мне нетрудно представить Маари в гостях в Простоквашино и Дядю Федора в бою с разбойниками бенды Ринальдо… А главное, я знаю, что встретись Маари и Федор по-настоящему, они стали бы большими друзьями.

					И поэтому спасибо Лене Розиной за этот замечательный перевод книжки одного из наших самых любимых писателей – Яана Раннапа – перевод, который сделал эту дружбу возможной хотя бы понарошку. Профессор Игорь Грязин, адвокат
	Author’s Afterword It has now been 40 years since I first put down the words of “Maari's Summer”. Over the years, children have repeatedly asked whether Maari really existed. I believe that there have always been little girls like Maari, and there still are. They journey through their imaginative worlds, where it’s often hard for grown-ups to follow. But isn't it wonderful to travel with them? The children often ask what is true as it is in the book. A lot of it was. There really was a log left by a timber truck at the forest farm gate, which had once been a home for owls. And sure enough, a busy grandmother turned it into a dollhouse. The grandmother in the book is just like my real grandmother. The grandfather resembles the real one in both form and action. As they say, I wrote them from life. I won’t talk much about the real Maari. But she did exist; she danced the bees' dance, named the ants, and learned to read a stone compass. To this day, she remains faithful to nature. Now, as a doctor of biology. April 2015, Jaan Rannap				Maari — Estonian Cousin to Uncle Fyodor Maari could well be described as the Estonian sister to Uncle Fyodor. And her friends—the owls, the ants, and the bees—are her version of Sharik the dog and Matroskin the cat. Both Uncle Fyodor and Maari start as city kids, and through a series of somewhat ordinary or extraordinary events, find themselves in the countryside, a place that brings them closer to the traditions of their respective national cultures. This is where “Maari’s Summer” can be especially enlightening, not just for young Estonian readers but also for young Russian readers. The villages of Prostokvashino and Maari’s grandparents’ farm are quite different, highlighting some of the unique aspects of our national character. Prostokvashino is a village where you can stroll along a more communal, albeit often deserted, street, meeting characters like postman Pechkin and other neighbors. In Maari’s world, there are no neighboring farms—it's a standalone homestead, with a life of its own. Collectivism and individualism emerge as natural and familiar aspects of each story's cultural setting. Still, these differences don’t form any barrier to understanding, I believe. I can easily imagine Maari visiting Prostokvashino, and Uncle Fyodor taking on bandits from Rinaldo’s gang. Most importantly, I know that if Maari and Uncle Fyodor were to meet, they would become the best of friends. And so, my thanks to Lena Rozina for this wonderful translation of a book by one of our most beloved authors, Jaan Rannap—a translation that has made this friendship possible, even if just in the pages of a book. Professor Igor Gryazin, Attorney
21.	2003	Kodumaa muld	Ilmar Jaks	Short stories	Земля отечества / The soil of Fatherland
	n/a				Настоящее издание выходит в серии «Мастер» (Современная литература в переводе). Эта серия впервые представляет на русском языке мастера-

		новеллиста Ильмара Якса, лауреата литературной премии им. Фр. Тугласа. Литературную деятельность ныне один из широкоизвестных писателей эстонского зарубежья начинал журналистом. В 1958 вышел первый сборник его новелл «Отчет», затем романы «Ничья земля» (1958), «Авгиевы конюшни» (1977), «Хутор» (1980). С 1980 года публикуется в эстонской периодике. Ильмар Якс работал юристом в Швеции, жил в Дании, Австрии, ФРГ, Франции. Ныне живет в Швеции. Член Союза эстонских писателейза рубежом с 1964 года. Мастер перевода – Гоар Маркосян-Каспер известна читателям как переводчик и автор романов «Пенелопа» (переведенного на немецкий, французский, голландский, испанский и итальянский языки) и «Елена» (недавно вышел в переводе на эстонский язык. Мастер-критик – Калле Каспер, писатель, поэт, драматург, кинорежиссер, публицист. Лауреат конкурса драматургии (пьеса «Вариант доктора Стокманна»). Учился в Москве на выских сценарных курсах у театрального режиссера А.Васильева, кинорежиссеров С.Соловьева и А.Митты. Автор сценариев трех полнометражных художественных фильмов и трех пьес. Изданы: сборник прозы «Гамлет, принц Датский, филер», романы «Ода утреннему одиночеству» и «Братья Луйк» и др. Это – первое издание книги Ильмара Якса на русском языке.
	n/a	This edition is part of the “Master” series (Contemporary Literature in Translation). This series presents for the first time in Russian the works of the master storyteller Ilmar Jaks, a laureate of the Friedebert Tuglas Literary Award. One of the most widely known writers among the Estonian diaspora, Ilmar Jaks, began his literary career as a journalist. His first collection of novellas, “The Report,” was published in 1958, followed by novels such as “No Man's Land" (1958), “The Stables of Augeias” (1977), and “The Homestead” (1980). Since 1980, his works have been published in Estonian periodicals. Ilmar Jaks worked as a lawyer in Sweden and lived in Denmark, Austria, Germany, and France. He currently resides in Sweden and has been a member of the Union of Estonian Writers Abroad since 1964.

					The master translator, Gohar Markosjan-Käsper, is known to readers as the translator and author of the novels “Penelope” (translated into German, French, Dutch, Spanish, and Italian) and “Elena” (recently translated into Estonian). The master critic, Kalle Käsper, is a writer, poet, playwright, film director, and publicist. He is the winner of a drama competition for his play “Dr. Stockmann's Alternative.” He studied at the VGIK Screenwriting Courses in Moscow under the theater director A. Vasilyev and the film directors S. Solovyov and A. Mitta. He is the author of screenplays for three feature films and three plays. His works include the prose collection “Hamlet, Prince of Denmark, Filler,” the novels “Ode to Morning Solitude” and “The Luik Brothers,” among others. This is the first edition of Ilmar Jaks' book in Russian.
22.	2003	Iseseisvuspäev	Kaur Kender	Novels	День независимости: когда Эстония еще не была пограничным государством / The Independence Day: before Estonia became a border state
	Õues oli pimedaks läinud. Teadsin seda enne, kui silmad avasin. Vaatasin tekki. Ja nägin magamiskotti. Võõras. Ja miks ma põrandal magasin? Võõras tuba. Ahaa. Marksi juures. Marks magas voodis. Nahk-jopp seljas. Selle all pintsak. Huvitav, püksid oli ta ära võtnud ja viike pidi kokku pannud. Koperdasin kööki. Marks on ikka hoolas. Peseb nõusid ja puha. Jõin liitri vett. Norskamine lakkas. „Karl!“ Marksi hääles on muret ja kähinat. „Siin.“ „Õnneks, too mulle ka vett.“ Lasin mingi klaaskannu vett täis ja läksin tüppa. Marks kergitas oma pead ja keeras ennasti selili. „Kurat, see on vaas.“ „Ma toon...“ Ma ei jõudnud lõpetada. „Anna siia, ma suren vist kohe.“ „Lähme apteeki,“ pakkusin.				Каур Кендер (32) – ярчайшая новая звезда на небосклоне эстонской прозы. Шумная и скандальная слава пришла к нему сразу после выхода в свет его первого романа «День независимости», Книга была отмечена премией Национального конкурса романов (1997). Кендер – великолепный рассказчик, он мастерски строит напряженный сюжет. Морк, здоровый цинизм и умение, сохраняя нейтральную, казалось бы, интонацию, честно и прямо говорить о пороках современного общества – все это привлекает читателей его книг. Действие «Дня независимости» происходит накануне и сразу после распада СССР. Это было время, когда состояния делались из воздуха, красивые девушки шли на панель, бандиты процветали, а большинство населения пребывало в растерянности. «День независимости» – классический плутовской роман. Его герои – обаятельные негодяи Карл и Маркл – всеми способами пытаются нажить большие деньги. Эти парни сделаны из того теста, из которого время лепит миллионеров и убийц. Разница, в общем, пустяковая. Начав читать этот роман, вы не оторветесь от него до последней строчки, а когда закроете книгу, откроете для себя прекрасного современного писателя.

	Kenderi räme ja provotseeriv otseütlemine näib ometi varjavat sotsiaalselt tundlikku närvi. Reflektoorse rahutuse taga aimub teadasaamise ja üldistamise kirg. Kender tunneb „uue aja“ mängureegleid ja ei tõrgu neid kasutamast enda huvides, aga ka eri nähtuste ja isikute vastandamises-kõrvutamises. Rein Veidemann/Arter Kender on eesti kirjandusele sama, nagu eesti ajakirjanduse jaoks oli omal ajal Eesti Ekspress, mis tõi uue, natuke ulaka ja kireva mõtlemise tabude seltskonda, mis lõi vana kultuurilehe Sirbi nagu jala pealt maha ja tegi uue lehe. Jüri Mõis/Arter Raamat, mis kujundas eesti kirjanduses jõmm-mehe arhetüübi. Satiiriline täistabamus teise vabariigi algusaja ikoonide pihta. Kõiki tuhandeid kurje võimalusi kasutav Karl, kes meelega ei omanda eesilisi väärtusi. Kas sa leiad ennast mahajäetud kaevandussahtist või mõnest pikemast luksuslimusiinist? Kui mõni lugeja otsib raamatutest moraalikullavälju, siis siit leiate ainult suitsevaid varemeid. Veiko Märka, Matis Song/Areen Õigem olekski Kenderi lugejatena mitte asetuda kergeukslike positsiooni. Temas ei tuleks näha mitte totalitaarse mineviku saadust, mitte homo soveticuse näidet. Pigem on ta uut tüüpi lääne inimese esimene esindaja eesti kirjanduses, seejuures väga jõuline ja ere esindaja. Jaanus Adamson/Tuglas Seura/Illimar	
	Outside had turned dark. I sensed it before I even opened my eyes. I looked at the blanket. And saw the sleeping bag. Strange. And why was I sleeping on the floor? Strange room. Aha. At Mark's place. Mark was sleeping in bed. Leather jacket on. Underneath, a suit jacket. Interestingly, he had taken off his pants and neatly folded them. I stumbled to the kitchen. Mark is always	Kaur Kender (32) is the brightest new star in the Estonian prose sky. Noisy and scandalous fame came to him immediately after the release of his first novel, “Independence Day”, which was awarded the National Novel Competition Prize (1997).

	diligent. Doing the dishes and all. I drank a liter of water. The snoring stopped. "Karl!" Mark's voice sounded worried and hoarse. "Here." "Luckily, bring me some water too." I filled some glass pitchers with water and went back. Mark raised his head and rolled onto his back. "Damn, this is a vase." "I'll bring..." I didn't finish. "Give it here, I think I might die soon." "Let's go to the pharmacy," I suggested. Kender's raw and provocative frankness seems to conceal a socially sensitive nerve. Behind the reflexive restlessness, one can sense a passion for learning and generalization. Kender knows the "rules of the new age" and doesn't hesitate to use them to his advantage, but also in contrasting and comparing different phenomena and individuals. Rein Veidemann/Arter Kender is to Estonian literature what Eesti Ekspress was to Estonian journalism back in the day, bringing a new, slightly audacious and colorful thinking to the table, breaking the old cultural newspaper Sirp like a twig and making a new one. Jüri Mõis/Arter A book that shaped the archetype of the “thug man” in Estonian literature. A satirical bullseye on the icons of the early republic. Karl deliberately does not embrace traditional values. Whether you find yourself in an abandoned mine shaft or a luxurious limousine, Karl, who deliberately does not embrace traditional values, will accompany you. If some readers seek moral gold mines in books, here you will find only smoking ruins. Veiko Märka, Matis Song/Areen It would be more accurate for Kender's readers not to adopt the position of the gullible. In him, one should not see the legacy of a totalitarian past, not an example of homo sovieticus. Rather, he is the first representative of a new type of Western man in Estonian literature, a very strong and vivid representative of that. Jaanus Adamson/Tuglas Seura/Illimar	Kender is a superb storyteller; he skillfully constructs a tense plot. Dark humor, healthy cynicism, and the ability to honestly and directly speak about the vices of modern society while maintaining a seemingly neutral tone all attract readers to his books. The action of “Independence Day” takes place on the eve and immediately after the collapse of the USSR. It was a time when fortunes were made out of thin air, beautiful girls went to work as prostitutes, gangsters thrived, and the majority of the population was in confusion. “Independence Day” is a classic picaresque novel. Its characters – charming scoundrels Karl and Mark – try by all means to make big money. These guys are made of the same stuff from which time molds millionaires and murderers. The difference, in general, is trivial. Once you start reading this novel, you won't be able to put it down until the last line, and when you close the book, you'll discover a wonderful contemporary writer.

23.	2004	Une-Mati, Päris-Mati ja Tups	Dagmar Normet	Children's literature	Засыпайка в Таллинне / Une-Mati in Tallinn
	n/a				Книга известной эстонской писательницы Дагмар Нормет «Засыпайка, Мати и Тупс» давно полюбилась детям и неоднократно переиздавалась. Перед вами - первое издание на русском языке, в котором автор рассказывает о приключениях своих знаменитых героев в Таллинне. Засыпайка – маленький добрый волшебник, который приносит детям сны. Он подружился с мальчиком Мати (на эстонском языке у них почти одинаковые имена - Мати и Уне-Мати, то есть Матисон) и его щенком Тупсом. А потом еще с бабушкой Мати по имени Буратино... Каждую ночь во сне - а может, это происходит наяву? - Мати и Тупс отправляются в новое путешествие. Но обо всем этом, а также о других удивительных приключениях Засыпайки и его друзей вы узнаете, прочитав эту веселую книгу.
	n/a				The book "Une-Mati in Tallinn", by renowned Estonian author Dagmar Normet, has long been a favorite among children and has been reprinted multiple times. This is the first edition in Russian, where the author recounts the adventures of her beloved characters in Tallinn. Une-Mati is a little, kind wizard who brings dreams to children. He becomes friends with a boy named Mati (in Estonian, their names are almost the same—Mati and Une-Mati, or Mattison) and his puppy, Tups. Later, they even befriend Mati's grandmother, whom they call Buratino… Every night in their dreams—or could it be happening in real life? — Mati and Tups embark on a new adventure. All of these stories, along with other fantastic adventures of Une-Mati and his friends, await you in this delightful book.
24.	2004	Üksindus on hommikuti hell. Trdat See-ja-See-jani elu	Kalle Käsper	Novels	Ода утреннему одиночеству, или жизнь Трдата / Ode to the morning solitude, or the life of Trdat
	Romaani tegevus toimub Moskvas, Armeenias ja Eestis. Armeenlase ja eestlanna armastusloo taustal kujutatakse lähimineviku sündmusi, mis viisid Nõukogude impeeriumi lagunemisele.				Героем своего романа «Ода утреннему одиночеству» Калле Каспер сделал армянина, писателя, русскоязычного человека, который безуспешно ищет ту точку в пространстве, где может без помех следовать своему призванию. Он перебирается в Москву и готов даже ехать к своему давней возлюбленной в

	1996. aasta romaanivõistluse III auhind. TÕLKIJALT See käsikiri sattus minu kätte juhuslikult. Mulle helistas näitleanna K., ütles, et üks tema tuttav armeenia kirjanik on saatnud talle uue romaani äratõmbe, ja palus, et ma selle läbi loeksin. Vastasin, et ma ei oska armeenia keelt, aga K. selgitas, et teos on kirjutatud vene keeles. Juba ainnuüksi kunagi üheskoos veedetud kaunite hetkede tõttu ei saanus ma K. palvet tagasi lükata. Üllatusega avastasin, et romaan on päris huvitav. Üks, kahjuks mitte eriti suur osa oli pühendatud Eestile ja ka ülejäänud tekstist võis leida paralleele meie eluga. Nii tõlkisingi käsikirja eesti keelde. Tegin ära ka kommentaatori töö, mis ei olnud kerge ja andis mulle põhjust enesekriitikaks, kui vähe ma tean rahvast, kellega sai hulk aastasid elatud ühes riigis. Vihjed vene luuletajate Sergei Jessenini ja Ossip Mandelštami loomingule jätsin ajapuudusel kommenteerimata. Ü.Ü. COVER Kõige esimene asi, mida vabadus endaga kaasa toob, on vägivald. Nagu lõvid ei söö antiloope üksnes loomaaias, nii ka inimesed ei kahjusta üksteist vaid siis, kui see neile pole tehtud üliohtlikuks, võimatuks. Inimkond ei oska olla vaba – sest ta näeb vabaduses just nimelt vabadust, aga mitte enesepiirangut, mida üks vabadus endast tegelikult kujutab. Nii kukubki välja, et inimesed on seda paremad, mida julmemalt surub ühiskond maha neis peituvaid kuritegelikke instinkte. On võrdlemisi vähe inimesi, kes suudavad vabadusega enam-vähem mõistlikult ümber käia – aga ei paista olevat ainsatki võimalust, kuidas teha vabaks just need inimesed.	Эстонию, но туда его не впускают, и, осев в бывшей советской столице, он пишет, дабы заработать на хлеб насущный и крышу над головой, статьи для бульварных газет и журналов. Ни у жены, ни у любовниц Трдат не находит желанного понимания и тепла, и ему остается только в одиночестве, из которого он научился извлекать некую горькую усладу, размышлять о превратностях судьбы и гримасах истории. От переводчика Эта рукопись попала ко мне случайно. Мне позвонила актриса К., сказала, что некий ее знакомый, армянский писатель, прислал ей экземпляр своего нового романа, и попросила, чтобы я его прочел. Я ответил, что не знаю армянского, но К. объяснила, что вещь эта написана на русском языке. Уже из-за проведенных некогда вместе прекрасных мгновений я не смог отказать ей в ее просьбе. К своему удивлению, я обнаружил, что роман довольно любопытен. Одна из его частей, к сожалению, не очень большая, была посвящена Эстонии, да и в прочем тексте нашлось немало параллелей с нашей жизнью. Вот почему я перевел рукопись на эстонский язык. Я проделал и работу комментатора, что было нелегко и дало мне повод самокритично поразмышлять над тем, как мало я знаю о народе, с которым прожил столько лет в одном государстве. Намеки на творчество русских поэтов Сергея Есенина и Осипа Мандельштама из-за нехватки времени остались без комментариев. Ю.Ю.
	The novel is set in Moscow, Armenia, and Estonia, and centers on the love story between an Armenian man and an Estonian woman. Against this	In his novel “Ode to Morning Solitude,” Kalle Käsper made his protagonist an Armenian, a writer, a Russian-speaking man who is unsuccessfully searching for that point in space where he can follow his calling without interference. He moves to

	backdrop, the events of recent history that led to the collapse of the Soviet empire are depicted. The 3rd Award for the 1996 novel competition. Translator's note: This manuscript came into my possession by chance. Actress K. called me and said that an Armenian writer she knew had sent her a copy of his new novel, and she asked me to read it. I replied that I didn't know Armenian, but K. explained that the work was written in Russian. Simply because of the beautiful moments we had once shared, I couldn't refuse her request. To my surprise, I found the novel quite interesting. One part of it, unfortunately not a very large one, was dedicated to Estonia, and I also found many parallels with our own life in the rest of the text. That's why I translated the manuscript into Estonian. I also took on the role of a commentator, which wasn't easy, and gave me a reason to critically reflect on how little I know about the people with whom we lived for so many years in the same country. Due to a lack of time, I left the references to the works of Russian poets Sergei Yesenin and Osip Mandelstam without comment. — Ü.Ü. COVER The very first thing that freedom brings with it is violence. Just as lions don't only hunt antelopes in zoos, people also don't harm each other only when it has been made extremely dangerous or impossible for them to do so. Humanity doesn't know how to be free—because it sees freedom as precisely freedom, and not self-restraint, which is what true freedom entails. The result is that people are at their best when society suppresses the criminal instincts within them as harshly as possible. There are relatively few people who can handle freedom more or less reasonably, but there seems to be no way to ensure that freedom belongs exclusively to these people.	Moscow and is even prepared to travel to his longtime lover in Estonia, but he is not allowed entry there. Settling in the former Soviet capital, he writes articles for tabloid newspapers and magazines in order to earn a living and keep a roof over his head. Neither his wife nor his lovers provide the desired understanding or warmth, and all that remains for Trdat is solitude, from which he has learned to draw a certain bitter pleasure, reflecting on the twists of fate and the grimaces of history. Translator's Foreword This manuscript came into my possession by chance. Actress K. called me and said that an Armenian writer, a friend of hers, had sent her a copy of his new novel and asked if I could read it. I replied that I didn't know Armenian, but K. explained that the work was written in Russian. Because of the wonderful moments we had once shared, I couldn't refuse her request. To my surprise, I found the novel to be quite interesting. One part of it, unfortunately not very long, was dedicated to Estonia, and the rest of the text contained numerous parallels with our own lives. This is why I translated the manuscript into Estonian. I also made some comments, which was not easy and allowed me to reflect self-critically on how little I knew about the people with whom I had lived for so many years in the same country. References to the works of Russian poets Sergei Yesenin and Osip Mandelstam, due to a lack of time, were left without commentary. U.U.

25.	2004	Kalevipoeg	Friedrich Reinhold Kreutzwald, Eno Raud (eds.)	Children's literature	Калевипоэг / Kalevipoeg
	n/a				n/a
	n/a				n/a
26.	2005	Une-Mati rannakülas	Dagmar Normet	Children's literature	Засыпайка в рыбацкой деревне / Une-Mati in the Fishers' Village
	n/a				«Засыпайка в рыбацкой деревне» – вторая книга известной эстонской писательницы Дагмар Нормет о приключениях мальчика Мати и маленького доброго волшебника Засыпайки, который приносит детям сны (на эстонском у них почти одинаковые имена – Мати и Уне-Мати, то есть Мати-сон). В первой книге – «Засыпайка в Таллинне» – герои познакомились, подружились и прекрасно проводили время, отправляясь каждую ночь во сне - а может, наяву? – в новое удивительное путешествие. Во второй книге родители увозят на лето Мати и его щенка Тупса в Кясму – рыбацкую деревню на море, одно из красивейших мест в Эстонии. Засыпайка не смог расстаться с другом и по волшебству оказался в некогда знаменитом своими капитанами приморском поселке. Тут-то и продолжились веселые приключения героев, тут-то и нашли они новых друзей.
	n/a				"Une-Mati in the Fishers' Village" is the second book by well-known Estonian author Dagmar Normet, telling more adventures of the boy Mati and the little, kind wizard Une-Mati, who brings dreams to children (in Estonian, their names are almost identical—Mati and Une-Mati, or Mati-the-Dream). In the first book, "Une-Mati in Tallinn", the characters met, became friends, and had wonderful times, setting off every night in a dream—or perhaps in real life? —on a new, amazing journey. In this second book, Mati's parents take him and his puppy Tups to Käsmu, a picturesque fishing village by the sea, one of the most beautiful places in Estonia, for the summer. Une-Mati couldn't part with his friend and magically transports himself

					to this seaside town, formerly famous for its captains. There, their fun-filled adventures continue, and they make new friends.
27.	2005	Tasuja: jutustus Eesti vanast ajast	Eduard Bornhõhe	Novels	Мститель: историческая повесть из далекого прошлого эстонского народа / The Avenger, a historical novel about the past times
	n/a				Эдуард Борнхёэ – выдающийся представитель эстонской литературы конца XIX века. В исторической повести «Мститель» Борнхёэ впервые в эстонской литературе изображает народное восстание против угнетателей. В образе Мстителя (Тазуя) нашли свое воплощение лучшие качества народного вождя – мужество, любовь к страдающей Родине, мудрость, благородство, преданность своему делу. Борьба с угнетателями за освобождение своего народа является для Тазуя высшей целью, его девиз – «Отечество превыше всего!» Он преодолевает как внешние препятствия, так и тяжелые внутренние противоречия, подчиняя свои личные чувства интересам общенародной борьбы.
	n/a				Eduard Bornhöhe is an outstanding representative of Estonian literature at the end of the 19th century. In his historical novella "The Avenger," Bornhöhe, for the first time in Estonian literature, depicts a national uprising against oppressors. The character of the Avenger (Tasuja) embodies the best qualities of a national leader: courage, love for the suffering Motherland, wisdom, nobility, and dedication to his cause. The struggle against oppressors for the liberation of people is the highest goal for Tasuja, and his motto is "The Fatherland above all!" He overcomes both external obstacles and heavy internal contradictions, subordinating his personal feelings to the interests of the nationwide struggle.
28.	2006	Meelis	Enn Kippel	Novels	Мээлис: историческая повесть / Meelis
	n/a				n/a
	n/a				n/a
29.		Näidendid	Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Madis Kõiv, Urmas Lennuk, Jaan Tätte	Plays	Костер Савонаролы и еще 7 новейших эстонских пьес / Savonarola Fire and 7 newest Estonian plays

	n/a	Предисловие Эта книга – первая попытка познакомить русского читателя (в том числе людей театра в России и других государствах) с новейшей эстонской драматургией. До распада СССР пьесы эстонских авторов довольно широко шли на сценах других союзных республик. В сталинскую эпоху – «идеологически выдержанные» творения Аугуста Якобсона. Позднее – не менее идеологизированные, но несколько в ином духе, сочинения Эгона Раннета. Но уже в 1960-е годы Союз познакомился с другой эстонской драматургией, настоящей: сначала Москва увидела «Вдову полковника» Юхана Смуула, чуть позже в России поставили «Кихну Йыння». А когда Союз узнал имя Энна Ветемаа, можно было уже говорить не только о знакомстве, но и о признании эстонской драматургии. Но с современной эстонской драматургией, с пьесами, написанными и поставленными уже после восстановления независимой Эстонской Республики, русский читатель и зритель знаком слабо. Последние 10–12 лет отмечены практически полной сменой списка репертуарных авторов в эстонском театре. Отчасти это связано с тем, что театры вынуждены подчиняться законам рынка. Неконкурентоспособными оказались многие авторы; другие – в первую очередь Энн Ветемаа – отошли от драматургии, сосредоточившись на иных жанрах. (В Эстонии «чистых» драматургов в общем-то почти и не было – одними пьесами писатель не мог прожить тогда и тем более не может прожить сейчас: очень уж узок рынок.) В этой книге представлены пьесы пяти авторов. На мой взгляд, наиболее ярких. Тех, чьи пьесы могут и должны вызвать интерес за пределами Эстонии и – почему бы нет? – найти дорогу на сцены русских театров. Это – люди разных поколений, разного возраста. От 75-летнего Мадиса Кыйва до 29-летнего Урмаса Леннука. Начнем с самого старшего. Мадис Кыйв (Madis Kõiv, 1929) – писатель во многом загадочный. Он никогда не выходит кланяться на премьерах; говорят, что он вообще не ходит на премьеры своих пьес. Человек этот поразительно одарен сразу во многих

		сферах жизни. По образованию он физик, доктор наук, преподавал в Тартуском университете, потом (на протяжении 30 лет) работал в Институте физики и астрономии АН Эстонии в Тарту. Как очень многие физики, пришел к философии, причем к самым кардинальным ее вопросам, о бытии божьем. Кроме того, он еще и очень неплохой живописец. Условно говоря, у литературного творчества Кыйва – три источника. Первый — это его родной край, Южная Эстония. Детство писателя прошло в Вырумаа и Валгамаа. Перед войной там еще говорили на южноэстонском диалекте, и Кыйв до сих пор любит щегольнуть им. Во-вторых, знаменитый тартуский дух, в 1960–1970-у гг. оставляющий одну из самых ярких черт университетского города. Дух вольномыслия, диссидентства. Кружки и салоны, в которых местные интеллектуалы решали вопросы бытия. Третьим источников стал образ жизни физика. Как и многие его коллеги, Кыйв увлекался альпинизмом. Во время одного восхождения на Памир (в 1964 году) он сломал ногу. Вынужденное безделье заставило травмированного физика взяться за перо. В 1960-е годы Кыйв серьезно увлекался театром, в одном из своих прозаических произведений он вспоминает о московских спектаклях того времени и выделяет Владимира Высоцкого, которого видел на Таганке. Может, оттого-то первым опытом в литературе для Кыйва стала пьеса «Кастроцца». Поставлена она была много лет спустя, и этот опыт оказался не слишком удачным, но для Кыйва пути назад уже не было. Он, не испытывая по этому поводу никаких комплексов, писал «в стол» – и подчас отдавал театрам пьесы, написанные много лет назад. Причем они не казались устаревшими. <…> Среди пьес Кыйва есть и такие, героями которых выступают непосредственно великие философы прошлого – «Встреча» (ее герои – Лейбниц и Спиноза) и «День философа» (в которой действует Иммануил Кант). Разумеется, это не документальные драмы, сюжеты их – фантазия чистой воды. Кыйв пишет не о том, что было, а о том, что при определенных условиях могло бы быть. Большинство пьес Кыйва поставлено в Эстонском театре драмы режиссером Прийтом Педаясом. В том числе – вошедшая в сборник драма Finis nihili («Последний нигилист»), премьера которой состоялась в 2002 году, хотя

некоторые реалии пьесы (жесткий контроль государства над учеными-физиками, угроза психушки, наависающая над одним из героев) говорят о том, что время ее создания относится к первой половине 1980-х. Произведение это очень многослойное, оно оставляет просто для читательской (и режиссерской) фантазии; в чем-то оно даже предвосхищает очень модный «Копенгаген» М. Фрейна… Хотя возможно, что одна из коллизий пьесы, правда, несколько замаскированная (физики почему-то не хотят работать над неким «проектом» - явно военного значения!), могла быть навеяна то ли судьбой Роберта Оппенгеймера, то ли Андрея Сахарова. Правда, у героев пьесы нет прототипов, да и действие ее происходит в условном, очень концентрированном пространстве.

* * *

Носителем тартуского духа, хотя и в несколько ином роде, можно считать и Марта Кивастика (Mart Kivastik, 1963). 42-летний писатель в прошлом был человеком весьма богемного склада. Начинал он, как большинство, с прозы; его первая книга «Завтра» вышла в 1993 году, а в 1999 году Кивастик стал лауреатом премии им. Фридеберта Тугласа, присуждаемой за лучшую новеллу. Впрочем, в драматургии он не менее успешен – в 2005 году получил премию фонда Kulttuurkapital и Союза писателей Эстонии за пьесу «Портрет замерзающего художника». Ее герой – эстонский живописец Конрад Мяги, чья судьба напоминает судьбу Ван Гога.

Кивастик работает и в кинематографе, он был сценаристом и режиссером.

Драматургия Кивастика, несмотря на бесспорные литературные достоинства его пьес, довольно долго оставалась периферийным, если не маргинальным, сектором эстонской драматургии. Изысканные конструкции его пьес, во многом основанные на постмодернистской эстетике, с трудом вписывались в театральный мейнстрим. Его первая успешная пьеса «Пеэтер и Тыну» была фактически перенесением в современные условия некоторых приемов фьябы, предоставлявшей актерам свободу импровизации в рамках жестко заданного сюжета. Пьеса «Удачи, Лена!» шла в Вильяндиском театре «Угала», но особым успехом не пользовалась. «Слуга» (Teener, премьера в VAT-театре, 2004) и

		«Костер Савонаролы» (Savonarola tuleriit, премьера в Эстонском театре драмы, 2005) выдвинули Кивастика в первый ряд репертуарных авторов. «Слуга» – настоящая находка для маленьких трупп и (или) антреприз, имеющих в своем распоряжении одного очень сильного возрастного актера и двух хороших актеров среднего возраста. Малонаселенная пьеса без женских ролей обычно считается не кассовой, однако вспомним «Костюмера» Харвуда или «Сторожа» Пинтера ... «Слуга» по изяществу композиции, напряженности действия, взрывающегося внезапными поворотами сюжета, по неожиданности характеров и остроумию диалога сопоставим с этими шедеврами. Действие пьесы может происходить где угодно – ведь ее тема: сосуществование троих человек, которым вместе тяжко, а врозь невозможно; они слишком долго существуют вместе и в слишком тесном пространстве: конфликты, притворства и более-менее мелкие предательства тут неизбежны... «Костер Савонаролы» вбирает в себя как традиции европейской интеллектуальной драмы, которая брала исторические сюжеты и, насыщая их анахронизмами, пренебрегая реалиями эпохи, придавала конфликту надвременной, вечный характер, так и постмодернистскую эстетическую вседозволенность, позволяющую смешивать эпохи, мотивы, обычаи. Время действия пьесы как бы конец XV века, но наряду с Савонаролой и его современниками Папой Римским Александром VI (он же Родриго Борджиа), Микеланджело Буонаротти и Леонардо да Винчи, Лоренцо Медичи и его сыновьями, в пьесе действует Лукино Висконти. Да и Иоганн Гуттенберг, который жил примерно в то же время, никак не мог служить писарем в инквизиции. К тому же Гуттенберг в пьесе изобретает не столько печатный станок, сколько компьютер, печатающий тексты с голоса. Отношения в Римской курии проецируются на нравы мафии, сюжет новеллы Кафки «В исправительной колонии» целиком вводится в пьесу. Однако такой шокирующий и неизбежно вызывающий комический эффект винегрет вовсе не снижает трагического пафоса драмы. А речь Савонаролы: «Я видел Италию! Ее опустевшие деревни, ее беспризорных детей. Я видел Италию – здесь мужчины по утрам не спешат на работу, а, отталкивая друг друга, роются в мусорных контейнерах, в надежде найти там объедки с пира богачей. И это – наше государство? И этого мы хотели?» – звучит более чем современно для любого постсоветского государства.

		В оличие от Кивастика, Андрус Кивиряхк (Andrus Kivirähk, 1970) отличается простой и ясной манерой драматического письма. Что отнюдь не исключает глубины, скорее напротив. На сегодняшний день Кивнряхк по праву считается эстонским драматургом номер один. Его пьесы идут в нескольких театрах, каждая премьера становится культурным событием первостепенного масштаба и вызывает крайне бурную реакцию. Кивиряхк занимает в эстонской литературе позицию то ли мастера шокотерапии, то ли «убийцы священных коров». Коренной таллиннец, он надолго уезжал из дому только на время учебы в Тартуском университете на отделении журналистики, которое во время «поющей революции» и в начале 1990-х превратилось в инкубатор по производству молодых политических деятелей. Андруса от политической карьеры уберегли три врожденных достоинства: порядочность, благородная лень, основанная на глубоком отвращении ко всякой ярмарке тщеславия, и ироничное отношение ко всему на свете. Сразу после университета, работая колумнистом в ежедневной газете Eesti Piievaleht («Ээсти пяэвалехт»), он начал публиковать в ее еженедельном приложении Minu kroon («Моя крона») роман-фельетон «Воспоминания Ивана Орава, или Страж Республики» (Ivaш Orava miilestused ehk Minevik kui helesinised miied). Роман был написан от лица престарелого патриота, который ничего не помнит, однако твердо убежден, что был участником всех исторических событий последних 55 лет. Кивирях потом пояснял: «Роман был инспирирован царившей в первой половине 1990-х атмосферой национального пробуждения. Мне все это виделось в известной степени натужным, комичным. И я попытался придумать героя, который, с одной стороны, искренне увлечен потоком времени, а с другой – невольно передает то смешное и нелепое, что непременно сопровождает любые крупные исторические потрясения». Позже один критик заявил, что «Кивиряхк ввел в эстонскую литературу совершенно новый тип юмора. Прежний юмор был социальным, новый – абсурдистский. Кивиряхк высмеивает эстонские национальные чувства и вообще все святое». Это же можно сказать и о его пьесах. Первая его пьеса была поставлена Театром кукол в 1992 году, когда автору было 22 года. В 24 года он стал уже автором Эстонского театра драмы, принявшего в репертуар его комедию «Прогулка по радуге» (Jalutuskiiik vikerkaarel). Из ранних вещей Кивиряхка очень интересна короткая радиопьеса «Великая битва у стен города Петулия» (Suur lahing Petuulia all), в которой высмеивается натужный и бесчеловечный по своей сути ура-патриотизм. Но ярче всего в качестве убийцы священных коров

		он заявил о себе в пьесах «Поминки по-эстонски» (Eesti matus, премьера в Эстонском театре драмы, 2002) и «Голубой вагон» (Helesinine vagun, театр «Угала», 2003). Форма обеих пьес очень проста: застольные разговоры становятся предлогом для того, чтобы нарисовать широкую сатирическую панораму недалекого прошлого и настоящего. В «Поминках...» предметом ностальгии становится далекое славное прошлое; у пьесы две сквозные темы: эстонское трудолюбие (по Таммсааре) и трагический путь эстонского народа (в первую очередь – депортации, а опосредованно – тоска по доброй старой довоенной Эстонской Республике, которая была лучше не только ЭССР, но и нынешней республики). Предмет ностальгии в «Голубом вагоне» – как раз та самая ЭССР, которую принято было проклинать, не видя в ней ничего хорошего. Если сопоставить эти две пьесы, получится, что тоска по довоенной республике – это тоска по жизни, в которой (ценой тяжелого труда, но это уж как водится) были обеспечены человеческое достоинство, более-менее зажиточное существование и личная безопасность. А тоска по ЭССР — это тоска по жизни, в которой существовали социальная защищенность и социальное равенство, развлечения были дешевы, образование доступно... Напрашивается неутешительный вывод: в нынешней республике всего этого нет. Как, впрочем, и во всех остальных постсоветских государствах. Обе пьесы произвели эффект разорвавшейся бомбы. Причем если после «Поминок...» (они вышли раньше) критики упрекали Кивиряхка в том, что он замахнулся на святое (а публика ломилась на спектакль и хохотала до изнеможения в самых «кощунственных» местах), то к появлению «Голубого вагона» общественное мнение уже было, в общем, на стороне Кивиряхка, негласно признав за ним право высмеивать то, что не выдерживает испытания здравым смыслом. «Зеркалом эстонцев» назвал эти две пьесы критик Маргус Хаав. «Остается только изумляться умению Кивиряхка внедряться в коллективное подсознание эстонцев и извлекать его на свет Божий. Его тексты рождаются с невероятной скоростью. Причем качество не страдает. Порою кажется, что Кивиряхк за

		неестественно яркий писательский дар продал свою душу Нечистому. Однако расплачиваться не намерен: уж точно он воспользовался подслеповатостью старого черта и вместо капли крови расписался клюквенным соком – как всегда делали лукавые эстонские мужики. <…> Борис Тух
	n/a	Foreword This book is the first attempt to introduce Russian readers (including theater professionals in Russia and other countries) to the latest Estonian drama. Before the collapse of the USSR, plays by Estonian authors were quite widely staged in theaters of other Soviet republics. During the Stalin era, these were the “ideologically sound” works of August Jakobson. Later, equally ideological but somewhat different in spirit were the plays of Egon Rannet. However, by the 1960s, the Soviet Union had become familiar with another type of Estonian drama—real drama. First, Moscow saw “The Colonel’s Widow” by Juhan Smuul, and shortly afterward, “Kihnu Jõnn” was staged in Russia. When Enn Vetemaa’s name became known, one could already speak not just of familiarity but of recognition of Estonian drama. However, contemporary Estonian drama plays written and staged after the restoration of Estonia’s independence remain largely unfamiliar to Russian readers and audiences. Over the past 10–12 years, Estonia’s theater landscape has seen a near-complete turnover of repertory authors. This is partly due to theaters having to comply with market laws. Many authors could not compete; others—Enn Vetemaa, foremost among them—moved away from playwriting to focus on other genres. (In Estonia, there have never been many "pure" playwrights—living solely off playwriting was impossible before, and even more so now, given the limited market.) This book presents plays by five playwrights—arguably the most outstanding ones. Their works could and should attract interest beyond Estonia and, why not, find their way onto Russian theater stages. These authors come from different generations and ages, from the 75-year-old Madis Kõiv to the 29-year-old Urmas Lennuk.

		Let us begin with the eldest. Madis Kõiv (1929) Madis Kõiv was, in many ways, a mysterious writer. He never appeared to bow at premieres; some say he never attended them at all. He was remarkably talented in many fields. By education, he was a physicist, holding a Ph.D., and taught at the University of Tartu before spending 30 years working at the Institute of Physics and Astronomy of the Estonian Academy of Sciences in Tartu. Like many physicists, he became interested in philosophy, particularly its most fundamental questions, including the existence of God. Additionally, he was a rather skilled painter. Kõiv's literary work has three main sources. The first is his homeland, southern Estonia. He spent his childhood in Võrumaa and Valgamaa, where, before the war, the local South Estonian dialect was still spoken—a dialect he still enjoyed using. The second is the famous Tartu intellectual spirit, which in the 1960s and 1970s was one of the defining features of the university town. It was a spirit of free thought and dissent, with salons and discussion circles where local intellectuals tackled existential questions. The third influence was his life as a physicist. Like many of his colleagues, Kõiv was passionate about mountaineering. In 1964, during a climb in the Pamirs, he broke his leg. The forced idleness pushed him to take up writing. In the 1960s, he became deeply interested in theater. In one of his prose works, he recalls Moscow performances of that time, singling out Vladimir Vysotsky, whom he saw at the Taganka Theater. Perhaps that is why his first literary work was a play, "Kastrozza". It was staged many years later, though without great success, but for Kõiv, there was no turning back. He wrote plays "for the drawer" without any complexes about it, sometimes giving theaters works written decades earlier, which, remarkably, did not feel outdated. Among his plays are works featuring great philosophers of the past as characters: "The Meeting" (with Leibniz and Spinoza) and "The Philosopher's Day" (starring Immanuel Kant). These are not documentary dramas; their plots are pure fantasy.

		Kõiv did not write about what happened but about what could have happened under certain conditions. Most of Kõiv's plays were staged at the Estonian Drama Theater by director Priit Pedajas, including the play "Finis nihili" ("The Last Nihilist"), which premiered in 2002. However, some elements of the play (strict state control over physicists, the looming threat of psychiatric confinement for one of the characters) suggest it was written in the early 1980s. This is a highly layered work that leaves room for both reader and director's imagination. In some ways, it even anticipates Michael Frayn's "Copenhagen"… Though it is possible that one of the play's conflicts—physicists refusing to work on a certain secret "project" with obvious military implications—was inspired by the fate of Robert Oppenheimer or Andrei Sakharov. The characters, however, have no real-life prototypes, and the setting is highly stylized. Mart Kivastik (b. 1963) Mart Kivastik, too, embodies the Tartu intellectual spirit, albeit in a different way. A former bohemian, he started as a prose writer, publishing his first book, "Tomorrow," in 1993. In 1999, he won the Friedebert Tuglas award for best short story. His career in drama was equally successful; in 2005, he received the Estonian Cultural Endowment Prize for his play "Portrait of a Freezing Artist", about the Estonian painter Konrad Mägi, whose fate mirrors that of Van Gogh. Kivastik also works in cinema, both as a screenwriter and director. His plays, despite their literary quality, long remained somewhat marginal in Estonian theater. His intricate, postmodernist-inspired structures struggled to fit into the theatrical mainstream. His first successful play, "Peeter and Tõnu", was essentially an adaptation of commedia dell'arte, allowing actors the freedom to improvise within a rigid storyline. His later works, such as "The Servant" (2004) and "Savonarola Fire" (2005), propelled him to the forefront of Estonian drama. "The Servant" is a perfect fit for small theater troupes, requiring only three male actors. Though plays without female roles are often deemed commercially risky, one need only recall Harwood's "The Dresser" or Pinter's "The Caretaker" to see that a well-crafted three-character play can be a masterpiece.

		"Savonarola Fire" blends European intellectual drama traditions with postmodernist playfulness. Though set in the late 15th century, it freely mixes characters like Pope Alexander VI (Rodrigo Borgia), Michelangelo, Leonardo da Vinci, and even Luchino Visconti. Johannes Gutenberg, an actual historical figure, bizarrely serves as a scribe for the Inquisition while inventing what seems to be an early speech-to-text computer. The play juxtaposes Vatican intrigues with mafia-like power struggles and integrates elements from Kafka's "In the Penal Colony". Despite its dark humor, the play maintains a tragic undertone. At one point, Savonarola declares: "I have seen Italy! Its deserted villages, its abandoned children. I have seen Italy, where men no longer rush to work in the morning but instead scavenge trash bins for scraps from the rich man's feast. And this is our nation? Is this what we wanted?" This lament feels eerily relevant to any post-Soviet state today. Unlike Kivastik, Andrus Kivirähk (born 1970) stands out for his simple and clear dramatic writing style. This, however, does not exclude depth—quite the opposite. Today, Kivirähk is rightfully considered Estonia's number one playwright. His plays are staged in multiple theaters, and each premiere becomes a major cultural event, provoking an intense public reaction. Kivirähk occupies a unique position in Estonian literature, acting as either a master of shock therapy or a "slayer of sacred cows." A native of Tallinn, he left home for an extended period only during his studies at the University of Tartu's journalism department, which during the "Singing Revolution" and the early 1990s became an incubator for young politicians. However, three innate qualities kept Andrus away from a political career: integrity, a noble laziness rooted in a deep aversion to the vanity fair of public life, and an ironic attitude to everything. Right after university, while working as a columnist for the daily *newspaper Eesti Päevaleht*, he began publishing the feuilleton-novel "Memoirs of Ivan Orav, or The Guardian of the Republic" (Ivan Orava mälestused ehk Minevik kui helesinised mäed) in its weekly edition *Minu kroon* ("My Crone"). The novel was written from the perspective of an elderly patriot who remembers nothing but is firmly convinced that he participated in every historical event of the past 55 years. Kivirähk later explained: "The novel was inspired by the atmosphere of national awakening that

		prevailed in the first half of the 1990s. To me, it all seemed somewhat forced and comical. So, I tried to create a character who, on the one hand, is genuinely fascinated by the passage of time, but on the other—unintentionally reveals the ridiculous and absurd aspects that inevitably accompany major historical upheavals." One critic later stated that "Kivirähk introduced an entirely new type of humor to Estonian literature. The old humor was social; the new one is absurdist. Kivirähk mocks Estonian national sentiments and everything sacred." The same can be said of his plays. His first play was staged by the Puppet Theater in 1992 when the author was just 22 years old. By the age of 24, he had already become a playwright for the Estonian Drama Theatre, which included his comedy "A Walk on the Rainbow" (Jalutuskäik vikerkaarel) in its repertoire. Among Kivirähk's early works, the short radio play "The Great Battle at the Walls of Petulia" (Suur lahing Petuulia all) is particularly interesting, as it satirizes the forced and inherently inhumane nature of jingoistic patriotism. However, he made his boldest statements as a "slayer of sacred cows" in the plays "The Estonian Funeral" (Eesti matus, premiered at the Estonian Drama Theatre in 2002) and "The Blue Wagon" (Helesinine vagun, staged at the Ugala Theatre in 2003). Both plays have a simple structure: conversations at the dinner table serve as a pretext for painting a broad satirical panorama of the recent past and present. In "The Estonian Funeral", the subject of nostalgia is the distant, glorious past. The play revolves around two main themes: the Estonian work ethic (inspired by Tammsaare) and the tragic history of the Estonian people (primarily focusing on deportations and, indirectly, the longing for the good old pre-war Estonian Republic, which was supposedly better than both the Estonian SSR and the present-day republic). In "The Blue Wagon", however, the object of nostalgia is the very Estonian SSR that people had been taught to curse, failing to see anything good in it. When comparing these two plays, one might conclude that longing for the pre-war republic reflects a desire for a life where—albeit through hard labor—human dignity, relative prosperity, and personal security were ensured. Meanwhile, nostalgia for the Estonian SSR reflects a longing for a life with social security and equality, cheap

					entertainment, and accessible education. The inevitable conclusion is grim: the current republic offers none of these things, just as in all other post-Soviet states. Both plays caused a sensation. After “The Estonian Funeral” (which premiered first), critics accused Kivirähk of attacking the sacred (while audiences packed the theater and laughed to exhaustion, even at the most "blasphemous" moments). By the time “The Blue Wagon” appeared, however, public opinion had largely aligned with Kivirähk’s perspective, tacitly granting him the right to mock anything that fails the test of common sense. Critic Margus Haav called these two plays "a mirror for Estonians." He added, "It is astonishing how well Kivirähk penetrates the collective subconscious of Estonians and brings it to light. His texts emerge with incredible speed, yet their quality does not suffer. At times, it seems that Kivirähk has sold his soul to the Devil in exchange for his unnaturally bright literary talent. However, he has no intention of paying the price—he surely outwitted the old, half-blind Devil and signed his pact with cranberry juice instead of blood, just like the cunning Estonian peasants always did." —Boris Tuch
30.	2005	Tallinn legendides	Jana Reidla	Travelogue	Таллинн в легендах /Tallinn in legends
	n/a				n/a
	n/a				n/a
31.	2007	Diplomaat ja mälu	Jaak Jõerüüt	Memoirs	Дипломат и память /Diplomat and memory
	Eessõna 1993. aasta jaanuaris asusin tööle Eesti Vabariigi Välisministeeriumi. Sellest alates olen elanud suursaadikuna neli aastat Soomes ja neli aastat Itaalias. Eesti suursaadik olen lisaks olnud ka Maltal ja Küprosel. Välislähetuste vahel Tallinnas, välisministeeriumis, olen töötanud protokolliülemana ja peainspektorina. 2004. aasta juulikuust töötan suursaadikuna, Eesti Vabariigi alalise esindajana ÜRO-s, New Yorgis. See raamat toetub mälule. Kirjutades kahtlesin üksvahe kõvasti, kas peaks eesti lugejale pakkuma rohkem ka diplomaatia ajalugu ja teooriat. Kuid				Вступительное слово В январе 1993 года я приступил к работе в министерстве иноостранных дел Эстонской Республики. С тех пор я жил четыре года в Финляндии, будучи послом Эстонии, и четыре года в Италии – в той же должности. Послом Эстонии я состоял также на Мальте и на Кипре. В промежутке между пребыванием за границей я работал начальником протокола и генеральным инспектором МИДа Эстонии. С июля 2004 года работаю послом, постоянным предсгавителем Эстонской Республики в ООН, в Нью-Йорке.

	õnneks ilmusid kirjutamise ajal trükist kaks suurepärast teost, mis selle asja ära ajavad. Eesti diplomaat ja ajaloolane, mu hea sõber, suursaadik Margus Laidre avaldas raamatu „Sõnumirooja või salakuulaja? Nüüdisaegse diplomaatia lätted 1454-1725". See vabastab mind südametunnistuse piinast, et mina ei rahulda mõne ajaloohuvilisema lugeja uudishimu. Teiseks on hiljuti eesti keelde tõlgitud Rootsi diplomaadi, suursaadik Torsten Örni „Milleks diplomaatia? Kultuuriajalooline käsitlus", milles autor teeb elavas keeles ja oma elust võetud näidete abil selgeks diplomaadi elu põhitõed, juriidilised alused ja juurdunud tavad. Ning erandid, mis reegleid kinnitavad. Minu praeguse raamatu kirjutamise seisukohalt on mõlemad nagu taeva kingitus, mis jätab mu käed vabaks ja lubab keskenduda ainult isiklikule. Marguse ajalookäsitlusele ei suudaks ma niikuinii midagi lisada. Torsten Örni, neljakümneaastase kogemusega kutselise diplomaadi arvamused ja seisukohad aga rõõmustasid mind ka sellest vaatenurgast, et märkasin, kui sageli mu enda lühike kogemus on viinud samade tõdemuste ja järeldusteni. Muuhulgas langevad meil kokku ka mõtted diplomaatide töö muutumise ja diplomaatia tuleviku kohta. Ka puhast poliitikat, n.ö. üldist poliitikat ei maksa siit raamatust liiga palju loota. Sellest on vähemalt eesti perioodikas niikuinii palju kirjutatud. Siin raamatus kirjeldatud ajalõiku võib välispoliitiliselt kokku võtta lühikese lihtsa lausega: Eesti diplomaatia töötas selle nimel, et Eesti saaks Euroopa Liidu ja NATO liikmeks. See on täiesti täpne lause. Suuremal või vähemal määral olid kõik pingutused allutatud kahele suurprojektile. Soome, mu esimene asukohamaa, astus Euroopa Liitu 1995. aastal ja muutus sestpeale suureks Eesti liitumise toetajaks. Itaalia on Euroopa Liidu ja NATO asutajaliige ning oli mõlema laienemise põhimõtteline toetaja. Malta ja Küpros olid koos Eestiga Euroopa Liidu kandidaadid ja koos ka liituti, 2004. aasta l. mail. Mis puutub üldse mälestustesse, meenutamisse, mäletamisse, siis oma sõpradele ajaloolastelt olen kuulnud täiesti vastandlikke väiteid. Ühed ütlevad, et mistahes sündmustest peab mööduma aastaid, enne kui neid maksab puudutada, see tähendab, enne kui kirjutada neist mälestusi, mida avaldada trükis. Et muidu ei tekkivat objektiivset pilti. Teised kinnitavad vastupidist: kohe, silmapilk tuleks kõik ära kirjutada ja avaldada, enne kui mäletajad	Эта книга опирается на память. Когда я ее писал, то некоторое время сильно сомневался, нужно ли эстонскому читателю предлагать историю и теорию дипломатии. Но к часгью, в печати появились два прекрасных произведения на эту тему. Эстонский дипломат и историк, мой хороший друг Маргус Лайдре опубликовал книгу «Вестник или оглядатай? Истоки современной дипломатии 1454–1725». Во-первых, это освобождает меня от мук совесNи, что я не удовлетворяю любопытства иного любителя истории. Во-вторых, на эстонский язык недавно была переведена книга шведского дипломата Торстена Эрни «Зачем нужна дипломатия? Культурно-историчемкий трактат», в котором автор на примере своего жизненного опыта в живой манере излагает основные истины, юридические основы и укоренившиеся обычаи дипломатической жизни. А также говорит об исключениях, которые лишь подтверждают правила. Оба издания, словно дар небес, они развязали мне руки во время работы над моей книгой и позволили сосредоточиться только на личном. Я бы все равно не смог ничего добавить к историческому исследованию Маргуса. Суждения и соображения Торстена Эрни, профессионального дипломата с сорокалетним стажем, порадовали меня в том смысле, что я заметил, как часто мой непродолжительный опыт приводил к тем же выводам и истинам. Совпадают наши мысли и об изменении характера ипломатической службы и о будущем дипломатии. В этой книге не стоит рассчитывать на чистую, то есть общую, политику. Об этом, по крайней мере, в эстонской периодике, так или иначе написано много. Изображенные здесь этапы можно охарактеризовать с точки зрения внешней политики короткой простой фразой: эстонская дипломатия работала во имя того, чтобы Эстония стала членом Европейского Союза и НАТО. Это абсолютно точная фраза. В большей или меньшей степени все усилия были подчинены именно этим двум большим проектам. Финляндия, страна моего первого местопребывания, вступила в Европейский Союз в 1995 году и стала с этих пор неизменно поддерживать идею присоединения Эстонии к Союзу. Италия является членом-основателем Европейского Союза и НАТО и всегда бьma принципиальным сторонником их расширения. Мальта и Кипр были вместе с Эстонией кандидатами в Европейский Союз и присоединились к нему 1 мая 2004 года.

	raugastuvad ja seniilseks muutuvad, enne kui nende isiklik filter tõsielu asemel ainult muinasjutte läbi laskma hakkab. Kõigil on õigus. Ja vastupidi. On ju ka võimalik, et täna hommikul toimunust tehakse tahtlikult pea peale pööratud pilt, võetakse jõuga „esimese öö õigus", et just see kõigi mällu vajutada. Aga minevik võib kristalliseeruda hea mäluga ja tõetunnetusevõimelise inimese ajus nii, et alles aastate möödudes jääb järele kvintessents, asja tuum. Kui öeldakse „memuaarid", siis tulevad kahjuks reflektiivselt meelde sellised raamatud, mis jutustavad kaugest möödaläinud ajast ja mille alatoon pretendeerib liiga sageli rõhutatud neutraalsusele. Arvatakse, et ajadistantsilt vaatlemine garanteerib iseenesest objektiivsuse. See raamat siin toetub küll mäletamisele, kuid ei pretendeeri mitte mingile objektiivsusele, pigem vastupidi. Jah, aastaarvud ja nimed või mõni säärane fakt, et Eesti välispoliitiline prioriteet oli saada Euroopa Liidu ning NATO liikmeks on muidugi tõsiasjad. Või, iseennast tsiteerides, mõnikord lihtsalt juhtub, et “... isiklik kogemus tiheneb ajalooks". See raamat on läbinisti isiklik, totaalselt isiklik. Juttu ei ole teab kui kaugest minevikust, vaid alles lõppenud eilsest päevast, isegi mitte üleeilsest. Jutt riivab protsesse, mis jätkuvad tänagi ja mille mõju ulatub ka homsesse. See siin on minu isiklik kogemus sellest, kuidas üks inimene hakkab ajalooratta pööramise sunnil üleöö diplomaadiks ja mida ta seejuures tunneb, mõtleb ja näeb. Järgnevas tekstis esineb nimesid. Kuid hea sõnaga tahaksin mäletada hoopis rohkem sõpru ja tuttavaid ning isegi juhututtavaid. Paraku on võimatu loetleda kõiki neid sadu ja veel kord sadu inimesi, kellega elu mind kõnealusel ajal kokku viis. Soomes, Itaalias, Maltal, Küprosel ja Eestis. Olge te tänatud kõik, kõigil on mu elus olnud mingi osa, kõik on mulle midagi õpetanud. Heisingi-Tallinn-Rooma-Vormsi-Kastna-Kopenhaagen- Rooma-Vormsi-Tallinn 1995-2004	А что касается памяти вообще, воспоминаний и мемуаров, то от своих друзей историков я слышал совершенно противоположные мнения. Одни говорят, что после каких бы то ни бьmo событий должны пройти годы, прежде чем их касаться, то есть прежде чем приступать к мемуарам и выпускать их в свет. Иначе не возникает объективной картины. Другие угверждают обратное: нужно все записывать сразу и немедленно публиковать, пока сами мемуаристы не постареют и не стануг сенильными и их научный фильтр вместо реальной жизни не начнет пропускать одни лишь сказки. Каждый по-своему прав. И в то же время неправ. Ведь бывает и такое, что произошедшее сегодня угром выставляют в прямо противоположном свете, силой беруг «право первой ночи», чтобы именно это отпечаталось у всех в памяти. Но прошлое может выкристаллизоваться в голове человека с хорошей памятью и чувством истины так, что лишь спустя годы остается квинтэссенция, суть дела. Когда произносят слово «мемуары», то, к сожалению, рефлективно вспоминаются книги, которые повествуют о давно минувших днях и приглушенный тон которых частенько претендует на подчеркнутую нейтральность. Считается, если автор рассматривает события дистанцированно, то это само собой гарантирует объективность. Эта книга хоть и опирается на память, но не претендует ни на какую-либо объективность, скорее наоборот. Да, конечно, имена и даты или тот факт, что приоритетом внешней политики Эстонии являлось членство в Евросоюзе и НАТО, вполне реальны. Но часто так случается, если процитировать самого себя, что «личный опыт сгущается в историю». Эта книга насквозь личная, тотально личная. Речь идет не о каком-нибудь далеком прошлом, а о только что закончившемся вчерашнем дне, даже не позавчерашнем. Рассказ затрагивает процессы, которые продолжаются поныне и воздействие которых простирается в будущее. Здесь раскрывается мой личный опыт, рассказывается о том, как человек под влиянием поворота колеса истории на следующее угро просыпается дипломатом, и что он при этом чувствует, думает, видит. Впереди будуг названы некоторые имена. Однако здесь я хотел бы добрым словом помянуть куда больше друзей и знакомых и даже случайных

		знакомых. К сожалению, невозможно перечислить всех, сотни и сотни людей, с которыми свела меня жизнь в означенное время. В Финляндии, Италии, на Мальте, Кипре и в Эстонии. Я выражаю благодарность всем, с кем свела меня жизнь, ибо все меня чему-то научили. Хельсинки-Таллинн-Рим-Вормси-Кастна-Копенгаген- Рим-Вормси- Таллинн 1995-2004
	Foreword In January 1993, I started working at the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia. Since then, I have served as an ambassador for four years in Finland and four years in Italy. In addition to being an Estonian ambassador, I have also served in Malta and Cyprus. Between foreign assignments in Tallinn, I worked as a protocol officer and chief inspector at the Ministry of Foreign Affairs. In July 2004, I worked as an ambassador, representing the Republic of Estonia at its permanent representative to the United Nations in New York. This book is based on memory. As I was writing, I once doubted strongly whether I should offer more to Estonian readers in terms of diplomatic history and theory. But fortunately, during the writing process, two excellent works were published that cover this matter. Estonian diplomat and historian, my good friend, Ambassador Margus Laidre, published the book "Messenger or Eavesdropper? The Origins of Modern Diplomacy 1454-1725." This frees me from the torment of conscience; I do not satisfy the curiosity of some history enthusiasts. Secondly, the recently translated Swedish diplomat, Ambassador Torsten Örn's "Why Diplomacy? A Cultural-Historical Approach," in which the author explains the basic truths of diplomatic life, legal foundations, and established customs in lively language and through examples taken from his life. And exceptions that confirm the rules. From the perspective of writing my current book, both are like a gift from heaven, leaving my hands free and allowing me to focus only on personal things. I wouldn't be able to add anything to Margus's historical interpretation	Foreword In January 1993, I began working at the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia. Since then, I have worked for four years as an ambassador in Finland and four years in Italy in the same position. I have also served as an Estonian ambassador in Malta and Cyprus. In between foreign assignments, I worked as the head of protocol and chief inspector at the Estonian Ministry of Foreign Affairs. Since July 2004, I have served as an ambassador, representing the Republic of Estonia as its permanent representative to the UN in New York. This book is based on memory. As I was writing it, I hesitated for some time whether Estonian readers should be offered the history and theory of diplomacy. Fortunately, two excellent works on this topic were published during the writing process. Estonian diplomat and historian, my good friend, Margus Laidre, published the book "Messenger or Observer? The Origins of Modern Diplomacy 1454–1725." Firstly, this frees me from the torment of conscience that I do not satisfy the curiosity of some history enthusiasts. Secondly, the book "Why Diplomacy? A Cultural-Historical Treatise" by the Swedish diplomat Torsten Örn has recently been translated into Estonian. In this book, the author explains the basic truths, legal foundations, and established customs of diplomatic life in a lively manner based on his life experience. And he talks about exceptions that only confirm the rules. Both editions, as if a gift from heaven freed my hands during the work on my book and allowed me to focus only on the personal things. Anyway, I wouldn't be able to add anything to Margus's historical research. The opinions and considerations of Torsten Örn, a professional diplomat with forty years of experience, pleased me in the sense that I noticed how often my brief experience led to the same conclusions

	anyway. Torsten Örn's opinions and views, with forty years of experience as a professional diplomat, also pleased me from the perspective that I noticed how often my own short experience led to the same conclusions. Among other things, our thoughts coincide on the changing nature of diplomats' work and the future of diplomacy. As for pure politics, so-called general politics, one shouldn't expect too much from this book. At least, much has already been written about it in Estonian periodicals. The period described in this book can be summed up politically in a short, simple sentence: Estonian diplomacy worked towards Estonia's accession to the European Union and NATO. This is a completely accurate sentence. All efforts were more or less subordinated to two major projects. Finland, my first posting country, joined the European Union in 1995 and since then become a great supporter of Estonia's accession. Italy is a founding member of the European Union and NATO and was a fundamental supporter of both enlargements. Malta and Cyprus were European Union candidates along with Estonia, and together they joined on 1 May 2004. Regarding memories, recollection, and remembering, I have heard opposite opinions from my historian friends. Some say that years must pass after events before they can be touched upon, that is, before writing memoirs to be published. Otherwise, no objective picture. Others assert the opposite: everything should be written down and published immediately before the memories fade and turn senile before their filter starts letting in only fairy tales instead of reality. They are all right. And vice versa. It is also possible that what happened this morning is deliberately turned upside down, the "right of the first night" is forcibly taken to impress it on everyone's memory. But the past can crystallize in the brain of a person with good memory and a sense of truth so that only quintessence, the essence of the matter, remains after years have passed. When we talk about "memoirs," unfortunately, books come to mind reflexively that tell about a distant bygone era and whose undertone claims too much emphasized neutrality. It is believed that a distant observation ensures objectivity by itself. This book here is based on memory, but it does not claim any objectivity, rather the opposite. Yes, dates and names or some such fact, like Estonia's foreign policy priority to become a member	and truths. Our thoughts also coincide on the changing nature of diplomatic service and the future of diplomacy. This book does not aim to provide pure, i.e., general, politics. At least, much has already been written about it in Estonian periodicals. The periods described here can be characterized politically by a short, simple phrase: Estonian diplomacy worked towards Estonia's membership in the European Union and NATO. This is an accurate phrase. All efforts were more or less subordinated to these two major projects. Finland, the country of my first posting, joined the European Union in 1995 and has since consistently supported Estonia's accession. Italy is a founding member of the European Union and NATO and has always been a staunch supporter of their enlargement. Malta and Cyprus were candidates for the European Union along with Estonia and joined it on May 1, 2004. As for memory in general, recollections, and memoirs, I have heard opposite opinions from my historian friends. Some say that years must pass after events before they can be touched upon, that is, before writing memoirs to be published. Otherwise, no objective picture. Others assert the opposite: everything should be written down and published immediately before the memories fade and turn senile before a personal filter starts letting in only fairy tales instead of reality. Everyone is right in their way. And wrong at the same time. After all, it is also possible that what happened today is forcefully presented in the opposite light, using the "right of the first night" to impress it on everyone's memory. But the past can crystallize in the brain of a person with good memory and a sense of truth so that only the quintessence, the essence of the matter, remains after years have passed. When the word "memoirs" is mentioned, unfortunately, books that tell us about a long-gone era and whose undertone pretentiously claims emphasized neutrality come reflexively to mind. It is believed that a distant observation ensures objectivity by itself. This book here is based on memory, but it does not claim any objectivity, rather the opposite. Yes, of course, names and dates or the fact that the priority of Estonia's foreign policy was membership in the European Union and NATO are real. But often it happens that, to quote myself, "personal experience condenses into history." This book is thoroughly personal, totally personal. It is not about some distant past but about the just-ended yesterday, not even the day before yesterday. The narrative touches on processes that continue to this day and whose influence extends into the future. Here, my personal experience is revealed,

	of the European Union and NATO, are, of course, facts. Or, quoting myself, sometimes it just happens that "...personal experience condenses into history." This book is entirely personal, totally personal. It's not about a distant past but about the just-ended yesterday, not even the day before yesterday. It touches on processes that continue today and whose impact extends into tomorrow. This here is my personal experience of how a person becomes a diplomat overnight due to the turning of the wheel of history and what he feels, thinks, and sees in the process. The following text contains names. However, with a good word, I would rather remember many more friends and acquaintances, and even chance acquaintances. Unfortunately, it is impossible to enumerate all those hundreds and hundreds of people with whom life brought me together during the time in question. In Finland, Italy, Malta, Cyprus, and Estonia. Thank you all, everyone has had a part in my life, everyone has taught me something. Helsinki-Tallinn-Rome-Vormsi-Kastna-Copenhagen-Rome-Vormsi-Tallinn 1995-2004	telling about how a person wakes up as a diplomat overnight due to the turning of the wheel of history and what he feels, thinks, and sees. Some names are mentioned in the following text. However, here I would like to kindly remember many more friends and acquaintances, and even chance acquaintances. Unfortunately, it is impossible to list all those hundreds and hundreds of people with whom life brought me together during the mentioned time. In Finland, Italy, Malta, Cyprus, and Estonia. Thank you all, everyone has had a part in my life, everyone has taught me something. Helsinki-Tallinn-Rome-Vormsi-Kastna-Copenhagen-Rome-Vormsi-Tallinn 1995-2004

32.	2007	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Jaan Kaplinski, Andres Ehin, Aino Pervik, Yuri Tuulik, Reine Saluri, Mats Traat, Viivi Luik, Julo Tuulik, Paul-Erik Rummo, Londa Ruud, Mati Unt, Li Seppel, Vaino Vahing, Aleksander Suuman, Arvo Valton	Anthology	Эстонский писатель-шестидесятник. 1 сборник. / Estonian author of the 1960s. Volume 1.
	n/a				ПРЕДИСЛОВИЕ Эстонская литература во время Второй мировой войны понесла большие потери. При приближении красноармейцев осенью 1944 года многие видные писатели (Густав Суйте, Марие Ундер, Хенрик Виснапуу, Аугуст Гайлит, Карл Ристикиви, Карл Румор, Аугуст Мялк, Бернхард Кангро, Педро Крустен, Хельми Мяэло и др.), страшась повторного советского террора, покинули родину. За границей они продолжали заниматься литературным творчеством, но в своем отечестве большевики обрекли их на забвение, их книги изъяли из библиотек и уничтожили, их нельзя было публично цитировать и даже

		упоминать без опаски заинтересовать органы НКВД. Вернувшееся с фронта или из советской эвакуации молодое поколение не смогло заполнить образовавшуюся пустоту. На то имелись и личные, и идеологические причины. Поэтому в 1940-е годы в эстонской литературе преобладал вакуум. В конце 1950-х и начале 1960-х, когда в общественной жизни наметились некоторые признаки оттепели, оживилась и эстонская литература. «Первыми ласточками» стали Яан Кросс, Айн Каалеп и Эллен Нийт. Они привнесли в поэзию свежее дыхание, и кроме того, стали писать верлибром. А в 1962 году вышла первая поэтическая кассета молодых авторов, которая состояла из книжек Пауля-Эрика Руммо, Матса Траата, Арви Сийга, Энна Ветемаа и Линды Рууд. Этот коллективный дебют вызвал широкий отклик. Как одному из участников, мне сложно дать объективную оценку пришедшим в литературу в то далекое десятилетие. Могу только сказать, что читатели восприняли наше появление с невиданным интересом. Например, тартуские студенты, узнав, что ожидается поступление в продажу поэтической кассеты, покидали лекции, чтобы занять очередь в книжном магазине. В прессе было много одобрительных откликов, даже от таких людей, как школьные учителя, инженеры, председатели колхозов и др. Волей-неволей голос «молодых сердитых людей» влиял на подсознание общества, с чем в определенной мере идеологическим работникам приходилось считаться. В последующие годы было выпущено еще несколько кассет, дебютировали преимущественно поэты: Александер Сууман, Яан Каплинский, Хандо Руннель, Рудольф Риммель, Вийви Луйк, Николай Батурин, Андрес Эхин и др. Но в литературу пришли и талантливые прозаики. Свой первый роман «Прощай, рыжий кот» Мати Унт опубликовал в школьном литературном альманахе в 1963 году. Новеллы публиковали Арво Валтон и братья Туулики. В то десятилетие в литературу пришло около 20 активных молодых писателей, а также целая плеяда переводчиков, которые первыми в Советском Союзе опубликовали в библиотеке журнала «Лооминг» современных западных авторов, таких как Камю, Сартр, Кафка и др. Все это до неузнаваемости изменило литературную ситуацию, расширило, обогатило и разнообразило духовный мир эстонского общества. В некотором смысле это было «пробуждением от заколдованного сна», если применить название известной

		картины Йохана Кёлера, эстонского художника 19 века. И это было освобождением из-под идеологического давления, которое ослабло, правда, ненадолго. А после подавления «Пражской весны» в 1970-е оно усилилось и продолжалось до тех пор, пока ненавистная империя зла не рухнула, и в Эстонии, наконец, закончилась Вторая мировая война, которая принесла с собой уничтожение государственности и советскую аннексию. Как это бывает с новичками, стихотворения и новеллы молодых писателей в 1960-е были свежими мировоззренчески, но с художественной точки зрения неуклюжими, порой даже наивными. И все-таки, несмотря на противоречивые тенденции времени, они излучали жизненную смелость, жизненную веру и социальный оптимизм. Разумеется, свежий ветер «оттепели» отразился не только в эстонских литературе, искусстве и культуре, это произошло гораздо шире – во всем тогдашнем Советском Союзе, в Европе и даже Америке, всеобщее оживление дало о себе знать повсеместно, такое было время. Теперь некоторые литературо- и культуроведы считают, что во всем мире 1960-е годы были наиболее жизнерадостным и положительным десятилетием 20 века. Возможно, так и было. С точки зрения нашей культуры абсолютно ясно, что 1960-е годы были временем стремительных перемен, когда обновилась вся эстонская литература. Человечность и творческая уверенность в себе, та степень свободы и искренности, которых удалось достичь тогда, и в нынешней литературе ощущаются как некие подводные течения. К писателям-шестидесятникам относились по-разному. Реакция на их творчество в разное время и в разных местах была разной – некоторых отталкивали, не публиковали, некоторых пытались замалчивать, а позднее превозносить – в зависимости от потребности времени, степени эрудиции «оценщика», его кругозора, политической ориентации и других факторов. Когда в 1990-е стали оценивать все прошедшее с позиции постмодернизма, зазвучали даже такие ноты, что лучше бы «золотых 1960-х» не было, это облегчило бы черчение кривых развития эстонской литературы. Но писателей-шестидесятников нельзя выкинуть из истории, некоторые из них пишут и поныне. Несколько лет Борис Балясный руководит занятиями литературно-переводческой школы-студии, в которой студенты Таллиннского и Тартуского университетов постигают азы художественного перевода. Эта книга предлагает срез работ молодых переводчиков. Само по себе это благодарное и хорошее

		дело – представить местным русским читателям эстонскую литературу 1960-х годов. Интересно отметить, что представленным в книге переводчикам по столько же лет, сколько было нам тогда, 40 лет назад. Так что в определенном смысле эта книга является символическим рукопожатием во времени и истории – уже в другой культурной ситуации и на другом языке. Мате Траат ПОСЛЕСЛОВИЕ Хороших (т. е. профессиональных, добросовестных) переводчиков художественной литературы не бывает много, а талантливых, виртуозных среди них еще меньше. Полагаю, в каждой литературе их количество сравнимо с количеством талантливых авторов. Вот ушел от нас выдающийся переводчик эстонской литературы Светлан Семененко, и сразу ощутилась некая пустота, наверное, невосполнимая. Потому что другие «хорошие и разные» переводчики у нас, надеюсь, еще будут, но это будут уже совсем другие переводчики. «Старая гвардия» переводчиков вообще потихоньку уходит, и вполне естественным представляется появление новых переводчиков, ведь и в эстонской литературе появляются новые имена, да и переводческие задачи меняются. Скажем, если в советские времена перевод на русский язык адресовался любому жителю большой страны, владеющему русским языком, то сегодня переводчик ориентируется прежде всего на русскоязычного читателя Эстонии. Наивны те, кто полагает, что, выучив эстонский язык, русскоязычные жители Эстонии и эстонскую художественную литературу станут читать на языке оригинала. Как правило, если читатель не ставит перед собой какой-нибудь специфической задачи (изучает язык, оценивает качество перевода и т.п.), то художественную литературу он предпочтет читать на родном языке. Поэтому в конце 1998 года с благословения Союза писателей Эстонии была открыта и до сих пор работает Литературно-переводческая школа-студия, состоящая в основном из студентов (в том числе и бывших) Таллиннского и Тартуского университетов. Мы не ставили перед собой задачи готовить переводчиков «конвейерным способом». Это невозможно, да и не нужно. Переводчик художественной литературы – это «штучный товар», по большому

		счету нельзя научить «быть переводчиком», но можно помочь научиться, т.е. стать им. В процессе работы студии возникла идея выпустить двуязычный сборник стихотворений, сказок и рассказов для детей, в котором параллельно располагались бы эстонские (оригинальные) и русские тексты. Мы считали, что при таком подходе дети получат не просто интересную книгу, но и своеобразное пособие для русскоязычных детей, изучающих эстонский язык, и такое же пособие для эстоноязычных детей, изучающих русский язык как иностранный. В 2001 г. при поддержке Eesti Kultuurkapital школой-студией бьma выпущена книга «Loe veel! – Почитай ещё!» под девизом «Молодые – маленьким!», кстати, проиллюстрированная детскими рисунками. Судя по отзывам, проект оказался успешным, и мы решили продолжить работу школы-студии. Следующим этапом работы, и тоже при поддержке Eesti Kultuurkapital, стал очень большой проект под рабочим названием «Эстонский писатель-шестидесятник, или перевод писателей “кассетного поколения”». На общеизвестный феномен эстонской литературы и культуры захотелось «взглянуть глазами» сегодняшних ровесников поэтов, прозаиков, драматургов так искрометно вошедших в литературу сорок лет назад. Следует оговориться, что при всем уважении к авторскому праву у нас, к сожалению, нет возможности выплатить гонорары, т.к. сборник не коммерческий и продажа его не планируется. Мы очень надеемся, что уважаемые авторы и их наследники с пониманием отнесутся к книге, адресованной, как теперь говорят, малоинтегрированной части общества Эстонии и переведенной молодыми людьми, чей творческий путь только начинается. С 2002 по 2006 гг. студийцы занимались переводами произведений, написанных преимущественно в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. По установившейся традиции, каждое из выбранных произведений переводили по 2–3 переводчика независимо друг от друга, а потом выбирался наиболее удачный вариант. Всего было переведено 348 произведений 37 авторов общим

		объемом 1700 страниц. Нам хотелось сперва перевести весь корпус текстов, а уже потом выпустить солидный сборник. Но это оказалось совсем непросто_ и сразу по нескольким причинам. Произведения некоторых авторов, подававших надежды тогда, сегодня выглядят несколько наивными (например, очерки Л.Метсальт), и мы пока не решили, стоит ли их публиковать. Некоторые из авторов проявили себя не только в тех жанрах, с которыми входили в литературу, но и в других (например, М. Траат, Я. Каплинский, Н. Батурин, П.-Э. Руммо, Э. Ветемаа, и др.). Мы задумывали включить в сборник короткую прозу, но такой почти нет у Э. Ветемаа и Н. Батурина. А переводы некоторых авторов нас просто не удовлетворяют (не получаются пока переводы многих стихотворений Х. Руннеля, Э. Ветемаа, прозы В. Луйк и пр.). Мы перевели 5 пьес, но их трудно отнести к жанру «короткая проза». Поэтому мы решили выпустить не один сборник, а серию из четырех сборников, в четвертом сборнике серии будет помещена полная библиография использованных произведений. А в первый сборник серии, который предлагается вниманию читателя сейчас, включены 92 произведения 18-ти авторов, которые переведены 34-мя переводчиками. Отбирать было очень трудно, поэтому и пришлось ограничиться тем, что представлено. В последующие сборники войдут: • стихотворения Хандо Руннеля, Николая Батурина, Энна Ветемаа, Айно Первик, Леэло Тунгал, Ингвара Лухаэра (Валев Миртем), Рудольфа Риммеля и Хельги Муллер и др.; • рассказы Энна Ветемаа, Тээта Калласа, Николая Батурина, Вийви Луйк, Тоомаса Винта, Леэло Тунгал и др.; • пьесы Мати Унта, Энна Ветемаа, Юри Туулика, Матса Траата, Пауля-Эрика Руммо, Рейна Салури и др. Еще одной проблемой стало редактирование сборника. Нельзя его бьшо редактировать в традиционном понимании этого занятия. Даже если несколько переводчиков переводят одного автора, у читателя возникает ощущение, что

		сборник составили из произведений разных авторов. В нашем случае и каждого из авторов переводили разные переводчики, и сами авторы очень разные, поэтому, если бы редактор вдруг переусердствовал, то вследствие неизбежной нивелировки текстов у читателя могло бы возникнуть противоположное ощущение – будто весь сборник состоит из произведений одного и того же автора. Поэтому правке подверглось только то, чего не править было нельзя. Кстати, в настоящем проекте студийцы попробовали свои силы и в литературном редактировании. Не все пока получается, но все же с осторожным оптимизмом можно сказать, что у нас есть все предпосылки для появления не только новых переводчиков, но и новых редакторов. И в заключение хочется поблагодарить всех у частников проекта и, конечно, Eesti Kultuurkapital, без поддержки которого не осуществились бы ни работа школы-студии, ни выпуск этой книги, и выразить надежду на то, что наша работа будет продолжена и у читателей будет возможность увидеть и все последующие сборники заявленной серии. Борис Балясный
	n/a	Foreword Estonian literature suffered significant losses during the Second World War. As the Red Army approached in the autumn of 1944, many prominent writers (such as Gustav Suits, Marie Under, Henrik Visnapuu, August Gailit, Karl Ristikivi, Karl Rumor, August Mälk, Bernhard Kangro, Pedro Krusten, Helmi Mäelo, and others), fearing the impending Soviet terror, left their homeland. Abroad, they continued their literary work, but in their homeland, the Bolsheviks doomed them to oblivion. Their books were removed from libraries and destroyed; they couldn't be publicly quoted or even mentioned without risking attracting the attention of the NKVD. The young generation that returned from the war or Soviet evacuation could not fill the void. There were both personal and ideological reasons for this. Therefore, in the 1940s, there was a vacuum in Estonian literature. In the late 1950s and early 1960s, when some signs of a thaw appeared in public life, Estonian literature revived. "The first swallows" were Jaan Kross, Ain Kaalep, and Ellen Niit. They brought a breath of fresh air to poetry and also started writing in free verse. In 1962, the first poetry cassette of young authors was released, consisting of works by Paul-Eerik Rummo, Mats Traat, Arvi Siig, Enn Vetemaa, and Linda Ruud.

		This collective debut was widely recognized. As one of the participants, I cannot provide an objective assessment of those who entered literature in that distant decade. I can only say that readers expressed their unprecedented interest. For example, Tartu students, upon learning that a poetry cassette was expected for a release, would leave lectures to queue up at the bookstore. There were many positive reviews in the media, even from schoolteachers, engineers, and collective farm chairmen. The voice of the "angry young men" influenced the subconsciousness of society, and ideological workers had to take this into account to some extent. In the following years, several more cassettes were released, mainly debuting poets: Alexander Suuman, Jaan Kaplinski, Hando Runnel, Rudolf Rimmel, Viivi Luik, Nikolai Baturin, Andrey Ehin, and others. But talented prose writers also emerged. Mati Unt published his first novel, "Farewell, Red Cat," in a school literary almanac in 1963. Short stories were published by Arvo Valton and the Tuulik brothers. During that decade, about twenty active young writers entered literature, as well as a whole constellation of translators who were the first in the Soviet Union to publish contemporary Western authors such as Camus, Sartre, Kafka, and others in the library of the magazine *Looming*. This completely changed the literary situation and expanded, enriched, and diversified the spiritual world of Estonian society. In a sense, it was an "awakening from an enchanted dream," to borrow the title of a famous painting by Johann Köler, an Estonian artist of the 19th century. It was a liberation from ideological pressure, which weakened, albeit briefly. After the suppression of the "Prague Spring" in the 1970s, it intensified and continued until the hated empire of evil collapsed, and in Estonia, finally, the Second World War was over, ending the statehood and Soviet annexation. As is often the case with newcomers, poems and stories of young writers in the 1960s were fresh in terms of worldview but clumsy from an artistic point of view, sometimes even naive. Yet, despite the contradictory trends of the time, they radiated vitality, faith, and social optimism. Of course, the fresh breeze of the "thaw" affected not only Estonian literature, art, and culture but much wider, throughout the then Soviet Union, Europe, and even America; the general revival made itself felt universally. It was such a time. Some literary and cultural scholars now believe that the 1960s were the most joyous decade of the 20th century worldwide. Perhaps it was. From the perspective of our culture, it is absolutely clear that the 1960s were a time of rapid change when all Estonian literature was renewed. Humanity and creative

		self-assurance, the degree of freedom and sincerity achieved then, are felt in today's literature as some kind of undercurrents. The writers of the sixties were treated differently. The reaction to their work varied at different times and in different places: some were repelled, not published; some tried to silence them, and later exalt them depending on the needs of the time, the erudition of the "evaluator," their worldview, political orientation, and other factors. When in the 1990s everything was evaluated from the perspective of postmodernism, even such notes were heard that it would have been better if there were no "golden 1960s," it would have made it easier to draw the curves of Estonian literary development. But the writers of the sixties cannot be thrown out of history; some of them still write today. Boris Balyasny has been leading literary translation classes for several years, where students from the University of Tallinn and the University of Tartu learn the basics of literary translation. This book offers a selection of works by young translators. In itself, this is a great and good thing to introduce Estonian literature of the 1960s to local Russian readers. Interestingly, the translators presented in the book are as old as we were then, 40 years ago. In a sense, this book is a symbolic handshake in time and history, already in a different cultural situation and another language. Mati Unt Afterword There are never any good (i.e., professional, conscientious) literary translators and even less talented, virtuosic ones among them. I believe that in every literature, their number is comparable to the number of talented authors. With the passing of the outstanding translator of Estonian literature, Svetlan Semenenko, we immediately felt a certain emptiness, perhaps irreplaceable. Other "good and diverse" translators will hopefully still emerge, but they will be completely different translators. The "old guard" of translators is gradually fading away, and the emergence of new translators seems quite natural because new names appear in Estonian literature, and the translation goals change. For example, if in Soviet times, translation into Russian was addressed to any resident of a large country who spoke Russian, today the translator primarily targets the Russian-speaking reader in Estonia. It's naive to think

		that by learning Estonian, Russian-speaking residents of Estonia will start reading Estonian literature in the original language. Typically, if the reader does not set a specific task (such as studying the language, evaluating the quality of translation, etc.), he/she will prefer to read fiction in his/her native language. Therefore, at the end of 1998, blessed by the Writers' Union of Estonia, the Literary Translation School-Studio was opened and still operates. It consists mainly of students (including graduates) of the University of Tallinn and the University of Tartu. We did not set the goal to prepare translators in a "conveyor belt" manner. This is impossible and unnecessary. A literary translator is a "custom-made product"; essentially, one cannot be taught to "be a translator," but one can help to learn, i.e., to become one. In the process of the studio's work, the idea arose to publish a bilingual collection of poems, fairy tales, and stories for children, in which Estonian (original) and Russian texts would be arranged in parallel. We believed that with this approach, children would receive not just an interesting book but also a kind of manual for Russian-speaking children studying Estonian and vice versa. In 2001, with the support of the Estonian Cultural Endowment, the school studio released the book "Loe veel! - Почитай ещё!" (Read more!) under the slogan "Young people to the little ones!", by the way, illustrated with children's drawings. Judging by the reviews, the project was successful, and we decided to continue the work of the school studio. The next stage, also supported by the Estonian Cultural Endowment, was a very large project under the working title "Estonian Writer of the Sixties or the Translation of the 'Cassette Generation' Writers." We wanted to "look at" the well-known phenomenon of Estonian literature and culture through the eyes of today's peers of poets, prose writers, and playwrights who so brilliantly entered literature forty years ago. It should be noted that, despite all the respect for copyright, unfortunately, we do not have the opportunity to pay royalties because the collection is non-commercial, and its sale is not planned. We hope that the respected authors and their heirs will understand that the book is addressed, as it is now said, to the less integrated part of

		Estonian society and translated by young people whose creative path is just beginning. From 2002 to 2006, the studio students worked on translations of writings primarily from the late 1960s to the early 1970s. According to the established tradition, each of the selected works was translated by two or three translators independently of each other, and then the most successful version was selected. In total, 348 works by 37 authors were translated, with a total volume of 1700 pages. We initially wanted to translate the entire corpus of texts and then publish a full collection. This turned out to be quite challenging for several reasons. The works of some promising authors now appear somewhat naive (for example, the essays of L. Metsalt), and we have not yet decided whether they are worth publishing. Some authors have proven themselves not only in the genres they entered literature with but also in others (for example, M. Traat, J. Kaplinsky, N. Baturin, P.-E. Rummo, E. Vetemaa, and others). We had planned to include short prose in the collection, but E. Vetemaa and N. Baturin did not work with this genre. Besides, some translations simply do not satisfy us (translations of many poems by H. Runnel, E. Vetemaa, prose by V. Luik, and others). We translated five plays, but it is difficult to classify them as "short prose." Therefore, we decided to release not just one collection but a series of four collections; the fourth collection of the series will include a complete bibliography of translated literature. In the first collection of the series, which is presented to the reader now, 92 texts by 18 authors translated by 34 translators are included. It was very difficult to select, so we had to limit ourselves to what was presented. The future collections will include: Poems by Hando Runnel, Nikolay Baturin, Enna Vetemaa, Aino Pervik, Leelo Tungal, Ingvar Luhäär (Valev Mirtem), Rudolf Rimmel, Helgi Muller, and others; Stories by Enna Vetemaa, Teet Kallas, Nikolay Baturin, Viivi Luik, Toomas Vint, Leelo Tungal, and others;

					Plays by Mati Unt, Enna Vetemaa, Yüri Tuulik, Mats Traat, Paul-Erik Rummo, Reina Saluri, and others. Another problem was editing the collection. It could not be edited in the traditional sense of the term. Even if several translators translate the same author, the reader gets the feeling that the collection was compiled from works by different authors. In our case, each of the authors was translated by different translators. As the authors are very different, had the editor put extra effort in, then due to the inevitable leveling of texts, the reader might get the impression as if the entire collection was written by the same author. Therefore, only what could not be left unedited was edited. By the way, in this project, the studio students tried their hand at literary editing. Not everything works out yet, but with cautious optimism, we can say that we have all the grounds to prepare not only new translators but also new editors. In conclusion, I would like to thank all the participants of the project and, of course, the Estonian Cultural Endowment that made both the work of the school studio and the release of this book possible. I hope that our work will continue, and readers will have a chance to see all future collections of the announced series. Boris Balyasny
33.	2008	Rehepapp ehk november	Andrus Kivirähk	Novels	Ноябрь, или Гуменщик / November, or the Barn Keeper
	n/a				Послесловие ЗАКЛАНИЕ СВЯЩЕННЫХ КОРОВ, или С НЕЧИСТОЙ СИЛОЙ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ «Гуменщик», опубликованный в 2000 году, – самое известное прозаическое произведение Андруса Кивиряхка. Это изящная ироничная стилизация из эпохи крепостного права, разрушающая стереотипы о злых остзейских помещиках и бедных, но чистых душою эстонских крестьянах. Кивиряхк ставит с ног на голову отношения между честными, трудолюбивыми эстонскими крестьянами и надменными, жестокими и жадными помещиками-остзейцами. Селяне у него,

		вопреки традиции, – вороватые бездельники, которых хлебом не корми, дай только обвести хозяев вокруг пальца. В 2003 году автор стал лауреатом премии им. А. Х.-Тамммсааре[1] за лучший роман. Не знаю, перевернулся ли бы Таммсааре в гробу, прочти он Кивиряхка. Скорее всего, нет. Ведь и великий классик при жизни разрушал кое-какие мифы и стереотипы (создавая при этом новые). Смею думать, что дерзость современного прозаика, а также его хороший эстонский язык тронули бы сердце классика. Парадокс, однако, в том, что в эстонской литературе вряд ли встретишь сегодня писателя, который был бы в большей степени противоположностью Таммсааре, нежели Кивиряхк. Таммсааре воспевал тяжкий крестьянский труд. «Работай в поте лица своего, трудись, тогда и любовь придет», – говорил его герой Андрес из Варгамяэ. Сам Таммсааре тоже был вечным тружеником. Кивиряхк, напротив, любит создавать о себе впечатление как о человеке от природы ленивом. Хлеб насущный он зарабатывает в качестве колумниста газеты «Ээсти пяэвалехт»[2], при этом на службу являться ежедневно не обязан, творит дома. Миф о трудолюбии эстонцев в представлении Кивиряхка, если судить по его трагикомедии «Поминки по-эстонски», оказывается тяжкой обузой, непосильным грузом, который нация несет на плечах, не понимая, что уродует себе позвоночник. Правда, несет ли? Андрус Кивиряхк – одна из крупнейших фигур в современной эстонской литературе – родился в 1970 году. Он коренной горожанин, окончил отделение журналистики Тартуского университета. Первая его пьеса для детей, «Старики с седьмого», была поставлена Кукольным театром в 1992 году. Юморески начал сочинять еще в школе и вообще мог бы сказать о себе словами Чехова: «Сочинял все, кроме стихов и доносов». При этом, как и Чехов, должен был бы уточнить, что имеет в виду серьезные стихи. Шуточными грешили оба. У Кивиряхка, в частности, есть квазишекспировская травестия «Ромео и Юлия» – о большой и чистой любви молодого пастушка и юной дикой косули. Ее персонажи изъясняются белым стихом. Кивиряхк работает практически во всех жанрах прозы, публицистики и драматургии. Как драматург он очень удачлив и плодовит, написал около полутора десятка пьес для театра и радио, причем минимум три – «Поминки по-эстонски», «Голубой вагон» и «Калевипоэг» – имели совершенно

		сенсационный успех. Однако в любой форме основные черты его мировоззрения и поэтики неизменны. На реалистическом фундаменте писатель выстраивает конструкцию, в которой абсурд вырастает непосредственно из нашей действительности, а впоследствии в этом странном сооружении все заметнее проступают черты сюрреализма. Как художник, безусловно переживший в своем творчестве влияние постмодернизма, позволяющего свободно заимствовать и комбинировать уже использованные в литературе мотивы, Кивиряхк выстраивает своего «Гуменщика» на пересечении двух традиций: сказочной, фольклорной, опирающейся на Фр. Р. Крейцвальда[3] с его гуменщиками, домовыми, Старым Нечистым и прочей нежитью, и традиции так называемого сельского реализма, обязательной составляющей которой было противопоставление мызы и хутора, жестоких помещиков-немцев, угнетающих эстонское крестьянство (вплоть до телесных наказаний) и забитых, но трудолюбивых крестьян. Эта традиция, зародившаяся еще в XIX веке, казалась абсолютно бесспорной (впрочем, она существует и у народов, где помещики не были иностранцами; так уж принято, что крестьянин воплощает все мыслимые и немыслимые добродетели, а помещик – пороки; фольклор-то существовал в крестьянской среде). Между тем остзейские немцы-просветители, доброжелательно относившиеся к эстонским крестьянам, отмечали, что те «ленивы, вороваты и лживы». Не знаю, эта ли характеристика отразилась в романе, но, во всяком случае, в «Гуменщике» отношения мызы и хуторян поставлены с ног на голову. (Крамольная мысль: а не с головы ли на ноги? Простонародному сознанию свойственно зацикливаться на удобных для себя мифах.) Первая же глава романа опрокидывает наши представления об отношениях мызы и хутора. В избе Карела Собачника прямо на полу лежал молодой мужик и, корчась от жуткой боли, стонал в голос. Вокруг суетились бабы с окрестных хуторов, голубили страдальца, старались унять дрожь в его сведённых болью членах. Сам Карел Собачник, уставясь на своего батрака, озабоченно попыхивал трубкой. Это именно его батрак Ян ужом извивался на полу. – Сгубили! Единственного батрака моего на мызе сгубили! – в сердцах высказался он. – Ты что, на спине лежать совсем не можешь? – спросила одна баба страдальца.

		– Не могу! – процедил сквозь зубы Ян и заскулил от боли. – Ужас до чего тошно... Будто кто на части рвёт... Неужто смертный час настал? Ой-ой-ой, я же совсем молодой ещё! Воспитанный на национальных традициях, читатель уже готов предположить, что несчастному за какую-то несерьезную провинность исполосовали спину розгами. Как бы не так! Ян по обыкновению зашел в барскую кладовую спереть чего-нибудь съестного, да по неотесанности своей нажрался душистого мыла. Вывернут наизнанку и такой характерный образ для эстонского романа о проклятом крепостном праве, как *кубьяс*. Обычно это приспешник помещика, предатель своего народа. У Кивиряхка кубьяс Ханс – романтический юноша. Он влюблен в помещичью дочь, а в самого Ханса влюблена крестьянская девушка Лийна, и хитроумный гуменщик Сандер едва не устраивает их счастье. Но отец девушки Рейн Коростель, прототип современных оголтелых национал-патриотов, категорически против брака дочери с барским прихвостнем. Заканчивается все вполне фольклорно: вмешательством нечистой силы. *** «Гуменщик» – относительно классический роман с завершенным сюжетом. Относительно – потому что он все же состоит из ряда эпизодов, почти каждый из которых мог бы стать самостоятельной новеллой. Однако это вообще характерно для современной прозы: клиповое мышление так или иначе отражается во многих произведениях большой формы, так как наше сознание переполнено разнородной информацией и разорвано. А уж сознание героев «Гуменщика», эстонских крестьян ориентировочно конца XVIII – первой трети XIX века, переполненное суевериями, тем более не могло быть цельным. Персонажи романа существуют в состоянии гомеостаза, равновесия с природой, и оттого Кивиряхк свободно вводит фольклорных героев в ткань гротескного, но еще сохраняющего видимые признаки реальности повествования. Близость к природе трактуется в сказочном ключе как умение общаться с мистическими силами и даже управлять ими. Главный герой, гуменщик Сандер, знается с нечистой силой в большей степени, чем прочие персонажи –

		и это помогает ему при надобности обмануть Старого Нечистого и отвести от деревни чуму. Но домовики водятся почти у каждого. В романе эти существа исполняют роль роботов, причем хозяева нещадно эксплуатируют их. Можно ли назвать Кивиряхка идейным постмодернистом – это еще бабушка надвое сказала. Но технологию постмодернизма нынче применяют на практике многие авторы. В частности, для Кивиряхка характерно постмодернистское смешение разных стилистических пластов, заимствование чужих клише, составление из уже существующих элементов новых комбинаций, переосмысление существующих литературных и фольклорных образов. Во всяком случае релятивистское отношение постмодерниста к общепризнанным ценностям Кивиряхку свойственно. Он проверяет логикой и здравым: смыслом то, что выведено из-под этого безжалостного контроля. То есть посягает на национальные святыни. Сейчас уже эстонская общественность примирилась с тем, что Кивиряхк высмеивает национальные чувства и вообще все святое. И вынуждена была дать ему лицензию на отстрел священных животных. Убивая священных коров национальной (нео)мифологии, Кивиряхк пытается, как и самый знаменитый шекспировский герой, обратить глаза (народа) в (его) душу. Это и есть задача художника. К сожалению, всегда обреченная на неудачу. Но не ставить ее себе большой художник не может. Борис Тух 1 Антон Хансен-Таммсааре (Anton Hansen Tammsaare, 1978-1940) – классик эстонской литературы, автор эпопеи «Правда и справедливость» (Tõde ja õigus. 1926–1933; рус. 1966–1968). 2 Eesti Päevaleht – ежедневная эстонская газета. 3 Фридрих Рейнхольд Крейцвальд (Friedrich Reinhold Kreutzwald, 1803-1882) – эстонский просветитель и фольклорист, создатель эстонского народного эпоса «Калевипоэг».
	n/a	Afterword

SACRIFICING THE SACRED COWS, or

DEALING WITH THE DEVIL FORCE ON A FRIENDLY BASIS

"Gumenshchik / Rehepapp ehk November" (Stackyard Watchman), published in 2000, is the most famous prose by Andrus Kivirähk. It is an elegant and ironic stylization from the era of serfdom, shattering stereotypes about the evil Baltic German landlords and the poor but pure-hearted Estonian peasants. Kivirahk turns upside down the relationships between honest, hardworking Estonian peasants and arrogant, cruel, and greedy German landlords. In his portrayal, the peasants, contrary to tradition, are thieving idlers who, if given the chance, would manipulate their masters.

In 2003, the author became the laureate of the A. H. Tammsaare Prize for the best novel. I wonder if Tammsaare would have turned in his grave had he read Kivirahk. Most likely not. After all, even the great classic, during his lifetime, shattered some myths and stereotypes (while creating new ones). I dare to think that the audacity of the contemporary prose writer, as well as his mastery of the Estonian language, would have touched the heart of the classic.

However, the paradox is that in Estonian literature, you are unlikely to find a writer today who is more of an antithesis to Tammsaare than Kivirahk. Tammsaare extolled the heavy peasant labor. "Work hard, sweat off your brow, and then love will come," said his character Andres from "Truth and Justice." Tammsaare himself was also a perpetual toiler. Kivirähk, on the other hand, likes to create the impression of being naturally lazy. He earns his daily bread as a columnist for the newspaper *Eesti Päevaleht* and does not have to show up for work every day, preferring to create at home. In Kivirähk's view, if we judge by his tragicomedy "Estonian Funeral / Eesti Matus," the myth of Estonians' industriousness becomes a heavy burden, a weight that the nation carries on its shoulders without realizing that it is crippling its spine. But does it really?

Andrus Kivirähk, born in 1970, is one of the most prominent figures in modern Estonian literature. He is a native urbanite who graduated from the journalism department of Tartu University. His first play for children, "The Old Men from the Seventh," was staged by the Puppet Theater in 1992. He started writing humorous sketches back in school and could say about himself what Chekhov said: "I wrote

		everything except poems and denunciations." However, like Chekhov, he would have to specify that he meant serious poetry. Both of them were guilty of jesting. Kivirähk, in particular, has a quasi-Shakespearean travesty, "Romeo and Juliet," about the great and pure love of a young shepherd and a wild young deer. Its characters speak in blank verse. Kivirähk works in almost all genres of prose, journalism, and drama. As a playwright, he is very successful and prolific, having written about a dozen plays for theater and radio, of which at least three, "Estonian Funeral," "Blue Wagon," and "Kalevipoeg," were sensational successes. However, regardless of the form, the main features of his worldview and poetics remain unchanged. On the realistic foundation, the writer constructs a structure in which absurdity grows directly from our reality, and subsequently, in this strange edifice, the features of surrealism become more and more pronounced. As an artist who undoubtedly experienced the influence of postmodernism in his work, allowing him to freely borrow and combine motifs already used in literature, Kivirähk builds his "Gumeshchik" at the intersection of two traditions: the fairy-tale, folklore tradition based on F. R. Kreutzwald and his stackyard watchmen, house spirits, Old Devil, and other undead, and the tradition of the so-called rural realism, a mandatory component of which was the opposition of the manor and the farm, cruel German landlords oppressing Estonian peasantry (down to corporal punishments), and the beaten but hardworking peasants. This tradition, which emerged in the 19th century, seemed absolutely indisputable (however, it exists among peoples where landlords were not foreigners; it is customary that the peasant embodies all conceivable and inconceivable virtues, while the landlord embodies vices as folklore circulated among the peasants). However, the Baltic Germans, who were enlighteners and friendly to Estonian peasants, noted that the latter were "lazy, thieving, and deceitful." I don't know if this characterization is reflected in the novel, but, in any case, in "Gumenshchik," the relationship between the manor and the villagers is turned upside down. (A daring thought: isn't it vice-versa, from head to feet? Popular opinion tends to fix on convenient myths.) The first chapter of the novel overturns our notions about the relationship between the manor and the village. In Karel Sobachnik's hut, a young man lay writhing in pain on the floor, groaning loudly. Women from the nearby farms bustled around, trying to comfort the sufferer and calm the tremors in his pain-stricken limbs. Karel Sobachnik himself, puffing on

		his pipe, looked at his laborer with concern. It was his laborer, Jan, who was squirming on the floor. "They've ruined him! They've ruined my only laborer!" he exclaimed in frustration. "Can't you lie on your back at all?" asked one of the women taking care of the sufferer. "No, I can't!" Jan gritted through his teeth, wincing in pain. "It's horrible... Feels like someone's tearing me apart... Could this be my last hour? Oh, I'm still so young!" Raised on national traditions, the reader is already prepared to assume that the unfortunate man was lashed for some trivial offense. It wasn't quite so! Jan, as was his custom, had sneaked into the master's pantry to steal something to eat, but out of ignorance, ended up ingesting scented soap. This incident became typical of Estonian novels about the cursed serfdom, like "Kubyas." Typically, in such novels, a "kubyas" is a henchman of the landlord, a traitor to his people. In Kivirähk's novel, Kubyas Hans is a romantic youth. He is in love with the landlord's daughter, and the peasant girl Liina is in love with Hans. However, the girl's father, Rein Korostel, is vehemently against his daughter marrying a landlord's lackey. It all ends quite folktale-like: with the intervention of dark forces. "Gumeshchik" is a relatively classic novel with a complete plot. However, it consists of a series of episodes, each of which could almost be a separate novella. This is a characteristic feature of modern prose: clip-like thinking is reflected in many large-scale writings due to the overflow of heterogeneous and ruptured information. The characters of the novel exist in a state of equilibrium with nature, and that is why the author freely introduces folkloric characters into the grotesque story, yet retaining visible signs of narrative reality. Closeness to nature is interpreted as a fairy tale, as the ability to communicate with mystical forces and even control them. The main character Sander, the stackyard wantchman, communicates with the dark forces more often than the other characters, and this helps him deceive the Old Devil when needed and divert the plague from the

					village. House spirits, however, are almost everywhere. In the novel, these creatures play the role of robots, which their owners exploit mercilessly. Can Kivirähk be called an ideological postmodernist? The question is debatable. Nevertheless, many authors apply the postmodernist technique in practice. It is specific for Kivirähk to mix different styles, borrow clichés, compile new combinations from already existing elements, and reinterpret literary and folkloric characters. In any case, Kiviryakhk's relativistic postmodernist attitude toward universally recognized values is characteristic of him. He tests with logic and common sense that which has been removed from this ruthless control. In other words, he encroaches on national sacred values. Now Estonian society has accepted the fact that Kivirähk mocks national sentiments and every sacred idea. And granted him a license to hunt sacred animals. By killing sacred cows of national (neo) mythology, Kivirähk tries, like the most famous Shakespearean character, to turn the people's eyes into the soul of the nation. This is the task of the artist. Unfortunately, it is always doomed to fail. But a great artist cannot avoid setting it for himself. Boris Tuch 1 Anton Hansen Tammsaare (1978–1940) – a classic of Estonian literature, author of the epic poem "Truth and Justice" (Tõde ja õigus, 1926–1933; Russian: 1966–1968). 2 Eesti Päevaleht – a daily Estonian newspaper. 3 Friedrich Reinhold Kreutzwald (1803–1882) – Estonian educator and folklorist, creator of the Estonian folk epic "Kalevipoeg."
34.	2009	Kolmas printsess	Kerttu Rakke	Novels	Третья принцесса / The third princess
	Kerttu Rakke – viimase aja eesti kirjanduse nõutavamaid autoreid – on seni tuntud noorte naiste skandaalsevõitu probleemide avastajana. Esimene täispikk romaan „Kolmas printsess” viib aga esmapilgul tuntud ja isegi igapäevasesse keskkonda.				Керту Ракке – одна из популярнейших эстонских прозаиков последнего десятилетия – стала известна как первооткрывательница проблем многих молодых женщин, которые в обществе более принято называть скандальными. Роман «Третья принцесса» вводит в узнаваемую с первого взгляда жизнь и

	„Unistuste peadpööritav loogika teeb sellest loost tuhande-ühe-öö-jutu, mida lugedes igale leheküljele järge ootad. Klassikalisele vaeslapse-muinasjutule kohaselt kulgeb kauni kangelanna saatus läbi raskuste õnne poole tänu ta enda südikusele ja nutikusele" – arvab sellest kaasa haaratud ja rõõmsalt üllatunud lugeja.				среду, в привлекательный круг молодых людей, стремящихся чего-то достичь в жизни и по-человечески состояться. «Головокружительная логика голубой мечты придает этой истории волшебное очарование, чтение ее трудно, просто невозможно прервать. По закону классической сказки о бедной Золушке путь прекрасной героини ведет ее сквозь тернии к звездам, – к счастью, которого она достигает благодаря своей отваге и сообразительности», - пишет автору увлеченная читательница.
	Kerttu Rakke, one of the most demanded authors in recent Estonian literature, is known as a discoverer of the somewhat scandalous problems faced by young women. However, her first full-length novel, "The Third Princess," takes us into a seemingly familiar and even everyday environment. "The dizzying logic of dreams turns this story into a tale of a thousand and one nights, where with each page you anticipate what comes next. Following the classic rags-to-riches fairy tale, the fate of the beautiful protagonist unfolds through hardships towards happiness, thanks to her determination and cleverness," believes an engaged and pleasantly surprised reader.				Kertu Rakke, one of the most popular Estonian prose writers of the last decade, has become known as a trailblazer for the issues faced by many young women, often labeled as scandalous by society. Her novel "The Third Princess" introduces us to a recognizable life and environment, a captivating circle of young people striving to achieve something in life and establish themselves as individuals. "The dizzying logic of a blue dream gives this story a magical charm; reading it is difficult, simply impossible to interrupt. Following the classic fairy tale of poor Cinderella, the path of the beautiful heroine leads her through thorns to the stars, to the happiness she achieves through her courage and resourcefulness," writes an enthralled reader to the author.
35.	2009	Kolm reisi	Kalle Käsper	Short stories	Уроки Германии / Three journeys
	Reisijutte on mitmesuguseid. On „Gulliveri reisid", on „Tundeline teekond läbi Prantsusmaa ja Itaalia". Ka Nipernaadi seiklusi võib minges mõttes nimetada reisiks. Ja loomulikult on olemas suurim kõigist rännuraamatutest – „Odüsseia". Muus ma end Homerosega kõrvutada ei söanda, kuid ühes küll – kilomeetrite arvus, siin annavad minu kangelased laertiaadile mitu head silma ette.				n/a
	Travel stories emerge in various forms. There are "Gulliver's Travels," there is "A Sentimental Journey Through France and Italy." The adventures of Nippernaadi could also be considered a journey. And, of course, the greatest of all travel books is "Odyssey." I dare not compare myself to Homer, but in one aspect - in terms of kilometers traveled – my heroes certainly went further than Odysseus.				n/a
36.	2009	Ma armastasin venelast	Maimu Berg	Novels	Я любила русского / I loved a Russian man

	n/a	Для прозы Майму Берг характерна утонченная – до таинственно мистических смещений – исповедальная атмосфера. Неосязаемая, вроде бы условная, но в то же время достоверно влияющая на все события некая сущность вторгается в изысканную манеру ее письма. Тема любви – чувственной или возвышенной, реальной или выдуманной, сладострастной и недозволенной – возникает на фоне воспоминаний и ожиданий, прошлого и настоящего. В романтично-трагических ситуациях автор-демиург – с долей иронии и даже сарказма – сохраняет личную причастность и жалостливость к своим персонажам, проникаясь «чужою», так часто несостоявшейся жизнью.
	n/a	Maimu Berg's prose is characterized by a refined, almost mysteriously mystical, confessional atmosphere. An intangible, seemingly conditional, yet undeniably influential essence permeates the sophisticated style of her writing. The theme of love – sensual or sublime, real or imagined, passionate or forbidden – arises against the backdrop of memories and expectations, past and present. In romantically tragic situations, the author as demiurge – with a touch of irony and even sarcasm – maintains personal involvement and compassion towards her characters, empathizing with their "other," often unfulfilled life.

37.	2009	Kuuekümnendate aastate eesti kirjanik	Nikolay Baturin, Teet Kallas, Helgi Muller, Hando Runnel, Leelo Tungal, Viivi Luik, Paul-Erik Rummo, Arvi Siig, Toomas Vint, Enn Vetemaa	Anthology	Эстонский писатель-шестидесятник. 2 сборник / Estonian author of the 1960s. Volume 2.
	n/a				Предисловие Предлагаемый вниманию читателей сборник является вторым в серии «Эстонский писатель-шестидесятник». Для тех, кто не читал первого сборника, возможно, интересно будет узнать, что Матс Траат, один из самых ярких писателей-шестидесятников (тех самых, которых позднее исследователи называли «кассетным поколением»), написал к нему предисловие, в котором осветил предысторию и историю вхождения в литературу тогда совсем еще молодых писателей. Вот несколько выдержек из этого предисловия. «В конце 1950-х и начале 1960-х, когда в общественной жизни наметились некоторые признаки оттепели, оживилась и эстонская литература. «Первыми ласточками» стали Яан Кросс, Айн Каалеп и Эллен Нийт. Они привнесли в

		поэзию свежее дыхание и, кроме того, стали писать верлибром. А в 1962 году вышла первая поэтическая кассета молодых авторов, которая состояла из книжек Пауля-Эрика Руммо, Матса Траата, Арви Сийга, Энна Ветемаа и Линды Рууд. Этот коллективный дебют вызвал широкий отклик ...». «В последующие годы было выпущено ещё несколько кассет, дебютировали преимущественно поэты: Александер Сууман, Яан Каплинский, Хандо Руннель, Рудольф Риммель, Вийви Луйк, Николай Батурин, Андрес Эхин и др. Но в литературу пришли и талантливые прозаики. Свой первый роман "Прощай, рыжий кот" Мати Унт опубликовал в школьном литературном альманахе в 1963 году. Новеллы публиковали Арво Валтон и братья Туулики…». «К писателям-шестидесятникам относились по-разному. Реакция на их творчество в разное время и в разных местах была разной – некоторых отталкивали, не публиковали, некоторых пытались замалчивать, а позднее превозносить – в зависимости от потребности времени, степени эрудиции «оценщика», его кругозора, политической ориентации и других факторов. Когда в 1990-е стали оценивать всё прошедшее с позиции постмодернизма, зазвучали даже такие ноты, что лучше бы «золотых 1960-х» не было, это облегчило бы черчение кривых развития эстонской литературы. Но писателей-шестидесятников нельзя выкинуть из истории, некоторые из них пишут и поныне...». «Борис Балясный руководит занятиями Литературно-переводческой школы-студии, в которой студенты Таллиннского и Тартуского университетов постигают азы художественного перевода. Эта книга предлагает срез работ молодых переводчиков. Само по себе это благодарное и хорошее дело – представить местным русским читателям эстонскую литературу 1960-х годов. Интересно отметить, что представленным в книге переводчикам по столько же лет, сколько было нам тогда, 40 лет назад. Так что в определённом смысле эта книга является символическим рукопожатием во времени и истории – уже в другой культурной ситуации и на другом языке». А в послесловии к сборнику уже автор этих строк рассказал о том, что такое Литературно-переводческая школа-студия, чем она занимается, почему взялась именно за этот проект и как, собственно, проходила работа по отбору произведений, их переводу и т.д. Наверное, нет смысла пересказывать всё, ибо

		проблемы с подготовкой и выпуском второго сборника были почти такими же, что и в первом случае. Нам снова не удалось выполнить всё намеченное: в сборник не вошли проза Н. Батурина, эссе Юло Туулика, очерки Л. Метсальт, радиопьесы Юри Туулика, поэзия Р. Риммеля и произведения авторов, формально не являющихся представителями этого поколения, но непосредственно примыкающих к нему: А. Пыльдмяэ, Й. Йыэрюйта, В. Хярм и др. Мы планируем включить в третий сборник драматургические произведения Э. Ветемаа, М. Унта, Юри Туулика, П.-Э. Руммо, Р. Салури и М. Траата. А в четвёртый, соответственно, всё, что не вошло в первые три. А в заключение хочется поблагодарить всех участников проекта, и особо Валерия Коорта, Дениса Кузьмина, Надежду Брюдольф и Марину Расину за помощь в подготовке книги и, конечно, фонд Eesti Kultuurkapital. Борис Балясный
	n/a	Foreword The collection presented to the readers is the second in the series "Estonian Writers of the Sixties". For those who have not read the first collection, it might be interesting to know that Mati Traat, one of the brightest writers of the sixties (the very ones later dubbed by researchers as the "cassette generation"), wrote a foreword to it, shedding light on the backstory and the history of the emergence of these young writers into literature. Here are some excerpts from this foreword: "In the late 1950s and early 1960s, when some signs of a thaw appeared in public life, Estonian literature also came to life. "The first swallows" were Jaan Kross, Ain Kaalep, and Ellen Niit. They brought a breath of fresh air into poetry and began writing in free verse. In 1962, the first poetic cassette of young authors was released, consisting of works by Paul-Eerik Rummo, Mats Traat, Arvi Siig, Enn Vetemaa, and Linda Ruud. This collective debut received a broad response..." "In the following years, several more cassettes were released, predominantly featuring poets: Alexander Suuman, Jaan Kaplinski, Hando Runnel, Rudolf Rimmel, Viivi Luik, Nikolai Baturin, Andres Ehin, and others. Talented prose writers also emerged in literature. Mati Unt published his first novel, "Farewell, Red Cat," in a

		school literary almanac in 1963. Novellas were published by Arvo Valton and the Tuulik brothers..." "The writers of the sixties were treated differently. The reaction to their work varied over time and in different places – some were repelled, unpublished, some tried to silence them, while later they were praised, depending on the needs of the time, the erudition of the "evaluator," his breadth of knowledge, political orientation, and other factors. When everything that had passed was evaluated from the perspective of postmodernism in the 1990s, even such notes were heard that it would have been better if there were no "golden sixties", it would have made it easier to draw the curves of Estonian literature development. But the writers of the sixties cannot be thrown out of history; some of them continue to write to this day..." "Boris Balyasny conducts classes at the Literary Translation Studio, where students from the University of Tallinn and the University of Tartu learn the basics of literary translation. This book offers a selection of works by young translators. In itself, this is a grateful and good deed – to introduce Estonian literature of the 1960s to local Russian readers. It is interesting to note that the translators presented in the book are as old as we were then, 40 years ago. So, in a sense, this book is a symbolic handshake across time and history – already in a different cultural situation and another language..." In the afterword to the collection, the author of these lines explains what the Literary Translation School-Studio is, what it does, why it undertook this particular project, and how the work of selecting the works, translating them, and so forth was actually carried out. There is probably no point in recounting everything here, since the problems involved in preparing and publishing the second collection were much the same as those encountered with the first. Once again, we were unable to accomplish everything we had planned: the collection does not include prose by N. Baturin, essays by Ülo Tuulik, sketches by L. Metsalt, radio plays by Jüri Tuulik, poetry by R. Rimmel, or works by authors who are not formally representatives of this generation but are closely associated with it: A. Põldmäe, J. Jõerüüt, V. Härm, and others. We plan to include plays by E. Vetemaa, M. Unt, Jüri Tuulik, P.-E. Rummo, R. Saluri, and M. Traat in the third collection. The fourth collection, accordingly, will contain everything that was not included in the first three.

					In conclusion, I would like to thank all the participants of the project, especially Valeriya Koort, Denis Kuzmin, Nadezhda Bryudolf, and Marina Rasina for their help in preparing the book, and, of course, the Eesti Kultuurkapital Foundation. Boris Balyasny
38.	2009	Punane elavhõbe	Andres Anvelt	Novels	Красная ртуть / Red Mercury
	On kuumade 1990-ndate algus. Iseseisvuse taastanud Eestis valitseb peata olukord ja ühiskonnas kehtib Metsiku Lääne mentaliteet. Kõik otsivad oma: kes tõde, kes õigust, kes raha, kes autoriteeti. Kõik on otsitavast kuulnud, ent keegi pole seda näinud. See on nagu punane elavhõbe, mille abil võid saavutada kõik, mida oled ihaldanud. „Punane elavhõbe" viib kriminaalsesse heitlusse hullu aja hullud kangelased, kes proovivad noorust ja kogenematust trotsides oma eesmärke saavutada. Must ja valge, hea ja halva piirid hägustuvad, kui inimsuhetesse löövad kiilu armastus, truudusetus, vihkamine ja reetmine. Kangelased peavad ise otsustama, kummale poole piiri jääda ja kuidas oma eluga edasi minna. Andres Anvelt on sündinud Tallinnas 30. septembril 1969. Pärast Tallinna 21. keskkooli lõpetamist 1987. aastal asus ta õppima Tallinna miilitsakooli ja 1989. aastal asus tööle kriminaaljälituse-politseisüsteemi, kust ta 2003. aastal lahkus Keskkriminaalpolitsei direktori ametikohalt. Praegu töötab Anvelt Kaitseväe Peastaabis Kaitseväe juhataja nõunikuna. Andres Anvelt on õppinud Tartu Ülikoolis õigusteadust, omandanud Tallinna Tehnikaülikoolis haldusjuhtumise magistri kraadi ja õppinud FBI Akadeemias õiguskaitseorganite juhtimist. Oma kriminaalpolitseipraktika jooksul on ta osalenud mitme kõlava kuriteo avastamisel ja uurimisel, millest kuulsamad ja märkimisväärsemad on Ustimenko saaga ja Keskturu palgamõrvad.				Начало горячих 1990-х. В самостоятельной Эстонии царит неразбериха и в обществе действуюn законы Дикого Запада. Каждый ищет свое: кто право, кто правду, кто деньги, кто авторитет. Все ищут что-то, о чем только слышали, но видеть не видели. Это как красная ртуть, манящая и обещающая одарить всем, чего душа жаждет. «Красная ртуть» бросает в криминальную схватку безумных героев безумного времени, которые наперекор своей молодости и неопытности пытаются добиться задуманной цели. Границы между черным и белым, между злом и добром размываются, когда в человеческие отношения вторгаются любовь и неверность, ненависть и предательство. Герои должны сделать свой выбор и решить, как дальше по жизни идти. Андрес Анвельт родился в Таллинне 30 сентября 1979 года. После окончания Таллинской 21-й средней школы в 1987 году начал работать в системе криминальной полиции, откуда в 2003 году ушел с должности директора Центральной криминальной полиции. Сейчас Анвельт работает советником командующего Силами обороны. Андрес Анвельт изучал юриспруденцию в Тартуском университете, защитил степень магистра по административному управлению при Таллинском техническом университете, прошел обучение в Академии ФБР. В течение своей практики оперативника угро он участвовал в раскрытии нескольких громких преступлений, таких, как дело Устименко и заказное убийство на Центральном рынке.
	The hot beginning of the 1990s. In the newly independent Estonia, there is chaos, and the mentality of the Wild West prevails in society. Everyone is searching for something: some for truth, some for justice, some for money,				The beginning of the hot 1990s. In independent Estonia, chaos reigns, and the laws of the Wild West prevail in society. Everyone is seeking their own: some seek justice, some seek truth, some seek money, and some seek authority. Everyone is searching

	and some for authority. Everyone has heard of what they seek, but no one has seen it. It's like red mercury, promising to fulfill all desires. "Red Mercury" plunges its characters into a criminal struggle of mad heroes in crazy times, who try to achieve their goals despite their youth and inexperience. The boundaries between black and white, between good and evil, blur when love, infidelity, hatred, and betrayal disrupt human relationships. The heroes must decide for themselves which side of the line to stand on and how to proceed in their lives. Andres Anvelt was born in Tallinn on September 30, 1969. After graduating from Tallinn Secondary School No. 21 in 1987, he was enrolled in the Tallinn Police Academy and started working in the criminal investigation police system in 1989, from where he left the position of Director of the Central Criminal Police in 2003. Currently, Anvelt works as an advisor to the Commander of the Defense Forces Headquarters. Andres Anvelt studied law at the University of Tartu, obtained a master's degree in public administration at Tallinn University of Technology, and attended the FBI Academy for law enforcement. During his career in the criminal police, he has participated in the investigation of several high-profile crimes, the most famous and notable of which were the Ustimenko saga and the contract killings at the Central Market.	for something they've only heard of but never seen. It's like red mercury, enticing and promising to bestow everything the soul desires. "Red Mercury" throws its characters into a criminal showdown of insane heroes in insane times, who, despite their youth and inexperience, strive to achieve their goals. The boundaries between black and white, between evil and good, blur when love and infidelity, hatred, and betrayal invade human relationships. The heroes must make their choice and decide how to proceed in life. Andres Anvelt was born in Tallinn on September 30, 1979. After graduating from Tallinn Secondary School No. 21 in 1987, he began working in the criminal police system, where he served as the director of the Central Criminal Police until 2003. Currently, Anvelt works as an advisor to the Commander of the Defense Forces. Andres Anvelt studied law at the University of Tartu, obtained a master's degree in public administration at Tallinn University of Technology, and underwent training at the FBI Academy. During his career as an operative, he participated in the investigation of several high-profile crimes, such as the Ustimenko case and the contract killing at the Central Market.

39.	2009	’Kaamel’, ’Pärast suurt külma’, ’Baltic Dream’; ’Estonian Dream’, ’Külma kondid’, ’Vürst’, ’Kunstnik Jaagup’, ’Armastus raamatu vastu’	Jaan Kross, Emil Tode, Arvo Valton, Andrus Kivirähk, Maimu Berg, Jaak Jõerüüt, Jaan Undusk, Doris Kareva, Hando Runnel, Kivisildnik, Jürgen Rooste, Andra Teede, Jan Kaus, Boris Tuch, Rein Veidemann	Anthologies	Эстонские писатели на страницах «ДН» / Estonian authors published in “Druzhba narodov”
	n/a				ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА В юбилейный год — «Дружбе народов» только что исполнилось 70 лет — мы предоставляем свои страницы эстонским коллегам. Мы рады тому, что они охотно откликнулись на наше приглашение. Нам надо знать друг друга, чтобы лучше понимать, и лучше понимать, чтобы не совершать ошибок.

Прагматизм, плешивый идол нового времени, диктует миру свои условия. Для начала он стирает из нашей памяти культурную информацию, видимо, освобождая место для курсов валют и голубых фишек. Но талантливое писательское слово не стирается. Мы помним острое и самобытное обаяние эстонской прозы, «маленького эстонского романа», выразительный минимализм детища Траата и Ветемаа, Валтона и Унта, в памяти живет раздумчивая эссеистика путешествующих философов — Смуула и Мэри, романистика Куусберга и Бээкмана. До сих пор не отзвучало эхо азартной дискуссии вокруг знаменитого сборника рассказов молодых эстонских писателей. Но любимым автором «ДН» до конца творческого пути оставался Яан Кросс. Мы гордимся тем, что несколько лет назад опубликовали его последний роман «Полет на месте». Мастер представлен и на страницах этого номера.

Диалог продолжается…

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Вступительная заметка Нелли Абашиной-Мельц

Крутой, горячий, отпетый — это все слова из нынешнего новояза. Кому-то при этом вспоминаются горячие (добавьте сами) парни из анекдота. Впрочем, название книги Бориса Туха «Горячая десятка эстонских писателей» (издательство КПД, 2004) в какой-то мере отражает эту ситуацию — долгий перерыв в общении с русским читателем. Конечно, для разогрева горячей эстонской молодой писательской поросли на первый план выходят такие имена, как Яан Кросс, Энн Ветемаа, Мати Унт, за ними следуют отчаянные публицисты Яан Каплинский и Юло Туулик, потом на арене появляются тонкие лирики и философы Яан Круусвалл, Мадис Кыйв и Яан Тятте и, наконец, врываются новички — язвительные, эмоциональные вольники — ах! они даже покушаются на национальные святыни — Андрус Кивиряхк и Каур Кендер. Вот и очерчен круг. Вот эти десять имен.

Борис Тух давно и обстоятельно отслеживает развитие современной эстонской литературы. И много переводит. Именно это позволяет ему свободно

		ориентироваться в перипетиях литературной жизни Эстонии и вводить ее в более широкий контекст культуры. Этим и интересны его эссе об эстонских писателях — все их творчество он рассматривает на фоне мирового литературного пространства, что привлекательно в первую очередь для читателей, но и не в последнюю — для самих писателей. Для каждого из них автор книги нашел точные и весьма выразительные заголовки: «Яан Кросс. Сотворение мифа, или эстонский национальный медиум». Сопротивлению этому мифу он посвятил все свое творчество. «Энн Ветемаа. Человек, который сотворил “Монумент”» — разумеется, именно это произведение сделало его знаменитым и стало своего рода вехой не только в его творчестве, но и послужило ориентиром для тех, кто шел за ним. Мати Унт. Многогранный постмодернист и его мир — коллаж. Русскому читателю он знаком еще с тех давних времен, когда увидел свет его первый юношеский роман «Прощай, рыжий кот» в переводе Татьяны Теппе. Потом у него вышло еще несколько весьма читабельных книг, а чем занялся Унт после — об этом нас часто спрашивают в Москве, — мало кому известно. А Мати Унт ушел с головой в театр. Его театральные коллажи озадачивают и его почитателей, и его критиков. Но без внимания он не остается. «Каур Кендер. Enfent terrible эстонской прозы, или Кендер и Путин не умеют писать по-эстонски», — наверняка в этом эссе можно прочитать еще и не такое. А уж «Андрус Кивиряхк. Заклание священных коров» — как же он решился посягнуть на национальные святыни?! — изумляется сначала зритель (пьеса «Поминки по-эстонски» была поставлена в Эстонском театре драмы в 2002 году), а потом и читатель (русский перевод был опубликован в журнале «Таллинн» № 28 за 2002 год). Эта книга — занимательное чтение. Осталось только напрячь память и вспомнить старые имена и прочитать новые произведения. Чтобы было уютно чувствовать себя достойным собеседником. Нэлли Абашина-Мельц, редактор журнала «Таллинн»
	n/a	In the anniversary year, when the "Druzhba Narodov" magazine turned 70, we invited our Estonian colleagues with publications. We are glad that they responded to our invitation. It is important to know each other better to avoid mistakes. Pragmatism, a kind of idol of the new era, dictates its terms to the world. First, it erases cultural information from our memory, presumably making room for currency

exchange rates and blue chips. The words of a talented author, however, do not disappear. We remember the sharpness and unique charm of Estonian prose, the "little Estonian novel," the expressive minimalism of Traat and Vetemaa, Valton and Unt, we remember the thoughtful essayistic of wandering philosophers Smuul and Meri, the fiction of Kuusberg and Beekman. We still remember the lively debates around the famous collection of stories by young Estonian writers. However, the favorite author of "Druzhba Narodov" until the end of his creative path remained Jaan Kross. We are proud that a few years ago we published his last novel "Ullo Paerand". The master is also represented on the pages of this issue.

The dialogue continues...

Alexander EBANOIDZE

Introductory Note by Nelly Abašina-Melts

Cool, hot, daring—these are words from today's jargon. For some, it brings to mind the hot (add your own) guys from the popular joke. However, the title of Boris Tuch's book "Hot Ten Estonian Writers" (published by KPD, 2004) somewhat reflects this situation—a long break in communication with the Russian reader. Of course, to boost the hot Estonian young literary growth, such names as Jaan Kross, Enn Vetemaa, and Mati Unt come to mind, followed by desperate publicists Jaan Kaplinski and Ülo Tuulik, then by delicate lyricists and philosophers Jaan Krusvall, Madis Kõiv, and Jaan Tätte, and finally, newcomers burst in—acerbic, emotional libertarians—oh! They even dare to touch national shrines—Andrus Kivirähk and Kaur Kender. That's the circle. These ten names.

Boris Tuch has been thoroughly tracking the development of modern Estonian literature. He translates a lot. This allows him to navigate freely in the peripeteia of Estonia's literary life and introduce it to a broader cultural context. This is what makes his essays about Estonian writers interesting—he examines all their works against the backdrop of the world literary space, which is attractive mainly to readers, but also to the writers themselves.

For each of them, the book's author found precise and very expressive titles: "Jaan Kross. The creation of myth, or Estonian national medium." He dedicated all his work to resisting this myth. "Enn Vetemaa. The man who created 'The Monument'—

					of course, this work made him famous and became a kind of milestone not only in his life but also served as a guide for those who followed him. "Mati Unt. Multifaceted postmodernist and his world—a collage." The Russian reader remembers him from the distant times when his first novel, "Goodbye, Red Cat," was published in translation by Tatjana Teppe. Then he published several quite readable books, but what Unt did after that— in Moscow, they often ask us about it—few know. Mati Unt plunged headlong into the theater. His theatrical collages puzzle both his admirers and his critics. He did not disappear. "Kaur Kender. Enfant terrible of Estonian prose, or Kender and Putin cannot write in Estonian,"—surely in this essay, you can read even more. "Andrus Kivirahk. Sacrificing the Sacred Cows"—how did he dare to encroach on national shrines?!—the spectator wonders at first (the play "Estonian Funeral" was staged at the Estonian Drama Theatre in 2002), and then the reader (the Russian translation was published in the magazine *Tallinn* No. 28 for 2002). This book is entertaining reading. It only remains to strain your memory and remember old names and read new works. So that you can feel comfortable being a worthy conversationalist. Nelly Abašina-Melts, Editor of the *Tallinn* magazine
40.	2009	Vabadus ja armastus	Reet Kudu	Novels	Свобода и любовь: эстонские вариации / Freedom and Love: Estonian variations
	Olen märgatavalt noorem kui Maija Plissetskaja, kes siiamaani tantsib edukalt balletilaval, ja veidi vanem kui Kati Murutar, kes edukalt šokeerib eestlasi romaanikirjanikuna. Balletiks seega liiga noor, menuromaaniks liiga vana, kuid katsetan sellegipoolest vaheldumisi kirjutamist. Ja tantsimist. Minu esimene raamat anti välja 1979. aastal. Kokku võin endalt lugeda kolme muinasjutu- ja kahte juturaamatut, lisaks tantsuraamatut „Süvamuusikat peale hammustades". Oma novelle võin viimasel ajal lugeda ka Saksamaal trükitud kirjanduskogumikest ja venekeelsetest ajakirjadest, mõnda veerida isegi leedu-, läti- või prantsuskeelsena. Lapsepõlvelinnast Tartust sain kaasa filoloogi-žurnalisti diplomi ja lootusetu armastuse Tartu Ülikooli vastu. Lootusetult armastan veel Pariisi, kus olen teatrites ja kontsertidel hulkunud üle aasta, ja Moskva balletitantsijaid, kes esimeste kutselistena julgesid tantsida minu koreograafiaid. Pärast kaheaastast stažeerimist koreograafina Moskva Balletiteatri juures lubati üks minu tantsulavastusi 1987. aastal „Vanemuise" teatrilavale. Enne seda olin				Лола Звонарева Не выбирая между свободой и любовью Штрихи к творческому портрету прозаика Рээт Куду Имя эстонской писательницы Рээт Куду за последние годы прочно вошло в литературно-исторический контекст самобытной прибалтийской культуры. Многочисленные критические отзывы (отнюдь не всегда комплиментарные) вызывали почти все изданные ею книги. Писательница полробовала свои силы в самых разных жанрах – фнлософской сказки, новелл для юношества, критического очерка о балете и даже ромаанов – их у Рээт уже семь. Читатели и переводчики не остались равнодушными к ее творчеству: рассказы и сказки Рээт Куду переводились на литовский, финский, французский, немецкий и болгарский языки, а в Литве и России вышли ее книги.

	„põrandaaluselt” tantsinud oma isikliku moderntantsutrupiga. Nüüd püüan lavastuslikke õnnehetki korrata ning ehk jõuan Plissetskaja vanuses balletilavalegi. Seniks muudkui loen Ja kirjutan, kirjutan ja loen. Reet Kudu	Своеобразие таланта Рээт Куду и круг тем, за которые она берется, – в значительной степени производное от воспитавшей ее традиционной эстонской среды (писательница родилась и выросла в старейшем эстонском городе Тарту) в семье спортсменов-педагогов – преподавателей Тартуского университета, каждый из которых написал в свое время книгу о спорте. Литературный дебют юной Рээт Куду состоялся еще во время учебы в школе: она стала победительницей литературного конкурса, и ее рассказ «Сквозь тернии к звездам» был опубликован в школьном альманахе. В юности Рээт Куду, создавшая собственную балетную труппу, отдавала танцам и хореографичсской деятельности гораздо больше сил, чем литературе, хотя училась на факультете филологии (отделение журналистики) Тартуского университета. Подобно ее прозе, которую некоторые эстонские критики склонны рассматривать как «неправильную», модернистские танцы ее хореографического коллектива вызвали столь резкую критику зрителей старшего поколения, что по этому поводу было созвано партийное собрание преподавателей Тартуского университета, и юная Рээт Куду чуть было не лишилась студенческого билета. Но упрямую Рээт этот печальный опыт ничему не научил – она продолжила свои занятия модернистскими танцами и как теоретик, выпустив книгу статей, и как практик, прошедший в Москве двухлетнюю стажировку у первоклассных мастеров балета Натальи Касаткиной и Владимира Васильева. По поставленному ею «Болеро» Равеля был снят в Эстонии видеофильм (а первая московская исполнительница женской партии Галина Степаненко вскоре стала примой Большого театра). Хореографические постановки Рээт шли в тартуском театре Ванемуйне, в Русском драматическом театре в Таллинне зрители не один год восхищались поставленными ею танцами в пьесе «Музыка-2» Маргерит Дюра (режиссер Адольф Кяйс). Вскоре после окончания университета попав в больницу, Рээт Куду пишет свой первый взрослый рассказ «Письмо». Отношения самой Рээт с эпистолярным жанром достаточно нетрадиционные: писательница ведет переписку с друзьями из разных стран на четырех языках: русском, эстонском, финском и немецком – и, к сведению будущих издателей, ее эпистолярное наследие когда-нибудь займет не один том.

		Мифологическое мироощущение Рээт, отразившееся в ее сказках и рассказах, приоткрывает внутреннюю связь творчества писательницы с фольклором. Недаром юная героиня новеллы «Ночью все города похожи» признается: «Как старые эстонские заклинания руны, я проговаривала нараспев: ни головы, ни хвоста у меня, одна вода и вода, вода и вода… вода глубока, вода и покой, покой и вольгота…». Как известно, именно в родном для Рээт городе Тарту в Литературном музее им. Ф.Р. Крейцвальда находился отдел фольклора, основное хранилище устного народного творчества, содержащее 370 000 записей эстонских народных песен, поражающих разнообразием содержания и самобытностью формы. С. Исаков утверждает, что «старинные народные песни – это женская поэзия. Их носители и сочинители, а также главные герои – женщины». Не только в сказках, но и в романах эстонской писательницы в центре повествования – сложные отношения сильной творческой женщины с окружащим ее миром. В конце 1994 года Рээт Куду закончнла свой первый роман «Свобода и любовь», напряженная работа над которым продолжалась около полугода. Многие эстонские мужчины-критики оценили роман как вызывающе феминистский и недостаточно патриотнчный. В центре романа не столько любовные (любовь эстонской художницы к армянскому живописцу, переехавшему из Москвы в Париж), сколько национальные и межнациональные проблемы, столкновение менталитетов. Исследуя эстонский национальный характер, писательница постоянно сравнивает его с другими. Любящая и не боящаяся путешествовать (в отличие от многих соотечественников), Рээт Куду в этом романе опиралась на личный опыт, на свои странствия по России, Парижу, родной Эстонии. В одном из интервью эстонским журналистам писательница признавалась, что ее – и как литератора, и как хореографа – долго не понимали в Эстонии, и это заставило ее найти друзей в Германни, Франции, России, Финляндии. «Я близко схожусь с людьми, что для эстонца непривычно, – поясняет Рээт Куду. – Для меня нет психологических границ. Мне важен человек, а не национальность. Хотя я знаю, что не могу без Эстонии и эстонцев, но временами чувствую, что в местном воздухе я теряю способность творить... А живя в Париже, я поняла, до какой же степени я эстонка».

		Отважная Рээт Куду открыто заявляет в эпоху весьма сложных русско-эстонских политических отношений, что роман «Свобода и любовь» написан для того, чтобы оставаться верной своим друзьям и русской культуре. Но столь публицистическая заявка не сделала роман идеологизированным. Он написан выразительным, афористичным слогом, богат меткими, порой убийственными характеристиками. Например, «моя благодетельная начальница, которая через все круги ада всегда старалась пристроиться в рай», городские бродяги, которые «умеют раствориться в хозяйском доме, как сахар в чае», «величие великого народа – не пустой звук. Это завораживающее и волшебное влияние тех, кого хотят заворожить и присвоить». Писательница тонко подметила, как поменялись многие отношения между прежде дружившими людьми разных национальностей в связи с изменением политической конъюнктуры: «Поляки не забывают друзей, живущих в России. Преуспевшие же восточные немцы прекратили дружеские визиты». Рээт Куду не боится и острополитических обличений: «когда-то каждый перебравшийся в Эстонию русский продвигал гостеприимных партработников чуть вверх по служебной лестнице. Теперь нужны были дурочки вроде меня, кого жажда странствий заводила в Россию. Презирая таких, как я, можно было снова доказать свою верноподданность. А верноподданные – они ведь были всегда, какое бы то ни было подданство». «Свобода и любовь» – название романа Рээт Куду прочитывается на нескольких уровнях. Это и проблема выбора между родным домом и землей отцов, дедов, особенно злободневно воспринимается сегодня, когда Москва переполнена беженцами из разных регионов бывшего СССР. Писательница стремится к объективному анализу ситуации: «Но малый народ свыкся с жестокостями большого народа и жестоким быть не боится. Вот и пришла очередь больших братьев – пусть страдают, пусть мучаются, пусть выбирают. Воздух пропитан злорадством». Вот этого-то злорадства, неблагородства человеческой позиции не прощает Рээт Куду многим своим землякам, ибо знает разрушительную силу этого тайно пестуемого в душе желания зла ближнему: «Мука жить в столице маленького государства, где почти половина жителей вызывает неприязнь и презрение у исконных хозяев этой маленькой страны. Слишком много подсознательного уничижения, враждебности и жажды мщения. Для меня не

		самое главное, что этот яд ненависти еще не полностью уничтожил оба народа. Какая-нибудь внутренне и молчаливо тлеющая вражда воздействует гораздо коварнее открытой ссоры. Это разрушает народный характер. Тем больше, чем меньше народ». Серьезное знакомство со многими другими культурами и странами позволяет писательнице тонко и глубоко проанализировать самобытность эстонского национального характера: «Лишь в Москве научилась я на самом деле ценить однобокое упрямство своего маленького народа как хранителя уникальной традиции предков. Но спасали нас, на беду, именно те качества, которые особенно привлекательным человека не делают, – сдержанность до стертой безликости и необщительность до вялой бесчувственности, чувство собственного достоинства до невежества, уважение к себе до надменности». С неменьшим вниманием исследует писательница и собственную душу: за монологом-исповедью ее главной героини порой проступает узнаваемый облик эстонской творческой женщины среднего поколения – самой Рээт: «Страсть к путешествиям – это стремление узнать не только мир, но и себя лучше» – «Я в полете, я в движении, я открываю себя, я заново существую». Вот она какая, свобода! И здесь, в чужеземье, обнаруживается и еще одна любовь – к чужим семейным очагам· «Как наркотические пары, я жадно втягивала в себя родственный и семейный старый домашний дух. И он влиял на меня не менее опасно, чем самый сильный наркотик». Подобно одному из своих любимых писателей – Томасу Манну – Рээт Куду верит в добро и дух, в правду, свободу и смелость, в красоту и справедливость, в суверенную радостную силу искусства, этого целительного средства против ненависти и глупости, и так же, как он, убеждена, что «самое лучшее – любовь художника к человеку».
	I am noticeably younger than Maya Plisetskaya, who still dances successfully on the ballet stage, and a little older than Kati Murutar, who successfully shocks Estonians as a novelist. Thus, I am too young for ballet and too old for a bestselling novel, but I continue to alternate between writing and dancing. My first book was published in 1979. I can count three fairy tale books and two storybooks to my name, along with a dance book titled "Deep Music That You Must Bite Into." Recently, my novellas have been featured in German	Lola Zvonareva: Not Choosing Between Freedom and Love Sketches for a Creative Portrait of Prose Writer Reet Kudu In recent years, the name of Estonian writer Reet Kudu has firmly established itself in the literary and historical context of the unique Baltic culture. Nearly all her published books have received numerous critical reviews (not always complimentary). Kudu has ventured into various genres—philosophical fairy tales, novellas for young people, critical essays on ballet, and even seven novels. Readers

	literary collections and Russian-language magazines, and some have even appeared in Lithuanian, Latvian, or French. From my childhood city of Tartu, I graduated with a degree in philology-journalism and developed a hopeless love for Tartu University. I am also hopelessly in love with Paris, where I have wandered through theaters and concerts for over a year, and with Moscow ballet dancers, who were the first professionals daring enough to dance my choreography. After a two-year internship as a choreographer at the Moscow Ballet Theatre, one of my dance productions was allowed to be staged at the "Vanemuine" Theatre in 1987. Before that, I had been "underground," dancing with my modern dance troupe. Now, I try to recreate those moments of staged happiness and perhaps someday, like Plisetskaya, I'll still be on the ballet stage at her age. Until then, I keep reading and writing, writing and reading. Reet Kudu	and translators have responded enthusiastically to her work: Reet Kudu's stories and tales have been translated into Lithuanian, Finnish, French, German, and Bulgarian, and her books have been published in Lithuania and Russia. The uniqueness of Reet Kudu's talent and the range of topics she tackles have been significantly influenced by her upbringing in a traditional Estonian environment (she was born and raised in Tartu, the oldest Estonian city) in a family of athlete-educators—professors at Tartu University, each of whom wrote a book on sports. Reet Kudu debuted in literature while she was still at school: she won a literary competition, and her story "Per Aspera ad Astra" was published in the school almanac. In her youth, Reet Kudu, who had established her ballet troupe, dedicated much more energy to dance and choreography than to literature, even though she studied at the Faculty of Philology (Journalism Department) at the University of Tartu. Like her prose, which some Estonian critics consider "unconventional," the modern dances of her choreographic troupe drew such sharp criticism from the older generation of viewers that a party meeting of Tartu University lecturers was convened, and young Reet Kudu almost lost her student ID. However, this unfortunate experience did not deter the stubborn Reet. She continued her engagement with modernist dance, both as a theorist, publishing a book of articles, and as a practitioner, completing a two-year internship in Moscow with top ballet masters Natalia Kasatkina and Vladimir Vasiliev. A video film of Ravel's "Bolero," choreographed by her, was produced in Estonia (the first Moscow performer of the female role, Galina Stepanenko, soon became a prima ballerina at the Bolshoi Theatre). Reet's choreographic productions were performed at the Vanemuine Theatre in Tartu and the Russian Drama Theatre in Tallinn, where audiences admired her dances in the play "Music-2" by Marguerite Duras (directed by Adolf Käis). Shortly after graduating from university and while in the hospital, Reet Kudu wrote her first adult story, "The Letter." Her relationship with the epistolary genre is quite unconventional: she corresponds with friends from different countries in four languages—Russian, Estonian, Finnish, and German. Future publishers should note that her epistolary legacy could one day fill multiple volumes.

		The mythological worldview of Reet, explored in her tales and stories, reveals the inner connection of her creativity with folklore. It is no coincidence that the young heroine of the novella "All Cities Look Alike at Night" confesses, "Like old Estonian spells and runes, I would chant: No head, no tail for me, only water and water, water and water... water deep, water and peace, peace and freedom..." Notably, the F.R. Kreutzwald Literary Museum in Reet's hometown of Tartu housed the folklore department, the main repository of oral folk art, containing 370,000 records of Estonian folk songs, remarkable for their diverse content and unique form. Sergey Isakov claims that "old folk songs are women's poetry. Their bearers and creators, as well as their main characters, are women." In her fairy tales and novels, she focuses on the complex relationships of a strong creative woman with the world around her. At the end of 1994, Reet Kudu completed her first novel, "Freedom and Love," an intense work that took about six months. Many Estonian male critics found the novel provocatively feminist and insufficiently patriotic. The novel's central topics are not so much love (the love of an Estonian artist for an Armenian painter who moved from Moscow to Paris) but national and international issues and the clash of mentalities. Exploring the Estonian national character, the writer constantly compares it with others. Loving and unafraid to travel (unlike many of her compatriots), Reet Kudu relied on her experience in this novel, drawing from her journeys through Russia, Paris, and her native Estonia. In an interview with Estonian journalists, the writer confessed that she was not understood in Estonia for a long time, both as a writer and a choreographer, which led her to find friends in Germany, France, Russia, and Finland. "I get close to people quickly, which is unusual for an Estonian," explains Reet Kudu. "For me, there are no psychological borders. I care about the person, not the nationality. Although I know I cannot live without Estonia and Estonians, I sometimes feel that I lose the ability to create in the local air... But living in Paris, I realized how Estonian I am." Courageous Reet Kudu openly declares in an era of complex Russian-Estonian political relations that "the novel 'Freedom and Love' was written to remain true to my friends and Russian culture." However, such a publicistic declaration did not make the novel ideological. It is written in an expressive, aphoristic style, rich in precise, sometimes sharp characterizations. For example, "my benevolent boss, who always tried to find a spot in paradise through all the circles of hell," city vagrants who "know how to dissolve in the host's house like sugar in tea," “the greatness of a

		great nation—these are not empty words. It is the enchanting and magical influence of those they want to enchant and claim." The writer astutely noted how many relationships between previously friendly people of different nationalities changed with the shift in political circumstances: "The Poles do not forget friends living in Russia. Successful East Germans have ceased 'friendly visits.'" Reet Kudu is not afraid of sharply publicistic denunciations: "At one time, every Russian who moved to Estonia helped the hospitable party workers climb a little higher up the career ladder. Now, fools like me, who were lured to Russia by a thirst for travel, were needed. By despising people like me, they could once again prove their loyalty. And loyal subjects have always been around, no matter what loyalty." Reet Kudu interprets the title of her novel "Freedom and Love" on several levels. It is about the dilemma of choosing between one's homeland and the land of one's ancestors, a particularly pressing issue today when Moscow is overflowing with refugees from various regions of the former USSR. The writer seeks an objective analysis of the situation: "But the small nation has become accustomed to the cruelties of the large nation and is not afraid to be cruel. Now it is the big brothers' turn—let them suffer, let them endure, let them choose. The air is filled with schadenfreude." Reet Kudu does not forgive many of her compatriots for this schadenfreude and unworthy human behavior because she knows the destructive power of secretly nurturing malice towards others in one's soul: "It is tormenting to live in the capital of a small state, where almost half of the residents are disliked and despised by the indigenous inhabitants of this small country. There is too much subconscious humiliation, hostility, and a thirst for revenge. For me, it is not the most important thing that this poison of hatred has not yet fully destroyed both nations. Some internal and silently smoldering hostility acts far more insidiously than an open quarrel. This destroys the national character. The smaller the nation, the more it is destroyed." Her close acquaintance with many other cultures and countries allows the writer to subtly and deeply analyze the uniqueness of the Estonian national character: "Only in Moscow did I really learn to appreciate the one-sided stubbornness of my small nation as the guardian of a unique ancestral tradition. But it was those very qualities that are not particularly attractive that saved us, unfortunately—restraint to the point

					of erasing individuality and uncommunicativeness to the point of sluggish insensitivity, self-respect to the point of ignorance, respect for oneself to the point of arrogance." With equal attention, the writer also examines her soul: behind the monologue-confession of her main heroine, one can sometimes recognize the familiar image of the Estonian creative woman of the middle generation—Reet herself: "The passion for travel is a desire not only to know the world but also to know oneself better"—"I am in flight, I am in motion, I am discovering myself, I am existing anew." This is what freedom is! And here, in a foreign land, another love is discovered—love for foreign family hearths: "Like the vapors of narcotics, I eagerly inhaled the old domestic spirit of kinship and family. And it affected me no less dangerously than the strongest narcotic." Like one of her favorite writers, Thomas Mann, Reet Kudu believes in goodness and spirit, in truth, freedom, and courage, in beauty and justice, in the sovereign joyful power of art, this healing means against hatred and stupidity, and, like him, she is convinced that "the best thing is the artist's love for humanity."
41.	2009	Valge paat	Tõnu Kallas	Novels	Белая лодка / The White Boat
	Meri ühendab, meri lahutab. Sõda lahutab, aga ei ühenda. Juba pääsenud mehed Üritavad päästa mahajäänud. Valge paat on omast käest, Mul on loodusjõudude käes, Kummalgi kaldal on võimud valvel. Toimunut varjas udu ja pimedus Ja poole sajandi salastus. Ei enam.				Послесловие Тыну Р. Калласу (Tõnu R. Kallas, род. 1944) не повезло так, как только может не повезти писателю. Фамилия и первая буква его имени – те же, что и у вступившего в лтитературу гораздо раньше Тээта Калласа, который своим первым романом «Звенит-поет» (Teet Kallas. Heliseb-kõliseb. 1972) застолбил себе место в эстонской прозе, да и потом много писал и переводился на русский... В отличие от своего однофамильца, Тыну Р. Каллас, по образованию эстонский филолог, выпускник Тартуского университета, беллетристикой занялся поздно. «Белая лодка» – не первая книга, однако впервые его произведение вызвало такой интерес в Эстонии и в Швеции. Автор принадлежит к поколению, родившемуся в конце войны, и то, что происходило в Эстонии в конце 1940-х – начале 1950-х годов, коснулось его лично. Хотя свой роман «Белая лодка» он

		создавал, конечно, не столько по собственным детским воспоминаниям, сколько по рассказам очевидцев, протоколам и историческим свидетельствам. Белая лодка – образ, навеянный белым кораблем избавленья, которого эстонские крестьяне в XIX веке ожидали на Маарьямяги*, до боли в глазах всматриваясь в морскую даль. И еще стихотворными строчками Уку Мазинга: Рабы твои, в гари и смраде мы помним небес синеву, И Белый Корабль избавленья мерещится нам наяву… И пусть только эта надежда нам брезжит на бранном пути, Мы верим, на древе Господнем сердца наши будут цвести*. «Песнь солдат, отступающих под натнском нечистой силы» Только в романе масштабы иные. Не мистические, а реальные. И не о безразмерном Ноевом ковчеге, который должен вместить весь народ, идет в нем речь, а всего-то о моторке, на которой несколько эстонцев, уроженцев Сааре-Ляэнеского уезда, бежавших в Швецию в 1944-м, решили вывезти из Эстонии свои семьи. В 1946–47 году эта затея была рискованной, но возможной: коллективизация еще не началась, советская пограничная охрана была неопытна и технически очень слабо оснащена. Моторная лодка с мощным двигателем, которую вел человек, досконально знающий здешний фарватер, вполне могла бы уйти от неповоротливого катера погранохраны. История о том, как эти мужики разбили лодку о прибрежные камни в тот момент, когда цель уже была фактически достигнута, как они опасливо блуждали по Ляэнемаа**, стремясь и не решаясь зайти на оставленные два года назад хутора, как встретились с семьями, как пытались раздобыть другое судно и все-таки покинуть Эстонию, уйти в Шведское королевство, где им жилось не то чтобы очень сладко, однако в безопасности, сама по себе захватывающе интересна. Там есть неожиданные сюжетные повороты. Герои то теряют надежду, то обретают ее вновь.

		Но для автора важнее авантюрного сюжета показать характеры. Никто из персонажей не был активным пособником нацистов. Никто не служил в Waffen-SS. Как и большинство беженцев, они были людьми, которых затянул в свои шестеренки маховик Истории. Все они - обыкновенные обыватели, волею случая покинувшие родину. Они бежали из боязни, что с приходом красных их ждет повторение сталинских репрессий 1941 года. Своя семья, надежная защищенность близких важнее для них любых идеологических постулатов. Главного героя в романе нет. У каждого – своя история и своя драма. Центр тяжести повествования перемещается с одного персонажа на другого, сюжетные линии разветвляются и переплетаются вновь. Роман интересен и тем, что он sine irae et studio (разве что с долей мрачного юмора) воссоздает атмосферу первых послевоенных лет. Этот период русскому читателю знаком очень слабо. Но можно предположить, что и эстонскому читателю не так уж много известно об атмосфере первых послевоенных лет, до коллективизации и мартовской депортации 1949 года. Это атмосфера перемен, тревожного ожидания чего-то худшего и все же... некоторого неустойчивого равновесия между сохранившимися приметами старого буржуазного и хуторского уклада и назойливой советской идеологии. Совершенно неожиданно для себя мы узнаем, что в то время кое-какое общение с эмигрантами было возможно (по почте и через радиопередачи «по заявкам слушателей»). Любопытно, что герои романа никаких сильных негативных чувств ни по отношению к советской власти, ни по отношению к русским не испытывают. Как любые нормальные граждане они недолюбливают власть. В данном конкретном их, людей здорового и консервативного крестьянского мировоззрениия, отталкивает чрезмерная идеологизация, полное расхождение слова с делом, лицемерие. Они трезво и критически смотрят на жизнь, а для коммунистической власти это грех. Впрочем, для посткоммунистической, взявшей на вооружение национальные лозунги, но не изменившей своей гнилой сущности — это тоже грех. Примеров тому мы имеем на протяжении последних двух десятков лет сколько угодно.

		Роман написан очень плотно, образы действующих лиц убедительны, а стилистика повествования скупа и точна. Русскому читателю предстоит в этом убедиться. Борис Тух, переводчик *Холм на берегу Балтийского моря в Таллинне. ** Перевод с эстонского Светлана Семененко. *** Laanemaa (эст.) - западное побережье Эстонии.
	The sea connects, and the sea separates. War separates but does not unite. Men who have already escaped Try to save those left behind. The white boat made by my hand, I am in the hands of the forces of nature, On each shore, authorities are on guard. Fog and darkness shrouded what happened And the secret of half a century. Not anymore.	Afterword Tõnu R. Kallas (born 1944) did not have the luck that a writer might hope for. His surname and the first letter of his name are the same as those of Teet Kallas, who entered literature much earlier and staked his place in Estonian prose with his first novel "Heliseb-kõliseb" (1972), translated to English as "Rings and Tings," and later wrote extensively and was translated into Russian... Unlike his namesake, Tõnu R. Kallas, who by education was an Estonian philologist and turned to fiction relatively late. "The White Boat" is not his first book, but for the first time, his work has attracted such interest in Estonia and Sweden. The author belongs to the generation born at the end of the war, and what happened in Estonia in the late 1940s and early 1950s touched him personally. He created his novel "The White Boat" not so much based on his childhood memories, but rather on the stories of eyewitnesses, protocols, and historical evidence. The White Boat is an image inspired by the white ship of salvation that Estonian peasants expected at Maardu Hill*, gazing into the sea. And also with poetic lines by Uku Masing: "Our slaves, amidst the fire and stench, remember the azure of the skies, And the White Ship of Salvation appears to us as if real...

		And let only this hope glimmer on the battle path, We believe our hearts will blossom on the Lord's tree."** "The Song of Soldiers Retreating Under the Influence of Unclean Forces" The scale in the novel is different. Not mystical, but real. And it's not about the immense Noah's ark that should accommodate the entire nation; it's just about a motorboat, on which several Estonians, natives of Saare-Lääne County, who fled to Sweden in 1944, decided to take their families out of Estonia. In 1946-47, this endeavor was risky but possible: collectivization had not yet begun, and the Soviet border guard was inexperienced and very poorly equipped technically. A motorboat with a powerful engine, led by a man who knew the local fairway thoroughly, could easily escape from the clumsy border guard cutter. The story of how these men smashed the boat on the coastal rocks at the moment when the goal had practically been achieved, how they cautiously wandered around Läänemaa**, trying and not daring to visit their farms abandoned two years ago, how they met their families, how they tried to get another boat and leave Estonia, escape to the Kingdom of Sweden, where life was not so sweet, but safe, is exciting and interesting in itself. There are unexpected plot twists. The characters sometimes lose hope, and then regain it. For the author, however, it is more important to show characters than to elaborate on an adventurous plot. None of the characters was actively collaborating with the Nazis. None served in the Waffen-SS. Like most refugees, they were people drawn into the gears of History. They were ordinary people who left their homeland by chance. They fled out of fear that with the arrival of the Reds, they would face a repetition of the Stalinist repressions of 1941. Their own families, and the reliable protection of their loved ones, were more important to them than any ideological postulates. There is no main character in the novel. Each has its own story and drama. The focus of the narrative shifts from one character to another; the plot lines branch out and intertwine again.

					The novel is interesting in that, sine ira et studio (except perhaps with a touch of dark humor), it recreates the atmosphere of the early post-war years. This period is very poorly known to the Russian reader. It can be assumed at the same time that the Estonian reader also knows very little about the atmosphere of the early post-war years, before collectivization and the March deportation of 1949. It is an atmosphere of change, anxious anticipation of something worse, yet... some unstable equilibrium between the preserved features of the old bourgeois and rural way of life and the intrusive Soviet ideology. Unexpectedly, we learn that at that time, some communication with emigrants was possible (by mail and through radio broadcasts "by listener requests"). Interestingly, the characters in the novel do not harbor strong negative feelings towards the Soviet authorities or Russians. Like any normal citizens, they do not love authority. In their specific case, people from a healthy and conservative peasant worldview hate excessive ideologization, complete discrepancy between words and deeds, and hypocrisy. They look at life soberly and critically, and for the communist authorities, this is a sin. However, for the post-communist authorities, who have taken up national slogans but have not changed their rotten essence, this is also a sin. We have plenty of examples of this over the past two decades. The novel is written very tightly, the images of the characters are convincing, and the narrative style is concise and precise. Russian readers will have to see this for themselves. Boris Tuch, Translator *A hill on the shore of the Baltic Sea in Tallinn. **Translated from Estonian by Svetlana Semenenko. *** Laanemaa (Estonian) – the western coast of Estonia.
42.	2009	Mardileib	Jaan Kross	Novels	Мартов хлеб / The Bread of Mart
	n/a				А как восстанешь жив-здоров –

					Добром помянешь докторов. И Мартов хлеб, что всех вкусней, Восславишь до скончанья дней! Яан Кросс (1920–2007) – всемирно известный эстонский классик. Несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию. Поэт и прозаик. Многие произведения писателя переводились на русский язык и печатались в СССР огромными тиражами, как один из исторических романов "Императорский безумец" (1978, русский текст – 1985). Детская повесть-сказка "Мартов хлеб" (1973, впервые по-русски – 1974) переносит вас в средневековье. Прямо с Ратушной площади Старого города, где вы можете и сегодня подойти к той самой старой аптеке... И спросить лекарство от человеческой недоброты и глупости...
	n/a				"What a man, when sound and well, Will remember the doctor's spell. And Mart's bread, so sweet and fine, Praise it till the end of time!" Jaan Kross (1920-2007) is a globally renowned Estonian classic. He was nominated for the Nobel Prize several times. A poet and prose writer, many of his works were translated into Russian and printed in the USSR in large editions, including one of his historical novels, "The Imperial Madman" (1978, Russian translation - 1985). His children's fairy tale "Mart's Bread" (1973, first translated into Russian in 1974) takes you back to the Middle Ages. Right from the Town Hall Square of the Old Town, where you can still visit that very old Pharmacy... And ask for a remedy for human unkindness and folly...
43.	2009	Tulest tulnud	Tiit Veeber	Memoirs	Пройдя сквозь огонь / Having passed through the fire
	Raamat on pühendatud Eesti Vabariigi iseseisvusele EESSÕNA Lugupeetud lugeja, kui oled poeletilt tutvumiseks võtnud käesoleva raamatu, siis olgu ette teada, et siit ei saa lugeda tohututest õnnekäikudest,				Книга посвящается независимости Эстонской Республики Предисловие Уважаемый читатель, если ты взял с прилавка эту книгу, чтобы ознакомиться с нею, то знай наперед: здесь не прочтешь о невероятных подарках судьбы и

	tähelendudest ega varanduse-kirstudesse ärauppumisest. Kogu lugu räägib lõputuna näivast hallist tööst ja igapäevasest eluvõitlusest, et jääda ellu ja hoida nahk toores. See raamatuke kirjeldab ühe tavalise tartlase, eestlase tegemisi-toimetamisi ja on 1,35 miljondik Eestis elavate inimeste loost. Peaaegu 60-aastate ajavahemiku kirjeldamisel keerleb lugu ikkagi Tartu asjade ja elukorralduse ümber, sest tegu on Tartus ja ainult Tartu linnale elatud elust. Isegi tatise ninaga Supilinna poisikesena olin ma poisike Tartu tänavatelt, sama, nagu täna olen linnakodanik Tartu linnast. <…> Tagantjärele vaadatuna ma arvan, et suurema osa eestimaalaste hinges toimus midagi samalaadset. Tänu oma heale sõbrale Andrus Eskole ja tema olulisele abile õnnestus mul „Edasis“, hilisemas „Postimehes“ avaldada aastatel 1985–1996 mõningaid artikleid, mille temaatika kipitses iga eestlase hinges. Janu vabaduse ja isetegemise järele oli tohutu, olukorras , kus me isegi ei teadnud, milline näeb välja ühe väikese rahvuse vabadus, teadmata, kas see iialgi realiseerub ja mida see endaga kaasa toob. Arvata oli ainult, et me kõik koos peame tahtma vabadust ja iseseisvust ja et igaüks peab tegema endast sõltuva, et saavutada iseseisvust. Teie käes on 1,35 miljondiku kirjeldus vabaduse saavutamise nimel tehtust. Tiit Veeber TIIT VEEBERI AUTOPORTREE Hea lugeja! Su ees on tähelepanuväärne dokument... Aga miks dokument? küsid sa arvatavasti. Miks mitte raamat, miks mitte memuaarid, autobiograafia? Kindlasti saab Tiit Veeberi teoseid „Tiidu suits” ja „Tiidu tuli“ liigitada nii memuaarideks kui autobiograafiaks, kindlasti on tegemist raamatuga, kusjuures selle esimene osa „Tiidu suits“ ilmub nende kaante vahel juba teist korda. Esimene, 1998. aastal, seega täpselt kümme aastat tagasi ilmunud trükk on otsakorral, ja miks mitte väärt asja uuesti välja anda?	везении, звездном взлете или утонувших сундуках с сокровищами. Вся эта история рассказывает о кажущейся бесконечной работе, серых буднях и ежедневной жизненной борьбе за то, чтобы выжить и сохранить свою шкуру в целости. В этой книжке описываются дела и поступки одного из обычных жителей Тарту, эстонца, и это – 1,35-миллионная часть истории людей, живущих в Эстонии. При описании почти 60-летнего периода рассказ вращается, однако, вокруг тартуских дел и тартуского уклада жизни, так как действие происходит в Тарту, и речь идет о жизни, прожитой только для Тарту. Даже будучи сопливым мальчишкой из района Супилинн, я был мальчишкой с тартуских улиц, так же как сейчас являюсь гражданином города Тарту. Оглядываясь назад, я думаю, что в душе большей части живших в Эстонии людей происходило нечто подобное. Благодаря моему доброму другу Андрусу Эско и его помощи мне удавалось в газете "Эдази", позднее – "Постимеэсе", публиковать в 1985–1996 годах статьи, от тематики которых щемило в душе каждого эстонца. Жажда свободы и самостоятельности была огромной, и это было в обстановке, когда мы даже не знали, как она выглядит, свобода маленького народа, не ведая, реализуется ли она когда-нибудь и что она принесет с собой. Нам оставалось только всем вместе желать свободы и независимости и знать, что каждый должен делать всё от него зависящее, чтобы добиться независимости. В ваших руках – описание 1,35-миллионной части сделанного во имя достижения свободы. Автопортрет Тийта Веэбера Дорогой читатель! Перед Тобой документ, достойный внимания... "А почему документ?" – спросишь Ты. Почему не книга, почему не мемуары, автобиография? Несомненно, произведения Тийта Веэбера "Тийтов дым" и "Тийтов огонь" можно отнести как к мемуарам, так и к автобиографии, и, безусловно, мы имеем дело с книгой, причем ее первая часть, "Тийтов дым", теперь в этом переплете, издается уже второй раз. Первое издание, вышедшее в

	Muide, „Tiidu suits“ tõlgiti 2003. aastal soome keeldegi, see sai pealkirjaks „Tiitun savu“ ning sellele langes osaks au, mida pole siiani pälvinud ühegi eestlase teos – Soome televisiooni eestvõttel jagati 200 eksemplari Etuskunta kõigile liikmetele. Soome televisioonil on selline kaunis komme kinkida kord aastas, jõulude paiku, igale parlamendiliikmele üks raamat, mida oleks pikal talvevaheajal soovitav lugeda. Ja Tiit Veeberil on, mida öelda nii Soome seadusetegijatele kui meile kõigile. Ent meil on ikkagi vastamata küsimus, misk just dokument? Öeldu on ütleja autoportree, kirjutatu on kirjutaja autoportree. <…> Läbinägelik Veeber räägib meile elust Supilinnas, valgustab meile altpoolt, rohujuure tasandilt, kuidas kohmakas ja tulutu riigimajandus asendus tulutoova eraettevõtlusega. Nõukogude seaduste järgi oleks võinud Veeberi pihtide vahele võtta, ometi tegi ta toona seda, mida teevad täna kõik ettevõtjad. Siis oli Veeber tulevikumees. Aga kuidas täna? Veeberil on suur idee – kalli Vene gaasi peab asendama kohaliku kütusega, turbaga, ja see oleks kasuks kõigile. Kõigepealt muidugi tartlastele, kellele soojus tuleb siis kätte paarkümmend protsenti odavamalt, teiseks Eesti riigilegi, keda siis gaasiga, selle tarnimise-mittetarnimisega ei saa enam manipuleerida. <…> Veeber on ikka tuline maailmaparandaja, protestija ja lolluste paljastaja. Ta on hääl rahva hulgast, mis vastandub bürokraatile ja ülemustele. Mõned lood on kirjutatud töölise Peeter Kõva varjunime all, nii on autor ise määranud oma positsiooni ja sotsiaalse paatose. Ent samas esindab Veeber ka tootjat, tema muresid bürokraatlikus maailmas, kus ahned ametnikud ja maksukorjajad pitsitavad ettevõtja kõri. Siin ja seal nimetab Veeber end linnakodanikuks ja sellega on ta määranud oma autoripositsiooni. Tartlasena tunneb ta muret kodulinna pärast, kodanikuna Eesti ja kogu maailma pärast. <…> Täpse olustikukirjeldusega, kujundlike keelenditega viib Veeber lugeja nagu tukkapidi kohale, et inimene esmalt saaks aimu, millest tuleb jutt, seejärel asub abstraktsemate probleemide kallale. Veeberi meetodiks on vastandamine, mis teatavasti on dramaturgia aluseks. Veeberi tekstides näeme mõttedramaturgiat, ta vastandab rumaluse ja tarkuse, lapsepõlve ja kaasaja,	1998 году, то есть ровно 10 лет назад, почти разошлось, так почему же не переиздать хорошую вещь? Кстати, книгу "Тийтов дым" в 2003 году перевели на финский язык под тем же названием ("Tiitun savu"), и ей выпала честь, которой до сих пор не удостоилось ни одно написанное эстонцем произведение, – по инициативе финского телевидения 200 экземпляров было роздано всем депутатам парламента – Эдускунта. У финского телевидения есть прекрасный обычай – дарить раз в год перед Рождеством каждому члену парламента книгу, которую было бы желательно прочесть во время долгих зимних каникул. И Тийту Веэберу есть, что сказать, и финским законотворцам, и всем нам. Однако перед нами стоит вопрос – почему именно документ? Сказанное есть портрет сказавшего, написанное – портрет написавшего. <…> Прозорливый Веэбер рассказывает нам о жизни в Супилинне, освещает издалека, на уровне растений, как неповоротливое и невыгодное государственное хозяйствование было заменено прибыльным частным предпринимательством. По советским законам, Веэбера можно было бы зажать в тиски, однако и в те времена он делал то же самое, что сейчас делают все предприниматели. Тогда Веэбер был человеком будущего. А сегодня? У Веэбера есть великая идея - надо заменить дорогой российский газ местным видом топлива – торфом, и это будет выгодно всем. В первую очередь, конечно, тартусцам, к которым тепло поступит на два десятка процентов дешевле, во-вторых, эстонскому государству, которым нельзя было бы манипулировать при помощи газа, его поставки-непоставки. <…> Веэбер – это всегда утопист-реформатор, протестующий и разоблачающий глупости. Он голос из народа, противопоставляющий себя бюрократам и начальству. Некоторые статьи написаны под псевдонимом "Пеэтер Кыва" – так сам автор определил свою позицию и социальный пафос. В то же время Веэбер представляет производителя и в бюрократическом мире, в котором жадные чиновники и сборщики налогов держат предпринимателя за горло. Тут и там Веэбер именует себя гражданином города, определив этим

	unistused ja reaalsuse, ning kahtlemata sunnib see huviga tekstidesse süvenema. <…> Veeber julgeb mässata Soomes väljakujunenud mõttelaadi vastu, nagu ta on kogu aeg mässanud kivinenud seisukohtade vastu Eestiski. Veeber esitab näite, kuidas riigifirma juhatus võib hakata end tundma omanikuna ning võtma endale 10-miljonilist europalka. Vana maailmaparandaja on asunud parandama Soomet.... Viimaks võime tõmmata paralleeli Veeberi professionalse tegevuse ja kirjutamisega, viimane on soojaettevõtjale ju siiski ainult kõrvalharrastus. Mõlema eesmärgiks on maailma soojaks kütta, maailma inimväärsemaks muuta, mõlemal puhul on Veeber olnud prohvet, kes on ette näinud asju, mille peale on tulnud ainult tema ja mitte keegi teine. Olev Remzu	свою авторскую позицию. Как житель Тарту он заботится о родном городе, как гражданин – об Эстонии и всем мире. * Двойной смысл имени и фамилии: Пеэтер, Петр – "камень" (по-греч. "петрос"). Kõva – по-эстонски твердый, сильный, громкий (голос) (Прим. перев.). <…> Точным описанием быта, выразительными оборотами речи Веэбер, как бы вопреки желанию, тащит читателя на место, чтобы сначала стало понятно, о чем идет речь, а затем переходит к более абстрактным проблемам. Метод Веэбера – противопоставление, что, как известно, есть основа драматургии. В текстах Веэбера мы наблюдаем драматургию мысли, он противопоставляет глупость и мудрость, детство и современность, мечты и реальность, и это, несо-мненно, заставляет с интересом углубляться в текст. <…> Веэбер посмел взбунтоваться против образа мышления, сложившегося в Финляндии, так же, как он всегда боролся с застойными взглядами в Эстонии. Веэбер приводит пример, как руководство государственной фирмы, почувствовав себя владельцем, может назначить себе 10-миллионное еврожалование. Старый утопист-реформатор принялся исправлять Финляндию... Наконец, можно провести параллель между профессиональной деятельностью Веэбера и писательством, ведь все-таки последнее для производителя тепла - лишь увлечение. Цель одна – согреть мир, сделать мир достойным человека, в обоих случаях Веэбер был пророком, предвидевшим вещи, которые замечал только он и никто другой. Олев Ремзу Обложка: **Исповедь человека, который сделал себя сам**

		Мы всегда восхищаемся людьми, которые сделали себя сами. Некоторые им завидуют, но что же с того? Зависть – это тоже восхищение, только – искаженное, как бы «наоборот». Когда речь идет о человеке, который сделал себя сам, мы всегда хотим знать, как он этого добился? Как ему удалось взобраться так высоко? Из проделанного другими пути к успеху мы надеемся извлечь и намотать на ус что-то такое, что могло бы помочь в жизни и нам. В автобиграфии «Пройдя сквозь огонь» вдалелец и руководитель самой крупной фирмы Южной Эстонии по производству тепла и энергии Тийт Вэебер честно рассказывает о своем тернистом, но наполненном радостями детстве, прошедшем в тартуском предместье, в районе городской бедноты – в Суппилинне; о школьном пути, так и оставшемся незавершенным; о богатой приключениями юности; а также о работе и предпринимательстве в советское время, что было тогда наказуемо законом, а сегодня считается естественной хозяйственной жеятельностью. Общий тон повествования – юмористический и доброжелательный, однако люди, заслужившие того, чтобы их как следует пропесочили, получают свое в полной мере. Честный труд Тийта Веэбера не остался «безнаказанным». И это произошло совсем не в бесправное советское время, а, напротив, – в свободной и демократический Эстонии. С помощью коварных уловок конкурентам удалось 13 дней продержать Тийта Вэебера в тюрьме. Изложение впечатений автора от тюрьмы, судебного процесса, освобождения являются наиболее яркими страницами книги. Тийт Веэбер был оправдан лишь Европейским судом – эстонские судьи были с тартускими «отцами города» одного поля ягоды. В книге довольно подробно говорится о нескольких совместных с финнами приедприятиях Тийта Веэбера: о остроительстве маслобойни в Кавасту в уезде Тартумаа (близ единственного речного парома в Эстонии, принадлежащешго Тийту Веэберу), о развитии взаимопонимания с теплофирмой города Котка и с компанией Fortum OY.

		Знают ли финны, как они выглядят, если на них взглянуть глазами эстонцев? Тийт Веэбер известен и как меценат: два года назад жителям города Тарту пел ныне проживающий в Австрии всемирно известный российский бас Евгений Нестеренко. Яановская церковь была до отказа заполнена людьми, пришедшими на бесплатный концент, чтобы послушать старого друга Тийта Веэбера. В данной книге вы сможете подробнее узнать обо всем, упомянутом здесь, и о многом другом. Олев Ремзу
	The book is dedicated to the independence of the Republic of Estonia FOREWORD Dear reader, if you've picked up this book to acquaint yourself with it, know beforehand that you won't read about incredible stories of luck, meteoric rises, or chests of treasure sunk in the depths. The entire story speaks of seemingly endless work, gray weekdays, and the daily struggle for survival and keeping one's skin intact. This book describes the deeds and actions of an ordinary resident of Tartu, an Estonian, and it's a 1.35 millionth part of the story of the people living in Estonia. While the narrative covers almost 60 years, it revolves around Tartu's affairs and way of life because it's set in Tartu, and it's a life lived solely for Tartu. Even as a snotty-nosed boy from Supilinn, I was a boy from Tartu's streets, just as I am now a citizen of the city of Tartu. Looking back, I think something similar was happening in the souls of most Estonians. Thanks to my good friend Andrus Esko and his significant help, I was able to publish articles in the newspaper "*Edasi*," and later in "*Postimees*," from 1985 to 1996, articles whose themes struck a chord in every Estonian's soul. The thirst for freedom and self-reliance was immense, in a situation where we didn't even know what the freedom of a small nation looked like, not knowing if it would ever materialize, and what it would bring. We could only wish for	The book is dedicated to the independence of the Republic of Estonia Preface Dear reader, if you picked up this book from the shelf to read it, know in advance: you won't find stories about incredible strokes of luck, starry ascents, or sunken treasure chests here. This story is all about endless work, gray everyday life, and the daily struggle to survive and keep yourself intact. This book describes the deeds and actions of an ordinary resident of Tartu, an Estonian, and this is a 1.35 millionth part of the history of the people living in Estonia. While describing a nearly 60-year period, the narrative revolves around Tartu's affairs and Tartu's way of life, as the action takes place in Tartu, and it's about life lived only for Tartu. Even as a snotty-nosed boy from the Supilinn district, I was a boy from the streets of Tartu, just as I am now a citizen of the city of Tartu. Looking back, I think something similar was felt by most people living in Estonia. Thanks to my good friend Andrus Esko and his help, I was able to publish articles in the newspaper "Edasi," later "Postimees," from 1985 to 1996, the themes of which touched the soul of every Estonian. The thirst for freedom and independence was immense, and this was in a context where we didn't even know what it looked like, the freedom of a small nation, did not know whether it would ever be real and what it would bring. We only could dream about freedom and independence together and know that everyone had to do

	freedom and independence together, and know that everyone must do their part to achieve independence. In your hands lies the description of the 1.35 millionth part of what was done in the name of freedom. Tiit Veeber TIIT VEEBER'S SELF-PORTRAIT Dear reader! You can see a remarkable document... But what document? You probably ask. Why not a book, why not memoirs, autobiography? Certainly, Tiit Veeber's works "Tiidu Suits" and "Tiidu tuli" can be classified as both memoirs and autobiographies, and, unquestionably, we're dealing with a book, with its first part, "Tiidu Suits," now published between these covers for the second time. The first edition, released in 1998, exactly ten years ago, is almost sold out, so why not republish a good thing? By the way, "Tiidu suits" was translated into Finnish in 2003, titled "Tiitun savu," and it received an honor that no Estonian work has received so far - by the initiative of Finnish television, 200 copies were distributed to all members of the Eduskunta. Finnish television has a beautiful tradition of giving each member of parliament a book once a year, around Christmas, which would be desirable to read during the long winter break. Tiit Veeber has something to say to both Finnish lawmakers and all of us. However, we still have an unanswered question: what exactly is the document? The speaker is the self-portraitist, and the written text is the writer's self-portrait. <...> Insightful Veeber tells us about life in Supilinn, illuminating it from below, at the grassroots level, how cumbersome and futile state management was replaced by profitable private enterprise. According to Soviet laws, Veeber could have been held by the throat, yet even then, he did what all entrepreneurs do today. Back then, Veeber was a man of the future. But today? Veeber has a great idea: expensive Russian gas must be replaced with local fuel, peat, and it would benefit everyone. First and foremost, of course, the people of Tartu, who would then be provided with heating twenty percent	everything in their power to achieve independence. In your hands is a description of a 1.35 millionth part of what was done in the name of freedom. Tiit Veeber Self-portrait of Tiit Veeber Dear reader! This is a document worthy of attention... "But why a document?" you might ask. Why not a book, why not memoirs, an autobiography? Undoubtedly, Tiit Veeber's works "Tiit's Smoke" and "Tiit's Fire" can be classified as memoirs or autobiographies, and, of course, we are dealing with a book, the first part of which, "Tiit's Smoke," is now being published for the second time in this binding. The first edition, released in 1998, exactly 10 years ago, almost sold out, so why not republish a good thing? By the way, in 2003, the book "Tiit's Smoke" was translated into Finnish under the same title ("Tiitun savu"), and it had the honor, which no Estonian-written work has received to this day, of being distributed 200 copies to all members of parliament – Eduskunta, on the initiative of Finnish television. Finnish television has a wonderful tradition of giving each member of parliament a book once a year before Christmas, which they would ideally read during the long winter holidays. Tiit Veeber has something to say to Finnish lawmakers and all of us. However, the question arises - why exactly it is a document? What is said is a portrait of the speaker, what is written is a portrait of the writer. <...> Insightful Veeber tells us about life in Supilinn and sheds light from afar, at the grass level, on how cumbersome and unprofitable state management was replaced by profitable private entrepreneurship. According to Soviet laws, Veeber could have been held by the throat, but even then he did the same thing that all entrepreneurs do now. Back then, Veeber was a man of the future. And today? Veeber has had a great idea to replace expensive Russian gas with local fuel - peat, and this will be beneficial to everyone. First and foremost, of course, to the people of Tartu, who would be provided with heating for twenty percent less, and secondly, to

	cheaper, and secondly, the Estonian state, which could no longer be manipulated with gas and its delivery or non-delivery. <...> Veeber has always been a fiery world reformist, a protester, and a revealer of foolishness. He is a voice of the people, opposing bureaucrats and bosses. Some stories are written under the pseudonym of worker Peeter Kõva; the author has determined his position and social pathos. Yet, Veeber also represents a manufacturer; his concerns are in the bureaucratic world where greedy officials and tax collectors hold the entrepreneur by the throat. Here and there, Veeber calls himself a city dweller, thereby defining his authorial position. As a Tartu resident, he cares about his hometown, as a citizen, about Estonia, and the whole world. <...> With precise descriptions of everyday life and vivid language, Veeber pulls the reader as if by the hair to the scene so that the person can first understand what the story is about, and then move on to more abstract problems. Veeber's method is opposition, which is, as is well known, the basis of drama. In Veeber's texts, we observe the drama of thought; he opposes foolishness and wisdom, childhood and modernity, and dreams and reality, and undoubtedly, this compels one to delve into the text with interest. <...> Veeber dares to rebel against the established mindset in Finland, just as he has always fought against stagnant views in Estonia. Veeber gives an example of how the management of a state-owned company can start feeling like an owner and award themselves a €10 million salary. The old world reformist has set out to improve Finland... Finally, we can draw a parallel between Veeber's professional activities and his writing; after all, the latter is only a sideline for the heat entrepreneur. The goal is the same - to warm the world, to make the world more worthy of human beings. In both cases, Veeber has been a prophet, foreseeing things noticed only by him and no one else. Olev Remzu	the Estonian state, which therefore will not be manipulated via gas supplies or non-supplies. <...> Veeber has always been a utopian reformer, protesting and exposing follies. He is a voice of the grassroots, opposing bureaucrats and bosses. Some articles are written under the pseudonym Peeter Kyva*, this is how the author defined his position and social pathos. At the same time, Veeber represents a manufacturer in the bureaucratic world, where greedy officials and tax collectors hold entrepreneurs by the throat. Here and there, Veeber identifies himself as a citizen of the city, defining his authorial position. As a resident of Tartu, he cares about his city, as a citizen – about Estonia and the whole world. * The double meaning of the name and surname: Peeter, Peter - "stone" (from Greek "petros"). Kõva – Estonian for firm, strong, loud (voice) (Editor's note). <...> With precise descriptions of everyday life and expressive phrases, Veeber, as if against his will, drags the reader to the scene, first making it clear what the discussion is about, and then moving on to more abstract problems. Veeber's method is contrast, which, as is known, is the basis of drama. In Veeber's texts, we observe the dramaturgy of thought; he contrasts folly and wisdom, childhood and modernity, dreams and reality, and this undoubtedly makes one delve into the text with interest. <...> Veeber dared to rebel against the mindset that had developed in Finland in the same way as he had always fought against stagnant views in Estonia. Veeber gives an example of how the management of a state-owned company, feeling like the owner, can award itself 10 million euros in remuneration. The old utopian reformer set out to improve Finland... Finally, a parallel can be drawn between Veeber's professional activities and his writing, as writing for a heat producer is just a hobby. The goal is the same: to warm the world, to make the world worthy of humans. In both cases, Veeber was a prophet, foreseeing things that only he noticed and no one else. Olev Remzu **Cover:**

		Confession of a Self-Made Man We always admire people who have made themselves. Some envy them, so what? Envy is also admiration, just vice versa. When it comes to a person who has made themselves, we always want to know how they achieved it. How did they manage to climb so high? From the paths to success, we hope to extract something that could help us in life, too. In the autobiography "Through the Fire," the founder and CEO of the largest company in Southern Estonia for the production of heat and energy, Tiit Veeber, honestly recounts his thorny but joy-filled childhood spent in the Tartu suburb, in the area of urban poverty – in Supilinn; about his school, unfinished; about his adventure-rich youth; as well as about work and entrepreneurship in Soviet times, which was punishable by law at the time but is now considered natural economic activity. The overall tone of the narrative is humorous and friendly; however, those deserving of a good scolding get their due in full. Tiit Veeber's honest work did not go "unpunished." This happened not in the powerless Soviet times, but, on the contrary, in free and democratic Estonia. With the help of cunning tricks, competitors managed to keep Tiit Veeber in prison for 13 days. The author's account of his impressions of prison, the trial process, and his release are the most vivid pages of the book. Tiit Veeber was acquitted only by the European Court, as Estonian judges were of the same ilk as the "fathers of the city" of Tartu. The book speaks quite extensively about several joint ventures of Tiit Veeber with the Finns: the construction of an oil mill in Kavastu in the Tartumaa county (near the only river ferry in Estonia, owned by Tiit Veeber), the development of understanding with the heating company of the city of Kotka, and with the company Fortum OY. Do the Finns know how they appear in the eyes of Estonians? Tiit Veeber is also known as a patron: two years ago, the residents of the city of Tartu were treated to a concert by the now Austria-residing world-famous Russian basso

					Evgeny Nesterenko, a close friend of Tiit Veeber. Jaani Church was filled to the brim with people who came for the free concert to listen to Tiit Veeber's old friend. In this book, you will be able to learn more about everything mentioned here and much more. Olev Remzu
44.	2010	Tuli ja raud	Karl Ristikivi	Novels	Огонь и железо / Fire and Iron
	Maalt linna siirdunud töömehe Jüri Säävli perekonnaromaan. Tegevus toimub möödunud sajandi lõpuaastatest kodanliku vabariigi algaastateni. Kirjanik näitab, kuidas karm elu ise põletab peategelase unistused nii oma maalapikesest kui ka laste edasijõudmisest. TULI, RAUD JA SÕNA Kolmkümmend aastat tagasi sõnastas Karl Ristikivi oma mõttepäevikulise loo «Enesest ja teistest». Selles kõneles ta oma kirjandusse tulekust, valgustas loometöö aluseks olnud püüdlusi ja põhimõtteid. Muu hulgas oli juttu ka siirusest, kirjaniku ja elu seoste katkematusest. Ristikivi toonitas: «Alati, kui on vaja olnud suunata valgus seest väljapoole, näha maailma oma tegelaste silmadega, ei ole jäänud muud üle, kui ise asuda sinna keskele kus asub see inimese tabamatu ja ebamäärane «mina ise». Ja see ei ole maksev ainult peategelaste kohta». See autori ligiolek kajastub otseselt või varjatumalt kogu Ristikivi loomingus. Tema lastejutud 1930-ndail aastail («Lendav maailm», «Semud», «Sellid», «Sinine liblikas») leidsid poolehoidu ja auhindamist just tänu kirjaniku vahetule ja isikupärasele maailmanägemisele. Nn. Tallinna triloogia päris- ja ebakangelasi valgustas Ristikivi juurdlev pilk ja saatis tema hindav hoiak. Elu viimase perioodi suurtes ajaloopanoraamides samastus autor kroonikakirjutajaga või sellise ajatu kangelasega, kes näeb ja mõtestab, kuid ei suuda oma eetilisi veendumusi üldkehtivaiks kuulutada. Igal juhul polnud ta aga kiretu kõrvaltvaataja või literatuurse mängu harrastaja.				COVER Первая часть «Таллиннской трилогии» (вторая – «Жилище праведника» и третья – «Сад») охватывает события с конца XIX века до 1936 года и рассказывает о судьбе трех поколений семьи Сяэвелей. Главный герой романа Юри Сяэвель в поисках счастья покидает деревню и уходит в город, чтобы стать там рабочим. Но суровая действительность разрушает все его мечты. Послесловие Огонь, железо и слово Тридцать лет назад* Карл Ристикиви в своем эссе дневникового характера, озаглавленном «О себе и о других», подробно изложил видение своего писательского будущего и осветил основы и принципы своего творческого опыта. В числе прочего, там говорилось об искренности писателя и его неразрывной связи с жизнью. В эссе Ристикиви подчеркнул такую мысль: «Всегда, когда необходимо осветить внутренним видением внешнюю сторону жизни, увидеть мир глазами своего героя, ничего другого не остается, как поместить самого себя туда, где находится то неуловимое и неопределенное «я» самого человека. Но это не действует лишь в отношении главного героя». Такая авторская причастность, прямая или косвенная, прослеживается во всем творчестве Ристикиви. Его детские рассказы 1930-х годов («Летящий мир»,

	Kui romaan «Tuli ja raud» sai kirjastuse «Loodus» 1938. a. romaanivõistlusel esimese auhinna, oli see suursündmuseks kogu meie kirjanduses. A. H. Tammsaare pöördus ajakirjanduses avaliku kirjaga Karl Ristikivi poole, tunnustades autori annet ja osutades elutõesele teostamata unistuste kujutamisele selles romaanis. Enne autoriümbriku avamist olid kogenud žüriiliikmedki arvamisel, et tegemist on mõne vanameistri teosega. Kummatigi oli see nn. Tallinna triloogia avateos esimeseks tõsisemaks suurvormiliseks tööks Karl Ristikivi loometeel. Ristikivi oli maalt, Varblast tulnud Tallinna 1927. aastal ja leidnud eluaseme Kopli tänaval ühes töölisperekonnas. Siin puutus ta isiklike tähelepanekute ja teiste meenutuste varal kokku senisest sootuks erineva maailmaga, tööliste eluga. Lisandusid kooliõpingud ja oma tööpoisipõlve kogemused, suur lugemus ja isikupärane vaatenurk maailma asjadele. Sai teoks perekonnaromaan, mille tegevus kulgeb oluliselt töölismiljöös. Maalt linna siirdununa ja oma arusaamades mõndagi talupoeglikku säilitanuna pole romaani keskne tegelane Jüri Säävel muidugi puhtakujuline proletaarlane. Ta igatseb veel aastaid tagasi maale, oma loodetud talukohale, ega haaku kuigi tihedasti uue keskkonnaga. Kuid just see külg teebki ta Ristikivile omaseks. Taluteenija lapsena mõistis kirjanik niisuguseid inimesi, mõistis nii nende teostamatuid unistusi kui ka karmi enesekohustust tööks ja eluks. See, mida autor kujutab, pole nende aastate kirjanduses tavapärane «haljale oksale» tõusmise või siis vastupidi agulis määndumise tee. See on lihtsalt tükk tõsist, murerohket elu, desillusionistlik pilt tegelikkusest, Tammsaare sõnu teisendades – sootuks lihtne ja veenev lugu lihtsast mehest ja naisest. Jüri Säävel on metallitöölisena tule ja raua keskel. See suretab ajapikku: temas looduslähedus ja põletab välja unistused, olgu need siis seotud maa või lastega. Kirjanik psühholoogilise realistina ei piirdu aga vaid elu välliste ilmingute kujutamisega. Tema sõna tungib elude ja karakterite sügavusse, manab lugeja silmade ette meie rahva kujunemisoo ühe etapi ja kuulutab igiinimlikke voorusi – vaatamata näilisele skepsisele ning kangelase püüdluste liivajooksmisele. Karl Ristikivi «Tuli ja raud» on teos, milles elu ja kunst on võrdõiguslikud. Koos «Rohtaia» ja «Õige mehe kojaga» kuulub see teos meie realismiklassikasse.	«Приятели». «Подмастерья», «Синяя бабочка») снискали симпатии и награды именно благодаря личностному видению окружающего мира. Все три романа «Таллиннской трилогии» с ее подлинными и вымышленными героями освещены вдумчивым и углубленным взглядом Ристикиви и содержат оценочную позицию самого писателя. Изображенную в романах историческую панораму автор отождествил с записями хроникера того периода и героем той эпохи, который способен видеть и размышлять, но не может соотнести свои этические оценки с общепринятыми взглядами. Однако, в любом случае, автор не остается бесстрастным набтодателем или обычным любителем литературной игры. В 1938 году роман «Огонь и железо» получил высшую литературную премию издательства «Лоотус», и эта награда стала знаковым и очень важным событием в литературной жизни страны. Антон Хансен Таммсааре опубликовал открытое письмо Карлу Ристикиви, в котором признал его талант и отметил мастерски выраженные в романе и неосуществленные в действительности мечты. Интересно, что до вскрытия конверта с именем победителя все члены жюри были убеждены, что речь идет о произведении маститого писателя. На самом деле этим открывающим «Таллиннскую трилогию» романом Карл Ристикиви впервые заявил о себе как о серьезном мастере крупной литературной формы. Ристикиви родился в деревне и приехал в Таллинн из Варбла в 1927 году. Здесь он нашел пристанище в семье простого рабочего на улице Копли. По его собственными наблюдениям и по воспоминаниям других, в Таллинне он впервые столкнулся с неизвестной ему средой – жизнью рабочего люда. Годы учебы, опыт рабочего-подмастерья, живой интерес к чтению и состенный взгляд на проблемы современности вылились в семейный роман, действие которого разворачивается в основном в рабочей среде. Центральный герой романа Юри Сяэвель родился и сформировался как личность в деревне и сохранил крестьянское мировоззрение на всю жизнь. Именно в силу этого он так и не смог стать полноценным пролетарием и даже в городе продолжал тосковать по деревне и по своему клочку земли. Эта линия романа особенно близка самому Ристикиви, который был сыном хуторской

	Harald Peep	батрачки. Он очень хорошо понимал таких людей, сердцем чувствовал всю горечь их неосуществимых мечтаний и тяжесть суровой действительности. Юри Сяэвель как рабочий-металлист живет среди огня и железа. Со временем это выжигает в нем близость с природой и связанные с землей и детьми мечты. Роман «Огонь и железо» - о многострадальной жизни человека, бескомпромиссная картина действительности, переложенная, по словам Таммсааре, в простую и убедительную историю о мужчине и женщине. Автор не ограничивается поверхностым описанием исторических событий и жизненных коллизий персонажей, а проникает вглубь обстоятельств и характеров и наглядно показывает один из важнейших этапов истории становления самосознания эстонского народа. Роман Ристикиви «Огонь и железо» является произведением, где жизнь и искусство сосуществуют на равных правах. Вместе с двумя другими романами «Таллиннской трилогии» («Жизнь праведника» – о жизни купечества и «Сад» – о жизни интеллигенции) он составляет ценное наследие эстонской классики реализма. Харальд Пеэп Перевод Людмилы Симагиной *С момента выхода в свет в 1984 году в издательстве «Ээсти Раамат» в Таллинне романа «Огонь и железо» (Прим. перев.).
	The Family Saga of a Worker Who Moved from the Countryside to the City The story of Jüri Säävel, a worker who moved from the countryside, portrays a family saga set from the late years of the previous century to the early years of the Republic. The author shows how harsh life itself burns away the protagonist’s dreams of his own small plot of land and his hopes for his children’s progress.	COVER The first part of the Tallinn Trilogy (the second part being The Home of a Good Man and the third The Garden) covers events from the late 19th century until 1936, telling the story of three generations of the Sääveli family. The novel's main character, Jüri Säävel, leaves his village in search of happiness and heads to the city to become a worker. However, harsh reality shatters all his dreams.

	FIRE, IRON, AND WORDS Thirty years ago, Karl Ristikivi reflected on his literary journey in his diary-like work «Of Oneself and Others», shedding light on the pursuits and principles that had guided his creative work. Among other things, he discussed sincerity and the unbroken connection between the writer and life. Ristikivi emphasized, “Whenever there was a need to direct the light from within outward, to see the world through the eyes of my characters, there was no choice but to place myself at the very center, where that elusive and vague ‘self’ exists. And this applies not only to the main characters.” This closeness of the author is reflected, directly or indirectly, throughout Ristikivi’s work. His children’s stories from the 1930s («The Flying World», «Buddies», «The Boys», and «The Blue Butterfly») gained appreciation and awards due to his immediate and unique vision of the world. The so-called «Tallinn Trilogy», with its true and flawed heroes, was illuminated by Ristikivi’s probing gaze and accompanied by his evaluative stance. In his large historical panoramas from the last period of his life, the author identified himself as a chronicler or a timeless hero who sees and contemplates but cannot proclaim his ethical convictions as universal. In any case, he was no dispassionate observer or mere literary experimenter. When the novel «Fire and Iron» won the first prize in the “Loodus” Publishing House’s 1938 novel competition, it was a major event in Estonian literature. A. H. Tammsaare publicly addressed Ristikivi in the press, praising his talent and pointing to the realistic portrayal of unrealized dreams in the novel. Before the author’s envelope was opened, experienced jury members believed it was the work of an established master. However, this debut work was the first major form of work in Ristikivi’s career. Ristikivi had moved from the countryside, from Varbla, to Tallinn in 1927, and found housing on Kopli Street with a working-class family. Here, through personal observations and the memories of others, he encountered a world utterly different from what he knew—the life of workers. Added to this were his studies and experiences as a young worker, his extensive reading, and his unique perspective on the world. Thus, a family novel set largely in a	Afterword Fire, Iron, and Words Thirty years ago, Karl Ristikivi, in his diary-like essay titled “About Myself and Others,” detailed his vision for his future writing and highlighted the foundations and principles of his creative approach. Among other points, he spoke about a writer’s sincerity and their inseparable connection to life. In the essay, Ristikivi emphasized this thought: “Whenever it’s necessary to illuminate the external aspects of life with inner vision, to see the world through the eyes of one’s character, there’s no other option but to place oneself where that elusive and undefined ‘I’ of the person resides. But this applies not only to the main character.” Such authorial involvement, direct or indirect, can be observed throughout Ristikivi’s works. His children’s stories from the 1930s (“The Flying World,” “Friends,” “The Apprentice,” and “The Blue Butterfly”) gained acclaim and awards precisely because of his perspective on the surrounding world. All three novels of the “Tallinn Trilogy*, with their real and fictional characters, are imbued with Ristikivi’s thoughtful and profound insight, reflecting the author’s evaluative stance. The historical panorama depicted in these novels is likened to the records of a chronicler of the era and a character of that time who can observe and reflect but cannot align his ethical judgments with the prevailing views. However, Ristikivi is far from being an impassive observer or a mere lover of literary games. In 1938, “Fire and Iron” received the top literary award from the publishing house Loodus, marking a significant event in the nation’s literary life. Anton Hansen Tammsaare published an open letter to Ristikivi, acknowledging his talent and noting the masterfully expressed unfulfilled dreams within the novel. Interestingly, until the envelope with the winner’s name was opened, the jury members believed they were evaluating the work of an established author. With this novel, the first in the “Tallinn Trilogy”, Ristikivi established himself as a serious master of large literary forms. Ristikivi was born in a village and moved from Varbla to Tallinn in 1927, finding shelter with a working-class family on Kopli Street. Here, he encountered the

	working-class milieu was born. As a recent migrant from the countryside, with some lingering peasant perspectives, the novel's central character, Jüri Säävel, is not a pure proletarian. He yearns for the countryside, for the farm he dreamed of, and he doesn't fully fit into the new urban environment. Yet this quality makes him uniquely Ristikivi's. As the child of a tenant farmer, Ristikivi understood people like him, understanding both their unfulfilled dreams and their harsh sense of duty for work and life. What the author portrays is not the typical "upward mobility" or, conversely, the descent into urban decay that was common in the literature of those years. It is simply a piece of serious, sorrow-filled life—a disillusioned picture of reality. In Tammsaare's words, it's an utterly simple and compelling story of an ordinary man and woman. As a metalworker, Jüri Säävel is constantly surrounded by fire and iron. This gradually destroys him: it erodes his closeness to nature and burns away his dreams, whether tied to land or his children. As a psychological realist, Ristikivi doesn't limit himself to depicting the external aspects of life. His words penetrate the depths of lives and characters, painting for readers a stage in the development of our nation and proclaiming timeless virtues—despite the apparent skepticism and the vanishing dreams of the hero. Karl Ristikivi's «Fire and Iron» is a work where life and art are equal partners. Alongside «The Garden» and «The Home of a Good Man», this book belongs to the canon of our realism classics. – Harald Peep				unfamiliar world of laborers for the first time. His years of study, his experience as an apprentice, his passion for reading, and his perspective on contemporary issues culminated in a family saga set primarily in the working class. The novel's central character, Jüri Säävel, was born and developed his worldview in the countryside, retaining a rural mentality throughout his life. Because of this, he could never fully become a proletarian and continued to long for the village and a small piece of land even in the city. This theme is especially close to Ristikivi himself, the son of a farmhand. He deeply understood such people, feeling the bitterness of their unfulfilled dreams and the weight of harsh realities. As a metalworker, Jüri Säävel lives among fire and iron, which eventually burns away his closeness to nature and his dreams connected to land and children. "Fire and Iron" is a novel about the difficult life of an individual, a stark depiction of reality told, in Tammsaare's words, through a simple yet compelling story of a man and a woman. Ristikivi goes beyond superficial descriptions of historical events and the characters' life struggles, delving into the circumstances and personalities to vividly portray one of the most significant stages in the awakening of the Estonian national consciousness. Ristikivi's "Fire and Iron" is a work in which life and art coexist equally. Along with the other two novels in the "Tallinn Trilogy" ("The Home of a Good Man", about the merchant class, and "The Garden", about the intelligentsia), it forms a valuable legacy of Estonian realist literature. Harald Peep, translated by Lyudmila Simagina *Since the publication of the novel Fire and Iron in 1984 by Eesti Raamat Publishing House in Tallinn (Translator's note).
45.	2010	Lasnamäe lunastaja	Mari Saat	Novels	Ласнамяэский мессия / Lasnamäe Messiah
	n/a				От автора Действие романа «Ласнамяэский мессия» развивается в период экономического кризиса, обрушившегося на Эстонию еще в 1997 году, когда главная героиня Наталья теряет работу. Но ее образ сложился у меня раньше, когда о кризисе еще никто не подозревал, а я даже не представляла себе, как эта экономическая

		ситуация может сказаться на людях. К роману приступила в начале нового тысячелетия, а завершила в июне 2007 года. Налицо своего рода парадокс. С одной стороны, моих героев на самом деле как бы не существует, и в то же время я их не придумывала. Их судьбы сами рождались на моих глазах, и я наблюдала за ними, мне хотелось, чтобы все у них складывалось хорошо, мне было не по себе, если у них случались неприятности. В молодости я пребывала в убеждении, что если не запишу истории, невольным свидетелем или слушателем которых мне доводилось быть, то все для меня непременно закончится дурдомом. Если же все изложить на бумаге, то это поможет спастись от той от душевной боли, которую эти жизненные ситуации тебе причиняют. Писатели бывают разные. Одни стремятся анализировать самих себя, других собственная персона интересует меньше. Видимо, дело в разном образе мышления. Я не пишу автобиографические произведения, потому что собственная личность не представляет для меня интереса. Так повелось с детства. Писать я начала относительно поздно, уже после окончания Тартуского университета, лет в двадцать. Книги, которые я читала, делились на две категории. К одним я проникалась доверием, другие казались скучными и неинтересными. При этом я понимала, что думать так я не вправе, если сама не написала ни строчки. И было любопытно, смогу ли написать лучше. Поначалу меня отказывались печатать, и я пребывала в неведении, как читатель отнесется к тому, что я хочу сказать. Мой стиль изложения был слишком лаконичен. Со временем я все больше осознаю, что это бесконечный труд, и я никогда не научусь писать по-настоящему. Когда у тебя в голове неотступно прокручивается какая-то история, а ты изо дня в день стараешься от нее избавиться, чтобы она перестала терзать душу, то волей-неволей задумаешься. …Я не знаю, о чем думают русские. Я пишу об эстонцах, но отнюдь не уверена, что знаю, о чем думают и они. Писатель вынашивает в себе «другого человека», и эти двое могуг не встретиться друг с другом десятки лет. Автор неожиданно приходит к мысли, что совсем ничего не знает о живущем рядом с ним соседе. Прототипы зачастую имеют с героями внешнее сходство, но черты характера, внутреннее состояние получается совершенно иным. Я родилась и выросла в Таллинне. На экономический факультет политехнического института в родном городе я пошла потому, что у мамы было очень больное сердце и ей не хотелось отпускать детей учиться в Тарту. Я

		была третьим, младшим ребенком в семье. Сестра выбрала экономику, брат, который на десять лет моложе ее, тоже отдал предпочтение экономической науке. А вслед за ними и я, так как педагогический вуз был мне противопоказан - быть учителем и выступать перед учениками представлялось мне совершенным мучением. Правда, теперь, по стечению обстоятельств, я стала преподавателем и избавилась от этого комплекса. После восстановления независимости Эстонии многие решили, что полученное в советскую пору образование больше ничего не стоит. Но когда я вижу, что изучают наши студенты-экономисты сегодня, то нам, начинавшим учебу в 1966 году, не следует стыдиться полученной в то время солидной подготовки. Тогда, во времена хрущевской «отгепели», переводилось много более или менее аполитичной экономической литературы. И по другим специальностям, таким как экономическая математика, теория вероятности, преподаватели давали нам намного больше, чем нынче. Например, политэкономию нам читал Лео Кахк, который старался строить свои лекции так, как это делалось тогда за «железным занавесом». Получив диплом с хорошими оценками, я пришла на работу в Институт экономики при Академии наук Эстонии. В настоящее время я читаю студентам курс этики бизнеса. Само это понятие «этика бизнеса» может показаться чересчур идеалистическим, пока не вникнешь в его суть. Придерживаемся ли мы этических правил, можно определить исходя из двух противоположных точек зрения. Одна из возможностей – это противопоставить личную выгоду и общую выгоду. Второй вариант – деонтологическая этика, исследующая проблемы долга и должного. Но главное, на чем держится бизнес, – это доверие. Большинство студентов, приходящих на первую лекцию, уверены, что есть только один-единственный вариант этичного поведения, а все остальное неверно. В повседневной жизни мы, как правило, не можем поступать этично на все сто процентов. Бизнесмен может вести себя честно, доверительно, не обманывая. Однако такое поведение может довести его до краха. Если предприятие достаточно крупное, это может нанести обществу такой ущерб, что встанет вопрос, этично ли последнее. Этичность – понятие все-таки относительное. Если героине моего романа Наталье Филипповне придется в дальнейшем рассказать своей дочери, каким образом она вынуждена бьша зарабатывать деньги, то дочь может счесть ее действия абсолютно неэтичными и гадкими. Но может отнестись к ним и иначе. Не исключено, что она станет во всем винить себя...

		Моя мать была дочерью пастора, а отец атеистом. Они жили очень дружно, возможно потому, что поздно поженились. Как я понимаю задним числом, отец с уважением относился к взглядам других людей. Насколько я знаю, большую часть жизни, наверное, лет с шестнадцати, он был атеистом, с тех пор как впервые задумался о том, насколько несправедливо устроен мир. Когда родители решили пожениться, мама захотела венчаться, а отец ответил, что не верит в Бога. «Ты хочешь, чтобы я надсмеялся над твоим Богом?» На маму это произвело сильное впечатление. В нашей семье довольно давняя православная традиция. Мать родом с острова Хийумаа, отец с острова Муху. Эстонцы нередко меняли вероисповедание. Царское правительство обещало им льготы за принятие православия. Мой прадед со стороны матери отправил сыновей в Россию разузнать, правильная ли это вера. Сыновья, среди которых был и мой дед, вернулись с убеждением, что для крестьян она подходит, и возвели на Хийумаа первую православную церковь, действующую по сей день. Дед служил там кистером – школьным учителем. Я посещаю Преображенский собор в Таллинне. Обложка Мари Саат (Mari Saat-Meel, род. 1947) окончила экономический факультет Таллиннского политехнического института (1970) и аспирантуру Института экономики АН Эстонии (1975). Доцент Таллиннского технического университета. В литературе дебютировала в 1970 г. Автор семи романов и сборников новелл, а также одной детской книжки. На русском языке опубликовано: «Катастрофа» (Таллинн: Ээсти раамат, 1980), «Лесная перепелка» (М.: Молодая гвардия, 1980) и «Король туманной горы» (М.: Молодая гвардия, 1989) - все три в переводе Татьяны Теппе. Новый роман «Ласнамяэский мессия» был признан лучшей художественной прозой 2008 года и удостоен премии фонда Eesti Kultuurkapital. Автор

		рассказывает о жизни русскоязычных жителей таллиннского района Ласнамяэ в период кризиса конца 1990-х гг.
	n/a	Author’s Foreword The novel "Lasnamäe Messiah" is set during the economic crisis that hit Estonia back in 1997, when the protagonist Natalia loses her job. But I had formed her image earlier when no one suspected the crisis yet, and I had no idea how this economic situation could affect people. I started the novel at the beginning of the new millennium and finished it in June 2007. There is a kind of paradox. On the one hand, my characters do not really exist, and at the same time, I did not invent them. Their destinies were born before my eyes, and I watched them. I wanted everything to go well for them, and I was uncomfortable if they got into trouble. When I was young, I was convinced that if I didn't write down the stories I witnessed or listened to, I would end up in a madhouse. Putting it all down on paper, on the other hand, would help save you from the heartache that these life situations cause you. Writers are different. Some seek to analyze themselves, others are less interested in their person. I guess it's a matter of different ways of thinking. I don't write autobiographical works because my personality is of no interest to me. It's been that way since childhood. I started writing relatively late, after graduating from the University of Tartu, in my twenties. The books I read fell into two categories. Some I trusted, others seemed uninteresting. At the same time, I realized that I had no right to think so if I had not written a single line myself. And I was curious if I could write better. At first, I was refused to be published, and I was in the dark as to how the reader would feel about what I had to say. My writing style was too concise. As time goes on, I realize more and more that it's a never-ending labor, and I'll never really learn how to write. When you have a story running through your head, and you're trying to get rid of it day in and day out so it doesn't bother you, you're going to have to think about it. ...I don't know what Russians are thinking. I write about Estonians, but I'm not sure I know what they are thinking. The writer nurtures the "other person" in himself, and these two may not meet each other for decades. The author suddenly comes to the idea that he knows nothing at all about the neighbor living next to him. Prototypes often have an external resemblance to the heroes, but their character traits and inner states turn out to be completely different. I was born and grew up in Tallinn. I went to the Faculty of Economics at the Polytechnic Institute in my hometown because my mother had a very bad heart and did not want to let her children go to Tartu to study.

		I was the third, youngest child in the family. My sister chose economics, and my brother, who was ten years younger than her, also chose economics. I followed them because a teacher-training institution was out of the question for me – being a teacher and speaking in front of students seemed to me to be an absolute torment. But now, by coincidence, I became a teacher and got rid of this complex. After Estonia regained its independence, many people thought that the education received during the Soviet era was worthless. But when I see what our economics students study today, we, who started our studies in 1966, should not be ashamed of the solid training we received at that time. Back then, during Khrushchev's "thawing", a lot of more or less apolitical economic literature was translated. And in other specialties, such as economic mathematics and probability theory, our teachers gave us much more than nowadays. For example, political economy was taught to us by Leo Kahk, who tried to organize his lectures in a way that was similar to what was done behind the Iron Curtain at that time. When I got my diploma with good grades, I joined the Institute of Economics at the Estonian Academy of Sciences. Currently, I am teaching a course on business ethics to students. The very notion of business ethics may seem overly idealistic until you get to the heart of it. Whether we adhere to ethical rules can be determined from two opposing perspectives. One possibility is to contrast personal benefits and common benefits. The second option is deontological ethics, which explores the problems of duty and ought. But the main thing on which business hangs is trust. Most students who come to the first lecture are convinced that there is only one and only one option for ethical behavior, and everything else is wrong. In everyday life, we generally cannot act ethically one hundred percent. A businessman may behave in an honest, trustworthy, non-deceptive manner. However, such behavior can bring him to the point of collapse. If the business is large enough, it can be so damaging to society that it raises the question of whether the latter is ethical. Ethicality is, after all, a relative concept. If the heroine of my novel, Natalya Filippovna, has to tell her daughter in the future how she had to earn money, her daughter may find her actions completely unethical and disgusting. But she may see them differently. She may blame herself... My mother was a pastor's daughter, and my father was an atheist. They lived very happy lives, perhaps because they married late. As I understand in hindsight, my father was respectful of other people's views. As far as I know, he had been an atheist most of his life, probably since he was sixteen when he first thought about how unfair the world was. When my parents decided to get married, my mom wanted to get

					married, and my dad said he didn't believe in God. "Do you want me to make fun of your God?" This made a strong impression on my mom. We have quite a long Orthodox tradition in our family. My mother came from the island of Hiiumaa, and my father from the island of Muhu. Estonians often changed their religion. The Tsarist government promised them benefits for adopting Orthodoxy. My great-grandfather on my mother's side sent his sons to Russia to find out if it was the right faith. The sons, among whom was my grandfather, returned with the conviction that it was suitable for the peasants and built the first Orthodox church in Hiiumaa, which is still in operation today. My grandfather served there as a kister – a school teacher. I visit the Transfiguration Cathedral in Tallinn. COVER Mari Saat (Mari Saat-Meel, born 1947) graduated from the Faculty of Economics of the Tallinn Polytechnic Institute (1970) and completed postgraduate studies at the Institute of Economics of the Estonian Academy of Sciences (1975). She is an associate professor at Tallinn University of Technology. She made her literary debut in 1970. She is the author of seven novels and collections of short stories, as well as one children's book. Published in Russian: "Catastrophe" (Tallinn: Eesti raamat, 1980), "Forest Quail" (Moscow: Molodaya Gvardiya, 1980) and "The King of the Misty Mountain" (M.: Molodaya Gvardiya, 1989) - all three translated by Tatjana Teppe. The new novel "Lasnamäe Messiah" was recognized as the best fiction prose of 2008 and was awarded the Eesti Kultuurkapital Foundation Prize. The author tells about the life of Russian-speaking residents of Tallinn's Lasnamäe neighborhood during the crisis of the late 1990s.
46.	2010	Seltsimees laps ja suured inimesed	Leelo Tungal	Novels	Товарищ ребенок и взрослые люди: еще одно повествование о «нашем счастливом детстве» / Comrade Child and adults: one more narrative of our happy childhood
	n/a				n/a

	n/a				n/a
47.	2010	Tõrjutud mälestused	Imbi Paju	Memoirs	Отвергнутые воспоминания / Memories Denied
	Vahel tabab mitte ainult üksik isikuid, vaid tervet ühiskonda trauma, mis jätab nii sügava jälje, et sellest ei ole võimalik väga kergelt üle saada, olgu see siis sõda, diktatuur, okupatsioon, massimõrvad või midagi muud. Trauma tähendab teatavasti kreeka keeles haava, vigastust. Traumaatiliste ajalooliste kogemuste ja traumaatilise mineviku all pean ma silmas sellist minevikku, mis ühiskonda tõsiselt vigastas. Metafoori arendades võib seda pidada haavaks, mille paranemine võtab kaua aega ja millest jääb nii või teisti arm. Korraliku ravi puudumisel võib see aga uuesti lahti lüüa ja uuesti kannatusi põhjustada. Traumaatilise minevikuga seisavad silmitsi paljud maad, eriti need, kes on elanud üle diktatuure. Diktatuure on üsna erinevaid: fašistlikud, kommunistlikud, sõjaväelised. Kuid kõik nad on suuremal või vähemal määral verised, osa elanikkonna suhtes vägivaldsed ning rikuvad kodanike õigusi ja vabadusi. Vägivalla ohvriks langevad ennekõike rühmad, mida režiim peab vaenlaseks, sestap kasutab ta nende vastu repressioone. Kuid vägivald puudutab tegelikult kogu ühiskonda. Vägivald ja terror lõhuvad ühiskondlikke sidemeid, sunnivad inimesi endasse tõmbuma, põhjustavad hirmu ja usaldamatust. Seepärast jätab diktatuur alati ühiskonnale mingi jälje. Bruno Groppo B. Groppo on Tšiili päritolu Pariisi Sorbonne'i ülikooli ajalooprofessor, kelle uurimisvaldkonnad on mälu ja ajaloo suhted ning eksiil, eeskätt poliitika eksiilis. Peale Sorbonne'i loeb ta loenguid ka mitmes Ida-Euroopa ja Ladina-Ameerika ülikoolis. Imbi Paju raamat „Tõrjutud mälestused” on ajalooline lugu valust, mida eestlastele on põhjustanud Nõukogude okupatsioon. Just nimele lugu. Ajalooharidusega inimesele tundub alguses, et raamatut on raske lugeda.				ПРЕДИСЛОВИЕ Книга «Отвергнутые воспоминания» писателя и кинорежиссера Имби Паю – это импрессионистское произведение, в котором она отказывается от правил и методов традиционного исторического описания. Для создания образа автор использует приемы психологии и психоанализа, художественной литературы и философии, а также собранные историками факты и воспоминания отдельных людей. Все это в совокупности создает картину того, что происходит с человеком в условиях террористической власти, какое зло он может совершить, когда верх берет темная сторона его личности, когда политическая атмосфера благоприятствует насилию, а диктаторский режим манипулирует памятью, чтоб скрыть свои преступления. Представленные события основываются на примере эстонского общества, на семейной истории и на личных воспоминаниях автора. Своим повествованием Имби Паю отнюдь не пытается вызвать у нас пожелание: «чтобы никогда больше». Ее рассказ скорее свидетельствует о том, что такое может случиться и в будущем. И если мы не захотим вспоминать, мы не сумеем и освободиться от последствий. Все, о чем говорится в книге, еще раз показывает нам, как жестоко тоталитарный режим ломает людей и лишает их человечности. В Эстонии в начале 1940-х годов был введен в действие Уголовный кодекс РСФСР, дававший точное определение «объективного врага» – бандит, враг народа, кулак, нежелательный элемент, враждебная национальность. Политический террор вкупе с недемократичной правовой системой подчинял людей, сеял страх и позволял глумиться над ними. Те, кто превозносят войну, утверждают, что война делает народ сильнее, бережливее, позитивнее. Но это слабое утешение для тех, кто пережил войну. В условиях войны и насилия мы теряем молодость, родных и близких, годы свободы, и никто не выходит оттуда без потерь. Каждая книга воспоминаний, каждая история, фильм или документ о политических преследованиях, о войне, о концлагерях или ссыльных тюрьмах всего лишь осколок мозаики, частичное объяснение того, что с нами произошло. Без них мы в один прекрасный день можем проснуться и не

	Puudub süsteem, järjestus, kord – kõik see, mis on omane siinsele, baltisaksa mõjutustega ajalookirjutusele. Aga mingil hetkel tekib tajumine, seelline peabki see raamat olema. Taust, eriti arutlemine Nõukogude – õigussüsteemi ja psühholoogia üle, teeb raamatu veelgi loetavamaks. Erkki Bahovski, „Postimees” Paju raamat on tema isiklik ajalooteekond, mis tõsisest taustauuringust hoolimata on liigutav ja kummalisele endasse haarav lugemiskogemus. Suvi Ahola, „Helsingin Sanomat” Üks võimalus on konstrueerida eestlastele õnnelik ajalugu. Fragmentide abil panna kokku see, milliseks oleks võinud kujuneda modernne demokraatlik maa, kui ta ei oleks saanud tunda kahe suurriigi ähvardust, kui teda poleks okupeerinud vaheldumisi sakslased ja venelased ja kui nende okupatsioonide tõttu poleks inimesed jagunenud kollaborantideks, pealekaebajateks, hävituspataljonlasteks, metsavendadeks, rahvusvähemusteks, revolutsionäärideks, ohvriteks ja timukateks. Pia Ingström, „Hufvudtadsbladet” „Tõrjutud mälestused” on lugu jääminekust, mis saab eestlaste perekonnas võimalikuks seejärel, kui kirjanik ja filmirezissöör Imbi Paju – pärast aastaid kestnud arutlusi ja teadmatust – julgeb uurida jutustamata jäänud, mälust välja tõrjutud lugu, mis on löönud pitseri tema ema ja tolle kaksikõe kasvuaega, julgeb uurida hirmuvalitsuse poliitikat, mis julmalt ja karmilt ohustas kaksikute elu ja piiras nende eluvõimalusi. See sõnatu südametus, täielik hoolimatus on selline kuritegu, mis ulatub sellest osavõtjate ringist palju kaugemale. Juutide hoiatuse järgi võiks siinkohal öelda: ärge jääge ohvriks, ärge saage kurjategijaks, kuid eelkõige – ärge olge ükskõiksed pealevaatajad. Mikael Enckell, psühhoanalüütik ja filmiesseist, „Torjutut muistoe” eessõnast	вспомнить, кто же мы есть ... мы даже не заметим, что потеряли способность беречь других людей и саму жизнь. Надеюсь, что эта книга разбудит многих. Особенно тех, кто оправдывает подобные преступления раболепием, откуда бы оно ни исходило – с Запада или с Востока. Тоомас Хендрик Ильвес Президент Эстонской Республики

	Imbi kirjutab mõistmisest, ja see muutub ristiretkeks kurjuse vastu või õigemini ristiretkeks mälu ja ajaloolise dialoogi eest, kollektiivse mäletamise eest. Risto Lindseede, „Suomen Kuvalehei" Imbi Paju raamatu stiil on elegantselt irooniline, seal, kus see on vajalik ja põhjendatud. Paneb imestama, kuidas ta on jaksanud selle raske teema käsitlemisel säilitada rahuliku, afektivaba hääletooni. Ilmsele on väärtuslikku tasakaalu andnud talle filosoof Walter Benjamin. Osa reaktsioone, mida Imbi Paju film ja raamat on põhjustanud, räägivad sellest, et stalinismi kuriteod pole faktidest hoolimata kõigi jaoks veel iseenesestmõistetavad. lngalill Österberg, „Vasabladet" Oma raamatuga annab Imbi Paju ajaloole inimliku näo. Mari Säkö, „Teateeri" EESSÕNA Ajalugu on praeguse Euroopa sõjatander. Sõda ei peeta relvadega, ega ka mitte territooriumite pärast. Sõditakse ajalookäsitlustega, õigluse nimel. Ühed, enamasti vanast Euroopast pärit inimesed arvavad, et üksnes nende ajalugu loeb, et seal idas pole kannatusi, pole ajalugugi ... Ometi teame, et 20. sajandi Euroopa ajaloo ühed koledaimad peatükid kirjutati verega just Poolas, Lätis, Ungaris ja Eestis. Teised, sovetid ja nende jüngrid arvavad, et just Stalini ajalugu on õige. Et pole olnud Ukraina näljahäda ja selle 7 miljonit ohvrit, et Katõnis mõrvasid 20,000 Poola ohvitseri hoopis sakslased. 16 aastat pärast okupatsioonide lõppu Ida-Euroopas pole pilt ajaloosündmuste tundmise ja teadvustamise vallas oluliselt muutunud. Hoolimata sellest, et valdav osa tapamasinast läbi käinud riike on nüüd Euroopa Liidus ja NATO-s. Endiselt peetakse juudi kogukonna kõrval suurimaks sõjaohvriks pigem Lääne- kui Ida-Euroopat. Järeleandmispoliitikat ajanud riikide poliitikud jagavad õpetusi neile, kes on gulagi üle elanud, ning üldiselt soovitatakse tähistada Elysee lepingu aastapäeva, mitte aga sorida oma ajaloos.	

	Sellepärast ongi see raamat oluline. Kirjaniku ja filmirezissööri Imbi Paju „Tõrjutud mälestused” on impressionistlik teos, mis ettekujutuse loomiseks hülgab traditsioonilise ajalookirjutise reeglid ja tehnika ning kasutab psühholoogiat ja psühhoanalüüsi, ilukirjandust, filosoofiat, ajaloolaste korjatud fakte ja üksikinimeste mälestusi. Kõik see kokku loob lugejale pildi, mida vägivaldne võim võib inimesega teha, millist kurja võib inimene inimesele teha, kui pääseb võimule temas peidus olev pime pool ning kui poliitiline atmosfäär sellist vägivalda soodustab ja kui diktaatorlik režiim oma kuriteo varjamiseks mäletamisega manipuleerib. Narratiiv kasvab välja Eesti kogemustest, autori enda perekonnaloost ja isiklikest lapsepõlvemälestustest. Imbi Paju ei taha oma teoses meile öelda „ei kunagi enam”. Pigem räägib raamat, et selliseid asju võib edaspidigi juhtuda. Kui me aga ei üritagi rohkem mäletada, siis ei pääse me ka tagajärgedest. Me saame sellest raamatust lugeda, kuidas totalitarismile tuginevad vägivallarežiimid meelitavad inimesi kaasa ning kaotavad neist igasuguse inimlikkuse. Eestis võeti kohe 1940. aastate hakul kasutusele Vene NFSV kriminaalkoodeks, mis määras kindlaks „objektiivse vaenlase”, kelleks oli bandiit, rahvavaenlane, kulak, mittesoovitav element, vaenulik rahvus. Tuntud gulagi uurija Anne Appiebaurn on kirjutanud, et iga mälestusteraamat, iga dokument gulagi ajaloost on vaid üks killuke piltmõistatusest, osake seletusest. Ilma nendeta me ärkame ühel päeval üles ja ei tea, kes me oleme. Ning sõnad nagu „inimõigused”, „hoolimine” ja „usaldamine” muutuvad klišeeks. Kuid just neid väärtusi vajame me ka tänapäeva ahneks muutunud ajas, kus energiapoliitika püüab määrata meie kohta lääne kultuuriruumis. Aastal 2007 ei vaielda enam faktide üle. Pigem väärtuste üle. Üks mu enda viimase aja õõvastavaim elamus oli vastata Saksa ajakirjanikule, kes küsis: „Olgugi, et kommunistid tapsid rohkem eestlasi kui natsid, ega te ometi arva, et kommunistid olid sama hullud kui natsid?” Justkui oleksid tapetud pidanud köögilaua ümber ideoloogilisi arutelusid, nagu tõesti olnuks tapetud lapse, küüditatud vanuri ja vägistatud noore naise jaoks mingit vahet, kas sellele kuriteole, mille ohvriks ta langes, ajendas kurjategijat vähem või rohkem õiglane ideoloogia.	

	Loodan, et see raamat äratab paljusid. Eriti neid, kes õigustavad kuritegusid orjameelsusega, pärinegu see siis läänest või idast. Toomas Hendrik Ilves Eesti Vabariigi president Ajakirjanik, kirjanik ja filmirežöör Imbi Paju on olnud pikka aega Heisingis ajalehtede „Eesti Päevaleht" ja „Postimees" kaastöötaja. Samuti on ta toimetanud Eesti uudised Soome telekanale Nelonen. Nii Eesti kui ka Soome ajakirjanduses on Imbi Paju käsitlenud poliitilisi teemasid, kirjutanud filmikunstist, teatrist, ja kirjandusest. Ta on õppinud klassikalist laulu ja laulnud ooperikooris. Hiljem õppinud humanitaar- ja ühiskonnateadusi Eesti Humanitaarinstituudis ning Helsingi ülikoolis. 1998. aastal on Imbi Paju oma tegevusega toetanud Eesti kodanikuühiskonna taastamist ja pannud oma kodukülas aluse Võtikvere raamatuküla üritustele. Tema Eesti ja Soome koostööna valminud dokumentaaalfilm „Tõrjutud mälestused" (2005) on äratanud Eesti ajaloo teemale üle arutelu ka rahvusvaheliselt. Film on saanud auhindu. 2006. aasta lõpus ilmus soome keeles samanimeline raamat. Eestikeelse raamatuga samal ajal ilmub see ka rootsi keeles.	
	"Sometimes it hits not only individuals, but the entire society with a trauma that leaves such a deep mark that it's not very easy to overcome, be it war, dictatorship, occupation, mass murders, or something else. As you know, trauma means a wound, an injury in Greek. By traumatic historical experiences and traumatic past, I mean a past that seriously injured society. Developing the metaphor, it can be considered as a wound that takes a long time to heal and leaves some sort of scar. Without proper treatment, it can reopen and cause suffering again. Many countries face a traumatic past, especially those who have experienced dictatorships. Dictatorships come in various forms: fascist, communist, and	FOREWORD The book "Memories Denied" by writer and film director Imbi Paju is an impressionistic work in which she rejects the rules and methods of traditional historical description. To create the image, the author uses techniques of psychology and psychoanalysis, artistic literature, and philosophy, as well as collected facts and memories of individual people by historians. All this together creates a picture of what happens to a person under conditions of terrorist rule, what evil he can commit when the dark side of his personality prevails, when the political atmosphere favors violence, and when the dictatorial regime manipulates memory to hide its crimes. The events presented are based on the example of Estonian society, family history, and the author's memories. Through her narration, Imbi Paju does not try to evoke in

	military. But all of them are, to a greater or lesser extent, bloody, violent towards part of the population, and violate citizens' rights and freedoms. Groups considered enemies by the regime are primarily victims of violence, so the regime uses repression against them. But violence affects the whole of society. Violence and terror break societal bonds, force people to withdraw into themselves, and cause fear and distrust. Therefore, dictatorship always leaves some mark on society." Bruno Groppo (B. Groppo is a history professor at the Sorbonne University in Paris of Chilean origin, whose research areas include the relationship between memory and history, and exile, especially politics in exile. Besides Sorbonne, he also gives lectures at several universities in Eastern Europe and Latin America.) Imbi Paju's book "Tõrjutud mälestused" (Eng. "Memories Denied") is a historical narrative of the pain that the Soviet occupation inflicted on Estonia. It's quite a unique story. Initially, for someone with a background in history, the book seems difficult to read. It lacks a system, sequence, or order – all that is typical of the local history writing influenced by Baltic-German traditions. But at some point, there's a realization that this is how the book should be. The background, especially the discussion about the Soviet justice system and psychology, makes the book even more readable. Erkki Bahovski, "*Postimees*" (Estonian newspaper) Paju's book is her historical journey, which, despite serious background research, is a moving and strangely captivating reading experience. Suvi Ahola, "*Helsingin Sanomat*" (Finnish newspaper) One way is to construct a happy history for Estonians. Through fragments, put together what could have become of a modern democratic country if it hadn't experienced threats from two superpowers, if it hadn't been alternatively occupied by Germans and Russians, and if due to these occupations, people hadn't been divided into collaborators, informants, destruction battalion	us the wish "never again." Her story rather testifies to the fact that such things can happen in the future. And if we do not want to remember, we will not be able to free ourselves from the consequences. Everything discussed in the book once again shows us how cruel totalitarian regime breaks people and deprives them of humanity. In Estonia in the early 1940s, the Criminal Code of the RSFSR was put into effect, giving a precise definition of the "objective enemy" – a bandit, enemy of the people, kulak, undesirable element, hostile nationality. Political terror along with an undemocratic legal system subjugated people, sowed fear, and allowed mockery of them. Those who extol war claim that war makes people stronger, more frugal, more positive. But this is a weak consolation for those who have experienced war. In conditions of war and violence, we lose our youth, relatives, and loved ones, years of freedom, and no one comes out of there without losses. Each book of memories, story, film, or document about political persecutions, war, concentration camps, or penal colonies is just a fragment of the mosaic, a partial explanation of what happened to us. Without them, one fine day we may wake up and not remember who we are... we may not even notice that we have lost the ability to cherish other people and life itself. I hope that this book will awaken many. Especially those who justify such crimes by servility, no matter where it comes from – from the West or the East. Toomas Hendrik Ilves President of the Republic of Estonia

members, forest brothers, national minorities, revolutionaries, victims, and henchmen.

Pia Ingström, "Hufvudstadsbladet" (Swedish-language newspaper in Finland)

"Memories Denied" is a story of suppression that becomes possible in Estonian families when the writer and filmmaker Imbi Paju, after years of deliberation and uncertainty, dares to explore the untold, suppressed story that has marked her mother and her twin sister's upbringing, dares to explore the politics of terror that cruelly and harshly endangered the twins' lives and limited their life opportunities. This silent cruelty and complete disregard are crimes that extend far beyond the circle of participants. Following the warning of the Jews, one could say here: do not become a victim, do not become a criminal, but above all, do not be indifferent bystanders.

Mikael Enckell, psychoanalyst and film essayist, from the foreword of "Torjutut muistoe" (Finnish translation of "Tõrjutud mälestused")

Imbi writes about understanding, and it becomes a crusade against evil or a crusade for memory and historical dialogue, for collective remembrance.

Risto Lindseede, "Suomen Kuvalehti" (Finnish weekly news magazine)

Imbi Paju's style in the book is elegantly ironic, where necessary and justified. It's astonishing how she managed to maintain a calm, affectless tone while dealing with this difficult topic. Philosopher Walter Benjamin has provided her with valuable balance. Some reactions provoked by Imbi Paju's film and book indicate that Stalinist crimes are not yet self-evident for everyone, despite the facts.

lngalill Österberg, "Vasabladet" (Swedish-language newspaper in Finland)

In her book, Imbi Paju gives the human face to history.

Mari Säkö, "Teateri" (Finnish theater magazine)

FOREWORD

History is the current battlefield of Europe. The war isn't waged with weapons or over territories. It's fought with interpretations of history, in the name of

	justice. Some, mostly people from old Europe, believe that only their history matters, that there's been no suffering, no history in the East... Yet, we know that some of the ugliest chapters of 20th-century European history were written in blood, precisely in Poland, Latvia, Hungary, and Estonia. Others, the Soviets and their followers, believe that Stalin's history is the true one. That there was no Ukrainian famine and its 7 million victims, and that the 20,000 Polish officers murdered in Katyn were killed by the Germans. Sixteen years after the end of the occupations in Eastern Europe, the awareness and understanding of historical events haven't significantly changed. Even though most of the countries that went through the killing machine are now in the European Union and NATO. Still, rather than Eastern Europe, Western Europe is considered the biggest victim of the war, alongside the Jewish community. Politicians of countries that pursued appeasement policies lecture those who survived the Gulag, and generally, it's recommended to celebrate the anniversary of the Élysée Treaty, rather than delve into one's history. That's why this book is important. Writer and filmmaker Imbi Paju's "Memories Denied" is an impressionistic work that abandons the rules and techniques of traditional historical writing to create an image using psychology and psychoanalysis, literature, philosophy, facts collected by historians, and individual memories. All of this together provides a picture of what cruel power can do to a person, what evil one person can do to another person when the dark side hidden within takes control, and how the political atmosphere encourages such violence and manipulates memory with a dictatorial regime. The narrative grows out of Estonian experiences, the author's family history, and personal childhood memories. Imbi Paju doesn't want to tell us "never again" in her work. Rather, the book speaks of how such things can still happen. But if we don't try to remember, we won't escape the consequences. From this book, we can learn how violent regimes based on totalitarianism entice people and deprive them of all humanity. In Estonia, immediately in the early 1940s, the Criminal Code of the Russian Soviet Republic was introduced, which determined the "objective enemy" as	

bandits, enemies of the people, kulaks, undesirable elements, and hostile nationalities. Renowned Gulag researcher Anne Appiebaurn has written that every memoir, every document about the Gulag is just a small piece of the puzzle, a part of the explanation. Without them, we'll wake up one day and won't know who we are. And words like "human rights," "care," and "trust" become meaningless. Yet, these are the values we need in today's greedy times, where energy policy tries to determine our place in Western culture.

In 2007, facts are no longer debated. Rather, it's about values. One of my most chilling experiences recently was responding to a German journalist who asked, "Even though the Communists killed more Estonians than the Nazis, surely you don't think that Communists were as bad as Nazis?" As if the murdered had to hold ideological debates around the kitchen table, as if there were any difference to the victim of this crime, whether the ideology that drove the perpetrator was more or less just.

I hope this book awakens many, especially those who justify crimes with servility, whether from the West or the East.

Toomas Hendrik Ilves

President of the Republic of Estonia

Journalist, writer, and filmmaker Imbi Paju has been a longtime contributor to the newspapers *Eesti Päevaleht* and *Postimees* in Helsinki. She has also edited Estonian news for the Finnish television channel Nelonen. In Estonian and Finnish journalism, Imbi Paju has addressed political issues and written about film, theater, and literature. She has studied classical singing and sung in an opera choir. Later, she studied humanities and social sciences at the Estonian Institute of Humanities and the University of Helsinki.

In 1998, Imbi Paju supported the restoration of Estonian civil society through her activities and initiated the Võtikvere Book Village events in her hometown.

Her documentary film "Memories Denied" (2005), produced in cooperation between Estonia and Finland, has sparked international discussions on Estonian history. The film has received awards. At the end of 2006, the book

	of the same name was published in Finnish. At the same time as the Estonian-language book, it is also being published in Swedish.				
48.	2011	Kirjutajad. Seisab üksi mäe peal	Maimu Berg	Novels	Рукопись, найденная в Веймаре (Рукопись, найденная в Веймаре; Мадам Паресссез; Тартуский дух; Игрушечный писатель) / A manuscript found in Weimar; Madame Paresses, The spirit of Tartu, A toy writer)
	COVER Kirjandusse pürgijaks olen vana. Tõsi küll, proovisin ka varem – debüüt oli nooruses «Nooruses». Vahepeal ma ei kirjutanud, üritasin visalt aga saamatult perekonda luua. See oli õpetlik aeg küll, ent asjata ei öelda – ei päeva reata. Pikk kirjutamata olek on teinud mind õelaks ja sentimentaalseks. Üht külge olen kuuldavasti katsunud välja elada kriitikas teist pakun nende kaante vahel. M. B. Kui ma oleksin Tartus Toomemäel seistes oma rahvast hüüdnud, enda juurde kutsunud, kõnelnud, selle asemel ei oodata, millal mu sõnad trükituna inimesteni jõuavad – ehk oleks see õigem olnud. Seal, Maarjamaa südames, oleksin pidanud hüüdma – eestlased! Kuulake mind ära, enne kui te umbusklikult pead vangutades edasi lähete! Seisatage minu kõrval, vaadake enda ümber – see siin on ju meie maa, eks pea siin siis ka valitsema meie keel ja sugu. Miks sa siis vaikid, maarahvas, aja ennast sirgu, kõnele, kisenda ja nõua! Või oleks see olnud mäss? Seda, mida mina isamaa vastu tundsin, oleksin ma siiski pidanud kõigile kõvasti kuulutama. Aga eks olnud mu hääl liiga nõrk, mu haiged kopsud karjumiseks jõuetud, mu vaim kurbuse kustutamisest uimane. Ma jätsin enda teada selle, mida tundsin, ja vaikisin. Mu mõtteid oleks ju võinud ka mu silmadest lugeda, aga mu pea oli langetatud. Unenägudes ja nägemustes seisan ma ikka veel seal üleval mäel. Ma tahan hüüda, aga häält ei tule, ma tahan kätt tõsta, aga käsi ei kerki. Ja mu ümber on samasugused liikumatud vaikijad, osavõtmatud, ükskõiksed. Kas siis keegi ei kuule? Kas siis keegi ei ärka? Ärge vaadake mind nii rõõmsalt, see ei loe midagi, et mul praegu on parem. Lahvatab ju küünalgi enne kustumist korraks heleda leegiga. Kutsuge mu isa,				ОЖИДАЕМЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ МАЙМУ БЕРГ Проза Майму Берг переводилась на русский еще в 1990-е годы, когда существовал журнал «Радуга». Автору этих строк тогда довелось перевести одну из ее новелл Estonian Dream. К сожалению, в недавней публикации новелл писательницы в журнале «Дружба народов» эта новелла дана в другом переводе, которая примерно на 90% дословно совпадает с тем, старым, лишь с одним досадным исключением. Кличку таинственного убийцы, очищавшего город от опутившихся типов, ночами нападавших на прохожих, я перевел «Джек – потрошитель подонков». В оригинале было эстонское слово pätt, имеющее много значений, из которых лежащее на самое поверхности – «бомж». В новом переводе и появилось «потрошитель бомжей», хотя «чистильщик» уничтожал не всех бездомных, а только агрессивных и опасных. «Джеком» оказалась безобидная с виду старушка, а орудием убийства – стреляющий складной зонтик. Выяснялось это только в последнем абзаце. В наше время, когда умение писать остается, увы, достоянием немногих, Майму Берг выделается своей изощренной литературной техникой. Ее новеллы построены по классическому принципу: ожидаемая неожиданность в финале. Надеюсь, что читатель, прочитав «Тартуский дух» и «Мадам Паресссез», убедится в этом. Майму Берг начала писать художественную прозу уже в зрелом возрасте, до этого она успела получить известность как литературный критик. А еще несоклько лет проработала в журнале мод «Силуэт», о чем вспоминает с обаятельной самоиронией.

	kutsuge mu sõbrad! Ruttu! Ma tean, ma olen ju kuulnud, kuidas liiv kroonukiriku surnuaial vastu puusärki mütsatab. Õnneks ma seda ise nüüd enam ei kuule, sest mu vaim lendab juba kõrgusse, surematuse poole. Mõlema romaani sündmustik hargneb põhiliselt minevikus, peategelasteks marginaalsed inimesed, kes olude sunnil asetuvad kahe rahvuse ja mõttemaailma piirile. „Kirjutajate“ tegelaste hulgas on ajaloost ja kirjandusest tuntud Barbara von Tisenhusen, „Seisab üksi mäe peal“ on romaan Kristjan Jaak Petersonist.	«Рукопись, найденная в Веймаре (оригинальное название „Kirjutajad“, «пишущие» по-русски не звучит) – первый роман Майму Берг. Но в нем нет и следа литературной неопытности, обычно свойственной дебютантам. Майму Берг пришла в художественную прозу с серьезным жизненным и академическим опытом, в ее творческом «я» зоркость творца, видящего каждую деталь и умеющего рассмотреть в ней не только первый план, но и скрытые значения, соединилась с отменной эрудицией. Когда в литературу приходит настоящий талант, дебют может быть не только многообещающим, но и настоящим творческим прорывом. Более того, такой дебютант уже умеет делать то, что можно и нужно, но еще не знает, чего нельзя, и, нарушая негласные табу, чуть-чуть сдвигает вверх шпенек на шкале измерителя литературного мастерства. В первом романе Майму Берг занимательность авантюрного сюжета из XVI века соединена с историей (реального? мнимого?) предательства, совершенного в конце Второй мировой войны, и с раздумьями современноф женщины, обстоятельства жизни которой заставляют выбирать: оставаться ли в Эстонии или уехать на ПМЖ в Германию, к мужу. Три хронотопа в одном, и между ними – явная перекличка. Является ли рукопись, которую передала героине «я» (не воплне, но во многом тождественной автору) тихая старушка, смотрительница музея Гердера в Веймаре, подлинной – или это фальсификация? Есть ли связь между предполагаемым автором старинной рукописи, эстом, получившим какое-никакое образование у священника-немца и занимавшим межеумочное положение: от своих отстал, а к господам не пристал, – и авторским «я», мечущимся между двумя мирами? Роман написан в середине 1980-х. Но когда читаешь диалог автора рукописи с отцом Маттиасом, полагающим, что язык местного населения, maarahvas (этноним «эстонцы» тогда еще не существовал), не язык вовсе, а так, нечто вроде мычания коров или щебета птиц, начинаешь задумываться над чванством далеко не лучших современных потомков maarahvas, которые ради сохранения своего языка готовы вытеснить другой. Не задумываясь над тем, что таким образом они лишают собственное маленькое государство минимум трети его интеллектуального потенциала. Майму Берг с такими не по пути. О чем она недвусмысленно сказала в романе «Я любила русского», написанного позднее, но переведенного на русский раньше, чем «Рукопись, найденная в Веймаре».

		Хорошие писатели редко становятся успешными политиками. Потому что они руководствуются этичесикм кодексом, а не партийными соображениями. Тем не менее, время от времени они приходят в политику. Так произошло и с Майму Берг. «Очень многое из происходящего у нас меня возмущает. Я об этом много пишу. Однажды мне сказали: «Что ты все только говоришь? Ты делай!» Я последовала совету. Делать оказалось очень сложно», – доверительно говорила она мне. Майму Берг в своих публицистических выступлениях защищает права тех, кто оказался в группе риска: «Если повышать зарплаты, то соответственно следует повышать пенсии, пособия по уходу за детьми и инвалидами, пособия неимущим семьям. На надо раздавать утопическим и ничем не обеспеченные обещания, развешивая их на каждом углу и каждом фонарном столбе и тратя на это миллионы крон. Не следует говорить о богатом государстве, заслоняя гигантскими рекламными плакатами грязные, в колдобинах, запруженные транспортом городские улицы, в то время как рядом в мусорных контейнерах роются «пасынки судьбы». А такие картины я вижу в Таллинне каждый день. Богатое государство – это не огромные деньги на банковских счетах «избранных» ... но жизнь в уютном, благоустроенном и безопасном обществе, где никому не приходится отгораживаться от других высокими заборами и камерами слежения, ни в прямом, ни в переносном смысле, и где никто не злоупотребляет правом власть имущего и не чувствует себя отверженным и забытым», – пишет она. В Майму Берг поражает умение одновременно быть включенной в противоречивые и иссушающие душу социальные процессы и, когда она творит, сохранять высочайшую требовательность к эстетике писательского труда, формальной стороне прозы. Кажется, будто она по желанию то затворяет за собой дверь башни из слоновой кости, то выходит из нее на форум.

		Эта книга – скорее башня из слоновои кости. Но дверь в нее прикрыта неплотно. Борис Тух
	COVER I am old to be entering literature. True, I tried once before—my debut was in *Nooruses*. In between, I stopped writing and tried, stubbornly but clumsily, to build a family. It was an instructive time, but they don't say "not a day without a line" in vain. A long silence has made me both spiteful and sentimental. One side, I hear, I have let loose in my criticism; the other, I offer within these pages. M.B. Had I stood on Toomemägi in Tartu, calling my people to me, speaking instead of waiting for my words to reach them in print—would that have been better? There, in the heart of Maarjamaa, I should have cried, "Estonians! Hear me out before you shake your heads in distrust and move on! Stop beside me, look around you—this is our land; our language and kin must reign here. So why do you keep silent, maarahvas? Stand tall, speak, shout, demand!" Or would that have been rebellion? What I felt for my homeland, I should have proclaimed to all, loudly. But my voice was too weak, my ailing lungs powerless to shout, my spirit dulled by extinguishing sorrow. I kept to myself what I felt, and I was silent. My thoughts could have been read in my eyes, but my head was bowed. In dreams and visions, I still stand on that high hill. I want to shout, but no sound comes. I want to lift my hand, but it does not rise. And around me are the same immovable silent ones, indifferent, apathetic. Does no one hear? Will no one wake? Do not look at me so cheerfully; it means nothing that I feel better now. A candle, too, flares bright for an instant before it goes out. Call my father, call my friends! Hurry! I know, I have heard, how sand hits the coffin in the cemetery of the crown church. Fortunately, I no longer hear it myself, for my spirit is already flying high, toward immortality.	EXPECTED UNEXPECTEDNESS BY MAIMU BERG Maimu Berg's prose was translated into Russian as early as the 1990s, when the magazine *Raduga* was published. The author of this article once translated one of her short stories, "Estonian Dream". Unfortunately, in the recent publication of her short stories in the magazine *Druzhba narodov*, this story was translated again, which is 90% identical to the old translation, except for one regrettable detail. I had translated the nickname of a mysterious killer, who cleansed the city of shady characters attacking passersby at night, as "Jack the Scum Ripper." In the original, the Estonian word pätt was used, which has many meanings; the most superficial translation is "homeless." In the new translation, it became "Jack the Homeless Ripper," although the "cleaner" didn't kill all homeless people, only the aggressive and dangerous ones. "Jack" turned out to be a harmless-looking old woman with a folding umbrella-gun as her weapon. This revelation came only in the last paragraph. In our time, when the skill of writing is, unfortunately, the privilege of only a few, Maimu Berg stands out with her sophisticated literary technique. Her stories are built on the classic principle: an expected surprise at the end. I hope that readers, after reading "The Tartu Spirit" and "Madame Paresse", will agree. Maimu Berg started writing fiction later in life, already known as a literary critic. She also worked for several years at the fashion magazine *Silhouette*, which she recalls with charming self-irony. Her first novel, "The Manuscript Found in Weimar" (original title Kirjutajad, as "Writing people" in Estonian, doesn't sound right in Russian), shows no signs of literary inexperience typical of debut works. Maimu Berg entered fiction with a solid life and academic background, merging a creator's keen eye, discerning every detail, and uncovering hidden meanings, with superb erudition. When real talent enters literature, a debut can be not only promising but a true creative breakthrough. Moreover, such a debutant knows what is possible and necessary, yet remains unbound by what "should not" be done, nudging the bar of literary mastery slightly higher.

	Both novels unfold largely in the past, focused on marginal people forced by circumstances to straddle the boundaries of two nations and ways of thought. The characters in “The Manuscript Found in Weimar” include Barbara von Tisenhusen, known from history and literature, while “Standing Alone on the Hill” tells the story of Kristjan Jaak Peterson.	In her first novel, Maimu Berg combines an adventurous 16th-century plot with the story of a (real or fictional?) betrayal at the end of World War II, alongside the reflections of a modern woman facing a choice: to stay in Estonia or emigrate to Germany to be with her husband. Three timelines converge, echoing each other. Is the manuscript given to the protagonist by the quiet museum curator in Weimar genuine, or is it a forgery? Is there a connection between the manuscript’s supposed author, an Estonian man who, with the help of a German priest, acquired some education and held an in-between status—left behind by his own and not accepted by the upper classes—and the author’s “self,” torn between two worlds? The novel was written in the mid-1980s. Yet, when you read the dialogue between the manuscript’s author and Father Matthias, who believes the local population’s language, maarahvas (the ethnonym “Estonians” did not yet exist), is not a language at all, just like the lowing of cows or chirping of birds, you start reflecting on the arrogance of some modern maarahvas descendants who, to preserve their language, are ready to push out another language—failing to realize that by doing so, they deprive their own small country of a third of its intellectual potential. Maimu Berg does not walk the same path as such people, as she made clear in her later novel “I Loved a Russian Man”, translated into Russian before “The Manuscript Found in Weimar”. Good writers rarely succeed as politicians because they follow an ethical code, not party agendas. Nevertheless, they sometimes enter politics, as Maimu Berg did. "A lot of what’s happening here upsets me. I write about it a lot. Once someone told me, ‘Why just talk? Do something!’ So I took their advice. And it turned out to be very difficult," she confided. Maimu Berg defends the rights of those at risk in her public speeches: “If we’re raising salaries, we should also raise pensions, child and disability subsidies, and assistance to low-income families. We must not make utopian promises that have no real basis, plastering them on every corner and lamppost and spending millions of kroons on them, while the destitute dig through trash bins in the city’s litter-strewn and traffic-clogged streets. I see these scenes in Tallinn daily. A rich state is not defined by vast amounts in select individuals’ bank accounts…but by life in a cozy, safe, and welcoming society where no one needs high fences or surveillance cameras,

					neither literally nor figuratively, and where no one abuses power or feels rejected and forgotten," she writes. What's remarkable about Maimu Berg is her ability to engage in draining social processes and, while creating, maintain the highest standards of literary aesthetics. She appears to retreat to an ivory tower at will, only to step out onto the public forum again. This book leans more towards the ivory tower. But the door is left slightly ajar. Boris Tuch
49.	2011	Öölaul meeshäälele	Juhan Viiding	Poetry	Ночная песня для мужского голоса / A night song for a male voice
	n/a				От переводчика В эту книгу вошли стихи и лирические эссе выдающегося эстонского поэта и драматического артиста Юхана Вийдинга (1948–1995). Первые переводы я сделала еще при жизни Юхана, у меня сохранились сборники с его пометками и объяснениями, которые должны были помочь мне в работе. Мы были хорошо знакомы с детства, жили в одном дворе. У него была редкая дворовая кличка - Гений. Большинство текстов для этого издания переведено мною в последние годы. Уже невозможно было показать их Юхану, посоветоваться с ним. Хотя ощущение диалога осталось. Он ушел из жизни тогда, когда сам счел нужным. Он был признан и прославлен, в главном театре страны играл Гамлета, барона Тузенбаха, Пер Гюнта, писал пьесы, ставил. Один за другим выходили поэтические сборники. Но с поэтами всегда происходит вот какая история: в моменты вдохновения время исчезает, точнее, прошлое, настоящее и будущее размещаются на одном моментальном снимке и то, что называют предвидением, оказывается просто увиденным. Поэт пытается отвлечься от своих стихов, очнуться в жизнь, утешиться детством, любовью, сценой, но те свидания со строкой и рифмой,

		грозящие гибелью, все равно денно и нощно манят его. Ищет ли он покой в буре, целует ли он равнодушное лицо смерти, вскрывает ли он вены, разыгрывает ли спектакль, чтобы погибнуть всерьез, только мера таланта и мастерства решает, был ли во всем этом смысл. Был. Читаю и перечитываю Юхана Вийдинга. Выражаю глубокую благодарность Союзу писателей Эстонии, поддержавшему эту работу. Выражаю глубокую признательность Юку-Калле Райду и Эдуарду Томану за помощь и советы. Особая благодарность Рийне и Эло Вийдинг. Елена Скульская
	n/a	Translator’s Foreword This book includes the poems and lyrical essays of the outstanding Estonian poet and dramatic artist Juhan Viiding (1948–1995). I made the first translations while Juhan was still alive; I still have collections of his notes and explanations that were supposed to help me in my work. We have known each other since childhood and played in the same courtyard. He had a rare courtyard nickname - Genius. Most of the texts for this edition were translated by me in recent years. It was already impossible to show them to Juhan, to consult with him. However, the sense of dialogue remained. He left this life when he deemed it necessary. He was recognized and celebrated, played Hamlet, Baron Tuzenbach, and Peer Gynt in the country's main theater, wrote plays, and directed. One poetic collection after another was published. But poets’ story is always the same: in moments of inspiration, time disappears, or rather the past, present, and future are placed in a single instantaneous snapshot, and

					what is called foresight turns out to be visible. The poet tries to distract himself from his verses, to come to his senses in life, to find solace in childhood, love, and the stage, but those encounters with lines and rhymes, threatening death, still allure him day and night. Whether he seeks peace in the storm, kisses the indifferent face of death, opens his veins, or stages a performance to perish for real, only the measure of talent and skill decides if there was any meaning in all this or not. There was. I read and reread Juhan Viiding. I express deep gratitude to the Writers' Union of Estonia for supporting this work. I express deep gratitude to Juku-Kalle Raid and Eduard Toman for their help and advice. Special thanks to Riina and Elo Viiding. Jelena Skulskaja
50.	2011	Naljatilgad lähevad laulupeole	Leelo Tungal	Children's literature	Пошли смешинки на Певческий праздник / Smiles went to th Signing Festival
	„Naljatilgad lähevad laulupeole“ jutustab kuueaastastase Maria silmade läbi lustakalt sellest, kuidas perekond Tilk laulupeoks valmistus, milliseid äpardusi juhtus laulupeole sõites, kuidas väike Maria kogemata laululavale lauljate hulka sattus ja seal täiel häälel kaasa laulis.				«Пошли смешинки на Певческий праздник» — это веселая и трогательная история, произошедшая с шестилетней девочкой Марией. История о том, как большая семья собирается на праздник, на котором, кажется, нет места главной героине. Потому что Мария не умеет петь. Но ведь ей так хочется побывать на празднике! Ей так хочется вместе с сестрами и мамой подняться на Певческую эстраду. Что же делать? Неужели самое заветное желание Марии так и не исполнится?!
	"Smiles Went to the Singing Festival" tells the cheerful story through the eyes of six-year-old Maria of how the Tilk family prepared for the festival. It shares the funny mishaps they experienced on the way and how little Maria, by accident, ended up among the singers on stage, joining in with her full voice.				"Smiles Went to the Singing Festival" is a funny and touching story about a six-year-old girl named Maria. It tells the tale of how her big family prepares for a festival where there seems to be no place for the main heroine, because Maria cannot sing. But she so dearly wants to go to the festival! She dreams of joining her sisters and mother on the Singing Stage. What should she do? Will Maria's most cherished wish really go unfulfilled?!
51.	2012	Ahvid ja solidaarsus	Maarja Kangro	Short stories	Обезьяны и солидарность / Monkeys and solidarity
	n/a				«Хлесткая, остроумная книга, заслуживающая каждого потраченного на нее сента».

					«Обезьяны и солидарность» – первый сборник новелл Маарьи Кангро, успевшей выпустить три поэтических сборника и стать лауреатом множества литературных премий. Достоверные жизненные истории, основанные на личном опыте и переживаниях близких знакомых, приправленные сарказмом, полные нестандартных рассуждений о культуре и идеологии, взаимоотношениях полов, интеллектуальных споров о том, кому принадлежит искусство и как им распоряжаются. Герои новелл без конца осмысливают и переосмысливают окружающий их мир, захватывая читателя в этот процесс и подчас вызывая его улыбку». Тийу Лакс «Ты пишешь о себе». «О ком же еще писать? Так возникает подобие жизни».
	n/a				"Harsh, witty book, deserving every cent spent on it." "Monkeys and Solidarity" is the first collection of novellas by Maarja Kangro, who has already published three poetry collections and become the laureate of numerous literary awards. True life stories, based on personal experience and the experiences of close friends, seasoned with sarcasm, full of unconventional reflections on culture and ideology, gender relations, and intellectual debates about who owns art and how it is managed. The heroes of the novellas endlessly contemplate and reconsider the world around them, engaging the reader in this process and sometimes eliciting a smile." Tiiu Laks "You write about yourself." "Who else to write about? Thus arises a semblance of life."
52.	2012	Minevik kui helesinised mäed. Ivan Orava mälestused	Andrus Kivirähk	Memoirs	Былое как голубые горы. Мемуары Ивана Орава / Past as Azure Mountains. The memoirs of Ivan Orav

	Olen juba vana mees ning elus palju näinud. Üha vähemaks jääb minu suguseid. Kas ei ole seega lausa mu püha kohus sulg pihku haarata, et panna kirja see, mis tänaseks unustusehõlma on vajumas? Õpetuseks noortele ning meenutuseks vanadele.	Вехи жизни Ивана Орава 1908 – родился Иван Орав 1909 – первые слова Ивана Орава: «Эстонская Лиспублика» 1940 – Орав арестован и выслан в суровый край. По дороге ему удается сбежать, но, плутая по России, он попадает в лапы зеленого змия. 1953 – обрадованный смертью Сталина, Орав делает предложение первой же встречной девушке. Отныне Орав – женатый человек. 1969 – Орав принимает в Хаапсалу грязевые ванны. При виде Орава с синими крашеными волосами, погрузившего свое белое тело в черную грязь, тиблы впадают в панику. 1980 – Орав не присоединяется к «письму сорока», напротив, он отбивает тиблам срочную телеграмму из одних только матерных слов. 1997 – президент вручает Ораву целых четыре ордена, и Орав выковывает из них банный ковшик. 2001 – Орав тяжело болен, но, увидев по телефизору Путина, тотчас выздоравливает и отыскивает на чердаке свой старый пулемет. 2008 – Ораву исполняется 100 лет. 2009 – 19 июня Иван Орав умирает. 23 июня его похоронили в Таллинне на площади Вабадузе (Свободы). Над его могилой воздвигнут громадный стеклянный крест.
	I am already an old man and have seen much in my life. There are fewer and fewer people like me. Isn’t it, therefore, my sacred duty to take up the pen and write down what is now slipping into oblivion? As a lesson for the young and a reminder for the old.	Milestones in the life of Ivan Orav: 1908 – Ivan Orav is born. 1909 – Ivan Orav's first words are "Estonian Lipublic."

					1940 - Orav is arrested and exiled to the harsh land. Along the way, he manages to escape, but wandering through Russia, he is captured by alcohol fumes. 1953 – Rejoicing in Stalin's death, Orav proposes to the first girl he meets. From now on, Orav is a married man. 1969 – Orav takes mud baths in Haapsalu. At the sight of Orav with blue dyed hair, plunging his white body into black mud, tiblas panicked. 1980 – Orav doesn't join the "Letter of Forty"; on the contrary, he sends off an urgent telegram for the tiblas with nothing but obscene words. 1997 – The president awards Orav four orders, and Orav forges them into a bath scoop. 2001 – Orav falls seriously ill, but upon seeing Putin on TV, he immediately recovers and finds his old machine gun in the attic. 2008 – Orav turns 100 years old. 2009 – On June 19, Ivan Orav died. On June 23, he was buried in Tallinn's Freedom Square. A massive glass cross is erected over his grave.
53.	2012	Rahvusvaheline mees	Mihkel Mutt	Novels	Международный человек / The International Man
	n/a				Послесловие Международный человек в своем времени и пространстве Поздней весной 1992 года, когда получила огласку идея «молодых политиков» выдвинуть Леннарта Мери кандидатом в президенты Эстонской Республики, мы с Михкелем Муттем сидели в «Ослиной конюшне» и беседовали. Михкель задумчиво комментировал: «Леннарта… президентом… эта идея мне нравится. Это и впрямь интересная идея!» Сам при этом с легкой улыбкой на губах хитро поглядывал по сторонам. В глазах отражался ход мысли, в котором он уже представлял себе Леннарта Мери президентом: как это могло бы выглядеть и как Леннарт повел бы себя в этой роли.

		«Международный человек» пришел к читателю через два с лишним года, в 1994-м, когда Леннарт Мери уже более года пребывал на президентском посту. Раскрыв книгу, иные читатели наверняка ждали, что там предстанет и президент Мери – если не как представитель власти, то хотя бы как человек. Но нет. Международный человек не вышел из личины Рудольфо – шефа «канцелярии номер четыре». Читатель, конечно, может спросить, не будет ли восприниматься такое ограничение несколько искусственным. По всей вероятности, не будет. Президент Мери был все же совсем другим человеком, нежели Мери министр иностранных дел. Будучи президентом, он смог удивить (поразить, потрясти, испугать – кто как это воспринимал) даже тех, кто хорошо его знал на посту министра иностранных дел. Он перевоплотился в президента быстро и основательно, сохранив все то, что делало его международным человеком, и в то же время обретя черты, присущие правителю. Леннарт освоился на своем высоком посту молниеносно. Так что иные давние друзья перестали его узнавать, разочаровались в нем или даже обиделись. Для многих он исчез в недосягаемой выси. Очевидно, никто лучше, чем Леннарт, не осознавал, что международный человек может быть на равных только с международными людьми. Михкель Мутть, который близко знал Леннарта много лет, задолго до того, как борьба за независимость сделала их коллегами в совершенно неожиданном месте – в мире дипломатии, – должен был видеть в нем эту способность к адаптации, сотворившую из писателя и кинематографиста государственного чиновника и министра. Во всяком случае он испытал это на своей шкуре, и, как явствует из книги, не всегда безболезненно. Леннарт умел соединить свою мощную силу творчества с властью, которую давала ему должность министра, и это не раз загоняло его коллег в ловушку. Леннарт был оригинален не только в борьбе за свободу, но и в умении так запрячь своих подчиненных, что их личная жизнь переставала существовать, причем они сами порой не понимали, как это произошло. Леннарт умел управлять людьми и иногда пользовался этим умением лишь из желания укрепить свой авторитет. Разумеется, создавая тем самым напряженность в отношениях. В то же время он легко снимал эту напряженность только одному ему свойственной улыбкой, появлявшейся на его губах в самый неожиданный момент и сопровождавшейся похлопыванием по плечу и несколькими

		ободряющими словами. По-отечески, но никогда – с извинениями. И обида сменялась благодарностью. Возможно, не стоило бы раскрывать здесь эту черту характера Леннарта, если бы у нее не было столь сильного и далеко простирающегося воздействия. Он мог в эту ловушку завлечь очень влиятельных вершителей судеб международного масштаба. Одновременно с поиском возможности обменяться мыслями с Леннартом Мери государственные деятели боялись попасть в неловкое положение, которое иногда приводило к тому, что опытные государственные мужи шли в некоторых вопросах на уступки, идя по пути наименьшего сопротивления. Именно это и нужно было Эстонии, которая боролась за свое место под солнцем! Вряд ли кто-нибудь из эстонских читателей сомневается, что международный человек Рудольфо – Леннарт Мери. С другими действующими лицами дело обстоит сложнее. Люди, работавшие в то время в министерстве иностранных дел, конечно, узнали многих деятелей. Однако некоторые персонажи представляют собой обобщенный портрет, так что нет смысла искать в них конкретных прототипов. Не стану этого делать и я, а буду придерживаться авторских действующих лиц, позволяя себе пить некоторые дополнения. Хотя при чтении книги легко понять, в какие годы происходит действие, автор все же свободно обращается со временем. События «Международного человека» происходят в более короткий промежуток времени, чем в действительности. На самом деле независимость не была еще восстановлена во время исполнения миссии, описанной в книге, и закон о гражданстве появился на повестке дня лишь год спустя; «пищевое мыло», талоны, пакеты и номенклатурные магазины, куда можно было попасть только «привилегированному сословию», относятся ко времени, когда «Рудольфо осуществлял свои самые лучшие танцы» и Пакс «командовал парадом». Те, кто будет искать в «Международном человеке» историю министерства иностранных дел, ошибаются. Произведение охватывает лишь часть многочисленных событий, происходивших в этом ведомстве в 1990–1991 годах. К сведению тех, кто захочет в дальнейшем углубиться в эту тему. Михкель Мутть сосредоточился на ярких личностях и запоминающихся событиях, оставив в стороне хронологию и бессмысленную рутину. Местами при чтении книги перед глазами предстает «Замок» Кафки, но это может быть

		лишь моя ассоциация. Больше хронологических событий происходит во второй части книги: «Миссия». Но обстановка, атмосфера и человеческие отношения, царившие в то время в «канцелярии номер четыре», переданы весьма точно (конечно, у разных участников тех событий могут быть разные точки зрения на происходившие события). В произведении художественной литературы, естественно, приходится учитывать сознательное заметание следов, особенно при описании героев и их особенностей. Нигде ведь не сказано, что читателям все нужно преподнести на блюдечке. Картина в целом абсолютно точно соответствует реальной обстановке, и тот, кто прочитает книгу, наверняка получит о тогдашнем министерстве иностранных дел более точное представление, чем в сухом документе. Чтобы свести воедино книгу и министерство иностранных дел, придется погрузиться в обстановку Эстонии начала девяностых годов. И разобраться, как выглядело управление государством в тех условиях. В марте 1990 года состоялись первые относительно свободные выборы в Верховный Совет Эстонской ССР, в результате которых абсолютное большинство получила пестрая и довольно разобщенная группа людей, состоявшая преимущественно из передовой интеллигенции, требовавшей восстановления независимости Эстонии. Главой правительства стал Эдгар Сависаар, Верховный Совет потерял приставку ССР и взял курс на восстановление независимости. Однако атмосфера при этом существенно не изменилась. Мы по-прежнему были в плену у вырождающегося СССР, который все меньше был способен подавлять стремление Эстонии к независимости. Парадоксальным образом мы духовно отвоевали себе свободу, но физически все еще были в цепях. Как известно, такая свобода очень хрупка, и висящий над головой топор каждую секунду напоминал, что может случиться, если цепи начнут удушать дух. Однако благодаря свободному духу стало возможно общение с внешним миром, которое постоянно расширялось и множилось, у эстонских эмигрантов появилась возможность открыть для себя родину, а через них отечественные эстонцы впервые смогли глотнуть воздух свободного мира. Так появилась возможность в конце марта 1991 года осуществить «миссию». Однако Эстонская ССР никуда не исчезла. Никто в мире не смотрел на Эстонию как на самостоятельное государство. Хотя в дипломатических кулуарах уверяли, что советская оккупация и аннексия не признается и политика непризнання продолжается, однако на практике это неловкое обстоятельство всячески старались обойти. К правительству Эстонской

		Республики относились так же, как к правительству любой другой республики СССР, как к органу власти местной административной единицы, чья «сепаратистская деятельность» была достойна скорее осуждения, чем поддержки, ибо это расшатывало позицию любимца Запада Михаила Горбачева и ставило под угрозу перестройку. Эстонское правительство действовало, следуя государственным устоям и конституции советских времен. Поскольку «руководящая и направляющая сила» – коммунистическая партия Эстонии, территориальная ячейка ЦК КПСС, исчезла, то возникла ситуация, когда правительство было обезглавлено и не могло справиться с положением дел без руководства центрального комитета. Разделение властей, свойственное парламентской демократии, а также единство государственного аппарата, свободного от идеологии, не укладывались в советскую систему, и новое правительство не могло (а может, не хотело) это изменить. Во всяком случае, министерства оставались управляющими ведомствами в своей сфере и министры – «руководителями среднего звена», как это было раньше. Верховному Совету в такой системе ничего не оставалось делать, как единодушно одобрять предлагаемые решения. Но Верховный Совет больше не подчинялся, и Эдгару Саависаару уже через несколько месяцев стало очень сложно принимать решения. В постсоветской Эстонии образовалась конфедерация ведомств, в которой каждое министерство требовало в своей области полноты власти, но целостного государственного управления пока не было; межведомственное координирование было чрезвычайно слабым. Вместо того, чтобы реорганизовать правительство в духе парламентской демократии, глава правительства решил восстановить координирующую «крышу» советских времен под новым названием. Функцию Центрального комитета стала выполнять государственная канцелярия, где создали отделы, которые непосредственно подчинялись премьер-министру и которые направляли и разделяли деятельность министерств. Из координирования ничего толком не получилось, но проблем возникло много, и министры разом перестали понимать, зачем они вообще нужны. Парадоксальным образом часть министерств оказалась в оппозиции к премьер-министру и государственной канцелярии. Успех же деятельности министерства зависел от того, насколько хорошо министр ладил с главой правительства, а порой и от того, как он умел себя подать. В этот котел попало и министерство иностранных дел. В Эстонской ССР, как это было свойственно всем советским республикам, министерство иностранных

		дел было по сути консульством КГБ, которое выдавало загранпаспорта, выездные визы, занималось зарубежными эстонцами, навещавшими своих родственников на родине. Первоочередной задачей Леннарта Мери, вступившего в должность министра иностранных дел в правительстве Сависаара, было создать практически на пустом месте новое министерство (или, если иметь в виду преемственность, – восстановить). Поскольку эстонцев с дипломатическим опытом можно было пересчитать на пальцах одной руки, и те служили в министерстве иностранных дел СССР, Леннарт Мери должен был найти людей, с которыми это возможно было бы осуществить. Восстановленное министерство иностранных дел Эстонии буквально впитало в себя образованную молодежь, у которой не было за спиной груза советских времен и которые владели иностранными языками. Так, на дипломатическом поприще оказались признанные деятели культуры, в том числе и Михкель Мутть, «молодые политики» и зарубежные эстонцы. А также некоторые уже упомянутые советские дипломаты, у которых после длительной работы на службе у чужого государства эстонский язык успел заржаветь и которые не могли взять в толк, почему Эстония не хочет оставаться в составе Советского Союза. Ситуация напоминала 1918–1919 годы, когда отсутствие дипломатического опыта возмещали любовь к отечеству и широкий кругозор. Укомплектованное таким образом министерство не могло создать рутинный стиль работы, напоминавший отлаженный государственный механизм в каком-нибудь государстве с давними традициями (даже эстонское министерство иностранных дел тридцатых годов). Скорее это был творческий коллектив, где царила академическая свобода, а не бюрократическая дисциплина. Именно такой стиль работы соответствовал положению, когда у Эстонии отсутствовали налаженные дипломатические отношения и нужно было быстро реагировать на исходящие из Москвы всевозможные начинания, нужно было поведать миру об истории Эстонии, ее правовом статусе, народных чаяниях и устремлениях и найти международную поддержку. Вряд ли с этим успешно справилась бы закоснелая, состоящая из замшелых чиновников бюрократическая машина. Министерство иностранных дел нуждалось в людях, у которых было достаточно знаний об истории Эстонии и которые могли бы убедительно общаться как с зарубежной общественностью на официальном уровне, так и посредством прессы. И Леннарт Мери находил таких людей. Михкель Мутть устами главного героя описывает напряжение, царившее в «канцелярии». А напряжение действительно имело место быть, хотя и не столь драматичное. В какой-то степени оно было вызвано противоречиями между поколениями, но

		прежде всего порождалось различиями в образе мыслей и мировоззрении. К сожалению, это проявлялось в принципиально важных вопросах, вплоть до того, каким путем должна пойти Эстония в восстановлении независимости, на кого ориентироваться, на кого опираться, где искать союзников. На самом деле существовала пропасть между разными представлениями о том, будем ли мы надеяться на милость Москвы, стараясь всячески ее «задобрить» и уж точно не раздражать, или начнем активно действовать в свободном мире, доводя эстонский вопрос до сведения мировой общественности настолько решительно, насколько можно, при этом не считаясь с тем, что думает Москва. Особенно острые разногласия возникали между «молодыми политиками» и бывшими дипломатами по весьма простой причине: молодые политики просто не доверяли дипломатам чичеринской школы. Подливали масло в огонь недоверия некотурые шаги дипломатов восточном направлении, которые означали все что угодно, только не равноправное партнерство. Возможно, это недоверие было несколько преувеличенным и эти начинания были направлены не против Эстонии, а возникали по привычке общаться с московскими товарищами как с хозяевами; это недоверие разделял и Леннарт, вследствие чего все начинания дипломатов, прежде чем пойти в ход, просматривались глазами «молодых политиков». Дипломаты жили в добровольной изоляции: мало с кем общались и выходили из своих кабинетов только в случае крайней необходимости. С зарубежными эстонцами напряжения не было. Временами могло раздражать взаимное умничанье, потому что у молодых политиков и зарубежных эстонцев была крайне высокая самооценка, когда разговор ограничивался поучениями, которые обычно заканчивались тем, что каждый оставался при своем мнении. Но цели были общие. Между дипломатами и зарубежными эстонцами практически не было контакта. Обе стороны настолько чуждались друг друга, что не было даже никаких трений. Парадоксальным образом «молодые политики» становились порой посредниками между дипломатами и зарубежными эстонцами. Стиль руководства министерством у Леннарта безусловно не был обычным, он оставался прежде всего визионером, из него так и не получился администратор. Разумеется, нельзя сказать, что дух не справился с властью. Властью Леннарт умел пользоваться и даже очень хорошо. Тем трагичнее было работать рядом с ним чиновничьей душе, привыкшей беспрекословно выполнять приказы начальства. И когда этот приказ почему-либо нельзя было исполнить, чиновник был готов накинуть петлю на шею. Леннартовские тезы, что во время Освободительной войны не было обеденного перерыва и что надо работать двадцать пять часов в сутки,

		были задуманы вовсе не для исполнения, а для информации к размышлению. Леннарт зачастую тут же «забывал» отданное распоряжение и почти никогда не сердился, если оно оставалось невыполненным. К тому же Леннарт порой сознательно давал поручения, которые невозможно было выполнить. Но этим никто не злоупотреблял. Большинство работников министерства иностранных дел работали с искренним энтузиазмом, зачастую на грани своих возможностей. Леннарт скорее прижимал тех людей, которые лезли из кожи вон, чтобы выполнить нереальные задания, но не трогал тех, кто оставлял их невыполненными. Хотя возражений он особенно не терпел, но «забывчивость» воспринимал спокойно. Потому что Леннарт не выносил глупости и был твердо уверен, что человек, старающийся выполнить невыполнимое, должен быть глуп. Субординацию Леннарт не больно-то признавал, общаясь с подчиненными, он время от времени сознательно ее игнорировал, порождая среди чиновников зависть и обиду, например, проходя мимо какого-нибудь начальника отдела, просто не обращал на него никакого внимания. Он прекрасно осознавал свое положение, и личные отношения в своем министерстве всегда считал более важными, чем должностные. Он предпочитал общаться на личном уровне, даже в сугубо деловых отношениях, и у многих коллег оставалось впечатление, что он обращается к ним не как к коллегам, а как к друзьям. Например, с «молодыми политиками», несмотря на большую разницу в возрасте, были именно такие отношения, причем не всегда гармоничные. И тот, и другие умели капризничать и зачастую откровенно высказывались по тому или иному поводу. Хотя Леннарт часто говорил о дисциплине, на самом деле его стиль работы часто находился в противоречии с этими высказываниями, вернее, он оставлял это на усмотрение подчиненных. В то же время он был способен позвонить кому-нибудь домой в три часа ночи, проговорить два часа и закончить разговор фразой: «Будь любезен, позвони немедленно Геншеру и скажи ему, чтобы уже завтра он внес этот вопрос в правительство Союзной республики». Ведь министерство должно было работать двадцать пять часов в сутки. У Леннарта была привычка часто опаздывать, и это приводило в ярость его сотрудников. Задним числом даже трудно определить, происходило это от рассеянности или это было оружием, при помощи которого он заявлял о себе. В ситуации, когда ни в коем случае нельзя было опаздывать, он не опаздывал

никогда. Но если была хоть малейшая возможность заставить себя ждать и поставить людей перед фактом, что без Леннарта нельзя обойтись, он опаздывал до бесконечности.

Его ждали самолеты и корабли, дипломаты иностранных государств и политики, а больше всего, конечно, его сотрудники. Примечательно было то, что чем больше Леннарта торопили, тем медлительнее он становился. Таким образом он быстро дал понять своим приближенным, что совершенно бессмысленно его подгонять. На самом деле он знал всегда и очень хорошо, когда и где нужно быть.

Понятно, что министерство иностранных дел не соответствовало постсоветской правительственной системе ни в малейшей степени. Работники министерства были приверженцами совсем других ценностей, нежели большинство стоящих у власти, и очень скоро они вошли в противоречие с главой правительства и государственной канцелярией. Иногда казалось, что у министерства иностранных дел и правительства разные задачи и они живут в разных государствах. Министерство иностранных дел четко руководствовалось принципом преемственности, и все внешние сношения были основаны на этом принципе. И при каждом удобном случае оно подчеркивало, что на повестке дня не отделение от Советского Союза, а восстановление независимости путем прекращения оккупации и аннексии. Поэтому ни в коем случае нельзя рассматривать стремление Эстонии к независимости как попытку разрушения целостности Советского Союза и противостояние горбачевской перестройке (ибо это внутреннее дело другого государства). А также нельзя относиться к Эстонии на тех же основаниях, что и к другим советским республикам (понятно, что это не касалось Латвии и Литвы), ибо по отношению к ним восстановление независимости путем реституции неактуально и невозможно.

Правительство же продолжало оставаться в тактической оппозиции к центральной власти, как всякое союзное правительство. На словах отстаивало восстановление независимости, а на деле словно навеки собиралось оставаться в Советском Союзе. Были нередки случаи, когда из министерства иностранных дел и из других ведомств выходили послания с диаметрально противоположным содержанием.

Такое своеволие не раз было бельмом на глазу как для главы правительства (Михкель Мутть красочно описывает один из таких эпизодов в главе, где Пакс

		приходит инспектировать канцелярию), так и для иностранной комиссии Верховного Совета. В нормальном государстве такая самодеятельность была бы немыслима, как это немыслимо в современной Эстонии. Однако кто знает, если бы этого своеволия в тот момент не было, может, мы жили бы сейчас в совсем другой Эстонии и в совсем другом мире... Кстати, понимание того, что мы живем в независимом государстве, с трудом доходило до большинства представителей чиновничьей бюрократии даже после 20 августа 1991 года, когда были восстановлены дипломатические отношения с зарубежными странами и Эстония вновь оказалась в круговороте международных отношений. Они все еще жили под влиянием исходящих из Москвы распоряжений (которые даже по мнению самой Москвы в Эстонии уже не действовали) и старались примазаться к «заграничным» курсам, предназначенным для чиновников Советского Союза, на равных заключали договоры с российскими областями и, посещая Советский Союз, вытаскивали из карманов советские паспорта, чтобы не платить цену, которую запрашивали в музеях и гостиницах у иностранцев. СССР продолжал жить в душах многих чиновников и жил еще довольно долго. Теперь, когда Леннарт Мери ушел из жизни, все чаще появляются попытки его мифологизировать. Должно быть, каждый народ нуждается в мифах, но мне кажется, что знавшим Леннарта понравилось бы больше, если бы Леннарт оставался тем, кем он был, – человеком из плоти и крови вместе со всеми его достоинствами и недостатками. Чтобы помнить человека, совсем не обязательно обряжать его в мифы и легенды, создавать культ и поклоняться. Леннарт достаточно сделал для того, чтобы его помнили. «Международный человек» – одна из тех книг, что увековечивает Леннарта в народной памяти. Хотя его имя ни разу не упоминается в тексте, как не существует там и министерства иностранных дел, эта книга в будущем будет давать глубокое представление о прошлом, о необычном министре и странном министерстве, сыгравших существенную, а может, даже решающую роль в восстановлении независимости Эстонии в качестве демократического парламентского государства, которое неразрывно связано с Западом. «Международный человек», пожалуй, первая книга, которая описывает жизнь в постсоветской Эстонии, напоминает о пустых прилавках и брежневских продовольственных пакетах, талонах и покупательских карточках, напоминает

		о том, что во имя свободы мы были готовы есть картофельные очистки, однако через пару лет эта готовность сменилась требованием шведского уровня жизни и жалобами, дескать, такой ли мы представляли себе Эстонию. Люди не могут всю жизнь проводить на баррикадах, они нуждаются в благосостоянии. Но не будем забывать, что без свободы благосостояние навсегда останется недостижимым. Март Нутть Обложка Роман Михкеля Муття «Международный человек» (1994) повествует о восстановлении независимости Эстонии. И хотя мы имеем дело с художественным произведением, исполненным в гротескном, а порою и фельетонном стиле, столь свойственном автору, все же основные события и действующие лица, затронутые в нем, носят вполне исторический характер. Действие разворачивается вокруг возвращения Эстонии на карту мира. В центре событий – эстонские дипломаты, добивающиеся восстановления независимости Эстонии, в шефе которых нетружно узнать необычного международного человека Леннарта Мери, ставшего затем главой государства. В 1991–1992 годах Михкель Мутть работал заведующим бюро информации в министерстве иностранных дел времен Мери, и «Международный человек» родился на основании полученного там опыта. Юмористическое произведение рассматривает одновременно проблемы истории, Эстонии, свободного общества и государственности. С течением времени книга, бывшая в свое время актуальной, стала исторической. В 1997 году роман был переведен на финкий язык. Михкель Мутть родился в 1953 году. Он учился в литературном классе Тартуской 8-й средней школы. В 1976 году окончил Тартуский университет по специальности эстонская филология. Мутть работал редактором в издательстве «Ээсти Раамат», затем в журнале «Лооминг», был заведующим литературной частью в Молодежном театре, главным редактором в газете «Сирп». В настоящее время работает главным редактором журнала «Лооминг». Литературный критик, прозаик, автор сборников новелл и романов, книг для детей.

	n/a	Afterword International Main in His Time and Space In late spring 1992, when the idea of the “young politicians” putting forward Lennart Meri as a candidate for President of the Republic of Estonia became public, Mihkel Mutt and I were sitting in the “Donkey’s Stable” talking. Mihkel thoughtfully commented: “Lennart... as president... I like the idea. It really is an interesting idea!” At the same time, he looked around slyly, with a slight smile on his lips. His eyes reflected the course of his thoughts, in which he was already imagining Lennart Meri as president: what it might look like and how Lennart would conduct himself in that role. The “International Man” reached its readers more than two years later, in 1994, when Lennart Meri had already been president for more than a year. Opening the book, some readers were surely expecting President Meri to appear there as well—if not as a representative of the authorities, then at least as a person. But no. The international man did not emerge from the guise of Rudolpho, the head of “Office Number Four.” The reader may, of course, ask whether such a limitation might seem somewhat artificial. Most probably, it will not. President Meri was, nevertheless, a completely different person from Meri, the foreign minister. As president, he managed to surprise (astonish, shock, frighten—depending on how one perceived it) even those who knew him well in his capacity as foreign minister. He transformed himself into a president quickly and thoroughly, retaining everything that had made him an international man while at the same time acquiring the characteristics of a ruler. Lennart settled into his high office with lightning speed. So much so that some old friends stopped recognizing him, became disappointed in him, or even took offense. For many, he disappeared into an inaccessible height. Apparently, no one understood better than Lennart that an international man can be on equal terms only with international people. Mihkel Mutt, who had known Lennart closely for many years, long before the struggle for independence made them colleagues in a completely unexpected place—the world of diplomacy—must have seen in him this ability to adapt, which transformed a writer and filmmaker into a state official and minister. In any case, he experienced it firsthand, and, as the book makes clear, not always painlessly.

		Lennart knew how to combine his powerful creative energy with the authority given to him by his position as minister, and this repeatedly led his colleagues into traps. Lennart was original not only in the struggle for freedom, but also in his ability to harness his subordinates so thoroughly that their personal lives ceased to exist, while they themselves sometimes did not even understand how it had happened. Lennart knew how to manage people and sometimes used this ability simply to reinforce his authority. Naturally, this created tension in relationships. At the same time, he could easily dispel this tension with a smile peculiar to him alone, appearing on his lips at the most unexpected moment and accompanied by a pat on the shoulder and a few words of encouragement. In a fatherly manner, but never with an apology. And resentment would give way to gratitude. Perhaps it would not be worth revealing this trait of Lennart's character here if it had not had such a powerful and far-reaching effect. He could lure very influential decision-makers of international stature into this trap. At the same time, statesmen sought opportunities to exchange thoughts with Lennart Meri, yet feared finding themselves in an awkward position, which sometimes led experienced statesmen to make concessions on certain issues, taking the path of least resistance. And this was precisely what Estonia, struggling for its place in the sun, needed! Hardly any Estonian reader doubts that the international man Rudolpho is Lennart Meri. With the other characters, things are more complicated. People who worked in the Ministry of Foreign Affairs at the time, of course, recognized many of the figures. However, some characters are composite portraits, so there is no point in looking for specific prototypes in them. I will not do so either, but will adhere to the characters created by the author, allowing myself to make some additions. Although it is easy to understand from the book in which years the action takes place, the author treats time quite freely. The events of The International Man take place over a shorter period than they did in reality. In fact, independence had not yet been restored when the mission described in the book was carried out, and the citizenship law appeared on the agenda only a year later; "food soap," ration coupons, packages, and nomenklatura shops accessible only to the "privileged class" belong to the period when "Rudolpho performed his best dances" and Pax "commanded the parade." Those who look for the history of the Ministry of Foreign Affairs in "The International Man" are mistaken. The work covers only part of the numerous events

		that took place in this institution in 1990–1991. For the benefit of those who may wish to explore the subject further: Mihkel Mutt focused on striking personalities and memorable events, leaving chronology and meaningless routine aside. At times, while reading the book, one sees Kafka's "The Castle" before one's eyes, although this may simply be my own association. More chronological events take place in the second part of the book, "The Mission." But the environment, atmosphere, and human relationships that prevailed at that time in "Office Number Four" are conveyed quite accurately (although, naturally, different participants in those events may have different views of what happened). In a work of fiction, one naturally has to take into account the deliberate covering of one's tracks, especially when describing the characters and their peculiarities. Nowhere does it say that everything has to be served up to the readers on a silver platter. The overall picture corresponds absolutely accurately to the real situation, and anyone who reads the book will undoubtedly gain a more accurate idea of the Ministry of Foreign Affairs of that time than from a dry document. To bring the book and the Ministry of Foreign Affairs together, one has to immerse oneself in the atmosphere of Estonia in the early 1990s and understand what the governance of the state looked like under those conditions. In March 1990, the first relatively free elections to the Supreme Council of the Estonian SSR took place. As a result, an absolute majority was won by a diverse and rather fragmented group of people consisting mainly of the progressive intelligentsia demanding the restoration of Estonia's independence. Edgar Savisaar became head of government, the Supreme Council dropped the "SSR" designation and set course for the restoration of independence. However, the atmosphere did not change substantially. We were still held captive by the degenerating USSR, which was increasingly less capable of suppressing Estonia's desire for independence. Paradoxically, we had spiritually won our freedom, but physically we were still in chains. As is well known, such freedom is very fragile, and the axe hanging over our heads reminded us every second of what might happen if the chains began to strangle the spirit. Yet thanks to that free spirit, communication with the outside world became possible, continually expanding and multiplying; Estonian emigrants gained the opportunity to discover their homeland, while through them, Estonians at home were able for the first time to breathe the air of the free world. Thus, at the end of March 1991, it became possible to carry out the "mission."

		However, the Estonian SSR had not disappeared. No one in the world regarded Estonia as an independent state. Although in diplomatic circles they assured us that the Soviet occupation and annexation were not recognized and that the policy of non-recognition continued, in practice, this awkward circumstance was avoided in every possible way. The government of the Republic of Estonia was treated in the same way as the government of any other Soviet republic—as the governing body of a local administrative unit whose "separatist activity" deserved condemnation rather than support, since it undermined the position of the West's favorite, Mikhail Gorbachev, and threatened perestroika. The Estonian government operated according to the state structures and constitution of Soviet times. Since the "guiding and directing force"—the Communist Party of Estonia, the territorial branch of the CPSU—had disappeared, a situation arose in which the government was headless and could not cope with affairs without the guidance of the Central Committee. The separation of powers characteristic of parliamentary democracy, as well as the unity of a state apparatus free from ideology, did not fit into the Soviet system, and the new government could not—or perhaps did not want to—change this. In any case, the ministries remained administrative bodies in their respective spheres, and ministers remained "middle-level managers," as before. In such a system, the Supreme Council had nothing left to do but unanimously approve the decisions put forward. But the Supreme Council no longer obeyed, and after only a few months, Edgar Savisaar found it very difficult to make decisions. In post-Soviet Estonia, a confederation of institutions emerged in which each ministry demanded full authority in its own sphere, but there was still no unified state administration; interdepartmental coordination was extremely weak. Instead of reorganizing the government in the spirit of parliamentary democracy, the head of government decided to restore the coordinating "roof" of the Soviet era under a new name. The State Chancellery took over the function of the Central Committee, creating departments that were directly subordinate to the prime minister and that directed and divided the activities of the ministries. Little came of the coordination, but many problems arose, and ministers suddenly stopped understanding why they were needed at all. Paradoxically, some ministries found themselves in opposition to the prime minister and the State Chancellery. The success of a ministry's work depended on how well the minister got along with the head of government and sometimes on how well he knew how to present himself.

		The Ministry of Foreign Affairs was caught up in this turmoil as well. In the Estonian SSR, as was the case in all Soviet republics, the Ministry of Foreign Affairs was essentially a KGB consulate that issued foreign passports and exit visas and dealt with Estonians from abroad who came to visit relatives in their homeland. The primary task of Lennart Meri, who became foreign minister in Savisaar's government, was to create a new ministry virtually from scratch (or, if we take continuity into account, to restore it). Since Estonians with diplomatic experience could be counted on the fingers of one hand, and those people worked in the Soviet Ministry of Foreign Affairs, Lennart Meri had to find people with whom this could be accomplished. The restored Ministry of Foreign Affairs of Estonia literally absorbed educated young people who had no burden of the Soviet past behind them and who spoke foreign languages. Thus, recognized cultural figures, including Mihkel Mutt, "young politicians," and Estonians living abroad, found themselves in the diplomatic field. There were also some of the Soviet diplomats already mentioned, whose Estonian language had become rusty after long service to a foreign state, and who could not understand why Estonia did not want to remain part of the Soviet Union. The situation was reminiscent of 1918–1919, when a lack of diplomatic experience was compensated for by love of the homeland and a broad outlook. A ministry staffed in this way could not develop a routine style of work resembling the smoothly functioning state machinery of some country with long-established traditions—not even that of the Estonian Ministry of Foreign Affairs of the 1930s. Rather, it was a creative collective in which academic freedom prevailed instead of bureaucratic discipline. This style of work was appropriate to a situation in which Estonia had no established diplomatic relations and had to react quickly to all kinds of initiatives coming from Moscow; it had to tell the world about Estonia's history, its legal status, the aspirations and wishes of its people, and find international support. A rigid bureaucratic machine made up of moss-covered officials would hardly have handled this successfully. The Ministry of Foreign Affairs needed people who knew enough about Estonian history and could communicate convincingly both with foreign publics at the official level and through the press. And Lennart Meri found such people. Through the mouth of the main character, Mihkel Mutt describes the tension that prevailed in the "office." And there really was tension, although it was not quite so dramatic. To

		some extent, it was caused by differences between generations, but above all, it arose from differences in ways of thinking and worldviews. Unfortunately, these differences manifested themselves in matters of fundamental importance, right down to the question of which path Estonia should take in restoring independence, whom to orient itself toward, whom to rely on, and where to seek allies. In reality, there was a gulf between different views of whether we should rely on Moscow's mercy, doing everything possible to "appease" it and certainly not irritate it, or whether we should act actively in the free world, bringing the Estonian question to the attention of the international public as decisively as possible, without regard for what Moscow thought. Particularly sharp disagreements arose between the "young politicians" and the former diplomats for a very simple reason: the young politicians simply did not trust the diplomats of the Chicherin school. Certain steps taken by the diplomats toward the East, which meant anything but equal partnership, added fuel to the fire of distrust. Perhaps this distrust was somewhat exaggerated, and these initiatives were not directed against Estonia, but arose out of a habit of dealing with Moscow comrades as masters. Lennart shared this distrust, and as a result, all the diplomats' initiatives were reviewed through the eyes of the "young politicians" before being put into practice. The diplomats lived in voluntary isolation: they communicated with very few people and left their offices only when absolutely necessary. There was no tension with Estonians living abroad. At times, mutual intellectualizing could be irritating, because both the young politicians and the Estonian diaspora had an extremely high opinion of themselves when conversations were limited to lectures that usually ended with each person remaining convinced of their own opinion. But their goals were shared. There was practically no contact between the diplomats and Estonians abroad. Both sides avoided each other so thoroughly that there was not even any friction. Paradoxically, the "young politicians" sometimes became intermediaries between the diplomats and the Estonian diaspora. Lennart's style of managing the ministry was certainly not conventional; above all, he remained a visionary and never became an administrator. Naturally, one cannot say that the spirit failed to cope with power. Lennart knew how to use power, and very well indeed. All the more tragic was it for the bureaucratic soul accustomed to carrying out the orders of superiors without question to work alongside him. And when an order could not be carried out for some reason, the official was ready to put a noose around his neck.

		Lennart's statements that there had been no lunch break during the War of Independence and that one had to work twenty-five hours a day were not intended to be carried out, but rather as food for thought. Lennart often "forgot" an order he had given almost immediately and was almost never angry if it remained unfulfilled. Moreover, Lennart sometimes deliberately gave assignments that were impossible to complete. But nobody abused this. Most of the employees of the Ministry of Foreign Affairs worked with genuine enthusiasm, often at the very limits of their abilities. Lennart was more likely to pressure those who bent over backward to carry out unrealistic assignments, but he left alone those who simply did not complete them. Although he did not particularly tolerate objections, he accepted "forgetfulness" calmly. Because Lennart could not stand stupidity and was firmly convinced that anyone trying to accomplish the impossible must be stupid. Lennart did not particularly recognize hierarchy. When communicating with his subordinates, he deliberately ignored it from time to time, provoking envy and resentment among officials—for example, by walking past some department head without paying him the slightest attention. He was perfectly aware of his position, and he always considered personal relationships in his ministry more important than official ones. He preferred to communicate on a personal level even in strictly professional matters, and many colleagues were left with the impression that he treated them not as colleagues but as friends. This was the case, for example, with the "young politicians," despite the considerable age difference, and the relationships were not always harmonious. Both sides knew how to be capricious and often spoke frankly about one issue or another. Although Lennart often spoke about discipline, in reality, his working style frequently contradicted these statements; or rather, he left the matter to his subordinates' discretion. At the same time, he could call someone at home at three in the morning, talk for two hours, and end the conversation with the words: "Please be so kind as to call Gensher immediately and tell him to submit this matter to the government of the Union Republic tomorrow." After all, the ministry had to work twenty-five hours a day. Lennart had a habit of being late quite often, and this drove his employees into a fury. In retrospect, it is even difficult to determine whether this was due to absent-mindedness or whether it was a weapon he used to assert himself. In situations where he absolutely could not be late, he was never late. But if there was even the slightest

		possibility of making people wait and demonstrating to them that they could not do without Lennart, he would be late indefinitely. Airplanes and ships waited for him, diplomats from foreign countries and politicians, and, most of all, of course, his employees. What was remarkable was that the more people hurried Lennart, the slower he became. In this way, he quickly made it clear to those close to him that there was absolutely no point in rushing him. In reality, he always knew very well when and where he needed to be. It is clear that the Ministry of Foreign Affairs did not fit the post-Soviet government system in the slightest. The ministry's employees adhered to values completely different from those of most people in power, and very soon they came into conflict with the head of government and the State Chancellery. At times, it seemed that the Ministry of Foreign Affairs and the government had different tasks and lived in different states. The Ministry of Foreign Affairs was guided firmly by the principle of continuity, and all foreign relations were based on this principle. At every opportunity, it emphasized that the issue on the agenda was not secession from the Soviet Union but the restoration of independence through the termination of occupation and annexation. Therefore, Estonia's aspiration for independence could in no way be regarded as an attempt to destroy the territorial integrity of the Soviet Union or as opposition to Gorbachev's perestroika, since that was an internal matter of another state. Nor could Estonia be treated on the same basis as the other Soviet republics (obviously, this did not apply to Latvia and Lithuania), because restoration of independence through restitution was neither relevant nor possible in their case. The government, however, continued to remain in tactical opposition to the central authorities, like any union-republic government. In words, it defended the restoration of independence, while in practice, it seemed as though it intended to remain in the Soviet Union forever. There were frequent cases when messages issued by the Ministry of Foreign Affairs and by other institutions contained diametrically opposite positions. Such wilfulness was repeatedly a thorn in the side both of the head of government (Mihkel Mutt vividly describes one such episode in the chapter in which Pax comes to inspect the office) and of the Supreme Council's Foreign Affairs Committee. In a normal state, such independent action would have been unthinkable, just as it is unthinkable in present-day Estonia. Yet who knows—if this wilfulness had not

		existed at that moment, perhaps we would now be living in a completely different Estonia and a completely different world... Incidentally, the realization that we were living in an independent state reached most representatives of the bureaucratic apparatus only with difficulty, even after August 20, 1991, when diplomatic relations with foreign countries were restored, and Estonia once again found itself in the flow of international relations. They still lived under the influence of instructions coming from Moscow (which, even in Moscow's own view, were no longer in force in Estonia), tried to get onto "foreign" courses intended for Soviet officials, concluded agreements on equal terms with Russian regions, and when visiting the Soviet Union, pulled Soviet passports out of their pockets so as not to pay the prices charged to foreigners in museums and hotels. The USSR continued to live in the souls of many officials, and it did so for quite some time. Now that Lennart Meri has passed away, attempts to mythologize him are appearing ever more frequently. Surely every nation needs its myths, but it seems to me that those who knew Lennart would have preferred him to remain what he was—a flesh-and-blood person with all his strengths and shortcomings. To remember a person, there is no need to dress him up in myths and legends, create a cult, and worship him. Lennart did enough to ensure that he would be remembered. The International Man is one of those books that immortalizes Lennart in the people's memory. Although his name is never mentioned in the text, nor is there any Ministry of Foreign Affairs there, this book will, in the future, provide a profound understanding of the past, of an unusual minister and an extraordinary ministry that played a significant, perhaps even decisive, role in restoring Estonia's independence as a democratic parliamentary state inseparably connected with the West. The International Man is perhaps the first book to describe life in post-Soviet Estonia, recalling empty shop shelves and Brezhnev-era food packages, ration coupons and shopping cards; recalling that in the name of freedom we were prepared to eat potato peelings, yet only a couple of years later that willingness was replaced by demands for a Swedish standard of living and complaints that this was not the Estonia we had imagined. People cannot spend their entire lives on the barricades; they need prosperity. But let us not forget that without freedom, prosperity will forever remain unattainable.

					Mart Nutt Cover Mihkel Mutt's novel "The International Man" (1994) tells the story of the restoration of Estonia's independence. Although it is a work of fiction written in the grotesque and at times feuilleton-like style so characteristic of the author, the main events and characters depicted in it are nevertheless quite historical in nature. The action revolves around Estonia's return to the map of the world. At the center of the events are Estonian diplomats striving to restore Estonia's independence, whose chief is unmistakably the unusual international man Lennart Meri, who later became head of state. In 1991–1992, Mihkel Mutt worked as head of the Information Bureau at the Ministry of Foreign Affairs during Meri's tenure, and The International Man was born out of the experience he gained there. This humorous work simultaneously examines the problems of history, Estonia, a free society, and statehood. Over time, a book that was once topical has become a historical work. In 1997, the novel was translated into Finnish. Mihkel Mutt was born in 1953. He studied in the literary class of Tartu Secondary School No. 8. In 1976, he graduated from the University of Tartu with a degree in Estonian philology. Mutt worked as an editor at the publishing house Eesti Raamat, then at the journal *Looming*; he was head of the literary department at the Youth Theatre and editor-in-chief of the newspaper *Sirp*. He currently works as editor-in-chief of *Looming*. He is a literary critic and prose writer, and the author of collections of short stories and novels, as well as books for children.
54.	2012	Samet ja saepuru ehk Seltsimees laps ja kirjatähed	Leelo Tungal	Novels	Бархат и опилки, или товарищ ребёнок и буквы / Velvet and sawdust, or Comrade Child and letters
	n/a				n/a
	n/a				n/a
55.	2012	Vana Toomase legend: üks äraütlemata põnew luggu	Gert Helbemäe	Short stories	Легенда о Старом Тоомасе: несказанно увлекательная история / The Legend about Old Toomas, a very amuzing story
	Need, kes Tallinnas elavad, tunnevad teda hästi. Ja Tallinna külastajail tuleb vaid Raekoja platsil pisut kaela sirutada, et teda näha. Jutt on nimelt Vanast Toomast, sõjasulase kujust, kes seisab omal kohal Raekoja torni tipus juba üle				Жители Таллинна прекрасно знакомы с ним. А приезжим достаточно прийти на Ратушную площадь, слегка задрать голову – и вот он во всей своей красе. Речь идет о Старом Тоомасе, фигурке воина, который стоит на своем месте на верхушке башни Ратуши уже больше четырехсот лет, расставив ноги, с мечом

	neljasaja aasta: jalad harkis, mõõk vööl, lipp käes, kaabu uhkelt kuklas. Just nagu valvaks ta sealt ülalt, et vaenlane ei saaks salaja linnale läheneda... Vana Toomas on nelja sajandi jooksul täitnud päevast päeva kohusetruult ka oma otsest ülesannet: näidanud tallinlastele, kust poolt tuul puhub – kas lõunast või põhjast, idast või läänest. Sest niisama truu ja vankumatu nagu Toomas oli kord elusa sõjasulasena, on ta ka kujuna. „Kuidas," küsite, „kas siis sõjasulane Toomas tõesti kord on elanud?" Nii küsisin minagi. Ja otsisin vastust vanadest tolmunud ürikutest, kuni leidsin... Kas teate, miks kannab Tallinna raekoja tuulelipp nime Vana Toomas? Vastuse leiate sellest vahvast ja värviküllaste piltidega raamatust, mis jutustab Teile põneva loo vaprast sõdurist Toomasest ja tema seiklustest Tallinna linna kaitsmisel.	на поясе и в лихо сдвинутой на затылок шляпе. Словно он там, наверху, бдительно следит за тем, чтобы враг не посмел приблизиться к городу. Старый Тоомас все эти четыре столетия день ото дня образцово выполняет и свою непосредственную обязанность: указывать таллиннцам, откуда дует ветер – с юга или севера, с востока или запада. Изображение Старого Тоомаса такое же верное и непреклонное, как он сам при жизни. - Так значит, воин по имени Тоомас в самом деле когда-то жил? – спросите вы. Я тоже задавал себе этот вопрос. И ответ на него отыскал в старинных, покрытых пылью веков документах. Знаете ли вы, почему флюгер на Таллиннской ратуше называется Старый Тоомас? Ответ найдете в этой увлекательной и красочно иллюстрированной книге, которая поведает вам захватывающую историю об отважном солдате Тоомасе и его подвигах при защите Таллинна.
	Those who live in Tallinn are well acquainted with him. And visitors to Tallinn need only stretch their necks a bit in Town Hall Square to see him. We're talking about Old Thomas, the figure of a soldier who has stood in his place at the top of the Town Hall tower for over four hundred years: legs apart, sword at his belt, flag in hand, hat proudly cocked. It's as if he's keeping watch from up there to ensure the enemy doesn't sneak up on the city... Old Thomas has faithfully fulfilled his direct duty day after day for four centuries: showing the people of Tallinn which way the wind is blowing - from the south or north, east or west. For just as loyal and steadfast as Thomas once was as a living soldier, so too is he as a figure. "But," you ask, "did a soldier named Thomas once live?" I wondered the same. And I searched for the answer in old, dusty documents until I found it...	The residents of Tallinn are well acquainted with him. But for newcomers, it's enough to come to Town Hall Square, slightly tilt their heads - and there he is in all his glory. We're talking about Old Thomas, the figure of a warrior who has stood in his place at the top of the Town Hall tower for over four hundred years, with his legs apart, a sword at his belt, and a jauntily cocked hat on his head. It's as if he's up there, vigilantly watching to ensure no enemy dares approach the city. Old Thomas, for all these four centuries, day by day, diligently fulfills his immediate duty: indicating to the people of Tallinn which way the wind is blowing - from the south or north, east or west. The depiction of Old Thomas is as faithful and unyielding as he was in life. "So, did a warrior named Thomas once live?" you might ask.

	Do you know why the weathervane on Tallinn's Town Hall is named Old Thomas? You'll find the answer in this cheerful and colorful illustrated book, which tells you the exciting story of the brave soldier Thomas and his adventures in defending the city of Tallinn.				I, too, asked myself this question. And I found the answer in ancient, dust-covered documents of bygone centuries. Do you know why the weathervane on Tallinn's Town Hall is called Old Thomas? You'll find the answer in this fascinating and vividly illustrated book, which will tell you the captivating story of the brave soldier Thomas and his exploits in defending Tallinn.
56.	2012	Vahva Toomas: Vana Toomase legend	Tiia Mets	Children's literature	Храбрый Тоомас: легенда старого Таллинна, история о маленьком храбром мальчике, который вырос и стал спасителем города Таллинна во время Ливонской войны / Brave Toomas: the legend of Old Tallinn, a story of a boy who saved Tallinn during the Livonian war
	1563. aastal 450 aastat tagasi sai Tallinna Pühavaimu kiriku diakoniks Baltasar Russow – mees, keda eestlased tunnevad ka Jaan Krossi romaanist „Kolme katku vahel". Russow elas keerulisel ajal, mil Vana-Liivimaa oli lagunemas ja Ivan Julm soovis laiendada Moskva tsaaririigi võimu Liivimaal. Tallinna piiramisest 1577. a kirjutas Russow pikalt ja põhjalikult „Liivimaa kroonikas" (1578). Gert Helbemäe lisas oma lastejutus „Vana Toomas" sõjasündmustele romantlist hõngu. Tiia Metsa ajastutruud illustratsioonid ja lihtne jutustus toovad ammused värvikad ajad taas noorte lugejate ette. Tiia Mets: „See raamat on kummardus ja austusvaldus Meistritele, kes on jäädvustanud tulevastele põlvedele oma mõtteid, tundeid ja arusaame. Ajalugu".				В 1563 году, 450 лет назад, дьяконом Таллиннской церкви Святого Духа стал Балтазар Руссов – человек, которого эстонцы знают по роману Яана Кросса «Между тремя поветриями». Руссов жил в трудное время, когда старая Ливония распалась, и Иван IV хотел укрепить в Ливонии царскую власть Москвы. Осаду Таллинна в 1577 Руссов подробно и основательно описал в «Ливонской хронике» (1578). Герт Хелбемяэ привнес в свою детскую историю «Старый Тоомас» дух военной романтики, а простой рассказ и соответствующие эпохе иллюстрации Тийи Метс приближают юного читателя к красочным старым временам. Тийя Метс: «Эта книга – поклон и выражение почтения Мастерам, которые запечатлели для будущего поколения свои мысли, чувства и представления. Историю».
	In 1563, 450 years ago, Balthasar Russow became the deacon of the Holy Spirit Church in Tallinn – a man known to Estonians also from Jaan Kross's novel "Between Three Plagues." Russow lived during a tumultuous time when Old Livonia was disintegrating, and Ivan the Terrible sought to expand the power of the Moscow Tsardom in Livonia. Russow wrote extensively and in detail about the Siege of Tallinn in 1577 in his "Chronicle of Livonia" (1578). Gert Helbemäe added a romantic touch to the war events in his children's story "Old Toomas." Tiia Mets' historically				In 1563, 450 years ago, Balthasar Russow became the deacon of the Holy Spirit Church in Tallinn – a man known to Estonians through Jaan Kross's novel "Between Three Plagues." Russow lived during a difficult time when Old Livonia was disintegrating, and Ivan IV sought to establish Moscow's tsarist power in Livonia. Russow described the Siege of Tallinn in 1577 in detail in his "Chronicle of Livonia" (1578). Gert Helbemäe brought a spirit of military romance to his children's story "Old Toomas," while Tiia Mets' simple narrative and era-appropriate illustrations bring the colorful old times closer to young readers.

	accurate illustrations and simple narrative bring these colorful times back to young readers. Tiia Mets: "This book is a tribute and homage to the Masters who have recorded their thoughts, feelings, and understandings for future generations. History."				Tiia Mets: "This book is a tribute and expression of respect to the Masters who have captured their thoughts, feelings, and understandings for future generations. History."
57.	2012	Direktor	Andres Anvelt	Novels	Директор: история приватизации одного рынка / The Director: one market privatization story
	Cover Andres Anvelt, kunagine Keskkriminaalpolitsei direktor ja politseikolledži juht, avaldas oma esikromaani „Punane elavhõbe“ 2007. aastal. Kolme aastaga müüs see menuraamat 6000 eestikeelset ja 1000 venekeelset koopiat. 2010. aasta kevadel linastus Eesti kinoekraanidel ka samanimeline mängufilm, mis tõi kinosaalidesse ligi 30 000 vaatajat. „Direktor. Ühe turu erastamise lugu“ on jätkuks Andres Anvelti senisele loomingule, mis on inspireeritud meie kodumaa kriminaalsest ja ärevast lähiminevikust. Rohkem autorist ja autorilt: www.andresanvelt.com Kirjastus Randvelt on uus tegija Eesti kirjastusmaastikul. Meie mission on uute ja avangardilistike eesti kirjanike teoste avaldamine nii klassikalises pabervormis kui ka innovaatlise e-raamatuna. Vaata lisaks: www.raamatukirjastus.eu „Direktor. Ühe turu erastamise lugu“ on tragikoomiline põnevusromaan, mis heidab pilgu 90ndate lõpu äri, poliitika ja organiseeritud kuritegevuse hämarasse maailma. Maailma, kus kõigi kolme nähtuse seosed ja toimimisloogika on äravahetamiseni sarnased. Eriti aplaks muudab kõigi kolme valdkonna esindajad esimene suurem majanduskriis Vene börsikrahh, lootus napsata oma osa suurimast sularahamasinast Tallinna Kesklinna turust ning inimelu jätkuvalt madal hind. Kuigi punast elavhõbedat enam ei müüda ja vägivalt on tänavatelt taandumas, on inimesed ikka valmis üksteist reetma, vihkama ja hävitama ning seda kõike ühel eesmärgil – surra rikkana! Raamat				Cover Андрес Анвельт, бывший директор Центральной криминальной полиции и глава Полицейского колледжа, а ныне – депутат Эстонского парламента, опубликовал свой первый роман «Красная ртуть» в 2007 году. За три года он разошелся тиражом в 6000 экземпляров на эстонском языке и в 1000 – на русском. Весной 2010 года в Эстонии состоялась премьера одноименного художественного фильма, который посмотрели более 30 тысяч зрителей. «Директор. История приватизации одного рынка» – продолжение творчества Андреса Анвельта, вдохновленного не столь отдаленным криминальным и беспокойным прошлым Эстонии. Больше информации об авторе и от автора: www.andresanvelt.com «Директор. История приватизации одного рынка» – остросюжетный роман, не без юмора повествующий о закулисье бизнеса, политики и организованной преступности конца 90-х в Эстонии. Герои этих трех миров схожи до степени смешения, настолько порой одинаковы их поступки и логика действий. Они переходят всякие границы после первого крупного кризиса, вызванного российским дефолтом 98-го года, когда при все еще необыкновенно низкой цене человеческой жизни главным становится стремление урвать кусок побольше с главного таллинского рынка – машины по выкачиванию наличных денег. И хотя красную ртуть больше не продают, а насилия на улицах становится меньше, люди все так же готовы предавать, ненавидеть и уничтожать друг друга ради одной цели – умереть богатым! Книга рассказывает о формировании эстонской политики, бизнес-элиты и организованной преступности в первое десятилетие независимости.

	annab lugejale edasi autori nägemuse nii Eesti poliitika, ärieliidi kui ka organiseeritud kuritegevuse kujunemisest iseseisvuse esimesel kümnendil.				
	Andres Anvelt, the former director of the Central Criminal Police and head of the Police College, published his debut novel "Red Mercury" in 2007. Within three years, this bestseller sold 6,000 copies in Estonian and 1,000 copies in Russian. In the spring of 2010, the eponymous feature film premiered in Estonian cinemas, attracting nearly 30,000 viewers. "Director: The Story of Privatizing One Market" is a continuation of Andres Anvelt's previous works, inspired by the criminal and tumultuous recent history of our homeland. For more about the author and from the author: www.andresanvelt.com Randvelt Publishing is a new player in the Estonian publishing landscape. Our mission is to publish works by new and avant-garde Estonian writers in both traditional paper form and innovative e-books. For more information, visit: www.raamatukirjastus.eu "Director: The Story of Privatizing One Market" is a tragicomic thriller that peeks into the murky world of business, politics, and organized crime in the late 90s. It's a world where the connections and logic of all three phenomena are indistinguishable. What makes it even more absurd is the first major economic crisis, the Russian stock market crash, the hope to grab a piece of the biggest cash machine in Tallinn's Central Market, and the continuing low value of human life. Although red mercury is no longer sold, and violence is dwindling from the streets, people are still willing to betray, hate, and destroy each other, all for one goal – to die rich! The book conveys the author's vision of the formation of Estonian politics, business elite, and organized crime in the first decade of independence.				Andres Anvelt, the former director of the Central Criminal Police and head of the Police College, now a member of the Estonian Parliament, published his first novel, "Red Mercury," in 2007. Within three years, 6,000 copies in Estonian and 1,000 in Russian were sold. In the spring of 2010, Estonia saw the premiere of the eponymous feature film, which was watched by over 30,000 viewers. "Director: The Story of Privatizing One Market" is the continuation of Andres Anvelt's work, inspired by Estonia's not-so-distant criminal and turbulent past. More information about the author and from the author: www.andresanvelt.com **Cover** "Director: The Story of Privatizing One Market" is a thrilling novel, infused with humor, that delves into the backstage of business, politics, and organized crime in late 90s Estonia. The characters from these three worlds are so similar to the point of being interchangeable that their actions and logic are sometimes indistinguishable. They cross all boundaries after the first major crisis caused by the Russian default of '98, when, at an exceptionally low price for human life, the main goal becomes grabbing a larger piece of the main market in Tallinn – the cash extraction machines. Even though red mercury is no longer sold, and street violence is decreasing, people are still willing to betray, hate, and destroy each other for one goal: to die rich! The book tells the story of the formation of Estonian politics, the business elite, and organized crime in the first decade of independence.
58.	2012	Ebatavaline ja ähvardav loodus	Mehis Heinsaar	Short stories	Волшебный и грозный мир природы: рассказы / Magic and dangerous world of nature
	“Sa tead, et praegu võib teadus anda vastuse kõikidele või peaaegu kõikidele küsimustele. On üks või teine probleem hästi läbi uuritud, on ka vastus täielik ja ammendav; alati pole see aga nii, kuna looduses on veel küllatki palju				За истекшие века и тысячелетия человек многое познал в этом мире. То, что ранее казалось таинственным и непостижимым, ныне стало понятным или доступным для изучения. Но природа еще многое скрывает от человека.

	lahendamata küsimusi. Ja sul pole vaja selle üle imestada – see, mida täna veel ei ole tundma õpitud, saab selgeks homme“. Aleksandr Pavlovitš Muranov, „Ebatavaline ja ähvardav loodus” Mehis Heinsaar (sündinud 1973), sünnilt lääne-eestlane ning elurütmilt lõunaeestlane, on seni avaldanud viis raamatut: kaks jutukogu, kaks romaani ja ühe luuleraamatu. Oma elamise aega jaotab ta võrdsetes kogustes Tartu ja Mulgimaa vahel. Olles pälvinud küll mitmeid kirjandusauhindu ja saavutanud tunnustatud kirjaniku staatuse, tunneb autor siiski üha tugevamat tõmmet tihnikute poole.	Разгадать ее тайны, познать закономерности, по которым она живет и развивается, чтобы еще в большей мере пользоваться ее дарами, – такова задача сегодняшнего и завтрашнего дня. Александр Павлович Муранов, «Волшебный и грозный мир природы». Если вы мечтаете совершить туристическую поездку в Макондо, но до сих пор не накопили на нее денег, то это книга для вас. Один из самых загадочных писателей Эстонии – Мехис Хейнсаар – откроет вам волшебный и грозный мир эстонской природы, где все не так, как вы думаете, а совы не те, кем они кажутся. Мехис Хейнсаар (р. 1973 г.) и живет так же, как пишет. Автор пяти книг прозы и двух поэтических сборников, обладатель пяти разных премий Эстонии (в том числе трижды – лауреат премии Фридеберта Тугласа за лучшую новеллу) скрывается от паблисити в буквальном смысле слова в лесу, почти не пользуется мобильным телефоном и регулярно меняет адрес своей электронной почты.
	"You know, science can answer all or almost all questions now. Some problems are well-researched, and the answers are complete and exhaustive, but it's not always the case because there are still many unanswered questions. And you don't need to wonder about it – what is not yet known today will become clear tomorrow." Aleksandr Pavlovich Muranov, "Unusual and Menacing Nature" Mehis Heinsaar (born 1973), originally from Western Estonia but living the rhythm of life in Southern Estonia, has so far published five books: two collections of short stories, two novels, and one book of poetry. He divides his time equally between Tartu and Mulgimaa. Despite winning several literary awards and achieving recognized status as a writer, the author feels an increasingly strong pull towards the thickets.	Over the past centuries and millennia, humans have discovered much about this world. What once seemed mysterious and incomprehensible has now become clear or accessible for study. However, nature still conceals much from us. Unveiling its secrets, understanding the patterns by which it lives and develops, and utilizing its gifts to an even greater extent – this is the task of today and tomorrow. Alexander Pavlovich Muranov, "The Magical and Formidable World of Nature". If you dream of taking a trip to Macondo but haven't saved up for it yet, this book is for you. One of Estonia's most enigmatic writers, Mehis Heinsaar, will introduce you to the magical and formidable world of Estonian nature, where nothing is as it seems and owls are not what they appear to be. Mehis Heinsaar (b. 1973) lives as he writes. The author of five prose books and two poetry collections, and the recipient of five different Estonian awards (including three times the Friedebert Tuglas Short Story Award), he literally hides from publicity in the forest, rarely uses a mobile phone, and regularly changes his email address.

59.	2012	Kõrvetavate silmade juhtum. Eesti novell 2000-2012	Mehis Heinsaar, Maarja Kangro, Mart Kivastik, Andrus Kivirähk, Jaan Kruusvall, Viivi Luik, Rein Põder, Asta Põldmäe, Aive Raudkivi, Tarmo Teder, Mats Traat, Ülo Tuulik, Arvo Uustalu, Arvo Valton, Rein Veidemann, Sirje Vihma-Normet, Toomas Vint, Tõnu Õnnepalu, Ervin Õunapuu	Short stories	Казус пристального взгляда: эстонская новелла 2000–2012 / Estonian novella of 2000–2012

	n/a	Об авторах АРВО ВАЛТОН (псевдоним Arvo Vallikivi, род. 1935) – по первой специальности горный инженер. В 1967 году окончил ВГИК и связал свою жизнь с литературным творчеством. Считается основоположником новой эстонской малой прозы. Автор новелл, романов, миниатюр, стихов, пьес, киносценариев и либретто. На русском языке опубликованы сборники новелл и рассказов «Ночь без происшествий» (1965), «Странное желание» (1970), «В чужом городе» (1985), «Возлюбленная дьявола» (1987), роман «Пути сходятся в вечности» (1989). Первая публикация на русском языке новелл «Трамвай» и «Испытание на гибкость» – в журнале «Вышгород» (2005, №J 5). РЕЙН ВЕЙДЕМАНН (Rein Veidemann, род. 1946) – литературовед, прозаик, публицист, журналист, профессор Таллиннского и Тартуского университетов. Выпустил книгу «Коллоквиум по эстонской литературе» в переводе Марины Тервонен (Таллинн: КПД, 2007). Первая публикация на русском языке новеллы «Бетти» – в журнале «Вышгород» (2007, № 7–2). ТООМАС ВИНТ (Toomas Vint, род. 1944) – писатель и художник, лауреат литературных премий. На русском языке вышли книги «Остановка в городе» (1981), «Возвращение» (1988). Первая публикация на русском языке новеллы «За окном темнеющий парк» – в журнале «Таллинн» (2006, № 1–2). СИРЬЕ ВИХМА-НОРМЕТ (Sirje Vihma-Normet) – музыкальный критик, автор детских книг и новелл. Благодаря ее стараниям увидела свет двухтомная монография ее мужа, композитора и музыковеда Лео Нормета (1922–1995) «Симфонии Сибелиуса» (Таллинн: Aleksandra, 2011). Первая публикация на русском языке новелл «Осколки Старого города» – в журнале «Таллинн» (2010. № 1-2) и «Книга о Сибелиусе и дьяволы из Людена» (2012, № 7–2) МААРЬЯ КАНГРО (Maarja Kangro, род. 1973) – переводчик с английского, итальянского и немецкого, поэт. В 2011 году за книгу новелл «Макаки и солидарность» (Ahvid ja solidaarsus на эст. яз) удостоена премии фонда Eest1 Kultuurkapital (Эстонский капитал культуры), в том же году за новеллу «48 часов» (48 tundi на эст яз.) получила премию им. Фридеберта Тугласа. Первая

		публикация на русском языке новеллы «Стипендиатка» – в журнале «Таллинн» (2012, № 1-2). МАРТ КИВАСТИК (Mart Kivastik, род. 1963) – прозаик и драматург. Получил музыкальное и филологическое образование. Его пьеса «Костер Савонаролы» (перевод Бориса Туха) опубликована в одноименном сборнике новейших эстонских пьес (Таллинн, Aleksandra, 2006). Первая публикация на русском языке новеллы «Автопортрет с женой и лошадью» – в журнале «Таллинн» (2011, № 1–2) АНДРУС КИВИРЯХК (Andrus Kivirahk, род 1970) – один из самых популярных современных эстонских писателей. Прозаик, драматург, автор детских книг, публицистических статей в периодике. На русском языке опубликованы романы «Ноябрь, или Гуменщик» (2008) и «Былое как Голубые горы. Мемуары Ивана Орава» (2012) – оба вышли в издательстве Aleksandra в переводе Татьяны Верхоустинской, книги для детей «Лотте» (2009, в переводе Марины Тервонен), «Лимпа и пираты» (2009, в переводе Елены Балясной), «Жираф» (2008) и «Сирли, Сийм и секреты» (2008) – обе в издательстве «КПД» в переводе Бориса Туха. Первая публикация новелл на русском языке – в журнале «Таллинн»: «Петушок из букваря» (2009, № 1–2), «У ворот ада» (2010, № 5–6), «Я – Бог» (2017, № 3–4). ЯАН КРУУСВАЛЬ (Jaan Kruusvall, 1940-1992) – прозаик, поэт, сценарист. Впервые переводы его миниатюр увидели свет в сборнике «Эстонская молодая проза» (1978). Большой зрительский интерес вызвали его пьесы «Цвета облаков» (1983) и «Тихая волость» (1987). Первая публикация на русском языке новеллы «Зима. Душе зябко» – в журнале «Вышгород» (2008, № 1–2). ВИЙВИ ЛУЙК (Viivi Luik, род. 1946) – поэт и прозаик. В переводе Норы Яворской опубликована книга избранных стихов «Большие деревья» (1978), в переводе Светлана Семененко вышли ее поэтический сборник «Рука человеческая» (1984) и книга детских стихов «Домашние дети» {1985). Роман «Седьмая мирная весна» в переводе Елены Каллонен опубликован в 1988 году. Первая публикация на русском языке новеллы «Свой дом» (из книги «Театр теней») – в журнале «Таллинн» (2012, № 5–6).

		РЕЙН ПЫДЕР (Rein Põder, род. 1943) – автор десятка книг прозы и детских рассказов. В 1990 году московское издательство «Детская литература» подготовило к печати его книгу «Горящее колесо» с иллюстрациями Маарьи Ваннас, но в связи с распадом СССР выпуск не состоялся. Рассказ «Гильза» – из того так и не увидевшего свет сборника. Первая публикация на русском языке новеллы «Свет липовых аллей» – в журнале «Вышгород» (2008, № 1–2). АСТА ПЫЛДМЯЭ (Asta Põldmae, род. 1944) - прозаик и переводчик. Окончила историко-филологический факультет Тартуского университета и Московский институт иностранных языков (испанист). Лауреат литературных премий. На русском языке издано «Путешествие в утро» (1979) и сборник «И меркнет свет» (2002). Первая публикация на русском языке новелл «Письма ласточкам» – в журнале «Вышгород» (2009. NO 6), «Миниатюры: Дешевые товары. Зарвавшаяся зима. Сестры Временчивые. Три экзерсиса об ослах» (2002, № 1–2). АЙВЕ РАУДКИВИ (Aive Raudkivi, 1967–2004). Из 36 лет своей жизни последние пять Айве провела в стенах больницы с неизлечимым диагнозом: миастения. Эта болезнь поражает мышцы, однако заболевание осложнилось перенесенным клещевым энцефалитом – Айве потеряла способность двигаться, есть, говорить. От полной безысходности ее спасала только поддержка близких и вера в Бога. А потом настал момент, когда все изменилось. Она обрела способность выражать свои чувства благодаря ноутбуку, на котором писала письма родным и знакомым. То, что вначале было лишь способом хоть чем-то занять себя, постепенно превратилось в нечто большее: тексты переходили из рук в руки, вселяя надежду в больных и немощных. 16 писем из больничной палаты стали своеобразным свидетельством силы и воли, духовной победы над недугом. Первая публикация писем на русском языке – в журнале «Радуга» (2002. № 1) и «Вышгород» (2010, № 7–2). ТАРМО ТЕДЕР (Tarmo Teder, род. 1958) – прозаик, поэт, сценарист. По мотивам его произведений на Эстонском телевидении поставлен спектакль «Жилища» (1989), снят мультфильм «Уход» (1990), а в 1990–1992 годах – 13-серийный мультфильм «Опасные полеты». «Рождение поэта» в переводе Светлана Семененко опубликовано в журнале «Радуга» (2002, № 4). Первая публикация на русском языке новеллы «Партийная полька с понтами» – в журнале «Таллинн» (2012, № 3–4).

		МАТС ТРААТ (Mats Traat, род. 1936) – прозаик и поэт, современный классик. Автор многочисленных поэтических сборников, романов, новелл. Опубликованы романы «Танец вокруг парового котла» (1974), «Ингер» (1976), «Сад Поммера» (1978) – все в переводе Ромуальда Минны, «Были деревья, вещие братья» (1983) в переводе Эльвиры Михайловой, а также поэтические сборники «Осеннее фуги» (1981) в переводе Светлана Семененко и «Осенние надежды» (1997) в переводе Бориса Балясного. Произведения Матса Траата переведены на 30 языков. ЮЛО ТУУЛИК (Ülo Tuulik, род. 1940) – прозаик и публицист. Автор книг «Можжевельник выстоит и в сушь» (1976), «Дождь в Гибралтаре» (1979), «Высокое небо» (1990), «Два лица в одном зеркале» (1991), в соавторстве с братом-близнецом Юри Тууликом). Первая публикация на русском языке новеллы «Холодное красное море» – в журнале «Вышгород» (2010, № 1–2). АРВО УУСТАЛУ (Arvo Uustalu, род. 1964) – музыкант, писатель, журналист. Активно сотрудничает в периодической печати. «Горестное предчувствие литератора» опубликовано в журнале «Радуга» (1998, № 1) в переводе Альбины Ильм. Первая «публикация на русском языке новеллы «Смерть собаки» – в журнале «Радуга» (2000, № 4). МЕХИС ХЕЙНСААР (Mehis Heinsaar, род. 1973) – автор романов, рассказов и новелл, проводит четкую грань между графоманством и писательством как профессией, а потому предпочитает выпускать свои книги реже, но, по его выражению, качественнее. В 2008 году ему была присуждена свободная премия фонда Eesti Kultuurkapital (Эстонский капитал культуры) за сборник «Блуждающее счастье» {Randaja õnn на эст. яз.). Первая публикация на русском языке новелл «Блуждающее счастье» – в журнале «Таллинн» (2009, № 3–4), «Эстонская природа» (2№ 1–2). ТЫНУ ЫННЕПАЛУ (Tõnu Õnnepalu, род. 1962) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил Тартуский университет по специальности биология (1985). Работал учителем на острове Хийумаа. Признание получили его роман «Пограничное государство» (Piiririik, 1993; в переводе Веры Рубер опубликован под псевдонимом Эмиль Тоде в журнале «Дружба народов», 1997, № 12; переведен также на датский, шведский, голландский, финский, французский, немецкий, венгерский, испанский, литовский и латышский языки). Роман «Цена» (Hind, 1995, на эст. яз.) удостоен премии фонда Eesti

		Kultuurkapital (Эстонский капитал культуры). Переводит французскую литературу. Первая публикация на русском языке новелл «Таллиннская ода» – в журнале «Вышгород» (2003, N2 5) и «Зимы в Эдеме» – в журнале «Таллинн» (2010, № 3–4). ЭРВИН ЫУНАПУУ (Ervin Õunapuu, род. 1956) начинал как свободный художник и декоратор. В 1990-х годах его творческий круг расширился: он ставит спектакли, снимает кино, пиует пьесы, новеллы. В 1996 году увидел свет его первый роман «Мастер-класс Оливии» (Oliivia meisterklass на эст. яз.). В 1998-м за новеллу «Крошка Лилли» (Vaike lilli Noarootsist на эст. яз.) удостоен премии имени Фридеберта Тугласа. Первая публикация на русском языке новелл «Самый лучший ребенок» и «Крошка Лилли» – в журнале «Вышгород» (1999, № 6). **Переводчики** Нэлли Абашина-Мельц (псевдоним, наст. имя Нэлли Мельц). Татьяна Верхоустинская Ирина Золотых Альбина Ильм Наталия Калаус (псевдоним, наст. имя Наталья Михайлова, 1952–2003) Майя Мельц Елена Позднякова (1917–2010) Вера Прохорова Светлан Семененко (1938–2007) Татьяна Теппе

		Марина Тервонен Айн Тоотс Борис Тух П. И Филимонов (псевдоним, наст. имя Роман Фокин)
	n/a	About the Authors Arvo Valton (pseudonym of Arvo Vallikivi, born 1935), by profession, is a mining engineer. In 1967, he graduated from the All-Union State Institute of Cinematography (VGIK) and dedicated his life to literary work. He is considered the founder of the new Estonian short prose. The author of novellas, novels, miniatures, poems, plays, film scripts, and librettos. Collections of novellas and stories, "Night without Incidents" (1965), "Strange Desire" (1970), "In a Strange City" (1985), "Beloved of the Devil" (1987), and the novel "Paths Converge in Eternity" (1989) have been published in Russian. The first publication in Russian of the novellas "Tram" and "Flexibility Test" was in the journal "Vyshgorod" (2005, No. 5). Rein Veidemann (born 1946) is a literary critic, prose writer, publicist, journalist, and professor at the University of Tallinn and the University of Tartu. He released the book "Colloquium on Estonian Literature," translated by Marina Tervonen (Tallinn: KPD, 2007). The first publication in Russian of the novella "Betty" was in the journal "Vyshgorod" (2007, No. 7–2). Toomas Vint (born 1944) is a writer and artist, laureate of literary awards. The books "A Stop in the City" (1981) and "Return" (1988) have been published in Russian. The first publication in Russian of the novella "In the Darkening Park" was in the journal "Tallinn" (2006, No. 1–2). Sirje Vihma-Normet (Sirje Vihma-Normet) is a music critic and author of children's books and novellas. Thanks to her efforts, a two-volume monograph by her husband, composer, and musicologist Leo Normet (1922-1995), "Sibelius's Symphonies" (Tallinn: Aleksandra, 2011), was published. The first publication in Russian of the novella "Fragments of the Old Town" was in the journal "Tallinn" (2010, No. 1–2) and "The Book about Sibelius and the Devils from Ludena" (2012, No. 7–2).

		Maarja Kangro (born in 1973) is a translator of English, Italian, and German, and a poet. In 2011, she was awarded the Eesti Kultuurkapital Foundation Prize for her collection of novellas "Monkeys and Solidarity" (Ahvid ja solidaarsus in Estonian). The same year, she received the Friedebert Tuglas Prize for the novella "48 Hours" (48 tundi in Estonian). The first publication in Russian of the novella "Scholarship Holder" was in the journal "Tallinn" (2012, No. 1–2). Mart Kivastik (born 1963) is a prose writer and playwright. He received musical and philological education. His play "Savonarola Fire" (translated by Boris Tuch) was published in the anthology "Savonarola Fire" (Tallinn, Aleksandra, 2006). The first publication in Russian of the novella "Self-Portrait with Wife and Horse" was in the journal "Tallinn" (2011, No. 1–2). Andrus Kivirähk (born 1970) is one of the most popular contemporary Estonian writers: a prose writer, playwright, author of children's books, and journalist. Novels "November, or the Gorger" (2008) and "The Past Like Azure Mountains. Memoirs of Ivan Orava" (2012) have been published in Russian, both by the Aleksandra publishing house, translated by Tatjana Verhoustinskaja. Children's books "Lotte" (2009, translated by Marina Tervonen), "Limp and the Pirates" (2009, translated by Jelena Balyasnaya), "Giraffe" (2008), and "Sirli, Siim and the Secrets" (2008), both published by the KPD publishing house, translated by Boris Tuch. The first publication of novellas in Russian was in the journal "Tallinn": "The Book Rooster" (2009, No. 1–2), "At the Gates of Hell" (2010, No. 5–6), "I Am God" (2017, No. 3–4). Jaan Kruusvall (1940–1992) is a prose writer, poet, and screenwriter. The translations of his miniatures first appeared in the collection "Estonian Young Prose" (1978). His plays "Colors of Clouds" (1983) and "Quiet Parish" (1987) attracted great public interest. The first Russian publication of the novella "Winter. The Soul Is Cold" was in the journal "Vyshgorod" (2008, No. 1–2). Viivi Luik (born 1946) is a poet and prose writer. The book of selected poems "Big Trees" (1978) was published in translation by Nora Yavorskaya, the poetic collection "Human Hand" (1984), and the book of children's poems "Home Children" (1985) in translation by Svetlan Semenenko. The novel "The Seventh Peaceful Spring" in translation by Jelena Kallonen was published in 1988. The first publication in

		Russian of the novella "Own House" (from the book "Shadow Theater") was in the journal "Tallinn" (2012, No. 5–6). Rein Põder (Rein Põder, born 1943) is the author of a dozen prose books and children's stories. In 1990, the Moscow publishing house "Detskaya literature/Children's Literature" prepared for publication his book "Burning Wheel" with illustrations by Maarja Vannas, but due to the collapse of the USSR, the book was never published. The story "Sheath" is from that unpublished collection. The first publication in Russian of the novella "The Light of Linden Alleys" was in the journal "Vyshgorod" (2008, No. 1–2). Asta Põldmae (Asta Põldmae, born 1944) is a prose writer and translator. She graduated from the Faculty of History and Philology of Tartu University and the Moscow Institute of Foreign Languages (Hispanic). Laureate of literary awards. The books "Journey into the Morning" (1979) and the collection "And the Light Fades" (2002) have been published in Russian. The first publication in Russian of the novella "Letters to Swallows" was in the journal "Vyshgorod" (2009, No. 6), "Miniatures: Desirable Goods. Arrogant Winter. Fickle Sisters. Three Donkey Exercises" (2002, No. 1–2). Aive Raudkivi (Aive Raudkivi, 1967-2004). Out of 36 years of her life, the last five were spent within the walls of a hospital with an incurable diagnosis: myasthenia. This disease affects muscles, but the condition was complicated by past tick-borne encephalitis: Aive lost the ability to move, eat, and speak. Only the support of loved ones and faith in God saved her from complete hopelessness. And then came a moment when everything changed. She gained the ability to express her feelings through a laptop that she used to write letters to relatives and friends. What started as just a way to occupy herself gradually turned into something more: the texts passed from hand to hand, instilling hope in the sick and weak. Sixteen letters from a hospital ward became a kind of testimony to the strength and will, spiritual victory over the disease. The first publication of the letters in Russian was in the journals "Raduga" (2002, No. 1) and "Vyshgorod" (2010, No. 7–2). Tarmo Teder (born 1958) is a prose writer, poet, and screenwriter. His works inspired Estonian television to stage the play "Dwellings" (1989), the animated film "Departure" (1990), and, in 1990-1992, the 13-episode animated series "Dangerous Flights". "The Birth of a Poet," translated by Svetlan Semenenko, was published in

		the journal "Raduga" (2002, No. 4). The first publication in Russian of the novella "Party Polka with Ponts" was in the journal "Tallinn" (2012, No. 3–4) Mats Traat (born 1936) is a prose writer and poet, a contemporary classic. The author of numerous poetry collections, novels, and novellas. Translated novels include "Dance Around the Steam Boiler" (1974), "Inger" (1976), "Pommer's Garden" (1978) - all translated by Romuald Minn, "There Were Trees, Silent Brothers" (1983) translated by Elvira Mikhaylova, as well as poetry collections "Autumn Fugues" (1981) translated by Svetlan Semenenko and "Autumn Hopes" (1997) translated by Boris Baljasnõi. Mats Traat's works have been translated into 30 languages. Ülo Tuulik (born 1940) is a prose writer and publicist. The author of books such as "Juniper Endures Even in Drought" (1976), "Rain in Gibraltar" (1979), "High Sky" (1990), and "Two Faces in One Mirror" (1991, co-authored with his twin brother Jüri Tuulik). The first publication in Russian of the novella "Cold Red Sea" was in the magazine "Vyshgorod" (2010, No. 1-2). Arvo Uustalu (born 1964) is a musician, writer, and journalist. Actively collaborates with periodicals. "The Sad Premonition of a Writer" was published in the magazine "Raduga" (1998, No. 1), translated by Albina Ilm. The first publication in Russian of the novella "Death of a Dog" was in the magazine "Raduga" (2000, No. 4). Mehis Heinsaar (born 1973) is an author of novels, short stories, and novellas. He draws a clear line between writing and authorship as a profession, preferring to release his books less frequently but, in his words, of higher quality. In 2008, he was awarded the Free Prize of the Eesti Kultuurkapital (Estonian Cultural Capital) for the collection "Wandering Happiness" (Randaja õnn in Estonian). The first publication in Russian of the novella "Wandering Happiness" was in the magazine "Tallinn" (2009, No. 3–4) and "Estonian Nature" (2012, No. 1–2). Tõnu Õnnepalu (born 1962) is a poet, prose writer, essayist, and translator. Graduated from Tartu University with a degree in biology (1985). Worked as a teacher on the island of Hiiumaa. His novel "Border State" (Piiririik, 1993), in the translation by Veera Ruber, was published under the pseudonym Emil Tode in the journal *Druzhba narodov* (1997, No. 12) and received recognition and has been translated into Danish, Swedish, Dutch, Finnish, French, German, Hungarian, Spanish, Lithuanian, and Latvian. The novel "Price" (Hind, 1995, in Estonian) was

		awarded the Eesti Kultuurkapital (Estonian Cultural Capital) prize. The first publication in Russian of the novella "Tallinn Ode" was in the magazine "Vyshgorod" (2003, No. 5) and "Winters in Eden" in the magazine "Tallinn" (2010, No. 3–4). Ervin Õunapuu (born 1956) started as a freelance artist and decorator. In the 1990s, his creative circle expanded: he staged plays, made films, and wrote plays and novellas. His first novel, "Olivia's Master Class" (Oliivia meisterklass in Estonian) was published in 1996. In 1998, he was awarded the Fridbert Tuglas Prize for the novella "Little Lilly" (Vaike lilli Noarootsist in Estonian). The first publication in Russian of the novellas "The Best Child" and "Little Lilly" was in the magazine "Vyshgorod" (1999, No. 6). Translators: Nelli Abašina-Melts (pseudonym, real name Nelli Melts) Tatjana Verhoustinskaja Irina Zolotõh Albina Ilm Natalia Kalaus (pseudonym, real name Natalia Mikhaylova, 1952-2003) Maia Melts Jelena Pozdnjakova (1917-2010) Vera Prohorova Svetlan Semenenko (1938-2007) Tatjana Teppe

					Marina Tervonen Ain Toots Boris Tuch P.I. Filimonov (pseudonym, real name Roman Fokin)
60.	2013	Sillamäe passioon	Andrei Hvostov	Memoirs	Страсти по Силламяэ / Sillamäe Passion
	Andrei Hvostovi lapsepõlv möödus salapärases kinnises linnas Nõukogude Liidu aatomitööstuse tehase kõrval. Oma lugudes räägib ta nii selle linna õhkkonnast kui ka paljust muust: külmast sõjast, seriaalikangelastest, välismaa asjadest, „päris-Eestist“, mis jäi väljapoole Sillamäed; juttu tuleb ka Sinimägede lahingutest, Vaivara koonduslaagrist ja muust sõjapärandist. Populaarse teose uustrükis on neli uut peatükki: „Tõde ja istina“, „Vene värk“, „Soome“ ja „Das Deutsche“. Raamat pälvis 2012. aastal Virumaa kirjandusauhinna ja Eesti kultuurkapitali kirjanduse sihtkapitali vabaauhinna.				Известный писатель и журналист Андрей Хвостов (род. 1963) написал честную и отчасти провокационную книгу о своем советском детстве, проходившем в закрытом городе Силламяэ, попасть в который даже жителям Эстонии было ничуть не легчу, чем выехать за «железный занавес». Из этой книги можно узнать, как жилось в то время эстонцу в Силламяэ, каково было тогда – да и сейчас – быть русским для «настоящих эстонцев», что значит болеть астмой, когда такой болезни как будто не существует, какую роль в жизни Андрея сыграли Финляндия и библиотека, сколько пар джинсов в настоящий момент есть у автора. Получившая несколько литературных премий (включая самую престижную – Капитала культуры за 2011 год) книга страстно, яростно, на грани фола отвечает на эти и другие вопросы. Вниманию читателя предлагается своеобразная исповедь, которая дает возможность по-новому взглянуть на привычные вещи и явления.
	Andrei Hvostov's childhood was spent in a mysterious closed city next to a Soviet Union atomic industry plant. In his stories, he talks about the atmosphere of this city as well as many other things: the Cold War, TV series heroes, foreign goods, "real Estonia" beyond Sillamäe, and also about the battles of the Sinimäed Hills, the Vaivara concentration camp, and other war legacies. The new edition of this popular book includes four new chapters: "Truth and Istina," "The Russian Way," "Finland," and "Das Deutsche." The book was awarded the Virumaa Literature Prize and the Free Prize of the Estonian Cultural Endowment's Literature Foundation in 2012.				The renowned writer and journalist Andrei Hvostov (born in 1963) has written an honest and somewhat provocative book about his Soviet childhood spent in the closed city of Sillamäe, which was as difficult for Estonian residents to access as it was to leave behind the "Iron Curtain." This book provides insights into what it was like for an Estonian to live in Sillamäe during that time, what it meant then—and still means—to be Russian for "real Estonians," what it was like to suffer from asthma when such an illness seemingly did not exist, the role Finland and libraries played in Andrei's life, and how many pairs of jeans the author currently owns. Having received several literary awards, including the most prestigious Cultural Endowment of Estonia's prize for 2011, the book passionately, fiercely, and almost recklessly addresses these and other questions. The reader is presented with a unique confession that offers a fresh perspective on familiar things and phenomena.

61.	2013	Printsessi mõrv Koluvere lossis	Hinge Kaljund	Novels	Убийство принцессы в замке Колувере / Murder of the Princess in the Koluvere Castle
	See on jutustus ajast, mil praegu olematu Preisimaa oli sõjaliselt üks võimsamaid riike Euroopas. Aastanumbrid liikusid 18. sajandi lõpu suunas... Ajalooline romaan algab kuninglikku suguvõssa kuulunud Preisimaa Braunschweigi hertsogiriigi printsessi Auguste Karoline Friederike Luise von Württembergi laulatusega. Paraku oli sellele järgnenud abielu kaugel õnnelikust. 1782. a. siirdus noorpaar Preisimaa mõju suurendamiseks intriigidest kubisevasse Venemaa keisrikotta, kus valitses Katariina II, õige pea järgnes sellele printsi nimetamine Viiburi kindralkubemeriks. Mis sai aga Auguste Friederikest? Koluvere loss Kullamaal varjab endas palju saladusi – kõige intrigeerivam nende hulgast on kindlasti Preisimaa printsessi Augusta Friederike salapärane surm seal 16. septembril 1788. a. kõigest 24-aastasena kõigi poolt hüljatuna. Kuidas aga sündmused selleni arenesid, kuidas muutus armastus talumatuks vihkamiseks, miks saatis Katariina Suur oma favoridi ootamatult pagendusse Eestimaale, saate teada, kui avate käesoleva raamatu.				Эта история произошла в последнюю треть XVIII века. Ныне не существующее королевство Пруссия была тогда одной из самых могущественных в военном отношении держав Европы. Героиня этого повествования, Брауншвейгская принцесса Августа Каролина Фридерика Луиза, в 16 лет была выдана замуж за принца Фридриха Вильгельма Вюртембергского. Но супружество это никак нельзя назвать счастливым. В 1782 году принц с супругой были направлены королем Фридрихом Великимм ко двору российской самодержицы Екатерины II. Король рассчитывал, что они сумеют склонить Екатерину в пользу Пруссии. Однако этот план потерпел фиаско. Екатерина назначила принца Фридриха наместником в Выборг, но это было скорее почетной ссылкой: она не желала иметь при своем дворе соглядатая чужого монарха. Августа Фридерика осталась в Санкт-Петербурге, при дворе Екатерины, который был гнездом самых изощренных интриг. Замок Колувере в Кулламаа таит в себе много страшных тайн. И самая загадочная – непостижимая смерть прусской принцессы Августы Фридерики в этом замке 16 сентября 1788 года. 24-летняя молодая женщина томилась там, покинутая всеми, но как она ушла из жизни? Тут много и других секретов. Почему Екатерина, долгое время благоволившая юной красавице, вдруг возненавидела ее и отправила в ссылку? На этот и многие другие вопросы вы узнаете, прочитав книгу.
	This is a tale from a time when the now non-existent Prussia was one of the most powerful military states in Europe. The years were moving towards the end of the 18th century... The historical novel begins with the marriage of Princess Auguste Karoline Friederike Luise von Württemberg, of the Prussian royal family, to the Duke of Braunschweig. Unfortunately, the ensuing marriage was far from happy. In 1782, the young couple moved to the Russian Empire, teeming with intrigue, to increase Prussia's influence at the court of Catherine the Great. Soon after, the prince was appointed as the Governor-General of Vyborg. But what became of Auguste Friederike?				This story takes place in the latter part of the 18th century. The now non-existent Kingdom of Prussia was then one of the most powerful military states in Europe. The heroine of this narrative, Princess Augusta Caroline Frederica Louise of Brunswick, was married off to Prince Friedrich Wilhelm of Württemberg at the age of 16. However, this marriage could hardly be called happy. In 1782, the prince and his wife were sent by King Frederick the Great to the court of the Russian Empress Catherine II. The king hoped that they would be able to sway Catherine in favor of Prussia. However, this plan failed. Catherine appointed Prince Friedrich as governor of Vyborg, but it was more of an honorary exile: she did not want to have the spy of

	The Koluvere Castle in Kullamaa hides many secrets—the most intriguing among them is undoubtedly the mysterious death of Princess Auguste Friederike of Prussia on September 16, 1788, at the age of just 24, abandoned by everyone. How did events lead to this point? How did love turn into unbearable hatred? Why did Catherine the Great suddenly exile her favorite to Estonia? You will find out when you open this book.				another monarch at her court. Augusta Frederica remained in St. Petersburg, at Catherine's court, which was a hotbed of the most sophisticated intrigues. The Koluvere Castle in Kullamaa holds many dreadful secrets. And the most mysterious one is the inexplicable death of Prussian Princess Augusta Frederica in this castle on September 16, 1788. The 24-year-old young woman languished there, abandoned by everyone, but how did she leave this life? There are many other secrets here. Why did Catherine, who had long favored the young beauty, suddenly come to hate her and send her into exile? You will find the answers to these and many other questions by reading the book.
62.	2014	111 sammu Juhan Liiviga	Juhan Liiv, Vladislav Sumarok	Poetry	111 ступеней с Юханом Лийвом / 111 steps with Juhan Liiv
Bilingual	Olles põhjalikult läbi lugenud Juhan Liivi luuletuste venekeelse tõlke veendusin, et eesti luuleklassiku loomingu tutvustamine vene keeles on väga vajalik ja ajakohane. Praegu, mil toimub gümnaasiumides üleminek riigikeelsele õppele, on soovitav, et eesti poeetide looming oleks esmatasandil mõistetav neile, kelle emakeeleks on vene keel. Parem arusaamine tekitab suurema huvi ja innustab siis luulet ka riigikeeles lugema. Kõike seda – ja ka meisterlikku tõlget silmas pidades soovitan tungivalt toetada kirjandusstipendiumiga Vladislav Sumarok'i tõlkeraamatut „111 sammu Juhan Liiviga" – «111 ступеней с Юханом Лийвом». Virve Osila, Mäetaguse. Eesti luuletaja Virumaal Tere lumist talvepäeva! Olen nüüd hr Sumaroki Liivi-tõlked läbi vaadanud. Tema tõsine pühendumus väärib lugupidamist. Ma ei tunne end päris pädevana hindama tema tõlkeid vene poeetika seisukohast. Originaalide poolt vaadates tunduvad tõlked oluliselt pateetilisemad, „tõstetumad" kui Liivi rabavalt lihine, vahel lausa lapselik väljenduslaad. Need tõlked annavad kindlasti edasi selle, mis Liivile teemade ja ideede mõttes tähtis oli, kuid originaalist suuresti erinevas tundetoonis ja				Владислав Сумарок 111 ступеней с Юханом Лийвом Сборник поэтических переводов на русский язык стихотворений известного эстонского поэта конца XIX – начала XX века Юхана Лийва. **Юхан Лийв. Ступени трагической судьбы** В 1902 году, у Чудского озера, на хуторе Оя, доктор Ю. Луйг встретил странного длиннобородого человека, который был нищенски одет, обут в рваные сапоги, в корявых от работы руках – самокрутка. Держал он себя, тем не менее, без тени униженности и даже вызывающе. Так доктор встретился с эстонским поэтом и писателем, душевнобольным Юханом Лийвом... Юхан Лийв (18(30).04.1864, волость Алатскиви – 18.11(1.12).1913, волость Кавасту), седьмой ребенок безземельного крестьянина из большой (15 душ) и очень бедной семьи. Учился в приходской школе. В детском возрасте подрабатывал пастухом, в юности – батрачил. С 1888 года Лийв начал писать прозу. Вначале это были зарисовки, картины городского и сельского быта. Наиболее значительным его произведением в прозе является повесть «Завеса» (эст. «Vari», 1894). Это, с одной стороны,

	poeetikas. Võtaksin neid mitte niipalju kui tõlkeid, vaid kui nn Nachdichtungeid ehk Sumaroki luuletusi Juhan Liivi ainetel või Liivist inspireerituna. Kui neid välja anda, siis lugejale oleks kindlasti huvitav ja rikastav, kui neile oleks lisatud tõlkija kirjutus (või intervjuu temaga) selle kohta, kuidas ta Liivi juurde jõudis, mis teda Liivis erutas, mis teda ergutas tema luulet tõlkima. Nõnda oleks see väljaanne nagu dokument ühe luuletaja kohtumisest teisega üle aja. Vene lugeja jaoks peaks kindlasti olema lisatud ka Liivi elu- ja loomingulugu. Palun anna need mõtted koos parimate tervitustega hr Sumarokile edasi. P.-E. Rummo, Tallinn, luuletaja, kirjanik, poliitik Olen suure osa oma elust elanud Ida-Virumaal ja pean nentima, et suurem osa venekeelsest elanikonnast ei tea Eesti kirjandusklassikute loomingust suurt midagi. Äärmisel juhul teatakse A.H. Tammsaare või E. Vildet. Kuid lähemal suhtlemisel selgub, et huvi meie autorite vastu on täiesti olemas. Probleemiks aga on keelebarjäär. Seega kui noor ja andekas luuletaja Vlad Sumarok tegi mulle ettepaneku koostöös tõlkida Juhan Liivi luulet, olin rõõmuga nõus. Millise tulemuseni see jõudis, olgu lugeja otsustadas kuid kavas on ka teiste klassikute luule tõlkimisega jätkata. Minu osaks oli luuletuste tõlkimine vene keelde ja Vlad Sumarok valas need tekstid luulevormi. Malle Peiker, Sillamäe, 2011. a, tõlkija	реалистическое изображение сельского быта 1830-50-х годов, с другой стороны, является словом в защиту крестьян, способных, как герой повести Виллу, понимать природу, философию, поэзию, и в то же время зависимых от помещиков. Большое сходство с «Завесой» обнаруживает и вторая повесть Юхана «Кукушка из Кякимяэ» (1893). Сельской тематике посвящено и последнее его произведение большого объема «Дочь колдуна» (1895). Вышло еще два сборника прозы Лийва: «Из глубины жизни» (1909) и «О себе и о других» (1921). Однако в эстонской литературе Лийв остался прежде всего известен как лирический поэт. В поэзию он вошел в 80-х годах 19-го столетия. Его стихи отличались искренностью, непосредственностью, эмоциональностью. В результате болезни в поэзии Юхана проявилось трагическое мироощущение, резкие контрасты и диссонансы. Это побудило Фридеберта Тугласа сказать, что Лийв не сочинил, а выстрадал свои стихотворения. Да и сам Лийв уподоблял свою поэзию птице с больным крылом. Основные темы его поэзии: одиночество, горькая судьба родины, аналогичная горькой участи самого поэта. В стихах его почти постоянно царит осень, блеклые туманные краски, тени, печальное настроение. Первый сборник Лийва «Стихи» (эст. «Luuletused»), содержавший всего 45 стихотворений, появился только в 1909 году благодаря национальной эстонской организации «Ноор-Ээсти». Его 4-е издание в 1926 состояло из 297 произведений. Жизненный путь поэта закончился трагически: за безбилетный проезд он был ссажен с поезда и по дороге до ближайшего населённного пункта замерз в снегу... Большой поэтический талант Юхана Лийва был справедливо оценен лишь после смерти поэта. Влад, безусловно, проделал титанический труд, вылившийся в порядка ста страниц электронного текста... Оба (В.С. и ЮЛ. – пометка редакции) – люди разных эпох и разных цивилизаций. Хотя, безусловно, есть и общее: самоучки, родились в одно и то же десятилетие с разницей в век, оба испытают необходимость излить душу посредством лирики ...

		Еще Фридеберг Туглас заметил, что Лийв не сочинил, а выстрадал свои стихотворения. Это, наверное, главное условие того, что подкупает слушателя и на чем основывается народная любовь к тому или иному поэту. Подавляющее большинство твоих собственных стихов (В.С. – пометка редакции) – тоже выстрадано. Это приятное совпадение. (Из статьи «Владислав Сумарок: Я искал «руку» поэта», Нарвская газета, 08.01.2011) Влад Сумарок не случайный человек в поэтическом мире. Его путь тернист и в то же время светел, как его поэзия. Он наблюдателен и проницателен, не теряет никогда в образах связи с принципами собственными, взгляд его на жизнь честен и открыт. Потому и в переводах сразу нашелся его стержень, верно несущий свет слова из уст в уста. Замечу, что ему крупно повезло, что на его пути попался нужный человек, совершивший для него подстрочные переводы одного из классиков эстонской литературы – Юхана Лийва. Выбор имени я лично связываю с летом 2010 года и поездкой в замок Алатскиви с поэтами. Хотя я могу и ошибаться. Мне нравится то, что он сделал, буду и я честна, что по некоторым стихам у нас произошли разночтения, но тут я применю главный аргумент к факту: о вкусах не спорят. Благодарю за такой подарок, прежде всего мне! Я счастлива, что Влад Сумарок начал помогать русскому читателю в Эстонии знакомство с поэзией эстонских авторов, тем более Юхана Лийва, чье творчество я считаю молитвенником эстонского народа. И еще более приятно сделать этот подарок вместе с Владом милому, дорогому сердцу человеку – Светлану Семененко, который когда-то открыл мне много эстонских поэтов своими переводами в антологии эстонской поэзии, отдельными книгами переводов, особенно мною любимы его переводы Бетти Альвер, Пауля-Эрика Руммо и Алекса. Удачи книге! Вера Парамонова, Калласте. Поэтесса, писатель, бард ... Выпуском этой книги Владислав Сумарок хочет познакомить русскоязычного читателя с творчеством Юхана Лийва, который для эстонской литературы является одним из ключевых поэтов. Тем самым Сумарок –

		обычный житель Ида-Вирумаа, увлекающийся поэзией для собственного удовольствия, – преследует цель сделать свой посильный вклад в общее дело интеграции. Цель благородная, не имеющая под собой никакой коммерческой подоплеки... (Из статьи «Кому нужна эта интеграция?», Инфопресс, 25.11.2011) COVER Юхан Лийв родился 30 апреля 1864 года в деревне Рийдма на берегу Чудского озера. Он был седьмым ребенком в семье безземельного крестьянина – арендатора Беньямина Лийва, которая состояла из 15-ти душ! Как бы компенсируя житейскую бедность, природа одарила его богатым воображением, талантом журналиста, поэта, писателя. Ему был двадцать один год, когда появилось его первое стихотворение. Напряженный труд, материальные трудности, жизненные невзгоды подорвали его здоровье. К 30 годам обозначилось душевное расстройство. Его творческое наследие: повести «Тень», «Завеса», сборник «10 рассказов», сборники стихотворений (1909, 1910, 1919, 1926 гг.), прижизненное собрание сочинений (1904). Трагичная жизнь крестьянского поэта и писателя Юхана Лийва оборвалась 1 декабря 1913 года... Оскар Ида «Эстония, эхо истории», 2000 г. Влад Сумарок не случайный человек в поэтическом мире. Его путь тернист и в то же время светел, как его поэзия. Он наблюдателен и проницателен, не теряет никогда в образах связи с принципами собственными, взгляд его на жизнь честен и открыт. Потому и в переводах сразу нашелся его стержень, верно несущий свет слова из уст в уста. Замечу, что ему крупно повезло, что на его пути попался нужный человек, совершивший для него подстрочные переводы одного из классиков эстонской литературы – Юхана Лийва. Выбор имени я лично связываю с летом 2010 года и поездкой в замок Алатскиви с поэтами. Но не это главное, а важно, что он прошел путь от начала до конца, хотя и не стал переводить так, как принято последнее время в Эстонии, пользуясь словарем,

		не совершая полета над представленным прозаическим текстом в поэтическом па... Вера Парамонова, поэтесса, писатель, бард.
	Having thoroughly read the Russian translations of Juhan Liiv's poems, I am convinced that introducing the work of this Estonian literary classic in Russian is very necessary and timely. Now, as high schools are transitioning to instruction in the national language, the works of Estonian poets should be initially understandable to those whose native language is Russian. A better understanding creates greater interest and encourages reading poetry in the national language. Considering all this, and the masterful translation, I strongly recommend supporting Vladislav Sumarok's translation book "111 Steps with Juhan Liiv" with a literary scholarship. Virve Osila, Mäetaguse. Estonian poet In Virumaa Good snowy winter day! I have now reviewed Mr. Sumarok's Liiv translations. His serious dedication deserves respect. I do not feel entirely competent to judge his translations from the perspective of Russian poetics. From the perspective of the originals, the translations seem significantly more elevated and lofty than Liiv's strikingly simple, sometimes almost childlike, expression. These translations certainly convey what was important to Liiv in terms of themes and ideas, but in a markedly different tone and poetics from the original. I would take them not so much as translations but as Nachdichtungen, or Sumarok's poems based on or inspired by Juhan Liiv. If they are to be published, it would certainly be interesting and enriching for the reader if they included a write-up by the translator (or an interview with him) about how he came to Liiv, what excited him about Liiv, and what prompted him to translate his poetry. Thus, this publication would be like a document of one poet's encounter with another across time. For the Russian reader, it should certainly include the life and creative history of Liiv. Please pass these thoughts along with my best regards to Mr. Sumarok.	Vladislav Sumarok. 111 Steps with Juhan Liiv A collection of Russian translations of poems by the renowned Estonian poet of the late 19th and early 20th centuries, Juhan Liiv.Juhan Liiv: The Steps of a Tragic Fate In 1902, by Lake Peipus, at the Oja farmstead, Dr. J. Luiga encountered a strange, long-bearded man, poorly dressed and wearing tattered boots. In his work-worn hands, he held a hand-rolled cigarette. Despite his appearance, the man carried himself with a lack of humility and even a hint of defiance. Thus, the doctor met the Estonian poet and writer, Juhan Liiv, who suffered from mental illness... Juhan Liiv (April 18 (30), 1864, Alatskivi Parish – November 18 (December 1), 1913, Kavastu Parish) was the seventh child of a landless peasant from a large (15 souls) and very poor family. He studied at a parish school. As a child, he worked as a shepherd, and in his youth, he was a farmhand. In 1888, Liiv began writing prose. Initially, these were sketches and depictions of urban and rural life. His most significant prose work is the novella "The Veil" (Est. "Vari", 1894). On one hand, it is a realistic depiction of rural life in the 1830s-50s, and on the other hand, it defends peasants who, like the protagonist Villu, are capable of understanding nature, philosophy, and poetry, yet are dependent on landlords. A similar theme is found in Liiv's second novella, "The Cuckoo from Käkimaa" (1893). His last extensive work, "The Sorcerer's Daughter" (1895), also deals with rural themes. Two more collections of Liiv's prose were published: "From the Depths of Life" (1909) and "About Myself and Others" (1921). However, in Estonian literature, Liiv is best known as a lyrical poet. He entered poetry in the 1880s. His poems were characterized by sincerity, directness, and emotionality. Due to his illness, a tragic worldview, sharp contrasts, and dissonances emerged in his poetry. This prompted Friedebert Tuglas to say that Liiv did not compose his poems, but suffered through them. Liiv himself compared his poetry to a bird with a broken wing.

	P.-E. Rummo, Tallinn, Poet, writer, politician Having lived most of my life in Ida-Viru County, I must admit that most of the Russian-speaking population knows very little about the works of Estonian literary classics. At most, they might know A.H. Tammsaare or E. Vilde. However, closer interaction reveals that there is a genuine interest in our authors. The problem, however, is the language barrier. Therefore, when the young and talented poet Vlad Sumarok proposed collaborating on translating Juhan Liiv's poetry, I gladly agreed. The result will be up to the reader to decide, but we plan to continue translating the poetry of other classics as well. My role was to translate the poems into Russian, and Vlad Sumarok transformed these texts into poetic form. Malle Peiker, Sillamäe, 2011, Translator	The main themes of his poetry are loneliness and the bitter fate of his homeland, similar to the poet's bitter fate. His poems often evoke autumn, with faded, foggy colors, shadows, and a melancholic mood. Liiv's first collection of poems, "Poems" (Est. "Luuletused"), containing only 45 poems, was published in 1909 thanks to the Estonian national organization "Noor-Eesti". Its fourth edition in 1926 consisted of 297 works. The poet's life ended tragically: he was thrown off a train for riding without a ticket and froze to death in the snow while walking to the nearest settlement. Juhan Liiv's great poetic talent was rightfully recognized only after his death. Vlad has undoubtedly done a titanic job, resulting in about a hundred pages of electronic text... Both (V.S. and J.L. - editor's note) are people of different eras and civilizations. However, there is undoubtedly a commonality: both are self-taught, born in the same decade, a century apart, and both feel the need to pour out their souls through lyricism... Friedebert Tuglas once noted that Liiv did not compose, but suffered through his poems. This is probably the main reason that captivates the listener and forms the basis of the popular appeal of a poet. The overwhelming majority of your (V.S. - editor's note) own poems are also suffered through. This is a pleasant coincidence. (From the article "Vladislav Sumarok: I Sought the 'Hand' of a Poet", Narva Newspaper, 08.01.2011) Vlad Sumarok is not an accidental figure in the poetic world. His path is thorny and at the same time bright, like his poetry. He is observant and insightful, never losing touch with his principles in his imagery, and his view of life is honest and open. This is why his translations immediately found their core, faithfully conveying the light of the word from mouth to mouth. I must note that he was very fortunate to meet the right person who made literal translations of one of the classics of Estonian literature, Juhan Liiv. I associate the choice of the name with the summer of 2010 and a trip to Alatskivi Castle with poets. Although I may be mistaken. I like what he has done, and I will be honest that we had some disagreements on certain poems, but here I will use the main argument regarding taste: there is no

		disputing taste. Thank you for such a gift, first and foremost to me! I am happy that Vlad Sumarok began to acquaint the Russian reader in Estonia with the poetry of Estonian authors, especially Juhan Liiv, whose work I consider to be the prayer book of the Estonian people. And it is even more pleasant to make this gift together with Vlad to a dear person, Svetlan Semenenko, who once introduced me to many Estonian poets through her translations in the anthology of Estonian poetry, individual books of translations, especially my beloved translations of Betti Alver, Paul-Eerik Rummo, and Aleks. Good luck with the book! Vera Paramonova, Kallaste. Poetess, writer, bard. ... With the release of this book, Vladislav Sumarok aims to familiarize Russian-speaking readers with the works of Juhan Liiv, one of the key poets in Estonian literature. By doing so, Sumarok—a resident of Ida-Viru County, who indulges in poetry for his pleasure—seeks to make his modest contribution to the collective effort of integration. This noble goal has no commercial underpinning... (From the article "Who Needs This Integration?", Infopress, 25.11.2011) COVER Juhan Liiv was born on April 30, 1864, in the village of Riidma on the shore of Lake Peipus. He was the seventh child in the family of a landless peasant tenant, Benjamin Liiv, which consisted of 15 souls! As if to compensate for the material poverty, nature endowed him with a rich imagination and the talent of a journalist, poet, and writer. He was twenty-one years old when his first poem appeared. Intense labor, material hardships, and life's adversities undermined his health. By the age of 30, signs of mental disorder had emerged. His creative legacy includes the novellas "Shadow" and "The Veil," the collection "10 Stories," and collections of poems (1909, 1910, 1919, 1926), as well as a lifetime collection of works (1904). The tragic life of the peasant poet and writer Juhan Liiv came to an end on December 1, 1913...

					Oskar Ida, "Estonia, the Echo of History," 2000. Vlad Sumarok is not an accidental figure in the poetic world. His path is thorny and at the same time bright, like his poetry. He is observant and insightful, never losing touch with his principles in his imagery, and his view of life is honest and open. This is why his translations immediately found their core, faithfully conveying the light of the word from mouth to mouth. I must note that he was very fortunate to meet the right person who made literal translations of one of the classics of Estonian literature, Juhan Liiv. I associate the choice of the name with the summer of 2010 and a trip to Alatskivi Castle with poets. However, what is important is that he went from start to finish, although he did not translate in the way that has recently become customary in Estonia — simply consulting a dictionary and failing to rise above the prose text before him into poetic flight.... Vera Paramonova, poetess, writer, bard.
63.	2014	Ingeri kuningas	Arnold Aru	Plays	Король Ингермаландии / The King of Ingria
	n/a				Пьеса «Король Ингерманландии», перевод которой впервые предлагается российскому читателю, написана эстонским писателем Арнольдом Ару в начале 30-х годов XX века. В основе ее реальные события, произошедшие в ныне несуществующей деревне Кулла на территории нынешнего Кингисеппского района Ленинградской области. Действие пьесы происходит на территории, входившей с 1920 по 1940 год в состав Эстонской республики, которую историки называют Эстонской Ингерманландией. У самой границы со сталинским СССР действовали финские и русские культурные общества, лютеранские и православные приходы. А аграрная реформа, прошедшая в начале 20-х годов, фактически была продолжением прерванных столыпинских реформ! Молодой крестьянин Леандер Рейо, живший в деревне Кулла, создает национальное общество, учреждает финскую газету Sanaseppä. Но ему не дает покоя судьба своих соплеменников, оставшихся по ту сторону границы, где начинается коллективизация, сопровождающаяся репрессиями и ссылкой в Сибирь наиболее успешных крестьян, поверивших лозунгам НЭПа, а теперь в одночасье ставших кулаками. Леандер Рейо (1904–1931), получивший прозвище «Король Ингерманландии», герой пьесы эстонского писателя Арнольда Ару, изданной в 1932 году на эстонском, а в 1934 году на финском языке — реальное историческое лицо, человек, за свою короткую жизнь

		сделавший очень много для сохранения финского языка и роста национального самосознания в финских деревнях Принаровья. <…> «Король Ингерманландии» и его время Вместо предисловия переводчика и редактора сборника После завершения мирных переговоров между Советской Россией и Эстонией, прошедших в Тарту в феврале 1920 года, граница между двумя государствами прошла в нескольких километрах восточнее Ивангорода в районе деревни Комаровка. Несколько деревень на правом берегу Наровы, населенных ингерманландскими финнами, русскими и ижорами, на 20 лет вошли в состав Эстонской республики. Эти два десятилетия трудно назвать идиллией — жизнь омрачали экономические неурядицы, не всегда в полной мере работали и демократические механизмы. Однако все познается в сравнении. У самой границы с СССР свободно развивалась финская культура, выходили газеты на финском языке, работали финские школы, создавались земледельческие кооперативы и кружки, а благосостояние жителей, привыкших к упорному труду, медленно, но верно росло. <…> Долгие годы судьба Короля Ингерманландии оставалась неизвестной. И лишь в 90-е гг. XX в. эстонский исследователь Хейно Тынисмяги нашел в архивах Управления КГБ Ленинградской области сведения о том, как завершился жизненный путь Леандера Рейо. Органы направили к нему агентов, которые должны были уговорить перейти границу. Это им удалось, однако в какой-то момент Рейо, очевидно, поняв, что попал в ловушку, пытался сопротивляться, но не смог справиться с врагами, был ранен и насильно доставлен на советскую сторону. ГПУ был инсценирован процесс над «контрреволюционерами» и «приспешниками финской разведки», в котором обвиняемыми выступали 125 ингерманландских финнов. Восемь главных фигурантов, среди которых был Леандер Рейо, 19 июня 1932 г. были приговорены к расстрелу. Остальных

		ждали лагеря или ссылка в Казахстан. Роковую роль для осужденных ингерманландцев сыграли экземпляры газеты, захваченные с собой Леандером и ставшие главным вещественным доказательством... Трагедия, произошедшая в приграничье, оказалась в центре внимания средств массовой информации Эстонии и Финляндии, упоминания о Леандере Рейо можно встретить во многих изданиях того времени, да и последующих лет. До 1932 г. в газете присутствовала постоянная рубрика «По ту сторону границы». Фактически все материалы рубрики связаны с приграничным приходом Куземкино, и, очевидно, получена Леандером Рейо из первых рук — от своих соратников с советской стороны границы. Читая скупые строчки, как будто прикасаешься к истории, понимаешь, что ощущали жители нескольких деревень, у многих из которых родственники оказались по ту сторону границы. «Что случилось в Западной Ингрии» (май–июнь 1931 г.). «Апрель, май и первая половина июня прошли в Западной Ингрии достаточно спокойно. На берегах и в прибрежных деревнях арестовали примерно 6 человек. Поэтому рыбаки и крестьяне были потрясены, когда в середине июня советские военные окружили несколько деревень, выгнали всех из домов во дворы (в т.ч. — стариков и детей) и повезли на станцию Ямбург. Местные жители думают, что часть попадет в Красноярский лагерь, часть — на Север России на лесозаготовки. Никто не верит, что арестованные вернутся оттуда назад. Поэтому ссылку называют "дорогой смерти"». Леденящий ужас перед тоталитарным режимом вызывает статья о двух подростках Йоханнесе Орава и А. Тахванене, зачем-то перешедших границу и арестованных «органами». По сообщениям информаторов с той стороны границы, мальчики были доставлены в Кингисепп, где от них требовали «признания». Однако ничего интересующего чекистов они сообщить не могли. В статье сообщается, что, по сведениям с той стороны границы, один из подростков сошел с ума. Позднее несчастные были отправлены в Ленинград, и дальнейшая их судьба неизвестна. Очевидно, речь идет о подростках из «неблагополучных», как сказали бы сейчас, семей, поскольку родители не проявляли особого беспокойства, считая, что дети отправились вглубь Эстонии «за большими деньгами». Автор отмечает, что дети, не видевшие дома ничего,

		кроме постоянных ссор, возможно, решили, что в России им будет лучше. Этому, по мнению автора, могли способствовать «несколько ненормальных в Калливере», постоянно демонстрировавших симпатии к СССР. В этом же номере в статье под заголовком «Двое ингерманландцев расстреляны» сообщается о неком тайном собрании молодежи, прошедшем в одной из деревень на берегу Луги, во время которого в дом ворвались «военные» (скорее всего чекисты). Участники оказали сопротивление, один из военных был убит, ранен начальник советского пограничного поста Кулла. Большинство участников собрания сумели скрыться в лесу. Чекисты схватили одного из них, Николая Патонена. Другой участник собрания, В. Ахонен, прятавшийся на чердаке одного из местных жителей, был арестован через несколько дней. Чекисты подвергли его нечеловеческим издевательствам — связанный, он был сброшен со второго этажа дома, чекисты, ехавшие верхом, 5 километров волокли его привязанным к лошади. На заставе избиения продолжились. Автор статьи сообщает, что арестованные были доставлены на моторной лодке в Кингисепп, а затем в Ленинград и, по слухам, вскоре расстреляны. Предательницей оказалась дочь хозяина дома по имени Милли, сестра одного из участников собрания, незадолго до этих событий вышедшая замуж за коммуниста. Коммунист уехал в Крым, и Милли, придя в родительский дом, узнала от своего брата о собрании и донесла «органам». По тексту статьи видно, что автор посвящен во все детали произошедшего, однако о цели тайного собрания он умалчивает. Можно предположить, что речь идет о сторонниках Леандера Рейо с советской стороны границы, и соображения конспирации не позволяли рассказывать о их деятельности. Автор статьи отмечает, что предательница снискала ненависть местных жителей и даже ее брат сказал, что ее грех и позор могут быть смыты только кровью… После похищения Леандера Рейо в декабре 1931 г. рубрика «По ту сторону границы» прекратила существование. В газете нередки были и материалы на исторические темы — к примеру, о Северной войне и штурмах Нарвы в 1700 и 1704 гг., о сражениях Освободительной (гражданской) войны в Эстонии и Ингерманландии. В

		период, когда газету возглавлял Леандер Рейо, достаточно частыми были статьи о финно-угорской семье, братстве и солидарности родственных народов. <…> Последний номер вышел в конце 1937 г. В книге Хейно Тынисмяги «Unohdetud toimikud» сообщается, что последним главным редактором была Линда Рейо, вдова Леандера. Ушла в прошлое яркая самобытная страница истории ингерманландских финнов, подтверждающая, что даже небольшая община может сохранять свои традиции при наличии самосознания, а также яркого сильного лидера. <…> Писатель и его герой Буквально по «горячим следам» эстонским писателем Арнольдом Ару была написана пьеса, впервые представленная зрителю в 1932 г. в Нарве и уже в 1934-м переведенная на финский язык и изданная в Финляндии. Безудержная энергия, свойственная молодости, желание во что бы то ни стало освободить своих соплеменников от тоталитарного режима — таким предстает перед читателем герой пьесы. Он наивно верит в то, что Эстония, Финляндия и даже великие державы обязательно придут на помощь восставшим ингерманландцам. Национальное возрождение и борьба за свободу наполняют всю его жизнь. «Король Ингерманландии» вышел живым, не похожим на плакатный образ борца за идею. Своей избраннице герой пьесы признается в любви после нескольких минут беседы об ингерманландском костюме, убегая на построение Кайтселиита. Леандер Рейо выглядит в этой сцене комично. Борец против тоталитарного режима старается выглядеть уверенно, но путается и заикается. Его длинные эмоциональные тирады об освобождении и дружной семье финно-угорских народов выглядят по-детски наивно. Хотя, похоже, что дань этим идеям отдавал и автор пьесы, тоже человек своего времени, сверстник Леандера Рейо и патриот независимой Эстонии. Цельность его характера, взглядов иногда кажется граничащей с жестокостью. Так, Леандер Рейо убеждает подростка, с риском для жизни бежавшего из СССР и желающего остаться в Эстонии, вернуться обратно, чтобы вести борьбу за освобождение родной земли. Имел ли он право требовать этого от мальчишки, у которого большевики расстреляли родителей? Для Леандера

		Рейо такого вопроса просто не существует. Такими были люди, сформированные годами противостояния, атмосферой гражданской войны, которая для них никогда не прекращалась. Герой пьесы просто не замечает любви Элины, несколько лет ждавшей его на другой стороне границы. Не щадит он и собственной жизни, оставшись навечно 27-летним… Есть все основания предполагать, что автор книги, журналист и общественный деятель, живший в Нарве, был знаком с героем (своим сверстником), и в книге, написанной буквально сразу по следам произошедших событий, творчески отражены черты характера реального Леандера Рейо. <…> В послевоенные десятилетия имя Леандера Рейо было окружено плотной завесой молчания. По понятным причинам не писала о нем советская пресса, но и в Финляндии СМИ старались обходить многие острые вопросы, упоминания о которых могли разгневать восточного соседа. И только во время Перестройки в 1989 г. в финском журнале «Inkeriläisten viesti» были опубликованы воспоминания жителя Кулла Йоханнеса Харакка о жизни в Эстонской Ингерманландии, где упоминался и Леандер, созданное им общество и газета.
	n/a	The play "The King of Ingria", for the first time offered in translation to the Russian reader, was written by the Estonian writer Arnold Aru in the early 1930s. It is based on real events that took place in the now non-existent village of Kulla in the territory of the present Kingisepp district of the Leningrad region. The action of play takes place in the territory that was part of the Republic of Estonia from 1920 to 1940, which historians call Estonian Ingria. At the very border with Stalin's USSR, Finnish and Russian cultural societies operated Lutheran and Orthodox parishes. The agrarian reform that took place in the early 1920s was a continuation of the interrupted Stolypin reforms! A young peasant, Leander Reio, who lived in the village of Kulla, established a national society and the Finnish newspaper Sanaseppä. But he faced the fate of his fellow countrymen who remained on the other side of the border, where collectivization, repressions, and exile to Siberia of the most successful peasants who believed in the slogans of the NEP and who suddenly became kulaks took place. Leander Reio (1904–1931), the "King of Ingria", the hero of the play by the Estonian writer Arnold Aru, published in 1932 in Estonian and 1934 in Finnish, is a real historical figure, a man who did a lot for preserving the Finnish language and fostering national consciousness in the Finnish villages of Prinovye. "The King of Ingria" and his time

		Instead of the translator and editor's preface to the volume After the completion of the peace negotiations between Soviet Russia and Estonia in Tartu in February 1920, the border between the two states was set a few kilometers east of Ivangorod in the area of the village of Komarovka. Several villages on the right bank of the Narova River, populated by Ingrian Finns, Russians, and Izhorians, became part of the Republic of Estonia for 20 years. These two decades can hardly be called idyllic — economic difficulties, complicated life, and democratic mechanisms did not always work properly. However, everything is relative. At the border with the USSR, Finnish culture developed freely, newspapers in Finnish were published, Finnish schools operated, agricultural cooperatives and clubs were established, and the prosperity of the inhabitants, accustomed to hard work, slowly but surely grew. For many years, the fate of the King of Ingria remained unknown. It was only in the 1990s that Estonian researcher Heino Tõnismägi found information in the archives of the KGB of the Leningrad region about the end of Leander Reio's life. Agents were supposed to persuade him to cross the border. They succeeded, but at some point Reio, evidently realizing that he had fallen into a trap, attempted to resist but couldn't overcome his enemies. He was wounded and forcibly taken to the Soviet side. The GPU staged a trial of "counter-revolutionaries" and "accomplices of Finnish intelligence", in which 125 Ingrian Finns were accused. Eight main defendants, including Leander Reio, were sentenced to execution on June 19, 1932. The rest awaited camps or exile to Kazakhstan. Copies of newspapers were found with Leander and became the main material evidence... The tragedy on the border attracted the media's attention in Estonia and Finland and mentions of Leander Reio can be found in many publications of that time and subsequent years. Until 1932, the newspaper had a regular section called "On the Other Side of the Border". Virtually all materials in the section were related to the border area of Kuzyomkino and were obtained by Leander Reio from first-hand sources, i.e., from his accomplices on the Soviet side of the border. Reading the brief lines, it feels like touching history and understanding what the residents of several villages, many of whom had relatives on the other side of the border, experienced.

		"What Happened in Western Ingria" (May-June 1931). "April, May, and the first half of June passed rather calmly in Western Ingria. About 6 people were arrested on the shores and in coastal villages. Therefore, fishermen and peasants were shocked when in mid-June Soviet military surrounded several villages, drove everyone out of their homes into the yards (including the elderly and children), and took them to the Yamburg station. Residents think that some will end up in the Krasnoyarsk camp, and some in Northern Russia for logging. No one believes that the arrested will return from there. Therefore, exile is called the "road of death". The chilling horror of the totalitarian regime is evoked by the story of two teenagers, Johannes Orav and A. Tahvanen, who for some reason crossed the border and were arrested by the authorities. According to informants from the other side of the border, the boys were taken to Kingisepp, where they were demanded to "confess". However, they couldn't provide any interesting information to the Chekists. The article reports that, according to information from the other side of the border, one of the teenagers went mad. Later, the unfortunate ones were later sent to Leningrad, and their future fate is unknown. These were teenagers from "destructive", as they would say now, families, since their parents did not show much concern, thinking that the children had traveled deep into Estonia "for big money". The author notes that children, who had seen nothing but constant quarrels at home, may have decided they would be better off in Russia. According to the author, this may have been influenced by "a few insane people in Kallivere", who constantly demonstrated sympathy for the USSR. In the same issue, an article titled "Two Ingrian Men Executed" reports on a secret youth meeting held in one of the villages on the banks of the Luga, during which "military" (most likely Chekists) burst into a house. The participants resisted, one of the soldiers was killed, and the head of the Soviet border post Kulla was wounded. Most of the meeting participants managed to escape into the forest. The Chekists seized one of them, Nikolay Patonen. Another meeting participant, V. Ahonen, who was hiding in the attic of a resident's house, was arrested a few days later. The Chekists subjected him to inhumane torture – bound, he was thrown from the second floor of the house, and Chekists riding horses dragged him five kilometers while tied to a horse. The torture continued at the checkpoint. The article's author reports that the arrested were taken by motorboat to Kingisepp, and then to Leningrad, where they were rumored to be shot soon after. The traitor turned out to be the daughter of the house owner named Milli, the sister of one of the meeting participants, who

		shortly before these events married a communist. The communists left for Crimea, and Milli, returning to her parents' home, learned about the meeting from her brother and informed the "organs." From the text of the article, it is clear that the author is well-informed about all the details of what happened, but he remains silent about the purpose of the secret meeting. It can be assumed that it involved supporters of Leander Reio from the Soviet side of the border, and considerations of secrecy prevented them from discussing their activities openly. The article's author notes that the traitors earned the hatred of residents, and even her brother said that her sin and shame could only be washed away with blood... After the abduction of Leander Reio in December 1931, the section "On the Other Side of the Border" ceased to exist. The newspaper also often contained materials on historical topics – for example, about the Northern War and the sieges of Narva in 1700 and 1704, about the battles of the War of Liberation (civil war) in Estonia and Ingria. During the period when Leander Reio was the editor of the newspaper, articles about the Finno-Ugric family, brotherhood, and solidarity of related peoples were quite common. The last issue was published at the end of 1937. In Heino Tynismägi's book "Unohdetud toimikud," it is reported that the last chief editor was Linda Reio, Leander's widow. A bright and original page of the history of Ingrian Finns has passed into the past, confirming that even a small community can preserve its traditions with self-awareness and a strong leader. The writer and his character Immediately after the events, Estonian writer Arnold Aru wrote a play, first presented to the audience in 1932 in Narva, and already in 1934 translated into Finnish and published in Finland. The unrestrained energy inherent in youth, the desire at all costs to liberate one's fellow countrymen from the totalitarian regime: this is how the hero of the play appears to the reader. He naively believes that Estonia, Finland, and even the great powers will come to the aid of the Ingrian rebels. National revival and the struggle for freedom filled his entire life. "The King of Ingria" emerged alive, unlike a poster-like image of a fighter for an idea. In a conversation about Ingrian's costume

					with his chosen one, the hero of the play confesses his love after a few minutes of conversation, fleeing to join Kaitseleit. Leander Reio looks comical in this scene. The fighter against the totalitarian regime tries to appear confident but stumbles and stutters. His long emotional tirades about liberation and the united family of Finno-Ugric peoples seem childishly naive. Although it seems that the author of the play also paid tribute to these ideas, he too was a person of his time, a contemporary of Leander Reio, and a patriot of independent Estonia. The integrity of his character and views sometimes seems to border on cruelty. For example, Leander Reio persuades a teenager, who risked his life fleeing from the USSR and wanted to stay in Estonia, to return to fight for the liberation of his homeland. Did he have the right to demand this from a boy whose parents were shot by the Bolsheviks? For Leander Reio, there was simply no such question. These were the people shaped by years of confrontation, the atmosphere of civil war, which never ended for them. The hero of the play simply does not notice the love of Elina, who waited for him on the other side of the border for several years. Nor does he spare his own life, remaining forever 27 years old... There is every reason to believe that the author of the book, a journalist and public figure who lived in Narva, was acquainted with the hero (his contemporary), and in the book written literally on the heels of the events, the character traits of the real Leander Reio are creatively reflected. <…> In the post-war decades, the name of Leander Reio was surrounded by a thick veil of silence. For understandable reasons, the Soviet press did not write about him, but even in Finland, the media tried to avoid many sensitive issues, mentions of which could anger the eastern neighbor. Only during the Perestroika era in 1989, in the Finnish magazine *Inkeriläisten viesti*, the memories of Kulla resident Johannes Harakka about life in Estonian Ingria were published, where Leander, the society he created, and the newspaper were mentioned.
64.	2014	Mees, kes teadis ussisõnu	Andrus Kivirähk	Novels	Последний, кто знал змеиную молвь / The Last Man Who Spoke Snakish
	n/a				n/a
	n/a				n/a

65.	2014	Must tomat	Maarja Kangro	Poetry	Черный помидор / Black Tomato
	Maarja Kangrolt on seni ilmunud luulekogud „Kurat õrnal lumel” (Verb 2006), „Tule mu koopasse, mateeria” (EKSA 2007), „Heureka” (EIZSA 2008) ja „Kunstiteadlase jõulupuu” (EKSA 20 l O). Samuti on ta avaldanud novellikogud „Ahvid ja solidaarsus” (EKSA 2010) ja „Dantelik auk” (EKSA 2012).				История искусства как поэтическая стихия Маарья Кангро (20.12.1973, Таллинн) дебютировала как поэт. Первая книга стихов Kurat õrnal lumel («Черт на мягком снегу») вышла весной 2006 года. К настоящему времени на ее счету 5 поэтических сборников и две книги новелл. Она также автор книги для детей и нескольких либретто. Перевела с итальянского «Историю красоты» Умберто Эко, философские произведения Джоржано Агамбена и Джанни Ваттимо, поэзию Джакомо Леопарди, Андреа Занзотто и Валерио Магрелли; с немецкого – поэзию Ханса Магнуса Энценсбергера и Бертольда Брехта. Продуктивный, универсальный автор. И успешный. Маарья Кангро – лауреат нескольких литературных премий, в том числе Фонда Eesti Kultuurkapital (Эстонский капитал культуры) – за сборник стихотворений Heureka («Эврика», 2008) и сборник новелл Ahvid ja solidaarsus («Обезьяны и солидарность», 2010, на русском языке опубликован в 2012 году). Отчасти широкий круг интересов Маарьи объясняется происхождением. Она родилась в творческой семье: ее отец – композитор Раймо Кангро, мать – поэт и детская писательница Леэло Тунгал. Будучи с детства приобщенной к эстонской культуре, Маарья в подростковом возрасте увлеклась иностранными языками, объясняя этот факт поиском альтернативы категоричной советской системе. В последних классах средней школы и в студенческие годы она переводит с английского, а по окончании Тартуского университета получает диплом английского филолога. С 2007 года является докторантом культурологии при Таллиннском университете. Итак, поэтический дебют Маарьи Кангро состоялся в 32 года. Явление это относительно редкое для современной Эстонии, обычно к этому возрасту поэты успевают опубликовать два-три сборника. С Маарьей Кангро получилось иначе, поскольку она не планировала заниматься поэтическим творчеством, но стихи нашли ее сами. Маарья так рассказывала об этом в одном из интервью: «Я читала поэзию прежде всего потому, что среди моих друзей были поэты, но меня интересовала и человеческая психика. Затем у меня появились заказы на переводы поэзии (второй в моей жизни поэтический перевод – из Ханса Карла Артманна – звучащий со сцены театра «Эстония»). Позднее открылась возможность писать оригинальные тексты и музыкальные произведения, и

		тогда я наконец поняла, что, сочиняя стихи, можно испытать гораздо больший кайф». Учитывая разносторонние интересы Маарьи, можно сказать, что скучно с ее стихами не будет. Но и легкости тоже не ждите. Ее поэзия увлекает необычными историями, оригинальными рассуждениями, буйной фантазией, что позволяет читателю совершать своеобразный интеллектуальный дайвинг. Погружаясь в поэтический мир Маарьи Кангро, каждый обязательно найдет что-то для себя: факты из мира искусства, абсурдную ситуацию, переменчивое до крайностей настроение. Маарья Кангро пишет о том, что занимает ее ум, что раздражает ее в обществе. Она может быть феминисткой, но не бравировать этим; она может писать о важном, но избегать высокопарных фраз; в ней есть резкость, но нет ханжества. Маарья Кангро одновременно и рациональна, и ранима, она избегает удобной жизни и удобных стихов. В этом смысле Маарья Кангро – поэт свободы, не безбашенной и отчаянной, а рожденной знанием и опытом. Стихи Маарьи Кангро зачастую вырастают из бытовых ситуаций. Влетевшая в комнату оса, реакция туриста в музее современного искусства, поход в библиотеку... Ухватившись за тривиальный сюжет, поэт следует за ним, внимательно разглядывая с разных сторон, пытаясь найти ему новое применение, и делает это с охотой и даже с азартом. Оса влетела в комнату? Это послужит началом рассказа об изощренном избавлении от непрошеных гостей. Турист в музее современного искусства? Сделаем из него пародию на «крупного» ценителя искусства. Поход в библиотеку? Пусть он превратится в рестлинг с читателями. Банальная ситуация ставится с ног на голову. Полученная картинка получает новые смыслы и толкования, поскольку за игрой воображения видна эрудиция автора. Маарья Кангро обладает знаниями из разных сфер жизни, но главной стихией ее поэзии остается история искусства и философия, где она чувствует себя наиболее комфортно. Свидетельством тому может послужить, например, гипотетический указатель имен и источников, упоминаемых в ее стихах. Причем важно не забывать, что Маарья Кангро - современный поэт. Ее стихи могут иметь культурологическую начинку, заигрывать с вечностью,

		рассказывать об универсальных ценностях, но уже сам язык – лексика и синтаксис - отсылает читателя к дню сегодняшнему. Поэтому одно стихотворение у нее называется «Аккумулятор под дождем», во втором упоминается «Фейсбук», а в третьем звучит вопрос: «Вы переспали бы с реформистом?» Поэтический язык Маарьи Кангро имеет две ипостаси: с одной стороны, он стремится к бескомпромиссной точности и честности, а с другой – являет собой образец модернистского творчества. В ее стихах обнаруживается цельная натура лирического героя – самостоятельная молодая женщина с конкретными убеждениями и устоявшимся образом жизни. Она путешествует, ходит на вечеринки, пьет вино, зарабатывает на жизнь интеллекгуальным трудом. Как поэт Маарья Кангро обладает острым умом и быстрой реакцией. Картина первая: на подоконнике дозревают неспелые зеленые помидоры. Картинка вторая: один из помидоров потемнел. Картинка третья: темный помидор покраснел. Все эти изменения автор запечатлевает в стихотворении и, по своему обыкновению, ищет в этом что-то особенное. И вот каким полvчился красный помидор: «Погладила я Лазаря: какая мощь! / он рушит стрелки на часах времен: неспелый-мертвый-зрелый, / Хотелось бы мне быть хозяйкой этой силы!» Элегантно, логично, по-шекспировски торжественно. Но это еще не всё. Беспокойный ум не позволяет ей впадать в сентиментальность и тем более радоваться легким победам. До конца стихотворения остается еще три строки: «Наутро солнечная сторона / помидора была черней смолы./ Лазарь отправился ко всем чертям». То есть в этом стихотворении можно усмотреть два финала: возвышенный и нигилистический. Поэзия Маарьи Кангро ищет точное слово, но избегает дидактичности. Поэт слишком доверяет своему читателю, чтобы в чем-то его убеждать. А читатель, готов ли он предложить собственную интерпретацию черного помидора? Игорь Котюх
	Maarja Kangro has so far published the poetry collections "Kurat õrnal lumel" ("Devil on Soft Snow") (Verb 2006), "Tule mu koopasse, mateeria" ("Come to My Cave, Matter") (EKSA 2007), "Heureka" ("Eureka") (EIZSA 2008), and "Kunstiteadlase jõulupuu" ("The Art Historian's Christmas Tree") (EKSA	The History of Art as a Poetic Element Maarja Kangro (born December 20, 1973, in Tallinn) debuted as a poet. Her first poetry collection, "Kurat õrnal lumel" ("Devil on Soft Snow"), was published in the

	2010). She has also released short story collections "Ahvid ja solidaarsus" ("Monkeys and Solidarity") (EKSA 2010) and "Dantelik auk" ("A Dantean Hole") (EKSA 2012).	spring of 2006. To date, she has published five poetry collections and two books of short stories. She is also the author of a children's book and several librettos. Kangro has translated Umberto Eco's "History of Beauty," philosophical works by Giorgio Agamben and Gianni Vattimo, poetry by Giacomo Leopardi, Andrea Zanzotto, and Valerio Magrelli from Italian and poetry by Hans Magnus Enzensberger and Bertolt Brecht from German. She is a productive, versatile, and successful author who has won several literary awards, including the Eesti Kultuurkapital Foundation's prize for her poetry collection "Heureka" ("Eureka," 2008) and the short story collection "Ahvid ja solidaarsus" ("Monkeys and Solidarity," 2010, published in Russian in 2012). Part of Maarja's wide range of interests can be attributed to her background. She was born into a creative family: her father was the composer Raimo Kangro, and her mother was the poet and children's writer Leelo Tungal. Immersed in Estonian culture from a young age, Maarja became interested in foreign languages during her teenage years, explaining this as a search for an alternative to the rigid Soviet system. In the final years of secondary school and during her university studies, she translated from English, and after graduating from the University of Tartu with a degree in English philology, she became a doctoral student in cultural studies at Tallinn University in 2007. Thus, Maarja Kangro debuted as a poet at the age of 32. This is relatively rare for modern Estonia, where poets usually manage to publish two or three collections by that age. Maarja's experience was different because she did not initially plan to engage in poetic creativity, but poetry found her on its own. Maarja explained this in one of her interviews: "I read poetry mainly because my friends were poets, but I was also interested in the human psyche. Then I received commissions to translate poetry (the second poetic translation in my life was from Hans Carl Artmann, performed at the Estonia Theatre). Later, the opportunity to write original texts and musical compositions opened up, and I finally realized that by writing poems myself, I could experience much greater joy." Given Maarja's diverse interests, one can say that her poems will not be boring. However, don't expect them to be easy either. Her poetry captivates with unusual stories, original reflections, and wild imagination, allowing the reader to engage in a sort of intellectual diving. Diving into the poetic world of Maarja Kangro, everyone

		will find something for themselves: facts from the art world, an absurd situation, or an extremely variable mood. Maarja Kangro writes about what occupies her mind and what irritates her in society. She can be a feminist without flaunting it; she can write about important matters without using lofty phrases; she has sharpness but not hypocrisy. Maarja Kangro is rational and vulnerable, avoiding a comfortable life and conventional poems. In this sense, Maarja Kangro is a poet of freedom, not reckless and desperate, but born from knowledge and experience. Maarja Kangro's poems often grow out of everyday situations. A wasp flying into a room, a tourist's reaction in a contemporary art museum, a visit to a library... Grasping a trivial plot, the poet follows it, examining it closely from different angles, trying to find new uses for it, and doing so with enthusiasm and zeal. Did a wasp fly into the room? This will serve as the beginning of a story about the sophisticated elimination of unwanted guests. A tourist in a contemporary art museum? Let's make a parody of the "great" art connoisseur. A visit to the library? Let it turn into a wrestling match with readers. A banal situation is turned upside down. The resulting picture acquires new meanings and interpretations because the author's erudition is visible behind the play of imagination. Maarja Kangro possesses knowledge from various fields of life, but the main element of her poetry remains the history of art and philosophy, where she feels most comfortable. An example of this is the hypothetical index of names and sources mentioned in her poems. It is also important to remember that Maarja Kangro is a contemporary poet. Her poems can have a cultural subtext, flirt with eternity, and talk about universal values, but the language itself – vocabulary and syntax – refers the reader to the present day. Therefore, one poem is titled "Battery in the Rain," in another "Facebook" is mentioned, and in a third, the question is asked: "Would you sleep with a reformist?" Maarja Kangro's poetic language has two aspects: on one hand, it strives for uncompromising precision and honesty, and on the other, it exemplifies modernist creativity. Her poems reveal the integral nature of the lyrical hero – an independent

					young woman with specific convictions and an established lifestyle. She travels, attends parties, drinks wine, and earns a living through intellectual work. As a poet, Maarja Kangro has a sharp mind and quick reaction. First picture: unripe green tomatoes are ripening on the windowsill. Second picture: one of the tomatoes has darkened. Third picture: the dark tomato has turned red. The author captures all these changes in a poem and, as usual, looks for something special in this. And here's how the red tomato turned out: "I stroked Lazarus: what power! / he breaks the hands on the clock of times: unripe-dead-ripe, / I would like to be the mistress of this power!" Elegant, logical, Shakespeareanly solemn. But that's not all. Her restless mind does not allow her to fall into sentimentality, much less to rejoice in easy victories. There are still three lines left until the end of the poem: "In the morning the sunny side / of the tomato was black as tar/ Lazarus went to hell." In this poem, one can see two endings: an elevated one and a nihilistic one. Maarja Kangro's poetry seeks the exact word but avoids didacticism. The poet trusts her readers too much to try to convince them of something. But is the reader ready to offer their interpretation of the black tomato? Igor Kotjuh
66.	2014	Minu Narva: kahe maailma vahel	Katri Raik	Travelogue	Моя Нарва: между двух миров / My Narva: Between Two Worlds
	MINU NARVA Narva pole linn, vaid riik, ja siin elab narvakeelne rahvas narvitjane. Eesti võim pelgab neid. Kui mõni kõrge riigiesindaja Narvat väisab, on tunne, et ta toob riigi süles Narva ning võtab lahkudes taas kaasa. Siin on piirijärjekorrad ning elatusallikaks salakaubana üle toodav suits ja viin. Kunagine toitja Kreenholm on suletud, töötuse määr üks Eesti kõrgemaid ja sissetulek madalamaid. Aga Narvas on ka valgest betoonist fassaadiga uus kolledžihoone, kuhu on nähtamatute tähtedega kirjutatud EUROOPA. Siin on inimesed, kes pingutavad Narva nimel Ja usuvad, et Narval on tulevikku.				МОЯ НАРВА Нарва не город, а страна, где живут нарвитяне, которые говорят на нарвском языке. Эстонская власть смотрит на Нарву с опаской. Если какой-то высокопоставленный государственный деятель посещает Нарву, то возникает ощущение, что он привозит, а потом увозит с собой эстонскую государственность. Здесь длинные очереди на погранпункте, и контрабанда дешевой водки и сигарет является важным источником дохода. Кормилец «Кренгольм» закрыт, и здесь самый высокий уровень безработицы и самый низкий уровень жизни. Но есть в Нарве и здание нового колледжа с фасадом из белого бетона, на котором невидимыми буквами начертано: ЕВРОПА. Здесь есть люди, которые

	Minu unistuste Narva ei ole hääbuv paik Euroopa ääremaal, vaid Euroopa eelpost: uhke ja ilus linn, kus inimesed räägivad mitmes keeles, aga ühes meeles. Katri Raik on TÜ Narva kolledži direktor. 2009. aastal tunnustati teda Valgetähe III klassi teenetemärgiga, 2012. aastal missioonipreemiaga ja 2013. aastal aasta naise tiitliga.				верят, что у Нарвы есть будущее, и делают все возможное, чтобы оно было светлым. В моих мечтах Нарва предстает не ущербной окраиной Европы, но ее форпостом: городом гордой красоты, где люди говорят на разных языках, но сходятся во мнениях. Катри Райк – директор Нарвского колледжа Тартуского университета. В 2009 году была удостоена ордена Белой Звезды III класса, в 2012 году премии Ааду Луукаса «Миссия» и в 2013 титула «Женщина года».
	MY NARVA Narva is not a city, but a state, and the Narva-speaking people, the Narvitjane, inhabit it. The Estonian authorities are wary of them. When a high-ranking state representative visits Narva, it feels like they bring the state to Narva in their arms and take it away again upon leaving. Here, there are border queues, and livelihoods are often sustained by smuggling cigarettes and alcohol. The former breadwinner, Kreenholm, is closed, the unemployment rate is among the highest in Estonia, and income levels are among the lowest. But Narva also has a new college building with a white concrete façade, inscribed invisibly with the word EUROPE. There are people here who strive for Narva and believe that Narva has a future. The Narva of my dreams is not a fading place on the periphery of Europe, but a European outpost: a proud and beautiful city where people speak multiple languages but share a common understanding. Katri Raik is the director of the University of Tartu Narva College. In 2009, she was awarded the Order of the White Star, III Class. In 2012, she received the Mission Award, and in 2013, she was named Woman of the Year.				MY NARVA Narva is not a city but a country, inhabited by the Narva people who speak the Narva language. The Estonian authorities look at Narva with caution. When a high-ranking state official visits Narva, it feels as if they bring Estonian statehood with them and take it away when they leave. Here, there are long queues at the border, and smuggling cheap vodka and cigarettes is an important source of income. The breadwinner, Kreenholm, is closed, and this place has the highest unemployment rate and the lowest standard of living. But Narva also has a new college building with a white concrete facade, on which the word EUROPE is inscribed in invisible letters. There are people here who believe that Narva has a future and do everything possible to make it bright. In my dreams, Narva is not a disadvantaged periphery of Europe but its outpost: a city of proud beauty where people speak different languages but share common opinions. Katri Raik is the director of the University of Tartu Narva College. In 2009, she was awarded the Order of the White Star, III Class, in 2012 the Aadu Luukas Mission Award, and in 2013 the title of Woman of the Year.
67.	2014	Väiksed romaanid. Kirsioks. Ravitseja	Arvo Valton	Novels	Маленькие романы. Вишневая ветка. Лекарь / Short novels. Cherry branch. Healer.
	n/a				Арво Валтон

		Предисловие Крайне плодовитый для масштабов Эстонии (его планируемое собрание сочинений должно состоять из 24 томов) Арво Валтон совершил впечатляющий прорыв в литературу, дебютировав в 1963 году сборником новелл «Странное желание», за которым последовали «Между колесами» (1966) и сборник «Восемь японок» (1968), вызвавший полемику о том, возможно ли в социалистическом обществе отчуждение и о правомерности экзистенциального подхода к действительности. Все это свидетельствовало о Валтоне как о писателе самобытном, с устоявшимся творческим почерком. Основа системы новеллистики Валтона, который более других современных эстонских прозаиков углублялся в проблемы человеческого бытия, его неповторимость, по мнению литературоведа Пярта Лиаса, состояла в «сравнительно обьективном повествовании и соответствующем ему дистанцировании от изображаемого, готовности высмеять персонажей – и в выстраивании субъективной модели мира с помощью повествования от первого лица и внутреннего монолога». Рейн Вейдеманн ОБ АВТОРЕ Арво Валтон (настоящая фамилия Валликиви, Vallikivi) (р. 1935) – эстонский писатель, драматург, поэт, переводчик и публицист. Семья А.Валтона была выслана в Сибирь (1949–1954), где он окончил среднюю школу. После возвращения в Эстонию учился на горного инженера в Таллиннском политехническом институте (ныне университет, TTÜ). В 1967 году окончил ВГИК, получив специальность кинодраматурга. Работал редактором на киностудии «Таллинфильм». По сценарию А.Валтона в 1969 году был снят самый известный и очень популярный в СССР фильм «Последняя реликвия» (лидер проката 1971 года, фильм посмотрели почти 50 млн зрителей). По произведениям Арво Валтона ставились фильмы в России, Финляндии, Швейцарии и на Украине.

		А.Валтон стоял во главе обновленной эстонской прозы 1960-1970-х годов. Много экспериментировал, писал в самых разных жанрах и стилях (от реализма до сюрреализма). Среди его произведений новеллы, романы, стихи, пьесы, миниатюры, афоризмы, сказки. В его произведениях присутствует и мистика Востока, и фантастика модерна, и трагические мотивы столетия. Большими тиражами издавались и пользовались большой популярностью у читателей книги гротескно-сатирических («Восемь японок», 1968), социально-бытовых рассказов и исторических и философских новелл-притч («Мустамяэская любовь», 1979; «Старые счеты», 1981). В историческом романе-стилизации о Чингисхане «Путь в другой конец бесконечности» (1978; в русском переводе – «Пути сходятся в вечности») – тема бессмертия, противостояния активного зла и созерцательного добра. В ранних новеллах писателя доминирует социально-психологическое начало, в центре внимания автора часто оказываются необычные ситуации, для них характерна поэтика гротеска, отстранения, абсурда. В более поздних вещах на первый план выдвигается философское осмысление действительности. Произведения А.Валтона переведены более чем на 30 языков мира. За последние десятилетия эта книга – первый перевод на русский язык когда-то одного из самых переводимых эстонских авторов.
	n/a	Arvo Valton Preface Arvo Valton, an exceptionally prolific writer by Estonian standards (his planned collected works are expected to span 24 volumes), made a remarkable breakthrough into literature with his debut collection of short stories *A Strange Desire* in 1963. This was followed by *Between the Wheels* (1966) and the collection *Eight Japanese Women* (1968), which sparked debates about whether alienation is possible in a socialist society and the legitimacy of an existential approach to reality. All of this demonstrated Valton as an original writer with a well-established creative style. The foundation of Valton’s short story technique, which delves deeper into human existence than other contemporary Estonian prose writers, lies in what literary critic Pärt Lias describes as “a comparatively objective narrative and corresponding detachment from the subject matter, a readiness to mock characters – and the

		construction of a subjective model of the world through first-person narration and internal monologue." — Rein Veidemann About the Author Arvo Valton (real surname Vallikivi) (b. 1935) is an Estonian writer, playwright, poet, translator, and publicist. Valton's family was deported to Siberia (1949-1954), where he completed high school. After returning to Estonia, he studied mining engineering at the Tallinn Polytechnic Institute (now a university, TTÜ). In 1967, he graduated from VGIK (the All-Russian State Institute of Cinematography), specializing in screenwriting. He worked as an editor at the Tallinnfilm studio. In 1969, the most famous and widely popular film in the USSR, *The Last Relic* (the top-grossing film of 1971, seen by nearly 50 million viewers), was made based on Valton's screenplay. Films based on Valton's works have been produced in Russia, Finland, Switzerland, and Ukraine. Valton was at the forefront of the renewed Estonian prose of the 1960s-1970s. He experimented extensively, writing in various genres and styles (from realism to surrealism). His works include short stories, novels, poems, plays, miniatures, aphorisms, and fairy tales. His writing encompasses both Eastern mysticism and modern fantasy, as well as tragic motifs of the century. His grotesque-satirical stories (*Eight Japanese Women*, 1968), socio-domestic tales, and historical-philosophical parables (*Love in Mustamäe*, 1979; *Old Bills*, 1981) were published in large editions and enjoyed great popularity among readers. In his historical novel-stylization of Genghis Khan, *The Path to the Other End of Infinity* (1978; translated into Russian as *Paths Converge in Eternity*), he explores the themes of immortality and the confrontation between active evil and contemplative good. In the author's early stories, the dominant focus is socio-psychological, often centered on unusual situations characterized by the poetics of grotesque, detachment,

					and absurdity. In his later works, philosophical reflections on reality come to the forefront. Valton's works have been translated into more than 30 languages worldwide. This book is the first translation into Russian in decades of what was once one of the most translated Estonian authors.
68.	2014	Eesti album, ehk, Mitte kõik ei ole veel kaotatud	Svetlan Semenenko	Poetry	Эстонский альбом, или Ещё не всё потеряно / Estonian Album. Not all is lost yet
Bilingual	n/a				n/a
	n/a				n/a
69.	2014	Hea firma	Armin Kõomägi	Novel	Хорошая фирма / Good firm
	COVER „Tore raamat, lugesin lõbuga. Kõomägi kirjutab nagu noor Kaugver." – Mart Juur „Kui sa oled üks ja ainus, kes oma isa munandi-kotist miljonite konkurentide seast võitjaks osutus, siis sa ei ole luuser. Ükskõik millises haledas mülkas sa ka parasjagu ei mädaneks. Sa oled võitja, sinu trofee on elu. Võta ennast kokku, ela ja maksa võlad. Sa suudad! Tuleta meelde hetke, kui olid alles mikroskoopiline inimkulles, täis ürgset energiat ja kompromissitut võidutahet. Jätka seda teekonda liigseid küsimusi esitamata. Sündimine ei anna mingit õigust tempo vähendamiseks. Vastupidi. Ema üsat väljunud ootab ees maailm, kus igaüks on seemnerakkude Carl Lewis. Niisiis, sul on kaks kõige tähtsamat asja: treeningpäevik ja maksegraafik. Tuld!" Jürgen R.Rosenwald Armin Kõomägi sündis eelmisel sajandil sellel planeedil, mitmekülgselt andeka inimesena on ta tegev nii suures äris kui Euroopa kirjanduseliidis. Kõomägi pärjati Tuglase novellipreemiaga 2006, valiti Kultuurkapitali aasta				COVER Армин Кыомяги (Armin Kõomägi, род. 1969, Молдавия) – современный эстонский писатель и успешный предприниматель. Автор трех книг короткой прозы и трех романов. Первая новелла на русском языке «Анонимные логистики» вышла в журнале «Дружба народов» (№ 3, 2012), затем «Само совершенство «(«Таллинн», № 1, 2014). В 2014 году опубликован сборник новеллистики под названием «Дебил» в переводе Веры Прохоровой. В 2015 году роман «Луи Вутон» завоевал первое место на конкурсе романов, организованном Союзом писателей Эстонии. «Хорошая фирма» – первый роман на русском языке Повествование ведется от лица только что созданной фирмы. Она долго лежала на полке без потребности, но вдруг дела закрутились. Какими тонкими наблюдениями за действиями своих «основателей» делится новорожденная с читателями! Сколько сарказма сквозит в ее бесстрастных оценках! Стремительный взлет, улыбнувшееся было счастье, большие деньги – перед ее глазами вся жизнь окружающих как на ладони.

	parima proosaraamatu nominendiks 2009 ning on esindatud novelliga kogumikus Best European Fiction 2012. „Hea firma“ räägib edukast ärist täiesti ootamatu nurga alt, see hoogne romaan on kasutatav nii eneseabiõpikuna, kvaliteetse meelelahutusena, kirjanduslugemikuna, käsiraamatuna pretensioonikale ärijuhile kui ka seltskondliku vestlusaine krestomaatiana lihtsale ja heale inimesele.	Автор, сам занимающийся современным бизнесом, хорошо знаком со всеми его изъянами и потерями. И воспринимает этот мир с острой иронией. Славное чтение!
	COVER "A great book, I read it with pleasure. Kõomägi writes like a young Kaugver." - Mart Juur "If you are the one and only who emerged victorious from your father's scrotum among millions of competitors, then you are not a loser. No matter what miserable swamp you might be rotting in right now. You are a winner; your trophy is life. Pull yourself together, live, and pay your debts. You can do it! Remember the moment when you were just a microscopic tadpole, full of primal energy and an uncompromising will to win. Keep going without asking unnecessary questions. Being born does not grant you the right to slow down. On the contrary. The world that awaits you after emerging from your mother's womb is one where everyone is a Carl Lewis among sperm cells. So, you have two most important things: a training log and a payment schedule. Go for it!" - Jürgen R. Rosenwald Armin Kõomägi was born in the previous century on this planet. A multi-talented individual, he is active in both large-scale business and the European literary elite. Kõomägi was awarded the Tuglas Short Story Prize in 2006, was a nominee for the Cultural Endowment’s Best Prose Book of the Year in 2009, and was featured in the anthology Best European Fiction 2012. *Good Firm* offers a fresh and unexpected perspective on a successful business. This dynamic novel can be used as a self-help guide, quality entertainment, a	COVER Armin Kõomägi (born in 1969, in Moldova) is a contemporary Estonian writer and successful entrepreneur. He is the author of three short story collections and three novels. His first short story in Russian, *Anonymous Logisticians*, was published in the magazine *Druzhba Narodov* (No. 3, 2012), followed by *Perfection Itself* (*Tallinn*, No. 1, 2014). In 2014, a short story collection titled *The Debil* was published, translated by Vera Prokhorova. In 2015, his novel *Louis Vutton* won first place in a novel competition organized by the Estonian Writers' Union. *Good Firm* is his first novel in Russian. The story is narrated from the perspective of a newly created company. It sat idle for a while, but suddenly business picks up. The newborn company shares its keen observations about the actions of its "founders" with the readers, offering a wealth of sarcasm in its detached assessments. The rapid rise, fleeting happiness, and big money—everything in the surrounding world is laid bare before its eyes. The author, being actively involved in modern business, is well acquainted with its flaws and losses, and he approaches this world with sharp irony. A delightful read!

	literary reader, a manual for a demanding business leader, or even as a collection of conversation starters for a simple and good-hearted person.				
70.	2015	Eesti rahva muinasjutte lindudest ja loomadest	August Jakobson	Children's literature	Эстонские народные сказки о птицах и животных / Estonian Tales About Birds and Animals
Bilingual	n/a				Издание посвящено 100-летию со дня рождения Аунуста Якобсона. Эстонский писатель Аугуст Якобсон – знаток деревенского быта, обычаев, традиций. Картинки народной жизни легко просматриваются за простодушными отношениями его героев – птиц, мышей, собак и лошадей. Незатейливость, «веселая шутка, посоленная крупицами истины», отличает эти сказки. Пять сказок сборника предложены на русском и эстонском языках. Дети-читатели смогут раскрасить персонажи сказок красками, карандашами, фломастерами. Рекомендуется дошкольникам и детям младшего школьного возраста.
	n/a				This edition is dedicated to the 100th anniversary of the birth of August Jakobson. Estonian writer August Jakobson was an expert on rural life, customs, and traditions. The simple relationships among his characters—birds, mice, dogs, and horses—vividly reflect scenes of folk life. These tales are characterized by their simplicity and a “cheerful joke sprinkled with grains of truth.” Five stories from the collection are presented in both Russian and Estonian. Young readers will have the opportunity to color the story characters using paints, pencils, or markers. Recommended for preschoolers and young school-age children.
71.	2015	Kooparahvas läheb ajalukku	Mihkel Mutt	Novels	Народ пещеры уходит в историю / The Cave People Is Now History
	JUTUSTAJA EESSÕNA Minu isik pole eriti oluline ... vähemalt esialgu mitte. Mu nimi on Juhan, perekonnanimi Raudtuvi. Nõnda seisab ka mu tõlgete ja muude kirjutiste all (vahel on lihtsalt J.R.) Tuttavad kutsuvad mind enamasti Jukuks. Sündisin ühes Lõuna-Eesti alevikus. Isa oli tehnilise intelligentsia esindaja, ema keskkutseharidusega. Kui olin lõpetanud neljanda klassi, kolisid vanemad				Предисловие рассказчика Моя личность не особенно важна.... По крайней мере, вначале. Меня зовут Юхан, фамилия Раудтуви. Под этим именем выходят в свет мои переводы и другие труды (иногда я подписываюсь просто Ю.Р.). Знакомые чаще всего зовут меня Юку. Я родился в поселке на юге Эстонии. Отец был представителем техническои интеллигенции, мать получила профессионально-

	Tartusse. Ülikoolis õppisin majandusteaduskonnas raamatupidamist. Pärast ülikooli suunati mind riigiasutusse, kus pidasin ametit, mis on kõrgemal üksluisest paberitööst, kuid madalamal loovast juhtimisest. Ma olin normaalne inimene. Olin kahekümnendast eluaastast peale õppinud iseseisvalt (armastuse pärast, kuid ka vaimse paopaiga mõttes) ühte meil vähe osatavat võõrkeelt ning tasapisi omandasin selle küllalt heal tasemel. Ilukirjanduse tõlkimine (ka teistest keeltest lisaks sellele haruldasele) on mulle võimaldanud hingelise rahulduse kõrval lisasissetulekut ning muidugi ka lubatähte vaimuinimeste ringkondadesse, suhtlust endast palju arenenumate inimestega. Selleta poleks mul vähimatki võimalust seda teost siin kirjutada. Oma kunstilisi impulsse olen veel realiseerinud taidlusteatris, algul Lasteteatris, siis tudengite omas (sellepärast ma tunnengi Hasso Millerit juba varasest ajast), hiljem ühes vabatrupis. “Lavakasse” proovimisest ma küll isegi ei unustanud, tundsin oma piire. Tutvusest Õpetatud Sõbraga, mis sai alguse viimastel ülikooliaastatel ja mis mu vaimset horisonti üsna palju avardas, kõnelen omal ajal. Nagu ka sellest, mis asjaoludel tuli minust seltskonnaajakirjanik. Nüüd kõige tähtsamast – miks ma kirjutan? Ja just niisugusel kujul? Tunnustan, et algul tahtsin kirjutada täielise romaani nagu suurmeistritel. Niisuguse, kus ümarad karakterid ja plastilised figuurid avanevad dramaatiliste sündmuste kulisside taustal, mis hoogsa ja tundliku pintsliga on tõmmatud ajalooliselt tõetruule taustale. Neis romaanides räägivad kõik oma isikupärase häälega, mille kõrval on autori (või tema suuvoodri) vaimukad ning targad arutlused. Tulemus? Ühe lõigu piires kandsin välja, vahel isegi mitu lehekülge (nagu esimene peatükk poiste lapsepõlvest). Tekstis oli „teri”, näiteks ühele naispersoonile lõin hiilgava figuurikirjelduse, paar tegelast esines väga viimistletud poliitiliste sõnavõttudega (need tulevad mul üldse hästi välja) ja mõni asi õnnestus veel. Kokkuvõttes jäin aga varsti jänni. Minu teos hõlmab pikka aega, peaaegu poolt sajandit. Et kirjutada sellest nii nagu suurmeistrid, läheks vaja kümneid köiteid. Kes neid viitsib tänapäeval lugeda? Aeg muutub kiiresti, ja üsna võimalik, et tulevikus ei saadaks minust enam	техническое образование. Когда я окончил четвертый класс, родители переехали вТарту. В университете я изучал бухгалтерское дело на экономическом факультете. После чего меня распределили в госучреждение, где я получил работу, не связанную с бумажной волокитой, однако не столь творческую, как у моего руководства. Я был нормальным человеком. На двадцатом году жизни я стал самостоятельно изучать (из любви к искусству, а также из желания найти прибежище) малоупотребительный у нас иностранный язык и понемногу овладел им на весьма хорошем уровне. Перевод художественнои литературы (не только с этого редкого, но и с других языков) давал мне, наравне с моральным удовлетворением, дополнительный доход и, кроме того, пропуск в высоко духовные сферы, то есть доступ к общению с гораздо более развитыми людьми. Без этого у меня не было бы ни малейшей возможности написать это произведение. Свою тягу к художественному я реализовал в самодеятельном театре, сначала в детском, затем в студенческом (вот почему я знаю Хассо Миррела уже с ранних лет), а позднее в антрепризе. Однако о сценической карьере я не помышлял, ибо знал пределы своих возможностей. О знакомстве с Просвещенным Другом, начавшемся в последние университетские годы и значительно расширившем мои духовные горизонты, я расскажу в свое время. Как и о том, при каких обстоятельствах из меня получился журналист, освещающий светскую жизнь. А теперь о самом главном – почему я стал писать? Причем именно в такой форме? Признаюсь, вначале я собирался писать настоящий роман, как у больших мастеров. Такой, где законченные характеры и пластичные фигуры раскрываются на фоне драматических событий закулисья, которые в свою очередь нанесены быстрой и чуткой кистью на исторически выверенный фон. В этих романах у свех героев свой неповторимый голос, а рядом умные и ироничные рассуждения автора (или его подголоска). И что же в итоге? Один абзац вполне получился, я даже выдержал несколько страниц (к примеру, первую главу о детстве мальчиков). В тексте были «зерна», так, я дал превосходное описание фигуры одной героини, несколько персонажей выступили с отточенными политическими речами (они у меня всегда хорошо получаются), и еще кое-что удалось. Но вскоре работа застопорилась. Мое

	aru, öeldaks, et kirjanik on tegelenud pseudoprobleemidega, takerdunud oma aega, nostalgitseb. Nii oli mul valida, kas üldse mitte kirjutada või siis teha seda vähem ümaralt ja täiuslikult. Kirjutamata jätta ma ei saanud, südametunnistus ei lubanud. Ma olen oodanud kakskümmend aastat – niipalju kui meil seda uut vabadust ja iseseisvust on olnud –, et mõni kirjanik nende asjadega tegeleks, aga paistab, et keegi ei kavatsegi. Ühed on surnud või vanadusest väetid, teised noorusest nõdrad. Viimastel pole minevikust isiklikke mälestusi, ja ennast sinna aega tagasi mõelda, selle nimel vaeva näha nad vist ei viitsi. Kui nemad vanemaks ja küpsemaks saavad, huvitavad neid kõigi eelduste järgi juba hoopis teised asjad. See, mis nüüd tuli, pole ümarplastika ega traktaat, vaid mingi vahevariant. Mõned episoodid on esitatud kirjanduslikult, näiteks mitmesugused vestlused ja dialoogis – see oskus on mul pärit taidlusteatri ajast, kui pidin vahel dialooge suupärasemaks kohendama. Suur osa teksti on aga otseütlev. Ja mõnest asjast pole üldse juttu, kuna eeldan, et näiteks poliitilist tausta teab lugeja niigi. Tegelasi on liiga palju – olen sellest teadlik –, tekst on üle kuhjatud, aga mis parata – nii palju oli neid, kelle saatuselugu tahtsin vähemasti põgusalt esitleda. Endamisi nimetasin oma teost kroonikaks. Siis aga taipasin, et see võib eksitav olla, kuna lugeja läheneks mu tekstile samasuguste ootustega nagu Läti Hendriku, Kelehi, Russowi ja teistele tõelistele kroonikatele. Kas poleks õigem nimetada seda seltskonnakroonikaks? Kõhklesin, kas see äkki ei madalda mu ürituse formaati. Liiati võiks see ka tekitada lugejas vääraid ootusi, sest ma ei kirjuta ju seltskonnast tavatähenduses või vähemasti mitte üksnes sellest. Siis aga otsustasin, et nii on õige. Eks jumala silmis ole iga kroonika seltskonnakroonika. COVER Mihkel Mutt (s. 1953) on kirjanik, kriitik ja kolumnist. Debüteerinud koguga „Fabiani õpilane“ (1980), on ta tnaseks avaldanuf üle kolmekümne raamatu. Enim tähelepanu pälvinutest võib mainida romaane „Keerukuju“, „Hiired tuules“, „Pingviin ja raisakass“, „Elu allikad“ ja „Rahvusvaheline mees“,	произведение охватывает большой отрезок времени, почти полвека. Чтобы написать об этом, как большие мастера, понадобились бы десятки томов. Но кто же ныне в состоянии их прочитать? Времена меняются быстро и вполне возможно, что в будущем меня не поймут, скажут, что писатель занимался псевдопроблемами, застревал в прошлом, страдал ностальгией. Нужно было выбирать: или совсем не писать, или делать это не так округло и завершенно. Я ждал двадцать лет – столько, сколько длилась наша новая свобода и независимость, - не займется ли этим кто-нибудь из писателей, но, похоже, так никто и не собрался. Одни умерли, другие немощны от старости, третьи молоды и незрелы. У последних нет о прошлом личных воспоминаний, а поместить себя в другое время и трудиться ради этого в поте лица они, должно быть, не в состоянии. А когда они станут старше и более зрелыми, то скорее всего их будут интересовать совсем другие вещи. То, что вышло, не округлая пластика и не трактат, а некий средний вариант. Некоторые эпизоды написаны вполне литературно, например, несколько бесед и диалогов – это умение у меня осталось со времен самодеятельного театра, когда я должен был делать диалоги более удобоваримыми. Однако большая часть романа написана от первого лица. Об иных вещах вообще ничего не сказано, ибо я предположио, что политический фон и так всем известен. Действующих лиц слишком много – и мне ли этого не знать – текст перегружен, но что делать, слишком много тех, чью судьбу, путь бегло, я хотел бы изобращить. Сначала я назвал произведение хроникой. Но потом понял, что могу ввести читателя в заблуждение, ибо он будет подходить к моему тексту с ожиданием подлинной хроники, вроде трудов Генриха Латышского, Кельха, Руссова и других. Не будет ли правильнее назвать все это светской хроникой? И тут же я засомневался, не снизит ли это определение формат моей затеи? К тому же оно могло вызвать у читателя ложные ожидания, ибо я не пишу про общество в привычном представлении. Но потом решил, что все-таки это правильно. Ведь в глазах Бога любая хроника – светская. COVER

	jutukogusid „Fabiani õpilane“, „Kerge meel“ ja „Sissemigrant“, esseekogused „Kõik on üks ja seesama“ ja „Meedia mu meedia“, eraldi ilminud esseesid „Väärikusest“ ja „Eestlusest“, lasteraamatuid „Franzözisch“ ja „Näärivana“, reisikirju „Kolm korda Aasias“. Viimastel aastatel on Mihkel Mutt avaldanud kuus köidet mälestusi lapsepõlvest nõukaaja lõpuni. Sama ajastut käsitleb ka käesolev romaan. KOOPARAHVAS LÄHEB AJALUKKU Romaani tegevus toimub poole sajandi jooksul 1960–2010. Mitmete kõrvuti kulgevate ja siin-seal põimuvate elusaatuste kirjutamise kaudu otsib autor vastust küsimustele, miks läks kõik nii, nagu läks, miks on Eesti Vabariik säärane, nagu ta on? Ja kuidas peaks mõtlev inimene sellesse kõigesse suhtuma? Autori lõikav iroonia vaheldub skepsise ja resignatsiooniga, kui ta maalib pildi ajastute vahetumisest, arutleb ideaalide ja tegelikkuse üle. Elu on, nagu ta on, hea, et niigi läks, leiab ta.	Михкель Мутть (1953) – писатель, критик, эссеист. Дебютировал сборником рассказов «Ученик Фабиана» (1980). К анстоящему времени им опубликовано более тридцати книг. Наибольшее внимание читателя привлекли романы «Замри», «Мыши на ветру», «Пингвин и кот-стервятник», «Истоки жизни» и «Международный человек», сборники рассказов «Легкое настроение» и «Внутренний эмигрант», сборники эссе «Все одно и то же» и «Медиа, мои медиа», отдельными изданиями вышли эссе «О достоинстве» и «Об эстонстве». М.Мутть – автор детских книг «Französisch» и «Дед Мороз», а также путевых заметок «Три раза в Азии». В последнее время им были изданы шесть томов воспоминаний, начиная с детских лет и до наших дней. Об этом же периоде настоящий роман. Народ пещеры уходит в историю Действие романа охватывает полвека и происходит в Эстонии с 1960-го по 2010 год. Через изображение жизненных судеб, проходящих рядом, пересекающихся и расходящихся, автор ищет ответ на вопрос, почему все произошло так, как произошло, почему Эстонская Республика стала такой, какой она стала? И как думающий человек должен ко всему этому относиться? Едкая ирония автора сменяется то скепсисом, то смирением, когда он описывает картину смены эпох, рассуждает об идеалах и реальности. Жизнь есть жизнь, хорошо еще, что так вышло, рассудил он.
	NARRATOR’S PREFACE My identity isn’t particularly important... at least not initially. My name is Juhan Raudtuvi. That’s how my translations and other writings are signed (sometimes just J.R.). Most acquaintances call me Juku. I was born in a small town in Southern Estonia. My father was part of the technical intelligentsia, and my mother had a vocational education. After I finished the fourth grade, my parents moved to Tartu. I studied accounting in the Economics Faculty at the university. After graduating, I was assigned to a state institution where I held a position above mundane paperwork but below creative leadership. I was a normal person. From the age of twenty, I began to independently study a foreign language that is not widely known here (partly out of love, partly as a mental refuge), and I gradually mastered it at a fairly high level. Translating literature (from other languages in addition to this rare one) has not only provided me with	Narrator’s Preface My personality isn't particularly important… at least not at first. My name is Juhan, last name is Raudtuvi. My translations and other works are published under this name (sometimes I sign as simply J.R.). Most people who know me call me Juku. I was born in a small town in southern Estonia. My father was part of the technical intelligentsia, and my mother had vocational education. When I finished fourth grade, my parents moved to Tartu. At the university, I studied accounting in the economics faculty. Afterward, I was assigned to a government institution where I got a job that didn’t involve paperwork, although it wasn’t as creative as my supervisors’ roles. I was an ordinary person. At the age of twenty, I began independently studying (out of a love for art and a desire to find refuge) a foreign language that was rarely used in our region and gradually mastered it at quite a high level. Translating literature (not just from this rare language but from others as well) gave me not only moral satisfaction but also

	spiritual satisfaction but also additional income, and of course, a pass into intellectual circles, where I can converse with much more developed people. Without this, I would have no chance of writing this work. I have also expressed my artistic impulses in amateur theater, first in children's theater, then in student theater (that's how I met Hasso Miller early on), and later in a free theater troupe. I never even considered trying out for professional acting school; I knew my limits. My acquaintance with the Enlightened Friend, which began during my last years of university and significantly broadened my intellectual horizons, will be discussed in due course. So will the circumstances under which I became a social journalist. Now to the most important question—why am I writing? And why in this particular form? I admit, at first, I wanted to write a complete novel like the great masters do. A novel where fully developed characters and vivid figures unfold against the backdrop of dramatic events, painted with a brisk and sensitive brush on a historically accurate canvas. In these novels, everyone speaks in their unique voice, alongside the witty and wise musings of the author (or his mouthpiece). The result? I managed to keep it up for one paragraph, sometimes even for a few pages (like the first chapter about the boys' childhood). The text had "gems," like a brilliant description I crafted for a female character, a few characters delivered well-crafted political speeches (something I excel at), and a few other things turned out well. But overall, I soon got stuck. My work spans a long period, nearly half a century. To write it like the great masters would require dozens of volumes. Who has the patience to read that nowadays? Times are changing quickly, and it's quite possible that in the future, people won't even understand me, saying that the author is dealing with pseudo-problems, stuck in his own time, and nostalgic. So I had to choose between not writing at all or doing it in a less rounded and perfect way. Not writing was not an option—my conscience wouldn't allow it. I've waited twenty years—the time we've had this new freedom and independence—for some writer to tackle these issues, but it seems no one intends to. Some are dead or weakened by age; others are too young and	extra income and access to highly intellectual circles, enabling me to communicate with much more advanced people. Without this, I wouldn't have had the slightest chance of writing this work. I also channeled my artistic inclinations into amateur theater, first in children's theater, then in student theater (which is why I've known Hasso Miller since our early days), and later in independent theater. However, I never considered a career on stage, knowing my limits. I'll tell you in due time about my acquaintance with an Enlightened Friend, which began in the later years of university and greatly expanded my intellectual horizons, as well as about the circumstances under which I became a journalist covering society events. Now, onto the most important question: why did I start writing? And why in this particular form? I must confess, at first, I intended to write a real novel, like those written by the great masters. One where fully developed characters and nuanced figures are revealed against a backdrop of dramatic backstage events, which, in turn, would be painted with a quick and sensitive brush on a historically accurate canvas. In these novels, every character has their own unique voice, and alongside them are the witty and ironic musings of the author (or a similar narrative voice). And what was the result? I managed one paragraph quite well and even sustained several pages (for example, the first chapter about the boys' childhood). The text had its "gems" – I gave an excellent description of one female character's figure, a few characters delivered polished political speeches (which I've always been good at), and some other things turned out well. But soon, the work stalled. My story spans a large period, nearly half a century. Writing about this in the manner of the great masters would require dozens of volumes. But who today has the time to read them? Times change quickly, and it's entirely possible that in the future I won't be understood, with people saying the writer dealt with pseudo-problems, was stuck in the past, and suffered from nostalgia. I had to choose: either not write at all or do so in a less polished and complete way. I waited twenty years – the length of our new freedom and independence – to see if any writer would take up the task, but it seems no one has. Some have passed away, others are frail with old age, and the younger ones are still immature. The latter have no personal memories of the past, and they cannot likely immerse themselves in

	inexperienced. The younger ones have no personal memories of the past, and they don't seem willing to put in the effort to imagine themselves back in that time. By the time they grow older and wiser, they'll likely be interested in completely different things. What has emerged now is neither fully rounded literature nor a treatise, but something in between. Some episodes are presented in a literary manner, like various conversations and dialogues—a skill I gained from my time in amateur theater, where I occasionally had to tweak dialogues to make them more natural. However, most of the text is direct. And some topics are omitted entirely, as I assume the reader already knows the political background, for example. There are too many characters—I'm aware of that—the text is overloaded, but there were just so many whose stories I wanted to at least briefly present. I originally called my work a chronicle. But then I realized that might be misleading, as the reader might approach my text with the same expectations as with the chronicles of Henry of Livonia, Keleh, Balthasar Russow, or other true chronicles. Wouldn't it be more accurate to call it a social chronicle? I hesitated, wondering if that might diminish the format of my effort. Moreover, it might create false expectations, as I'm not writing about society in the usual sense, or at least not only about that. In the end, I decided that it was the right term. After all, in the eyes of God, every chronicle is a social chronicle. COVER Mihkel Mutt (b. 1953) is a writer, critic, and columnist. He made his debut with the collection *Fabian's Pupil* (1980) and has since published over thirty books. Among his most notable works are the novels *The Spiral Figure*, *Mice in the Wind*, *The Penguin and the Vulture*, *The Sources of Life*, and *The International Man*; the short story collections *Fabian's Pupil*, *Lightheartedness*, and *The Immigrant*; the essay collections *Everything Is the Same* and *Media, My Media*; standalone essays *On Dignity* and *On Estonianness*; children's books *Französisch* and *Father Christmas*; and travelogues *Three Times in Asia*. In recent years, Mihkel Mutt has published	another era and work hard to recreate it. And by the time they mature, they'll probably be interested in entirely different matters. What I ended up with is neither rounded plasticity nor a treatise, but a kind of middle ground. Some episodes are quite literary, such as a few conversations and dialogues – a skill I retained from my time in amateur theater, where I had to make dialogues more digestible. However, most of the novel is written in the first person. Some things are left unsaid entirely because I assumed the political background is already well-known to everyone. There are too many characters – I'm fully aware of this – the text is overloaded, but what can I do? There are just too many people whose fates, however briefly, I wanted to capture. At first, I called the work a chronicle. But then I realized this might mislead the reader, as they would approach the text expecting a true chronicle, like the works of Heinrich von Lettland, Kelch, Russow, and others. Would it not be more accurate to call it a social chronicle? And then I hesitated – would this label lower the status of my endeavor? Moreover, it could give the reader false expectations, as I'm not writing about society in the usual sense. But I eventually decided that it was the right choice. After all, in God's eyes, every chronicle is a social chronicle. COVER Mihkel Mutt (1953) is a writer, critic, and essayist. He debuted with the collection of short stories *The Pupil of Fabian* (1980). To date, he has published over thirty books. His most notable works include the novels *Freeze*, *Mice in the Wind*, *The Penguin and the Vulture Cat*, *The Sources of Life*, and *The International Man*, the short story collections *A Light Mood* and *The Internal Emigrant*, the essay collections *It's All the Same* and *Media, My Media*, and the separate essays *On Dignity* and *On Estonianness*. M. Mutt is also the author of children's books, *Französisch* and *Father Christmas*, as well as Travel Notes *Three Times in Asia*. Recently, he has published six volumes of memoirs, spanning his childhood to the present day. This novel is about the same period. The Cave People is now History The novel spans half a century, taking place in Estonia from 1960 to 2010. Through the depiction of intersecting, diverging, and parallel life paths, the author seeks to

	six volumes of memoirs covering his childhood through the end of the Soviet era. The present novel also deals with that period. THE CAVE PEOPLE IS NOW HISTORY The novel spans fifty years, from 1960 to 2010. Through the depiction of multiple parallels and sometimes intertwining life stories, the author seeks to answer questions like: Why did things turn out the way they did? Why is the Republic of Estonia the way it is? And how should a thinking person approach all of this? The author's sharp irony alternates with skepticism and resignation as he paints a picture of changing eras and reflects on the clash between ideals and reality. Life is what it is, and it's good that things are at least as they are, he concludes.	answer the question of why things turned out the way they did, why the Estonian Republic became what it is, and how a thoughtful person should relate to it all. The author's biting irony alternates between skepticism and resignation as he paints a picture of changing eras, reflecting on ideals and realities. Life is life – at least it turned out this way, he concluded.

72.	2015	Magazine Октябрь, No 9, Baltic Literature	Nelli Abašina-Melts, Janar Ala, Boris Baljasnõi, P. I. Filimonov, Ljudmila Glushkovskaja, Sveta Grigorjeva, Mehis Heinsaar, Andrei Hvostov, Larissa Joonas, Kätlin Kaldmaa, Kirke Kangro, Maarja Kangro, Jaan Kaplinski, Nikolai Karayev, Jan Kaus, Andrus Kivirähk, Igor Kotjuh, Armin Kõomägi, Valdur Mikita, Jürgen Rooste, Olesja Rotar, Jelena Skulskaja, Andra Teede, Urmas Vadi, Berk Vaher, Arvo Valton, Juhan Viiding	Anthologies 429	Октябрь: БЕРЕГ ЛИТЕРАТУРЫ. Новое слово Латвии, Литвы, Эстонии / Oktyabr Magazine. New word of Latvia, Lithuania, Estonia

		Журнал «Октябрь» представляет уникальный проект – под обложкой этого номера мы собрали актуальную литературу стран Балтии. Наши доброжелательные северные соседи по Европе выступили в этом номере с прозой, поэзией, публицистическими и критическими эссе. И с энтузиазмом откликнулись на наше приглашение принять участие в многолетнем проекте «Октября» – «рассказ с ладонь». Наши культуры издавна тесно взаимодействовали. Достаточно вспомнить, что в советские времена многие десятилетия символом молодой, обновляющейся литературы был журнал «Юность», со знаменитым рисунком Стасиса Красаускаса на обложке. Именно визуальные искусства донесли до российской публики обаяние художественных открытий приморских стран: и если в советское время Балтия ассоциировалась у зрителя прежде всего с образами из кинематографа и эстрады, то сегодня наиболее эффективное сотрудничество России и Балтии происходит в области актуального театра. И вот теперь на эту сцену культурного диалога мы приглашаем новую словесность Латвии, Литвы, Эстонии. Вы держите в руках уникальную антологию, объединившую писателей, художников, переводчиков, активно влияющих на современный литературный процесс стран Балтии, а также России. Эта антология предполагает дальнейшее развитие нашего проекта, и мы надеемся, что этот номер – только первая ступень к созданию большой книги, где соединились бы художественные силы разных стран. Мы сердечно благодарим всех тех, кто помог состояться этому межкультурному проекту. И выражаем особенно теплую признательность координаторам, ставшим связующими звеньями между редакцией и авторами этого номера: Игорю Котюху (Эстония), Сергею Тимофееву и Александру Заполю (Латвия), Таисии Ковригиной (Литва), Олегу Кудрину (Россия). Приглашаем вас на замечательную литературную прогулку по нашему номеру – большому мосту между балтийским берегом и российской землей.
		Editor’s Foreword

		The magazine *Oktyabr* presents a unique project – under the cover of this issue, we have gathered contemporary literature from the Baltic countries. Our friendly northern neighbors from Europe have contributed prose, poetry, journalistic, and critical essays to this issue. They enthusiastically responded to our invitation to participate in the long-term project of *Oktyabr* – the "story from the palm of your hand." Our cultures have long been closely interconnected. It is enough to remember that during Soviet times, the symbol of young, renewing literature for many decades was the magazine "Yunost," with the famous drawing by Stasys Krasauskas on the cover. It was the visual arts that conveyed to the Russian audience the charm of artistic discoveries from the Baltic states, and if during Soviet times, the Baltics were primarily associated with images from cinema and the stage, today the most effective cooperation between Russia and the Baltics occurs in the field of contemporary theater. And now, onto this stage of cultural dialogue, we invite the new literature of Latvia, Lithuania, and Estonia. You are holding in your hands a unique anthology that brings together writers, artists, and translators who actively influence the contemporary literary process of the Baltic countries, as well as Russia. This anthology implies further development of our project, and we hope that this issue is only the first step towards creating a great book where artistic forces from different countries are united. We sincerely thank everyone who helped make this intercultural project possible. We express special gratitude to the coordinators who became the connecting links between the editorial team and the authors of this issue: Igor Kotjuh (Estonia), Sergey Timofeev and Alexander Zapolu (Latvia), Taisiya Kovrigina (Lithuania), Oleg Kudrin (Russia). We invite you to take a wonderful literary stroll through our issue – a great bridge between the Baltic shore and the Russian land.

73.	2015	Tund enne igavikku	Rein Veidemann	Novels	Вечный университет: роман в трех действиях / A class before the Eternity

TÄNUAVALDUS

Tänan oma abikaasat Andra Veidemanni inspireerivate ja raamatu kirjutamist mõjutanud mõttevahetuste eest; Kaur Alttoad kirikuarhitektuuri alase konsultatsiooni eest, Laine Paavot abi eest saksakeelse tekstiosa tõlkimisel, Leonid Stolovitsit võimaluse eest kasutada tema koostatud kogumikku „Евреи шутят“, Jüri Talvetit nõuannete ja julgustuse eest ning paljusid teisi sõpru ja lähedasi inimesi; endisi ja praegusi kolleege, kes on uskunud minu kirjutamisvõimesse ning toetanud hea sõnaga sellest sündinud tekste.

JÄRELMÄRKUS EPILOOGI ASEMEL

Kõik selle romaani sündmused ja tegelaseli pendeldavad tõelisuse ja võimaliku piiril, kaldudes esindama kord üht, kord teist.

Autor annab teada, et dotsent Marika Schneider õpetas ülikooli võõrkeelte kateedris saksa keelt kuni emeriteerumiseni 2000. aastal. Seejärel siirdus ta elama Pärnusse, taastas vanaisalt päritud kangapoe, kuid haigestus vähki ning suri viis aastat hiljem. Ta maeti oma ema kõrvale Alevi kalmistule, isapoolsete esivanemate hauaplatsile.

Autor annab teada, et Ivan Polikarpov valiti samal 1994. aastal vene kirjanduse dotsendiks. Tema kitsamaks uurimisteemaks kujunes Bahtini karnevalikultuuri kõrval vene formalistitide looming, millest ta luges kursusi Helsingi ja Peterburi ülikoolis. 1999. aastal kutsuti ta Peterburi ülikooli külalisprofessoriks, kus ta mõni aasta hiljem hukkus segastel asjaoludel, väidetavalt liiklusõnnetuses. Professor Pavel Heifitz emeriteerus 1997. aastal ning kolis seejärel oma tütre pere juurde Iisraeli, Haifasse, kus ta 2007. aastal suri.

Elupõline melioraator Lembit Linask müüs 1997. aastal, pärast naise surma, oma Rannu alevikus olnud korteri ning asus elama Tallinna lähedale Sauele,

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Все события и персонажи этого романа балансируют на грани очевидного и вероятного, представляя попеременно то одно, то другое.

Доцент Марика Шнайдер преподавала немецкий язык на кафедре иностранных языков в университете до эмеритации в 2000 году. После чего переехала жить в Пярну, восстановила магазин тканей, унаследованный от деда, но вскоре у нее обнаружили рак, и спустя пять лет она умерла. Похоронена рядом с матерью на кладбище Алеви, на участке предков со стороны отца.

Иван Поликарпов в том же 1994 году был выбран доцентом русской литературы. Темой его исследований, наряду с карнавальной культурой М.Бахтина, стало творчество русских формалистов, о котором он читал лекции в университетах Хельсинки и Петербурга. В 1999 году его пригласили гостевым профессором в университет Петербурга, где он несколько лет спустя погиб при невыясненных обстоятельствах, предполагают, что в аварии.

Профессор Павел Хейфиц после эмеритации в 1997 году уехал к дочери в Израиль, в Хайфу, где скончался в 2007 году.

Потомственный мелиоратор Лембит Линаск в 1997 году, после смерти жены, продал свою квартиру в поселке Ранну и переехал в окрестности Таллинна, в Сауэ, где его сын, владелец фирмы, приобрел дом. В 2003 году Линаск пережил тяжелый инсульт и, так и не восстановившись, в том же году умер в пансионате для престарелых.

Ливия и Вальтер Пыллувеэры 27 сентября 1994 года взошли на борт парома «Эстония», курсировавшего между Таллинном и Стокгольмом, и погибли в

	kus ta firmaomanikust poeg oli ostnud maja. 2003. aastal elas ta üle ränga insuldi ning suri sellest toibumata samal aastal Iru hooldekodus. Ühtlasi annab autor teada, et Liivia ja Valter Põlluveer astusid 27. septembril 1994. aastal Tallinna ja Stockhomi vahet sõitva parvlaeva „Estonia“ pardale ja hukkusid ööl vastu 28. septembrit kella 00.55 ja 02.30 vahel 20. sajandi ühes suurimas mereõnnestuses. Nende põrmud jäid leidmata. Kõigi teiste tegelaste elud, niivõrd kui neist on midagi teada, on kulgenud omasoodu, enamasti vastavuses oma põlvkonna saatusega. Karl Mooritsa elu ja vaimuilma kujutamisel on erinevas mahus ja vormis kasutatud eesti luuletaja, kirjandusteadlase ja slavisti, Tartu ülikooli vene kirjanduse kateedri kauaaegse õppejõu, dotsent Valmar Adamsi (1899–1993) loomingut ja mälestusi temast. 2004, 2011–2012 COVER ROMAAN KOLMES VAATUSES See autobiograafilise sugemetega romaan on vaskse ajastu Tartust ja sealsest ülikoolist. Lastekoduromaanist (2003) tuttav Andreas Wiik on koos kollegidega matmas oma õpetajat, peaaegu sajandi vanuseks elanud Karl Mooritsat. Kuid elust suure lavastuse teinud luuletaja ja õpetlase Mooritsa viimsesse, igaviku-eelsesse tundi põimub pihtimusliku päeviku ja mälestustega. Andrease enda ülikoolilugu, tulvil unistusi ja pettumusi, võite ja kaotusi, armastuse lummavat valgust ja murdumisi – kõike seda, mis tiheneb tunnestuse teeks. Me alustame templitest, lossidest, paleedest ja lõpetame labürindis – niisugune on selle raamatu sõnum. Kuid labürindiski ei puudu valikud, eksides võib avastada iseend. Vabadus on ennekõike eneseületus. Andreas Wiigi esmaskogemus ülikoolist – peahoonest ehtivate sammaste vahele varjuva ukse silm – võimendub talle aknana igavikku. Omakorda võib seda raamatut võtta	ночь на 28 сентября между 00.55 и 2.30 в одной из крупнейших морских катастроф XX столетия. Их тела так и не были найдены. Жизни остальных действующих лиц протекали большей частью своим чередом в соответствии с судьбой их поколения. При описании жизни и духовного мира Карла Морица в той или иной степени использованы творчество Вальмара Адамса (1899–1993), эстонского поэта, литературоведа и слависта, многолетнего преподавателя и доцента кафедры русской литературы Тартуского университета, и воспоминания о нем.

	kui akent ühe eesti haritlase hinge-ellu ja mõtteilma 20. sajandi lõpukümnendeil.	
	ACKNOWLEDGEMENTS I would like to thank my wife, Andra Veidemann, for the inspiring discussions that influenced the writing of this book; Kaur Alttoa for consultation on church architecture; Laine Paavo for assistance with the translation of the German text; Leonid Stolovits for allowing me to use his compilation *"Евреи шутят"*; Jüri Talvet for his advice and encouragement, and many other friends, close acquaintances, former and current colleagues, who have believed in my writing abilities and supported the texts born out of that belief with kind words. POSTSCRIPT INSTEAD OF AN EPILOGUE All events and characters in this novel oscillate on the border between reality and possibility, sometimes leaning towards one, sometimes towards the other. The author informs that Associate Professor Marika Schneider taught German in the university's foreign languages department until her retirement in 2000. Afterward, she moved to Pärnu, where she restored a fabric store inherited from her grandfather. However, she fell ill with cancer and passed away five years later. She was buried next to her mother in the Alevi Cemetery, on the family plot of her paternal ancestors. The author also informs that Ivan Polikarpov was appointed as Associate Professor of Russian Literature in the same year, 1994. His narrower research focus became, alongside Bakhtin's carnival culture, the works of the Russian formalists, on which he lectured at the universities of Helsinki and St. Petersburg. In 1999, he was invited as a visiting professor to the University of St. Petersburg, where he died under unclear circumstances a few years later, reportedly in a traffic accident. Professor Pavel Heifitz retired in 1997 and subsequently moved to Haifa, Israel, to live with his daughter's family, where he passed away in 2007.	INSTEAD OF AN EPILOGUE All events and characters in this novel balance on the boundary between the obvious and the probable, at times representing one, at times the other. Associate Professor Marika Schneider taught German in the foreign languages department at the university until her retirement in 2000. Afterward, she moved to Pärnu, where she restored a fabric store inherited from her grandfather. However, she was soon diagnosed with cancer, and five years later, she passed away. She was buried next to her mother in Alevi Cemetery, in her paternal family's burial plot. Ivan Polikarpov was appointed Associate Professor of Russian Literature in the same year, 1994. Along with Bakhtin's carnival culture, his research focused on the work of Russian formalists, about which he lectured at the universities of Helsinki and St. Petersburg. In 1999, he was invited as a visiting professor to the University of St. Petersburg, where he died a few years later under unclear circumstances, presumed to be in a traffic accident. Professor Pavel Heifitz retired in 1997 and moved to Haifa, Israel, to live with his daughter's family, where he passed away in 2007. The lifelong drainage engineer Lembit Linask, after his wife's death in 1997, sold his apartment in the town of Rannu and moved to Saule, near Tallinn, where his son, a business owner, had purchased a house. In 2003, he suffered a severe stroke, and without recovering, passed away that same year in a nursing home. Liivia and Valter Põlluveer boarded the ferry „Estonia" on September 27, 1994, for its route between Tallinn and Stockholm, and perished during the night of September 28, between 00:55 and 02:30, in one of the greatest maritime disasters of the 20th century. Their bodies were never found. The lives of the other characters, as far as is known, unfolded mostly according to the fate of their generation.

	Lembit Linask, a hereditary drainage engineer, sold his apartment in Rannu in 1997 after his wife's death and moved to Saule, near Tallinn, where his son, a business owner, had bought a house. In 2003, he suffered a severe stroke and passed away the same year without recovering, at the Iru nursing home. The author further informs that Liivia and Valter Põlluveer boarded the ferry „Estonia“ on September 27, 1994, for a trip between Tallinn and Stockholm. They perished in one of the 20th century's largest maritime disasters between 12:55 and 2:30 a.m. on the night of September 28. Their remains were never found. The lives of all other characters, insofar as anything is known about them, have unfolded in their own ways, mostly in line with the fate of their generation. The depiction of Karl Moorits’s life and intellectual world draws in varying degrees and forms from the work and memories of the Estonian poet, literary scholar, and Slavist, Valmar Adams (1899-1993), who was a longtime lecturer in the Russian Literature department at the University of Tartu. 2004, 2011 – 2012 COVER A NOVEL IN THREE ACTS This autobiographical novel is set in the "copper age" of Tartu and its university. Andreas Wiik, familiar from the novel *Lastekodu* (2003), is attending the funeral of his teacher, the almost century-old Karl Moorits, together with his colleagues. However, the final hour of Moorits, the poet and scholar who turned life into a grand performance, intertwines with confessional diary entries and memories. Wiik’s own university story, filled with dreams and disappointments, victories and losses, the luminous glow of love and the breaking of hearts – all of this converges into a path of understanding. "We begin with temples, castles, palaces, and end in a labyrinth" – such is the message of this book. Yet even in the labyrinth, there are choices, and one can	In portraying the life and intellectual world of Karl Moorits, the works and memories of Valmar Adams (1899-1993), an Estonian poet, literary scholar, Slavist, and longtime lecturer in Russian literature at the University of Tartu, were used to varying degrees.

	discover oneself in getting lost. Freedom is, above all, self-transcendence. Wiik's first experience of the university – the sight of the grand columns framing a door in shadow – resonates for him as a window to eternity. In turn, this book can be seen as a window into an Estonian scholar's soul and intellectual world in the final decades of the 20th century.				
74.	2016	Maailma otsas. Pildikesi heade inimeste elust	Andrus Kivirähk	Novels	На краю света: картинки из жизни хороших людей / At the edge of the world. Pictures of good people's life
	n/a				По большому счету это книга о том, что люди по природе своей хорошие и доброта – естественное состояние человека. И проявления ее никак не связаны ни с какой религией, ни с какими богами, ни с какой надеждой на рай. Ищите ангелов не в храме, а в соседней квартире или за соседним столиком. Андрус Кивиряхк.
	n/a				Essentially, this book is about the idea that people are inherently good, and kindness is the natural state of a person. These manifestations of goodness have nothing to do with any religion, gods, or hopes for paradise. Look for angels not in a temple, but in the apartment next door or at the table nearby. Andrus Kivirähk.
75.	2016	Rekonstruktsioon	Rein Raud	Novels	Реконструкция / The Reconstruction
	COVER Juba viis aastat on Enn Padrik teadnud, et kunagi tuleb tal välja selgitada oma tütre surma tegelikud asjaolud. Ning nüüd ei saa seda enam edasi lükata. Selleks peab ta sõitma läbi suure osa Eestit ja käima koguni Prantsusmaal, et kohtuda paljude väga mitmesuguste inimestega, kellest ühed üritavad senini toona toimunut oma mälust kustutada, teised aga oleksid teda otsekui oodanud, et lõpuks ometi kõik südamelt ära rääkida. Ja kokku kujuneb sellest palju keerulisem pilt, kui Enn oleks osanud loota või karta... Need, kellele Rein Raua varasemad romaanid on meeldinud, ei pea ka sel korral pettuma – nende kaante vahel on olemas kõik see hea, mida lugejad on				Пять лет назад Анни, дочь Энна Падрика, погибла при загадочных обстоятельствах на хуторе под Вильянди. Официальная причина смерти ее и ее друзей – пожар; на самом деле все они покончили с собой, оставив предсмертные записки: я, такой-то, расплатился с долгами в этом мире и могу с чистым сердцем предстать перед ликом Господа. Теперь, когда Энн знает, что смертельно болен и жить ему осталось недолго, он обязан провести собственное расследование, понять, что привело Анни к такому финалу. Для этого ему придется объездить пол-Эстонии, побывать во Франции, узнать слишком много тайн. Дочь Энна Падрика умерла; все, что ему остается – реконструкция ее жизни…

	harjunud sellelt autorit ootama. Kuid „Rekonstruktsioon“ on raamat, mis võib üllatada ka neid, keda tema romaanid seni ei ole päriselt suutnud? võluda. - Tarmo Jüristo Lugesin „Rekonstruktsiooni“ ühe hooga läbi ja see raamat rõõmustas mind nii stiililt kui sisult. See pole niivõrd hoiatusromaan, kuivõrd süüviv, elusa keele ja sümpaatse tooniga katse (re)konsrtueerida ja mõista maailma, milles usuline radikaalsus viib hävitavate tagajärgedeni. „...mu meelest ei ole oluline, kas see, mida me usume, on tingimata tõsi. ... Oluline on see, milliseks see meid teeb.“ Need mõtted on mu jaoks raamatu tähtsaimad, väljendades midagi, mis peaks olema meie mis tahes tõekspidamiste oluseks. - Maarja Kangro Tänapäeval seatakse noor inimene lahendamatu probleemi ette. Tal tuleb pealt vaadata praeguse elukorralduse aeglast lagunemist, mille üksikasjad puudutavad igaüht isiklikult. Samas kinnitatakse talle, et asjade käiku ei saa muuta ning tema ei saa kindlasti midagi ette võtta. Kuidas niisuguses olukorras käituda? Sellele piinavale küsimusele keskendubki Rein Raua „Rekonstruktsioon“. - Hasso Kruul	
	COVER For five years, Enn Padrik has known that one day he must uncover the real circumstances of his daughter’s death. And now, he can no longer postpone it. To do this, he must travel through much of Estonia and even visit France, meeting various people along the way. Some are still trying to erase what happened back then from their memory, while others seem to have been waiting for him to finally arrive and unburden themselves of the truth. What emerges is a far more complex picture than Enn could have ever anticipated or feared… Those who have enjoyed Rein Raud's previous novels won’t be disappointed this time either – within these pages lies all the quality readers have come to expect from the author. However, “Rekonstruktsioon“ is a book that might	Five years ago, Annie, the daughter of Enn Padrik, died under mysterious circumstances on a farmstead near Viljandi. The official cause of death for her and her friends was a fire; in reality, they all took their own lives, leaving behind suicide notes: “I, [name], have paid my debts in this world and can stand before the face of God with a clear conscience.” Now that Enn knows he is terminally ill and doesn’t have much time left, he feels compelled to conduct his own investigation, to understand what led Annie to such a tragic end. To do this, he will have to travel across half of Estonia, visit France, and uncover far too many secrets. Enn Padrik’s daughter is gone; all he has left is to reconstruct her life...

	also surprise those who haven't yet been entirely captivated by his previous works. – Tarmo Jüristo I read „Rekonstruktsioon“ in one sitting, and this novel delighted me both in style and substance. It’s not so much a cautionary tale as it is a deep, sympathetic exploration – written with vivid language – of an attempt to (re)construct and understand a world in which religious radicalism leads to destructive outcomes. "...In my view, it’s not important whether what we believe is necessarily true... What matters is what it makes us become." These thoughts are, for me, the most significant in the book, expressing something that should form the foundation of any belief system we hold. – Maarja Kangro Today's young people are faced with an unsolvable dilemma. They are forced to witness the slow collapse of the current way of life, with details that affect each of them personally. At the same time, they are told that nothing can be done to change things and that they, in particular, are powerless to do anything about it. How should one act in such a situation? This agonizing question is at the heart of Rein Raud's „Rekonstruktsioon“. – Hasso Krull				
76.	2016	Lui Vutoon	Armin Kõomägi	Novels	Луи Вутон / Louis Vutoon
	Ühel tavalisel suvehommikul läheb tulevane turundusjuht Lui suurde kaubanduskeskusse töövestlustele. Kuid ta ei leia ühtegi inimest. Muusika mängib, eskalaatorid töötavad, mäkis särisevad kuldpruunid friikartulid. Lui otsustab ootama jääda ja sätub ennast kaubanduskeskuses sisse. „Lui Vutoon“ on noore mehe päevik maailmast, milles puuduvad inimesed, kuid asjad on alles. See lugu elust ühtaegi külluslikus ja tühjas reaalsuses, kus staatusel pole enam tähendust, armastus räägib silikooni keeles ja päevade üle peavad arvet taevas tiirlevad linnud.				Одним самым обычным летним утром соискатель на должность управляющего маркетингом по имени Луи отправляется на собеседование. Но в гигантском торговом центре он не обнаруживает ни единой живой души. Играет музыка, работают эскалаторы, в забегаловках шкварчит золотистый картофель-фри. Луи решает подождать и обосновывается в торговом центре. «Луи Вутон» – дневник молодого человека о мире, в котором нет людей, но все вещи в целости и сохранности. Это история о жизни в одновременно изобильной и пустой реальности, где статус уже не имеет никакого значения, любовь говорит на языке силикона, а счет дням ведут кружащие в небе птицы.

	Romaan võitis Eesti Kirjanike Liidu romaanivõistlusel esimene kohta.				С первых страниц автор мастерски увлекает читателя в сложный мир философии и психологии, интрига происходящего сохраняется до конца повествования. Это остроумное, местами смешное и всегда неожиданное удовольствие – погрузиться в чтение такого романа. В конкурсе романов, объявленном Эстонским Союзом писателей, труд Армина Кыомяги занял заслуженное первое место. Книга вышла летом 2015 года.
	"Lui Vutoon" is the story of a future marketing manager, Lui, who goes to a large shopping mall one summer morning for a job interview, only to find no one there. The mall continues to function—music is playing, escalators are moving, and crispy fries are sizzling at the fast-food restaurant. Lui decides to stay and settles into the mall. This is a diary of life in a world where people no longer exist, but things remain. The novel depicts life in a reality that is both abundant and empty, where status no longer matters, love speaks in the language of silicone, and days are counted by birds circling in the sky. "Lui Vutoon" won first place in the Estonian Writers' Union novel competition.				One ordinary summer morning, a marketing management job applicant named Lui heads to a job interview. But in the gigantic shopping mall, he finds not a single living soul. Music is playing, escalators are moving, and golden fries are sizzling at fast-food joints. Lui decides to wait and settles down in the shopping center. "Lui Vutoon" is the diary of a young man living in a world where there are no people, but everything remains intact. It's a story about life in a reality that is both abundant and empty, where status no longer matters, love speaks in the language of silicone, and days are counted by birds circling in the sky. From the very first pages, the author masterfully draws the reader into a complex world of philosophy and psychology, with the intrigue of what's happening sustained until the end. The novel offers a witty, at times humorous, and always surprising experience for those who dive into its pages. In the novel competition organized by the Estonian Writers' Union, Armin Kõomägi's work rightfully earned first place. The book was released in the summer of 2015.
77.	2016	Minu kodu on Eestimaa	Tiia Toomet	Children's literature	Эстония – мой дом / Estonia is my home
	Kui hästi sa tunned maad, kus elad? Koos Mihkli, Liisa ja Marta ning nende perega saad Eestit põhjalikult tundma õppida. Tutvud lähemalt Eesti ajaloo, riigikorra, looduse, kaunite paikade, kommete ning palju-palju muuga. Ikka selleks, et teaksid ja meeles peaksid, kui ilus ja huvitav maa on Eesti.				Хорошо ли ты знаешь страну, в которой живешь? Вместе с Михкелем, Лизой и Мартой, а также их семьей ты сможешь основательно изучить Эстонию. Ближе познакомишься с историей Эстонии, её государственным устройством, природой, живописными местами, обычаями и многим, многим другим. И тогда ты узнаешь и поймёшь, какая красивая и интересная страна Эстония.

	How well do you know the land where you live? Together with Mihkel, Liisa, Marta, and their family, you can get to know Estonia thoroughly. You will learn more about Estonian history, government, nature, beautiful places, customs, and much more. All so that you know and remember how beautiful and interesting the land of Estonia is.				How well do you know the country you live in? Together with Mihkel, Liisa, and Marta, as well as their family, you will be able to thoroughly explore Estonia. You will get to know more about Estonia's history, its government system, nature, picturesque places, customs, and much, much more. And then you will discover and understand what a beautiful and interesting country Estonia is.
78.	2016	Uued pilved, 3–4 2016	Mehis Heinsaar, Kätlin Kaldmaa, Maarja Kangro, Indrek Koff, Peeter Sauter	Anthologies	Новые облака, 3–4, 2016 / New Clouds
	n/a				n/a
	n/a				n/a
79.	2017	Buridanid	Kalle Käsper	Novels	Буриданы / The Buridans
	n/a				COVER Писал я «Буриданы» двенадцать лет. Идею семейного романа мне подсказала жена, писатель Гоар Маркосян-Каспер, она же и перевела его с эстонского языка на русский. Переехав из Еревана в Таллинн и познакомившись с моей семьей, она, конечно, не сразу, а через несколько лет, сказала: «У тебя такая интересная семья, почему ты не хочешь написать про нее роман?»

		Фамилию героям придумала, кстати, тоже она, я долго не мог решиться, и вот как-то поздно вечером, уже в постели, я сказал ей, что хорошо, если бы фамилия начиналась со слога «бу» – ведь до меня уже написаны два знаменитых семейных романа, один называется «Будденброки», а другой – «Буссардели» («Семья Буссардель»). И тут ее осенило: «А ты назови их Буриданами!» Разумеется, от истории моей собственной семьи я местами отошел даже очень далеко, ведь это все-таки роман. А еще я добавил к вымышленным героям некоторое количество реальных исторических лиц, повлиявших на судьбу Европы от начала XX века до начала XXI и даже дольше. Гоар называла эти главы «изюмом в кексе», и мне интересно, как их воспримет русский читатель. В оригинале роман в итоге был издан в восьми томах. Это случилось невольно: закончив очередной том, я передавал его в издательство, а сам начинал работу над следующим. Однако когда встал вопрос о русском издании, мы с Гоар сразу решили, что его надо осуществить более «крупными кусками», собрав под одной обложкой как минимум два эстонских тома. И вот перед вами первая из этих книг – примерно четверть всей эпопеи. Увы, Гоар ее уже не увидит, она умерла в позапрошлом году. Но как бы она обрадовалась! Калле Каспер
	n/a	COVER I was writing The Buridans for over twelve years. The idea for a family saga came from my wife, the writer Gohar Markosjan-Käsper, who also translated it from Estonian into Russian. After moving from Yerevan to Tallinn and getting to know my family, she didn’t suggest the idea right away, but a few years later, she said, "Your family is so interesting, why don't you write a novel about it?" Incidentally, she also came up with the family name for the characters. I couldn’t settle on one for a long time, and one evening, already in bed, I mentioned that it would be nice if the surname started with the syllable "Bu," as there were already two

					famous family novels— “The Buddenbrooks” and “The Family of Boussardel”. That's when she had an epiphany: "Why don't you call them the Buridans?" Of course, I deviated quite a bit from my own family’s history in many places, because, after all, it’s a novel. I also added several historical figures who had influenced the fate of Europe from the beginning of the 20th century to the early 21st century and beyond. Gohar called these chapters "the raisins in the cake," and I'm curious to see how Russian readers will perceive them. In the original, the novel ended up being published in eight volumes. It happened unintentionally: after finishing each volume, I sent it to the publisher and began working on the next. However, when it came to the Russian edition, Gohar and I immediately decided that it should be released in larger "chunks," combining at least two Estonian volumes under one cover. What you have before you is the first of these books—about a quarter of the entire epic. Sadly, Gohar won’t see it, as she passed away the year before last. But how happy she would have been! Kalle Käsper
80.	2018	Vene veri	Kai Aareleid	Novels	Русская кровь / Russian blood
	COVER „Vene veri” on omapärane fragmentaarium elust lähimineviku Peterburis ja samas 21. sajandi eesti naise kiri kolmveerand sajandit tagasi elanud venelannast vaaremale. Loo minategelane satub mitmeks aastaks maale, mis ei kuulu kaugeltki tema lemmukute hulka, ja seisab seal ootamatult silmitsi iseenda perekonnalooga, mille on seni eelistanud maha vaikida. „Vene veri" on lugu kohanemisest, mäletamisest ja unustamisest, aga ennekõike sellest, et veri tõmbab lõppude lõpuks ikka vere poole – kui ainult teaks, mis või kus see veri on. Kai Aareleid (1972) on hariduselt dramaturg ning töötab tõlkija ja toimetajana. „Vene veri” on autori esimene proosaraamat.				COVER «Русская кровь» — это своеобразный фрагментарий недавнего прошлого Санкт-Петербурга и одновременно письма эстонской женщины 21 века своей русской прабабушке, жившей три четверти века назад. Главная героиня романа, от лица которой ведется повествование, на несколько лет попадает на землю, изначально не самую ей симпатичную, и неожиданно оказывается там лицом к лицу с историем своей семьи, о которой прежде она предпочитала помалкивать. «Русская кровь» повествует о способности человека приспособиться к жизни, о памяти и беспамятстве, но прежде всего о том, насколько силен зов крови – знать бы только, что это за кровь и где она. Кай Аарелейд (1972) по профессии драматург, работает переводчиком и редактором. Кроме романа «Русская кровь», опубликовала роман «Сожжение

					городов» (“Linnade põletamine“), поэтические сборники «Женщины на дороге» („Naised teel“) и «Дождь и вино» („Vihm ja vein“). Написанные ею новеллы, стихи и статьи можно встретить в разных литературных журналах. Новелла «Танго» в 2013 году удостоилась премии им. Фр. Тугласа как лучшая новелла года. «Русская кровь» после выхода в свет была номинирована на несколько престижных литературных премий Эстонии.
	COVER “Russian Blood” is a distinctive fragmentary novel that captures the life of recent times in St. Petersburg and simultaneously serves as a letter from a 21st-century Estonian woman to her Russian great-grandmother, who lived three-quarters of a century ago. The protagonist, who tells the story in the first person, spends several years in a country that is far from her favorite and unexpectedly finds herself facing her own family’s history, a story she had previously chosen to keep quiet. “Russian Blood” is a story of adaptation, memory, and forgetting, but most of all, it is about the inevitable pull of one's roots—if only one could know what, or where, that blood truly is. Kai Aareleid (1972), trained as a playwright, works as a translator and editor. “Russian Blood” is her debut work in prose.				COVER "Russian Blood" is a unique mosaic of recent memories of Saint Petersburg, interwoven with letters from a 21st-century Estonian woman to her Russian great-grandmother who lived over seventy-five years ago. The novel’s protagonist, who narrates the story, unexpectedly finds herself for several years in a land she did not initially favor, where she confronts the untold history of her own family. "Russian Blood" explores human resilience, memory, and the delicate balance between remembering and forgetting, but above all, it delves into the powerful pull of one’s heritage—a call as strong as the blood itself, if only one knew where it comes from and what it signifies. Kai Aareleid (1972), a professional playwright, works as a translator and editor. Besides “Russian Blood”, she has published the novel “Burning Cities” ("Linnade põletamine"), as well as poetry collections “Women on the Road” ("Naised teel") and “Rain and Wine” ("Vihm ja vein"). Her short stories, poetry, and essays appear in various literary journals, with her short story "Tango" receiving the Friedebert Tuglas Award for the best short story of 2013. “Russian Blood” was nominated for several prestigious literary awards in Estonia following its publication.
81.	2018	Ülemiste vanake	Arvo Valton	Novels	Старец из озера Юлемисте / The Oldman from the Ülemiste Lake
	n/a				Некоторые слова и понятия, кои для читателя пояснить уместно Толковник Таллинн – столица Эстонской Республики. Первое письменное упоминания в 1154. Предполагается, что первое название города было Литиа или Лидиа, в русских летописях XIII он упоминается как Колывань, в «Хронике Ливонии» - как Линданисе. Широко известно название города как Ревала (Ревель) – от древнего названия окружающей город местности. После завоевания городища на Тоомпеа датчанами в 1219 эсты, местное население, стали называть

		поселение Таанилинн (Taanilinn – с эст. датский город). Очевидно, от этого названия и появилось нынешнее – Таллинн. Официальный статус это название приобрело в 1925, а юридически было закреплено в 1933. При создании романа-легенды автор использует название Таллинн, так как именно в XVI веке, когда происходят описываемые им события, встречается первое письменное упоминание этого названия. В 1997 Старый город (комплекс сооружений Вышгорода и Нижнего города) внесен ЮНЕСКО в список мирового исторического наследия. Озеро Юлемисте – источник питьевой воды Таллинна с XIV, расположено в юго-вост. части города на высоте 35,7 м над уровнем моря, общая площадь озера 944,4 га. Водовод, снабжающий город водой (нач. строит. 1417), несколько раз капитально реконструировался. В прошлом зафиксированы случаи, когда воды озера, переполнив его берега (из-за обильных дождей, при таянии снежного покрова или ремонта водовода), заливали пригороды Таллинна. Тоомпеа (эст. Toompea, нем. Domberg) – часть Старого города, расположена на возвышенности, отсюда название Вышгород, Верхний город. Население ср.-век. Вышгорода было дворянско-феодальным, не занимавшимся торговлей и ремеслами, отсюда определенные отличия застройки Вышгорода от торгово-ремесленной зайстройик Нижнего города. Первоначальная жилая застройка Вышгорода погибла в грандиозном пожаре 1684. Нижний город – свободный вольный город с середины Xlll жил по законам Любекского права. В Нижнем городе Таллинна жили торговцы, ремесленники и др. менее зажиточные слои населения. От Нижнего города Вышгород был отделен крепостной стеной. Центром Нижнего города является Ратушная площадь. Ратуша (от нем. Rathaus, rath – совет и haus – дом) – в городах Сев. Европы и Прибалтики орган городского самоуправления, а также здание, в котором он работал. Первое письменное упоминание о Таллинской ратуше – 2-я половина XIII. Нынешнее здание построено в 1406, образец таллинской готики. Со времен ср.-век. до середины XX выполняла функции главного административного здания. Попасть в ратушу могли только представители

		знати, ратманы, решавшие вопросы, связанные с жизнью города. После больших реставр. работ является торжественной приемной города. Купеческие и ремесленные гильдии: Большая гильдия объединяла богатых купцов и судовладельцев Нижнего города. С самого начала была светской организацией, поэтому не имела своего покровителя-святого, в отличие от других гильдий. Имела герб и устав. Только члены Большой гильдии избирались членами магистрата, имели право носить золотые цепочки, одежду из бархата, парчи и мехов. Братство Черноголовых (покровитель Св. Маврикий, он же – покровитель рыцарства) на раннем этапе было объединением холостых неженатых немецких купцов и судовладельцев, но скоро стало военно-торговой корпорацией, в конце XIX реорганизовано в светский клуб. Члены Братства на социальной лестнице были на ступеньку ниже купцов Большой гильдии. Черноголовые брали на себя обязанность защищать город от любого вражеского вторжения, Братство обеспечивало город кавалерийским подразделением. <…> Ливонский орден (Братство рыцарей Христа Ливонии, лат. Fratres miliciae Chrosti de Livonia, нем. Briider der Ritterschaft Christi von Livland) – католический Орден немецких рыцарей-крестоносцев, отделение (ландмейстерство) Тевтонского ордена в Ливонии (на территории совр. Латвии и Эстонии) в 1237–1561. Резиденцией магистра Ордена служил Венденский замок на северо-вост. совр. Латвии. В ходе Ливонской войны в седелине XVI Орден потерпел ряд поражений от русских войск, в 1561 прекратил свое существование. Пёсьеглавцы – опричники, государево войско, личная гвардия русского царя Ивана IV Грозного. Вторая половина XVI в Московском царстве примечательна таким жутким и бесчеловечным явлением, как опричнина. Сутью ее являлось совершение бессмысленных и беспрецедентных убийств ради самих убийств. Опричники, называемые «пёсьеглавцами», выглядели довольно жутко – в темных одеяниях, напоминающих монашеские рясы, к седлам коней были привязаны отрубленные собачьи головы и метлы,

		символизирующие безжалостную грызню врагов и выметание их с земли русской. Старый Тоомас – флюгер в виде фигуры старого воина на шпиле ратуши, стражник города, уст. в 1530 году. Ворота в крепостной стене – окружающая Нижний город крепостная стена (длина 2,35 км), самое древнее сооружение Старого города, ее строили на nротяжении 300 лет. Ворот в стене было шесть; из Нижнего города на Вышгород можно было попасть через ворота (сохран. до нашего времени) на ул. Пикк-Ялг и Люхике-Ялг. В тексте упоминаются Харьюские, Карьяские, Вируские и Большие морские ворота. При реконструкции площади Вабадузе вьяльяк в 2005 обнаружены фундаменты предвратных сооружений Харьюских ворот – они наход. в самом начале нынешей ул. Харью. От Вируских ворот сохр. две башни предвратных сооружений на ул. Виру. От Больших морских ворот сохр. Башня Толстая Маргарита, ныны – Морской музей. Полностью разрушены (в XIX) Карьяские, Монастырские и Малые морские ворота. Праздник Майского графа – ср.-век. фестиваль, проходивший в зажиточных торговых городах Ганзейского союза в XV–XVI. Майский граф символизировал весеннее возрождение, празднество было связано с пышными народными (языческими) гуляниями, связанными с приходом мая, самого теплого месяца весны. В ходе празднования проводились соревнования на выносливость, меткость и физическую силу среди молодых мужчин с целью выявить самого сильного и умелого защитника города. Стрельба из лука по «попугаям» – обязательная часть ср.-век. фестивалей: турнир по стрельбе, где мишенью служили закрепленные на высоких столбах на колесах шары или бочонки, называемые «попугаями». COVER СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИИ Старинная история, записанная Арво Валтоном

		Арво Валтон (1935) – эстонский писатель, автор 22-томного собрания сочинений, в которое вошли исторические романы, новеллы, миниатюры, стихи, переводы литературы финно-угорских народов, рецензии, киносценарии (в том числе культовый «Последняя реликвия»). Произведения А.Валтона переведены на 30 языков. Старец из озера Юлемисте Старец из озера Юлемисте раз в год выходит из вод и спрос ведет с городской стражи: построен ли город? И стража всегда отвечает, что город все еще строится. Если город будет построен, то озеро Юлемисте выйдет из берегов и затопит Таллинн. Такова городская легенда. И только большой Мастер мог разглядеть в ней историю любви юных и чистых созданий, историю преданности и предательства, горя и счастья. Роман сказочный, но он щедро воссоздает атмосферу средневекового Таллинна: быт и жизнь горожан, церемонии и нравы рыцарства замка Тоомпеа, «кухню» магистрата, судейство ратманов над «ведьмой», лютость и зверства «песьеглавцев». Необузданная и щедрая фантазия автора очарует и чудесами подводного мира.
	n/a	Some Words and Concepts That Should Be Explained to the Reader Glossary Tallinn – the capital of the Republic of Estonia. First mentioned in written sources in 1154. It is believed that the city's original name was Litia or Lidia. In 13th-century Russian chronicles, it is referred to as Kolyvan, and in the "Chronicle of Livonia" as Lindanise. Another well-known name for the city is Reval (from the ancient name of the surrounding area). After the Danish conquest of Toompea in 1219, the local population, the Estonians, started calling the settlement Taanilinn (Danish town). It is believed that this evolved into the modern name, Tallinn. It officially became the city's name in 1925 and was legally confirmed in 1933. The author of this legend-novel uses the name Tallinn since it appears in written records as early as the 16th century, the period in which the events of the novel take place. In 1997, Tallinn’s Old

		Town (Upper Town and Lower Town) was included in the UNESCO World Heritage List. Lake Ülemiste – Tallinn's drinking water source since the 14th century, located in the southeast of the city, 35.7 meters above sea level, with an area of 944.4 hectares. The water pipeline supplying the city (construction began in 1417) has been renovated several times. In the past, the lake has overflowed due to heavy rains, snowmelt, or repairs, flooding the suburbs of Tallinn. Toompea – (Est. Toompea, Ger. Domberg) – part of the Old Town located on a hill, hence the name "Upper Town." The medieval population of the Upper Town was mostly noble and feudal, not involved in trade or crafts, which is why the architecture differs from the Lower Town's commercial and craft-oriented layout. The original buildings of the Upper Town were destroyed in a great fire in 1684. Lower Town – a free town since the middle of the 13th century, governed by Lübeck law. Merchants, craftsmen, and the less wealthy lived here. The Upper Town was separated from the Lower Town by a fortress wall. The center of the Lower Town is the Town Hall Square. Town Hall – (from the German "Rathaus," with "rath" meaning council and "haus" meaning house) – the city council's administrative building in Northern European and Baltic towns. The first mention of Tallinn’s Town Hall dates back to the second half of the 13th century. The current building, an example of Tallinn Gothic, was built in 1406. Until the mid-20th century, it served as the main administrative building. Only noblemen, known as ratmen, were allowed inside to decide on matters of city life. After extensive restorations, the Town Hall is now used for ceremonial receptions. Merchant and Craft Guilds: The Great Guild united wealthy merchants and shipowners of the Lower Town. It was a secular organization, lacking a saintly patron. Only members of the Great Guild could be elected to the magistrate and had the right to wear gold chains, velvet, brocade, and fur clothing. The Brotherhood of Blackheads (under the patronage of St. Maurice) started as a guild for unmarried German merchants but evolved into a military trading corporation. By the late 19th century, it became a secular club. Members of the Brotherhood ranked lower than Great Guild merchants. The Blackheads undertook the duty of defending the city against any enemy invasion; the Brotherhood provided the city with a cavalry unit.

		Livonian Order – (Brotherhood of Knights of Christ in Livonia, lat. Fratres miliciae Christi de Livonia) – A Catholic military order of German crusaders, a branch of the Teutonic Order in Livonia (modern-day Latvia and Estonia), active from 1237 to 1561. Its headquarters were the castle of Cēsis in northeast modern Latvia. During the Livonian War in the 16th century, the order was defeated by Russian forces and ceased to exist in 1561. Oprichniki (Dog-headed men) – The Tsar's personal guard under Ivan IV (the Terrible) in the second half of the 16th century. Oprichnina was a brutal and senseless wave of executions and terror. The Oprichniki, often called "dog-headed men," wore dark robes resembling monks' habits, with severed dog heads and brooms attached to their saddles, symbolizing their ruthless pursuit of enemies and their "sweeping" of Russian lands. Old Toomas – A weathervane depicting an old warrior on the spire of the Town Hall, installed in 1530, serving as the city's guardian. Fortress Gates – The wall surrounding the Lower Town (2.35 km long), the oldest structure in the Old Town, was built over 300 years. There were six gates: the Harju, Karja, Viru, and Great Marine Gates are mentioned in the text. From the Lower Town, the Upper Town could be reached through gates on Pikk Jalg and Lühike Jalg, which have survived to the present day. The foundations of the Harju Gate were discovered during reconstruction in 2005. They were located at the very beginning of present-day Harju Street. The Viru Gate's twin towers still stand. The Great Marine Gate remains with the tower "Fat Margaret," now the Maritime Museum. The Karja, Monastery, and Small Coastal Gates were demolished in the 19th century. May Count Festival – A medieval festival celebrated in wealthy Hanseatic towns in the 15th and 16th centuries. The May Count symbolized spring's renewal and was celebrated with pagan-style festivities. The festivities were associated with the arrival of May, the warmest month of spring. Young men competed in contests of endurance, accuracy, and strength to determine the city's strongest defender. Shooting "Parrots" – A staple of medieval festivals, this was an archery tournament where targets, known as "parrots," were balls or barrels attached to high poles on wheels.

					Cover Medieval Stories An Old Story Written by Arvo Valton Arvo Valton (born 1935) is an Estonian author of a 22-volume collected works, including historical novels, short stories, miniatures, poetry, translations of Finno-Ugric literature, reviews, and screenplays (including the cult classic “The Last Relic”). Valton's works have been translated into 30 languages. The Old Man from Lake Ülemiste The Old Man from Lake Ülemiste rises from the waters once a year to ask the city’s guards: "Is the city finished?" The guards always respond, "The city is still under construction." If the city were ever completed, Lake Ülemiste would overflow and flood Tallinn, according to the local legend. Only a great Master could see in this legend a tale of love, betrayal, sorrow, and joy, intertwining the lives of pure young souls. Though a fairy tale, this novel richly recreates the medieval atmosphere of Tallinn: the customs of the townspeople, the ceremonies of Toompea castle knights, the magistrate's court over a "witch," and the cruelty of the "dog-headed men." The author's unbridled and generous imagination also enchants with the wonders of the underwater world.
82.	2018	Ime	Kalle Käsper, Gohar Markosjan-Käsper	Novels	Чудо / The Miracle
	n/a				Эта книга создана двумя писателями, двумя влюбленными – Гоар и Калле. Трагическая история борьбы с болезнью, ее важные победы и горькие поражения рассказана двумя разными писателями. Гоар начинает, Калле

		подхватывает и развивает тему, словно в оперном дуэте, и, слипаясь, произведения становятся настоящим чудом – гимном неумирающей любви. ПРЕДИСЛОВИЕ Михкель и Марго Существует утешительная максима: об умерших следует говорить как о «примкнувших к большинству». Эта книга – о тех, кто после исчезновения к большинству не примкнет - ни в обиходном смысле, ни в метафизическом. «Чудо», о котором написал Калле Каспер, в том и состоит, что расстояние между вечностью и обоими представленными в этой книге писателями, их героиней и героем – преодолимо, являет собой ничтожную малость, равную двум сотням страниц и нескольким поэтическим строчкам об асфоделях: «В элизии погода так легка! Выращивать я стану асфодели – и утром приносить тебе к постели, а ты потом нальешь мне молока». Написано в Ферраре, там, где асфодели растут сами по себе – по обе стороны Стикса. Написано человеком европейской культуры: для него асфодели не просто цветочки, но символы. И у Гоар Маркосян-Каспер напоминание о бренности всего сущего – «Memento mori» – звучит приветствием! Ибо разлучается Марго с Михкелем, героем ее романа, лишь на время, оставшееся ему на земле без нее. Измеряется оно сроком, отпущенным ее возлюбленному на создание романа и песен о ней самой. Ведь иное имя Михкеля – Мастер, новый Орфей. По обоюдному чаянию они или обретут покой, как в «закатном романе» Михаила Булгакова, или встретятся, как у Данте, в Лимбе. Это недалеко – Италия страна обетованная для обоих персонажей, неотличимых в данном случае от своих создателей. Пути туда пролегают по извивам и тропам медлительных предложений, соответствующих неконтролируемой скорости потока сознания. Ясный разум – единственный надежный поводырь на этой дороге, а ирония и автоирония – освобождающие от напряжения паузы на привалах. Все эти качества – вместе с приметливым взглядом на внешний мир, характерным для обоих авторов – образуют общую гармонию, пронизывающую и скрепляющую книгу как единое целое.

		«Не примкнувшими к большинству» и Гоар Маркосян, и Калле Каспер являются и в самом простом смысле, резко выраженном в одном из профессиональных суждений о современном искусстве: «... дворник, к примеру, с самого рождения примкнет к большинству, а художник, если ему неохота красить задницу в синий цвет и лаять на прохожих, может и остаться вне мэйнстрима и посему приобрести < ... > второстепенный статус». Для обоих писателей «второстепенный статус» — это своего рода знак избранности, отделяющий их от «толпы», от попадания в среднестатистическое «большинство», не посягающее на господствующие мнения и поветрия. От тех, кому, говорит Марго, «драгоценное их государство куда дороже семьи, родных, близких...». Да и с «близкими» и у Маркосян, и у Каспера не все ладно. Любовь распылению не подлежит, и каждый из этих авторов мог бы повторить слова поэта: «Я любил немногих. Однако сильно». В сюжетном плане то, о чем и как пишут авторы публикуемых романов, есть комментарий на полях общих житейских прописей, комментарий жесткий, не избавляющий от насмешки и над собственными благоприобретенными воззрениями. Один из самых ярких относится все к тем же асфоделям - в самую что ни на есть драматическую минуту, увенчанную вещим сном о погружении в царство мертвых: «А где же обещанные асфодели? Должно бы быть красиво, черные лилии, бархатные лепестки, возможно, желтые тычинки ... Ерунда, их бы давно вытоптали ... то есть так оно, наверное, и случилось». Эти вытоптанные цветы говорят о несметных толпах ушедших с лица земли выразительнее любых цифр. Книга Гоар Маркосян и Калле Каспера - о неумирании смертных, размеренное повествование с действительными сценами, перетекающими в сны, в нирвану. Она о невыразимом – о не имеющем адекватного воплощения в речи, в словах - только в музыке и смерти. Можно ли между ними установить гармонию — вот вопрос существования пишущего. Героиня Маркосян себе самой рассказывает о пути к небытию. Живая, она передает эстафету осознания тайны смерти Михкелю. Марго умирает уже за пределами повествования, переходит в сознание того, ради кого жила. Это и есть чудо, поведанное ей вослед другим, ближайшим к ней рассказчиком. Калле Каспером.

		Андрей Арьев Гоар Каспер (Маркосян) – русская поэтесса и прозаик, родилась и выросла в Ереване, жила в Эстонии. Автор около 20 книг. Окончила медицинский институт, несколько лет работала врачом. Произведения Маркосян-Каспер переведены на шесть языков. Умерла 10 сентября 2015 года в Барселоне. Роман «Memento mori» получил премию Эстонского фонда культуры Eesti Kultuurkapital. Калле Каспер – поэт, прозаик и драматург. Родился в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Автор пяти сборников поэзии, тринадцати книг прозы, ряда пьес и киносценариев. Роман «Чудо» вошел в длинный список премии «Русский Букер» и был удостоен премии журнала «Звезда».
	n/a	This book was created by two writers, two lovers — Gohar and Kalle. The tragic story of battling illness, its significant victories and bitter defeats, is told by two different writers. Gohar begins, and Kalle picks up and develops the theme, like in an operatic duet, and as their works merge, they become a true wonder — a hymn to undying love. FOREWORD Mihkel and Margo There is a comforting maxim: one should speak of the deceased as those who have "joined the majority." This book is about those who, after their disappearance, do not join the majority — neither in the everyday sense nor in the metaphysical. The "miracle" that Kalle Käsper wrote about lies in the fact that the distance between eternity and the two writers presented in this book, their heroine and hero, is easily overcome, reduced to a mere trifle — two hundred pages and a few poetic lines about asphodels: "The weather in Elysium is so light! I will grow asphodels — and in the morning bring them to your bed, and then you will pour me some milk." It was written in Ferrara, where asphodels grow naturally on both sides of the Styx. It was written by a person of European culture: for him, asphodels are not just flowers but symbols. And for Gohar Markosjan-Käsper, the reminder of the transience of all

		things — "Memento mori" — sounds like a greeting! Margo is separated from Mihkel, the hero of her novel, only for the time left to him on earth without her. This time is measured by the period granted to her beloved to create a novel and songs about her. Another name of Mihkel is the Master, a new Orpheus. By mutual expectation, they will either find peace, as in Mikhail Bulgakov's "sunset novel," or meet again, as in Dante's Limbo. It's not far — Italy is a promised land for both characters, indistinguishable from their creators. The paths there wind through the twists and turns of slow sentences, matching the uncontrolled flow of consciousness. A clear mind is the only reliable guide on this road, and irony and self-irony are the tension-relieving pauses during the journey. All these qualities, combined with the observant gaze at the outside world characteristic of both authors, form the overall harmony that permeates and unifies the book as a whole. Both Gohar Markosjan and Kalle Käsper are "unjoined to the majority" in the simplest sense, sharply expressed in one professional judgment about contemporary art: "...a janitor, for example, from birth joins the majority, while an artist if he doesn't feel like painting his backside blue and barking at passersby, may remain outside the mainstream and thus acquire <...> a secondary status." For both writers, this "secondary status" is a kind of mark of distinction, setting them apart from the "crowd," from becoming part of the average "majority," which does not challenge prevailing opinions and trends. From those whom, as Margo says, "their precious state is far dearer than family, relatives, or loved ones..." And even with "loved ones," both Markosjan and Käsper have their difficulties. Love cannot be diluted, and each of these authors could repeat the poet's words: "I loved a few. But deeply." In terms of plot, what and how the authors of the published novels write serves as a commentary on the margins of common life rules — a tough commentary, not shying away from mockery, even of their hard-won views. One of the most vivid refers to the same asphodels in the most dramatic moment, crowned with a prophetic dream of descending into the realm of the dead: "And where are the promised asphodels? It should be beautiful — black lilies, velvet petals, perhaps yellow stamens... Nonsense, they would have been trampled long ago... I guess that's what happened."

					These trampled flowers speak of the countless masses who have departed from the face of the earth more expressively than any numbers. Gohar Markosjan and Kalle Käsper's book is about the immortality of mortals, a measured narrative with real scenes flowing into dreams, into nirvana. It is about the ineffable — about that which cannot be adequately expressed in speech or words, only in music and death. Can harmony be established between them? This is the existential question for the writer. Markosjan's heroine tells herself about the path to non-existence. Alive, she passes the baton of understanding the mystery of death to Mihkel. Margo dies beyond the limits of the narrative, transitioning into the consciousness of the one she lived for. This is the miracle, conveyed by the next closest narrator — Kalle Käsper. Andrei Aryev Gohar Käsper (Markosjan) was a Russian poet and prose writer, born and raised in Yerevan, and later living in Estonia. She authored about 20 books. After graduating from medical school, she worked for several years as a doctor. Markosjan-Käsper's works have been translated into six languages. She died on September 10, 2015, in Barcelona. Her novel "Memento Mori" received the Eesti Kultuurkapital (Estonian Cultural Endowment) prize. Kalle Käsper is a poet, prose writer, and playwright. Born in Tallinn, he graduated from the Department of Russian Philology at Tartu University and the Higher Courses for Screenwriters and Directors in Moscow. He is the author of five poetry collections, thirteen prose books, as well as several plays and screenplays. His novel "Miracle" was longlisted for the "Russian Booker" Prize and was awarded the "Zvezda" magazine prize.
83.	2018	Märjamaa legend	Arvo Valton	Novels	Мярьямааская легенда / The Legend of Märjamaa
	Kogu see kurb ajalugu puudutab ka Märjamaad, mis elas ülejäänud Eestiga samades muredes ja vaevades. Ja siiski on? Märjamaa olemas ning kosub aina. Märjamaal on alati olnud ja tegetsenud tublisid inimesi, sealhulgas ka Priidu ja Leemeti otseseid järglasi. Aga küllap ka Üxküllide ja Fahrensbachide järglasi, ehhki nende nimed on sealt kadunud, need on jäänud vaid ajalooraamatutesse.				Эта печальная история рассказывает о Мярьямаа, которая испытывала те же тяготы и лишения, что и вся Эстония. И все же Мярьямаа сохранилась. На ее земле жили достойные люди, в том числе прямые потомки Леэмета и Прийду. Вероятно, и потомки Юкскюллов и Фаренсбахов, хотя их имена сохранились лишь в исторических источниках. COVER

	Kuigi Eesti aladel esimese öö õigust kuigivõrd ei rakendatud, võtsid ka nende suguvõsade mehed eesti rahva sigitamisest agaralt osa. On ju eesti naised alati ilusad olnud ning härrade tähelepanu pälvinud. COVER Kui Euroopa kristlased olid Lähis-Idas ristisõdades moslemitelt enamasti peksa saanud, siis mindi nõrgemate vastaste kallale. Nii kuulutati ka Eestimaa vastane sõjategevus paavsti poolt ristisõjaks ning vallutatud ala pühendati Neitsi Maarjale. Esimesena tegi seda juba piiskop Albert 1201. aastal, et saksa seiklejate eelseisvatele vallutustele ja pappide väevõimuga ristimistele ühe püha sõna abil tuge pakkuda. Sellest ajast hakati Eestimaad nimetama ka Maarjamaaks, Mis luulekeeles on tänaseni käibel. Selle nime kindlalt teada olev pärija Eestis ongi Märjamaa. Niisiis võiks väikelinna suurust Märjamaad Eesti nimepealinnaks kutsuda. Miks mitte.	В те времена, когда европейские христиане терпели поражение на Ближнем Востоке, их взоры обратились на противника слабого. Военные действия против эстов были объявлены крестовым походом, а завоеванная рыцарями земля была посвящена Деве Марии. Так провозгласил епископ Альбрехт в 1201 году, чтобы придать вид священной войны грядущим завоеваниям германских искателей приключений и насильственному крещению местного люда. С тех пор Эстонию стали называть Марьямаа – Землей Девы Марии. В поэзии это им до сих пор в ходу. Безусловно, наследницей этого имени является Мярьямаа. Таким образом, Мярьямаа, крошечный городок, может по праву быть столицей Эстонии. Почему бы и нет?
	This sorrowful history also touches Märjamaa, which shared the same troubles and hardships as the rest of Estonia. And yet, Märjamaa persists and continues to thrive. Märjamaa has always been home to hardworking and capable people, including the direct descendants of Priidu and Leemet. Likely, the descendants of the Üxkülls and Fahrensbachs are also present, though their names have vanished from the area and remain only in old records. Although the "right of the first night" was not widely practiced in Estonian territories, men from these noble families actively participated in the continuation of the Estonian people. After all, Estonian women have always been beautiful and attracted the gentry's attention. COVER TEXT	This sorrowful story tells of Märjamaa, a place that endured the same hardships and struggles as the rest of Estonia. And yet, Märjamaa persisted. It has been home to remarkable individuals, including the direct descendants of Leemet and Priidu. It is likely that the descendants of the Üxkülls and Fahrensbachs are also present, although their names remain only in historical records. COVER In a time when European Christians were suffering defeats in the Middle East, their attention turned to weaker adversaries. Military campaigns against the Estonians

	When European Christians had mostly been defeated by Muslims in the Crusades in the Middle East, they turned their attention to weaker opponents. Thus, the papacy declared military campaigns against Estonia as a crusade, dedicating the conquered land to the Virgin Mary. Bishop Albert first did this in 1201 to provide divine support for the upcoming conquests by German adventurers and the forceful baptisms carried out by priests. From that time, Estonia began to be referred to as Maarjamaa (Land of Mary), a poetic name still in use today. Its best-known heritage in Estonia is Märjamaa. Therefore, the modest town of Märjamaa could be called Estonia's "Name Capital." Why not?				were declared a crusade, and the lands conquered by knights were dedicated to the Virgin Mary. This was proclaimed by Bishop Albert in 1201 to lend the appearance of a holy war to the forthcoming conquests by German adventurers and the forced baptisms of the local people. From that time, Estonia began to be called Maarjamaa – the Land of the Virgin Mary. In poetry, this name is still in use today. Undoubtedly, Märjamaa is the heir to this name. Thus, Märjamaa, a tiny town, could rightfully be called the capital of Estonia. Why not?
84.	2018	Meie Eesti	Epp Petrone	Children's literature	Наша Эстония / Our Estonia
	Kes oli Eesti esimene president? Kui vana on Eesti? Millest on tehtud kama? Miks Eesti oma rahast sai mänguraha? Kas lipp võib öösel lehvida? Miks on Muhu seeliku triibud kollased? Tutvustame raamatus erinevaid Eesti paiku, meie ajalugu, toite ja kombeid. Kõik on kirja pandud ema-tütre dialoogidena, aga ka reisidena eri kohtadesse nagu Tallinna vanalinn, Kohtla-Nõmme kaevandus-muuseum, Narva, Setomaa ja muud. „Meie Eesti" raamatu idee sündis Maxima poeketil, kes soovis kinkida lastele Eesti 100. sünnipäevaks midagi harivat ja lõbusat. Hoiad käes uut „Meie Eesti" raamatut, palju uusi peatükke! Vaata ka meie töövihikut, mõnusad mängud ja harjutused! Ja tulge kuulama! Epp Petrone ja lapsed on alustanud taskuraadio tegemist: www.hommikujutt.ee äratab üles, www.unejutt.ee uinutab unele.				Кто был первым президентом Эстонии? И сколько лет Эсьтонии? Из чего делается мука кама? Почему эстонские кроны стали игрушечными деньгами? Может ли флаг висеть всю ночь? Почему на мухуских юбках желтые полоски?... Героиня этой книги – любознательная девочка по имени Аня. Повествование построено в виде диалогов мамы с дочкой. Описываются традиции, обычаи, еда, поездки в разые уголки Эстонии – в шахту-музей Кохтла-Нымме, в Нарву, в бооltный край Соомаа, прогулки по Старому городу в Таллинне. Идея книги «Наша Эстония» родилась у торговой сети Maxima: подарить детям к 100-летнему юбилею Эстонии обучающую и веселую книгу. Ты держишь в руках новую книгу «Наша Эстония» – в ней пять новых рассказов! Книга «Наша Эстония» вышла и на эстонском языке вместе с рабочей тетрадью. Хочешь попробовать выполнить интересные задания и заодно подучить эстонский язык? Давай попробуем!

	Who was the first president of Estonia? How old is Estonia? What is kama made of? Why did Estonia's currency become play money? Can the flag be raised outside at night? Why are the stripes on the Muhu skirt yellow? The book "Our Estonia" introduces readers to various places in Estonia, its history, foods, and customs through mother-daughter dialogues and travel narratives to different locations such as Tallinn Old Town, the Kohtla-Nõmme Mine Museum, Narva, Setomaa, and others. The idea for the book originated from the Maxima retail chain, which wanted to give children something educational and fun for Estonia's 100th anniversary. In addition to the book, there is also a workbook with enjoyable games and exercises for children. Also, listen to the new podcast series by Epp Petrone and her children: www.hommikujutt.ee wakes you up, and www.unejutt.ee helps you fall asleep.				Who was the first president of Estonia? How old is Estonia? What is kama flour made from? Why did Estonian kroons become play money? Can the flag hang all night? Why are there yellow stripes on Muhu skirts? The heroine of this book is a curious girl named Anya. The narrative is structured as dialogues between a mother and her daughter. It describes traditions, customs, food, and trips to various corners of Estonia – including the Kohtla-Nõmme Mine Museum, Narva, the boggy region of Soomaa, and strolls through Tallinn's Old Town. The idea for the book "Our Estonia" came from the Maxima retail chain: to gift children an educational and fun book for Estonia's 100th anniversary. You hold in your hands the new book "Our Estonia" – it contains five new stories! The book "Our Estonia" is also available in Estonian, along with a workbook. Would you like to try out some interesting tasks and learn a bit of Estonian in the process? Let’s give it a try!
85.	2018	Moemaja	Maimu Berg	Memoirs	Дом моды / Fashion House
	n/a				n/a
	n/a				n/a
86.	2018	Tartu tähestik ehk Tarto maine ja taevane trükis	Valdur Mikita	Travelogue	Загадки Тарту / Misteries of Tartu
	n/a				n/a
	n/a				n/a
87.	2018		Friedrich Reinhold Kreutzwald	Children’s literature	Старинные эстонские народные сказки / Old Estonian Folk Tales
	Eessöna Ennemuistsed jutud on koduta loomade sarnased, kelle sündimise paik mönikord teadmata on, kes siiski igal maal ja köigi rahvasugude keskel elavad, ja ehk küll esiotsa kui vöörad sinna tulnud, aegamööda sealse rahva				Предисловие (перевод М. Кулишовой) Древние сказания подобны бездомным странникам: место их рождения порой бывает неизвестно, но живут они в любой стране, среди любого народа; сперва они появляются здесь как чужие, потом понемногу, соответственно нравам и

	kombeid ja viise mööda endid kujundavad, nagu oleksid nad praeguses paigas sündinud ja maast-madalast üles kasvanud. Meie päevil, kus vanu jutte mitmelt maalt hoolega kokku korjatakse ja kirja pannakse, võivad õpetatud mehed selgesti tunnistada, et mitme laialilagunenud jutu eod ühest tüvikust on üles kasvanud, kust võsusid teistesse kohtadesse viidi ja kus nad hiljemini sedaviisi kasvasid, kuidas päikeseterad, vihmasajud ja tuulehood neid kosutasid, või tähendussõnata öeldes: kuidas iga rahva mõistus, vaimuharidus ja elamise viis nende külge puutusid. Nönda leiame ka eesti rahva ennemuistsetes juttudes palju saksa, rootsi ja muude rahvaste käest päritud idusid, mida nende kasvatajate käsi mitmes tükis nii kaua eesti pakul väänas ja painutas, kuni nad viimaks säherduse kuju said, nagu oleks juba alguses Harju, Järva, Lääne ja Viru põld nende külvamise paik olnud. Mõned teised ennemuistsed jutud nende kõrval tohime tõsiselt oma kodumaal sündinud laste sekka arvata. Meie rahval on hea kogu ennemuistseid jutte ja võiks neist vist mitu raamatut täita, kui kõik tuttavaks saaks, mis praegu siin ja seal rahva keskel alles varjul elab ja millest õnnekorral üht ja teist leitakse ja päevavalgele tuuakse. Valelik arvamine ühelt poolt, nagu ei kõlbaks niisugused jutud targema rahva suus rääkida, teiselt poolt kitsa mõistuse lorisemine, mis vanu jutte patuks nimetab, on neid viimasel ajal meie maalt paljugi hävitanud. Mõistlikumaile juhatuseks saagu siin paar sõna vanade juttude seletuseks räägitud. Rahva ennemuistsed jutud on niisugused luulmise, väel sünnitatud köned, kus meie ette tegusid ja juhtumisi tuuakse, mis inimliku elu imelikul viisil hoopis või osalt vaimude väe alla panevad, nönda et vaimude ilm ennast inimese eluga ühendab. Usk imesünnitustesse on looduse poolt meie südamesse antud, mispärast niisuguste lugude kuulmine meile röömu teeb, iseäranis lapsepõlves, kus meelemõistus alles nöder on ja meie asjade säädimise vahet veel selgesti ära ei tunne. Ennemuistsetes juttudes avaneb niihästi inimese kui rahvaste lapsepõlv, kus täielik mõistus luulmise radadele veel tõkkeid ei ole ette teinud, mispärast meie imetegusid usume ja küsima ei lähe, kas nende sündimine loodud kombel on võinud võimalik olla. Laste kõrval leiame jälle lapseliku südamega inimesi, kes, ehk nad küll selgesti teavad, et lugu tõsi ei või olla, siiski vana juttu röömuga loevad ja	обычаям народа, к которому они попали, приобретают такой облик, словно тут и родились, и росли с малых лет. В наше время, когда во многих странах старинные сказания собирают и записывают, ученые люди могут засвидетельствовать, что ростки многих сказаний, ныне широко рассыпанных по свету, пошли от одного и того же корня, позже были перенесены в разные страны и там стали такими, какими взрастили их солнышко, дождь и ветер, или, говоря без иносказаний, — какими сделало их соприкосновение с разумом, духовным развитием и образом жизни того или иного народа. В старинных эстонских народных сказках мы тоже находим много ростков, доставшихся нам от немецкого, шведского и других народов; но рука садовника, растившего этот привой, гнула и крутила их уже на эстонском стволе, пока они не получили такой вид, будто были посеяны на полях Харью, Ярва, Ляэне и Виру. А наряду с этим, многие другие сказки мы можем полностью считать детьми нашей родины. Наш народ имеет немалый запас старинных сказок; их, пожалуй, хватило бы на несколько книг, будь нам известно все, что сейчас еще в скрытом виде живет среди народа и из чего порой удается какую-то долю найти и сделать общим достоянием. А сколько их у нас в последнее время было уничтожено, с одной стороны — из-за ложного мнения, будто эти сказки недостойны внимания образованных людей, и, с другой стороны, из-за столь вздорных суждений, исходящих от умов ограниченных, которые называют старинные сказания греховными. Но для сведения более разумных людей скажем здесь несколько слов в пояснение старинных сказок. Старинные народные сказки — это истории, созданные силой воображения, где перед нами проходят дела и события, которые чудесным образом ставят жизнь человека, полностью или частично, под власть волшебных сил, так что мир духов соединяется с жизнью людей. Вера в чудеса заложена в наших сердцах самой природой, поэтому слушать такие истории доставляет нам радость, особенно в детстве, когда разум еще незрел и порой еще не умеет объяснить тех или иных явлений. В древних сказаниях раскрывается детство человека и детство народов, когда трезвый рассудок еще не поставил препон на путях фантазии, когда мы еще верим в чудеса и не спрашиваем о том, могли ли такие события произойти естественным путем или не могли.

	sealjuures oma elukevade önnelikku aega meelde tuletavad, kus jutt neile üsna tösine näis ja neil veel kahtlevat mötlemist ei olnud. Ka üks kuulus saksa laulik kiidab neid önnelikuks, „kes oma teadmise vara südame hinnaga ei ole ostnud". Mida enam ennemuistses jutus inimese loodud kombed, imeteost hoolimata, avalikuks tõusevad ja mitmes tükis tösist elu näitavad, seda täielikum on jutu loomine. Aga ka töeöpetust võib vanajutu kombel anda, ja mönikord paremini kui muul viisil. Juba neis järeltuIevates eesti rahva juttudes on möned nii ilusad ja viisakad, et neid iga mees lusti pärast võib lugeda; möne teise seest variseb öpetuseivasid, mis omal kohal vilja vöivad kanda, nönda kui viimaks veel möningad naljaviisil inimeste rumalust püüavad sugeda. <…> Kui nüüd eesseisvas raamatus eesti rahva suust korjatud ennemuistseid jutte lastele ja noorematele inimestele ajaviiteks pakutakse, siis sünnib see esiteks sellepärast, et need vanema pölve pärandused meie pölve rahvale jälle tuttavaks saaksid, teiseks, et nende Iugemine omalt poolt meele ja möistuse äratamiseks targemaile öpetustele teed läheks valmistama. Enne kui eessöna löpetame, peame siin veel iseäranis Soome Kirjanduse Seltsile Helsingis selle eest suurt tänu ütlema, et tema raamatu trükkimise kulu on enese peale vötnud. Ilma niisuguse abita ei oleks raamat iialgi päevavalgele vöinud tulla, sest et meie paigas kuskilt seltse ega mehi ei leita, kes nii suure kulu enese peale oleksid vötnud, kusjuures nii pisut lootust on rahakulu aegamööda tagasi saada. Vöru linnas, jaanipäeval 1866. Kommentaarid Alljärgnevais folkloristlikes kommentaarides on lühidalt kokku vöetud A. Annisti analüüsi tulemused tema uurimuses „Friedrich Reinhold Kreutzwaldi muinasjuttude algupära ja kunstiline laad" (Tallinn 1966). Muinasjuttudes tarvitatud rahvajuttude tüübinumbrid on antud Aarne-Thompsoni kataloogi	Наряду с детьми мы видим и взрослых людей с детской душой, которые, хотя и знают, что сказка не может быть правдой, все же с радостью читают старинные сказания и вспоминают при этом счастливую пору — весну своей жизни, когда выдумка казалась им чистой правдой и в мыслях еще не было сомнений. Знаменитый немецкий поэт также считает счастливыми тех, кто «не приобрел сокровищницу знаний ценою сердца своего». Чем больше в сказке, наряду с чудесами, описываются обычные человеческие дела, показывающие нам действительную жизнь, тем полноценнее повествование. Но и в виде старинной сказки можно преподнести поучительную истину, причем иногда лучше, чем любым другим способом. Даже из числа напечатанных в этой книге эстонских сказок многие настолько хороши и складны, что каждый прочтет их с удовольствием; в других кроются зерна поучения, которые могут со временем принести плоды, и, наконец, многие посредством шутки бичуют человеческую глупость. <…> Если старинные сказки, почерпнутые из уст эстонского народа и собранные в настоящей книге, предлагаются для чтения детям и молодежи, то делается это, во-первых, для того, чтобы наследие отцов снова стало ведомо людям нашего поколения, а во-вторых, — чтобы чтение их, в свою очередь, подготовило путь для пробуждения души и ума к восприятию более серьезных знаний. Заканчивая предисловие, мы должны принести глубокую благодарность Финскому литературному обществу в Хельсинки, взявшему на себя расходы по печатанию книги. Если бы не эта помощь, книга никогда не увидела бы света, ибо в наших краях не найти таких обществ или лиц, которые могли бы взять на себя такие крупные издержки, да еще при столь малой надежде со временем вернуть свои затраты. Гор. Выру, в Яанов день 1866 года. Послесловие В рождении эстонской национальной литературы, так же как в процессе возникновения литератур других народов, огромную роль играло народное

järgi (AT= A. Aarne, S. Thompson, The Types of the Folktale. FFC 184. Helsinki 1961), mönel puhul ka A. Aarne eesti rahvajuttude kataloogi „Estnische Märchenund Sagavarianten” (FFC 25. Hamina 1918) järgi (S=muisten-ditüüp Aarne süsteemis; US=tekkelootüüp Aarne süsteemis).

1. Kullaketrajad (AT 301 A, 403). Nagu paljudes selle kogu muudes juttudes, on Kreutzwald siin paari rahvalikku põhimotiivi täiendanud mitme siin-seal leiduva rahvapärase rändmotiiviga ja köik koos üksikasjalikult välja maalinud. Kolme kullaketraja kujud on nähtavasti võetud muinasjututüübist „Kolm röövitud kuningatütart" (AT 301 A). Erinevalt rahvajutust, kus kuningatütarde röövijaks ja nende kinnipidajaks kuskil allmaailmas (põrgus) on salapärane paharet, lohe või kurat, on siin selleks metsahurtsikus elav lonkur nöiaeit (vrd. AT 327 A). Kositava põgenemise, jökke sattumise, jöenupuks saamise ja hiljem inimeseks tagasimuutumise motiivi on Kreutzwald laenanud rahvajutust

„Vahetatud mörsja" („Valge ja must mörsja", AT 403). Sajatusvärsid, samuti nagu suurem osa siia ja muudesse muinasjuttudesse vahele liidetud värsse on arvatavasti Kreutzwald ise loonud. Jutu paigutamine muinasjutukogu etteotsa laseb oletada, et sellele on tahetud anda üldistav, sümboolne tähendus: nagu tigeda nöiamoori juures vaevlevad orjapiigad, nii töötas ja ootas oma vabanemist raskest feodaalikkest kogu eesti rahvas.

2. Kuu valgel vihtlejad neitsid (AT 672, 400, S 80). Tegemist on öieti kunstmuinasjutuga, kus pearöhk on asetatud romantilise öömaailnu salapärasuse ja selle igatsema paneva ilu kujutamisele. Selle keskosa lähtekohaks on rahvajutt ussikuninga krooni röövimisest ja söömisest ning nönda omandatud linnukeele möistmisest („Ussikuninga kroon, AT 672, vrd. S80). Alasti haldjasneidude vahtimise stseen näib olevat võetud muinasjutust „Luikneitsi” („Kadunud abikaasa otsimine”, AT 400). Möjutatud Lääne-Euroopa haldjaluulest, kajastab see jutt suurel määral Kreutzwaldi enda tundeelu romantilist poolust. 3. Pikkjalg, Osavkäpp ja Teravsilm (AT 513A, 1060A, 550). Võtnud mitmed motiivid tuntud muinasjutust „Kuus saavad läbi kogu maailma” („lmeabilised”, AT 513A), on Kreutzwald need liitnud tervikuks muudest lugudest laenatud motiivide abil. Näiteks pärineb tulise labida pigistamine käe asemel rumala kuradi jutust (AT 1060A), kuld-öunte

творчество — песни, сказки, мифы. Эстонский народ, на протяжении долгих веков томившийся в кабале у иноземных захватчиков, мог выражать свои чувства, мысли и чаяния только в этих традиционных формах; хотя книги на эстонском языке выпускались уже начиная с XVI века, дело их издания находилось в руках поработителей народа и служило их целям. Об эстонской национальной литературе можно говорить только с того времени, когда началось издание произведений народной поэзии.

Таких творений, послуживших краеугольным камнем в развитии эстонской национальной литературы, имеется, как известно, два: это составленный Ф. Р. Крейцвальдом на основе героических народных преданий эпос «Калевипоэг» (1857–1861) и переработанные этим же автором «Старинные эстонские народные сказки» (1866).

Как эпос «Калевипоэг», так и собрание «Эстонских сказок» Крейцвальда появились в условиях острого кризиса феодально-крепостнического строя и зарождения капитализма в Эстонии. Хотя крепостное право формально было отменено в 1816 году в Эстляндии и в 1819 году в Лифляндии, многие пережитки крепостничества фактически сохранялись еще на протяжении полувека. Шла ожесточенная классовая борьба, находившая свое выражение в крестьянских волнениях и восстаниях.

Реакционная политика помещиков и царских властей препятствовала не только экономическому, но и культурному развитию страны. Помещики и их идеологи пытались представить полукрепостнический строй как вечный и наилучший, а эстонских крестьян как «неполноценных» уже в силу своей «расовой ограниченности»; эстонцы — утверждали они — не способны создать свою национальную культуру, а должны неизбежно ассимилироваться с немцами.

Против этого реакционного, по существу расистского учения выступали представители эстонской демократической культуры, прежде всего врачи Ф. Р. Фельман и Ф. Р. Крейцвальд, а потом, начиная с 1870-х годов, учителя и публицисты К. Р. Якобсон, М. Веске и другие. Они были крепкими узами связаны с народом, верили в его творческие силы, высоко ценили народную поэзию, видели в ней основу национальной культуры. И здесь первостепенное значение имели названные выше произведения Фридриха Рейнгольда

	varga püüdmine „Tulilinnu” jutust (AT 500) jne. Ometi on selle jutu kujundus suurel määral Kreutzwaldi enese töö. 4. Tontla mets (osalt L. Tiecki järgi). Lähtekohaks on olnud osalt rahvauskumused, osalt L. Tiecki kunstmuinasjutt „Die Elfen” („Haldjad”), millest pärineb jutu algupool (kuni Savise motiivini). Tiecki jutust võetud stseene on Kreutzwald tugevasti muutnud ja eestipärastanud, ka on ta hoolitsenud 100 ideoloogilise teritatuse eest. 5. Vaeslapse käsikivi (AT 565, 480). See on rahvapärase imeveski muinasjutu (AT 565) ümbertöötlus, kusjuures maa alt toodud kirst (käsikivi), selle avamine, sealt väljakargav tuli ja kurja vastaspoole ärapõletamine on jutusse laenatud eesti ühest kõige levinumast muinasjututüübist „Ketrajad kaevul” (AT 480). Nii oma rahva- kui ka kunstipärasusega on see parimaid näiteid Kreutzwaldi ümbertöötluse osavuse kohta. 6. Kaksteistkümmend tütart (AT 332, 510). Jutu algus meenutab muinasjuttu „Surm vaderiks" (AT 332) vendade Grimmide kogust; juttu tuntakse ka Eestis. Muus osas on Kreutzwald vabalt kasutanud Lääne-Euroopa haldjamuinasjutte (vrd. näiteks AT 510) ja mõningaid motiive eesti rahvausundist. 7. Kuidas üks vaenelaps kogemata õnne leidis. Muinasjutu algupära pole päris selge. Rahvaliku alusena võib oletada jutte maailma äärel ähvardavatest koletistest (koerakoonlastest või koertest) ja nende valvamisest. Tõenäoliselt kasutas Kreutzwald ka mõningaid motiive taari kangelaslaulust „Ala Kartaga”, mille akadeemik A. Schiefner parajasti oli avaldanud. 8. Puulane ja Tohtlane (AT 1180). Loo aluseks on olnud rahvajutud oma hinge kuradile müünud inimestest (AT 1180 jpm.), samuti muistendid pisuhänna (krati) tegemisest. 9. Udumäe kuningas (osalt L. Tiecki järgi). Nagu „Tontla metsas”, on Kreutzwald ka siin kõrvuti väheste rahvauskumuste ja haldjalugu-dega kasutanud L. Tiecki juttu „Die Elfen" („HaIdjad”). Jutt on oluliselt siiski	Крейцвальда (1803–1882), выдающегося просветителя-демократа, основоположника эстонской национальной литературы. Чтобы понять, насколько велико значение Крейцвальда в истории эстонской культуры, необходимо знать условия и обстановку, в какой протекала его деятельность. Крейцвальд сам вышел из среды эстонского крестьянства, жестоко эксплуатируемого помещиками, политически бесправного, жившего в нужде и темноте. Он был одним из немногих эстонцев, первыми получивших высшее образование; глубоко любя свой народ, он посвятил всю свою жизнь служению его интересам, его просвещению. Свои произведения Крейцвальд писал в условиях, когда не существовало даже сформировавшегося эстонского литературного языка, в условиях, когда малейшее проявление свободной мысли преследовалось цензурой. И несмотря на это, Крейцвальд сумел во многих областях культурной жизни того времени сказать свое, новое слово, создать произведения, вошедшие в золотой фонд эстонской литературы. Ф. Р. Крейцвальд родился 26 декабря 1803 года в Вирумаа, на мызе Йыэпере, в семье крепостного мызного сапожника. Семья была бедная, и юный Крейцвальд не имел возможности систематически учиться. Все же любознательный мальчик уже в раннем возрасте дома научился читать и писать, так как родители его оба были грамотными. Вообще же в то время грамотность была среди крестьян явлением редким. Получить школьное образование было очень трудно, отсутствовали и отвечающие запросам народа книги для чтения. Зато широко было распространено устное народное творчество — народные песни, сказки, предания, меткие пословицы и поговорки. Искусные рассказчики были для мызных барщинников желанными гостями. Их увлекательные старинные сказания и легенды помогали коротать длинные, скучные осенние и зимние вечера, будили мысль людей, обремененных тяжелым и однообразным трудом, являлись для них почти единственной духовной пищей и развлечением.

	Kreutzwaldi enda kombineeritud, emotsionaalseks põhimotiiviks inimese romantiline igatsus haldjate önnemaale. 10. Kergejalgne kuningatütar (AT 513A). Veelgi rohkem kui „Pikkjalg, Osavkäpp ja Teravsilm" vastab see lugu muinasjututüübi „lmeabilised" (AT 513A) rahvapärasele normaalsüžeele. Detailne elukujutus ja Kreutzwaldi rahvalik jutustamisoskus tõstavad selle muinasjutu-kogu paremiku hulka. Il. Lopi ja Lapi (AT 750A; J. P. Hebeli järgi). Jutt lähtub rahvusvahelisest tüübist „Soovid" (AT 750A), mille pisut erinevat redaktsiooni tuntakse ka Eestis. Kreutzwaldi jutu allikaks pole siiski olnud rahvajutt, vaid J. P. Hebeli „Drei Wünsche" („Kolm soovi") ta jutukogust „SchatzkästIein" („Aardekastike"). 12. Kivialuste ristitütar. Selle jutu on Kreutzwald ise nähtavasti Lääne-Euroopa haldjajuttude eeskujul mitte küll kõige önnestunumalt kombineerinud. 13. Nupumees (AT 301A, 531, 851). Jutu aluseks on röövitud kuningatütarde päästmise lugu (AT 301A), mida Kreutzwald on täiendanud muudes muinasjututüüpides („Õige ja võlts Ferdinand", AT 531; „Kuningatütar, kes ei suuda möistatust lahendada", AT851) leiduvate motiividega. 14. Haruldane naise truudus (AT 882, 613). Jutt vastab peajoontes muinasjututüübile „Kihlvedu naise truudusele" (AT 882), mis on tuntuks saanud Boccaccio „Dekameroni" kaudu. Löpupoolde on vahele liidetud motiiv tüübist „Töde ja vale" („Kaks rändajat", AT 613). Pole võimatu, et üksikasjus on see möjutatud ka mönest kirjanduslikust allikast. 15. Tuhka-Triinu (AT 510A). Jutt vastab samanimelisele rahvusvahelisele tüübile (AT 510A) ja selle eesti teisendeile. Ilmselt on Kreutz-wald peale rahvateisendite kasutanud ka kirjanduslikke eeskujusid (Ch. Perraulť muinasjuttu „Cendrillon"). 16. Paristaja-poeg (AT 1148A ja B). Jutu on Kreutzwald vabalt kombi-neerinud muinasjutust „Pikse pill" (AT 1148B). Algusosa toetub rahvajutule,	Здесь, в мызной риге или прядильне, и познакомился впервые юный Крейцвальд с богатствами народной поэзии. Сидя у горящей печи и поправляя лучину в светце, напряженно прислушивался будущий писатель к тому, что пели и рассказывали барщинники и «души»[15]. Здесь мальчик слышал сказки о хитрых гуменщиках, глупых пасторах, о сиротах и хозяйских дочках, о жернове, который сам мелет муку, о королевне, спящей на вершине стеклянной горы, слышал и предания о Калевипоэге и его подвигах. И хотя он далеко не все мог запомнить или, как он сам писал, «не умел различить — что на стебельке сказки растет как стручок, а что — как самое зернышко», — все же впечатления, полученные юным Крейцвальдом в этот период, сыграли большую роль в формировании будущего писателя. Именно здесь, в тесном общении с мызными барщинниками, Крейцвальд узнал, как тяжела доля крестьянского люда, и научился любить и ценить его устное поэтическое творчество. С горестью наблюдал он крестьянскую нищету и голод, бесправное положение барщинника и батрака, слышал рассказы о произволе судей — гакенрихтеров, о жадности пасторов, собственными глазами видел бессердечие и жестокость помещиков, бесчеловечное обращение их с крестьянами. Все это порождало в душе юноши возмущение против угнетателей, которое с годами росло все больше. У рассказчиков и певцов Крейцвальд заимствует гибкий, выразительный и богатый язык. Яркие пословицы и поговорки, в которых отражена вековая народная житейская мудрость и народный склад мысли, учат его скупой, сжатой и образной речи. Красивые сказки, с их причудливой фабулой, развивают воображение юноши. Он замечает также, что в сказках ясно отображены думы и чаяния народа, тесно связанные с его жизнью и бытом, его суждения, взгляды, стремления. Устное поэтическое творчество, в котором проявляется стихийно материалистическое мышление народа, его протест против эксплуатации и угнетения, стало первым и главным идеологическим фактором в формировании мировоззрения Крейцвальда. <...>

	milles pajatatakse kuradiga lepingu tegemisest ja kuradi piksekartusest (AT 1148A). 17. Pikse pill (AT 1148B). Jutu aluseks on rahvusvaheliselt tuntud muinasjututüüp „Paharet varastab Pikselt pikseriista” (AT 1148B), mida juba V saj. on kasutatud Nonnose eeposes „Dionysiaka”. Kreutzwald on lähtunud maamöötja J. Lagose üleskirjutatud teisendist, mis W. Schultzi redigeerituna ilmus „lnland'is” (1858, nr. 6). Ta on aga jutu hoopis detailsemalt välja joonistanud ja seda sotsiaalselt teritanud (kurat meenutab äratuntavalt ahnet ja rumalat möisasaksa või peremeest). 18. Rohkesti tasutud heategu (S 37, AT 1148A, 1166). Jutt näib olevat kontamineeritud järgmistest motiividest: pikset kartva pahareti äratundmine, metshaldja abistamine ja tasusaamine selle eest, kiire kojusöit nõiavõimu abil (ning mütsi peastlendamine) ja lõpuks paharet soldati ametis, või vormeliks lühendatult: AT 1148A + haldja abi + S 37 + AT 1166. Osa neid kontaminatsioone on sündinud juba rahvasuus. 19. Härjapõlvlaste riid (AT 518). Jutt vastab võrdlemisi lähedalt nii eesti rahvajutule kui ka rahvusvahelisele muinasjututüübile „lmeasjade pärast riidlevad paharetid” (AT 518). Kreutzwaldil on aluseks olnud J. Lagoselt saadud teisend, mille ta on huvitavamaks ja sisurikkamaks ümber töötanud. Sama ainet on Kreutzwald kasutanud ka „Kalevipoja” X laulu kujundamisel. 20. Võllamehikesed (AT 326, 1000, 1567A, S 1 ja 18). Jutu aluseks on olnud muinasjutt „Hirmuotsija” (AT 326). Kaval-Antsu kuju, samuti täpse lepingutäitmise motiivi on Kreutzvald võtnud Kaval-Antsu ja Vanapagana lugudest (AT 1000 jt.), kuid erinevalt rahvajuttudest pole Kaval-Ants Kreutzwaldil mitte Vanapagana, vaid ahne hingekarjase sulane. Antsu seletus „jook teeb söögile ruumi” pärineb rahvanaljandist (AT 1567A). Muistendeist on tuntud teated kesköisest kirikurahvast, s.o. surnuist (SI) ja tontidega või surnuga kaardimängimisest (SI 8). 21. Kuidas üks kuningatütar seitse aastat oli maganud (AT 530). Põhiliselt kattub jutu sündmustik rahvateisenditega („Kuningatütar klaas-mäel”, AT 530). Seitse aastat kestnud imeune motiivi on Kreutzwald arvatavasti laenanud „Lumivalgekese” (AT 709) või „Okasroosikese” jutust (AT 410).	Произошло для того времени необычайное событие — сын бывшего крепостного был принят в университет. Крейцвальд на себе испытал все трудности, которые приходилось преодолевать бедному крестьянскому сыну на пути к образованию. Он пишет в одном из писем, относящихся к 1862 году: «Я отлично знаю все те путы, что сковывают шаг эстонского юноши, пока ему удастся с деревенских полей попасть в среду людей образованных». Тартуский университет являлся одним из центров науки и высшего образования в России того времени. Несмотря на старания помещиков и клерикалов, стремившихся превратить университет в оплот реакции, здесь продолжала развиваться передовая научная и общественная мысль. Крейцвальд встретил в университете нескольких студентов-эстонцев. Здесь зародилась его дружба с Ф. Р. Фельманом (1798–1850), будущим выдающимся эстонским ученым и фольклористом, с которым Крейцвальда связывали общие интересы и стремления. Именно Фельман задумал составить на основе народных сказаний эпос «Калевипоэг» и начал собирать для него материалы; после смерти Фельмана его замысел осуществил Крейцвальд. <...> После окончания университета Крейцвальд с 1833 по 1877 год работал городским врачом в Выру. Живя в отдаленном от центров маленьком городе, он тем не менее поддерживал тесную связь с наиболее видными деятелями демократического направления в национальном движении, возникшем в Эстонии в 60-х годах, принимал участие в их мероприятиях и своей разносторонней деятельностью помогал развитию прогрессивных элементов эстонской национальной культуры. Крейцвальд состоял также в переписке с рядом известных русских, финских и западноевропейских ученых. <...> И все же именно Крейцвальд оставил более обширное литературное наследство, чем кто-либо другой из эстонских писателей прошлого века. <...> Крейцвальд был непримиримым врагом средневековых привилегий прибалтийских баронов. Он не сомневался в неизбежной гибели

	Mujalt (AT 403C) pärineb lõppu lisatud seletus, et jutu kangelane on „ühe vägeva kuninga poeg kaugelt maalt”. 22. Tänulik kuningapoeg (AT 313A). „Maagiline põgenemine” (AT 313A), millel see jutt rajaneb, kuulub Eestis kõige levinumate muinasjuttude hulka. Kreutzwald on selle ainult detailselt välja maalinud ja vahele pöiminud mitmeid muid rahvalikke motiive ning olustikulisi täiendusi. 23. Vöörasema (AT 403C). Kreutzwald on siin lähtunud „Valge ja musta mörsja” („Vahetatud mörsja”) Eestis tuntud alatüübist (AT 403C). Ainult jutu lõpu on ta kujundanud üsna vabalt, kasutades rahvapärimusi loomana või luupainajana teisi kiusamas käivatest nöidadest. 24. Röugutaja tütar (AT 403C, 409). Nagu eelmises jutus, on ka selles loos tarvitatud peamiselt „Vahetatud mörsja” eesti alatüüpi (AT 403C), millega on liitunud jutt soend-ema vabastamisest (AT 409). 25. Näkineitsi (rahvusvaheline Melusine motiiv). Kreutzwald on selle looga tutvunud arvatavasti saksa rahvaraamatu „Die schöne Melusine” („llus Melusine”) vahendusel, kuigi näki pärimused pole vöörad ka eesti rahvatraditsioonile. Tóötluselt on see kirjanduslikemaid terves kogus. 26. Maa-alused (AT 1848A, S 27). Jutus on nähtavasti kasutatud rahvapärast magava pahareti motiivi, kelle inimene pikse eel äratab ja selle eest rohkem tasu saab (AT 1848A), veel enam aga muistendit rahaauku valvavatest haldjatest, kellelt kingituseks saadud söed hiljem kullaks osutuvad (S 27). Maa-aluse sepikoja kujutis on sündinud germaani mütoloogia mõjul; Ilmarise nimi on siia laenatud „Kalevala”. 27. Tark mees taskus (AT 461, 561, 563). Kreutzwald on selle nähtavasti üs-na vabalt kombineerinud, liites motiive „Aladdini imelambist” (AT 561), jututüübist „Lauake, kata end” (AT 563), samuti juttudest, mis räägivad kuradile kolme juuksekarva toomisest (AT 461) või kuningatütre päästmisest (AT 550). Arvesse tulevad ka kirjanduslikud mõjud (W. Hauff). 28. Pöhja konn (AT 300, 561). Selle pöneva ja fantaasiarikka jutu on Kreutzwald nähtavasti ise — kui see ei tugine mönele veel tundmatule otsesele eeskujule — vabalt kombineerinud mitmest pärimuslikust motiivist.	существующего строя, которая наступит тем скорее, чем больше «будут пытаться затыкать дыры в этой стене рыхлыми средневековыми камнями». Крейцвальд стоял на той точке зрения, что только представители, выбранные крестьянами из своей среды, могут отстаивать их права и интересы в суде и других учреждениях. Уже в своих первых публичных выступлениях Крейцвальд смело встает на защиту интересов крестьян. Хотя в печати на эстонском языке официально запрещалось что-либо писать о положении крестьян, Крейцвальд стремился использовать каждую возможность, чтобы возвысить свой голос в защиту угнетенного крестьянства, выступая на немецком языке. Прибалтийские бароны ненавидели Крейцвальда и даже угрожали ему высылкой. Борясь против экономического, политического и национального гнета прибалтийских баронов, Крейцвальд резко выступал и против их идеологического оплота — лютеранской церкви. Религию, проповедуемую пасторами, Крейцвальд называл «средством духовного оболванивания народа», она, по его мнению, является «самым опасным врагом человеческого общества, который препятствует всякому естественному прогрессу». Он называл пасторов «шайкой дармоедов в черных хламидах» и доказывал, что главная их цель — держать народ в темноте. В письме к художнику И. Кёлеру он писал: «Попы и проповедники в молельнях стремятся к тому, чтобы превратить человека в скотину, чтобы эстонский народ, словно заведенная ими машина, работал только для их выгоды, создавал бы для них изобилие благ…» Крейцвальд всю жизнь упорно боролся за высвобождение народа из-под влияния пасторов. Этой цели служило все его литературно-публицистическое творчество, которое должно было явиться противовесом литературной стряпне пасторов и кистеров, их попыткам внушить народу слепое преклонение перед авторитетами, приниженность, покорность существующим порядкам. В своих выступлениях в печати Крейцвальд требует освобождения школы из-под опеки церкви, требует заменить зазубривание библейских текстов изучением естественных наук. «Если хотят ввести что-то новое, надо прежде всего просветить народ тогда владычеству духовенства над ним скоро придет конец», — утверждал Крейцвальд и посвятил все свои силы созданию

	Üheks lähtekohaks näib olevat olnud muinasjutu-tüüp „Lohetapja” (AT 300), millega on liidetud motiive muinasjutust „Aladdini imelamp” (AT 561) jm. 29. Vägev vähk ja täitmatu naine (AT 555). Kreutzwald on siin vördlemisi üksikasjalikult ümber jutustanud muinasjutu „Kalur ja tema naine” (AT 555). Imejõuline vähk esineb ka mitmes rahvateisendis. 30. Leitud laps (AT 326, 562B, 563). Peaseiklus läheneb suurtes joontes muinasjututüübile „Hirmuotsija” (AT326). Juurde on liidetud mitmeid imemotiive muudest muinasjuttudest (AT 562B, 563). 31. Önnemunake (AT 332, 402, 433B). See on romantiliselt häälestatud kunstmuinasjutt, Kreutzwaldi üks kõige isiklikumaid ja emotsionaalselt mõjukamaid eneseväljendusi. Algusmotiiv on võetud muinasjutust „Vader surm” (AT 332); peasüžeeks on kasutatud rändmotiivi koletisest, kes vastassugupoole suudluse tõttu nõidusest pääseb ja inimeseks tagasi muutub (AT 433B, 402). 32. Kuidas seitse rätsepat Türgi sötta lähevad (AT 1287, 1290; vendade Grimmide ja G. O. Marbachi järgi). Jutt rajaneb rahvusvahelistel narrilugudel (AT 1287, 1290 jm.), mis osalt ka Eestis tuntud on. Kindlasti on Kreutzwaldile eeskujuks olnud saksa rahvanaljand „Die sieben Schwaben” („Seitse vaablast”) Grimmide kogust ja vastav G. O. Marbachi jutt (kirjas G. Schultz-Bertramile 17. II 1867 on Kreutzwald ise oma jutu allikale viidanud). Ometi pole tegu tõlke või plagiaadiga, vaid Kreutzwald on eri allikaist laenatud jutumotiivid tervikuks liitnud ja eestiliselt välja maalinud. 33. Naiste mörtsukas (AT 311, 312). Jutt pärineb rahvusvahelisel jutu-tüübil „Pääsemine koletise käest öe läbi” (AT 311), mida tuntakse ka Eestis. Kreutzwald pole siiski kuigivörd jälginud rahvalikku jututüüpi, vaid rohkem Ch. Perrault' kirjanduslikku ümbertöötlust („Sinihabe”, AT 312). Omalt poolt on ta lisanud truu Hanede-Tõnu kuju ning sobitanud jutu olustiku balti möisamiljööga. 34. Önne-rublatükk (AT 300). Jutt vastab üsna lähedalt igivanale Perseuse (Püha Georgiuse, Püha Jüri) jututüübile (AT 300), mis on ka Eestis olnud	литературы, которая служила бы просвещению народа, расширяла его кругозор. <...> Понимая, что наиболее необходимо народу для его культурного развития, Крейцвальд боролся за единый литературный эстонский язык и новое, народное правописание, против старого, немецкого правописания, которое не отвечало фонетике эстонского языка. Большая заслуга Крейцвальда состоит в том, что путем многочисленных полемических статей он сумел эту борьбу за единый язык и новое правописание сделать популярной среди широких народных масс и показать ее связь со всем антикрепостническим движением. В числе наиболее значительных художественных произведений Крейцвальда необходимо отметить «Песни Вируского певца» (1865) и посвященные отображению крестьянской жизни, публиковавшиеся в календарях повести (1865–1873), в которых затрагивались различные актуальные для того времени общественные проблемы. В поэме «Война» (1854), написанной в форме народного поэтического сказа, Крейцвальд повествует о доблести русских и эстонских солдат, сражавшихся во время Крымской войны. * С борьбой против крепостничества связана также деятельность Крейцвальда по собиранию и публикации творений народной поэзии. Крейцвальда, как и Фельмана, следует считать инициатором использования богатств народного творчества для создания эстонской национальной литературы. Крейцвальд видел в народной поэзии мощное орудие идеологической борьбы, средство мобилизации сил народа на борьбу против пережитков крепостничества, против национального гнета. При помощи народной поэзии он старался пробудить в народе уверенность в своих силах, показать, что эстонцам в их старинных преданиях и песнях «дано столько же духовных богатств, сколько и другим народам… и эти богатства покрывают их крестьянское житье прямо-таки чистым золотом». Путем своей фольклористской работы Крейцвальд опровергал утверждения прибалтийских баронов и их приспешников, которые пытались доказать, будто

	väga populaarne. Lendavast maost on Kreutzwaldi eestipärastavas ümbertöötluses saanud lendav karu. 35. Julge rehepapp (AT 326). Peajoontes vastab jutu sündmustik „Hirmuotsija" jutule (AT 326), mille motiive Kreutzwald on kasutanud ka muinasjuttudes „Võllamehikesed" ja „Leitud laps". Seekord on ta selle sidunud eesti rahvapärimustes populaarse rehepapi kujuga. 36. Kuidas üks kuningapoeg karjapoisi-pölves üles kasvas (AT 920, 921). Kreutzwald on selle jutu suurel määral ise kujundanud. Sealjuures on tal lähtekohaks olnud jututüüp „Kuningapoeg (Saalomoni poeg) ja sepapoeg" (AT 920) ning sellega tihedalt kontamineerunud „Möistatuslikud vastused" („Kuningas ja talupoiss", AT 921). Liites rahvapärase põhisüžeega muid rahvasuust ja kirjandusest saadud motiive, on ta need kokku sulatanud küllaltki rahvalikuks ja võitleva sotsiaalse ideega tervikuks. 37. Naljakas härjamüümine (AT 1642, 1600). Jutu esimene pool vastab enamvähem naljanditüübile „Hea kaup" (AT 1642), teine pool tüübile „Loll mörtsukana" (AT 1600). Need kaks naljanditüüpi on liitunud ka juba rahvasuus. 38. Pilli-Tiidu (AT 566). Jutu novellistliku algupoole on Kreutzwald mitut tuntud rändmotiivi kasutades nähtavasti ise kujundanud. Lõpupooles on kõige olulisema ehitusmotiivi andnud nn. Fortunatuse jutt (AT 566). Palju ühisjooni on muinasjutul ka Novgorodi böliinade rühma kuuluva Sadko looga. 39. Munast sündinud kuningatütar (AT 510; osalt J. K. A. Musäuse järgi). Nähtavasti on see jutt Kreutzwaldi enda kompileeritud, eeskujuks „Tuhka-Triinu" motiiv (AT 510) ja J. K. A. Musäuse muinasjutt „Die Nymphe des Brunnens" („Kaevuhaldjas"). Jutu eestipärastamiseks on sisse põimitud lapse haudumine munast. 40. Helde puuraiuja (AT 555, US 41 ja 75). Nagu muinasjutus vägevast vähist (nr. 29), on siingi eeskujuks olnud jututüüp „Kalur ja tema naine" (AT 555). Eeskuju on võinud pakkuda ka möned tekkelood (US 41 ja 75). Kuigi jutt on süžeelt rahvapärane, on Kreutzwald üksikmotiivide liitmisel ise tublisti kaasa aidanud.	эстонцы неспособны к развитию и созданию собственной культуры. Народное поэтическое творчество ярко свидетельствовало о богатых возможностях, заложенных в народе, и по своему художественному уровню могло равняться с творчеством любого другого народа. Чтобы поднять в народе дух борьбы, уверенность в своих силах, показать ему его собственное героическое прошлое, обилие его духовных сокровищ, Крейцвальд приступает к осуществлению замысла, разработанного еще вместе с Фельманом: к составлению народного эпоса «Калевипоэг». В течение десяти с лишним лет (1850–1861) Крейцвальд творчески перерабатывает записанные им народные предания, сказки и песни и соединяет их в единое художественное целое — величественную эпическую поэму. «Калевипоэг» явился высшим достижением его творчества; в нем воплощена идея борьбы за освобождение народа от всякого гнета и порабощения, отображены исторические события в Эстонии в XIII веке. Немецкие рыцари, до появления «Калевипоэга» прославлявшиеся как «носители культуры», показаны как злейшие враги эстонского народа. Калевипоэг предстает в эпосе как подлинный народный герой, в котором сочетаются лучшие черты самоотверженного труженика и отважного борца. В нем воплощено трудолюбие, мужество и упорство, стремление к просвещению, к знаниям. Эпос заканчивается вдохновенными строками, в которых звучит горячая вера в силы народа, предсказывается его освобождение и грядущие счастливые времена. В 1862 году вышло народное издание «Калевипоэга», которое оказало огромное влияние на массы, пробуждая их национальное самосознание. «Калевипоэг» имел поистине неоценимое значение для развития эстонской демократической культуры — литературы, искусства, общественной мысли. Отражая в сжатой, обобщающей форме жизнь, чаяния и стремления народа, эпос будил мысль, зажигал сердца, звал к единству в борьбе против угнетателей. Тем же целям — пробуждению и просвещению народа — служили собранные и переработанные Крейцвальдом «Старинные эстонские народные сказки».

	41. Öösised kirikulised (S 1 ja 63). See muistendliku ilmega jutt rajaneb muistendeil kesköisest surnute jumalateenistusest jöuluööl (S 1) ja ebaönnestunud aardekaevamisest (S 63). Kreutzwaldi ümbertöötluses on neist muistendimotiividest saanud suhteliselt pikk lugu, milles on rahvapäraste kooljamuistendite meeleolukust ja aardelugude pönevust. 42. Küti kadunud önn (S 102). Kreutzwald on siin rahvalt kuuldud muistendi „Hea jahiönn" (S 102) möningal määral ümber kujundanud, selle olustikuliselt välja maalinud ja lisanud sinna rea mujalt tuntud rahvalikke motiive. 43. Hädaohust pääsenud kuningapoeg saab vendadele päästjaks (AT 707). Jutt vastab vördlemisi lähedalt rahvusvahelisele muinasjututüübile "Kolm kuldset poega" (AT 707), mis kirjanduses on tuttavaks saanud eriti kogu „Tuhat üks ööd" kaudu. On võimalik, et Kreutzwald peale eesti rahvajutu on tarvitanud ka muid kirjanduslikke allikaid. Paiklikud ennemuistsed jutud 1. Miks Tallinn iial valmis ei tohi saada. Pärimus on nähtavasti seotud hoonete (kirikute) maa alla vajumise (uppumise) motiiviga. Rahvasuus on see populaarseks saanud Kreutzwaldi ümbertöötluse kaudu. 2. Parknaha-kaupmees. Kuigi rahvalikke vasteid pole sellele jutule leitud, on muistendi üksikmotiivid suurelt osalt rahvapärased. On võimalik, et Kreutzwaldil oli tarvitada ka möni pärimuslik (võib-olla baltisaksa) nahakauplemismotiiv, mis meieni pole ulatunud. Pontuse nimi näikse viitavat Rootsi söjaülemale Pontus De la Gardie'le (1520-1583). 3. Porkuni preili. Russow' ja Renneri kroonika teatel uputasid vennad 1554. a. talvel Rannus oma öe Barbara von Tiesenhuseni keelatud armastuse pärast Võrtsjärve jääauku. Porkuniga on see pärimus nähtavasti hiljem ühendatud. 4. Vinguv jalaluu (S 12). Lugu vastab populaarsele eesti muistendile (S 12), mille löpu Kreutzwald on vabalt kujundanud.	«Сказки», как и «Калевипоэг», являются плодом долгого творческого труда. Для того чтобы их напечатать, Крейцвальду приходилось преодолевать большие трудности: Крейцвальд закладывал основы эстонской национальной литературы в условиях, когда вся печать фактически находилась в распоряжении немецких помещиков и их подручных, а те старались всячески препятствовать возникновению литературы, служащей интересам народа. «…А сколько их у нас в последнее время было уничтожено, с одной стороны — из-за ложного мнения, будто эти сказки недостойны внимания образованных людей, и, с другой стороны, из-за столь же вздорных суждений, исходящих от умов ограниченных, которые называют старинные сказания греховными». Так Крейцвальд в предисловии к «Старинным эстонским народным сказкам» разоблачает их главных врагов: это — жеманное «высшее общество», охаивавшее все народное, это — ханжествующие «братья» из религиозных общин, пасторы и кистеры, не признававшие иной литературы, кроме церковной. Врагом народной сказки была и царская цензура, наложившая запрет на многие из них. Необходимо подчеркнуть, что Крейцвальд опубликовывал народные сказки не как материал для научных исследований, а как книги для чтения, для того, чтобы обогатить и украсить жизнь народа, поддержать его в жизненной борьбе, вернуть ему облеченными в законченную художественную форму самим же народом созданные поэтические творения. <...> «Эстонские сказки» Крейцвальда дают мало материала для изучения «странствующих» международных сказочных мотивов по сравнительному историко-географическому методу. Но как художественные произведения, созданные на народнопоэтической основе, они стали краеугольным камнем эстонской национальной литературы. Наиболее ранним изданием, свидетельствующим о пробуждении интереса и эстонской народной поэзии, является известное собрание И. Г. Гердера («Volkslieder», 1778–1779), где опубликовано и несколько эстонских народных

	5. Paigast läinud järveke (S 89). Arvatavasti on siin liitunud kaks muistendit: üks järvede rändamisest, teine — uueaegsem — järve tekkimisest (või kadumisest) mingi kuriteo või moraalivastase eksimuse karistamiseks. Pole ka võimatu, et tegemist on baltisaksa pärimuse või kirjandusliku laenuga. 6. Narva kaupmehe tütar. Rahvalikke vasteid sellele muistendile pole õnnestunud leida; võib oletada laenamist baltisaksa pärimusest. 7. Kus Narva endine varandus magab. Selle aluseks võib olla möni kohalik või ka laenatud aardesaaga. 8. Vaskjala silla piiga (US 7). Peajoontes on see lugu kindlasti rahvapärane (US 7), kuid esitus on Kreutzwaldi poolt romantiseeritud, nii et lihtsalt rahvamuistendist on saanud romantiline müüt. 9. Emujärv ja Virtsjärv. Peamiseks lähtekohaks on Kreutzwaldil olnud Võrtsjärve tekkimise ja Emujärve kadumise 100 värsistus, mis ilmus 1809. aastal F. Thierschi toimetatud raamatukeses „Taschenbuch für die Liebe und Freundschaft". Kreutzwald on oma ümbertöötluses moralistlikku tõlgitsust edasi arendanud ja nii on esialgsest rändava järve muistendist (S 89) saanud moraalselt mõtestatud müüt. 10. Toolse rannamehe tütar. Selle aluseks on kuradi poolt ära viidud ülbe ja ülemeeliku mehe või neiu motiiv, millega siin on liitunud teine muistend lossi maa alla vajumisest; võimalik on ka Leonore-motiivi mõju.	песен. Некоторые эстонские исторические предания появились в печати уже в 1764 году. Первые записи эстонских народных сказок были опубликованы в первых десятилетиях XIX века (Шлегель, Розенплянтер, Кнюпфер), большей частью (19 сказок и 5 преданий) в журнале Розенллянтера «Beiträge» (1814–1818 гг.). Но лишь в 1840-х годах, под влиянием знаменитых «Эстонских мифов» Ф. Р. Фельмана, возникает новый романтический интерес к эстонским сказкам. Х. Нейс публикует некоторые из них на немецком языке в журнале «Das Inland». Изложены они были довольно кратко и сухо, и именно это вызвало у Крейцвальда стремление издать эстонские сказки «в их подлинной красе». Первая сказка Крейцвальда — «Благодарный королевич» — появилась в печати в 1850 году. С этого года, собственно, и начинается работа Крейцвальда над эстонскими сказками. Способствовали этому также восхищенные отзывы, которыми друзья встретили его первенца. Но и эта сказка появилась на немецком языке. Только после ее выхода в свет Крейцвальда начинает занимать мысль о систематической публикации сказок на эстонском языке. Осенью 1854 года в эстонском календаре появляется сказка «Ссора гномов». В 1857 году у Крейцвальда закончено уже полдюжины сказок, а вскоре число их доходит до двадцати. Но для эстонского сборника сказок еще долго не находилось издателя. В 1860 году друзья Крейцвальда А. Шифнер, Х. Нейс и Ф. Руссов наконец как будто находят выход: типография Линдфорса в Таллине готова издать сказки Крейцвальда маленькими выпусками (вместе с народными песнями). Для этого Крейцвальд посылает в Таллин рукопись 25 сказок. Но уже начало этого собрания застряло в цензуре: вычеркнуты были сказки, где народ насмехается над алчностью пасторов, и ряд песен, рисующих положение крестьян при крепостнических порядках. В результате в первом выпуске (1860) появились только две сказки и три песни. Наиболее примечательным в этом первом выпуске было предисловие автора, где он подчеркивает поэтическую и педагогическую ценность и огромное национальное значение народной сказки и народной поэзии вообще, как «драгоценного наследия предков», «красы и славы эстонского народа».

		Однако этим выпуском издание сказок в Таллине и закончилось. Типография перешла в руки нового хозяина, и часть рукописи Крейцвальда была потеряна. Четырех сказок автор даже не смог больше восстановить, так как у него не сохранилось черновых записей. Следующие выпуски — второй и третий — вышли в Тарту (1864, 1865); они содержали 9 сказок. Расходились выпуски медленно, из-за этого новый издатель также отказался продолжать их публикацию. Но сказки Крейцвальда уже вызвали интерес и за пределами Эстонии. В опубликованной академиком Шифнером в «Бюллетене Петербургской Академии наук» сказке «Как сирота нашел свое счастье» были обнаружены некоторые параллели с татарской и германской мифологией, так же как и в «Громовой волынке», которой заинтересовался даже Якоб Гримм. Друзья Крейцвальда начали искать для его сказок нового издателя, и на этот раз более успешно. Так как в Гельсингфорсском университете нужны были эстонские тексты для студентов-филологов, то Финское литературное общество дало свое согласие на издание сказок и даже попросило Крейцвальда пополнить свой сборник новыми сказками. Вследствие этого объем его увеличился почти в полтора раза. Первая часть рукописи была послана в Гельсингфорс в начале 1865 года. Но Крейцвальд в течение почти двух лет все еще писал и посылал новые материалы. Предисловие и последняя сказка поступили в типографию лишь осенью 1866 года. Книга вышла из печати в конце того же года тиражом всего в 500 экземпляров. История создания и выхода в свет «Эстонских сказок» очень напоминает генезис «Калевипоэга». Оба эти произведения являются плодом почти двадцатилетнего труда, оба они вышли лишь после долгой борьбы их автора с множеством трудностей, оба смогли увидеть свет лишь в Финляндии при помощи петербургских и финских ученых. * Сказки Крейцвальда можно разделить на несколько групп.

		Сказки первой группы наиболее близки к общему международному типу, действие их происходит в семьях королей или в совершенно фантастических сферах. В настоящем издании эта группа представлена такими сказками, как «Легконогая принцесса», «Спящая королевна» и «Неразменный рубль». Несколько больше внесено эстонского колорита в ряд других сказок, где международный сюжет также сохранился, но действие происходит в крестьянской среде («Лопи и Лапи», «Ссора гномов», «Золушка», «Благодарный королевич», «Мачеха»). С эстонскими народными поверьями больше связаны сказки, основанные на преданиях, например «Заколдованное ружье». Несколько более изменены по сравнению с их народным первоисточником сказки второй группы. В них при обработке появились новые действующие лица и отчасти новые мотивы, однако основной народный сюжет отчетливо различим и может быть определен по системе Аарне-Томпсона. В эту группу входят: «Сказка о Быстроногом, Ловкоруком и Зоркоглазом», «Хитроумный», «Храбрый гуменщик», «Громовая волынка» и «Добрый дровосек». К третьей группе можно отнести сказки, которые сильно переработаны. Основной тип здесь еще поддается определению, но привнесенных мотивов так много, что сказку можно считать уже почти индивидуальной. В эту группу входят сказки «Златопряхи», «Сироткин жернов», «Чурбан и Береста», «Хитрый Антс» и др. И, наконец, в четвертую группу можно включить сказки, составленные Крейцвальдом произвольно. Конечно, и в них различимы некоторые народные или литературные мотивы, однако определить в них конкретный фольклорный тип почти невозможно. В эту группу входят сказки «Двенадцать сестер», «Как сирота нашел свое счастье», «Король Туманной горы», «Мудрый советчик», «В подземном царстве», «Северный дракон», «Найденыш», «Волшебное яичко», «Земляничка», «Тийду-музыкант». Художественная ценность сказок этой группы различна, в большинстве они скомпилированы из стереотипных мотивов; так, в основу некоторых из них положены сюжеты западноевропейских волшебных сказок. Но здесь же мы встречаем и ряд очень эмоциональных литературных сказок Крейцвальда («Волшебное яичко», «Северный дракон», «Тийду-музыкант»).

		В итоге можно сказать, что в двух третях сказок Крейцвальда можно определить служащие их основой фольклорные типы, а одна треть составлена автором более или менее произвольно. Это касается только сюжетных мотивов; литературная же форма во всех случаях целиком принадлежит Крейцвальду. Крейцвальд обращался с фольклорным материалом так свободно, разумеется, не с целью фальсификации, а лишь потому, что своей главной задачей он ставил отображение жизни и психологии эстонского народа при помощи фольклора. Он хотел возвратить народу его творения, воссозданные на более высоком художественном уровне, в форме национальной литературы. Поэтому он считал своей прямой обязанностью не только соединять разные варианты одного сказочного сюжета, но иногда и дополнять сюжет подходящими мотивами из других сказок, излагать все по возможности подробно и выразительно, так, как это сделал бы идеальный рассказчик из народа. Во всех составленных им сказках Крейцвальд неизменно стремился сохранить их народный характер и не превратил их в произведения, где преобладает индивидуальное творчество автора, как например, в сказках Музеуса или Тика. Характерная особенность сказок Крейцвальда по сравнению с народными — это их более значительный объем. Каждая сказка занимает в среднем около десяти страниц. Это объясняется не только соединением разных сюжетов и мотивов, но и более полным и подробным описанием событий и персонажей, более частым применением диалога и т. д. Именно такой амплифицирующей переработкой Крейцвальд значительно повысил художественные достоинства сказок. Преобладающее большинство сказок в собрании Крейцвальда относится к группе волшебных сказок. К типу легендарных можно отнести только одну сказку («Лопи и Лапи»), но и в ней роль христианского бога или святого исполняет всесильная фея. Вообще можно сказать, что Крейцвальд как рационалист избегает персонажей из христианской мифологии. Из так называемых новеллистических сюжетов он воспользовался только тремя, из группы сказок о глупом черте — шестью, из группы сатирических — пятью сюжетами. Сказок о животных у Крейцвальда вообще нет. Из всех известных в народе сказочных сюжетов (по Аарне) Крейцвальд использовал только 5–7 процентов, а из группы волшебных сказок примерно одну четверть. Отчасти этот выбор ограничили и внешние условия: Крейцвальд знал, что цензура,

		вычеркнувшая даже сказку «Хитрый Антс», никогда не пропустила бы более острых сатирических сказок. Более полно представлены в «Эстонских сказках» народные предания. Они легли в основу ряда сказок, например, «В подземном царстве», «Заколдованное ружье», элементы их содержатся и в сказках «Двенадцать сестер», «Как сирота нашел свое счастье», «Король Туманной горы», «Чурбан и Береста». * Народные сказки, как известно, во многом отражают реальную народную жизнь, быт. Но прежде всего в этих произведениях народной поэзии находит выражение идеология народа, его думы и чаяния. Сказки рассказывались прежде всего для того, чтобы хоть в воображении увидеть осуществленными свои мечты, хотя бы на миг почувствовать себя счастливым, сильным, богатым — хозяином имения, женихом королевской дочери или царем. В этом сказочном, идеальном мире сбываются надежды слабых и угнетенных, воплощаются их мечты о социальной справедливости. Их представитель — сирота или младший сын, даже дурачок — в награду за свою правдивость и доброту неизменно оказывается победителем, к нему приходит богатство и счастье, а злые и алчные несут наказание. Эта народная идеология сохранилась и в сказках Крейцвальда, и не только сохранилась, но и проявляется еще ярче и отчетливее, чем в народной традиции, становится более ясной, активной и боевой. Конечно, и в сказках Крейцвальда герой борется обычно за свое личное счастье и награждается богатством, любовью принцессы. Но при этом он всегда обладает высокими моральными качествами, и именно поэтому волшебное счастье ему улыбается. Это счастье он делит со своими родными и с теми, кто ему помогал. Крейцвальд не осуждает личное богатство как таковое. Но у Крейцвальда богатые и могущественные почти всегда алчны и несправедливы и только идеальный герой остается справедливым и добрым даже тогда, когда становится королем. Таким образом, и этот идеал — отражение реальных надежд и чаяний народа. Со своей стороны Крейцвальд выдвинул несколько идеальных героев, которые борются за счастье других, выступают не только против дракона, чтобы спасти

		принцессу, но и против жестокого господина и даже против самого короля; они согласны скорее умереть, чем терпеть унижение («Королевич-пастушонок»). Ясно, что Крейцвальд призывает к такой же отваге и свободолюбию и своих читателей. «Королевский сын» в его сказках как бы символизирует идеального представителя народа. Стремление избавиться от рабства или от злых колдовских чар — мотив, общий для многих сказок; в нем звучит всегда жившая в народных массах любовь к свободе. Боевой характер сказок особенно проявляется в изображении отрицательных персонажей и явлений. И здесь у Крейцвальда подчеркивается социальная несправедливость. Показано не только то, как злая мачеха притесняет сироту или богатый бедного, как обычно в народной сказке, но и очень конкретно изображены произвол богатого крестьянина по отношению к пастуху или служанке, жадность пастора, обирающего прихожан, жестокость помещика к своим подчиненным. Все это в сказках Крейцвальда строго осуждается и карается. Здесь особенно ярко проявляется идейная цель Крейцвальда как просветителя-демократа. Это борьба за гуманизм в самом широком смысле, за право на счастье для всех людей, даже самых обездоленных, ибо как раз у них может быть чуткая душа и доброе сердце, делающие их достойными «королевских» почестей. Крейцвальд не только переработал свои сказки в социальном плане, не только придал им боевую направленность, но и во многих случаях усилил в них романтический элемент. В сказках Крейцвальда имеется ряд героев и героинь, которых характеризует напряженная жизнь чувств, страстные, хотя и пассивные грезы о счастье, мистическая любовь к неземной красоте (к луне или фее); иногда эти герои даже гибнут, стремясь к несбыточной мечте. Романтические элементы иногда отдаляют сказки Крейцвальда от народных сказок, однако этот романтизм нигде не имеет того реакционного характера, который наблюдается, например, у Тика. В целом «Эстонские сказки», так же как и эпос «Калевипоэг», — произведения прогрессивного романтизма. Оба эти творения, имеющие в своей основе

		народную поэзию, показывали, что народ — это королевич в неволе, которому надо возвратить его королевские права. Как уже отмечалось, Крейцвальд считал своей самой важной задачей передать в своих сказках не только народные чаяния, но и по возможности конкретно изобразить народную жизнь и местную среду. Это ему удалось, хотя не везде в одинаковой степени. Некоторые сказки, где действуют традиционные сказочные персонажи, довольно далеки от эстонской жизни. Однако большинство сказок изобилует местными особенностями, насыщено колоритом эстонского народного быта. В таких сказках главным героем является крестьянин или крестьянка, и даже королевские дети, по существу, очень близки к крестьянам. Подробно изображена только крестьянская среда, тогда как королевский двор и городская жизнь показаны стереотипно и поверхностно. Краткие сведения о природе отвечают эстонской или, во всяком случае, северной действительности. Интереснее даны описания необыкновенной, сказочной среды, отличающиеся эмоциональностью и романтическим характером. Ярче всего изображены отрицательные стороны социальной жизни феодальной эстонской деревни. Так, описывается тяжелая работа девушек на ручной мельнице, труд деревенских прях, различные полевые и домашние работы батраков, горькая участь сирот и пастухов, работающих у жадного хозяина, и т. д. Во многих сказках изображается крестьянский быт, дается описание бедной лачуги бобыля, деревенской корчмы и т. д. Некоторые сказки связаны с определенными местностями Эстонии. Таким образом даже фантастические приключения как бы становятся ближе к реальной жизни и местной обстановке. Ярким примером этого служит одна из самых длинных и сложных по сюжету сказок, помещенных в настоящем сборнике, — «Благодарный королевич»; в ней наряду с элементами фантастики есть много и реалистических бытовых мотивов, начиная уже с характерной сцены найма батрака. Последующее описание подземного мира также полно таких реалистических бытовых картин и эпизодов.

		Часто встречается в сказках ярко написанный образ злой, сварливой женщины, которая мучает и бьет падчерицу или подневольных людей. Эта злая женщина иногда настолько досаждает всем, что ее насильственной смерти радуется даже ее муж («Королевич-пастушонок»). Персонажи такого типа всегда имеют народный характер, и при их изображении язык Крейцвальда изобилует народными выражениями. Когда же в сказках изображаются злые королевы, то даже своей речью они напоминают реальных прибалтийских помещиц. Местный колорит имеют также образы жестокого помещика, жадного пастора, скупого кулака и т. д. В сказке «Чурбан и Береста» остро сатирически показан жадный хозяин, который скупится досыта кормить своих батраков и батрачек. Черт добывает ему таких работников, которые никогда не требуют ни еды, ни питья, ни платы, трудятся без устали с утра до вечера и умножают хозяйское добро. Ненасытная алчность не остается безнаказанной. Когда срок договора истекает, сатана душит хозяина насмерть, а богатства, нажитые недобрым путем, оказываются призрачными. Из положительных образов наиболее индивидуализированным является тип юноши (часто это пастух или музыкант), который увлечен своими мечтами о счастье, любви и красоте. Здесь можно отметить даже некоторые внесенные Крейцвальдом автобиографические черты — отголоски воспоминаний о его собственной юности, а также литературные влияния. Это первый образ романтического героя в эстонской литературе. Вообще можно сказать, что в сказках Крейцвальда местных и реалистических деталей и образов гораздо больше, чем в традиционной народной сказке, и разработаны они ярче и рельефнее. Чувствуется, что целью переработки сказок было не только доставить читателю развлечение, но и отобразить реальную жизнь эстонского крестьянина. Даже стереотипные сказочные образы переработаны применительно к эстонской среде и дополнены другими, которые можно назвать типично эстонскими образами (пастухи, батрачки, богатые хозяева и хозяйки, помещики и их слуги, бобыли, гуменщики и т. д.). По своей композиции сказки Крейцвальда близки к народным. Сказка построена по следующей схеме: в начале скромный и ничем не выделяющийся герой проходит через большие трудности, затем с помощью какой-нибудь волшебной силы приобретает счастье. Конец сказки большей частью всегда

		счастливый; противники и трудности, а также силы героя преувеличены; действие драматическое, но развитие его простое; действующих лиц мало. Всюду применяются приемы повторения мотивов, ярких контрастов и т. д. Другими словами, почти всюду выполнены требования так называемых эпических законов А. Олрика. Только группа сказок, написанных самим Крейцвальдом на основе народных преданий и верований, по своей композиции отличается от волшебных: они короче, приключений в них меньше, эмоциональных (а иногда и психологических) элементов больше и некоторые из этих сказок имеют трагический конец (напр. «Тийду-музыкант» и «Заколдованное ружье»). Стиль сказок Крейцвальда иногда называли ненародным и даже германическим. С таким утверждением нельзя согласиться. Язык «Эстонских сказок», правда, изобилует формами, которые с точки зрения нынешней грамматики эстонского языка могут считаться неверными, замечаются также некоторые германизмы в синтаксисе. Однако стиль, в собственном смысле слова, у Крейцвальда богатый, яркий и в общих чертах народный. Этому особенно способствует обилие пословиц и поговорок, народных сравнений, метафор. * «Старинные эстонские народные сказки» — произведение, для своего времени имевшее огромное общественное значение. Оно учило народ ценить богатства своего поэтического творчества. Не менее существенными были для Крейцвальда и воспитательные и просветительные цели, достигаемые этим сборником. «Если старинные сказки, почерпнутые из уст эстонского народа и собранные в настоящей книге, предлагаются для чтения детям и молодежи, то делается это, во-первых, для того, чтобы наследие отцов стало ведомо людям нашего поколения, а во-вторых, чтобы чтение их, в свою очередь, подготовило путь для пробуждения души и ума к восприятию более серьезных знаний», — с таким пожеланием посылает Крейцвальд свой сборник в народные массы. Крейцвальд хорошо понимал, какую роль играют сказки в развитии духовной жизни ребенка. «Ребенок, который с малых лет слушал старинные сказки и умел их пересказать другим детям, развил свои умственные способности, он

		сможет усвоить и то, чему будет его обучать школьный учитель, и сохранить эти знания, насколько позволят ему границы его ума», — пишет Крейцвальд в предисловии к сборнику. Разумеется, круг читателей сказок не ограничивался лишь детьми. Сказка, будучи обобщением жизненного опыта трудового люда, художественным отображением его мечтаний и надежд, увлекала и взрослых, оказывала и на них свое воспитательное воздействие. <...> Существенной чертой сказок является их морально-воспитательная направленность. Читатель находит в них много мудрых мыслей, этическую оценку различных явлений жизни, данную путем увлекательных сказочных картин и образов. Здесь высоко оцениваются положительные человеческие качества — трудолюбие, настойчивость, решительность, предприимчивость, смелость, честность, щедрость, любовь к свободе, стремление к знаниям, к мудрости. Носитель этих качеств, сказочный герой, борется против злых, темных сил, помогает слабым, своими подвигами приносит людям пользу и сам достигает славы и счастья. Злоба, жадность, лицемерие, зависть, жажда власти здесь всегда караются. В сказках отражен самобытный педагогический талант народа. Мораль здесь органически вытекает из поступков и поведения героя, из самого хода событий и поэтому становится особенно убедительной. Как уже указывалось выше, «Калевипоэг» в поэзии, а «Эстонские сказки» — в художественной прозе заложили основы прогрессивного романтизма в эстонской национальной литературе. Если говорить о силе общественного воздействия, то «Калевипоэг» стоит на первом месте уже потому, что в «Эстонских сказках» отсутствует такой национальный герой, как Калевипоэг, воплощающий мощь и волю, историю и будущее своего народа. Но «Эстонские сказки» являются шагом вперед в том смысле, что в них разоблачается социальное неравенство также и в эстонской деревне. В чисто литературном отношении новым в них является применение выразительных средств реалистического стиля, подготовившее путь к критическому реализму конца XIX века. «Эстонские сказки» стали одним из самых популярных произведений Крейцвальда и всей эстонской литературы: ими зачитывались все, и молодые и старые. Уже первое издание сказок разошлось за несколько лет, за ним последовало второе издание в 1875 и третье в 1901 году. В связи со столетием

		со дня рождения Крейцвальда, в 1903 году, один из корреспондентов газеты «Уус аэг» («Новое время») писал: «Я был еще маленьким мальчиком, когда мой отец, который был хорошо знаком с городским книготорговцем, однажды привез домой „Старинные эстонские народные сказки“. Ох, милые, как же их читали! Старый дядюшка, по вечерам занимавшийся резьбой по дереву, бросал свою работу, у отца в зубах гасла трубка, материна прялка жужжала все тише и тише, пока совсем не умолкала. Но так как женщина не смеет тратить время попусту, то мать говорила: палец, мол, болит, прясть никак нельзя. Однако главное тут были сказки Крейцвальда… Скоро книжка эта стала ходить по рукам в деревне, а потом обошла весь приход; когда она, бедняжка, к нам вернулась, то была прямо как ощипанная курица… Короче говоря, ее зачитали до дыр. Счастливая книга!» Сказки Крейцвальда быстро распространились в народе; они имели большое значение для сохранения народной традиции сказочного творчества. В буржуазной Эстонии «Эстонские сказки» были изданы только один раз, в 1924 году, да и то не полностью. Но интерес народа к «Эстонским сказкам» не ослабевал, и когда в 1951 году вышло новое издание с иллюстрациями Г. Рейндорфа, его большой тираж разошелся в несколько месяцев; такое же, дополненное издание вышло в 1953 году, полное издание — 43 сказки и 18 преданий — в 1967 и 1978 году. Что же касается отдельных самых популярных, лучших сказок Крейцвальда, таких, как «Сироткин жернов» и ряд других, то они уже давно включены в школьные хрестоматии и распространились в сотнях тысяч экземпляров. Они стали широким достоянием народа и снова вошли в устный оборот. Они много раз записывались снова, и теперь иногда трудно точно установить, какие черты в них традиционные и какие взяты у Крейцвальда. Нет сомнения в том, что «Эстонские сказки» имели большое значение для идейного и морального развития народа. «Эстонские сказки» оказали большое влияние и на эстонскую литературу. На их сюжеты Л. Койдула написала две баллады — «Король Туманной горы» и «Девушка из Нарвы» — первые произведения этого жанра в эстонской литературе. Я. Кырв по примеру Крейцвальда создал целый сборник таких же романтических переработанных сказок (1881). Баллада Я. Тамма «Дешевые рабы» (по сказке «Чурбан и Береста») написана уже в духе критического реализма. На высоком художественном уровне созданы баллады Марие Ундер

(1929). Эстонская советская поэтесса Дебора Вааранди, поэтически воплотив тему послевоенного восстановления Таллина, написала балладу «Старик из Юлемисте и юный градостроитель» (1947). Ю. Кангиласки по мотивам сказки «Сироткин жернов» создал пьесу для кукольного театра (1953) и т. д.

О влиянии «Эстонских сказок» в области изобразительного искусства можно судить прежде всего по иллюстрациям к ним. Иллюстрации А. Роозилехта (1920, 1924) отличаются излишней стилизацией, зато некоторые работы Г. Рейндорфа можно назвать классическими. В музыке самым крупным произведением на темы «Эстонских сказок» является балет Э. Каппа «Златопряхи» (1956).

Наконец, надо подчеркнуть, что после выхода в свет сказок Крейцвальда оживилась деятельность других эстонских фольклористов. За сборником Крейцвальда вскоре последовали и другие издания (Ю. Кундер, Я. Кырв, М. И. Эйзен, Я. Йыгевер, О. Каллас), которые в фольклористическом отношении отличаются гораздо большей точностью, хотя и не имеют такой художественной ценности, как «Эстонские сказки» Крейцвальда.

<...>

«Эстонские сказки» Крейцвальда — не только одна из первых, но и одна из популярнейших книг эстонской классической литературы; она сохранила свою ценность и в наши дни. Ее близкое народу содержание и художественные достоинства служат залогом того, что это произведение будет любимо еще многими поколениями читателей.

А. Аннист, Х. Нийт

Комментарии

1. ЗЛАТОПРЯХИ (АТ 301 А, 403). Стр. 7.

Сказка эта представляет собой осуществленную Крейцвальдом свободную компиляцию. Отправной точкой послужила, по всей вероятности, сказка о трех похищенных девушках (тип Аарне-Томпсона 301 А). Но у Крейцвальда их похитителем является не черт, как в фольклоре, а ведьма, местом пребывания

		— не преисподняя или подземное царство, а дремучий лес. Многие мотивы Крейцвальд почерпнул из сказки «Белая и черная невеста» (AT 403). Как там, так и здесь увезенную девушку бросают в ручей, она превращается в кувшинку, но потом снова приобретает облик человека. Хозяйке девушек, старой ведьме, присущи черты прибалтийской помещицы. Тяжелый труд трех златопрях напоминает барщинную повинность крестьянок, выполняющих свой «урок» для имения. В сказке воплощена мечта закабаленного народа об уничтожении эксплуататоров. Как художественное произведение, «Златопряхи» — одна из лучших сказок Крейцвальда. <...> 3. СИРОТКИН ЖЕРНОВ (AT 565, 480). Стр. 35. В своих главных чертах эта сказка перекликается с народной сказкой о чудесной мельнице (AT 565; ср. Аарне-Андреев 715 и Афанасьев № 188), которая появляется из потустороннего мира и может молоть соль, деньги, кашу — все, что захочет хозяин. По Крейцвальду, мельница ничего не производит, а только перемалывает зерно и тем облегчает работу сироты. Когда же злая хозяйка хочет открыть сундук, в котором работает мельница, оттуда вырывается пламя и сжигает хозяйку, подобно тому, как это происходит в сказке «Пряхи у колодца» (AT 480). Сказка «Сироткин жернов», хотя и переработана Крейцвальдом, имеет вполне народный характер как по идейному содержанию, так и по форме, и снова изустно распространяется в народе. 4. ДВЕНАДЦАТЬ СЕСТЕР (Двенадцать дочерей). Стр. 38. Начало взято из народной сказки «Смерть в кумовьях» (AT 332), остальное, по всей вероятности, разработано самим Крейцвальдом под влиянием западноевропейских сказок о добрых и могущественных феях; при этом использованы и некоторые эстонские предания. В сюжете сказки национального мало, но ее обработка и идейное содержание соответствуют народному духу. 5. КАК СИРОТА НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ. Стр. 43.

		Сказка, как можно полагать, была создана под влиянием статьи академика А. Шифнера о героических преданиях минусинских татар («Ала Картага»), где рассказывается о семи страшных собаках, которые, освободившись от цепей, могут уничтожить весь мир. Читая эту статью, Крейцвальд припомнил, что и он в юности слышал в народе сказания о живущих на краю света страшных собаках или людях с собачьими головами, которых стережет войско, чтобы они не уничтожили все живое. На основе этих преданий Крейцвальд и составил эту сказку. Ее главный герой — мальчик-сирота, которому помогает «седой старик», стереотипный образ в эстонских народных сказках и преданиях. Эпизоды, рисующие работу сироты у жестокой хозяйки, разработаны Крейцвальдом реалистично. 6. ЧУРБАН И БЕРЕСТА (АТ 1180). Стр. 49. Основой этой сказки послужили народные предания о скупцах, которые ради наживы продают душу черту, и об искусственно созданных подобиях людей — работниках, которые приносят своему хозяину всякое имущество или же трудятся на него (АТ 1180, 1174 и др.). Крейцвальд обработал эти мотивы более реалистично и представил этих «роботов» как символ нетребовательных и покорных рабов, о каких мечтают жадные хозяева. 7. КОРОЛЬ ТУМАННОЙ ГОРЫ. Стр. 52. Эту сказку Крейцвальд создал, использовав народные предания о леших и о счастливых жителях подземного царства; некоторые ее мотивы заимствованы из сказки Л. Тика «Эльфы». Социальная критика здесь не столь остра, как в некоторых других сказках автора, но романтичная тоска о потустороннем крае счастья выражена особенно ярко. Недаром именно эта сказка вдохновляла эстонскую поэтессу Л. Койдула и других романтиков. 8. ЛЕГКОНОГАЯ ПРИНЦЕССА (АТ 513 А). Стр. 57. Основой этой сказки также послужила народная сказка о чудесных помощниках, сюжету которой она соответствует в гораздо большей мере, чем «Сказка о Быстроногом, Ловкоруком и Зоркоглазом». Вообще эта сказка очень

		близка к народным как по сюжету и идейному содержанию, так и по форме изложения, в ней много народных поговорок и юмора. 9. ЛОПИ И ЛАПИ (AT 750 A). Стр. 70. Сказка восходит к народной сказке-легенде о трех желаниях (AT 750 A), в которой бичуется алчность и глупость людей. Как видно, Крейцвальд использовал здесь не эстонские народные варианты этой сказки, а редакцию И. П. Гебеля («Drei Wünsche») в его книге «Schatzkästlein». Но это касается только сюжета. Вся обработка сказки носит вполне народный эстонский характер и показывает, как мастерски Крейцвальд умел использовать народный склад речи. <...> 12. ЗОЛУШКА (AT 510 A). Стр. 93. По сюжету сказка совпадает с одноименной международной сказкой и ее эстонской редакцией. Но некоторые детали показывают, что на переработку, произведенную Крейцвальдом, оказала влияние и редакция Перро в его известном собрании французских сказок (напр., мотив всемогущей феи и осуществляемых ею волшебных превращений). В стиле заметны некоторые сентиментально-литературные элементы, но в целом сказка, особенно ее начало, рассказана очень живо и занимательно. 13. ГРОМОВАЯ ВОЛЫНКА (AT 1148 Б). Стр. 101. Эта сказка в общих чертах традиционна и международна (черт крадет у бога грома его громовой инструмент); ее мифический сюжет встречается уже в V веке н. э. в эллинистическом эпосе «Дионисиака» Нонна; позже она распространилась во многих странах Европы. Крейцвальду эта сказка стала известна по записи И. Лагоса, но он ее немного переделал, придав ей более острую социальную направленность. 14. ССОРА ГНОМОВ (AT 518). Стр. 107.

		Народной основой здесь послужила древняя международная сказка о чертях, спорящих из-за чудесных предметов (AT 518), которую Крейцвальд использовал уже в эпосе «Калевипоэг» (песнь X). Здесь он ее немного переделал, наделив человека, который носит «шапку-невидимку» («шапку Гадеса»), способностью узнавать даже мысли других людей. Тем самым он придал сказке социальную окраску, критикуя в ней лицемерие высшего общества.
	Foreword Ancient tales are like homeless creatures, whose place of birth is sometimes unknown, yet they live in every land and among all peoples. Even though they may have arrived as strangers, over time, they adapt to the customs and ways of the local people, as if they were born and raised there. In our days, when old tales from many lands are carefully collected and written down, scholars can clearly demonstrate that many widely dispersed stories have grown from a single root. From there, these offshoots spread to different places, where they later developed according to the local conditions—the rays of sunshine, the rain showers, and the winds that nurtured them. In other words, according to how each person's mentality, spiritual culture, and way of life influenced them. Similarly, in the ancient tales of the Estonian people, we find many seeds inherited from the Germans, Swedes, and other nations. These seeds were twisted and shaped by the hands of their cultivators on the Estonian soil until they eventually took on a form that made it seem as if they had originally been sown in the fields of Harju, Järva, Lääne, and Viru. Alongside these, there are other ancient tales that we can confidently count as native children of our homeland. Our people have a rich collection of ancient tales, and they could likely fill several books if all that still lives hidden among the people were brought to light. However, false beliefs on one side—that such tales are not suitable for the lips of more intelligent people—and narrow-minded grumbling on the other side, which considers old tales as sinful, have greatly diminished these stories in our land in recent times. For those of more reasonable judgment, a few words here will explain the value of these old tales.	Preface (translated by M. Kulishova) Ancient tales are like wandering strangers: their place of origin is often unknown, but they find a home in any country, among any people. At first, they appear as foreigners, but gradually, adapting to the customs and traditions of the people who receive them, they take on a form as if they were born and raised there. In our time, as many countries collect and record old tales, scholars can attest that the roots of many stories now widely spread across the world originate from the same source, later transplanted to different lands, where they grew into what they are now under the influence of that land's sun, rain, and wind—or, in plain words, through interaction with the intellect, spiritual development, and way of life of the people. In old Estonian folk tales, we also find many elements inherited from German, Swedish, and other cultures. However, the hand of the gardener who nurtured this graft shaped and bent it according to the Estonian trunk, until it took on a form as if it had been sown in the fields of Harju, Järva, Lääne, and Viru. At the same time, many other tales can be entirely considered children of our homeland. Our people possess a considerable store of ancient tales—enough to fill several books if everything currently hidden within the populace were known and if, from time to time, we managed to uncover a portion of it and share it. How much has been lost in recent times—on one hand, due to the misguided belief that these tales are unworthy of the attention of educated people, and on the other hand, due to the foolish opinions of narrow minds that label these ancient stories as sinful. But for the enlightenment of more reasonable people, let us clarify a few things about these old tales. Ancient folk tales are stories born of imagination, where events unfold that place a person's life, wholly or partially, under the power of magical forces, merging the spiritual world with human life. Faith in miracles is embedded in our hearts by nature itself, which is why listening to such stories brings us joy, especially in childhood when our reason is still immature and often cannot explain certain phenomena. In

	Ancient tales are imaginative narratives, created by the power of imagination, that bring before us deeds and events in which human life is either wholly or partly subject to supernatural forces, so that the world of spirits merges with human existence. The belief in miraculous events is implanted in our hearts by nature, which is why hearing such stories brings us joy, especially in childhood, when our reasoning is still weak and we do not yet clearly understand the order of things. In ancient tales, we see both the childhood of humanity and of nations, where rationality has not yet placed barriers on the paths of imagination. This is why we believe in miracles without questioning whether they could occur according to the laws of nature. Alongside children, we also find people with a childlike heart, who, even though they know full well that the story cannot be true, still read the old tales with pleasure and recall the happy days of their youth when such stories seemed entirely serious to them, and they did not yet have doubts or second thoughts. A well-known German poet also praises those who have not "purchased the wealth of their knowledge at the cost of their heart." The more that human nature, despite the miraculous elements, is expressed in an ancient tale and reveals aspects of real life, the more complete the tale's creation is. But moral teachings can also be delivered in the form of an old tale—and sometimes more effectively than by other means. Even among the following Estonian folk tales, some are so beautiful and graceful that anyone can read them with delight; others contain lessons that can bear fruit in their proper context, while yet others humorously seek to expose human foolishness. <...> Now, if the ancient tales collected from the lips of the Estonian people in the following book are offered as entertainment for children and younger readers, this is done, first of all, so that these legacies of the older generation may become familiar again to the people of our time. Secondly, the reading of these tales will prepare the way for awakening the mind and reason for higher learning.	these ancient tales, we see both the childhood of humankind and the childhood of nations, a time when sober reason had yet to restrict the paths of fantasy when we still believed in miracles without questioning whether such events could happen naturally or not. Alongside children, we also see adults with a childlike spirit who, though they know a tale cannot be true, still delight in reading old legends, recalling the blissful time—the spring of their life—when fiction seemed pure truth and doubts had yet to cloud their thoughts. The famous German poet also considers happy those who "have not gained a treasure trove of knowledge at the cost of their heart." The more a tale, alongside its wonders, describes ordinary human deeds that reveal real life, the richer the narrative. Even in the form of an old story, one can convey a moral truth, sometimes more effectively than by any other means. Many of the Estonian tales printed in this book are so well-crafted that anyone will read them with pleasure; others contain seeds of wisdom that may bear fruit over time; and finally, many mock human foolishness through humor. <...> If these old tales, drawn as verbal stories of the Estonian people and compiled in this book, are offered for reading to children and youth, it is primarily so that the heritage of our ancestors may become known to this generation, and secondly, so that by reading them, the minds and souls of the young might be prepared for more serious learning. In conclusion, we must express deep gratitude to the Finnish Literary Society in Helsinki, which covered the expenses of printing this book. Without their support, the book would never have seen the light of day, as no societies or individuals in our region could have borne such significant costs, especially with such little hope of eventually recovering their investment. City of Võru, on St. John's Day, 1866. The Afterword

	Before we conclude this foreword, we must especially express our deep gratitude to the Finnish Literature Society in Helsinki, who has taken upon themselves the cost of printing this book. Without such assistance, the book could never have seen the light of day, as in our region, no societies or individuals are willing to take on such a large expense with so little hope of eventually recovering the costs. In the town of Võru, on Midsummer Day 1866. COMMENTS Below are folkloristic comments summarizing A. Annist's analysis in his study *Friedrich Reinhold Kreutzwald's Fairy Tales: Their Origins and Artistic Style* (Tallinn 1966). The type numbers for folk tales used in the fairy tales are provided according to the Aarne-Thompson catalog (AT = A. Aarne, S. Thompson, "The Types of the Folktale." FFC 184. Helsinki 1961), and in some cases also according to A. Aarne's Estonian folk tale catalog, "Estnische Märchen und Sagavarianten" (FFC 25. Hamina 1918) (S = folk tale type in Aarne's system; US = origin legend type in Aarne's system). 1. The Golden Spinners (AT 301A, 403): As in many other tales in this collection, Kreutzwald supplements a couple of folk motifs here with several traditional wandering motifs and skillfully elaborates them in detail. The figures of the three golden spinners are taken from the folk tale type "The Three Stolen Princesses" (AT 301A). Unlike in folk tales, where the kidnapper and keeper of the princesses in some underworld (hell) is a mysterious demon, dragon, or devil, here it is an old witch living in a forest hut (cf. AT 327A). The motif of the escape with a suitor, falling into a river, turning into a water lily, and later returning to human form is borrowed by Kreutzwald from the folk tale "The Exchanged Bride" ("The White and Black Bride," AT 403). The curse verses, as well as most of the verses inserted into this and other fairy tales, are probably Kreutzwald's own creations. The placement of this tale at the beginning of the fairy tale collection suggests it was intended to carry a general, symbolic meaning: just as the enslaved maidens toiled under the cruel witch, the entire Estonian people labored and awaited liberation from oppressive feudalism.	In the birth of Estonian national literature, as in the development of the literatures of other nations, folklore—songs, tales, and myths—played an enormous role. The Estonian people, who had suffered for long centuries under the yoke of foreign conquerors, could only express their feelings, thoughts, and aspirations through these traditional forms. Although books in Estonian had been published as early as the 16th century, their production was controlled by the oppressors and served their purposes. We can speak of Estonian national literature only from the time when works of folk poetry began to be published. Two such works served as the cornerstone in the development of Estonian national literature: the epic *Kalevipoeg* (1857–1861), compiled by F. R. Kreutzwald based on heroic folk legends, and *Old Estonian Folk Tales* (1866), also adapted by Kreutzwald. Both *Kalevipoeg* and Kreutzwald's collection of *Estonian Tales* appeared during a period of sharp crisis in the feudal-serfdom system and the emergence of capitalism in Estonia. Although serfdom was formally abolished in 1816 in Estonia and in 1819 in Livonia, many remnants of serfdom persisted for another half-century. A fierce class struggle was underway, expressed in peasant unrest and uprisings. The reactionary policies of landowners and tsarist authorities hindered not only the economic but also the cultural development of the country. The landowners and their ideologues sought to portray the semi-feudal system as eternal and ideal, claiming that Estonian peasants were inherently "inferior" due to their supposed "racial limitations." According to them, Estonians were incapable of creating their own national culture and should inevitably assimilate with the Germans. Representatives of Estonian democratic culture, primarily doctors F. R. Faehlmann and F. R. Kreutzwald, and later, from the 1870s, teachers, and publicists like C. R. Jakobson and M. Veske, opposed this reactionary, essentially racist doctrine. They were closely connected to the people, believed in their creative potential, highly valued folk poetry, and saw it as the foundation of national culture. The aforementioned works by Friedrich Reinhold Kreutzwald (1803–1882), an outstanding democratic enlightener and the founder of Estonian national literature, were of primary importance in this context.

	2. The Maidens Bathing in Moonlight (AT 672, 400, S 80): This is essentially an artistic fairy tale where the focus is on the portrayal of the mysterious and yearning beauty of the nocturnal world. The middle part of the tale draws from the folk tale of stealing and eating the serpent king's crown and thus gaining the ability to understand the language of birds ("The Serpent King's Crown," AT 672, cf. S80). The scene of watching the naked fairy maidens seems to be taken from the tale "The Swan Maiden" ("The Search for the Lost Husband," AT 400). Influenced by Western European fairy poetry, this tale largely reflects the romantic side of Kreutzwald's emotional world. 3. Long-Leg, Quick-Hand, and Sharp-Eye (AT 513A, 1060A, 550): Having borrowed several motifs from the well-known folk tale "The Six Who Went Through the Whole World" ("The Six Helpers," AT 513A), Kreutzwald combined them into a whole using motifs borrowed from other tales. For instance, squeezing a fiery shovel instead of a hand comes from a tale of a foolish devil (AT 1060A), while catching the thief of golden apples is borrowed from the tale of the "Firebird" (AT 500), etc. Nevertheless, the overall design of this tale is largely Kreutzwald's own work. 4. The Forest of Ghosts (partly based on L. Tieck): The starting point for this tale lies partly in folk beliefs and partly in L. Tieck's artistic fairy tale *Die Elfen* ("The Elves"), from which the first part of the story (up to the clay figure motif) originates. Kreutzwald significantly modified and Estonianized scenes borrowed from Tieck's tale and sharpened their ideological tone. 5. The Orphan's Handmill (AT 565, 480): This is a reworking of a folk tale about a magical mill (AT 565), where the chest (handmill) brought from underground, its opening, and the fire that bursts out to burn the evil party are borrowed from one of the most widespread Estonian folk tale types "The Spinners by the Well" (AT 480). With its folk and artistic qualities, this is one of the best examples of Kreutzwald's skill in reworking material. 6. The Twelve Daughters (AT 332, 510): The beginning of the tale resembles the folk tale "Death as Godfather" (AT 332) from the Brothers Grimm collection, which is also known in Estonia. Otherwise, Kreutzwald freely uses	To understand Kreutzwald's significance in the history of Estonian culture, it is essential to know the conditions and environment in which his work took place. Kreutzwald himself came from the background of an Estonian peasant, harshly exploited by landlords, politically disenfranchised, and living in poverty and ignorance. He was one of the few Estonians to receive a higher education at the time. Deeply loving his people, he dedicated his life to serving their interests and enlightenment. Kreutzwald wrote his works in an environment where even an established Estonian literary language did not yet exist, and where any expression of free thought was subject to censorship. Despite this, Kreutzwald succeeded in many areas of cultural life, leaving behind works that became part of the golden treasury of Estonian literature. F. R. Kreutzwald was born on December 26, 1803, in Virumaa, on the Jõepere Manor, into the family of a serf cobbler. The family was poor, and young Kreutzwald had no opportunity for systematic schooling. However, the curious boy learned to read and write at an early age at home, as both of his parents were literate. In general, literacy was a rare phenomenon among peasants at that time. Obtaining an education was extremely difficult, and there were no books that met the needs of the people. On the other hand, oral folk creativity—folk songs, tales, legends, and witty proverbs—was widespread. Skilled storytellers were welcome guests among the manor serfs. Their fascinating old tales and legends helped pass the long, monotonous autumn and winter evenings, stimulating the thoughts of people burdened by hard and monotonous labor and serving as almost their only spiritual nourishment and entertainment. It was in these gatherings, in the manor-threshing barn or spinning room, that young Kreutzwald first encountered the riches of folk poetry. Sitting by the burning stove and tending the torch, the future writer listened intently to the songs and tales of the serfs and laborers. Here the boy heard tales about clever granary workers, foolish pastors, orphans and manor daughters, the millstone that grinds flour on its own, the princess sleeping atop a glass mountain, and legends about Kalevipoeg and his exploits. Although he could not remember everything or, as he later wrote, "couldn't distinguish what in the stalk of the tale grows like a pod and what like the kernel

	Western European fairy tales (cf. AT 510) and some motifs from Estonian folk beliefs. 7. How a Poor Orphan Accidentally Found Fortune: The origins of this fairy tale are unclear. The folk basis might be linked to tales of monsters (dog-headed creatures or dogs) threatening at the world's edge and guarding it. Kreutzwald probably also drew on some motifs from the Tatar heroic song "Ala Kartaga," which was recently published by Academician A. Schiefner. 8. The Man of Bark and the Man of Wood (AT 1180): The tale is based on folk stories about people who sold their souls to the devil (AT 1180 and others), as well as legends about the making of a *pisuhänd* (a magical creature similar to a treasure-bringing goblin). 9. The King of the Misty Mountain (partly based on L. Tieck): Like in *The Forest of Ghosts,* Kreutzwald used some folk beliefs and fairy stories here alongside L. Tieck's tale *Die Elfen* ("The Elves"). However, the story is mainly Kreutzwald's own combination, with the emotional core being humanity's romantic longing for the blissful land of fairies. 10. The Light-Footed Princess (AT 513A): Even more than "Long-Leg, Quick-Hand, and Sharp-Eye," this story closely follows the folk tale type "The Six Helpers" (AT 513A). Detailed life descriptions and Kreutzwald's folkish storytelling make this one of the best tales in the collection. 11. Lopi and Lapi (AT 750A; based on J. P. Hebel): The story is based on the international type "The Wishes" (AT 750A), of which a slightly different version is also known in Estonia. However, Kreutzwald's source was not a folk tale but J. P. Hebel's *Drei Wünsche* ("Three Wishes") from his collection *Schatzkästlein* ("Little Treasure Chest"). 12. The Goddaughter of Those Living Under Stones: Kreutzwald seems to have combined this tale himself, though not very successfully, based on Western European fairy tales about fairies. 13. The Clever Man (AT 301A, 531, 851): The story is based on the tale of rescuing kidnapped princesses (AT 301A), which Kreutzwald has supplemented with motifs from other fairy tale types ("The True and False	itself," the impressions young Kreutzwald gained during this period played a significant role in shaping the future writer. It was here, in close communion with the manor serfs, that Kreutzwald learned how difficult the life of the peasantry was and developed a love and appreciation for their oral poetic creativity. He observed the poverty and hunger of the peasants, their lack of rights, heard stories of the arbitrariness of judges, and the greed of pastors, and saw with his own eyes the heartlessness and cruelty of landlords, their inhumane treatment of the peasants. All of this fueled the growing indignation in the young man against the oppressors. Kreutzwald borrowed from storytellers and singers a flexible, expressive, and rich language. Vivid proverbs and sayings, reflecting the people's age-old wisdom and worldview, taught him concise, figurative speech. Beautiful tales with their intricate plots developed his imagination. He also noticed that the tales clearly expressed the thoughts and aspirations of the people, closely linked to their life and customs, their judgments, views, and ambitions. Folk poetry, which embodies the people's spontaneous materialistic thinking and their protest against exploitation and oppression, became the first and most important ideological factor in the formation of Kreutzwald's worldview. <...> A remarkable event for that time occurred—the son of a former serf was admitted to university. Kreutzwald experienced firsthand the difficulties faced by a poor peasant's son in his pursuit of education. In one of his letters from 1862, he wrote, "I know very well all the fetters that bind the steps of an Estonian youth before he can make his way from the village fields to the company of educated people." The University of Tartu was one of the centers of science and higher education in Russia at that time. Despite the efforts of landlords and clericals to turn the university into a stronghold of reaction, progressive scientific and social thought continued to develop there. Kreutzwald met several Estonian students at the university. It was here that his friendship with F. R. Faehlmann (1798–1850), a future prominent Estonian scholar

	Ferdinand," AT 531; "The Princess Who Could Not Solve the Riddle," AT 851). 14. The Rare Loyalty of a Wife (AT 882, 613): The story broadly follows the fairy-tale type "The Wager on a Wife's Loyalty" (AT 882), which became well-known through Boccaccio's "Decameron". Towards the end, a motif from the type "Truth and Falsehood" ("The Two Travelers," AT 613) has been added. It's possible that some details were also influenced by a literary source. 15. Cinderella (AT 510A): The story corresponds to the international tale type of the same name (AT 510A) and its Estonian variants. Kreutzwald likely used literary sources in addition to folk versions (such as Charles Perrault's fairy tale "Cendrillon"). 16. The Son of a Tattle-Tale (AT 1148A and B): Kreutzwald freely combined this story from the fairy tale "The Thunder God's Instrument" (AT 1148B). The beginning part is based on a folk tale about making a pact with the devil and the devil's fear of thunder (AT 1148A). 17. The Thunder God's Instrument (AT 1148B): The basis of the story is the internationally known fairy tale type "The Devil Steals the Thunder God's Tool" (AT 1148B), which was already used in the 5th century in Nonnus's epic *Dionysiaca*. Kreutzwald relied on a variant recorded by the surveyor J. Lagos, which was published by W. Schultz in "Inland" (1858, No. 6). However, Kreutzwald elaborated the story much more in detail and sharpened its social commentary (the devil resembles a greedy and foolish manor lord or landowner). 18. Well-Rewarded Good Deed (S 37, AT 1148A, 1166): The story appears to be a mixture of motifs: recognizing a devil who fears thunder, helping a forest spirit and being rewarded, a quick return home using magical powers (and losing a hat), and finally, a devil serving as a soldier. In short, it's a combination of AT 1148A + the spirit's help + S 37 + AT 1166. Some of these combinations have already appeared in folk tradition. 19. The Quarrel of the Dwarfs (AT 518): The story closely resembles both the Estonian folk tale and the international fairy tale type "The Quarreling Imps over Magical Objects" (AT 518). Kreutzwald based it on a version received	and folklorist, began. Shared interests and aspirations united Kreutzwald and Faehlmann. It was Faehlmann who first conceived the idea of creating the epic *Kalevipoeg* based on folk tales and began collecting materials for it; after Faehlmann's death, Kreutzwald brought his idea to life. <...> After graduating from the university, Kreutzwald worked as a town doctor in Võru from 1833 to 1877. Although he lived in a small town far from the centers of activity, he maintained close connections with prominent figures of the democratic movement that emerged in Estonia in the 1860s. He participated in their activities and, through his diverse endeavors, contributed to the development of progressive elements in Estonian national culture. Kreutzwald also corresponded with a number of well-known Russian, Finnish, and Western European scholars. <...> Yet Kreutzwald left a more extensive literary legacy than any other Estonian writer of the past century. <...> Kreutzwald was an uncompromising opponent of the medieval privileges of the Baltic barons. He was convinced that the existing order was doomed, and the more "they try to patch the holes in this wall with crumbling medieval stones," the sooner it would collapse. Kreutzwald believed that only representatives elected by the peasants from among their own ranks could defend their rights and interests in courts and other institutions. From his first public statements, Kreutzwald boldly defended the interests of the peasants. Although it was officially forbidden to write in the Estonian press about the condition of the peasants, Kreutzwald sought every opportunity to raise his voice in their defense, often writing in German. The Baltic barons hated Kreutzwald and even threatened him with expulsion. In his struggle against the economic, political, and national oppression of the Baltic barons, Kreutzwald also sharply opposed their ideological stronghold—the Lutheran Church. He referred to the religion preached by pastors as "a tool for spiritually blinding the people," believing it to be "the most dangerous enemy of human society

	from J. Lagos, which he rewrote to make it more engaging and content-rich. Kreutzwald also used the same material in the design of the tenth song of *Kalevipoeg*. 20. The Little Hangmen (AT 326, 1000, 1567A, S 1 and 18): The story is based on the fairy tale "The Seeker of Fear" (AT 326). The character of Cunning Ants and the motif of fulfilling a contract to the letter were borrowed by Kreutzwald from tales of Cunning Ants and Old Pagan (AT 1000, etc.), but unlike in folk tales, Cunning Ants is not Old Pagan's counterpart but a greedy herdsman's servant. The explanation, "Drink makes room for food," is taken from folk humor (AT 1567A). The legends of the midnight church folk (i.e., the dead) and playing cards with ghosts or the dead are well-known (S 1 and 18). 21. How a Princess Slept for Seven Years (AT 530): The plot of the story largely overlaps with folk variants ("The Princess on the Glass Mountain," AT 530). Kreutzwald likely borrowed the motif of the seven-year miraculous sleep from "Snow White" (AT 709) or "Sleeping Beauty" (AT 410). The explanation at the end, stating that the hero is "the son of a powerful king from a distant land," comes from elsewhere (AT 403C). 22. The Grateful Prince (AT 313A): "The Magic Flight" (AT 313A), on which this story is based, is one of the most widespread fairy tales in Estonia. Kreutzwald only painted it in detail and intertwined several other folk motifs and atmospheric additions. 23. The Stepmother (AT 403C): Kreutzwald based this on the Estonian subtype of "The White and Black Bride" ("The Exchanged Bride," AT 403C). Only the ending has been freely reshaped, using folklore about witches who torment others in animal or nightmare form. 24. The Daughter of Rõugutaja (AT 403C, 409): As in the previous story, this one also primarily uses the Estonian subtype of "The Exchanged Bride" (AT 403C), combined with the tale of freeing a foster-mother (AT 409). 25. The Water Spirit (International Melusine Motif): Kreutzwald likely became familiar with this story through the German folk book *Die schöne Melusine* ("The Beautiful Melusine"), though water spirit legends are also	that hinders any natural progress." He called the pastors "a gang of idlers in black robes" and argued that their main goal was to keep people in darkness. In a letter to the artist Johann Köler, he wrote, "The clergy and preachers in the prayer halls strive to turn people into cattle so that the Estonian people, like a machine they have wound up, would work solely for their benefit, creating abundance for them..." Kreutzwald fought all his life to free the people from the influence of the pastors. All his literary and journalistic work was aimed at countering the religious literature produced by pastors and cantors, as well as their attempts to instill in the people blind obedience to authority, subservience, and acceptance of the existing order. In his articles, Kreutzwald skillfully revealed the greed and deceit of pastors and judges, and the arbitrariness of landlords, and mercilessly mocked their cruelty and arbitrariness. <...> One of his fables ends with these words: "As long as wolves rule over all our land, devouring sheep and lambs, there will be no law." In another fable, the "young landlord" declares, "It is my business to break the law and take your skins off with the most beautiful rules." These words express the very essence of class antagonism between the landowners and the peasants. Many of Kreutzwald's works, fables, and tales have great ideological value, but his greatest achievement was the creation of the first Estonian national epic—*Kalevipoeg*. The epic celebrates the heroism and courage of the Estonian people in their struggle against foreign invaders. Through the character of Kalevipoeg, the collective hero of the Estonian people, Kreutzwald expressed the belief of the Estonian peasants in their strength, in the justice of their cause, and their final victory over the oppressors. The epic ends on a note of deep tragedy. Kalevipoeg, chained to a rock, is bound to an eternal vigil, while "far beyond the blue sea, far beyond a foreign land, the sons of Estonia—our fathers' sons—are in slavery." But the epic concludes with a hopeful prophecy: one day, Kalevipoeg will break his chains and return to lead his people to victory. The epic *Kalevipoeg* is closely connected to Estonian folklore. It is not a simple adaptation of ancient legends; Kreutzwald creatively reworked his sources, filling the epic with new, progressive ideas. Through his epic, Kreutzwald sought to inspire his people with hope for a brighter future, in the ultimate triumph of justice and freedom.

	familiar in Estonian folklore. In its treatment, this is one of the more literary tales in the entire collection. 26. The Underground People (AT 1848A, S 27): The story likely uses the folk motif of awakening a sleeping devil before a thunderstorm and receiving a reward for it (AT 1848A), but even more so, the legend of spirits guarding a treasure pit, whose coals turn to gold (S 27). The depiction of the underground blacksmith's workshop is influenced by Germanic mythology; the name Ilmarinen is borrowed from the *Kalevala*. 27. The Wise Man in the Pocket (AT 461, 561, 563): Kreutzwald combined this story quite freely, merging motifs from "Aladdin's Wonderful Lamp" (AT 561), the tale type "Table, Set Yourself" (AT 563), as well as tales about fetching the devil's three hairs (AT 461) or rescuing a princess (AT 550). Literary influences (like W. Hauff) are also evident. 28. The Northern Frog (AT 300, 561): This fascinating and imaginative story was likely freely composed by Kreutzwald himself — if it doesn't rely on some yet unknown direct source — by merging various traditional motifs. One of the starting points seems to have been the tale type "The Dragon Slayer" (AT 300), combined with motifs from "Aladdin's Wonderful Lamp" (AT 561) and others. 29. The Mighty Crayfish and the Insatiable Woman (AT 555): Kreutzwald retells the fairy tale "The Fisherman and His Wife" (AT 555) in considerable detail. A miraculous crayfish also appears in several folk variants. 30. The Found Child (AT 326, 562B, 563): The main adventure closely aligns with the fairy tale type "The Seeker of Fear" (AT 326). Many other magical motifs from other fairy tales (AT 562B, 563) are incorporated. 31. The Lucky Little Egg (AT 332, 402, 433B): This is a romantically toned artistic fairy tale, one of Kreutzwald's most personal and emotionally powerful expressions. The initial motif is taken from the fairy tale "Godfather Death" (AT 332); the main plot uses the wandering motif of a creature who is freed from a curse and returns to human form due to a kiss from the opposite sex (AT 433B, 402).	This makes *Kalevipoeg* a timeless and deeply relevant work, embodying the enduring aspirations and struggles of the Estonian people. The tales of Kreutzwald can be divided into several groups. The first group consists of tales that are closest to the international type, often set in royal families or entirely fantastical realms. In this edition, this group is represented by tales such as "The Lightfooted Princess," "The Sleeping Beauty," and "The Indivisible Rouble." Other tales in this group feature more Estonian color while retaining international plots but are set in a peasant environment, like "Lopi and Lapi," "The Quarrel of the Gnomes," "Cinderella," "The Grateful Prince," and "The Stepmother." Tales like "The Enchanted Rifle" are more connected to Estonian folklore and traditions. The second group includes tales that have been somewhat altered from their folk origins. While new characters and motifs have been introduced, the core folk plot remains recognizable and can be classified according to the Aarne-Thompson system. This group includes "The Tale of Swiftfoot, Quickhand, and Sharpeye," "The Cunning One," "The Brave Thresher," "The Thunderous Bagpipes," and "The Kind Woodcutter." The third group consists of heavily reworked tales. Although the basic type is still identifiable, the added motifs are so numerous that the tales have almost become original creations. Examples include "Goldspinners," "The Orphan's Millstone," "The Log and the Bark," and "The Cunning Ants." Finally, the fourth group comprises tales freely composed by Kreutzwald. Though some folk or literary motifs are discernible, it is almost impossible to identify a specific folklore type. This group includes "The Twelve Sisters," "How the Orphan Found His Fortune," "The King of the Misty Mountain," "The Wise Advisor," "In the Underground Kingdom," "The Northern Dragon," "The Foundling," "The Magic Egg," "The Strawberry," and "Tiidu the Musician." The artistic quality of these tales varies; many are compilations of stereotypical motifs, with some borrowing plots from Western European fairy tales. However, some emotionally rich literary tales by Kreutzwald, such as "The Magic Egg," "The Northern Dragon," and "Tiidu the Musician," stand out.

	32. How Seven Tailors Went to War Against Turkey (AT 1287, 1290; after the Brothers Grimm and G.O. Marbach): The story is based on international trickster tales (AT 1287, 1290, etc.), which are also known in Estonia. Kreutzwald was clearly influenced by the German folk humor tale *Die sieben Schwaben* ("The Seven Swabians") from Grimm's collection and the corresponding G.O. Marbach story (as Kreutzwald mentioned in a letter to G. Schultz-Bertram on February 17, 1867). Nevertheless, this is not a translation or plagiarism; Kreutzwald combined motifs from various sources into a cohesive whole with an Estonian flavor. 33. The Women-Slayer (AT 311, 312): The story is based on the international tale type "The Rescue from a Monster by a Sister" (AT 311), which is also known in Estonia. However, Kreutzwald did not strictly follow the folk tale type but rather leaned more on Charles Perrault's literary retelling ("Bluebeard," AT 312). He added the character of the faithful Hanede-Tönu and set the story in a Baltic manor environment. 34. The Lucky Ruble Piece (AT 300): The story closely aligns with the ancient Perseus (St. George, St. George) tale type (AT 300), which has been very popular in Estonia as well. In Kreutzwald's distinct retelling, the flying serpent has become a flying bear. 35. The Brave Barn Keeper (AT 326): The plot largely follows the "Seeker of Fear" story (AT 326), whose motifs Kreutzwald also used in the fairy tales "The Little Hangmen" and "The Found Child." This time, he combined it with the popular character of the barn keeper in Estonian folklore. 36. How a Prince Was Raised as a Shepherd Boy (AT 920, 921): Kreutzwald largely shaped this story himself. His starting point was the tale type "The Prince (Son of Solomon) and the Blacksmith's Son" (AT 920), closely linked with "Riddling Answers" ("The King and the Peasant," AT 921). By merging the folk-based main plot with various motifs from folk and literary sources, he created a story with a strong folk appeal and a socially combative tone. 37. The Funny Sale of the Ox (AT 1642, 1600): The first half of the story roughly corresponds to the anecdote type "Good Bargain" (AT 1642), while	Overall, it can be said that two-thirds of Kreutzwald's tales are based on recognizable folk types, while one-third were created more freely by the author. This applies only to the plot motifs, as the literary form in all cases is entirely Kreutzwald's. Kreutzwald handled folk material with such freedom not to falsify it, but because he saw his main task as reflecting the life and psychology of the Estonian people through folklore. He aimed to return these creations to the people and transform them into a higher artistic form as national literature. He believed it was his duty to merge different versions of a single tale, sometimes supplementing the plot with motifs from other stories, and to present everything as vividly and expressively as an ideal folk storyteller might. In all his tales, Kreutzwald strove to maintain their folk character without turning them into works dominated by individual creativity, as seen in the tales of Musaeus or Tieck. Compared to traditional folk tales, Kreutzwald's tales are typically longer, each averaging around ten pages. This is due not only to the merging of different plots and motifs but also to more detailed descriptions of events and characters, more frequent use of dialogue, and so on. By expanding his tales in this way, Kreutzwald significantly enhanced their artistic value. The majority of tales in Kreutzwald's collection belong to the category of fairy tales. Only one tale, "Lopi and Lapi," can be classified as a legendary type, although even there, the role of a Christian god or saint is played by an omnipotent fairy. Kreutzwald, a rationalist, generally avoided characters from Christian mythology. He used only three novelistic plots, six from the "foolish devil" category, and five from the satirical category. There are no animal tales in Kreutzwald's collection. Of all the known folk plots (according to Aarne), Kreutzwald used only 5-7% and about a quarter of the fairy tales. External factors also influenced his selection: Kreutzwald knew that the censor, who had even banned the tale "The Cunning Ants," would never allow sharper satirical stories. Folk legends are more fully represented in "Estonian Fairy Tales." They form the basis of several tales, such as "In the Underground Kingdom" and "The Enchanted Rifle," while elements of legends are also found in tales like "The Twelve Sisters," "How the Orphan Found His Fortune," "The King of the Misty Mountain," and "The Log and the Bark."

	the second half aligns with the type "The Foolish Murderer" (AT 1600). These two joke types have already been combined in folk tradition. 38. Pilli-Tiidu (AT 566): The novella-like beginning of the story was likely shaped by Kreutzwald himself using several well-known wandering motifs. The most important construction motif in the latter part comes from the so-called tale of Fortunatus (AT 566). The fairy tale also has many similarities with the story of Sadko from the Novgorod bylinas. 39. The King's Daughter Born from an Egg (AT 510; partly based on J. K. A. Musäus): This story was likely compiled by Kreutzwald himself, taking inspiration from the "Cinderella" motif (AT 510) and J. K. A. Musäus's fairy tale "Die Nymphe des Brunnens" ("The Nymph of the Fountain"). For Estonian localization, Kreutzwald added the motif of a child hatching from an egg. 40. The Generous Woodcutter (AT 555, US 41 and 75): As with the fairy tale about the mighty crayfish (No. 29), this one is also based on the tale type "The Fisherman and His Wife" (AT 555). Some origin stories (US 41 and 75) could also have served as inspiration. Although the plot is folk-like, Kreutzwald actively contributed to the combination of individual motifs. 41. The Midnight Churchgoers (S 1 and 63): This story with a legendary feel is based on legends about the midnight service for the dead on Christmas Eve (S 1) and failed treasure digging (S 63). In Kreutzwald's reworking, these legend motifs have been turned into a relatively long story that captures the atmospheric mood of folk ghost legends and the excitement of treasure tales. 42. The Hunter's Lost Luck (S 102): Kreutzwald somewhat reshaped the folk legend "Good Hunting Luck" (S 102) here, painting the setting in more detail and adding several other folk motifs from different sources. 43. The Prince Saved from Danger Becomes a Rescuer for His Brothers (AT 707): The story closely corresponds to the international fairy tale type "The Three Golden Sons" (AT 707), which is especially well-known in literature through "One Thousand and One Nights". It's possible that, besides Estonian folk tales, Kreutzwald also used other literary sources.	Folk tales, as is well known, often reflect real-life conditions and social structures. They were primarily told to provide a glimpse into the fulfillment of dreams, if only in imagination, allowing the listener to momentarily feel happy, strong, and wealthy, even if just as the lord of an estate, the suitor of a princess, or a king. In this idealized, fantastical world, the hopes of the weak and oppressed are realized, and their dreams of social justice come to life. The orphan or youngest son, even a fool, is rewarded for his honesty and kindness, always emerging victorious, gaining wealth and happiness, while the greedy and evil are punished. This popular ideology is preserved and even more vividly expressed in Kreutzwald's tales, where it becomes clearer and more active. In his tales, the hero often fights for personal happiness and is rewarded with wealth and the love of a princess. However, he always possesses high moral qualities, and it is precisely because of this that magical happiness smiles upon him. This happiness is shared with his loved ones and those who helped him. Kreutzwald does not condemn personal wealth as such. But in Kreutzwald's tales, the wealthy and powerful are almost always greedy and unjust, while only the ideal hero remains fair and kind, even when he becomes king. Thus, this ideal reflects the real hopes and aspirations of the people. Kreutzwald also introduces several ideal heroes who fight not only for their happiness but also for the happiness of others, opposing not only dragons to save princesses but also cruel lords and even the king himself; they would rather die than suffer humiliation ("The Shepherd Prince"). Kreutzwald urges his readers to show the same courage and love for freedom. The "royal son" in his tales symbolizes the ideal representative of the people. The desire to escape slavery or evil magic is a common theme in many tales, reflecting the ever-present love for freedom among the people. The combative nature of these tales is particularly evident in the depiction of negative characters and social injustices. Unlike traditional folk tales, Kreutzwald's works not only show a wicked stepmother mistreating an orphan or a rich person exploiting the poor but also specifically portray the arbitrary power of wealthy farmers over shepherds or maids, the greed of a pastor extorting his parishioners, and the cruelty of landlords toward their subordinates. All these behaviors are condemned and punished in Kreutzwald's tales.

	Local Ancient Tales 1. Why Tallinn Must Never Be Completed. This legend is connected to the motif of buildings (churches) sinking underground. It gained popularity in folk tradition mainly through Kreutzwald's adaptation. 2. The Fur Merchant. Although no direct folk versions of this tale have been found, many individual motifs in the legend are largely folkloric. It is possible that Kreutzwald used some traditional (possibly Baltic-German) fur trading motifs that have not survived until our time. The name Pontus seems to be borrowed from the Swedish warlord Pontus De la Gardie (1520-1583). 3. The Maiden of Porkuni. According to the chronicles of Russow and Renner, in the winter of 1554, in Rannu, the brothers drowned their sister Barbara von Tiesenhusen in a hole in the ice of Lake Võrtsjärv because of her forbidden love. This legend was later connected to Porkuni. 4. The Wailing Shinbone (S 12). The story aligns with a popular Estonian legend (S 12), with Kreutzwald freely crafting the ending. 5. The Displaced Little Lake (S 89). Here, it seems that two legends have merged: one about wandering lakes, and another—more recent—about the formation (or disappearance) of a lake as a punishment for some crime or immoral act. It is also possible that this is a borrowing from Baltic-German tradition or literature. 6. The Daughter of the Narva Merchant. Folk versions of this legend have not been found; it is likely borrowed from Baltic-German tradition. 7. Where Narva's Former Treasure Sleeps. This tale might be based on a local or borrowed treasure saga. 8. The Maiden of the Vaskjala Bridge (US 7). In its main elements, this story is certainly folkloric (US 7), but Kreutzwald has romanticized it to such an extent that a simple folk legend has become a romantic myth.	This reflects Kreutzwald's mission as an Enlightenment democrat, fighting for the right to happiness for all, even the most disadvantaged, as they might have sensitive souls and good hearts, making them worthy of "royal" honors. Kreutzwald not only reworked his tales with a social focus and imbued them with a fighting spirit, but in many cases, he also strengthened their romantic elements. Some heroes and heroines in Kreutzwald's tales are characterized by intense emotional lives, passionate dreams of happiness, and mystical love for otherworldly beauty (such as the moon or a fairy); at times, these heroes even perish in pursuit of an unattainable dream. The romantic elements sometimes distance Kreutzwald's tales from folk traditions, though this romanticism never takes on the reactionary tone seen in works like those of Tieck. In summary, "Estonian Fairy Tales", like the epic "Kalevipoeg", are works of progressive romanticism. Both creations, rooted in folk poetry, portray the people as royalty in bondage, whose rights must be restored. As mentioned earlier, Kreutzwald considered his primary goal to be capturing not only the people's aspirations in his tales but also realistically depicting their daily lives and local environment. He succeeded, although not to the same degree in every tale. Some tales featuring traditional fairy-tale characters are quite distant from Estonian life. However, most of his tales are rich in local details and full of Estonian folk life. In these tales, the main characters are peasants, and even royal children are essentially very close to the peasantry. The peasant environment is described in detail, while the royal court and city life are presented superficially. The brief descriptions of nature correspond to Estonian or at least northern landscapes. More interesting are the descriptions of the extraordinary, magical environment, distinguished by emotional and romantic qualities. The negative aspects of social life in feudal Estonian villages are depicted most vividly. This includes the hard labor of girls at hand mills, the work of village spinners, various field and household chores of farmhands, the harsh fate of orphans and shepherds working for greedy masters, and so on.

	9. Lake Emujärv and Lake Virtsjärv. Kreutzwald's primary source here was the legend of the formation of Lake Virtsjärv and the disappearance of Lake Emujärv in 100 verses, which appeared in 1809 in the booklet "Taschenbuch für die Liebe und Freundschaft," edited by F. Thiersch. In his adaptation, Kreutzwald further developed the moral interpretation, transforming the original legend of a wandering lake (S 89) into a morally themed myth. 10. The Daughter of the Fisherman from Toolse. This story is based on the motif of a proud and arrogant man or maiden being taken away by the devil, combined here with another legend of a castle sinking underground. The influence of the "Leonore" motif is also possible.	In many tales, peasant life is portrayed with descriptions of a poor tenant's hut, a village tavern, and so on. Some tales are linked to specific locations in Estonia, bringing the fantastical adventures closer to real life and local settings. A prime example is one of the longest and most complex tales in this collection, "The Grateful Prince," which, alongside fantastical elements, contains many realistic everyday motifs, beginning with a characteristic scene of hiring a farmhand. The subsequent description of the underground world is also full of realistic everyday scenes and episodes. Often, there is a vividly depicted character who belongs more to the everyday realm than the fairy-tale one, such as an old wise man, an independent old beggar, a tavern wench, or even a lord. A frequently encountered character in fairy tales is the vividly depicted image of an evil, quarrelsome woman who tortures and beats her stepdaughter or her serfs. Sometimes this evil woman is so bothersome that even her husband is glad when she meets a violent death ("The Royal Shepherd Boy"). Such characters always have a folk quality, and when portrayed, Kreutzwald's language is rich in folk expressions. When evil queens appear in fairy tales, their speech even reminds one of the real Baltic landowners. The local color also extends to depictions of cruel landowners, greedy pastors, miserly peasants, and so on. In the tale "The Log and the Birch Bark," a greedy master is sharply satirized for his stinginess in adequately feeding his laborers. The devil provides him with workers who never ask for food, drink, or payment, work tirelessly from morning until evening, and increase the master's wealth. Insatiable greed does not go unpunished. When the contract period ends, Satan strangles the master to death, and the wealth gained through unscrupulous means proves illusory. Among the positive characters, the most individualized is the young man (often a shepherd or musician) who is consumed by his dreams of happiness, love, and beauty. This character even includes some autobiographical traits introduced by Kreutzwald—echoes of his own youth and literary influences. This represents the first image of the romantic hero in Estonian literature.

		Overall, Kreutzwald's fairy tales contain many more local and realistic details and images than traditional folk tales, and these are developed more vividly and distinctly. The purpose of revising the fairy tales was not only to entertain readers but also to reflect the real life of Estonian peasants. Even stereotypical fairy-tale images are adapted to the Estonian context and complemented with other characters that can be called typically Estonian (shepherds, laborers, wealthy landowners and mistresses, landlords and their servants, poor folks, and so on). In terms of composition, Kreutzwald's fairy tales are close to folk tales. The structure follows this scheme: at the beginning, a modest and unremarkable hero goes through significant hardships and then, with the help of some magical force, achieves happiness. The end of the fairy tale is mostly happy; the antagonists and difficulties, as well as the hero's powers, are exaggerated; the action is dramatic but straightforward; there are few characters. Repetition of motifs, striking contrasts, and so on are commonly used. In other words, the requirements of what are called the epic laws of A. Olrik is almost always met. Only the group of fairy tales written by Kreutzwald himself, based on folk traditions and beliefs, differs in composition from the magical tales: they are shorter, with fewer adventures, more emotional (and sometimes psychological) elements, and some have a tragic ending (e.g., "Tiidu the Musician" and "The Enchanted Rifle"). Kreutzwald's style in fairy tales has sometimes been described as non-folk and even Germanic. This assertion cannot be agreed with. The language of "Estonian Fairy Tales" is indeed rich in forms that, according to current Estonian grammar, might be considered incorrect, and some Germanisms in syntax can be noticed. However, Kreutzwald's style, in the true sense of the word, is rich, vivid, and generally folk-like. This is especially supported by the abundance of proverbs, sayings, folk comparisons, and metaphors. "Old Estonian Folk Tales" was a work of immense social significance for its time. It taught the people to appreciate the wealth of their poetic creativity. For Kreutzwald, the educational and enlightening goals achieved by this collection were equally important. "If the ancient fairy tales, drawn from the mouth of the Estonian people and gathered in this book, are offered for reading to children and youth, it is done, first of all, to make the heritage of the forefathers known to the people of our generation, and secondly, to prepare the way for awakening the soul and mind to the

		perception of more serious knowledge," Kreutzwald sent his collection to the public with this wish. Kreutzwald well understood the role of fairy tales in the development of a child's spiritual life. "A child who has listened to ancient fairy tales from a young age and can retell them to other children develops his mental abilities, and will be able to grasp what the school teacher will teach him, and retain this knowledge as far as his mind allows," Kreutzwald writes in the preface to the collection. Of course, the readership of fairy tales was not limited to children alone. The fairy tale, being a reflection of the life experience of working people, an artistic representation of their dreams and hopes, also captivated adults and had an educational impact on them. The bearer of these qualities, the fairy-tale hero, struggles against evil, and dark forces, helps the weak, benefits people with his deeds, and achieves fame and happiness. Malice, greed, hypocrisy, envy, and the thirst for power are always punished. The fairy tales reflect the distinctive pedagogical talent of the people. The morality organically flows from the hero's actions and behavior, throughout events, and thus becomes particularly convincing. As mentioned earlier, "Kalevipoeg" in poetry and "Estonian Fairy Tales" in prose laid the foundations for progressive Romanticism in Estonian national literature. In terms of social impact, "Kalevipoeg" ranks first, since "Estonian Fairy Tales" lack a national hero like Kalevipoeg, who embodies the strength and will, history, and future of his people. However, "Estonian Fairy Tales" represent a step forward in that they expose social inequality in the Estonian village as well. In purely literary terms, what is new in them is the application of expressive means of the realistic style, which paved the way for critical realism at the end of the 19th century. "Estonian Fairy Tales" became one of Kreutzwald's and Estonian literature's most popular works: they were read by both young and old. The first edition of the tales sold out within a few years, followed by a second edition in 1875 and a third in 1901. On the centenary of Kreutzwald's birth in 1903, a correspondent from the newspaper *Uus Aeg* ("New Time") wrote: "I was still a small boy when my father, who was well acquainted with a city bookseller, once brought home 'Old Estonian Fairy Tales.' Oh, how we read them! The old uncle, who spent his evenings carving wood, would abandon his work, my father's pipe went out, and my mother's spinning wheel buzzed quieter and quieter until it completely stopped. But as women should not waste time idly, my mother said: her finger hurts, spinning is impossible. However,

		the main thing was Kreutzwald's fairy tales… Soon the book began to circulate in the village, and then throughout the parish; when it, poor thing, returned to us, it was like a plucked chicken… In short, it was read to pieces. A lucky book!" Kreutzwald's fairy tales quickly spread among the people and were crucial for preserving the folk tradition of fairy-tale creativity. In bourgeois Estonia, "Estonian Fairy Tales" were published only once, in 1924, and even then not completely. But the public's interest in "Estonian Fairy Tales" did not wane, and when a new edition with illustrations by G. Reyndorf was released in 1951, its large print run sold out within months; a similarly expanded edition came out in 1953, and a complete edition—43 fairy tales and 18 legends—was published in 1967 and 1978. As for the most popular and best fairy tales of Kreutzwald, such as "The Orphan's Millstone" and several others, they have long been included in school anthologies and have been distributed in hundreds of thousands of copies. They have become a broad public asset and have re-entered oral circulation. They have been recorded many times, and it is now sometimes difficult to pinpoint which features are traditional and which were introduced by Kreutzwald. There is no doubt that "Estonian Fairy Tales" had great significance for the ideological and moral development of the people. "Estonian Fairy Tales" also had a significant impact on Estonian literature. L. Koidula wrote two ballads—"The King of the Misty Mountain" and "The Girl from Narva"—based on their plots, which were the first works of this genre in Estonian literature. J. Kurr, following Kreutzwald's example, created a whole collection of similarly romanticized fairy tales (1881). J. Tamms' ballad "Cheap Slaves" (based on the fairy tale "Churban and Beresta") is written in the spirit of critical realism. Marie Under's ballads (1929) are created at a high artistic level. The Estonian Soviet poet Deborah Vaarandi, poetically embodying the theme of post-war reconstruction of Tallinn, wrote the ballad "The Old Man from Ülemiste and the Young Urban Planner" (1947). J. Kangilaski created a play for a puppet theater based on the tale "The Orphan's Millstone" (1953), and so on. The impact of "Estonian Fairy Tales" on visual art can be judged primarily by the illustrations. The illustrations by A. Roosileht (1920, 1924) are excessively stylized, whereas some of G. Reyndorf's works can be considered classic. In music, the major

work on themes from “Estonian Fairy Tales” is E. Kapp’s ballet “The Gold Spinners” (1956).

Finally, it should be emphasized that after the publication of Kreutzwald’s fairy tales, the activity of other Estonian folklorists was invigorated. Kreutzwald’s collection was soon followed by other publications (J. Kunder, J. Kurr, M. I. Eisen, J. Yygever, O. Kallas), which in folklore terms are much more accurate, though they do not have the artistic value of Kreutzwald’s “Estonian Fairy Tales.”

“Estonian Fairy Tales” by Kreutzwald is not only one of the first but also one of the most popular books in Estonian classical literature; it has retained its value to this day. Its content is close to the people, and artistic merits ensure that this work will be cherished by many future generations of readers.

A. Annist, H. Niit

Comments

1. THE GOLDEN SPINNERS (AT 301 A, 403). p. 7.

This fairy tale is a free compilation created by Kreutzwald. The starting point was likely the tale of the three kidnapped girls (Aarne-Thompson type 301 A). However, in Kreutzwald's version, the kidnapper is a witch rather than a devil, and the setting is a dark forest instead of the underworld. Many motifs were drawn from the tale "The White and Black Bride" (AT 403). As in that tale, the abducted girl is thrown into a stream, turns into a water lily, but later regains her human form.

The mistress of the girls, the old witch, has characteristics of a Baltic landowner. The hard labor of the three golden spinners resembles the corvée duty of peasant women doing their "work" for the estate. The tale embodies the oppressed people’s dream of eliminating their exploiters. As a work of art, "The Golden Spinners" is one of Kreutzwald's finest fairy tales.

<...>

		3. THE ORPHAN'S MILLSTONE (AT 565, 480). p. 35. In its main features, this fairy tale resonates with the folk tale about the magical mill (AT 565; cf. Aarne-Andreev 715 and Afanasyev No. 188), which comes from the otherworld and can grind salt, money, porridge—anything the owner desires. According to Kreutzwald, the mill produces nothing but grinds grain, thus easing the orphan's work. When the cruel mistress tries to open the chest where the mill is working, flames burst forth and burn her, similar to the tale "The Spinners at the Well" (AT 480). Although "The Orphan's Millstone" was revised by Kreutzwald, it retains a distinctly folk character both in its ideological content and form and continues to be orally circulated among the people. 4. TWELVE SISTERS (Twelve Daughters). p. 38. The beginning is taken from the folk tale "Death in the Family" (AT 332), but the rest was likely developed by Kreutzwald himself under the influence of Western European fairy tales about good and powerful fairies; some Estonian legends were also used. The tale has little national content but its adaptation and ideological content align with the folk spirit. 5. HOW THE ORPHAN FOUND HIS HAPPINESS. p. 43. The tale was probably inspired by an article by Academician A. Schiefner about the heroic legends of the Minusinsk Tatars ("Ala Kartaga"), which describes seven terrible dogs that, once freed from their chains, could destroy the world. Reading this article, Kreutzwald recalled hearing in his youth about fearsome dogs or people with dog heads living at the edge of the world, guarded by an army to prevent them from destroying all living things. Based on these legends, Kreutzwald created this tale. Its main character is an orphan boy who is helped by a "gray-haired old man," a stereotypical figure in Estonian folk tales and legends. The episodes depicting the orphan's work with the cruel mistress are portrayed realistically by Kreutzwald. 6. THE LOG AND THE BIRCH BARK (AT 1180). p. 49. The foundation of this tale is based on folk legends about misers who sell their souls to the devil for profit and about artificially created likenesses of people—workers who bring their master various goods or work for him (AT 1180, 1174, etc.).

		Kreutzwald treated these motifs more realistically and presented these "robots" as symbols of the uncomplaining and submissive slaves that greedy masters dream of. 7. THE KING OF THE MISTY MOUNTAIN. p. 52. Kreutzwald created this fairy tale using folk legends about forest spirits and the happy inhabitants of the underworld; some motifs are borrowed from L. Tieck's tale "The Elves." The social critique here is less sharp than in some of the author's other tales, but the romantic yearning for a distant land of happiness is expressed very vividly. It is no coincidence that this tale inspired Estonian poetess L. Koidula and other romantics. 8. THE LIGHT-FOOTED PRINCESS (AT 513 A). p. 57. This tale is also based on the folk tale about magical helpers, which it corresponds to more closely than "The Tale of the Swift-footed, Skillful-handed, and Sharp-eyed." Generally, this tale is very close to the folk tradition in both its plot and ideological content, as well as in its style of presentation, with many folk proverbs and humor. 9. LOPI AND LAPI (AT 750 A). p. 70. The tale is derived from the folk legend of three wishes (AT 750 A), which satirizes human greed and stupidity. It appears that Kreutzwald used not Estonian folk versions of this tale, but the version by I. P. Gebel ("Drei Wünsche") from his book "Schatzkästlein." But this only applies to the plot. The entire treatment of the tale has a distinctly Estonian folk character and demonstrates Kreutzwald’s mastery of using folk language. <...> 12. CINDERELLA (AT 510 A). p. 93. In terms of plot, the tale aligns with the eponymous international fairy tale and its Estonian version. However, some details show that Kreutzwald's adaptation was influenced by Perrault's version in his famous collection of French tales (e.g., the motif of the all-powerful fairy and her magical transformations). The style shows

					some sentimental literary elements, but overall the tale, especially its beginning, is told very vividly and engagingly. 13. THE THUNDEROUS BAGPIPES (AT 1148 B). p. 101. This fairy tale is generally traditional and international (a devil steals the thunder instrument from the god of thunder); its mythical plot appears as early as the 5th century AD in the Hellenistic epic "Dionysiaca" by Nonnus; later it spread across many countries in Europe. Kreutzwald became familiar with this tale through the recording by I. Lagos but made some revisions, giving it a sharper social focus. 14. THE GNOMES' FEUD (AT 518). p. 107. The folk basis here is the ancient international tale about devils arguing over magical objects (AT 518), which Kreutzwald also used in the epic "Kalevipoeg" (song X). Here he slightly revised it, giving a person wearing an "invisible hat" (a "Hades hat") the ability to discern even other people's thoughts. This added a social dimension to the tale, criticizing the hypocrisy of the upper class.
88.	2018	Eesti 100. I, Reformid Eestis	Henn Leetna	Novels	Эстония 100. I, Реформы в Эстонии / Estonia 100, Reforms in Estonia
	n/a				n/a
	n/a				n/a
89.	2019	Naisekäe puudutus ehk Seltsimees laps ja isa	Leelo Tungal	Novels	Товарищ ребенок и папа / Comrade Child and the Father
	n/a				n/a
	n/a				n/a
90.	2019	Ingeri tütar. Luigelaul		Memoirs	
	n/a				n/a
	n/a				n/a
91.	2019	Serafima ja Bogdan	Vahur Afanasjev	Novels	Серафима и Богдан / Serafima and Bogdan

	Vahur Afanasjevi (1979) saagalik romaan „Serafima ja Bogdan“ jälgib Peipsiveere külaele arengut teise maailmasõja lõpust Nõugukogude Liidu kokkuvarisemiseni. Etnograafiliselt tõetruul taustal rullub lahti traagiline lugu põlvikonnast põlvikonda kestvast kättemaksust. Romaani keskne teema on vastutuse võtmine enda elu eest. Peipsiveere vanausulised, kes elasid jumala hirmus ja armus, kaotavad nõugikogude võimu ajal moraalise pinna. Paljude jaoks saabub maailma lõpp. Värvikate külainimeste elufilosoofia avamine põimub kriminaalfilmikult köitva tegevustikuga, vanatestamentik õõv rahvaliku humooriga, dokumentaalsus maagilise realismiga. Teose käsikiri saavutas Eesti Kirjanike Liidu 2017. aasta romaanivõistlusel esikoha. Trükist ilmestavad Eesti kunsti suurkuju Peeter Alliku (1966) tekstitundlikud linoollõiked.	Сага Вахура Афанасьева (1979) «Серафима и Богдан» повествует о жизни Причудского края с конца второй мировой войны до развала Советского Союза. На этнографически достоверном фоне разворачивается трагическая история жажды мести, передающейся из поколения в поколение. Центральная тема романа – взятие на себя ответственности за собственную судьбу. Староверы Причудья, веками жившие в страхе, любви и преклонении перед Богом, с приходом Советской власти теряют под ногами моральную почву. Для многих наступает конец света. Жизненная философия живописных жителей деревни переплетается с захватывающим, почти детективным сюжетом, унаследованный людьми старообрядческий дух – с народным юмором, документальность – с магическим реализмом. Рукопись этого произведения, которое автор создавал пять лет (2012-2017), завоевала первое место в конкурсе на лучший роман 2017 года, ежегодно объявляемый Эстонским Союзом писателей.
	Vahur Afanasjev's (born 1979) saga-like novel "Serafima and Bogdan" traces the development of life in the Peipsiveere village from the end of World War II to the collapse of the Soviet Union. The novel provides an ethnographically authentic backdrop and tells the tragic tale of revenge passed down from generation to generation. The central theme is taking responsibility for one's own life. The Old Believers of Peipsiveere, who had lived in fear and love of God, lost their moral footing during the Soviet era. For many, it feels like the end of the world. The colorful life philosophy of the village characters intertwines with a captivating storyline reminiscent of a crime film. Old Testament horror mixes with folksy humor, while documentary elements blend with magical realism. The novel's manuscript won first place in the Estonian Writers' Union 2017 novel competition. The book is illustrated with sensitive linocuts by the Estonian art figure Peeter Allik (born in 1966).	Vahur Afanasjev's saga, "Serafima and Bogdan," narrates the life of the Prichudye region from the end of World War II to the collapse of the Soviet Union. Against an ethnographically authentic backdrop, unfolds the tragic story of thirst for revenge, passed down from generation to generation. The central theme of the novel is taking responsibility for one's own destiny. The Old Believers of Prichudye, who had lived for centuries in fear, love, and devotion to God, lost their moral ground with the advent of Soviet power. For many, it feels like the end of the world. The life philosophy of the colorful village inhabitants intertwines with a captivating, almost detective-like plot, inherited from the Old Believers, with folk humor and documentary elements, with magical realism. The manuscript of this work, which the author created over five years (2012-2017), won first place in the 2017 Best Novel competition, annually announced by the Estonian Writers' Union.

92.	2020	Emajõe sinine veri	Lehte Hainsalu	Poetry	Голубая кровь Эмайыги / The Blue Blood of Emajõgi
	n/a				Марина Раудар (псевдоним Горунович) – коренной потомственный житель Тарту. Окончила отделение русской {и немецкой) филологии Московского государственного университета, работала в театре «Ванемуйне» артисткой балета, в Тартуском университете преподавателем русского языка, была руководителем детского театра при русской гимназии. Пишет стихи, прозу, статьи, переводит с эстонского, немецкого и польского языков на русский. Лехте Сёэт-Хайнсалу – житель Тарту. Закончила отделение эстонской филологии Тартуского государственного университета, работала учительницей, журналистом, была руководителем Тартуского отделения Союза писателей Эстонии и комиссии по социальным делам последнего Верховного Совета Эстонской Республики. Автор многих опубликованных поэтических сборников и прозаических произведений как для взрослых, так и для детей. Примечания Хуго Герман Треффнер (1845–1912) – эстонский педагог, публицист, редактор, основатель и многолетний директор гимназии в Юрьеве (ныне Тарту), единственной крупной средней школы в XIX веке на территории современной Эстонии. Видный деятель эстонского национального пробуждения (Здесь и далее примечания переводчика). Антон Хансен Таммсааре (1878–1940) - эстонский писатель-классик, автор романа-эпопеи «Правда и справедливость». Фридрих Роберт Фельман (нем. Friedrich Robert Faehlmann, 1798–1850) – эстонский писатель и врач. Автор идеи эпоса «Калевипоэг». Отцом песни называют Густава Эрнесакса (1908–1993) – эстонского хорового дирижера, композитора, педагога и публициста: с 1947 года он был руководителем и главным дирижером Эстонских праздников песни. В Российской империи, на службе и в быту, а также в русской исторической литературе – Михаил Богданович Барклай де Толли.

		Фридеберт Туглас (Фридеберт Микхельсон, 1886–1971) – эстонский прозаик, литературный критик, переводчик, искусствовед, литературовед. Оскар Лутс (1887–1953) – известный эстонский писатель и драматург. Йоозеп Тоотс и Георг Аадниэль Кийр – герои его цикла повестей «Истории о Тоотсе» («Весна», «Свадьба Тоотса», «Будни» и «Осень»). Речь идет о скульптуре «Отец и сын» (автор Юло Ыун), установленной в Тарту в 2004 г. Фамилии этих писателей пишутся одинЈково (Oscar Wilde, Eduard Vilde = Wilde), что и дало идею создания данного памятника. «Пророк Мальтсвет» – роман Эдуарда Вильде. ОЭС - общество эстонских студентов, основано в 1870 г. в Тартуском университете. Крупнейшее и старейшее студенческое общество в Эстонии, членами которого могли быть только юноши эстонского происхождения. Шведский король Густав II Адольф в 1632 году подписал указ об учреждении на территории Ливонии высшего учебного заведения под именем Academia Gustaviana (в будущем Тартуский университет). Густав Суйтс (1883–1956) – эстонский поэт, литературовед, историк и критик литературы. Карл Аугуст Херманн (1851–1909) – эстонский компоэитор, яэыковед и энциклопедист. Микхель Веске (1843-1890) – эстонский этнограф, лингвист, специалист по финно-угорким языкам. Общественный деятель, активный участник национального движения.

		Яан Тынисон (1868-1941) – эстонский государственный деятель, юрист; владелец и главный редактор газеты *Postimees* («Почтальон») в Тарту, сделавший ее общественной газетой. Яан Теэмант (1872-1941) – эстонский государственный деятель. Якоб Хурт (1839–1907) – эстонский фольклорист, богослов, лингвист и общественный деятель. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луциллию. Письмо I. Кристьян Яак Петерсон (1801–1822) – эстонский поэт, лирик-романтик, основоположник эстонской романтической поэзии. Мийна Хярма (эст. Miina Härma; 1864–1941) – эстонский композитор, органист, хоровой дирижер. Руководительница хора на Эстонских праздниках песни. Центр «Аххаа» (Тарту) – крупнейший и самый современный научно-развлекательный центр в Прибалтике. Речь идет о фонтане «Целующиеся студенты», находящемся перед тартуской ратушей. Скульптура дополнила фонтан в 1998 г. (авторы – Мати Кармин и Тийт Труммал). «Жизнь есть сон» – название известной пьесы испанского драматурга XVII в. Кальдерона.
	n/a	COVER Marina Raudar (pseudonym Gorunovich) is a native, hereditary resident of Tartu. She graduated from Moscow State University with a degree in Russian (and German) philology, worked as a ballet dancer in the Vanemuine Theatre, taught Russian at the University of Tartu, and led a children's theater at the Russian Gymnasium. She writes poetry, prose, and articles and translates from Estonian, German, and Polish into Russian.

		Lehte Sööt-Hainsalu is also a resident of Tartu. She completed her studies in Estonian philology at Tartu State University, has worked as a teacher and journalist, and was the head of the Tartu branch of the Estonian Writers' Union as well as the chair of the social affairs committee of the last Supreme Council of the Estonian Republic. She is the author of numerous published poetry collections and prose works for both adults and children. Notes 1. Hugo Hermann Treffner (1845-1912) – Estonian educator, publicist, editor, and founder and long-time director of a gymnasium in Yuriev (now Tartu), the only major secondary school in the 19th century within the present territory of Estonia. A prominent figure in the Estonian national awakening. 2. Anton Hansen Tammsaare (1878-1940) – a classic of Estonian literature and author of the epic novel "Truth and Justice". 3. Friedrich Robert Faehlmann (1798-1850) - an Estonian writer and doctor, originator of the "Kalevipoeg" epic. 4. Gustav Ernesaks (1908-1993) – known as the Father of Song, was an Estonian choral conductor, composer, educator, and publicist, who worked as the conductor and head of the Estonian Song Festivals from 1947. 5. Barclay de Tolly – in Russian Empire service and life, and in Russian historical literature, referred to as Mikhail Bogdanovich Barclay de Tolly. 6. Friedebert Tuglas (Friedebert Mihkelson, 1886-1971) – Estonian prose writer, literary critic, translator, art historian, and literary scholar. 7. Oskar Luts (1887-1953) – a well-known Estonian writer and playwright. His series of stories, "Tales of Toots," includes characters such as Jozep Toots and Georg Aadniel Kiir. 8. The sculpture "Father and Son" (by Ülo Õun) was installed in Tartu in 2004.

		9. The idea for this monument arose because the names of these two writers, Oscar Wilde and Eduard Vilde, are written identically. 10. The Prophet Maltsvet – a novel by Eduard Vilde. 11. EÜS – The Estonian Students' Society, founded in 1870 at the University of Tartu. It is Estonia's largest and oldest student society, open only to men of Estonian descent. 12. In 1632, Swedish King Gustav II Adolf signed a decree establishing a higher educational institution in Livonia under the name Academia Gustaviana, which would become the University of Tartu. 13. Gustav Suits (1883-1956) – an Estonian poet, literary scholar, and critic. 14. Karl August Hermann (1851-1909) – Estonian composer, linguist, and encyclopedist. 15. Mihkel Veske (1843-1890) – an Estonian ethnographer, linguist, and specialist in Finno-Ugric languages. A public figure and active participant in the national movement. 16. Jaan Tõnisson (1868-1941) – Estonian statesman, lawyer, and the owner and chief editor of the *Postimees* (*The Postman*) newspaper in Tartu, transforming it into a public newspaper. 17. Jaan Teemant (1872-1941) – Estonian statesman. 18. Jakob Hurt (1839-1907) – an Estonian folklorist, theologian, linguist, and public figure. 19. Lucius Annaeus Seneca, "Moral Epistles to Lucilius", Letter I. 20. Kristjan Jaak Peterson (1801-1822) – an Estonian poet, lyricist, and founder of Estonian romantic poetry.

					21. Miina Härma (1864-1941) – an Estonian composer, organist, and choral conductor. She was the choir conductor at the Estonian Song Festivals. 22. The AHHAA Centre (Tartu) – the largest and most modern science and entertainment center in the Baltics. 23. Refers to the “Kissing Students” fountain located in front of Tartu Town Hall. The sculpture was added to the fountain in 1998 (authors Mati Karmin and Tiit Trummal). 24. “Life is a Dream” – the title of a famous play by 17th-century Spanish playwright Calderón.
93.	2020	Liivimaa Hannibal, või Päev Ivo Schenkenbergi elust	Arvo Valton	Novels	Ливонский Ганнибал, или День жизни Иво Шенкенберга / Livonoan Hannibal, oe One day of Ivo Schenkenberg’s life
	JÄRELSÕNA Kirja pannud ajaloolane Inna Jürjo Ajaloost otsitakse ikka inspireerivad lugusid ja kangelasi. Kahtluseta peidab lvo Schenkenbergi ajalooline isik endas nii dramatilist lugu kui ka intrigeerivat isiksust. Peaaegu pool tuhat aastat vanad ajalooallikad on säilitanud tema kohta märkimisväärselt palju teavet, suur osa sellest on jõudnud ajalookirjutusse, kuid killukesi tema elumosaiiki toob uurimistöö üha juurde. Ivo sündis Tallinna kodaniku Chrisroffer Schenkenbergi noorima pojana. Christoffer oli ilmselt ametis müntijana, igatahes kuulus ta linna eliidi hulka. lvo isa pärines Saksamaalt, aga ema Gertke Dobbien oli kohaliku kannuvalaja tütar. Christofferi ja Gertke 1542. aastal sõlmitud abielust sündis kolm poega. Neist vanim Kerscen nägi ilmavalgust 1543. aasta paiku, Christoffer sündis u 1545. ja lvo u 1549. aastal. Schenkenberg sen suri 1558. aasta paiku, nägemata poegade täismeheks sirgumist. Tema lesk abiellus uuesti Tallinna müntmeistri Paul Guldeniga. Sellest abielust sündis tütar Beninga Gulden. Hilisem Königsbergi müntija abikaasa. Saanud korraliku koolihariduse, hakkas Ivo oma kasuisa juures samuti müntmeistriametit õppima. Isa, kasuisa ja venna Chrisrofferi jälgedes astus ta 1569. aastal elitaarsesse Mustpeade vennaskonda. Just selle kaudu kujunesid Ivol lähedased sidemed Tallinna rae				К истории неизменно обращаются в поисках вдохновения – в ней ищут героев, незаурядные события. Историческая личность Иво Шенкенберга, без сомнения, таит в себе как драматизм, так и интригу. Источники возрастом почти в полтысячи лет, в том числе и «Хроника Ливонии» Балтазара Руссова, сохранили о нем удивительно много сведений. Иво Шенкенберг – младший сын таллиннского чеканщика монет. Славу сыскал в Ливонской войне как начальник воинского отряда ополчения. В 1576 году на Ливонию напали русские войска и захватили почти всю Эстонию, у шведов оставался только Таллинн и окрестности. Хоругвь Шенкенберга стала известна благодаря смелым и дерзким действиям, многочисленным победам. Он заслужил прозвище «Ганнибал». Эдуард Борнхёэ в романе «Князь Габриэль, или Последние дни монастыря Св. Биргитты» был несправедлив к Иво Шенкенбергу. Исторически этот воин был куда более яркой и сильной личностью, чем злодей, изображенный в романе. Эстонский «Ганнибал» прославился настолько, что Иван Грозный считал его своим личным врагом. Попав в плен под Раквере, Иво Шенкенберг был доставлен в Псков и на глазах царя предан мучительной казни.

	ja Rootsi väepealikega. Nähtavasti osales Ivo 1570-1571. aastal Tallinna kaitsmisel ja paistis seal silma. Igatahes usaldati talle peagi erilisi ülesandeid, näiteks käis ta Tallinnast väljas sõjateateid ja luureandmeid kogumas. 1574. aasta suvel nais Ivo varaka leskproua ja sai Tallinna täieõiguslikuks kodanikuks. Hinrick Hellwigi lesk tõi abiellu kaasa elumaja, abikaasade jõukal järjel majapidamine eest hoolitsesid kaks teenijatüdrukut. Järeltulijaid Ivo viis aastat kesta jõudnud kooselust ei sündinud. Mugavast pereelust ja müntmeistriametist rohkem tõmbas Ivot sõjaväljale, juba 1574/1575 aasta vahetusel kuulus ta Rootsi teenistuses olnud nn mõisameeste hulka. 1576. aastaks oli Ivo end võimeka sõjamehena juba sedavõrd tõestanud, et Tallinna raad usaldas talle linna kogunenud talupoegadest moodustatud lipkonna juhtmise. Tallinna kaitsmisel Vene vägede piiramisrõngas 1577 oli Schenkenbergi lipkonna ülesanne teha kahjutuks linna sattunud süütepommid. Talupoegade sõjasalk osales ka kaitsjate linnast väljasööstul, milles Ivo paistis silma vapruse ja hullijulgusega. Ivo edu väepealikuna leidis kadestajad, kes hakkasid teda pilkavalt Hannibaliks ja tema sõjamehi Hannibali rahvaks kutsuma. Pärast Tallinna piiramise lõppu alustas Shenkenbergi lipkond partisanisõda Vene vägede vallutatud ajal. Sõjaretked viisid Rakvere, Laiuse, Haapsalu, Koluvere, Lihula ja Vana-Pärnu alla; Hannibali salk rüüstas ka Tartu eeslinnu. 27. juulil 1579 pidas pidas Ivo Schenkenberg Rakvere all oma viimase lahingu. Lootusetult ebavõrdses võitluses langes ta koos 59 mehega haavatuna tatarlaste kätte vangi. Vend Christoffer hukkus lahingus. Osa Ivo sõjasalga meestest poodi, osa heideti Rakvere linnuse vangitorni. Ivo koos kolmekümne kaaslasega viidi vangina Pihkvasse Vene suurvürsti juurde. Tulemuseta pakkus Ivo oma elu eest vabaks kolme bojaari. Napilt 30-aastane Tallinna kodanikust sõjakangelane hukati koos kaaslastega Pihkvas. Ivo kaasaaegse krooniku Baltasar Russowi sõnul tekitas juhtunu „tallinlastele suurt kurvastust“. COVER „Kolmandaks oli auväärne raad ka übe ... talupoegade lipkonna väbese tasu eest palganud... Need olid uhked kartmatud mehed. Nende pealikuks oli Ivo Shenkenberg, müntmeistri poeg Tallinnast, tubli vahva noormees, kes oma	

	talupoegadest sõjarahva saksa korra ja kombe kohaselt välja oli õpetanud. Ja need talupojad koos saksa ja rootsi tingisõduritega ei ihanud muud, kui igal päeval ja öösel venelastega taplusi pidada, kus nad siis sagedasti võitjaks jäid, mispärast Ivo Shenkenbergi need, kes kadedad olid, Hannibaliks ja tema mehi Hannibali ravaks nimetasid. Selle Hannibali ja tema rahva vastu olid venelased iseäranis vaenu ja vimma täis“. Baltasar Russowi „Liivimaa kroonika“ On 9. märst 1577 ja Liivi sõjas juhub eestlaste väesalka Ivo. Sõjaraskuste kõrval saavad tähelepanu romantika ja suhted. Arvo Valton jutustab Eesti sõjakangelase elust, avades Eesti ajalugu laiemalt. Raamat on haarav lugemine nii noortele kui ka täiskasvanutele.	
	Afterword Written by historian Inna Jürjo People always seek inspiring stories and heroes in history. Without a doubt, the historical figure of Ivo Schenkenberg embodies both a dramatic story and an intriguing personality. Nearly five-hundred-year-old historical sources have preserved a significant amount of information about him, much of which has reached historical writing, but fragments of his life's mosaic are continually being uncovered through research. Ivo was born as the youngest son of Tallinn citizen Christoffer Schenkenberg. Christoffer was likely employed as a minter and belonged to the city's elite. Ivo's father came from Germany, but his mother, Gertke Dobbien, was the daughter of a local pitcher maker. The marriage of Christoffer and Gertke in 1542 resulted in three sons. The eldest, Kerscen, was born around 1543, Christoffer around 1545, and Ivo around 1549. Schenkenberg Sr. died around 1558, not living to see his sons grow to adulthood. His widow remarried Tallinn mint master Paul Gulden, and from this marriage, a daughter, Beninga Gulden, was born. She later became the wife of a Königsberg minter. Having received a proper education, Ivo began learning the minting trade from his stepfather. Following in the footsteps of his father, stepfather, and brother Christoffer, he joined the elite Brotherhood of Blackheads in 1569. Through this, Ivo developed close ties with the Tallinn council and Swedish military	People often turn to history for inspiration, seeking heroes and extraordinary events. The historical figure of Ivo Schenkenberg undoubtedly harbors both drama and intrigue. Sources nearly five hundred years old, including Baltasar Russow's "Chronicle of Livonia," have preserved an astonishing amount of information about him. Ivo Schenkenberg was the youngest son of a Tallinn minter. He gained fame during the Livonian War as the leader of a militia troop. In 1576, Russian troops attacked Livonia and captured almost all of Estonia, leaving the Swedes with only Tallinn and its surroundings. Schenkenberg's banner became known for its bold and daring actions, achieving numerous victories. He earned the nickname "Hannibal." Eduard Bornhöhe, in his novel "Prince Gabriel, or the Last Days of the Monastery of St. Bridget," was unfair to Ivo Schenkenberg. Historically, this warrior had a much more vivid and strong personality than the villain portrayed in the novel. The Estonian "Hannibal" became so renowned that Ivan the Terrible considered him a personal enemy. Captured near Rakvere, Ivo Schenkenberg was taken to Pskov and, in the presence of the tsar, was subjected to a torturous execution.

leaders. He likely participated in the defense of Tallinn in 1570-1571 and distinguished himself there. Consequently, he was soon entrusted with special tasks, such as gathering military intelligence and reports outside of Tallinn.

In the summer of 1574, Ivo married a wealthy widow and became a full-fledged citizen of Tallinn. The widow of Hinrick Hellwig brought a house into the marriage, and their prosperous household was maintained by two maidservants. No children resulted from their five-year-long marriage. Despite the comfortable life, Ivo was more drawn to the battlefield than the minting profession. By 1574/1575, he was already among the so-called manor men in Swedish service. By 1576, Ivo had proven himself as a capable soldier to the extent that the Tallinn council entrusted him with leading a company formed of peasants gathered in the city. During the defense of Tallinn under siege by Russian forces in 1577, Schenkenberg's company was tasked with neutralizing incendiary bombs that had landed in the city. The peasant militia also participated in the defenders' sortie, where Ivo distinguished himself with bravery and recklessness. Ivo's success as a military leader earned him envious adversaries, who began mockingly calling him Hannibal and his soldiers Hannibal’s people. After the siege of Tallinn ended, Schenkenberg's company began a guerrilla war against Russian-occupied areas. Their raids extended to Rakvere, Laiuse, Haapsalu, Koluvere, Lihula, and Old-Pärnu; Hannibal's company also plundered the suburbs of Tartu.

On July 27, 1579, Ivo Schenkenberg fought his last battle near Rakvere. In a hopelessly unequal fight, he was captured, wounded, along with 59 men, by the Tatars. His brother Christoffer died in the battle. Some of Ivo's soldiers were hanged, and others were thrown into the dungeon of Rakvere Castle. Ivo, along with thirty comrades, was taken as a prisoner to Pskov to the Russian Grand Prince. In vain, Ivo offered three boyars for his release. The nearly 30-year-old Tallinn citizen and war hero was executed along with his comrades in Pskov. According to his contemporary chronicler Balthasar Russow, the event caused "great sorrow among the people of Tallinn."

COVER

"Thirdly, the honorable council also hired a company of peasants for a modest fee... These were proud and fearless men. Their leader was Ivo Schenkenberg,

	the son of a minter from Tallinn, a brave and capable young man who had trained his peasant soldiers according to German order and custom. These peasants, along with German and Swedish mercenaries, desired nothing more than to fight the Russians day and night, often emerging victorious. Therefore, those who were envious called Ivo Schenkenberg Hannibal and his men Hannibal's people. The Russians harbored particular hostility and resentment towards Hannibal and his people." Baltasar Russow's "Chronicle of Livonia" It is March 9, 1577, and Ivo leads an Estonian troop during the Livonian War. Alongside the war's hardships, the story also highlights romance and relationships. Arvo Valton narrates the life of this Estonian war hero, offering a broader view of Estonian history. This book is an engaging read for both young and adult audiences.				
94.	2020	Ma olen su luuletus. Eesti luulet Jelena Skulskaja tõlkes	Maarja Kangro, Jan Kaus, Juku-Kalle Raid	Anthologies	Я – твоё стихотворение. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской / I am your poem. Estonian poetry in Jelena Skulskaja's translations
	n/a				Время от времени я слышу по телевидению или радио, что погода в Ха-апсалу остается теплой, и холодею, потому что нет никакого Ха-апсалу, а есть в этом слове, как и во всех эстонских словах с удвоенными гласными, особая удлиненность, которая является не абсолютной, но относительной, как в музыке; сравнение её с длительностями других звуков является основанием сложных музыкально-логических связей. Нераздельное протяжение звука чем-то сходно с припевами или повторами одних и тех же слов в русском стихосложении, где повтор не просто эхо, но дополнение, расширение смысла, цветение целого куста.

		А еще в эстонском языке есть расширение латиницы за счет умлаутов – Ö, Ä, Ü - эти загадочные клейкие, ласкающие звуки, воспроизвести их почти невозможно, это - почти как предлож ить Гильденстерну сыграть на флейте. И вот сплошные игры, переливы ассонансов, предлагаемые самим языком, без всяких поэтических усилий создают структуру речи, словно заведомо предназначенную для стиха. Нуждается ли этот язык в прокрустовом ложе размера и рифмы? Что ж, порой и на полотне абстракциониста вдруг появляется вполне узнаваемый профиль, но он капризен, как форма облака, и может в любой момент обмануть, превратившись в непознаваемое цветовое пятно. В эстонской поэзии позволено всё – она совершенно свободна от каких-либо обязательств, даже графических. У нее есть любовные, эротические, почти физиологические отношения с бумагой, на которой она существует, и только одно требование - предельная, до достоевских откровений – исповедальность. Переводные стихи редко волнуют читателя (если речь не идет о драматургии), ядовитый привкус чуждости, чужеродности мешает откликнуться на них, предвещая обман. Сделать их при переводе совершенно русскими - бессмысленно - это как бы паразитировать на чужой любви, не имея собственной: быть всего лишь дуэньей, конфиденткой, подсматривающей в замочную скважину истинного чувства... Оставить их при переводе совершенно эстонскими - отрицать законы собственного языка, собственной поэтической речи, фактически перелицовывать пиджак: изначальные прорези для пуговиц будут выдавать нищенские усилия. Думаю, нужно браться за переводы только тех стихов, чья тайнопись тебе понятна, чей шифр тобой разгадан: ты возьмешь эти стихи, как детей, за руки и переведешь сквозь поток машин на другую сторону улицы – в свой язык. В этом сборнике представлено поколение сорокалетних - три разных поэта, во многом определяющие общие тенденции эстонской поэзии. Юку-Калле Райд – поэт, можно сказать, совершенно чужд Юку-Калле – человеку.

		Мы дружим четверть века. Таким, каким знаю его я, его знают далеко не все, полагаю, всего несколько человек. Для большинства он – грубоватый циник с непременной бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой. С выступлениями на грани фола как в политике, так и в других областях. Но на самом деле он единственный из моих знакомых свято чтит заповедь: Не судите да не судимы будете. Он свято чтит еще одну максиму: Нельзя простить зло, но можно простить человека, его совершившего. Юку-Калле – преданнейший друг. По нему я могу судить о силе и степени своих неприятностей. Он – своеобразный барометр: Юку-Калле появляется на пороге, чтобы меня спасти и помочь. Если всё в порядке – он может исчезнуть даже на год. Какое это имеет отношение к стихам? – Самое прямое. Я выбрала для перевода стихи, которые предательски выдают то, что Юку-Калле всеми силами скрывает от окружающих. Только некоторые его стихи – а в данной книге их тридцать – проникнуты той нежностью и лиричностью, что близки к безудержным слезам, к рыданиям, которые не может себе позволить мужчина. Но позволяет рояль, распахнувшись, обнажив струны. Стихи его (в силу тоски и нежности) напевны и ритмичны. В них очень много серого цвета, бессонницы, одиночества, есть какая -то особенная приязнь к смерти, интерес к ней, как к единственному неизведанному. Конечно, я взяла и несколько стихов другой тональности - публицистической или иронической, но в целом гнула свою линию: я знаю, что, садясь к письменному столу, Юку-Калле сдирает с себя кожу, а потом надевает ее вновь как бронежилет. Он не очень надежный, этот бронежилет, но все-таки позволяет немного похулиганить в реальной жизни, а кого-то и напугать. Можно было бы добавить, что Юку-Калле прекрасный – трепетный и тщательный - переводчик, в частности, с русского языка; он – главный редактор популярной газеты KesKus, создатель документальных телефильмов, радиопередач, а еще – он сейчас сочиняет роман, который совершенно не похож на его стихи, потому что Юку-Калле, как я уже сказала, – очень разный. Маарья Кангро - поэт мучительной, почти трагической, невероятной сложности и уникального бесстрашия. Она пытается тебе объяснить необъяснимое через

		необъяснимое, небывалое через небывалое, то есть это – вовсе и не объяснение, а погружение без акваланга на огромную расплющивающую глубину языка, когда не хватает воздуха, когда задыхаешься и почти теряешь сознание и уже в забытьи видишь красочные картины агонии... Я знаю Маарью почти со дня ее рождения, поскольку еще с университетских времен дружу с ее мамой – поэтом и прозаиком Леэло Тунгал и дружила с ее отцом – композитором Раймо Кангро. Сравнивая стихи Леэло со стихами Маарьи, я вижу, как меняется время, как одна эпоха сменяет и сминает другую, как страхи нашего поколения выцветают и рассыпаются в прах, а то, что нельзя рассказать никому и никогда и ни при каких обстоятельствах (и даже под пытками), Маарья говорит легко и свободно. Говорит свободно, но строение стихов подобно бункеру, укрепленному на случай ядерной катастрофы: ты, как переводчик, ничего не можешь ни изменить, ни добавить от себя; ты вынужден двигаться к финалу по узким коридорам, до миллиметра выверенным для каждого стихотворения. Переводить ее невозможно, и оттого так заманчиво. Она и сама переводит сложнейшие произведения – с итальянского, английского, немецкого, русского; привитая с детства музыкальная культура сделала ее востребованным либретистом, сборники ее прозы, снискавшие признание широкого читателя, отталкиваются от поэзии, как от берега, но не рвут с нею окончательно связи. Маарья Кангро-прозаик меняется от книги к книге, набираясь опыта, мудрости, добираясь до самой болезненной сути того, о чем хочет рассказать, никогда не жалея себя и читателя-собеседника. Но прозаик ведь нередко меняется от книги к книге, а вот то, что Маарья Кангро-поэт всякий раз удивляет переменами в новых сборниках стихов – редкость; ей, в отличие от многих стихотворцев, не хочется говорить с той же, пусть и неповторимой интонацией, она не успокаивается, не издает новую книгу стихов, пока не добьется открытия чего-то нового в устройстве своего поэтического мира. Поэтому почти все стихи, вошедшие в этот сборник, выбраны из последней книги Маарьи Кангро «Ветер». Сейчас она такая.

		Ветер, надувающий парус, ветер перемен, ветер, сбивающий путника с ног, ветер, поднимающий песчаную бурю, ветер, колышущий знамя, ветер, которому поэт подставляет свое лицо. Я много лет перевожу стихи Яна Кауса. В этом сборнике вы найдете тексты, написанные лет десять назад, и те, что еще и не выходили на эстонском языке. Строго говоря, на русском языке они назывались бы странным термином: стихи в прозе. Или точнее – лирическими эссе. Или - джазовыми композициями. Последнее – отсылка к тому, что Ян Каус становится всё более популярным музыкантом. Его скромность и деликатность не знает меры: он даже не считает себя поэтом, а всего лишь прозаиком, изредка обращающимся к стихам. Да, он написал шесть романов, выпустил три сборника новелл, но что бы он сам ни говорил о себе, остров его поэзии в море прозы совершенно самостоятельное, важное художественное пространство, населенное метафорами, сравнениями, образами и той особой недосказанностью, которая возможна только в стихах. Ян Каус начинал с иронии, обращенной к окружающему миру, а пришел к самоиронии. Это самый достойный, стойкий и мужественный путь. Далеко не каждому он по плечу. Ян Каус ведет поэтический дневник: нет в его жизни события, которое нельзя было бы обратить в текст. Жизнь и смерть, детская игрушка и альбом со старыми фотографиями, прогулка и встречное дерево, любовь и прощание. Ирония в стихах бессмысленна без нежности и трепетных признаний, и Ян Каус всегда об этом помнит, вызывая улыбку, смех, но и приглашая к трогательному сочувствию. Собственно, всё, что происходит в его жизни, происходит для того, чтобы стать стихотворением, миниатюрой, маленьким эскизом вечности. Елена СКУЛЬСКАЯ
	n/a	Estonian Poets in Jelena Skulskaja’s Translations From time to time, I hear on television or radio that the weather in Ha-apsalu remains warm, and I feel a chill because there is no such place as Haapsalu. In this word, as in all Estonian words with double vowels, there is a particular length that is not absolute

		but relative, like in music; comparing it with the durations of other sounds forms the basis of complex musical-logical connections. The undivided prolongation of the sound is somewhat akin to the choruses or repetitions of the same words in Russian versification, where repetition is not just an echo but an addition, an expansion of meaning, the blossoming of an entire bush. Moreover, in the Estonian language, there is an extension of the Latin alphabet with umlauts - Ö, Ä, Ü - these mysterious, sticky, caressing sounds are almost impossible to reproduce; it is almost like asking Guildenstern to play the flute. And so, the continuous play of assonances offered by the language itself, without any poetic effort, creates a structure of speech seemingly inherently meant for poetry. Does this language need the Procrustean bed of meter and rhyme? Well, sometimes on an abstract painter's canvas, a quite recognizable profile suddenly appears, but it is as capricious as the shape of a cloud and can at any moment deceive, turning into an unrecognizable color spot. In Estonian poetry, everything is allowed – it is completely free from any obligations, even graphic ones. It has a loving, erotic, almost physiological relationship with the paper on which it exists, and only one requirement – utmost, Dostoevskian, confessional honesty. Translated poems rarely move the reader (unless it concerns drama); the poisonous taste of foreignness, alienness, prevents a response to them, predicting deceit. Making them completely Russian in translation is pointless - it is like parasitizing on someone else's love, having none of your own: being merely a duenna, a confidante, peeking through the keyhole at the true feeling... Leaving them completely Estonian in translation means denying the laws of one's own language, one's own poetic speech, in fact, refashioning a jacket: the original buttonholes will reveal the impoverished efforts. I think one should undertake translations only of those poems whose cipher you understand, whose code you have deciphered: you will take these poems by the hand like children and lead them through the stream of cars to the other side of the street - into your language.

		This collection presents the generation of forty-year-olds, three different poets, largely defining the general trends of Estonian poetry. Juku-Kalle Raid is a poet who, one might say, is completely different from Juku-Kalle the person. We have been friends for a quarter of a century. How I know him is known to very few, probably only a few people. For most, he is a rough cynic with a constant bottle of beer in one hand and a cigarette in the other. With performances on the edge, both in politics and other fields. But in reality, he is the only one of my acquaintances who sacredly honors the commandment: Judge not, lest ye be judged. He also sacredly honors another maxim: You cannot forgive evil, but you can forgive the person who committed it. Juku-Kalle is the most devoted friend. I can judge the severity and extent of my troubles by him. He is a kind of barometer: Juku-Kalle appears on the doorstep to save and help me. If everything is fine, he can disappear for a year. What does this have to do with poetry? - The most direct. I chose for translation the poems that treacherously reveal what Juku-Kalle hides from others with all his might. Only some of his poems - and there are thirty in this book - are imbued with that tenderness and lyricism, close to uncontrolled tears, to sobs that a man cannot afford. But the piano allows, opening up and exposing its strings. His poems (due to their longing and tenderness) are melodic and rhythmic. They have a lot of gray, insomnia, loneliness, a particular fondness for death, and an interest in it as the only unexplored territory. Of course, I also included a few poems of a different tone – journalistic or ironic, but overall, I followed my line: I know that when he sits down at the writing desk, Juku-Kalle strips off his skin and then puts it back on like a bulletproof vest. It is not very reliable, this bulletproof vest, but it still allows a bit of hooliganism in real life and scares someone. It could be added that Juku-Kalle is an excellent, meticulous, and careful translator, particularly from Russian; he is the editor-in-chief of the popular newspaper KesKus, the creator of documentary films and radio shows, and he is currently writing a novel

		that is completely unlike his poems because Juku-Kalle, as I already said, is very different. Maarja Kangro is a poet of agonizing, almost tragic, incredible complexity and unique fearlessness. She tries to explain the inexplicable through the inexplicable, the unprecedented through the unprecedented, that is, it is not an explanation at all but a plunge without aqualung into the enormous crushing depth of language, when there is not enough air, when you suffocate, and almost lose consciousness, and in a faint see colorful pictures of agony... I have known Maarja almost since her birth, since I have been friends with her mother, poet and prose writer Leelo Tungal, since university, and was friends with her father, composer Raimo Kangro. Comparing Leelo's poems with Maarja's, I see how times change, how one era replaces and crumples another, how the fears of our generation fade and crumble into dust, and what cannot be told to anyone ever and under any circumstances (even under torture), Maarja speaks easily and freely. She speaks freely, but the structure of her poems is like a bunker fortified for a nuclear catastrophe: as a translator, you cannot change anything or add from yourself; you are forced to move towards the finale through narrow corridors, precisely measured to the millimeter for each poem. Translating her is impossible, and therefore so tempting. She herself translates the most complex works - from Italian, English, German, and Russian; the musical culture instilled in her since childhood has made her a sought-after librettist, her prose collections, recognized by a wide audience, depart from poetry as from a shore but do not completely break ties with it. Maarja Kangro, a prose writer, changes from book to book, gaining experience, wisdom, reaching the most painful essence of what she wants to tell, never sparing herself and the reader-interlocutor. But prose writers often change from book to book, while Maarja Kangro-poet surprises each time with changes in new poetry collections - a rarity; unlike many poets, she does not want to speak with the same, albeit unique, intonation, she does not calm down, and does not publish a new poetry book until she achieves a discovery of something new in the structure of her poetic world. Therefore, almost all

					the poems included in this collection are chosen from Maarja Kangro's latest book, "Wind." She is like this now. Wind, filling the sail, wind of change, wind knocking down a traveler, wind raising a sandstorm, wind waving a banner, wind to which the poet exposes her face. I have been translating Jan Kaus's poems for many years. In this collection, you will find texts written ten years ago and those that have not yet been published in Estonian. Strictly speaking, in Russian, they would be called by a strange term: prose poems. Or rather - lyrical essays. Or - jazz compositions. The latter is a reference to Jan Kaus becoming increasingly popular as a musician. His modesty and delicacy know no bounds: he does not even consider himself a poet, just a prose writer occasionally turning to poetry. Yes, he has written six novels, released three collections of short stories, but no matter what he says about himself, the island of his poetry in the sea of prose is a completely independent, important artistic space, inhabited by metaphors, comparisons, images, and that special innuendo that is only possible in poetry. Jan Kaus started with irony directed at the surrounding world and came to self-irony. This is the most worthy, steadfast, and courageous path. Not everyone can follow it. Jan Kaus keeps a poetic diary: there is no event in his life that could not be turned into a text. Life and death, a child's toy and an album with old photos, a walk and a meeting tree, love and farewell. Irony in poems is meaningless without tenderness and trembling confessions, and Jan Kaus always remembers this, evoking a smile, laughter, but also inviting touching sympathy. In essence, everything that happens in his life happens to become a poem, a miniature, a small sketch of eternity. Jelena Skulskaja
95.	2020	Täius	Armin Kõomägi	Short stories	Само совершенство / Perfection Itself
	n/a				Армин Кыомяги (Armin Kõomägi) родился в прошлом столетии разносторонне талантливым человеком – состоялся как в билнесе, так и в литературе, в которую успешно «ворвался» в 2005 году с первой новеллой «Романтика». Уже

		в следующем году получил престижную премию им. Фридеберта Тугласа за лучшую новеллу года «Анонимные логистики», а через три года его проза была номинирована на премию Эстонского Капитала культуры. О том, что Армин Кыомяги вошел в элиту европейской литературы, говорит тот факт, что в англоязычном сборнике «Лучшая европейская проза 2012» (Best European Fiction 2012) его рассказ представлял современную эстонскую прозу. Его публикуют в России и за рубежом. В Эстонии в 2014 году вышел первый на русском языке сборник новелл «Дебил». В 2016 году его «Луи Вутон» стал победителем в конкурсе романов, объявленном Эстонским Союзом писателей. Армин Кыомяги – автор семи книг: трех романов и четырех сборников новелл. В его прозе глубоко личные переживания переплетаются с гротеском и даже мистицизмом, ностальгические мотивы пронизаны здоровым юмором и мягкой иронией по отношению к сегодняшней жизни. Его стиль современен, точен, а герои живописны, интересны и неожиданны. «Я пишу для себя и только о том, что меня сколько-нибудь трогает или заставляет усмехнуться», – признается сам Армин Кыомяги. COVER …В его новеллах плутают в своих жизнях запутавшиеся мужчины и такие же растерянные женщины, то погружаясь в «хейнсааровскую» обыденность, то выбираясь из нее, оставаясь при этом в большинстве случаев в реальности… Находок и юмора в новеллых Кыомяги хватает, но наиболее опустошающая новелла «Само совершенство». Это поистине пронзительная вещь, ни единой фразой не опустившаяся до пошлости (да Кыомяги пошлость вообще не свойственна), после которой, тем не менее, хочется окропить себя святой водой и смыть всю грязь. Сильвия Ургас, писатель, критик
	n/a	Armin Kõomägi Armin Kõomägi was born in the last century as a versatile, talented person - he succeeded in business and literature, which he successfully "burst into" in 2005 with his first short story, "Romantics." The following year, he received the prestigious Friedebert Tuglas Award for the best short story of the year, "Anonymous Logistics."

					Three years later, his prose was nominated for the Estonian Cultural Endowment Prize. The fact that Armin Kõomägi has entered the elite of European literature is evidenced by his story representing contemporary Estonian prose in the English-language collection "Best European Fiction 2012." He has been published in Russia and abroad. In Estonia, in 2014, the first Russian-language collection of short stories, "The Fool," was released. In 2016, his "Louis Vuitton" won the Estonian Writers' Union novel competition. Armin Kõomägi is the author of seven books: three novels and four collections of short stories. In his prose, deeply personal experiences intertwine with grotesque and even mysticism, and nostalgic motifs are permeated with healthy humor and gentle irony towards today's life. His style is modern and precise, and his characters are picturesque, interesting, and unexpected. "I write for myself and only about what touches me in some way or makes me smirk," admits Armin Kõomägi. COVER ... In his short stories, confused men and equally lost women get entangled in their lives, sometimes plunging into "Heinsaarean" ordinariness, sometimes escaping from it, while in most cases remaining in reality... There are plenty of discoveries and humor in Kõomägi's short stories, but the most devastating one is "Perfection Itself." It is truly a piercing piece, not a single phrase descending into vulgarity (and vulgarity is not at all characteristic of Kõomägi), after which, nevertheless, one wants to sprinkle oneself with holy water and wash away all the dirt. Silvia Urgas, writer, critic
96.	2020	Hõbevalge	Lennart Meri	Biography	Серебристо-белый путь Леннарта Мери / Silver-white path of Lennart Meri
	n/a				Предисловие Леннарт Мери (Lennart Merl 1929-2006) был президентом Эстонской Республики в 1992-2001 годах. Заступив в 1992 году на пост президента, он приложил все силы к тому, чтобы после долгих десятилетий небытия эстонское государство вновь заявило о себе на мировой арене. Настойчиво и по последовательно Леннарт Мери укреплял институт президентства, с его

		мнением считались как в Эстонии, так и за рубежом даже в тех случаях, когда его позиция вызывала в некоторых политических кругах раэдражение. В первую очередь я имею эдесь в виду его внешнеполитические шаги. Как президент малого государства Леннарт Мери очень хорошо понимал неодноэначность положения таких небольших стран, как Эстония, в глобальной системе международных отношений: идеализм versus реализм, твердая приверженность своим ценностям versus склонная к компромиссам слабость. Отдавая себе отчет в том, что международная система не слишком благоволит малым государствам, президент Мери искал возможности баланса сил в международных отношениях – честного и аргументированного, добиваясь соглашений, обеспечивающих достижение этой цели. Демократический мир не был для него рынком, где у каждого государства своя цена, которая определяется его весом. Напротив – он рассматривал малые государства как неотъемлемую часть мировой политической структуры, а потому, по его мнению, они также должны обладать правом слова в мировой политике. И неизбежный дефицит безопасности для малых государств может быть компенсирован только соглашениями о коллективной обороне. Такую доктрину можно назвать рационализмом, базирующимся на непререкаемых ценностях, – разногласия разрешаются только в процессе поисков точек соприкосновения. На сегодняшний день все эти проблемы малых государств никуда не исчезли. Они просто наполнились новым содержанием, охватывая теперь и значительно более крупные государства, они стали еще актуальнее, чем пару десятилетий назад, когда Леннарт Мери, вызывая у некоторых возмущение, выступал с политическими речами. Он любил повторять, что у малого государства всегда мало времени: «Один из признаков малого государства заключается в том, что ему никогда не дается столько времени, сколько дается великой державе. Есть вещи, которые мы должны делать сегодня, не откадывая их решение на десятилетия. Мало государство не может позволить себе лениться или воспарять в мечтах об экономическом успехе, потому что в каждом государстве *политические часы* идут по-разному. В малом государствсе они бегут гораздо быстрее». Президент Леннарт Мери в своих выступлениях не раз затрагивал тему эстонско-российских отношений, высказывался по этому вопросу остро,

		реалистично, не поступаясь своими ценностями и с надеждой на лучшее будущее. Он неизменно подчеркивал принцип правопреемственности Эстонской Республики, но не в смысле ностальгического копирования Эстниии времен до Второй мировой нойны, а имея в виду rгреобразование ее современное, основанное на общих европейских ценностях государство. В свете этих демократических принципов рассматривал он и будущее отношений Эстонии и России – плодотнорных, дружеских и добрососедских, служащих интересам обеих стран и обоих народов. Леннарт Мери родипся 29 марта 1929 года в Таллинне, он был первенцем в семье Георга Мери (1900-1983) – эстонского дипломата, а впоследствии переводчика на эстонский язьгк произведений Шекспира. В школу поступил в 1934 году в Париже, где служил отец, затем продолжил учебу в Берлине и снова в Париже. Жизнь в этих европейских столицах представлялась ему весьма естественной – ведь он находился там вместе с родителями, а значит, там и был его дом. Так, уже с раннего возраста ему стали близки история и культура Европейского континента. Впервые острую тоску по родине он почувствовал, когда оказался в ссылке в российской глубинке. И тоска эта родилась не столько из сентиментальности, сколько из желания избавиться от непреходящего чувства голода, неуверенности, ощущения неопределенности своего будущего. Детство открыло перед Леннартом Мери огромное географическое пространство. Опыт подсказывал, что за границей никогда не случается пустоты, там ты обнаружишь одновременно и нечто новое, и что-то знакомое. Иными словами, у людей с разными родными языками непременно есть свои привычки и установки, но в чем-то очень нажном, основополагающем, люди похожи. И чтобы открыть для себя эту схожесть, следует прежде всего искать точки соприкосновения. Обретенный в молодости опыт открытого пространства не давал ему засиживаться на месте в советсткое время с его бесконечными ограничениями и запретами. По итогам предпринятого в 1958 году путешествия в Среднюю Азию, в горы Тянь-Шаня и по древним исламским центрам в пустыне Каракум Леннарт Мери написал свою первую книгу, тепло встреченную читателями. Затем он отправился в байдарочный поход по реке Лене, в экспедицию на Камчатку, жил среди коряков, исследовал Чукотский полуостров и в конце концов серьезно увлекся этнографией угро-финских народов. Его интересовали

		культуры малых народов, вопросы культурной идентичности, история открытия и колонизации Сибири и углубляющийся конфликт между местными потребностями и экспансивной экономической политикой центра. Рожденные в результате путешествий книги переведены на десятки языков, его этнографические фильмы о финно-угорских народах получили известность и за пределами Советского Союза. Русские читатели старшего поколения наверняка помнят такие переведенные на русский язык книги Леннарта Мери, как «Три байдарки в зеленом океане» (1963), «В поисках потерянной улыбки» (1965, 1987), «Мост в белое безмолвие» (1978, 1984), «С Манном и без Манна» (1983) в книге «Удивительный человек. Книга путешествий», куда вошли произведения Вольдемара Пансо и Леннарта Мери в переводах Веры Рубер. Но в Эстонии более других известна и популярна его книга «Hõbevalge“ * (1976). Жанр этого произведения трудно поддается определению, может быть, было бы правильно назвать его приключенческой документалистикой. Ведь автор предлагает нам широкомасштабную реконструкцию ранеей истории Эстонии и региона Балтийского моря, достоверные и вероятные контакты этого региона с античным миром и Византией. Сразу после выхода в оригинале, на эстонском языке, «Серебристый рассвет» вызвал горячие споры, которые не прекращаются до сих пор. И тем не менее эта книга в каком-то смысле стала для эстонцев культовой. Автору удалось донести до своих соотечественников два важных посыла: первый – для жадных до науки или просто любопытных в хорошем смысле людей мир открыт во все времена, и второй – главным героем истории является не война, не идеология и даже не государство, а сам человек со своими желаниями и помыслами, мечтами и волей. Разумеется, столько свободный полет мысли произвел в советской Эстонии ошеломительное впечатление. Вскоре книга была переведена на финский язык, а несколько лет назад – и на итальянский. Теперь благодаря данному изданию впервые некоторые главы этой книги (в редакции 2008 года) становятся доступными и русскоязычному читателю. Писатель и кинематографист Леннарт Мери перешел от творчества к политике почти незаметно. Точнее говоря, его творчество всегда несло и политические смыслы, скрытые в большей или меньшей степени от царившего в ту пору советского режима. Как писатель Леннарт Мери хорошо знал силу слова. Как

		глава государства, который имеет возможность в публичных выступлениях донести свою точку зрения до широких масс, он составлял тексты своих речей так, чтобы произнесенное им слово захватывало и покоряло аудиторию. Он излагал позицию Эстонии точным и сильным слогом, раскрывая суть сказанного на хорошо понятном слушателям фоне. Вот почему его речи, которые предназначались для произнесения в определенный момент и в определенном месте, даже годы спустя призывают к соразмышлению. Сборники его выступлений вышли на английском, немецком, финском, венгерском и латышском языках. Надеюсь, что публикуемая в этой книге подборка его речей побудит и русскоязычных читателей задуматься или вступить в спор о возможностях выбора для Эстонии как малого государства в нашем антропоцентричном пестром мире. Когда-то один журналист спросил Леннарта Мери: «В 1970-1980-е годы прошлого века вы действительно серьезно верили, что Эстония вновь станет свободным и независимым государством?». И президент ответил так: «Мое поколение помнит пакт Гитлера-Сталина, военные базы, Зимнюю войну *, аресты, холод и голод, радость возвращения домой, депортацию крестьян, восстания в Берлине, Будапеште и Праге – с одной стороны, и углубляющуюся нехватку продуктов питания – с другой. Если одна бочка масла стоит двух бочек масла, то это только вопрос времени. У каждого события свое время, когда оно может произойти, а когда нет». Март Мери Таллинн 24 октября 2019 года *Название это переводилось как «Серебристый рассвет». Но автор имел в виду Серебристо-белый путь из Европы в Булгарское царство. * Имеется в виду советская агрессия против Финляндии в 1939–1940 гг. COVER

		ЛЕННАРТ МЕРИ Родился 29 марта 1929 года в Таллинне. 1941–1946 – вместе с родными в сибирской ссылке 1953 – с отличием окончил Тартуский государственный университет по специальности «История» 1953–1955 – заведующий литературной частью театра «Ванемуйне» 1955–1961 – редактор Эстонского радио 1963–1971, 1986–1988 – сценарист и режиссер киностудии «Таллиннфильм» 1985–1987 – секретарь Союза писателей Эстонии по внешним связям 1988–1990 – учредитель и директор Эстонского института 1990–1992 – министр иностранных дел Эстонской Республики 1992, апрель-октябрь – посол Эстонии в Финляндии 1992–2001 – Президент Эстонской Республики Умер 14 марта 2006 года Похоронен на Метсакальмисту в Таллинне
	n/a	Foreword Lennart Meri (1929–2006) was the President of the Republic of Estonia from 1992 to 2001. Upon assuming the presidency in 1992, he devoted all his efforts to ensuring that, after decades of non-existence, the Estonian state once again made its presence known on the world stage. Persistently and consistently, Lennart Meri strengthened the institution of the presidency. His opinion was respected both in Estonia and abroad, even in cases where his stance irritated some political circles. This primarily refers to his foreign policy actions. As the president of a small state, Lennart Meri had a profound understanding of the ambiguous position of such small countries as Estonia in the global system of

		international relations: idealism versus realism, steadfast adherence to one's values versus a tendency toward compromise. Aware that the international system was not particularly favorable to small states, President Meri sought opportunities for a balance of power in international relations — honest and reasoned — achieving agreements that ensured this goal. For him, the democratic world was not a marketplace where each state had its price determined by its weight. On the contrary, he viewed small states as an integral part of the world political structure, which should also have a say in global politics. The inevitable security deficit for small states could only be compensated for by agreements on collective defense. Such a doctrine can be called rationalism based on unwavering values, where disagreements are resolved only through the search for common ground. To this day, all these problems of small states have not disappeared. They have simply taken on new content, now encompassing significantly larger states as well, and have become even more relevant than a couple of decades ago, when Lennart Meri, provoking some outrage, delivered his political speeches. He loved to repeat that a small state always has little time: "One of the signs of a small state is that it is never given as much time as a great power. There are things we must do today, not postpone their resolution for decades. A small state cannot afford to be lazy or to indulge in dreams of economic success because, in each state, political clocks run differently. In a small state, they run much faster." President Lennart Meri often touched upon the topic of Estonian-Russian relations in his speeches, addressing the issue sharply and realistically, without compromising his values, and with hope for a better future. He consistently emphasized the principle of the legal continuity of the Republic of Estonia, not in the sense of nostalgically copying Estonia before World War II, but rather envisioning its transformation into a modern state based on common European values. In light of these democratic principles, he also viewed the future of Estonian-Russian relations as fruitful, friendly, and good-neighborly, serving the interests of both countries and both peoples. Lennart Meri was born on March 29, 1929, in Tallinn, the firstborn in the family of Georg Meri (1900-1983), an Estonian diplomat who later translated Shakespeare's works into Estonian. He started school in 1934 in Paris, where his father was stationed, then continued his education in Berlin and Paris again. Living in these European capitals seemed quite natural to him — after all, he was there with his parents, and therefore, that was where his home was. Thus, from an early age, he

		became familiar with the history and culture of the European continent. He first felt a sharp longing for his homeland when he found himself in exile in the Russian hinterland. This longing was not born out of sentimentality but out of a desire to escape the constant feeling of hunger, insecurity, and uncertainty about his future. Childhood opened up a vast geographical space for Lennart Meri. Experience suggested that abroad, there was never emptiness; there, you would find both something new and something familiar. In other words, people with different native languages inevitably have their habits and attitudes, but in something very important, fundamental, people are similar. To discover this similarity, one must first seek common ground. The experience of open space gained in his youth did not allow him to stay in one place during Soviet times, with its endless restrictions and prohibitions. Following a journey to Central Asia in 1958, to the Tien Shan mountains and the ancient Islamic centers in the Karakum Desert, Lennart Meri wrote his first book, warmly received by readers. He then went on a kayaking trip on the Lena River, an expedition to Kamchatka, lived among the Koryaks, explored the Chukotka Peninsula, and eventually became seriously interested in the ethnography of Finno-Ugric peoples. He was interested in the cultures of small peoples, issues of cultural identity, the history of the exploration and colonization of Siberia, and the deepening conflict between local needs and the central government's expansive economic policies. The books born from these travels have been translated into dozens of languages, and his ethnographic films about Finno-Ugric peoples gained recognition even outside the Soviet Union. Older Russian readers will likely remember such Lennart Meri books translated into Russian as "Three Kayaks in the Green Ocean" (1963), "In Search of a Lost Smile" (1965, 1987), "Bridge to the White Silence" (1978, 1984), "With and Without Mann" (1983) in the book "Amazing Person. A Book of Travels," which included works by Voldemar Panso and Lennart Meri, translated by Veera Ruber. However, in Estonia, his book "Hõbevalge" (1976) is more famous and popular than others. The genre of this work is difficult to define; perhaps it would be correct to call it an adventure documentary. The author offers a large-scale reconstruction of early Estonian history and the Baltic Sea region, as credible and probable contacts of this region with the ancient world and Byzantium. Immediately after its publication in the original Estonian language, "Silver White" sparked heated debates, which continue to this day. Nonetheless, this book, in a sense, became a cult for Estonians. The author managed to convey two important messages to his compatriots: first, for those eager

		for science or simply curious in a good way, the world has always been open, and second, the main character of history is not war, not ideology, and not even the state, but the person himself with his desires and thoughts, dreams and will. Naturally, such a free flight of thought made a stunning impression in Soviet Estonia. Soon the book was translated into Finnish, and a few years ago, into Italian. Now, thanks to this edition, some chapters of this book (in the 2008 edition) are becoming accessible to Russian-speaking readers for the first time. The writer and filmmaker Lennart Meri transitioned to politics almost imperceptibly. More precisely, his work always carried political meanings, more or less hidden from the prevailing Soviet regime of that time. As a writer, Lennart Meri knew the power of the word well. As a head of state with the ability to convey his point of view to the masses through public speeches, he crafted his speeches in such a way that his spoken word captivated and conquered the audience. He presented Estonia's position with precise and strong wording, revealing the essence of what was said against a background well understood by his listeners. This is why his speeches, intended to be delivered at a specific moment and place, still invite reflection years later. Collections of his speeches have been published in English, German, Finnish, Hungarian, and Latvian. I hope that the selection of his speeches published in this book will encourage Russian-speaking readers to ponder or engage in a debate about the possibilities of choice for Estonia as a small state in our anthropocentric, diverse world. Once a journalist asked Lennart Meri: "In the 1970s and 1980s, did you really believe that Estonia would once again become a free and independent state?" And the president replied: "My generation remembers the Hitler-Stalin pact, military bases, the Winter War, arrests, cold and hunger, the joy of returning home, the deportation of peasants, uprisings in Berlin, Budapest, and Prague — on one hand, and the deepening shortage of food — on the other. If one barrel of butter costs two barrels of butter, it's only a matter of time. Every event has its time when it can happen, and when it cannot." Mart Meri Tallinn

		October 24, 2019 *The title was translated as "Silver Dawn." But the author meant the silver-white path from Europe to the Bulgarian kingdom. * Refers to the Soviet aggression against Finland in 1939-1940. COVER LENNART MERI Born on March 29, 1929, in Tallinn. 1941-1946: Exiled to Siberia with his family. 1953: Graduated with honors from the University of Tartu with a degree in History. 1953-1955: Head of the literary department at the Vanemuine Theatre. 1955-1961: Editor at Estonian Radio. 1963-1971, 1986-1988: Screenwriter and director at Tallinnfilm Studio. 1985-1987: Secretary for foreign relations of the Estonian Writers' Union. 1988-1990: Founder and director of the Estonian Institute. 1990-1992: Minister of Foreign Affairs of the Republic of Estonia. April-October 1992: Ambassador of Estonia to Finland. 1992-2001: President of the Republic of Estonia. Died on March 14, 2006.

					Buried at Metsakalmistu Cemetery in Tallinn.
97.	2020	Hüüdnimi Eestlane. I.	Harry Raudvere	Novels	По прозвищу Эстонец. Часть первая / Nickname Estonian
	Harry Raudvere suurteos on Õpik! Suurmees ja Ettevõtja Harry kõhkles ja ebales, kas tema käsikiri on ikka raamat. On. Mitte ainult ilukirjanduslikus, vaid ka dokumentaalses ja õpetlikus mõttes Raamat. Harry on elust enesest ammutatud loo sellel, kuidas Venemaal kõrgkooli lõpetanud eesti noormees suunati pära-Venemaale tööle. Ta on tuginenud oma teoses olukirjanduslikule dokumentalistikale, biograafiale ja emotsioonidele. Ta on selleks ohtrasti aega võtnud ning sõna otseses mõttes KÕIGEST jutustanud pikaldase põhjalikkuse ja detailirohkusega, mis on omane vana maailma kirjasõnale. Loeme endasse täiusliku paketi nostalgiat ja fakte ilma, et autor meid tõlgendustega koormaks - analüüs ja süntees jääb lugeja kodutööks. Harryl on hämmastavad mäluvoogude sügavusel poolikust halvaapakist erinevate venelannade rinnanibude üksikasjadeni. Supermäluga kenas sünkroonis on mehe pedantsus. Aja ja enese, töö ja lõbu planeerimine. Iga mõtte, sõna ja teo põhjendatus. Ja eetika. Just selle eetilise kammertooni tõttu ongi Harry raamat Õpik. Kuidas olla alfaisane. Milline on näilise liiderlikkuse taga peituv ausus suhetes naistega. Miks mõni poisina sündinu on Mees - teine kõigest kah-mees. Tänapäeva daamidele on teos pealkirjaga “Hüüdnimi Eestlane” väärt lugemine teemal, millest on tehtud sisemine olemuslik ürgmees. Ja ühtlasi mõtlemisaine, miks suurem osa nüüdis-isaseid seda pole. Seega tuleb tänada iga mõtlejat-tegudeinimest, kes vaevub kollektiivset mälu tallema.				От автора Мои дети не раз спрашивали у меня, как мы жили в советское время. На этот вопрос нет однозначного ответа. У каждого жившего тогда человека – собственный опыт. Были разные времена и традиции, разные профессии и понятия. Мне не довелось своими глазами увидеть преступления сталинизма и на себе прочувствовать репрессии. В мое время это уже была история. Я видел другой советский Союз. Я видел страну, пожирающую свой хвост, и я видел все перекосы в этой стране. В советском государстве было все: и несправедливость до небес, и губительное полнодурие. Были печаль и скорбь, а также любовь. Были вещи, которые не объяснить словами, но были и такие, что и ьез слов понятны. Люди жили, невзирая на каждодневные тяготы, и верили. Верили в светлое будущее и ненавидели войну. Но ясно одно: те, у кого труд был в чести, голова – на плечах, а руки росли из правильного места, жили, по меркам того времени, хорошо. Особенно если не переступали ту тончайшую красиную линию, выход за которую мог вызвать недовольство государства. Действие книги «По прозвищу Эстонец» основано на событиях, происходивших в реальности. Так тоже жили. Если вы обнаружите некоторое сходство с кем-то из действующих лиц, то можете утешить себя тем, что это произведение – беллетристическое. Харри Раудвере.

	Kuidas oli siis, kui ta on toime saanud nõnda naudivata sõnavara-taju-kultuuriga, nagu valdab härra Raudvere. Rõhk sõnal “härra”. Mitte iga meest ei moonutanud nõukogude aeg – Mehed jäid härrasmeesteks. Samuti kinnitavad Harry publitseerumise eelsed kõhklused, et asi on õige. Kui inimene ei kõhkle, kas asi mitte pees pole, siis on pees. Kui kahtleb, on kõik hästi. Vägagi. Head lugemist! Kati Saara Vatmann Toimetaja Toomas Jugapuu seksist armastuseni Nõukogude aeg on minu jaoks alati masendav ja üksluine tundunud. Oma teadliku elu olen veetnud vabas Eestis, nii et kogu mu teadmine sellest perioodist pärineb raamatutest või vanemate inimeste mälestustest. Nõukogude aeg on täpselt see periood, mil Toomas Jugapuu Venemaal ja Eestis seikleb. Raamat „Hüüdnimi Eestlane“ on aga kõike muud, kui masendav ja üksluine. See on mõnus ja muhe lugu ühe mehe tavalisest elust. Sellisest, kus tööpäevad kuluvad spekuleerimisele ja kombineerimisele ehk kõigele, mida tänasel päeval ettevõtlikuseks peame, Ainult selle vahega, et tänasel päeval on see au sees, mitte võimude poolt karistatav. Vähemalt enamasti. Võib õelda, et Toomas Jugapuu teine nimi võiks olla Mees-kes-jääb-ellu. Lugeja saab peategelasega tema igapäevases elus kaasa käia, ainult et üheski päevas pole midagi igapäevast. „Hüüdnimi Eestlane“ sisaldab igasuguseid juhtumisi (korduvast) seksist surmani. Peategelase seksuaalkogemustest lugedes tekib korduvalt küsimus, et kas raamatus kirjeldatu on ikka sama perioodil kui see, mil rasedana ei sobinud tänaval käia? Ehk siis nii, nagu	COVER Харри Раудвере родился 23 ноября 1958 года в городе Элва. Получил экономическое образование, изучал право и естественные науки. Руководил разными социальными учреждениями, в данное время - частный предприниматель. Женат, имеет шестерых детей. Патриот своей родины.

	nõukogule ajal polnud puudega inimesi, nii ka juhuslike inimestega ei seksitud? Eks? Raamatu peategelane Toomas Jugapuu tundub suhetes pinnapealne. Lendab liblikana sellele lillele, mis just paisub armastuseks. Algul tundub võõristav armastuse tunnet Toomasega seostada. Eelnevalt sai nii pikalt tema lendlemisest lugeda. Toomase tunded ning uue eluperioodi alustamine aga süvenevad, kuni... Edasi saame lugeda juba järgmisest osast! Rõõmuga võin ette kinnitada, et esimese osa lõpp jätab lugejad ootama jõule, mil raamatu teine osa ilmavalgust näeb! „Hüüdnimi Eestlane“ on mõnusalt ja muhedalt kirjutatud. Tõeline Rahva Raamat, selle väljendi kõige paremas mõttes. Tol ajal elanud inimestele mõnus äratundmisrõõm, minusugustele aga vahva avastusretk tolle aja telgitagustesse, millest avalikult ehk nii palju ei räägita. Midagi igaühele! Heli Künnapas Kirjastaja COVER Minu lapsed on korduvalt küsinud, kuidas Nõukogude Liidu ajal ikkagi elasite. Sellele küsimusele ei ole ühest vastust. Nii palju, kui on tolle aja inimesi, nii palju on ka erinevaid kogemusi. Olid erinevad ajad ja kombed. Erinevad ametid ja arusaamad. Mina ei ole oma silmaga näinud stalinismi kuritegusid ega tundnud repressioone. See oli siis juba ajalugu. Mina nägin teistsugust Nõukogude Liitu. Nägin riik, mis sõi iseennast sabast ning sedagi, mis selles riigis kiiva kiskus. Nõukogudemaal võis leida kõike. Oli taevani küündivat ülekohut ja hukutavat lauslollust. Oli kurbust ja leina ning armastust. Oli asju, mida oli sõnadegagi võimatu seletada, ja asju, mis olid sõnadetagi selged. Inimesed elasid	

	vaatamata igapäevastele raskustele, ja uskusid. Uskusid helgemat tulevikku ja vihkasid sõda. Kuid üks on kindel. Need, kes austasid tööd, kellel oli pea õlgadel ja käed ei kasvanud tagumikust välja, need elasid tolle aja kohta hästi. Eriti veel siis, kui ei ületatud õhkõrna punast joonekest, millest üleastumine oleks esile kutsunud riigi pahameele. Raamatu „Hüüdnimi Eestlane" tegevus põhineb tegelikkuses aset leidnud sündmustel. Ka nii elati. Kui keegi lugejatest peaks end samastama mõne tegelaskujuga, siis lohutage end teadmisega, et tegemist on ilukirjandusliku teosega. www.raudvere.ee	
	Harry Raudvere's Great Work is a Textbook! Harry, the Great Man and Entrepreneur, hesitated and doubted whether his manuscript was indeed a book. It is, and not only in a fictional sense but also in a documentary and educational sense—a Book. Harry has drawn from life itself the story of how an Estonian young man, who graduated from a university in Russia, was sent to work in remote Russia. In his work, he has relied on situational documentation, biography, and emotions. He has taken ample time to tell everything with meticulous thoroughness and rich detail characteristic of old-world writing. We absorb a perfect package of nostalgia and facts without the burden of the author's interpretations—the analysis and synthesis are left to the reader as homework. Harry possesses an astonishing depth of memory, from the nuances of a half-eaten slice of bad cheese to the details of various Russian women's nipples. The man's meticulousness is in beautiful sync with his super-memory. The planning of time and self, work, and leisure. The justification of every thought, word, and deed. And ethics. It is precisely because of this ethical tuning fork that Harry's book is a Textbook. How to be an alpha male. What kind of honesty lies behind apparent promiscuity in relationships with women.	Author's Foreword My children have often asked me how we lived during Soviet times. There is no simple answer to that question. Every person who lived back then has their own unique experience. There were different periods, traditions, professions, and perspectives. I didn't witness the crimes of Stalinism firsthand nor did I experience the repressions. By my time, that was already history. I saw a different Soviet Union. I saw a country devouring its own tail, and I witnessed all the distortions in that country. The Soviet state had everything: injustice that reached the heavens and destructive absurdities. There was sorrow and grief, but also love. There were things beyond words, and others that were perfectly clear even without them. People lived through daily hardships and still held onto faith—faith in a bright future and a hatred of war. But one thing is clear: those who valued hard work, had their heads on straight, and knew how to use their hands lived well by the standards of that time—especially if they didn't cross the fine red line, beyond which they could draw the discontent of the state.

	Why some boys grow up to be Men while others remain mere shadows of men. For modern ladies, the book titled "Nickname Estonian" is a valuable read on what constitutes the inner essence of a primal man. And at the same time, it offers food for thought on why most contemporary men do not possess this essence. Therefore, we should thank every thinker-doer who takes the trouble to preserve the collective memory. What was it like when he managed to capture such an enjoyable sense of language and culture as Mr. Raudvere commands? Emphasis on the word “Mr.” Not every man was deformed by the Soviet era—Men remained gentlemen. Harry's pre-publication hesitations also confirm that the work is sound. If a person doesn’t doubt whether something is in their hands or not, then it’s in the bag. If they doubt, everything is fine. Very fine. Happy reading! Kati Saara Vatmann Editor From Sex to Love – Toomas Jugapuu The Soviet era has always seemed depressing and monotonous to me. I have spent my whole life in free Estonia, so all my knowledge of that period comes from books or the memories of older people. The Soviet era is exactly the period when Toomas Jugapuu adventures in Russia and Estonia. However, the book "Nickname Estonian" is anything but depressing and monotonous. It is a pleasant and humorous tale of one man's ordinary life. The kind where workdays are spent on speculation and combining—everything we consider entrepreneurship today. The only difference is that today it is honored, not punished by the authorities. At least mostly.	The events in the book *Nicknamed the Estonian* are based on real events. People lived like this too. If you recognize any similarities between the characters and real individuals, you can take comfort in knowing that this work is fictionalized. Harry Raudvere COVER Harri Raudvere was born on November 23, 1958, in the town of Elva. He received an education in economics and studied law and natural sciences. He has managed various social institutions and is currently a private entrepreneur. He is married and has six children. A patriot of his homeland.

	One could say that Toomas Jugapuu’s other name could be "The Man Who Survives Life." The reader can follow the protagonist in his daily life, where no day is ordinary. "Nickname Estonian" includes all sorts of events (repeatedly) from sex to death. Reading about the protagonist's sexual experiences, one repeatedly wonders if what is described in the book really happened during the same period when it was inappropriate for a pregnant woman to be seen on the street. Just as there were no disabled people during the Soviet era, was casual sex with strangers also non-existent? Right? The protagonist, Toomas Jugapuu, seems superficial in relationships. He flits like a butterfly to the flower that is just blossoming into love. At first, it seems strange to associate the feeling of love with Toomas, given his prior flitting. However, Toomas's feelings and his initiation into a new period of life deepen until... We can read further in the next part! I can confidently say that the end of the first part leaves readers eagerly waiting for the second part to see the light of day! "Nickname Estonian" is written in a pleasantly humorous manner. A true People’s Book in the best sense of the term. For those who lived during that time, it offers a delightful recognition, while for people like me, it provides a fascinating exploration into the behind-the-scenes of that era, which is not often publicly discussed. Something for everyone! Heli Künnapas Publisher COVER My children have repeatedly asked me how we lived during the Soviet era. There is no single answer to this question. As many people as there are from that time, there are many different experiences. There were different times and customs, different professions and understandings. I have not personally witnessed the crimes of Stalinism or experienced repression. That was already	

	history by then. I saw a different Soviet Union. I saw a country that was devouring itself and the parts of it that were falling apart. In the Soviet Union, you could find everything. There was injustice reaching to the heavens and devastating absurdity. There was sorrow and mourning, as well as love. There were things impossible to explain with words, and things that were clear without words. People lived despite daily hardships and believed. They believed in a brighter future and hated war. But one thing is certain. Those who respected work had a good head on their shoulders, and hands that didn't grow from their backside lived well for that time especially if they didn't cross the fragile red line, crossing which would have provoked the state's wrath. The events in the book "Nickname Estonian" are based on real events. This, too, is how people lived. If any of the readers identify with a character, comfort yourself with the knowledge that this is a work of fiction. www.raudvere.ee				
98.	2021	Puulased ja tohtlased	Andrus Kivirähk	Short stories	Чурки да веники / Logs and Brooms
	Siin ma nägingi neid esimest korda. Terve leiliruum oli neid täis. Linalakad tüdrukud, patsid õlgadeni. Laiaõigsed poisid, juuksed korralikult seitlisse kammitud. Kõigil rahvariided seljas, nagu läheksid nad laulupeole. Nad tulid üksteise järel leiliruumist välja ja rivistusid seina äärde, justkui valmistuksid ühipildiks. „Kes need on?“ küsisin ma jahmunult. „Puulased ja tohtlased,“ lausis Kellela vaikselt. „Nad aitavad meid.“				Вот тогда-то я и увидел их впервые. Вся парилка была полна ими. Белокурые девицы, косы по плечам. Крепкие молодцы, волосы аккуратно расчесаны на пробор. Все в национальных одеждах, словно на певческий праздник собрались. Один за другим выходили они из парилки и выстраивались вдоль стены, как будто для общей фотографии. - Кто это? – опешил я. - Полешки и веники, - вполголоса сообщил Каллела. – Они выручат нас.
	That's where I saw them for the first time. The entire steam room was filled with them. Fair-haired girls with braids down to their shoulders. Broad-shouldered boys with neatly parted hair. Everyone dressed in traditional folk costumes as if they were heading to a song festival. One by one, they stepped out of the steam room and lined up along the wall, as if preparing for a group photo.				That's when I saw them for the first time. The entire sauna was filled with them. Fair-haired maidens with braids cascading over their shoulders. Sturdy lads with neatly parted hair. All dressed in traditional folk costumes, as if they were heading to a song festival. One by one, they stepped out of the steam room and lined up against the wall, as if for a group photo.

	“Who are they?” I asked, stunned. “Woodfolk and barkfolk,” Kellela said quietly. “They will help us.”				"Who are they?" I asked, startled. "Birch logs and brooms," Kallela whispered. "They will help us."
99.	2021	Metsik lingvistika. Lingvistiline mets. Lindvistika ehk metsa see lingvistika. Kukeseene kuulamise kunst	Valdur Mikita	Essays	Парадигма стрекогузки / Wagtail Paradigm
	n/a				Валдур Микита (Valdur Mikita, род. 1970) окончил Тарутский университет по специальности биология, получил докторскую степень по семиотике и культурологии. Автор десятка книг – стихи, эссеистика, новеллы. Обладатель почетного звания Деятель культуры города Тарту, лауреат премии Аугуста Гайлита за лучшую новеллу (2009) и премии фонда Eesti KuJtuurkapitaI (Эстонский капитал культуры) за книгу Lingvitilline mets (2014). В сборник включены эссе из разных изданий. Андрус Кивиряхк. Пляшут мужики, очки нацепили «Линдвистику» Вальдура Микиты сравнивали с книгой Леннарта Мери Hõbevalge (1976), и сдается, что-то в этом сравнении есть. Во-первых, трудно определить их жанр. Сам Леннарт Мери называл свой опус путевыми очерками, хотя никакие это не путевые очерки. А Микита вообще не удосужился придумать какое-то определение, и правильно сделал. Не все нуждается в классификации. Другой и значительно более важный объединяющий признак – обе книги сосредоточены на положительном, что значительно поднимает у читателя настроение и чувство собственного достоинства. Вы только представьте себе: книга *Hõbevalge* появилась в глубоко застойное время, когда стены были увешаны казенными лозунгами да портретами Брежнева, а народ в серых пальто тупо стоял в очереди за колбасой. И тут людям вдруг рассказывают, что ничем не примечательный клочок земли, где они живут, это никакая не Эстонская ССР, а вовсе мистическая Ultima Thule – край света! И что бывали здесь не одни только московские купцы, но и древнегреческий мореплаватель Пифей, и писал про Эстонию не один только Ганс Леберехт*, но и средневековый арабский географ аль Идриси. Что жизнь в Эстонии началась не с июньского переворота 1940 года, как утверждали тогдашние учебники истории, но всё куда древнее и таинственнее. Наверняка подобное знание

		порядком поднимало дух тогдашних людей, да и кому бы не понравилось жить на земле, овеянной древними легендами, где некогда ночевало солнце. В каком-то смысле Микита идет еще дальше: у него не только земля оказывается сказочной и таинственной, но ее обитатели. То, что он делает, на редкость благодатный труд, и это в то время, когда Эстонию и эстонцев принято скорее хаять и стыдиться их. Погода в Эстонии дрянь, люди угрюмые и злые, зарплаты мизерные... Нет, скорее подальше отсюда! Лучше всего, конечно, в солнечную Австралию, но, на худой конец, хоть в Финляндию, если больше некуда. Микита же, напротив, не жалуется, не брюзжит. Всё, что обычно рассматривается как нечто негативное, в его интерпретации становится положительным, поистине эстонским тайным сокровищем, обладание которым превращает нас в народ с исключительными возможностями. Взять хотя бы его описание эстонского деревенского подворья. По существу, эта главка годится на обоснование того, почему из Эстонии следует бежать без оглядки – настолько тут все ужасно. Но Микита, напротив, представляет грязный, вонючий, захламленный деревенский двор едва ли не как святое место. И чудеса, да и только! — это звучит убедительно. (К тому же в высшей степени остроумно! Читая эти строки, я громко хохотал, что со мной случается довольно редко.) Эстонец в нас тотчас распознает тут нечто свойственное ему и – что особенно странно – начинает тосковать по этому запущенному, или следуя логике Микиты, гениально обустроенному ландшафту. Даже закоренелый горожанин вроде меня! Мы же все бывали на таком дворе, неодобрительно высказывались по поводу царящего там беспорядка, ворчали из-за сортира во дворе и лужи возле крыльца, но тем не менее вновь и вновь возвращались туда, как Ити с Кусти из сказки про мальчика с рожками*, которых так и тянуло к большому серому валуну. Ценность текста Микиты во многом состоит в том, что он облагораживает самые что ни на есть заурядные вещи и места. Обычно древние эстонские верования принято связывать со священными рощами и жертвенными камнями, но кто из нас знает что-то про такие места, а тех, кто посещал их, еще меньше. Для рядового эстонца эти официально провозглашенные культовые места остаются чуждыми, чужды они и для Микиты. Вовсе деревенский двор и родной лес, куда каждый год ходят по чернику и грибы, — вот те места, которые он считает важными для эстонца. И если поразмыслить, то Микита прав на все сто. Вспоминается сказка Юхана Яйка* «Дедов тулуп», согласно которой именно вещи повседневного обихода,

		такие как старое топорище, драный дымарь или дедов тулуп, обладают могучей силой, способной не только отпугнуть волков, но и вообще помочь в любой беде. Силой куда более мощной, чем какой-то культовый предмет, что хранится в шкафу и который достают оттуда лишь раз-другой в году. Так что вполне ясно: обычный деревенский двор, где прошла жизнь не одного поколения, где время и человеческий труд оставили свой след, несет в себе значительно больше, чем какая-то абстрактная роща. Но именно то, что чудо кроется в повседневных буднях, и нравится читателю. В этом смысле текст Микиты даже привлекательнее, чем Hõbevalge, – приятно знать и чувствовать замечательное мистическое прошлое своей родины, но куда круче осознавать, что ты сам и есть миф. Ведь как распирает от гордости, когда тебе говорят: «О-о! Ваш Арво Пярт* – это чудо!», но еще больше греет душу, что ты сам тоже чудо. А именно таков, по убеждению Микиты, каждый эстонец – считай, что воплощение духов-хранителей в мире, который стремительно урбанизируется и забывает древние искусства. Удивительна и уникальна в своем роде среда обитания эстонца – на краю поля и леса, на границе двух миров; да и сам он, преисполненный удивительных странных ощущений и способностей. Нет никакого сомнения, что по прочтении книг Микиты эстонец смотрит на окружающее, на своих родственников совершенно новым и куда более уважительным взглядом. То, что считалось захудалой европейской провинцией, на поверку оказывается сокровищницей, истинным заповедником. Как знать, может, и те, кто уже мысленно паковал чемоданы, вдруг поймут, что Эстония – место для проживания все-таки очень интересное и своеобразное. И пусть здесь нет парижских бульваров, зато полно грибных лесов. Фраза Микиты о том, что тех, кто побывал в Париже, на свете намного больше тех, кто ходил по грибы, действительно гениальна. Я ее уже неоднократно цитировал на всевозможных встречах и в школах, и в зарубежных эстонских обществах, чем всегда вызывал веселое оживление. Люди вдруг осознают, каким богатством они обладают и сколь элитарные впечатления они могут позволить себе без особого труда. Ведь здорово быть уникумом-угром в европейском облачении. Он, правда, пользуется айфоном-смартоном и регулярно бывает в Брюсселе, однако осенью он собирает на болоте морошку и умеет косить косой. Жить двумя параллельными жизнями — это роскошь! Вообще-то история эстонцев и есть череда переодеваний. Превращение в европейцев произошло столь стремительно – на веку одного поколения, – что тут речь и не идет о коренных

		изменениях, то была всего лишь смена костюмов. Отцы членов «Сиуру»*, носивших в петлице белую хризантему, и даже их деревенские братья еще ходили в крестьянских зипунах. Как поется в народной песне: «Мызы пылают, баранам конец, пляшут мужики, очки нацепили». Сорвали очки с господских носов и нацепили на свои, а отплясывают-то исконные земледельцы. И не один только Таммсааре нередко сетовал по поводу того, что эстонцы безразборчиво перенимают немецкие обычаи, но именно так – в форме маскарада – и шло превращение в европейцев. Но в душе-то они оставались всё теми же крестьянами, для кого важен старый сельский двор и окружающий родной лес. Как-то не верится, что какой-нибудь французский или немецкий интеллектуал во время летнего отпуска собирает в зарослях лесную малину или в одних трусах колет во дворе дрова, тогда как в Эстонии зто дело обыденное. Разве что очки у эстонца фирмы Рэй-Бэн, но мужчина или женщина в них самые что ни есть угры. Осенью они наденут костюмы, загрузят полный багажник своего авто бабушкиным вареньем и собственноручно выкопанной картошкой и поедут в город строить из себя европейцев. Естественно, тот, кто хочет раскритиковать теории Микиты, найдет много к чему прицепиться и из вредности расчихвостить все. Но зачем? Созданное Микитой – это прежде всего миф, а мифы не рецензируют. Без сомнения, читать Микиту веселее, чем Леннарта Мери, в произведении которого нет ничего смешного. А Микита своими утверждениями играючи, сознательно и с большим удовольствием порой перегибает палку. Да мифы и нельзя воспрининать слишком всерьез, иначе они превратятся в идефикс и официальную религию. 2016 • Hans Leberechr (l9l0-1960) – эстонский советский писатель, лауреат Сталинской премии третьеи степени (1949). • «Мальчик с рожками» – детская повесть Оскара Лутса. • Juhan Jaik (1899–1948) – эстонский писатель-эмигрант. • Arvo Pärt (род. 1935) – эстонский композитор. • Siuru – литературная группировка1917–1920 гг.
	n/a	Valdur Mikita, born in 1970, graduated from the University of Tartu with a degree in Biology and holds a doctorate in Semiotics and Cultural Studies. He is the author of

		numerous books, including poetry, essays, and short stories. Mikita has been honored with the title of Cultural Figure of Tartu City and has received the August Gailit Prize for the best short story in 2009 and the Eesti Kultuurkapital (Estonian Cultural Endowment) award for his book "Lingvistiline mets" in 2014. This collection includes essays from various publications. Andrus Kivirähk. Peasant men are dancing, having put on glasses Valdur Mikita's "Linguistic Forest" has been compared to Lennart Meri's book "Hõbevalge" (1976), and there is some merit to this comparison. Firstly, their genres are difficult to define. Lennart Meri himself referred to his work as travel essays, although they are not exactly that. Mikita, on the other hand, did not bother to define his work, which was a wise decision. Not everything needs classification. Another, more important, common feature is that both books focus on the positive, significantly uplifting the reader's spirit and self-esteem. Imagine, "*Hõbevalge*" appeared during a stagnant time when walls were covered with official slogans and portraits of Brezhnev, and people in gray coats stood in line for sausage. Suddenly, people were told that their unremarkable patch of land was not just the Estonian SSR but the mystical Ultima Thule, the edge of the world! It was not only visited by Moscow merchants but also by the ancient Greek navigator Pytheas and described not only by Hans Leberecht* but also by the medieval Arab geographer Al-Idrisi. Life in Estonia did not start with the June coup of 1940, as the then-history textbooks claimed, but is far older and more mysterious. Such knowledge certainly boosted the spirits of the people of that time, as it would be pleasing to anyone to live in a land shrouded in ancient legends. In a sense, Mikita goes even further: not only is the land magical and mysterious, but so are its inhabitants. What he does is remarkably beneficial, especially at a time when it is common to disparage Estonia and Estonians. The weather in Estonia is terrible, the people are gloomy and angry, and the wages are low... No, it's better to get away from here! Preferably to sunny Australia, but if not, then at least to Finland. Mikita, on the other hand, does not complain or grumble. Everything usually seen as negative, in his interpretation, becomes positive, a truly Estonian secret treasure that turns us into a people with exceptional opportunities. Take, for example, his description of an Estonian rural courtyard. Essentially, this chapter could serve as an

		argument for why one should flee Estonia without looking back, as it is so terrible here. But Mikita, on the contrary, presents the dirty, smelly, cluttered rural yard as almost a sacred place. And miraculously, it sounds convincing. (Moreover, it is extremely humorous! Reading these lines, I laughed out loud, which happens to me quite rarely.) An Estonian in us immediately recognizes something inherent in him and – what is especially strange – begins to long for this neglected, or, following Mikita's logic, brilliantly arranged landscape. Even a city dweller like me! We all have been in such a yard, disapprovingly commenting on the mess, grumbling about the outdoor toilet and the puddle by the porch, but kept returning there, like Iti and Kusti from the story about the boy with horns*, who were drawn to the big gray boulder. Mikita's text is largely about ennobling the most mundane things and places. Usually, ancient Estonian beliefs are associated with sacred groves and sacrificial stones, but none of us knows anything about such places, and even fewer have visited them. For the average Estonian, these officially proclaimed cult sites remain alien, and they are alien to Mikita as well. It's the rural yard and the familiar forest, where people go annually for blueberries and mushrooms, that he considers important for Estonians. And if you think about it, Mikita is absolutely right. It reminds one of the fairy tales by Juhan Jaik*, "Grandfather's Tulup," according to which everyday items like an old axe handle, a torn beehive, or grandfather's tulup possess mighty power, capable not only of scaring away wolves but also of helping in any trouble. A power much stronger than some cult object stored in a cupboard and taken out only once or twice a year. So it's quite clear: the ordinary rural yard, where several generations have lived, where time and human labor have left their mark, holds much more than some abstract grove. But it is the fact that the miracle lies in everyday life that pleases the reader. In this sense, Mikita's text is even more appealing than "*Hõbevalge*" – it's nice to know and feel the wonderful mystical past of your homeland, but it's even cooler to realize that you yourself are a myth. It's so gratifying to hear people say, "Oh! Your Arvo Pärt* is a marvel!", but it's even more heartwarming to know that you yourself are also a marvel. According to Mikita, every Estonian is practically an embodiment of guardian spirits in a world that is rapidly urbanizing and forgetting ancient arts. The unique living environment of an Estonian is on the edge of the field and forest, on the border of two worlds, and the Estonian himself is full of extraordinary sensations and abilities. There is no doubt that after reading Mikita's books, Estonians look at their surroundings and their relatives with a completely new and much more respectful view. What was considered a shabby European province turns out to be a treasure trove, a real reserve. Who knows, maybe even those who were mentally packing their

		bags will suddenly realize that Estonia is a very interesting and unique place to live. And although there are no Parisian boulevards here, there are plenty of mushroom-filled forests. Mikita's phrase that there are far more people in the world who have visited Paris than those who have gone mushrooming is truly brilliant. I have already quoted it many times at various meetings and in schools, and overseas Estonian societies, always causing cheerful excitement. People suddenly realize what wealth they possess and what elite experiences they can afford without much effort. It's wonderful to be a unique Finno-Ugric in European attire. He, indeed, uses an iPhone-smartphone and regularly visits Brussels, but in the autumn he picks cloudberries in the bog and knows how to scythe. Living two parallel lives is a luxury! The history of Estonians is actually a series of costume changes. The transformation into Europeans happened so quickly – within a generation – that it's not even about fundamental changes; it was just a change of costumes. The fathers of the members of "*Siuru*,"* who wore a white chrysanthemum in their buttonholes, and even their rural brothers still wore peasant zippuns. As the folk song goes: "The manors are burning, the sheep are finished, the men are dancing, they've put on glasses." They snatched the glasses from the landlords' noses and put them on their own, but they are still the same old farmers. Not only did Tammsaare often lament that Estonians indiscriminately adopted German customs, but it was through this masquerade that the transformation into Europeans took place. But at heart, they remained the same peasants for whom the old rural yard and the surrounding forest are important. It's hard to imagine a French or German intellectual during summer vacation picking wild raspberries in the thickets or chopping firewood in the yard in just underwear, while in Estonia, this is common practice. Maybe the glasses are Ray-Bans, but the man or woman in them is still an Ugrian. In autumn, they'll put on suits, load their car trunk with grandma's jam and self-dug potatoes, and head to the city to play Europeans. Of course, those who want to criticize Mikita's theories will find plenty to latch onto and maliciously dissect everything. But why? Mikita's creation is primarily a myth, and myths cannot be criticized. Without a doubt, reading Mikita is more fun than Lennart Meri, whose work contains nothing funny. Mikita, with his claims, playfully, consciously, and with great pleasure, sometimes goes overboard. But myths shouldn't be taken too seriously, or they will turn into an idée fixe and an official religion. 2016

					Hans Leberecht (1910–1960) – an Estonian Soviet writer, recipient of the Stalin Prize, Third Class (1949). “The Boy with Horns” – a children’s novella by Oskar Luts. Juhan Jaik (1899–1948) – an Estonian émigré writer. Arvo Pärt (born 1935) – an Estonian composer. Siuru – a literary group active from 1917 to 1920.
100.	2021	Valged varesed	Hion, Ene	Novels	Белые вороны / Whire Crows
	Pühendatud neile, kelle jutustuste, fotode ja dokumentide põhjal see raamat on kirjutatud. COVER See on lugu lastest, kes kistakse ajaloo pöördeliselt hetkel elu hammasrataste vahele. Käib Teine maailmasõda. Sadakond eesti last evakueeritakse Venemaale. Aeg on heidutav, aateline, surmatoov, kuritegelik, aga neile lihtsalt lapsepõlv. Sattusin raamatu tegelastega kokku ajal, mil rahvas laulis öistel laulupidudel, maa ihu vabadusihast tiine, meedia kees poliitikast. Kuues meel ütles, et sellest inimlaste peal läbiviidud ebatavalisest eksperimendist ei saa mööda minna. Salvestasin ja panin kirja, mis sest, et tol hetkel tundus lugu mulle endalegi minevik, mil juba hall habe suus. Aeg polnud veel küps meenutusteks. Kas neid lapsi päästeti või represseriti, õpetati või loputati, keelitati või sunniti? Ja samas on loos kuhjaga koomikat. Ilma huumorita oleks juhtunut võimatu seedida. Siin on kirjas tõestisündnud episoodid. Tegelase jutustusi on tihendatud, nimesid muudetud. Loo igas tegelases võib olla midagi mitme reaalse isiku saatusest. Võiksin kujutleda ennast kirjanikuks. Aga seda ma ei ole. Saan esitada vaid ajakirjaniku fiktsiooni, vaadata suuri sündmusi tavaliste inimeste seisukohast.				От переводчика С автором этой не книги мы знакомы очень давно – так давно, что не смею даже назвать цифру. Более того, я осмеливаюсь считать ее коллегой по своей основной профессии журналиста. Коллегой выдающейся. Эне Хион может служить примерном того, что «Я» журналиста всегда отступает на второй план перед «Я» того, кого журналист представляет общественности. Но при всем этом журналист не есть просто подставка для микрофона. Эне Хион как журналиста всегда отличали компетенция в тех вопросах, которым были посвящены ее эфирные и прочие материалы, и четкая авторская позиция, которая не мешала ей излагать позиции с ее собственной не схожие. Но при всем нашем знании друг друга я был потрясен, когда раскрыл эту книгу. Потрясен, в первую очередь, тем, что выпало на долю этнх детей – моих почти ровесников, хотя и мое детство в военные и послевоенные годы отнюдь не было розовым. Но еще больше, может быть, я был потрясен искренностью сопереживания автора своирам героям. Честно признаюсь, что я, человек, не отличающийся сентиментальностью, переводя некоторые страницы, едва удерживался от слез. И еще. Как человек, давно интересующийся историей Эстонии – а я живу здесь с 1944 года, т.е. с трехлетнего возраста, я открыл для себя много нового, что отразилось в судьбах действующих лиц этой скорбной и в то же время

	Ene Hion	оптимистичной повести. Думаю, что и читателям, даже хорошо знакомым с судьбой эстонского народа, эта книга откроет глаза на многое. Лейви Шер Посвящается тем, чьи рассказы, фотографии и документы послужили основой для этой книги COVER Это рассказ о детях, затянутых шестеренками человеческой истории в один из ее переломных моментов. Идет Вторая мировая война. Сотня детей эвакуируется из Эстонии в Россию. Время жуткое, идейное, смертоносное, преступное, но для них это просто детство. Я столкнулась с героями этой книги, когда наш народ пел на ночных певческих праздниках, страна была беременна стремлением к свободе, в прессе кипели пол итические страсти. Шестое чувство подсказало, что нельзя пройти мимо жуткого эксперимента, проведенного на детях человеческих. Я записала эти истории, в том числе и на пленку, хотя мне самой в тот момент все это тоже казалось далеким прошлым, все быльем поросло. Еще не при шло время для воспоминаний. Трудно было осознать – этих детей спасали или репрессировали? учили или промывали мозги? завлекали или принуждали? И в то же время в этих рассказах было немало комического. Переварить все это без юмора было бы невозможно. В книге описаны эпизоды из реальной жизни. Имена изменены. В судьбе каждого из героев повествования отразились ситуации из жизни нескольких реальных людей. Я могла бы вообразить себя писателем. Но я им никогда не была. Я могу представить лишь журналистскую версию – взглянуть на великие события глазами рядового человека. Эне Хион
	COVER	Translator’s Foreword I have known the author of this not-book for a very long time—so long that I dare not even mention the number. Moreover, I dare to consider her a colleague in my

	Dedicated to those whose stories, photos, and documents this book was based on This is a story about children caught in the gears of life at a pivotal moment in history. It takes place during World War II when a hundred Estonian children are evacuated to Russia. The times are tumultuous, ideological, deadly, and criminal, but to them, it's just their childhood. I encountered the characters of this book at a time when people were singing at nighttime song festivals, the land was brimming with a longing for freedom, and the media was buzzing with politics. My sixth sense told me that this unusual experiment conducted on these children could not be overlooked. I recorded and wrote down everything, even though the story seemed like ancient history to me at the time, with a gray beard already in my mouth. The time was not yet ripe for recollections. Were these children rescued or repressed, taught or brainwashed, persuaded or coerced? And at the same time, the story is filled with comedy. Without humor, it would be impossible to digest what happened. Here, you will find episodes based on true events. The characters' narratives have been condensed, and names have been changed. Each character may encompass elements from the destinies of multiple real people. I could imagine myself as a writer. But I am not one. I can only present a journalist's fiction, viewing events from the perspective of ordinary people. Ene Hion	primary profession as a journalist. An outstanding colleague. Ene Hion can serve as an example of how the "I" of a journalist always takes a back seat to the "I" of the person the journalist is presenting to the public. However, a journalist is not just a microphone stand. Ene Hiion, as a journalist, has always been distinguished by her competence in the subjects her broadcasts and other materials were dedicated to, and by her clear authorial stance, which did not prevent her from presenting positions different from her own. Despite our long acquaintance, I was shocked when I opened this book. Shocked, primarily by what befell those children—my almost contemporaries—although my own childhood during and after the war was far from perfect. But even more, I was struck by the author's sincere empathy for her heroes. I honestly admit that I, a person not prone to sentimentality, could hardly hold back tears while translating some pages. Furthermore, as someone who has long been interested in the history of Estonia—having lived here since 1944, that is, since the age of three—I discovered many new things reflected in the fates of the characters in this sorrowful yet optimistic story. I believe that even readers well-acquainted with the fate of the Estonian people will have their eyes opened to much through this book. Leivi Sher Dedicated to those whose stories, photos, and documents this book was based on Cover Note This is a story about children caught in the gears of human history at one of its turning points. The Second World War is ongoing. A hundred children are evacuated from Estonia to Russia. The time is horrific, ideological, deadly, and criminal, but for them, it's simply childhood. I encountered the heroes of this book when our people sang at night song festivals, the country was pregnant with the desire for freedom, and the press was boiling with political passions. A sixth sense told me that I could not ignore the horrific experiment conducted on these human children. I recorded these stories, including on tape, although at that moment, it all seemed like a distant past, overgrown with

					weeds. The time for memories had not yet come. It was difficult to understand—were these children being saved or repressed? Educated or brainwashed? Enticed or forced? At the same time, there was a lot of comedy in these stories. Digesting all this without humor would have been impossible. The book describes episodes from real life. Names have been changed. The fate of each hero in the narrative reflects situations from the lives of several real people. I could imagine myself as a writer. But I have never been one. I can only present a journalistic version—a view of great events through the eyes of an ordinary person. Ene Hion
101.	2021	Tule tagasi, helmemänd	Jaan Kaplinski	Poetry	Вернись, янтарная сосна (Поэтические вариации Екатерины Вельмезовой) / Come back, amber pine (Poetic variations by Ekaterina Velmezova)
	AUTORI MÄRKUS Metasekvoia (Metasequoia glyptostroboides) on okaspuu, mis, nagu tema lähedased sugulased, päris-sekvoiad, mammutipuud, sooküpresid ja paljud teised, veel tertsiaariajastul, mõnekümne miljoni aasta eest, kasvas meiegi aladel. Jääaegadel hävis see uhke taimestik, temas jäid mõnesse parema kliimaga paika üksikud riismed. Palju tollaseid taimi on välja surnud ja väljasurnuks peeti ka fossiilsena tuntud metasekvoiat, kuni 1944. aastal äkki leiti seda puud kasvamas Kesk-Hiina mägedes. Paraku ei ole helmemänd (Pinus succinif era) kuskil säilinud. Helmemänni vaigust on tekkinud enamik merevaiku, mida aastatuhandeid korjatakse Läänemere rannaliivast Saaremaast Poolani. Яан Каплински. Возвращайся, янтарная сосна. Стихи на эстонском языке. Luuletaja seitsmes kogu, mille juhatab sisse kimbuke juba ilmunud luuletusi. Järgnevate tsüklite luuleaine on jätkuvalt kaplinskilik – maailma ühtsus ja haprus, põlvkonnasidemed, elu saladused, inimese vastutus oma aja ees. Kogu lõpetab proosaluuletus ehk fu „Luuletamise kunstist“, mis jätkab eespool alustatud mõtisklust luule ja elu vahekorra, selle teate üle, mida luuletaja kõikjalt enda ümbert leiab ning oma lugejatele vahendab.				Примечание автора Метасеквойя (Metasequoia glyptostroboides) – хвойное дерево, которое, как и его ближайшие родственники – секвойи, мамонтовы деревья, болотные кипарисы и многие другие, – еще в третичную эпоху, несколько десятков миллионов лет назад, росло на нашей земле. Во время ледникового периода эта великолепная растительность погибла, и лишь в некоторых местах с лучшими климатическими условиями сохранились отдельные ее остатки. Многие тогдашние растения вымерли, вымершей считали и известную по окаменелостям метасеквойю – пока в 1944 году не обнаружилось, что это дерево растет в горах Центрального Китая. Янтарная же сосна (Pinus succinifera), к сожалению, нигде не сохранилась. Из смолы этого дерева образовалась большая часть янтаря, который тысячелетиями собирают на побережье Балтийского моря – от Сааремаа до Польши. Комментарии 50. Написанное вместе с Тийей Тийа Тоомет (Tiia Toomet, род. в 1947 г.) – жена Яна Каплинского, эстонский писатель. 102. Слушая, как Пауль-Ээрик читает студентам свою пьесу.

		Пауль-Ээрик Руммо (Paul-Eerik Rummo, род. в 1942 г.) – эстонский писатель и поэт, драматург и политик. 106. Картина Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня» Написанное в 1912 году полотно «Купание красного коня» – одна из известнейших картин Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939). 121. «Об искусстве поэзии» ••• враждебность психологов к бородам – на фоне портрета Павлова, и враждебность психиатров – на фоне портрета Крепелина. Иван Петрович Павлов (1849–1936) – русский и советский ученый, физиолог, исследователь высшей нервной деятельности. Эмиль Крепелин (1856–1926) – немецкий психииатр, считающийся одним из основателей современной психиатрии. ••• несмотря на никому тогда не известного Кристьяна Яака, несмотря на Юхана Лийва, Густава Суйтса… Кристьян Яак Петерсон (Kristjan Jaak Peterson, 1801– 1822) – эстонский поэт, считающийся основоположником эстонской национальной литературы. Юхан Лийв (Juhan Liiv, 1864-1913) – эстонский поэт прозаик, Густав Суйте (Gustav Suits, 1883·1956) - эстонский поэт и литературовед. ... петь «иди к вершинам гор». "Иди к вершинам гор» – патриотическая песня на слова эстонского теолога и языковеда Михкеля Веске (Mihkel Veske, 1843–1890), положенные на музыку Карлом Августом Германом (Karl August Hcrmann. 1851–1909). Я нашел этот текст на чердаке, где мы были с Эло-Малл – она рылась в корзине с клубками веревки, а я в стопке рукописей. Эло-Малл Тоомет (Elo-Mall Toomet, род. в 1981 г.) – дочь Яна Каплинскоro и Тийи Тоомет.

		Прочитав, я подумал, что надо бы предложить этот текст в журнал *Looming* – его действительно можно напечатать. *Looming* – эстонский литературный журнал. …как я научился это делать теперь, после того, как в течение двенадцати лет проводил летние месяцы в Мутику, где сходятся Тартумаа и Вырумаа, приходы Камбья и Канепи и лесные хозяйства Элва и Ряпина… Мутику – хутор в эстонском уезде, принадлежащий Яну Каплинскому. Тартумаа и Вырумаа – эстонские уезды. Камбья – в настоящее время волость в составе эстонского уезда Тартумаа. Канепи – в настоящее время волость в составе эстонского уезда Пылвамаа. Элва и Ряпина – в советское время лесные хозяйства вокруг одноименных городов. Екатерина Вельмезова PS. О «поэтических вариациях», или еще раз о принципиальной непереводимости поэзии Почему «поэтические вариации», а не просто переводы? Любой перевод неверен, любой перевод неточен, любой перевод – это потери, в жизни и так много потерь, зачем же еще и здесь ... вживалась в переводимое, и стихи наполнялись иной жизнью, начинали дышать по-новому, обретая не только другую форму (неизбежное!), но и новый смысл ... Нет, я не всегда хотела сказать по-русски именно то, что по-эстонски было написано в строках Яна Каплинского, и о «мере точности» здесь говорить не надо, не надо. Для строк Поэта порой выбиралось иное прошлое, и так у них появлялось другое будущее… Переводы становились поэтическими вариациями. Слова рождались из слов… В известной статье о лингвистических аспектах перевода классик филологии прошлого века Роман Якобсон приходит к выводу о принципиальной непереводимости поэзии. Прибегая же к терминам Якобсона из другой, еще

		более известной его работы, можно говорить о том, что центральная и определяющая в поэтическом тексте функция порой – особенно при переводе – вступает в конфликт со всеми прочими, и последними часто приходится пренебрегать в угоду именно функции-доминанте. Следовательно, оценивать перевод поэтического текста, к примеру, по степени соответствия знаменательных слов в переводе и оригинале, как это предлагал еще один классик русской филологической традиции Михаил Леонович Гаспаров, кажется ошибочным: при таком подходе наиболее точным переводом оказывается ... подстрочник, в чем убеждает сравнение разных переводов текстов, которые особенно полюбились переводчикам на тот или иной язык: верленовскоro Il pleure dans mon cœur, например, переводившегося на русский десятки раз. Впрочем, и сам Гаспаров, обладавший тончайшим филологическим слухом, утверждал, что точное вовсе не обязательно синоним лучшего. Согласимся с гениальным Набоковым: буквальный перевод в той или иной мере всегда бессмыслен. Даже при возможно искреннем желании переводчика верно следовать оригиналу ни о какой точно говорить не приходится: любой перевод предполагает определнные потери, и иногда потери довольно значительные. Подарив русскоязычному читателю шекспировские сонеты, Маршак (слишком?) многое из Шекспира и духа его эпохи затушевал. Знаменитое лермонтовское *На севере диком стоит одиноко*… кажется, даже отдаленно не передает настоящей трагедии романтическоro оригинала Гейне – впрочем, многие ли из нас, выучив еще в школьные годы это подписанное Лермонтовым стихотворение, вообще знают или помнят о том, что это перевод? Интересно, что до определенного момента истории (какого – это уже отдельный вопрос) переводящий как будто оставлял за собой право не сообщать будущему читателю о том, что перед последним перевод. Впрочем, в современном смысле – часто нацеленном нменно на точность – о переводе речь тогда и впрямь могла не идти. «Переводящий» тем самым давал себе право менять исходный текст – в соответствии с собственными вкусами, интересами и желаниями, неизменно обогащая при этом принимающую культуру. Сегодня понятие перевода налагает на переводчика гораздо больше обязательств. Кроме того, многое зависит и от традиции. Как верно заметила однажды Ольга Александровна Седакова, при всех ее огромных заслутах

		советская школа перевода во многом вытеснила традицию так называемого авторского перевода, отличающегося от перевода более (в настоящее время) традиционного прежде всего изначальной установкой: при авторском переводе «перевод сам по себе» основной задачей переводящего не является, но «переводчик отвечает автору… как один человек отвечает другому», вместо того чтобы ставить себя в «какое-то как будто нейтральное безличное пространство, в «традицию» перевода». Действительно, сегодня в большинстве случаев отступление от оригинала переводоведами – которых теперь так много. . . – неизменно замечается, и замечания эти часто отнюдь не в пользу переводящего, хотя в настоящее время и существует ряд концепций, предлагающих и вовсе забыть об оценках перевода, дающих переводчику столько же прав, сколько и самому автору. Так что же делать, если изменить оригиналу велят порой и сердце, и поэтический слух? Что же делать, если нельзя не перевести, нельзя не написать – но нельзя и не изменить? Писать в стол? Скрывать существование источника - и однажды быть обвиненным в плагиате? Или же – не облекаясь в одежды автора и не наряжая его в собственные одежды, говоря о точности перевода и имея в виду (и) точность ощущения – все же дарить тексту право на жизнь, не кривя душой и и не претендуя на точность – принципиально невозможную, повторюсь, даже в самых точных переводах поэтических текстов? Для таких случаев я и предложила бы понятие «поэтической вариации». Спасибо Яну, прочитавшему рукопись, за согласие на публикацию этой книги. Еже писах, писах Послесловие к послесловию Впрочем, в большинстве случаев отступления от оригинала в этом сборнике незначительны. О некоторых конкретных примерах трансформации перевода в поэтическую вариацию говорится в двух статьях, указанных в конце прилагаемой ниже библиографии. Обо всех других - речь еще впереди.
	AUTHOR'S NOTE Metasequoia (Metasequoia glyptostroboides) is a coniferous tree that, like its close relatives such as the true sequoias, redwoods, bald cypresses, and many	AUTHOR'S NOTE Metasequoia (Metasequoia glyptostroboides) is a coniferous tree that, like its closest relatives—the sequoias, redwoods, bald cypresses, and many others—grew in our

	others, grew in our region during the Tertiary period tens of millions of years ago. During the Ice Ages, this magnificent vegetation perished, with only isolated remnants surviving in areas with more favorable climates. Many plants from that era have become extinct, and the metasequoia, known as a fossil, was also considered extinct until it was unexpectedly discovered growing in the mountains of central China in 1944. Unfortunately, the amber pine (Pinus succinifera) has not been preserved anywhere. Amber has formed from the resin of the amber pine, and for millennia, it has been collected from the Baltic Sea shore sands, from Saaremaa to Poland. Jaan Kaplinski. Come back, amber pine. Poetry in Estonian. This is the poet's seventh collection, introduced by a small selection of previously published poems. The themes of the following cycles continue to reflect the quintessentially Kaplinski-like focus on the unity and fragility of the world, generational connections, the mysteries of life, and the responsibility of individuals toward their time. The collection concludes with a prose poem or "fu" titled *On the Art of Poetry*, which continues the earlier reflections on the relationship between poetry and life, and on the messages the poet finds in everything around and conveys to the readers.	lands during the Tertiary period, several tens of millions of years ago. During the Ice Ages, this magnificent vegetation perished, with only isolated remnants surviving in areas with more favorable climates. Many plants from that time have become extinct, and the metasequoia, known from fossils, was also considered extinct until it was discovered growing in the mountains of central China in 1944. Unfortunately, the amber pine (Pinus succinifera) has not been preserved anywhere. Most of the amber, collected for millennia from the Baltic Sea shores—from Saaremaa to Poland—was formed from the resin of this tree. Comments 50. Written together with Tiia. Tiia Toomet (b. 1947) is Jaan Kaplinski's wife, an Estonian writer. 102. Listening to Paul-Eerik reading his play to students. Paul-Eerik Rummo (b. 1942) is an Estonian writer, poet, playwright, and politician. 106. Kuzma Petrov-Vodkin's painting "Bathing of a Red Horse." The 1912 painting "Bathing of a Red Horse" is one of the most famous works of Kuzma Sergeevich Petrov-Vodkin (1878-1939). 121. On the Art of Poetry. Psychologists' hostility towards beards is contrasted with a portrait of Pavlov and psychiatrists' hostility with a picture of Kraepelin. Ivan Petrovich Pavlov (1849-1936) was a Russian and Soviet scientist, physiologist, and researcher of higher nervous activity. Emil Kraepelin (1856-1926) was a German psychiatrist, considered one of the founders of modern psychiatry. Despite the then-unknown Kristjan Jaak, despite Juhan Liiv, Gustav Suits...

		Kristjan Jaak Peterson (1801-1822) is considered the founder of Estonian national literature. Juhan Liiv (1864-1913) was an Estonian poet and writer. Gustav Suits (1883-1956) was an Estonian poet and literary scholar. ...sing "Go to the Mountain Peaks." "Go to the Mountain Peaks" is a patriotic song with lyrics by Estonian theologian and linguist Mihkel Veske (1843-1890) set to music by Karl August Hermann (1851-1909). I found this text in the attic, where I was with Elo-Mall—she was rummaging in a basket of rope balls, and I was in a stack of manuscripts. Elo-Mall Toomet (b. 1981) is the daughter of Jaan Kaplinski and Tiia Toomet. After reading it, I thought I should suggest this text to the magazine *Looming*—it truly deserves to be published. Looming is an Estonian literary magazine. ...as I have learned to do now, after spending twelve summer months in Mutiku, where Tartu County and Võru County meet, the parishes of Kambja and Kanepi and the forest enterprises of Elva and Räpina converge. Mutiku is a farm in an Estonian county belonging to Jaan Kaplinski. Tartu County and Võru County are Estonian counties. Kambja is currently a parish in Tartu County, and Kanepi is a parish in Põlva County. Elva and Räpina were forest enterprises around the towns of the same name during the Soviet era. Ekaterina Velmezova PS. On "Poetic Variations," or Once Again on the Fundamental Untranslatability of Poetry Why "poetic variations" and not just translations? Any translation is inaccurate; any translation is a loss. Life is full of losses already; why add more here... immersing oneself in the translation, the poems took on a new life and began to breathe anew,

		acquiring a different form (inevitable!) but also a new meaning... No, I didn't always want to say in Russian exactly what was written in the lines of Jaan Kaplinski in Estonian, and there is no need to talk about "degree of accuracy" here. For the Poet's lines, a different past was sometimes chosen, thus giving them a different future... Translations became poetic variations. Words were born from words... In his famous article on the linguistic aspects of translation, the classic of 20th-century philology Roman Jakobson concludes that poetry is fundamentally untranslatable. Using Jakobson's terms from another of his well-known works, we can say that the central and defining function of a poetic text sometimes conflicts with all others, especially in translation, and the latter often has to be neglected in favor of the dominant function. Therefore, evaluating a poetic translation by the degree of correspondence between significant words in the translation and the original, as proposed by another classic of the Russian philological tradition, Mikhail Leonovich Gasparov, seems erroneous: by this approach, the most accurate translation turns out to be a literal one, as demonstrated by comparing different translations of texts that have been particularly favored by translators into a given language, such as Verlaine's "Il pleure dans mon cœur," which has been translated into Russian dozens of times. However, even Gasparov, with his keen philological ear, asserted that accuracy is not necessarily synonymous with the best. Let's agree with the brilliant Nabokov: a literal translation is always, to some extent, meaningless. Even with the most sincere desire of the translator to follow the original faithfully, it is impossible to speak of true accuracy: any translation involves certain losses, sometimes quite significant. While presenting Shakespeare's sonnets to the Russian-speaking reader, Marshak (perhaps too much?) obscured much of Shakespeare and the spirit of his era. Lermontov's famous "Alone it stands in the wild north" does not even remotely convey the real tragedy of Heine's romantic original—though how many of us, having learned this poem by Lermontov in school, even know or remember that it is a translation? Interestingly, until a certain point in history (which is a separate question), translators seemed to reserve the right not to inform future readers that the work before them was a translation. In modern terms—often focused on accuracy—this might not have been considered a translation at all. The "translator" thus allowed himself to alter the

		original text in accordance with his own tastes, interests, and desires, invariably enriching the recipient's culture in the process. Today, the concept of translation imposes far more obligations on the translator. Moreover, much depends on tradition. As Olga Alexandrovna Sedakova once rightly noted, despite its enormous merits, the Soviet school of translation largely displaced the tradition of so-called authorial translation, which differs from more (currently) traditional translation primarily in its original approach: in authorial translation, "translation itself" is not the main task, but "the translator answers the author... as one person answers another," instead of placing himself in "some seemingly neutral impersonal space, in the 'tradition' of translation." Indeed, today, in most cases, deviations from the original are invariably noted by translation studies experts—of whom there are now so many—and these comments are often not in favor of the translator, although several modern concepts propose forgetting about evaluating translations altogether, giving the translator as many rights as the author. So what should be done if the heart and poetic ear sometimes command altering the original? What if one cannot refrain from translating, cannot refrain from writing—but cannot refrain from changing as well? Write for the drawer? Hide the existence of the source and risk being accused of plagiarism? Or, without pretending to be the author and without dressing the author in one's own clothes, while speaking of the accuracy of translation and meaning (also) the accuracy of feeling, still give the text the right to life, without falsehood and without claiming accuracy—fundamentally impossible, I repeat, even in the most precise translations of poetic texts? For such cases, I would propose the concept of "poetic variation." Thanks to Jaan for agreeing to the publication of this book after reading the manuscript. **Eje pisakh, pisakh** **Postscript to the Postscript** However, in most cases, the deviations from the original in this collection are insignificant. Specific examples of the transformation of translation into poetic variation are discussed in two articles mentioned at the end of the bibliography below. The rest will be addressed in due course.

102.	2021	Elupiletiga Venemaalt: 99,99	Atlas, Thavet	Novels	Билет на двоих: из России в жизнь 99,99

Autor tänab ka AS Saku Õlletehast, kes annetas teose hüvanguks kaks plokki Baltika õlut. Kahjuks ise juua ei saanud, pidades kõik selle kalli kraami Säästumarketi ees maha müüma – kõik esi- ja tagavarad läksid trükikuludeks.

Elagu Baltika, parim õlu Venemaal! Proovige, te ei kahetse mitte! Ehk vaid järgmisel hommikul. Aga see on alati ju nii olnud. 😊

Igaühel meist on oma kaitselinnuke – esmakordseltt koputab ta aknale, kui sa ilmale tuled. Otse sünnitusmaja aknale kopsib kui südametukse. Enamasti keegi ei märka teda, sageli ei tea isegi ta olemasolust.

Ingellind tuleb lennates ja koputab taas, kui oled hädas, valudes piineldes otse manalatee hakul roomad, Sind sealt ärkvele toksides, seismaks oma elukestmise eest. Vahel saadavad teda kaaslased-abilised, seda kergem Sul on. Et võidelda. Ennast edasi kandmaks. Ingel on vaid ärataja. Roomamisest püsti tõusta pead Sa ise suutma. Ja pead väga uskuma. Eelkõige Elu ennast, tema poolt Sulle ulatatud imesse. Sellesse ainult ühekordselt väljastatud piletisse.

COVER

Thavet Atlase romaan “Elupiletiga Venemaalt” on oskuslik kombinatsioon kaasahaaravast armastusloost ning fantastilisest seiklusjutust. Romaani tegevus viib meid küll tänapäeva Venemaale, ent kahes, omavahel esialgu raskesti kokkusobivas loos antakse ohtralt vihjeid ka aja- ja kultuuriloole, esitatakse vaimukaid mõttekäike Venemaa argielu kohta ning polemiseeritakse ohtralt ka mitmesuguste ajalooliste sidemete üle. Hargnev lugu on esitatud napi, minimalistikult terava ja täpse huumoriga, mida iseloomustavad näitemängulised dialoogid ja olukorrad ja kus kõik on samas looritatud ka mingit laadi peidetud melanhooliaga. Kõik see meenutab stiililt Vene 20. sajandi kirjanike, nagu Venedikt Jerofejev ja Viktor Pelevin, loomingut, aga mingis mõttes ka Eesti kultushumoristi Andrus Kivirähki oma.

Romaani tegelased, nagu kirjanik Ernest Hemingway, Jack London, Lev Tolstoy seiklevad Tuula ja Kurski lähistel koos Eesti ajalooliste suurkujude, kunstniku Johann Köleri ning maadleja Georg Lurichiga, kaaslasteks veel kirjanduslikud-folkloorsed tegelased Ostap Bender, juuraja Max Otto von

Автор благодарит жену Юлию за вдохновение для написания этой книги и помощь в ее издании.

Автор также благодарит АО Сакуский Пивзавод, которое пожертвовало для продвижения этого литературного произведения два блока пива «Балтика».

К сожалению, самому автору ничего не досталось, он вынужден был распродать драгоценное пожертвование перед торговым центром Сяястумаркет – доход пошел на покрытие типографских расходов.

Да здравствует «Балтика», лучшее пиво в России! Попробуйте – и вы не пожалеете! Может быть, только на следующее утро. Но так ведь было всегда.

У каждого из нас есть своя птица-оберег. В самый первый раз она стучится в окно, когда ты появляешься на свет. Да-да, прямо в окно родильного дома, и этот стук похож на биение твоего сердечка.

Чаще всего эту птицу никто не замечает, да и не слышит, большинство даже не подозревают о ее существовании. Птица-Ангел прилетает вновь и стучится в окно, когда ты оказываешься в беде, когда, мучаясь от боли, ползком приближаешься к финальной черте. Она пробуждает Тебя своим стуком, призывает подняться, продолжить свой земнои путь, существование, жизнь.

Иногда птицу сопровождают помощники, Тебе становится еще легче. Прибавляются силы для борьбы. Для движения вперед. Ангел всего лишь пробуждает. Но подняться, встать с колен Ты должен сам. И для этого Тебе необходимо верить. Прежде всего в Жизнь, в чудо, которое она Тебе доверила. В билет, выданный лишь в один конец.

COVER

Роман Тавета Атласа «Билет на двоих: из России в жизнь» – виртуозное сочетание трогательной любовной истории и невероятного фантастического

	Stirlitz ning militsionäär Onu Stjopa. Pöörase kamba omamoodi sidujaks ja sündmuste käivitajaks on raamatu peategelane, Eestist Venemaale armastatud naise juurde siirdunud Roland, kes traagilistel ja veidi segastel põhjustel on kontakti oma kaasaga kaotanud ning eksleb nüüd donquijotelikult kui sihitu sõdur mööda talle praktilisel tasandi tuttavat, kuid olemuslikult siiski võõrast Venemaa keskkonda… Seega võib lõpetuseks märkida, et “Elupiletiga Venemaalt” on tugevalt sentimentaalse sõnumiga teos, mida võib mööndustega nimetada isegi lemberomaaniks. Samas on teose sisu eklektiline ja mitmetahuline stiil muutlik, sisaldades ka väiksemaid metatekste ja isegi poeesiat. Terava ja haarava dialoogi kaudu vastab see kindlasti paljude lugejate tänapäevastele ootustele. Lauri Leet, 06.01.2013	приключения – по стилю напоминает творчество таких русских писателей XX века, как Венедикт Ерофеев и Виктор Пелевин. Действие романа переносит нас в современную Россию, где по воле автора мы оказываемся в нереально пёстрой компании: писатели Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Лев Толстой вместе со знаменитыми эстонцами - художником Йоханом Кёлером и атлетом-борцом Георгом Лурихом – в сопровождении неунывающего авантюриста Остапа Бендера, разведчика Макса Отто фон Штирлица и русского милиционера Дяди Стёпы бороздят просторы Тульской и Курской областей, попадая в самые невероятные ситуации. Связующим звеном и своеобразным импульсом их деятельности служит гражданин Эстонии Роланд: он поехал в Россию к любимой девушке, с которой познакомился по интернету, но в результате непредвиденных драматических событий потерял с ней связь и, лишенный средств и контактов, вынужден бесцельно блуждать в чужеродной ему среде. По ходу всех этих блужданий и перемещений, в борьбе за существование мужская компания отчаянно дискутирует, полемизирует, рассуждая о нациях и национальностях, об истории и культуре, о политике и повседневности, о ненависти и любви. Тавет Атлас относит себя к писателям-фантастам, но в этом любовно-приключенческом романе, где властвует фантасмагория, эксцентрика, парадокс, – фантаста побеждает романтик, о чем свидетельствуют вкрапления стихов, сказки и, конечно же – возвышающий финал. Своей злободневностью и пронзительной лиричностью книга, несомненно, вызовет интерес современного читателя.
	AUTHOR'S NOTE The author also thanks AS Saku Brewery, who donated two cases of Baltika beer for the benefit of this work. Unfortunately, he could not drink it himself, as he sold all this precious stuff in front of Säästumarket to cover printing costs. Long live Baltika, the best beer in Russia! Try it, you won't regret it! Maybe only the next morning. But that's always been the case. 😊	AUTHOR'S NOTE The author thanks his wife Julia for the inspiration to write this book and for helping with its publication. The author also thanks AS Saku Brewery, which donated two cases of Baltika beer for the promotion of this literary work. Unfortunately, the author himself did not get any, as he had to sell the precious donation in front of the Säästumarket to cover printing costs. Long live Baltika, the best beer in Russia! Try

	Each of us has our guardian bird—it taps on the window for the first time when you come into the world. It knocks on the maternity ward window like a heartbeat. Mostly, no one notices it, often not even knowing of its existence. The angel bird comes flying and taps again when you are in trouble, suffering in pain, crawling at the edge of death, waking you up to fight for your life. Sometimes it is accompanied by companions-helpers, making it easier for you. There is no struggle. Just to carry yourself forward. The angel is merely a waker. You have to be able to rise from crawling to standing on your own. And you have to believe deeply. Above all, in Life itself, in the miracle it offers you. This one-time ticket. COVER Thavet Atlas's novel "With a Ticket of Life from Russia" is a skillful combination of an engaging love story and a fantastic adventure tale. The novel takes us to contemporary Russia, where two initially difficult-to-reconcile stories provide ample hints of historical and cultural background, offering witty insights into Russian everyday life and debating various historical connections. The unfolding story is presented with concise, sharply minimalist humor, characterized by theatrical dialogues and situations, all veiled with a certain hidden melancholy. This style is reminiscent of the works of 20th-century Russian writers like Venedikt Yerofeyev and Viktor Pelevin, but also, in a sense, the Estonian cult humorist Andrus Kivirähk. The novel's characters, such as writers Ernest Hemingway, Jack London, and Leo Tolstoy, adventure through the historical settings of Tula and Kursk alongside Estonian historical figures, painter Johann Köler, and wrestler Georg Lurich. They are joined by literary-folkloric characters Ostap Bender, secret agent Max Otto von Stirlitz, and the policeman Uncle Styopa. The connecting figure and catalyst for the events is the novel's protagonist, Roland, who moved from Estonia to Russia to be with his beloved. Due to tragic and somewhat confusing reasons, he has lost contact with her and now wanders aimlessly like a Don Quixote through a familiar yet fundamentally foreign Russian environment.	it—you won't regret it! Maybe only the next morning. But it has always been that way. Each of us has our guardian bird. It taps on the window for the first time when you come into the world. Yes, right at the window of the maternity ward, and this knock is like the beating of your heart. Most often, no one notices or hears this bird, and many are unaware of its existence. The Angel Bird comes again and taps on the window when you are in trouble, crawling in pain near the final line. It wakes you up with its knock, urging you to rise, to continue your earthly path, your existence, your life. Sometimes the bird is accompanied by helpers, making it even easier for you. Strength is added for the struggle, for moving forward. The Angel is merely the awakener. But you must rise from your knees yourself. And for that, you need to believe. Above all, in Life, in the miracle it has entrusted to you. In the one-way ticket, it has given you. COVER Thavet Atlas's novel "A Ticket for Two: From Russia to Life" is a skillful combination of a touching love story and an incredible fantastic adventure. Its style is reminiscent of the works of 20th-century Russian writers like Venedikt Yerofeyev and Viktor Pelevin. The action of the novel takes us to contemporary Russia, where we find ourselves in an unrealistically colorful company: writers Ernest Hemingway, Jack London, and Leo Tolstoy, along with famous Estonians—painter Johann Köler and athlete-wrestler Georg Lurich—accompanied by the indomitable adventurer Ostap Bender, secret agent Max Otto von Stirlitz, and the Russian policeman Uncle Styopa. They roam the expanses of Tula and Kursk regions, getting into the most incredible situations. The connecting link and the driving force of their activities is Roland, an Estonian who went to Russia to meet a girl he had fallen in love with online. Due to unforeseen dramatic events, he loses contact with her and, deprived of means and connections, is forced to wander aimlessly in an unfamiliar environment.

	In conclusion, "With a Ticket of Life from Russia" is a work with a strongly sentimental message, which could be loosely categorized as a romance novel. At the same time, the content is eclectic, with a multi-faceted and changing style, including smaller meta-texts and even poetry. Through sharp and captivating dialogue, it certainly meets the modern expectations of many readers. Lauri Leet, 06.01.2013				Throughout all these wanderings and movements, in the struggle for existence, the male company fiercely debates and discusses nations and nationalities, history and culture, politics and everyday life, hatred, and love. Thavet Atlas considers himself a science fiction writer, but in this love-adventure novel, where phantasmagoria, eccentricity, and paradox reign, the romantic triumphs over the fantastic, as evidenced by the inclusions of poems, fairy tales, and, of course, the uplifting finale. With its topicality and poignant lyricism, this book will undoubtedly attract the interest of contemporary readers.
103.	2021	Luulekogu	Triin Soomets	Poetry	Вешалка вечности. Том 2 / Poetry
	n/a				ОТ ПЕРЕВОДЧИКА: Однажды ярким солнечным днем, на пляже, ко мне припорхнула стайка молоденьких женщин, совсем юных и очень хорошеньких. Вероятно, они некоторое время совещались перед тем, как подлететь, потому что не загомонили, а заговорила только одна: «Спасибо, что заступились за нас! Это так важно, ведь на нашу сторону никто и никогда не становится, считается, что это мы виноваты во всех семейных бедах, а на самом деле...» Постепенно я разобралась, о чем идет речь: я перевела стихотворение Трийн Соометс «Письмо любовниц». И большая цитата из него была опубликована на двух языках в утренней газете. Стихотворение заканчивается припиской: «256 подписей», и милые прелестницы хотели бы тоже расписаться под этим лирическим гимном. То есть они вроде и понимали, что Трийн использовала такой прием: написала от имени многих – не от лирического «я», а редкого в обиженно-горьких стихах «мы» (обычно «я» декларирует свою позицию наперекор всем, наперекор «мы», наперекор общественному мнению, наперекор обывательскому уюту и неколебимому самодовольству замужних женщин), - но хотели отнести ее поэтическое высказывание не только к литературе, но и к реальности. Мы привыкли, что лирическое «я» кричит: «Как живется вам с стотысячной...», а Трийн говорит: «У нас нет больше сил заботиться о ваших мужьях / сделайте хоть что-нибудь сами / дайте им

		любовь...» И читательницы объяснили мне, что поэт этими стихами разговаривает с миром их хором. Трийн Соометс любит повторы, припевы, словно рассматривает алмаз слова, поворачивая его разными гранями; повтор и припев - это ведь самое трудное в стихотворении, поскольку всякий раз поэт обязан сообщить читателю что-то новое; формально он воспроизводит те же буквы, но огласовка их смысла меняется, переливается, прирастает значениями; повторы нагревают высказывание, и оно невольно расширяет свои значения. Я нахожу в стихах Трийн отзвуки мировой женской поэзии – поэзии несчастной любви, одиночества, непонимания... Разве мужчины-поэты не пишут об этом? Пишут, но по-другому. И потому истинно женское мне очень дорого в стихах Трийн. Я разделяю людей на мужчин и женщин, мне нравится, когда перед женщиной открывают двери и пропускают ее вперед, когда ей подают пальто, пододвигают стул и дарят цветы. Но поэзия – это тяжелая, мучительная, испепеляющая мужская работа и, на мой взгляд, нужно обладать огромным мужеством, чтобы сохраниться в ней женщиной. Карл Мартин Синиярв – человек и поэт предельно ироничный. Но ирония в поэзии всегда есть форма грусти. Я люблю грустных людей: не страдающих и рыдающих, не гогочущих и ликующих, а спокойно-грустных. Женщине невозможно представить, что обожающий ее мужчина, которого она, например, отвергла, будет есть пельмени, не отвлекаясь от мысли о самоубийстве. Для женщины такое известие было бы оскорбительно, ей бы хотелось, чтобы мысли мужчины о самоубийстве сопровождались неутоленными голодом и жаждой, так было бы красивее и эстетичнее. Но и в самые трагические минуты человек все-таки ест, иногда даже ет больше, чем обычно, и не потому только, что, как сегодня говорят, «заедает горе», нет, просто есть моменты, когда нужно остаться одному, и тогда еда может стать единственным собеседником. И это не совсем шутка, знаете, такой смех сквозь слезы. При том, что мужчины не плачут. Вечность, вечные темы, остановленное время – спутники поэзии Синиярва. Вечность – это, вероятно, часы не только без секундной, но и без минутной стрелки. Но и у вечности есть свой строгий ритм и поэтический размер. Карл

		Мартин (что не так уж часто в эстонской и вообще современной европейской поэзии) пишет и рифмованные стихи, и ритмизованные верлибры, и обращается к совершенно свободным стихам, сохраняющим только графические признаки поэтического произведения. Но с прозой их все равно не спутать, поскольку в прозе не встречается такое спрессованное время, когда ты видишь следствие, но тебе не раскрывают причину. Рвутся обязательные логические связи: чистота внезапно становится синевой, а утро зеленым, но любой читатель каким-то образом догадывается, что за этими превращениями стоит длинная и кропотливая работа ума, сердца и природы. Я назвала этот сборник по одному маленькому стихотворению Карла Мартина – это такой ироничный крошечный фильм в духе Луиса Бунюэля или Роя Андерссона: в спины людей воткнуты ножи, и торчащие рукоятки моментально превращаются в удобные для развешивания, например, одежды крюки; вполне вероятно, что у Бунюэля на такой крюк повесили бы домашний халат, а у Роя Андерссона нож время от времени вынимали бы, нарезали ветчину, а потом вставляли обратно в уютные ножны раны. «Вешалка вечности» — это не горькое размышление о предательстве, а шутка о сущности человеческих отношений – без малейшей обиды или злобы. Я знаю Карла Мартина с рождения, он ровесник моей дочери, квартира его дедушки и бабушки, а потом родителей была над моей квартирой; за стенкой обеих квартир звучали звуки фортепиано – в писательском кафе «Пегас» каждый мог подойти к инструменту; под эти звуки Карл Мартин и засыпал, может быть, они заложили основы ритмики его стихов? Вероника Кивисилла – поэт признаний, поэт той степени откровенности, которая может возникнуть в поезде дальнего и медленного следования: люди начинают рассказывать о себе самое сокровенное, самое потаенное; их оберегает скорое расставание, они никогда больше не встретятся, а потому нет барьера осторожности, риска ошибки, боязни пожалеть о своей душевной распахнутости. Мы узнаём о лирической героине всё, что можно узнать о любящей женщине: она ждет, она надеется, она прислушивается к скрипу калитки, сад пронизывается солнцем и пропитывается дождем; я представляю себе ее загородный дом (я не хочу узнавать, где она живет на самом деле, хотя могу спросить, мы часто видимся), я ощущаю, как она старается не посягать

		любовью на своих детей, не отнимать у них свободу, хотя отпустить на свободу своего ребенка – почти невозможный подвиг для матери. Я слышу ее разговор с мужчиной, он ей дорог: они говорят о барсуке, который каждому из них попался в лесу, может быть, это был один и тот же барсук, может быть, дело даже и не в барсуке, а в какой-то неразлучимой схожести восприятия жизни, может быть, их прошедшее время способно обратиться в будущее, а может быть, им хорошо именно так – просто поговорить о барсуке – нежность принимает самые удивительные и неповторимые формы. Я очень люблю ее стихи о детстве, о том первом мальчике, с которым связало ее предчувствие любви. Его звали Томми, а фамилию его она уже забыла, но ведь так и бывает в жизни: помнится только то, что формирует душу, что истончает ее и препятствует равнодушию... Всякое живое существо может растрогать Веронику: она способна сидеть над умирающей мышью, чтобы последние минуты этого крохотного создания не прошли в одиночестве... В сборник включены не только стихи Вероники, но и лирические новеллы, состоящие порой всего из нескольких предложений. Они выдают себя за дневниковые записи, случайные зарисовки, но, на самом деле, это не поспешная фотография, а тщательно продуманныи портрет, запечатлевший характер, оболочку человека или события, а потом заглянувший в глубину. Вероника Кивисилла приемлет жизнь такой, какая она есть (такое отношение к жизни дается лишь очень мудрым людям) она принимает жизнь в свои объятья. И жизнь смягчается, становится добрее, она откладывает в сторону колющие и режущие предметы - потому что ее любят. Елена СКУЛЬСКАЯ
	n/a	TRANSLATOR’S FOREWORD One bright sunny day, at the beach, a flock of young women, very youthful and quite pretty, fluttered up to me. They must have conferred before approaching because they didn't chatter; only one spoke: "Thank you for standing up for us! It's so important, as no one ever takes our side. It's always assumed that we are to blame for all the family's troubles, but in reality..." Gradually, I understood what it was about: I had

translated Triin Soomets's poem "The Letter of Mistresses," and a large excerpt from it was published in the morning newspaper in both languages. The poem ends with a note: "256 signatures," and these charming ladies wanted to sign under this lyrical anthem. They seemed to understand that Triin used a technique of speaking on behalf of many, not from the lyrical "I" but the rare in bitterly resentful poems "we" (usually, "I" declares its position contrary to everyone, against "we," against public opinion, against the cozy and unshakable self-satisfaction of married women). But they wanted to relate her poetic statement not only to literature but also to reality. We are used to the lyrical "I" shouting: "How are you doing with the hundred-thousandth...," while Triin says: "We have no more strength to care for your husbands / do something yourself / give them love..." And the readers explained to me that the poet speaks to the world with their choir through these verses.

Triin Soomets loves repetitions, and choruses, as if examining the diamond of the word, turning it at different angles; repetition and chorus are the most challenging in a poem because each time the poet must convey something new to the reader. Formally, the same letters are reproduced, but the vowelization of their meaning changes, shimmers, and grows with meanings; repetitions heat the statement, and it unwittingly expands its meanings.

I find echoes of global women's poetry in Triin's poems—the poetry of unhappy love, loneliness, misunderstanding... Don't male poets write about this? They do, but differently. And that is why the truly feminine is very dear to me in Triin's poems. I divide people into men and women; I like it when a woman opens doors and lets through first when she is given a coat, a chair is pushed in, and flowers are given. But poetry is hard, torturous, and consuming male work, and in my opinion, it takes immense courage to remain a woman in it.

Karl Martin Sinijärv is an extremely ironic person and poet. But irony in poetry is always a form of sadness. I love sad people: not suffering and weeping, not laughing and rejoicing, but calmly sad.

A woman cannot imagine that an adoring man she, for instance, rejected, would eat dumplings without being distracted from the thought of suicide. Such news would be offensive to a woman; she would want the man's thoughts of suicide to be accompanied by unquenched hunger and thirst, so it would be more beautiful and aesthetic. But even in the most tragic moments, a person still eats, sometimes even more than usual, not just because they are "eating away the sorrow," but because

		sometimes you need to be alone, and then food can become the only interlocutor. And this is not entirely a joke, you know, such laughter through tears. Even though men don't cry. Eternity, eternal themes, and suspended time are companions of Sinijärv's poetry. Eternity is probably a clock without not only a second hand but also a minute hand. But even eternity has its strict rhythm and poetic size. Karl Martin (which is not so common in Estonian and generally modern European poetry) writes both rhymed poems, and rhythmic free verses, and also turns to completely free verse, retaining only the graphical features of a poetic work. But they cannot be confused with prose, because prose does not have such condensed time when you see the effect, but the cause is not revealed. Mandatory logical connections are broken: purity suddenly becomes blue, and the morning green, but any reader somehow guesses that behind these transformations lies a long and painstaking work of the mind, heart, and nature. I named this collection after one small poem by Karl Martin—it's an ironic tiny film in the spirit of Luis Buñuel or Roy Andersson: knives are stuck in people's backs, and the handles instantly turn into convenient hooks for hanging, for example, clothes; it is quite possible that Buñuel would hang a bathrobe on such a hook, and Roy Andersson would periodically remove the knife, cut ham with it, and then insert it back into the cozy sheath of the wound. "The Hanger of Eternity" is not a bitter reflection on betrayal, but a joke about the essence of human relationships—without the slightest offense or malice. I have known Karl Martin since birth, he is the same age as my daughter; the apartment of his grandparents, and then his parents, was above mine; the sounds of the piano played in both apartments—at the writer's café "Pegasus" anyone could approach the instrument; Karl Martin fell asleep to these sounds, perhaps they laid the foundations of the rhythm in his poems? Veronika Kivisilla is a poet of confessions, a poet of such a degree of frankness that can arise on a slow long-distance train: people begin to tell each other the most intimate, the most secret; they are protected by the impending separation, they will never meet again, and therefore there is no barrier of caution, risk of mistake, fear of regretting their openness.

		We learn everything there is to know about the lyrical heroine as a loving woman: she waits, she hopes, she listens to the creak of the gate, the garden is pierced by the sun and soaked by the rain; I imagine her country house (I don't want to know where she lives, although I could ask, we often see each other), I feel how she tries not to encroach on her children's freedom with her love, though letting go of one's child is an almost impossible feat for a mother. I hear her conversation with a man who is dear to her: they talk about a badger that each of them encountered in the forest, maybe it was the same badger, maybe it's not even about the badger, but about some indissoluble similarity in their perception of life, maybe their past time can turn into a future, or maybe they are just happy to talk about the badger—the tenderness takes the most amazing and unique forms. I love her poems about childhood, about the first boy with whom she felt the premonition of love. His name was Tommy, and she has forgotten his last name, but that's how it happens in life: only what forms the soul is remembered, what thins it and prevents indifference... Every living creature can touch Veronika: she can sit beside a dying mouse so that the last minutes of this tiny creature are not spent alone... The collection includes not only Veronika's poems but also lyrical novellas, sometimes consisting of just a few sentences. They present themselves as diary entries, random sketches, but in reality, they are not hasty photographs, but carefully thought-out portraits that capture the character, the shell of a person or event, and then look into the depth. Veronika Kivisilla accepts life as it is (such an attitude towards life is given only to very wise people); she embraces life. And life softens, becomes kinder, putting aside its sharp and cutting objects—because she is loved. Jelena Skulskaja

104.	2021	Piimaring	Rein Veidemann	Novels	Молочный круг / The Milk Ring

Järelmärkus

Romaani kirjutamisel on kasutada olnud allikate või referentstekstidena järgmisel teosed:

"Piibel. Uue maailma tõlge", 2014; R.V.G. Tasker. „Johannesse Evangeelium", tülkinud Heikki Silvet, Logos, 2002; „Minu elu ja armastus. Eesti rahva elulood. 1. ja 2. kõide", Rutt Hinrikus ja Tiina-Ann Kirss (koostajad), Eesti Kirjandusmuuseum ja Tänapäev, 2018; Ronald Rüütel, „Atarma. Minu elu Siberis", Faatum, 2002; Mark Sinisoo, „Eestiaegsed asjad", Tänapäev. 2018; „Õisu piimanduskool 1922-2007", Eesti Piimandusmuuseum, 2017; „Nõukogude aeg ja inimene. Meie mälestused", Enno Tammer (koostaja), Tammerraamat, 2004; „Nõukogude kool ja õpilane. Meie mälestused", Enno Tammer (koostaja), Tammerraamat, 2006; „Nõukogude Armee ja eesti mees. Meie mälestused", Enno Tammer (koostaja), kaasaautor Kristjan Luts, Tammerraamat, 2010; Toomas Paul, Uku Masing, „Usalda ennast", Ilmamaa, 2015; Toomas Paul, „Tõe lõpututel tagamaadel", Eesti Keele Sihtasutus, 2018. Lisaks on kasutatud endise Koonga valla ajalehes Junnumaa ilmunud kunagises Koonga meiereis töötanud inimeste mälestusi.

Kõik romaanis kasutatud kohanimed on kunagi vastanud või vastavad veel täiegi tegelikkusele. Mõned tegelased on prototüübid, mõni kirjutab endast üldistusi mäletatust ja loetust, mõni on esindatud lausa omaenda nimega. Ometi tasub siinkohal rõhutada, et tegemist on romaaniga, kirjandusteosega, mis on valminud viisil, nagu sellest on kirjutanud nobelist Mario Vargas Llosa oma „Kirjades noorele romaanikirjanikule", millest ühte mõttelõiku lubatagu siinkohal tsiteerida: „Romaanikirjanik ei vali oma teemasid, need valivad teda. Ta kirjutab teatud ainetel, sest ta kogeb teatud asju. Teema valikul on kirjaniku vabadus suhteline ja võib-olla isegi olematu. Igal juhul on see võrreldamatult väiksem kui kõige selle puhul, mis kujutab kirjandusteose

Послесловие

При написании романа автор использовал в качестве источников следующие произведения:

Piibel. Uue maailma tõlge. Logos, 2014.

R.V.G. Tasker. Johannesse Evangeelium. Logos, 2002.

Minu elu ja armastus. Eesti rahva elulood. 1-2. 2018.

Ronald Rüütel. Atarma. Minu elu Siberis. Faatum, 2002.

Mark Sinisoo. Eestiaegsed asjad. Tänapäev. 2018.

Õisu piimanduskool 1922-2007. Eesti piimandusmuuseum, 2017.

Nõukogude aeg ja inimene. Meie mälestused. Tammerraamat, 2004.

Nõukogude kool ja õpilane. Meie mälestused. Tammerraamat, 2006.

Nõukogude Armee ja eesti mees. Meie mälestused. Tammerraamat, 2010.

Toomas Paul, Uku Masing. Usalda ennast. Ilmamaa, 2015.

Toomas Paul. Tõe lõpututel tagamaadel. Eesti Keele Sihtasutus, 2018.

	vormi, kus, mulle näib, on kirjaniku vabadus – vastutus – täielik. Mulle tundub, et elu – tean. Et see on suur sõna – sunnib teemasid peale teatud kogemuste kaudu, mis on jätnud kirjaniku teadvusse või alateadvusse jälje ning mis hiljem teda jälitama hakkavad, kuni ta need kirjanduseks muudab, et neist vabaneda.“ Mario Vargas Llosa. Kirjad noorele romaanikirjanikule. Loomingu Raamatukogu 2011, nr 15-16, lk 15). Aga patt oleks jätta osutamata ka Milan Kundera vestlusele romaanikunstist: „Romaan ei uuri tegelikkust, vaid eksistensi. Ja eksistents pole see, mis on juhtunud, eksistents on inimese võimaluste väli, kõik see, mis inimesest võib saada, kõik see, milleks ta on võimeline. Avastades inimese ühe või teise võimaluse, joonistavad romaanikirjanikud *eksistentsi kaarti*.“ (Milan Kundera. Romaanikunst. Loomingu Raamatukogu 1998, nr 11-12, lk 41) Sedagi romaani võiks siis võtta kui fragmenti ühest eksistentsi kaardist. Tänan piimandusloolast Mai Kukke ja proviisor Astrid Ruberit juhatuse eest. PIIMA TEEKOND LAUDAST MEIEREISSE	Также использованы воспоминания бывших работников Коонгаской маслобойни, которые публиковались в волостной газете Junnumaa (Край упрямцев). Все использованные в романе топонимы или названия местностей когда-то соответствовали, а некоторые и поныне соответствуют действительности. Что касается персонажей, то у одних имеются прототипы, другие созданы силой воображения, есть и такие, кто фигурируют под своими именами. О том, каким образом создается литературное произведение, лучше всего, на мой взгляд, написал лауреат Нобелевской премии Марио Варгас Льоса в «Письмах молодому романисту»: «Автор не выбирает темы – это они его выбирают. Он пишет о тех или иных вещах, потому что те или иные вещи пришли ему в голову. В выборе темы свобода писателя весьма относительна, а возможно, ее и вовсе не бывает. Вернее, в любом случае она куда хуже, чем в выборе литературной формы, где, как мне кажется, писательская свобода – то есть ответственность – абсолютна. Мое мнение таково: жизнь – прошу прощения, я и сам понимаю, что слово звучит слишком громко, - навязывает писателю темы: определенный жизненный опыт оставляет в сознании и подсознании свои зарубки, и позднее пережитое начинает преследовать человека, и он, желая от этого избавиться, преображает пережитое в разного рода выдуманные истории». Не могу не вспомнить и рассуждения Милана Кундеры об искусстве романа: «Роман исследует не реальность, но бытие. А бытие, или существование, — это не то, что произошло, это поле человеческих возможностей, все, чем человек мог стать, все, на что он способен. Открывая ту или иную возможность человека, романист чертит карту бытия». Предлагаю и этот роман воспринять как фрагмент одной из карт бытия. Выражаю благодарность историку молоководства Май Кукк и провизору Астрид Рубер за наставления и руководство. От автора

	Kui piimatööstuse arengut on kõige rohkem mõjutanud separaatori leiutamine 1878. aastal, siis järgmine suurem muudatus piimanduses oli piima transport. ***Piimavedu mõisa piimakotta 1850-1918*** Kui algas piima suurem töötlemine, oli vaja piim vedada karjalaudast piimakotta. Tsaariajal veeti mõisate piim juustutööstusse mõisa transpordiga. <…> Talunikelt, kellelt juustukoda piima vastu võtta lubas, tõid oma piimatilga kohale seljas, selleks otstarbeks valmistatud 20-25-liitriste ovaalsete nõudega. ***Piimavedu ühispiimatalitustesse 1908-1940*** Eesti Vabariigi tulekuga, kui hoogustus piimakarja kasvatus taludes, hakati piima meiereisse vedama ja lõssi tagasi tooma külakorda. Piimring alustas hommikul juba kella nelja-viie ajal. Sel ajal olid kasutusel 20-30-liitrise välismaise päritoluga piimakannud, mis olid korralikult tinutatud. <…> ***Piimavedu piimaühistusesse 1940-1950*** Suured poliitilised muutused 1940. aastal jätsid aga paljud uuendused soiku. 1941. aastal alanud sõda hävitas ja purustas umbes viiskümmend meiereid. Saksa okupatsiooni ajal 1941-1944 ja veel Nõukogude ajal 1944-1950 toimus piimavedu meiereisse vanal moel – hobutranspordiga. Pärast sõda hoogustus koorejaamade rajamine ka külasaunadesse, et talupidaja saaks ära tuua oma piimanormi. <…> ***Piima transport võitööstusesse 1950-1963***	КОММЕНТАРИЙ ПУТЬ МОЛОКА от ХЛЕВА ДО МАСЛОБОЙНИ Если на развитие молочной промышленности больше всего повлияло изобретение в 1878 году сепаратора, то следующая большая перемена была связана с транспортировкой молока. **Перевозка молока на переработку на мызах в 1850–1918 годы** Когда началось более масштабное производство молока, то появилась необходимость доставки его с ферм на переработку. В царские времена молоко с мызных ферм на сыроварни доставлялось мызным транспортом. <…> Хуторяне, с которыми у сыроварен был договор о поставке молока, доставляли его на спине, в специально для этого изготовленных 20–25-литровых овальных посудинах. **Перевозка молока на кооперативные молочные предприятия в 1918–1940 годы** С установлением Эстонской Республики, когда активизировалось выращивание молочного стада на хуторах, молоко на маслобойню и обрат оттуда стали возить маршрутными объездами хуторов. Этот круг начинался уже в четыре-пять часов утра. В то время использовались хорошо пропаянные молочные бидоны иностранного производства. <…> **Перевозки молока в молочные кооперативы в 1940–1950 годы** Колоссальные политические перемены в 1940 году вынудили забросить многие новшества. Начавшаяся в 1941 году война уничтожила и разрушила примерно полсотни маслобоен. Во времена немецкой оккупации, да еще и в советские времена, в 1944–1950 годах, молоко на маслобойни возили по-старому – на

	1950. aastal hakkasid lisaks külade ja kolhooside piimaringidele tegutsema koosseisulised piimakogujad, kes said piima kogumise eest ka tasu. Nende töö kergendamiseks veeti kogutud piim hobutranspordiga teatud kohta, kust auto selle meiereisse viis. Nii sai piimakoguja teisest piimaringist piima tooma minna. <…> ***Piimatransport piimakombinaatidesse individuaalsektorist ja majanditest 1963-1990*** 2. veebruaril 1966. aastal ilmus Põllumajanduse Liha- ja Piima- ning Transpordi ministrite ühine käskkiri nr 72/55/40, millega pandi paika autotsisternide eraldamise järjekord. Kuna elanikelt piima tsentraliseeritud kokkuvedu pidi parandama piima varumist, hakati moodustama autokogumisringe. Piimanõude asemel pandi autokasti Pipeline`i tonnised piimamahutid, kuhu hakati piima koguma. See Saaremal välja mõeldud varumisviis sai prototüübiks Tartu Autoremonditehasele, kellele tehti ülesandeks „piimabusside“ konsrtueerimine. <…> ***Piimapukid individuaalsektorist piima kogumiseks*** Eesti maastikule ilmusid 1960. aastate keskpaigas piimapukid, kuna piimapunktide asemele olid tulnud piimaautod ja tekkisid individuaalpiima kokkuveoringid. Piimapukid ei olnud eestlaste leiutis. Neid kasutati Lätis, Soomes, Norras ja Islandilgi. Eestlased täiustasid neid. Piimapukid olid talumeeste argipäeva arhitektuuri omamoodi väljendus. Piimapuki ehitas talunik kuuri all leiduvatest materjalidest: puidust, vineerist, plastmassist, aga ka metallist. Olulised detailid piimapuki ehituses on kindlasti kohustuslik refleksiklaas ja pisike puust kokkuklopsitud piimaraamatute kastike. Piimaauto juhiga sõitis kaasa laborandinäitsik, kel oli kaasas kolme pulgaga redel. Oluline edasiminek oli trepi lisamine puki konstruktsiooni, mis lihtsustas plekknõude (kõnekeeles	лошадях. После войны интенсифицировалось создание сепараторных в сельских банях, чтобы хуторянин мог сам доставлять свою норму молока. <…> **Перевозка молока на маслозаводы в 1950–1963 годы** В 1950 году помимо молочных «кругов» в масштабах деревень или колхозов стали действовать профессиональные сборщики молока, которые за это получали плату. Для облегчения их работы надоенное молоко на лошадях свозили в определенные места, откуда автомашина доставляла его на маслобойню. А доставщик получал таким образом возможность отправиться за ним на второй круг. <…> **Передача молочного транспорта из индивидуального сектора и хозяйств на молочные комбинаты в 1963–1990 годах** 2 февраля 1966 года был издан совместный приказ министров сельского хозяйства, мясной и молочной промышленности и транспорта № 72/55/40, которым был установлен порядок выделения автоцистерн. Поскольку централизованный вывоз молока от населения должен был улучшить заготовку молока, стали формироваться круговые маршруты автомашин-сборщиков. Вместо бидонов в кузовах были установлены тонные емкости «Пайплайн», в которые сливалось молоко. Этот придуманный на Сааремаа способ послужил прототипом для Тартуского авторемонтного завода, которому было поручено конструирование «молочных автобусов». <…> **Молочные пункты для сбора молока из индивидуального сектора** В середине 1960 годов пейзаж Эстонии пополнился помостами для молочных бидонов, поскольку вместо пунктов приема молока его стали собирать

	„plekkide“) pukile vinnamist tunduvalt. Piima valas auto tünnidesse talumees ise, väikese lisaraha eest tegi seda autojuht. Valge kitliga laborant võttis puhtuse- ja rasvaproove, kirjutas need oma ramatusse ning taluniku piimaraamatusse. <…> Piimapukid olid omamoodi kultuurikeskused, kui sai autot oodates kõiki maailma asju arutada ja uudiseid vahetada. Mõnel pool toimis piimapukk veel ka küla bussijaamana, kadusid jäädavalt ajalukku 1990-ndate alguses, kui kolhoosid-sovhoosid lammutati ja talud taastati. Välja suretati nn hobilehmapidamine ehk talud ühe-kahe lehmaga. Kolhooside asemele tekkisid suurtalud. Piimapukimaastikud olid otsekui „vastumaastikud“ kolhoosidele, maastikud, mis toimisid metsalagendikel, teeveertes, igal pool, kuhu sotsialistik suurtehnika ei pääsenud. Need olid käsivikatimaastikud, kus kivide ja kändude vahel vanaisa rajatud heinamaal tehti heina, Zaporožetsi ehk sapaka taha seotud looreha maastikud. Hobuniidumasina maastikud, kus vedajaks heal juhul setukas, sadulas villis istumikuga kümneaastane perepoeg. Need olid peale kolhoositööd hanguga heina lakka aetud kärbiste maastikud. Maastikud, kus hommikuses kastes vikatiga vehkides sai peremees välja elada oma talumehetunnet. Maastikud, kus memm sai vaadata, kuidas tema oma lehm tema oma rohtu sööb. Maastikud, kus „vana hea Eesti“ salamisi säilis. Maastikud, mida hoiti korras. ***Tänapäev*** Nüüdsel ajal on igal piimatööstusel oma piimaveoautod, oma kliendid, kelle piima varutakse ja kogumispiirkond hõlmab mitut piirkonda. Piimapukkide asemel kohtame talude juures teeäärseid reklaamsilte, millisesse piimatööstusesse ühest või teisest farmist piim läheb. Väiksemad talumeiereid saadavad oma piima laudast otse meiereisse. Uued ajad. Ring on ümmargune. Ülevaate koostanud Mai Kukk, Eesti Piimandusmuuseum	молоковозы и образовались круги сбора молока у индивидуальных производителей. Помосты для сбора молока не были эстонским изобретением. Они использовались в Латвии, Финляндии, Норвегии и даже Исландии. Эстонцы их усовершенствовали. Они стали своего рода яркой приметой повседневной крестьянской архитектуры. Помост для молочных бидонов сооружался хуторянином из имевшихся даже не в сарае, а около, материалов: дерева, фанеры, пластмассы, даже металла. Важными элементами конструкции стали обязательных отражатель и сколоченный из досок маленький ящичек для книг учета молока. С водителем молоковоза ездила девушка-лаборантка, у которой была лесенка с тремя перекладинами. Важным элементом стало дополнение помоста лесенкой, что значительно упростило водружение на помост жестяных бидонов (попросту «жестянок»). Молоко в цистерну переливал сам хуторянин, но за небольшую дополнительную плату это мог сделать и водитель. Лаборант в белом халате брал пробы на чистоту и жирность, записывал результат в свою книгу и в молочную книгу хуторянина. <…> Молочные помосты стали своего рода культурными центрами, где можно было в ожидании молоковоза узнать все местные и мировые новости и обсудить их. В некоторых местах помост служил еще и автобусной станцией, местом остановки автомагазина или доской объявлений. Пункты сбора молока навсегда ушли в пршлое в начале 1990 годов, когда колхозы и совхозы были уничтожены, а хутора восстановлены. Умерщвлено было так называемое любительское содержание крупного рогатого скота, т.е. хутора с одной-двумя коровами. Вместо колхозов появились крупные хутора. Пейзажи с молочными помостами – это как бы «противовес» колхозам, как и пейзажи, которые имели место на лесных полянах, на обочинах дорог – всюду, куда не имела возможности попасть крупная социалистическая техника. Это были пейзажи ручной косы, угодий, где среди камней и пней на основанном дедами сенокосе заготавливалось сено. Пейзажи, связанные с прицепленными к «Запорожцу» конными граблями. Пейзажи конной косилки, лошадь которой тянет в лучшем случае какой-нибудь представитель сету, а в седле с намозоленной задницей сидит десятилетний сын хозяина. Это были пейзажи набросанного на чердак вилами после работы в колхозе сена с пряслами.

	COVER: Sündisin 17. oktoobril 1946 Pärnu ülejõe linnaosas Räämal. Lõpetasin sealse kaheksaklassilise kooli (praegu Rääma Põhikool), seejärel Pärnu I keskkooli (Pärnu Ühisgümnaasium). Pärast sõjaväeteenistust 1965-1968 jätkasin õpinguid Tartu Ülikoolis, toimetades selle lõpetamise järel mõnda aega ülikooli ajalehte. Seejärel sai minust kirjandusmuuseumi teadussekretär. 1980. aastal kolisin Tallinna, kaitsesin väitekirja eesti kirjanduskriitikast, töötasin Loomingu peatoimetaja asetäitja (1983-1985) ning ajakirja Vikerkaar peatoimetajana (1985-1990). Eelmise sajandi viimasel kümnendil osalesin riigitöös Riigikogu liikme ja seejärel kultuuriministeeriumi kirjandusnõunikuna. Rööbiti jätkasin akadeemilises elus. Aastatel 2001-2005 juhatasin eesti kirjanduse professuuri Tartu Ülikoolis, seejärel jätkasin 2005-2015 eesti kultuuri professorina Tallinna Ülikoolis. 2016. aastast alates olen emeriitprofessor. Olen avaldanud 15 raamatut, enamik neist artikli- ja esseekogud. Romaaniteoga alustasin uue sajandi algul, tõukudes sisemisest kohustusest ilukirjanduslikult jäädvustada ühe nn kuuekümnendate põlvkonna intellektuaali käekäiku. ,,Piimaring" ongi tõelähedane sissevaade l960ndate Eesti taasärganud maa-ellu. Oldi kohanetud nõukogude (kolhoosi)korraga, kuid kasutati iga võimalust eesti elu alalhoidmiseks mitte ainult hingemälus, vaid ka kodudes, kaotatud talu põllusiilul, aiamaal rügades või lehma pidades. Niisugune oli neil aegadel maa-eestlaste eneseteostus ning vastupanu Eestit valitsenud nõukogude režiimile. Selle kaardistamise kõrval tõuseb „Piimaring” võrdkujuks meie kõigi eluringidele, millest saavad põlvest põlve spiraaliks keerduvad ja üksteisega põimuvad saatuselood. „Piimaringis” näeme 18-aastast, kommunismiusku Andreas Wiiki 1965. aasta suvel „astumas ellu”. Pärast ebaõnnestunud katset pääseda õppima Tartu ülikooli, ootab noorukit ees sõjaväeteenistus Nõukogude armees. Enne seda sõidab Andreas autojuhina mõned nädalad Pärnu ümbruses piimaringi, avastades end olukorras, kus teda sunnitakse lunastama oletatava isa pattusid. „Elluastumist” kroonib hoopis kokkupõrge mineviku varjudega. Piimaringil kohatavatest inimestest saavad killud Andrease enesepeegeldusest. Pool sajandit hiljem vana mehena piimaringile naastes tõdeb Andreas, kuidas	Пейзажи, которые позволяли хуторянину, размахивая косой по мокрой от утренней росы траве, выразить присущие крестьянину чувства. Пейзажи, которые позволяли хозяйке смотреть, как ее корова жует ее траву. Пейзажи, в которых сохранялась втайне «старая добрая Эстония». Пейзажи, которые берегли. **Современность** Сейчас у каждого молочного производства свои молоковозы, свои клиенты, для которых молоко заготавливается, а регион сбора включает несколько прежних регионов. Вместо помостов для молока мы встречаем около хуторов рекламные щиты, сообщающие, на какое молочное производство с той или иной фермы идет молоко. С маленьких хуторов молоко отправляется прямо на маслобойню. Новые времена. Круг – он круглый. Обзор составила Май Кукк, Музей молочного дела Эстонии

	mõni unistus on määratudki jääma üksnes unistuseks. Elu liivakellas niriseb aeg vaid allapoole. „Piimaring" on kolmas ja viimane raamat Rein Veidemanni autobiograafiliste sugemetega romaanitriloogiast „Wiik" (eelmised kaks: „Lastekodu", 2003 ja „Tund enne igavikku", 2012).	
	Afterword: During the writing of this novel, the following works were used as sources or reference texts: "The Bible: New World Translation" (2014); R.V.G. Tasker's "The Gospel According to John," translated by Heikki Silvet, Logos, 2002; "My Life and Love: The Life Stories of the Estonian People. Volumes 1 and 2," compiled by Rutt Hinrikus and Tiina-Ann Kirss, Estonian Literary Museum and Tänapäev, 2018; Ronald Rüütel's "Atarma: My Life in Siberia," Faatum, 2002; Mark Sinisoo's "Things from the Estonian Era," Tänapäev, 2018; "Õisu Dairy School 1922-2007," Estonian Dairy Museum, 2017; "The Soviet Era and People: Our Memories," compiled by Enno Tammer, Tammerraamat, 2004; "The Soviet School and Student: Our Memories," compiled by Enno Tammer, Tammerraamat, 2006; "The Soviet Army and the Estonian Man: Our Memories," compiled by Enno Tammer, co-author Kristjan Luts, Tammerraamat, 2010; Toomas Paul and Uku Masing's "Trust Yourself," Ilmamaa, 2015; Toomas Paul's "On the Endless Backwaters of Truth," Estonian Language Foundation, 2018. Additionally, memories of people who once worked at the Koonga dairy, published in the former Koonga parish newspaper Junnumaa, were also used. All the place names used in the novel either once corresponded to or still correspond to reality. Some characters are based on real-life prototypes, while others are generalizations based on memories and readings. Some characters even bear their actual names. However, it is important to emphasize that this is a novel, a literary work created in the manner described by Nobel laureate Mario Vargas Llosa in his "Letters to a Young Novelist." Allow me to quote one passage: "The novelist does not choose his themes; they choose him. He writes on certain subjects because he experiences certain things. The writer's	Postscript While writing this novel, the author used the following sources: - Piibel. Uue maailma tõlge. Logos, 2014. - R.V.G. Tasker. Johannesse Evangeelium. Logos, 2002. - Minu elu ja armastus. Eesti rahva elulood. 1-2, 2018. - Ronald Rüütel. Atarma. Minu elu Siberis. Faatum, 2002. - Mark Sinisoo. Eestiaegsed asjad. Tänapäev, 2018. - Õisu piimanduskool 1922-2007. Eesti piimandusmuuseum, 2017. - Nõukogude aeg ja inimene. Meie mälestused. Tammerraamat, 2004. - Nõukogude kool ja õpilane. Meie mälestused. Tammerraamat, 2006. - Nõukogude Armee ja eesti mees. Meie mälestused. Tammerraamat, 2010. - Toomas Paul, Uku Masing. Usalda ennast. Ilmamaa, 2015. - Toomas Paul. Tõe lõpututel tagamaadel. Eesti Keele Sihtasutus, 2018.

	freedom in choosing a theme is relative and perhaps even nonexistent. In any case, it is incomparably smaller than in anything related to the form of a literary work, where, it seems to me, the writer's freedom—and responsibility—is complete. It seems to me that life—I know this is a big word—forces certain themes upon us through experiences that leave a mark on the writer's consciousness or subconscious and later pursue him until he turns them into literature to free himself from them." (Mario Vargas Llosa, «Letters to a Young Novelist», Loomingu Raamatukogu 2011, No. 15-16, p. 15). It would be a sin not to also refer to Milan Kundera's discussion of the art of the novel: "The novel does not investigate reality but existence. And existence is not what has happened; existence is the field of human possibilities, everything that a person could become, everything he is capable of. By discovering one or another possibility of man, novelists draw a map of existence." (Milan Kundera, «The Art of the Novel», Loomingu Raamatukogu 1998, No. 11-12, p. 41). This novel could thus be taken as a fragment of one such map of existence. I would like to thank dairy historian Mai Kukk and pharmacist Astrid Ruber for their guidance.	Additionally, the author used recollections of former employees of the Koonga butter factory, which were published in the local newspaper *Junnumaa* (Land of the Stubborn). All place names and locations mentioned in the novel corresponded to real places at some time, and some still do. Regarding the characters, some have real-life prototypes, others are products of imagination, and some appear under their real names. When it comes to how a literary work is created, I believe Nobel laureate Mario Vargas Llosa described it best in *Letters to a Young Novelist*: "An author does not choose his themes—they choose him. He writes about certain things because those things have come to mind. The writer's freedom in choosing themes is quite relative, perhaps even non-existent. Moreover, it is far less than the freedom he enjoys in choosing the literary form, where the writer's freedom—or responsibility—seems absolute. In my view, life—pardon the grand term—imposes themes on the writer: certain life experiences leave their marks on the conscious and subconscious, and later these experiences begin to haunt the individual, who, seeking to rid himself of them, transforms them into fictional stories of various kinds." I also cannot help but recall Milan Kundera's thoughts on the art of the novel: "The novel does not explore reality but existence. And existence is not what has occurred; it is the field of human possibilities, everything that man could become, everything he is capable of. When a novelist discovers one of these possibilities in a human being, he traces a map of existence." I suggest that this novel be viewed as a fragment of one such map of existence. I would like to express my gratitude to dairy historian Mai Kukk and pharmacist Astrid Ruber for their guidance and advice. The Author

	The Journey of Milk from Stable to Dairy: If the most significant invention affecting the development of the dairy industry was the separator in 1878, the next major change in dairy farming was the transportation of milk. **Milk Transportation to Manor Dairy Houses (1850-1918):** When large-scale milk processing began, it was necessary to transport milk from the cattle barn to the dairy house. During the Tsarist era, the manor's milk was transported to cheese factories using the manor's transportation. <...> Farmers whose milk the cheese factory agreed to accept would bring their small amounts of milk in specially made 20–25-liter oval containers. **Milk Transportation to Cooperative Dairies (1908-1940):** With the establishment of the Republic of Estonia, when the rearing of dairy cattle in farms increased, milk began to be transported to dairies, and the skimmed milk was brought back to the village on a rotation basis. Milk collection started as early as four or five in the morning. At that time, 20-30 liter foreign-made milk cans were in use, which were properly soldered. <...> **Milk Transportation to Dairy Cooperatives (1940-1950):** The major political changes in 1940 stalled many innovations. The war that began in 1941 destroyed about fifty dairies. During the German occupation (1941-1944) and later during the Soviet era (1944-1950), milk transportation to dairies continued in the old way—by horse-drawn transport. After the war, the establishment of cream stations in village saunas intensified, allowing farmers to deliver their milk quotas. <...> **Milk Transportation to Butter Factories (1950-1963):** In 1950, along with village and collective farm milk routes, dedicated milk collectors began operating, who were paid for collecting milk. To ease their	COMMENTARY THE JOURNEY OF MILK from BARN to BUTTER FACTORY If the invention of the separator in 1878 had the most significant impact on the development of the dairy industry, the next major change was related to the transportation of milk. **Milk Transportation to Processing Facilities on Estates (1850-1918)** When milk production expanded, there arose a need to transport it from farms to processing facilities. During the Tsarist era, milk from estate farms was transported to cheese dairies using estate transportation. <...> Peasants, who had contracts with dairies, transported the milk on their backs in specially made oval containers that held 20-25 liters. **Milk Transportation to Cooperative Dairies (1918-1940)** With the establishment of the Republic of Estonia and the rise in dairy farming on homesteads, milk and skimmed milk were transported to butter factories via round trips starting as early as four or five in the morning. Well-sealed foreign-made milk cans were used at the time. <...> **Milk Transportation to Cooperatives (1940-1950)** The colossal political changes in 1940 led to the abandonment of many innovations. The war that began in 1941 destroyed around fifty butter factories. During the German occupation and the Soviet era (1944-1950), milk was still transported to butter factories using horse-drawn carts. After the war, separator stations were established in rural areas, allowing farmers to deliver their milk quota themselves. <...>

	work, the collected milk was transported by horse-drawn transport to a specific point where a truck would then take it to the dairy. This allowed the milk collector to go on another milk round to collect more milk. <...> **Milk Transportation to Dairy Plants from Individual Sectors and Farms (1963-1990):** On February 2, 1966, a joint decree No. 72/55/40 by the Ministers of Agriculture, Meat and Dairy, and Transport was issued, which established the order for allocating milk tanker trucks. Since the centralized collection of milk from residents was supposed to improve milk procurement, milk collection routes were established. Instead of milk cans, Pipeline's one-ton milk tanks were placed in the truck bed, where milk was collected. This procurement method, invented in Saaremaa, became the prototype for the Tartu Auto Repair Plant, which was tasked with constructing "milk buses." <...> **Milk Stands for Collecting Milk from Individual Sectors:** In the mid-1960s, milk stands appeared in the Estonian landscape, as milk trucks had replaced milk collection points and individual milk collection routes were established. Milk stands were not an Estonian invention. They were used in Latvia, Finland, Norway, and Iceland as well. Estonians improved them. Milk stands were a kind of expression of everyday architecture for farmers. A milk stand was built by the farmer from materials found in the shed: wood, plywood, plastic, and even metal. Important details in the construction of a milk stand were the mandatory reflector glass and a small wooden box nailed together for milk records. The milk truck was accompanied by a laboratory technician, who had a three-step ladder. A significant improvement was the addition of stairs to the stand's construction, which made it much easier to lift the milk cans (commonly called "tins") onto the stand. The farmer himself poured the milk into the truck's tanks, but for a small fee, the driver would do it. The laboratory technician, in a white coat,	**Milk Transportation to Butter Factories (1950-1963)** In 1950, in addition to village or collective farm milk collection routes, professional milk collectors were introduced, who were paid for their work. To ease their tasks, milk was brought by horse to designated collection points, from where trucks transported it to the butter factory. The milk collector could then start a second round. <...> **Transfer of Milk Transport from Individual Farms to Dairy Plants (1963-1990)** On February 2, 1966, a joint order was issued by the Ministers of Agriculture, Meat and Dairy Industry, and Transport, establishing a system for assigning milk tankers. As centralized milk collection from the public was supposed to improve procurement, milk collection routes for tankers began to form. Instead of milk cans, "Pipeline" tanks were installed on trucks, into which the milk was poured. This method, conceived in Saaremaa, served as a prototype for the Tartu Auto Repair Plant, which was tasked with constructing "milk buses." <...> **Milk Collection Points for Private Farms** In the mid-1960s, the Estonian landscape was enhanced with platforms for milk cans, as milk collection shifted from collection points to tankers collecting milk directly from individual producers. These milk platforms were not an Estonian invention; they were used in Latvia, Finland, Norway, and even Iceland. Estonians refined them, and they became a distinctive feature of rural architecture. The platform was built by the farmer from materials available near the barn—wood, plywood, plastic, even metal. Important elements of the structure included a mandatory reflector and a small wooden box for milk records. The tanker driver was accompanied by a female lab technician with a three-rung ladder. An important addition to the platform was a ladder, making it easier to hoist the cans ("tin cans") onto the platform. The farmer himself poured the milk into the tank, but for a small extra fee, the driver could do it. The lab technician, dressed in a white coat, took samples for cleanliness and fat content, recording the results in both her book and the farmer's milk record book.

took cleanliness and fat samples, recorded them in her book, and in the farmer’s milk record book.

<...>

Milk Stands as Cultural Centers:

Milk stands became a kind of cultural center, where all the world’s issues could be discussed and news exchanged while waiting for the truck. In some places, the milk stand also served as the village bus stop. They disappeared permanently in the early 1990s when collective and state farms were dismantled, and farms were restored. The so-called hobby farming, i.e., farms with one or two cows, was phased out. Large farms replaced collective farms.

Milk stand landscapes were like hidden counter-worlds, existing alongside the collective farms but beyond the reach of socialist large-scale machinery. These were handcrafted landscapes, where hayfields were created among stones and stumps, often on clearings established by grandfathers, and maintained with scythes. They were also the landscapes of hayrakes tied behind a Zaporožets, or "sapakas," where every small patch of land required ingenuity and resourcefulness. These were the landscapes of horse-drawn mowers, where the driver was often a humble farm horse, and in the saddle sat a ten-year-old family boy trying to manage his awkwardness. After a day’s work on the collective farm, hay was forked up into the loft—worlds of hay forks and farm labor. As the farmer swung his scythe in the early morning dew, he could once again feel like a true farmer, still in control of his land and work.

The grandmother could watch with satisfaction as her own cow ate the hay she had grown herself, preserving a small piece of the "old good Estonia." These were worlds that were kept alive, maintained, and passed down—true Estonian landscapes that carried forward traditions and kept the true spirit of rural life alive, shielding it from the encroaching socialist reality.

Contemporary Times:

Today, every dairy has its milk trucks, its customers, whose milk is collected, and the collection area covers several regions. Instead of milk stands, we now

<...>

Milk platforms became a kind of cultural hub, where, while waiting for the milk truck, one could learn and discuss all the local and global news. In some places, the platform also served as a bus stop, a stop for a mobile store, or a bulletin board. Milk collection points disappeared for good in the early 1990s, when collective farms were abolished, and homesteads were restored. The so-called hobbyist cattle farming (i.e., homesteads with one or two cows) was eradicated. Large homesteads replaced collective farms.

Landscapes with milk platforms were a "counterpoint" to collective farms, like the landscapes that existed in forest clearings, on the edges of roads—anywhere that large socialist machinery could not reach. These were landscapes of hand-held scythes, where hay was harvested among stones and stumps in the meadows founded by grandfathers. Landscapes associated with horse-drawn rakes attached to a "Zaporozhets" car. Landscapes of a horse-drawn mower, where the horse was usually led by a Seto man, and in the saddle, with a blistered bottom, sat the ten-year-old son of the owner. These were landscapes where hay was pitched onto the attic after work on the collective farm with a pitchfork. Landscapes that allowed the farmer, swinging a scythe through dew-soaked grass, to express the feelings inherent to a farmer. Landscapes where the farmer's wife could watch her cow chewing her grass. Landscapes that secretly preserved the "old good Estonia." Landscapes that were cherished.

Modern Times

Today, each dairy has its own milk tankers and clients for whom the milk is procured, and the collection region encompasses several former regions. Instead of milk platforms, we now see advertising billboards near homesteads, indicating which dairy plant the milk from that farm goes to. Milk from small homesteads goes directly to the butter factory. New times. The circle is round.

Compiled by Mai Kukk,

Estonian Dairy Museum

see roadside signs at farms indicating which dairy the milk from a particular farm goes to. Smaller farm dairies send their milk directly from the barn to the dairy. New times. The circle is complete.

Overview compiled by Mai Kukk,

Estonian Dairy Museum

Cover:

I was born on October 17, 1946, in the Raamai district of Pärnu, across the river. I completed my studies at the eight-grade school there (now Rääma Primary School) and then at Pärnu I Secondary School (Pärnu United Gymnasium). After military service from 1965 to 1968, I continued my studies at the University of Tartu. After graduating, I worked for a while at the university newspaper. I then became the scientific secretary of the Literary Museum. In 1980, I moved to Tallinn, defended my thesis on Estonian literary criticism, and worked as the deputy editor-in-chief of *Looming* (1983-1985) and the editor-in-chief of *Vikerkaar* (1985-1990). In the last decade of the previous century, I participated in state work as a member of the Riigikogu and later as a literary adviser at the Ministry of Culture. Concurrently, I continued my academic career. From 2001 to 2005, I headed the professorship of Estonian literature at the University of Tartu, and then I continued as a professor of Estonian culture at Tallinn University from 2005 to 2015. Since 2016, I have been an emeritus professor. I have published 15 books, most of which are collections of articles and essays. I started writing novels at the beginning of the new century, driven by an inner obligation to artistically capture the life journey of an intellectual from the so-called sixties generation. "Piimaring" offers an authentic glimpse into the reawakened rural life of 1960s Estonia. While people had adapted to the Soviet (kolkhoz) system, they used every opportunity to preserve Estonian life, not just in their memories but also in their homes, working on small patches of lost farmland, in gardens, or keeping cows. This was the form of self-expression and resistance for rural Estonians against the Soviet regime that ruled Estonia. Alongside this mapping, "Piimaring" becomes a symbol of the life cycles that intertwine and spiral from generation to generation.

	In “Piimaring”, we see 18-year-old Andreas Wiik, a believer in communism, "entering life" during the summer of 1965. After an unsuccessful attempt to get into the University of Tartu, the young man faces military service in the Soviet army. Before that, Andreas spends a few weeks driving a milk route around Pärnu, discovering himself in a situation where he is forced to atone for the sins of his presumed father. His "entry into life" is crowned by a confrontation with the shadows of the past. The people encountered on the milk route become fragments of Andreas's self-reflection. Half a century later, returning to the milk route as an old man, Andreas realizes that some dreams are destined to remain just dreams. In the hourglass of life, time flows only downward. “Piimaring” is the third and final book in Rein Veidemann’s autobiographically influenced trilogy “Wiik” (the previous two: “Lastekodu” [Orphanage], 2003, and “Tund enne igavikku” [A Class Before Eternity], 2012).				
105.	2022	Kuidas taluda Tartut	Vahur Afanasjev	Essays	Как вынести Тарту / How to stand Tartu
	Kirjanduslinn Tartu Tartu kuulub alates 2015. aastast kirjanduslinnana UNESCO loovlinnade võrgustikku. Võrgustik loodi 2004. aastal ning see hõlmab 7 kategooriat - film, käsitöö ja rahvakunst, disain, gastronoomia, kirjandus, meediakunst ja muusika. Kirjanduslinnu leiab kõigilt kuuelt kontinendilt ning nende arv kasvab pidevalt. Loovlinnade võrgustiku peamine eesmärk on soodustada rahvusvahelist koostööd linnade vahel, kus panustatakse loovusesse kui majanduse arengu, sotsiaalse lõimumise ning kultuurilise aktiivsuse võtmetegurisse. Kirjanduslinnana seisab Tartu hea selle eest, et süvendada linlaste lugemisharjumust, hoogustada koostööd valdkonnas ja suurendada Tartu kirjanduselu rahvusvahelist mõõdet, aidata kaasa loovkirjutamise, kirjandusõppe ja tõlketegevuse arengule ning toetada kirjanduskultuuri mitmekesisust. Nende eesmärkide saavutamiseks on linnas algatatud rohkelt				Тарту – литературный город Начиная с 2015 года Тарту входит в сеть творческих городов ЮНЕСКО. Сеть была создана в 2004 году, она охватывает семь тематических областей: декоративно-прикладное и народное искусство, дизайн, кинематографию, гастрономию, литературу, медиаискусство и музыку. Творческие города есть на всех шести континентах, и их число постоянно растет. Способствуя развитию международного сотрудничества, города-участники Сети обязуются сотрудничать и развивать партнерские отношения в целях содействия творчеству и индустрии культуры, обмениваться передовым опытом, повышать уровень участия в культурной жизни, а также учиывать культуру при разработке планов экономического и социального развития. Тарту как литературный город борется за то, чтобы у горожан укоренилась привычка к чтению, чтобы развивалось стремление к литературному

	ettevõtmisi, alates bussiluulest kuni igasügisese lastekirjanduse festivalini. Tartu kirjandusfestivalid Prima Vista ja Hullunud Tartu otsivad pidevalt uusi võimalusi kirjanduslike elamuste pakkumiseks ja erinevate huvidega lugejaskonna kõnetamiseks, kirjandusellu panustavad mitmesuguste sündmuste ja näitustega aktiivselt Tartu raamatukogud, värskust ja elevust pakub Tartu luuleprõmm TarSlämm. Linn hoolitseb sellegi eest, et kõigile Tartu linna koolidele oleksid tagatud võimalused kutsuda esinema Eesti prosaiste, luuletajaid, tõlkijaid või kirjandusteadlasi. Rahvusvaheline residentuuriprogramm pakub kaks korda aastas väljaspool Eestit elavatele kirjanikele ja eesti kirjanduse võõrkeeltesse tõlkijatele võimalust tulla Tartusse, tegeleda siin oma loometööga ja osaleda aktiivselt siinses kirjanduselus. Koos teiste kirjanduslinnadega tähistatakse rahvusvahelisi päevi, nagu näiteks ülemaailmne luulepäev 21. märtsil ning rahvusvaheline tõlkijate päev 30. septembril. Kohalike kirjanike loomevõimaluste parandamiseks annab Tartu linn alates 2017. aastast välja Tartu linnakirjaniku stipendiumit. 2019. aastal pälvis selle Vahur Afanasjev. COVER: Kirjanduslinn Tartu 2019. aastal Tartu linnakirjaniku tiitlit kandes kirjutas Vahur Afanasjev kolumnisarja oma kodulinnast Tartust. Nüüd on algselt Tartu Postimehes ilmunud esseed linna eripalgelistest iirkondadest koos Artur Kuusi illustratsioonidega kaante vahel. Head uitamist, avastamist ja kaasa mõtlemist! Vanusega peaks inimene justkui konservatiivsemaks muutuma. Vähemalt minuga on asjad täpselt vastupidi. Kui linnavalitsus tõesti nõnda otsustaks ja raha leiaks, et Kivisild taastada, ei ole ma enam vastu. Elu peabki edasi minema. Kui linn ei areneks, oleks tunne, et maailm hääbub ühes minuga. Loodetavasti on mul hääbumiseni hulk aega, esimestest hallidest juustest hoolimata. Juts seepärast ei taha ma, et linn oleks valmis ja ainus tee oleks tasane allakäik. Ootan üllatusi. Ja Tartu neid pakubki.	творчеству, обучению, развивалась переводческая работа. С этими целями в городе проводятся многочисленные литературные мероприятия, начиная с «автобусной поэзии» и до фестивалей детской литературы, которые проводятся каждую осень. Тартуский международный литературный фестиваль Prima Vista – это праздник для всех тех, кто ценит книги и любит читать. А интердисциплинарный фестиваль Hullunud Tartu собирает мастеров слова, художников и музыкантов как из Эстонии, так и из других стран. Активно ищет новые возможности для людей с самыми разными интересами и Тартуская библиотека, проводя различные мероприятия и выставки. Поэтические встречи TarSlämm также вносят оживление в литературную жизнь Тарту, в их рамках проводятся регулярные конкурсы и осуществляются прочие международные проекты. Город заботится и о том, чтобы у каждой тартуской школы была возможность пригласить на встречу эстонского писателя, поэта, переводчика или литературоведа. Международная программа резидентуры два раза в году предлагает живущим за пределами Эстонии писателям и переводчикам эстонской литературы возможность приехать в Тарту и окунуться в тамошнюю литературную среду. Вместе с другими творческими городами отмечаются международные дни, как, например, 21 марта – всемирный день поэзии – или 30 сентября – международный день переводчиков. Для стимуляции творчества местных творцов город с 2017 года вручает стипендию городского писателя Тарту. В 2019 году этой чести удостоился Вахур Афанасьев. COVER: Kirjanduslinn Tartu Удостоенный в 2019 году титула городского писателя Тарту Вахур Афанасьев написал серию эссе о своем родном городе Тарту. Теперь на основе опубликованных в Tartu Postimees авторских колонок о разноликих районах города, проиллюстрированных художником Артуром Куусом, составлен этот сборник. Приятных вам прогулок по Тарту, интересых открытий и размышлений! С возрастом человек вроде бы должен становиться более консервативным. Со мной все с точностью до наоборот. Если бы горуправа все же решила

		восстановить «Каменный мост» и нашла для этого средства, я бы уже не был против. Ведь жизнь продолжается, и так должно быть. Не развивайся город, возникло бы ощущение, что мир угасает вместе со мной. Будем надеяться, что до угасания мне далеко, невзирая на первые седые волосы в шевелюре. Именно поэтому мне и не хочется, чтобы город был полностью готов, после чего единственное, что его ждало бы — это постепенный упадок. Я жду сюрпризов. И Тарту щедр на них..
	Literature City Tartu Since 2015, Tartu has been recognized as a literature city within the UNESCO Creative Cities Network. Established in 2004, the network encompasses 7 categories – film, crafts and folk art, design, gastronomy, literature, media arts, and music. Literature cities can be found on all six continents, and their number is constantly growing. The main goal of the Creative Cities Network is to promote international cooperation between cities that invest in creativity as a key factor in economic development, social integration, and cultural activity. As a literature city, Tartu is committed to deepening the reading habits of its residents, fostering collaboration in the field, enhancing the international dimension of Tartu's literary life, contributing to the development of creative writing, literary education, and translation activities, and supporting the diversity of literary culture. To achieve these goals, numerous initiatives have been initiated in the city, ranging from bus poetry to the annual children's literature festival. Tartu's literature festivals Prima Vista and Hullunud Tartu are constantly seeking new ways to provide literary experiences and engage readers with different interests, while Tartu libraries actively contribute to the literary scene with various events and exhibitions, and the Tartu poetry slam TarSlämm offers freshness and excitement. The city also ensures that all schools in Tartu have the opportunity to invite Estonian prose writers, poets, translators, or literary scholars to speak. The international residency program offers writers living outside Estonia and translators of Estonian literature into foreign languages the opportunity to come to Tartu twice a year to pursue their creative work and actively participate in the local literary scene. Together with other literature cities,	Tartu - Literature City Since 2015, Tartu has been part of the UNESCO Creative Cities Network. Established in 2004, the network covers seven thematic areas: crafts and folk art, design, film, gastronomy, literature, media arts, and music. Creative cities are found on all six continents, and their number is constantly growing. Fostering international cooperation, participating cities commit to collaborating and developing partnerships to promote creativity and the cultural industry, exchange best practices, enhance participation in cultural life, and consider culture in the development of economic and social plans. Tartu, as a literature city, strives to instill a reading habit among its residents and foster literary creativity, education, and translation work. To achieve these goals, numerous literary events are held in the city, from "bus poetry" to children's literature festivals held every autumn. The Tartu International Literature Festival Prima Vista is a celebration for all those who appreciate books and love to read. The interdisciplinary festival Hullunud Tartu brings together word masters, artists, and musicians from both Estonia and other countries. The Tartu Library actively contributes to the literary scene with various events and exhibitions. Poetic meetings TarSlämm also bring vitality to Tartu's literary life, with regular competitions and other international projects. The city also ensures that every school in Tartu has the opportunity to invite Estonian writers, poets, translators, or literary scholars for meetings. The international residency program offers writers and translators of Estonian literature living outside Estonia the opportunity to come to Tartu twice a year and immerse themselves in the local literary environment. Together with other creative cities, international days such

	international days such as World Poetry Day on March 21 and International Translators' Day on September 30 are celebrated. To improve the creative opportunities for local writers, Tartu City has been awarding the Tartu City Writer's Scholarship since 2017. In 2019, Vahur Afanasjev was awarded this scholarship. COVER: Literature City Tartu In 2019, bearing the title of Tartu City Writer, Vahur Afanasjev wrote a column series about his hometown Tartu. Now, the essays originally published in *Tartu Postimees*, accompanied by Artur Kuus's illustrations, are between covers. Happy wandering, exploring, and thinking along! "With age, a person is supposed to become more conservative. At least with me, things are exactly the opposite. If the city government really decided and found the money to restore the Stone Bridge, I wouldn't be against it anymore. Life must go on. If the city didn't develop, it would feel like the world is fading away with me. Hopefully, I have plenty of time until fading, despite the first gray hairs. Just because of that, I don't want the city to be ready, and the only path to be a smooth decline. I expect surprises. And Tartu offers them."				as March 21 – World Poetry Day – or September 30 – International Translators' Day – are celebrated. To stimulate the creativity of local creators, the city has been awarding the Tartu City Writer Scholarship since 2017. In 2019, Vahur Afanasjev was honored with this scholarship. COVER: Literature City Tartu Awarded the title of Tartu City Writer in 2019, Vahur Afanasjev wrote a series of essays about his hometown Tartu. Now, based on the author's columns about the diverse districts of the city, illustrated by artist Artur Kuus, this collection has been compiled. Enjoy your walks around Tartu, interesting discoveries, and reflections! "With age, a person is supposed to become more conservative. But with me, it's exactly the opposite. If the city government did decide to restore the Stone Bridge and found the means to do so, I wouldn't be against it anymore. After all, life goes on, and it should. If the city didn't develop, it would feel like the world is fading away with me. Hopefully, I have a long way to go before fading, despite the first gray hairs in my hair. That's why I don't want the city to be fully ready, after which the only thing waiting for it would be a gradual decline. I expect surprises. And Tartu is generous with them."
106.	2022	Tont ja Facebook	Kivirähk, Andrus	Children's literature	Глюк и Фейсбук / Hallucination and Facebook
	“Kaka ja Kevad” ning “Karnival ja kartulisalat” saavad järjel Andrus Kivirähki uus lasteraamat „Tont ja Facebook“ sisalbad lugusid kärbsepirukast ja tatipuust, täispuhutavast vanaisast ja laulvast kuusepust. Aga lugeda saab ka musimaiast herilasest, imelisest ketšupist, karvasest sülearvutist, saabastega supist ning veel paljudest kummalistest tegelastest.				n/a
	The beloved children's books "The Poop and the Spring" and "Carnival and Potato Salad" are now followed by Andrus Kivirähk's latest children's book, "The Ghost and Facebook." This collection includes stories about a fly pie and a buckwheat tree, an inflatable grandfather, and a singing spruce. But you can also read about a honey-loving wasp, magical ketchup, a hairy laptop, soup with boots, and many other quirky characters.				n/a

107.	2022	Luulekogu	Toomas Liiv, Kalev Kesküla, Aleksander Suuman	Poetry	Волк на паперти: стихи / Poetry
	n/a				ОТ ПЕРЕВОДЧИКА У БОГА ТЕЛЕФОН НА АВИАРЕЖИМЕ Временами мне казалось, что я могу каждому из них позвонить, чтобы разобраться в смысле той или иной строки. Мне хотелось услышать голос Тоомаса Лийва (Toomas Liiv, 1946–2009), Калева Кескюла (Kalev Kesküla, 1959–2010), Александера Суумана (Aleksander Suuman, 1927–2003). Смерти всех трех поэтов были такими недавними, что дыхание сиюминутной жизни в стихах еще не угасло, они еще не ушли в прошлое, еще хочется говорить о них в настоящем времени. Конечно, у хорошего поэта есть только одна дата – дата его рождения. И все-таки смерть человека особым образом действует на его стихи – порой отодвигает их в тень, а порой ярче высвечивает грани боли и радости, побуждавшие писать. Смерть перечеркивает надежды, мечты, человеческую будущность, но эта финальная точка не мешает нам разговаривать с поэтом, понять, насколько важным было послание, на сочинение которого он истратил весь отпущенный ему земной срок... Этот сборник открывает фантастическая новелла в стихах Тоомаса Лийва «Даан-1609». «Фантастическая» – не эпитет, а обозначение жанра. Я не знаю в лирической поэзии других случаев столь чистого беспримесного жанра, казалось бы, поэзии совершенно противопоказанного. Традиционно поэт подготавливает нас к футуристическому пространству (несбыточно-

		прекрасному или мрачно-безнадежному) специальными подсказками: «сон», «игра воображения», «видение», «предсказание», то есть он объясняет нам текст неким сдвигом своего сознания. Но Тоомас Лийв не балует нас подсказками, он как бы без всяческих поэтических пируэтов пишет научно-фантастический роман в строгом значении слова. Существует некая планета Даан-1609, и у ее обитателей есть возможность достичь полнейшего счастья и благоденствия, если они уничтожат всех птиц. Тогда планета превратится в один цветущий яблоневый сад». (Тут, конечно, есть отсылка к мечтаниям героев Чехова: «Вся Россия наш сад»; только у Чехова он вишневый, а у Лийва яблоневый). И люди в этом прекрасном будущем станут жить в больших тосканариях. Тосканарий - от слова «тоска», именно так я продолжила мысль автора, придумавшего неологизм «jamarad», полагаю, от слова чаша» – чушь, ерунда, глупость, нелепость. Да, мой перевод в данном случае не совсем точен, но зато он подводит читателя к главном), пусть и не названному, переживанию героя, которое определяется именно словом «тоска». Подумайте, насколько современно это стихотворение о Пеэтере с планеты Даан-1609, о Пеэтере, который закладывает свой хвост за ухо и уходит в другую комнату, завершив внутренний монолог. Последние несколько лет заставили нас уничтожить многих «птиц» – личное общение, дружеские встречи, поездки, путешествия. Законное желание выжить, не заразиться, прикрыть лицо маской, не протягивать руки, держать дистанцию изменило нас; мы боимся, мы все время боимся, даже если мы ведем себя лихо и рискованно. Одиночество, отъединенность стали неким культурным кодом существования, и разве не превращаются от этого наши дома в тосканарии? В стихах Тоомаса Лийва мир находится на грани катастрофы: горят березы, рушатся мосты, ласточка взлетает только для того, чтобы ее убили, в воздухе висит тяжелое молчание майских жуков, лирический герой не хочет примыкать к окружающей его «косматой стае»; всходы памяти – белые цветы на могилах, у ангела перебито крыло... И есть одна веселая, забавная сценка с Александром Сергеевичем Пушкиным, который жалуется Тоомасу Лембитовичу (декламирующему первую главу «Евгения Онегина») на то, что после смерти не пишутся стихи. «Там» нет даже

		бумаги для сочинителя. И только неутомимый Дантес вновь и вновь - всегда - ждет у ворот! Я не была знакома с Тоомасом Лийвом, а вот с Калевом Кескюла мы обменялись несколькими записками, когда я перевела одно из его стихотворений; мы договорились встретиться и составить представительную подборку для русского читателя. Далее приходится написать неизбежное и банальное: не успели. Книги мои картины стали сегодня несуществующими Они не могут считаться жизнью Они называются воспоминанием Очень часто Калев Кескюла пытается представить, что будет после смерти, точнее, внутри смерти - ведь что-то же должно там быть?! Несомненно, не будет запахов, а потому каждая благоухающая ночь — это блаженство. И утренний кофе на веранде - чудо, нужно его запомнить, ведь человеческая жизнь наполнена таким количеством бедствий, что оставаться в ней положительно невозможно. И алое солнце над молочными реками и кисельными берегами — прекрасно; посмотри сначала на него и только потом встреть взгляд смерти. И смирись с тем, что тебя не будет, а твое место займет самозванец, двойник, которого будут принимать за тебя самого. Калев Кескюла сравнивает себя с тараканом в щели, с медведем в берлоге, он говорит, что ему нет оправданья, но он пронизан любовью. Да, мы моментально чувствуем: он любит все, о чем пишет с иронией и даже некоторой издевкой, на самом деле, он просто маскирует предельную нежность – близкую к слезам.

		Я верую в вечную доблесть людей жить –думала смерть написано в одном его стихотворении, но это вовсе не слова смерти, а слова смертного, который готов в любой момент отчалить от берега жизни, готов оттолкнуться веслом, помочь Харону грести, но до тех пор, пока не придет его черед прощаться, он будет радоваться короткой жизни, состоящей из печалей и утрат. У Кескюла есть стихи о синеве итальянского неба и о бульварах Парижа – о красоте общепризнанной, обязательной, традиционной, туристической; он ее не отрицает, но есть еше красота окраины, тусклая и бедная, – открыть и принять ее прелесть куда труднее, но этот глубинный труд души важен и прекрасен. А вот с Александером Сууманом мы были довольно хорошо знакомы: жили в одном доме, встречались во дворе и перебрасывались почти каждый день несколькими фразами, не обязательно о литературе –иногда о погоде или о бессоннице. И время от времени заговаривали о переводах – мне всегда нравились его стихи. Я должен утешиться тем, что я безутешен, и наслаждаться несчастьем — это счастливая доля. Он пытался примирить непримиримое, найти гармонию в какофонии, он строил воздушные замки и верил в то, что у них надежный фундамент и крепкие стены. Он дарил женщинам букеты, составленные из небесных звезд, он признавался в любви серым болотам, серым облакам и серым деревьям своего края, он считал, что любой, самый красивый человек становится безобразным, когда он ссорится, кричит и унижает другого человека. Он писал о том, что губы его помнят сотни поцелуев, а руки помнят тысячи объятий, он боялся опустошенности, он боялся, что в сердце его просочится что-то помимо приязни, ведь тогда он станет немым.

		«Я хочу, чтобы мой взгляд был подобен реке, которая никогда не покроется льдом», – с такой добротой редкий лирический поэт взирает на мир. Поэзия смирения, снисходительного приятия и прощения, и при этом стихи его никогда не бывают пресными, в них всегда есть тот больной нерв, который не дает читателю равнодушно перевернуть страницу. Ведь поэзия Александера Суумана еще и поэзия прощания. Прощания с жизнью, которой поздно предъявлять претензии, поздно просить исполнения желании, поздно просить перемены участи. Нужно довольствоваться тел, что тебе назначено роком или Богом. И не только в поздних стихах прощается и прощает Сууман, он с молодых строк ощущал краткость и конечность всего, что выпадет ему увидеть и познать. Все конечно, все разрушается: «надо бы мне позаботиться о более стойких камнях», но их не существует в природе. Жизнь приучила меня ценить боковые тропы и не придавать значения широкому большаку Кто из поэтов занимал такую скромную позицию? Мне думается, никто. Кто не искал славы, а уклонялся от встречи с ней? Кто довольствовался малым и от этого малого готов был отказаться в любую минуту? А теперь я вернусь к началу моих заметок: каждому из поэтов, вошедших в этот томик переводов, мне хочется позвонить. Думаю, на небесах есть отдельный дом отдыха, куда заселяют хороших поэтов. Можно было бы попробовать дозвониться до Бога, чтобы проверить свою гипотезу, но у него телефон всегда на авиарежиме... Елена СКУЛЬСКАЯ

	n/a	Translator’s Foreword GOD’s PHONE IS IN FLIGHT MODE Sometimes, it seemed to me that I could call each of them to understand the meaning of this or that line. I wanted to hear the voices of Toomas Liiv (Toomas Liiv, 1946-2009), Kalev Kesküla (Kalev Kesküla, 1959-2010), Aleksander Suuman (Aleksander Suuman, 1927-2003). The deaths of all three poets were so recent that the breath of momentary life in the verses had not yet faded; they had not yet passed into the past, I still want to talk about them in the present tense. Of course, a good poet has only one date – his birth date. And yet, a person's death affects his poetry in a special way – sometimes, it pushes them into the shadows, and sometimes it highlights the edges of pain and joy that prompted him/her to write. Death crosses out hopes, dreams, and the human future, but this final point does not prevent us from talking to the poet and understanding how important his/her message was for the composition of which he spent all his earthly time... This collection opens with the fantastic novella in verses by Toomas Liiv, "Daan-1609". "Fantastic" is not an epithet but a genre. I don't know of any other cases in lyrical poetry of such a pure genre without impurities, seemingly poetry completely contraindicated. Traditionally, the poet prepares us for a futuristic space (unattainably beautiful or darkly hopeless) with special hints: "dream," "play of imagination," "vision," and "prediction," that is, he explains the text to us by some shift of his consciousness. But Toomas Liiv does not indulge us with hints; he, as it were, without any poetic pirouettes, writes a science fiction novel in the strict sense of the word. There is a certain planet, Daan-1609, and its inhabitants have the opportunity to achieve complete happiness and prosperity if they destroy all the birds. Then the planet will turn into one blooming apple orchard." (Here, of course, there is a reference to the dreams of Chekhov's heroes: "All Russia is our garden"; only in Chekhov's it is cherry, and in Liiv's, it is apple). And people in this beautiful future will live in large "toskanaries." Toskanari - from the word "toska," that's how I continued the author's thought, inventing the neologism "jamarad," I suppose, from the word "bowl" -

		nonsense, rubbish, stupidity, absurdity. My translation, in this case, is not entirely accurate, but it leads the reader to the hero's main, albeit unnamed, experience, which is defined precisely by the word "toska." Think about how modern this poem about Peter from the planet Daan-1609 is, about Peter, who tucks his tail behind his ear and goes into another room, completing his inner monologue. The last few years have forced us to destroy many "birds" - personal communication, friendly meetings, trips, travels. The legitimate desire to survive, not to get infected, to cover our faces with masks, not to reach out, to keep our distance has changed us; we are afraid, and we are always afraid, even if we behave boldly and riskily. Loneliness and isolation have become a certain cultural code of existence, and don't they turn our homes into toskanaries because of this? In Toomas Liiv's verses, the world is on the brink of catastrophe: birches are burning, bridges are collapsing, a swallow takes flight only to be killed, the heavy silence of bumblebees hangs in the air, the lyrical hero does not want to join the "shaggy flock" surrounding him; memories sprout - white flowers on graves, an angel's wing is broken... And there's one cheerful, amusing scene with Alexander Sergeyevich Pushkin, who complains to Toomas Lembitovich (reciting the first chapter of "Eugene Onegin") that no poems are written after death. "There," there isn't even paper for a poet. And only the tireless Dante again and again – always – waits at the gate! I wasn't familiar with Toomas Liiv, but I exchanged a few notes with Kalev Kesküla when I translated one of his poems; we agreed to meet and compile a representative selection for the Russian reader. Then I have to write the inevitable and banal: we didn't make it. My books paintings have become non-existent today They cannot be considered life

		They are called memories Kalev Kesküla often tries to imagine what will happen after death, or rather, inside death - because something must be there, right?! Undoubtedly, there will be no smells, so every fragrant night is bliss. Morning coffee on the veranda is a miracle; it must be remembered because human life is filled with so many disasters that it is hard to remain in it. And the crimson sun over milky rivers and jelly banks — beautiful; look at it first and only then meet the gaze of death. And resign yourself to the fact that you will not exist, and your place will be taken by an impostor, a double, who will be mistaken for you. Kalev Kesküla compares himself to a cockroach in a crevice, a bear in a den; he says he has no excuses but is filled with love. Yes, we instantly feel he loves everything he writes about with irony and even some mockery, but in reality, he simply masks extreme tenderness – close to tears. "I believe in the eternal valor of people to live" – death thought written in one of his poems, but these are not the words of death at all, but the words of a mortal who is ready to depart from the shore of life at any moment, ready to push off with an oar, help Charon row, but until his turn comes to say goodbye, he will rejoice in the short life consisting of sorrows and losses. Kesküla has poems about the blue of the Italian sky and the boulevards of Paris – about universally acknowledged, obligatory, traditional, touristy beauty; he does not deny it, but there is also the beauty of the outskirts, dim and it is much harder to discover and accept its charm, but this profound labor of the soul is important and beautiful. But with Alexander Suuman, we were quite well acquainted: we lived in the same house, met in the courtyard, and exchanged a few words almost every day – not necessarily about literature, sometimes about the weather or insomnia. From time to time, we talked about translations, and I always liked his poems. "I must console myself with the fact that I am inconsolable,

		and enjoy misfortune — it is a happy lot." He tried to reconcile the irreconcilable and find harmony in cacophony; he built castles in the air and believed that they had a reliable foundation and sturdy walls. He gave women bouquets made of celestial stars, he confessed his love to the gray swamps, gray clouds, and gray trees of his land, he believed that any, even the most beautiful person, becomes ugly when they quarrel, shout, and humiliate another person. He wrote that his lips remember hundreds of kisses, and his hands remember thousands of embraces; he feared emptiness; he feared that something other than friendship would seep into his heart because then he would become mute. "I want my gaze to be like a river that never freezes" – a rare lyrical poet looks at the world with such kindness. Poetry of humility, condescending acceptance, and forgiveness, and yet his poems are never bland, they always have that raw nerve that prevents the reader from turning the page indifferently. After all, Alexander Suuman's poetry is also a poetry of farewell. Farewell to life, to which it is too late to make claims, too late to ask for wishes to be fulfilled, too late to ask for a change in fate. You must be content with the role that fate or God has assigned you. Not only in his later poems does Suuman bid farewell and forgive; from the early lines, he felt the brevity and finiteness of everything he would see and know. Everything is finite, everything is destroyed: "I should take care of more durable stones," but they do not exist in nature. Life has taught me to appreciate the side paths and not to attach importance to the wide boulevard

					Which of the poets took such a modest position? I think none. Who didn't seek fame but shied away from encountering it? Who was content with little and was ready to give up this little at any moment? And now, I'll go back to the beginning of my notes: I want to call each poet included in this volume of translations. I think there is a separate resting place for good poets in heaven. I could try to call God to check my hypothesis, but his phone is always in flight mode... Jlena SKULSKAJA
108.	2022	Hüüdnimi Eestlane. II.	Harry Raudvere	Novels	По прозвищу Эстонец. Часть вторая / Nickname Estonian. Part 2.
	Tere tulemast lõksu! Harry Raudvere on kirjutanud KOHUTAVALT lummava portree noorest mehest – Toomas Jugapuust – kes on ühtaegu nii murdja kui kaunishing. Nii röövel kui heategija. Selle himurale ja helgele nõukogude ajas vastuvoolu ujunud mehele sobivad paljud sildid. Ja tegelikult ei sobi ükski. Saame lugedes samastuda. Mehed mõtisklevad: kas mina ka oleksin kõik need toonased bizzid osanud diilida ja kõik need naised möödaminnes maha võtta? Naised arutlevad, kas mina suudaksin sellise loodusjõu taltsutada, kas minust piisaks selle isaslooma kodustamiseks? Ääretud detalise mäluga Harry joonistab meie ette nõukogude Eesti ja Venemaa. Tema kirjeldatud Novgorod ja Pervomaiski, Linnahall ja Pegasus on tänuväärne materjal dokfilmi või teleseriaali loojatele – mitte midagi pole vaja juurde mõelda ega tuletada, KÕIK on olemas. Seda raamatut lugedes ja kaasa kogedes on meil võimalus oma enese analoogset sleppi seedida. Enamasti on see pigem valus kui ilus – sellepärast tulebki ära seedida, et puhtalt lehelt on klaarim edasi elada, luua ja lehvida. Vinge viiking Raudvere on kaval.				Добро пожаловать в ловушку! Харри Раудвере написал бесподобный портрет молодого мужчины Тоомаса Югапуу. Он беспощаден по отношению к врагам и с нежной заботлнвостью относится к близким. Разбойник и благодетель в одном лице. Сердцеед и рубаха-парень со светлой душой. Этому молодому человеку, отважно плывущему против течения советского режима, подошли бы разные характеристики, но ни одна из них, отдельно взятая, не передаёт полностью его сущность. Зато многие ситуации, в которые то и дело попадает Том, читатель может примерить на себя. Мужчина наверняка задумается: а я смог бы с такой же легкостью завоевывать женские сердца? Женщину, скорее, заинтригует необузданный темперамент главного героя: а я смогла бы приручить такого самца и укротить его непреодолимый зов природы? Автор книги необычайно подробно рассказывает о жизни в Эстонии и России советских времён. Детальные описания Новгорода и Некрасово, Горхолла и кафе «Пегас» могли бы стать благодатным материалом для документального фильма или телесериала – ничего не надо додумывать, в книге есть всё! Читая это повествование и вспоминая те времена, мы можем заново пережить свои собственные события и ощущения. Они скорее болезненные, чем

	Ta jätab eestlase-raamatu 2. osas õhku rohkem lahtiseid otsi kui 1. osas. Mis peategelase armastatuga tegelikult juhtus? Mismoodi hakatakse kasutama nagaani, mille Venemaale tööle suunatud noormees kõigi võimalike relvade hulgast välja valis? Millal kaevab ta välja aardelaeka, mille ta uskumatute asjaolude kokku sattumise kogupauguna Eestimaa metsa maasse kaevas? Mis saatus ootab tema sõbratare? Kas ja kui palju võtab noor mees vastutust peatselt ilmale tuleva tite eest? Kes olid tegelikult need sõgedikud, kes mängisid revidente - kas ja mismoodi tulevad tõelised revidendid? Kas ta neist kümnetest naistest, kes talle kogu valimikust meeldisid, mõnega veel edasi ka suhtleb ja suguühteb? Nii ta meid, lõksu meelitatuid, hõõguvisilmi järge ootama jätab! Kati Saara Vatmann Toimetaja COVER Jätkuvad raamatukangelase Toomas Jugapuu seiklused müstilisel Nõukogudemaal. See oli aeg, kus hoomamatut soovunelmat kannustas teostamatu idee ja kunstlikult loodud ühiskonnamudel hävitas üksikisiku initsiatiivi. See oli aeg, mil taevani küündiv ülekohus ja hukutav lauslollus olid muudetud elunormiks. See oli aeg, mil vaatamata üleüldisele hullusele leidus käsikäes nii kurbust ja rõõmu, kui ka leina ja armastust. Seal oli asju, mida oli sõnadega võimatu seletada, ja asju, mis olid sõnadetagi selged. Kuid vaatamata kõigele elasid ka sel ajal inimesed, kes trotsides igapäevaseid eluraskusi, uskusid helgemat tulevikku ja vihkasid sõda.	красивые, но у каждого они свои. Может, так оно и лучше - заново пережить, переварить, оставить всё позади и начать с ЧИСТОГО ЛИСТА... Харри Раудвере знает, как заинтриговать читателя. Во второй части книги он оставляет без ответа ещё больше вопросов, чем в первой, и заканчивает её, пожалуй, на самом интересном месте. Что на самом деле произошло с возлюбленной главного героя, приехавшего на работу в Россию по институтскому распределению? Как он использует наган, купленный у соседа? Как распорядится сокровищем, которое отвёз в Эстонию и зарыл в лесу? Какая судьба ждёт его подружек? Возьмёт ли он на себя ответственность за ребёнка, который должен вот-вот родиться? Кем окажутся странные типы, выдававшие себя за ревизоров? Приедет ли настоящая ревизионная комиссия? А что насчёт десятков женщин, которые нравились Тому? Будут ли новые встречи и жаркие ночи? Вот так автор и заманил нас в ловушку, заставив с нетерпением ждать продолжения. Кати Саар Ватманн COVER Продолжение приключений книжного героя Тоомаса Югапуу в мистической России советского периода. Это было время, когда неосуществимая идея подстёгивала заветное желание, а искусственно созданная модель общества убивала индивидуальную инициативу. Это было время, когда чудовищная несправедливость и губительное полнодурие считались нормой жизни. Это было время, когда вопреки повсеместному безумию в жизни людей были простые и понятные радости и горести, скорбь и любовь.

	Raamatu „Hüüdnimi Eestlane” tegevus põhineb tegelikkuses aset leidnud sündmustel. Ka nii elati. Kui keegi lugejatest peaks end samastama mõne tegelaskujuga, siis lohutage end teadmisega, et tegemist on ilukirjandusliku teosega. www.raudvere.ee	В то время были вещи, которые не объяснить словами, но были и такие, что понятны и без слов. Люди жили, невзирая на ежедневные тяготы, и верили. Верили в светлое будущее и ненавидели войну. Действие книги «По прозвищу Эстонец» основано на событиях, происходивших в реальности. Так тоже жили. Если вы обнаружите некоторое сходство с кем-то из действующих лиц, то можете утешить себя тем, что это произведение – беллетристическое.
	Welcome to the Trap! Harry Raudvere has crafted an intensely captivating portrait of a young man – Toomas Jugapuu – who is both a breaker and a gentle soul, a thief, and a benefactor. A man who swam against the currents of the lustful yet radiant times of Soviet Estonia, he defies all labels, yet fits none perfectly. Through reading, we can find ourselves identifying with the characters. Men ponder: Could I have handled all those deals and easily swept through all those women? Women wonder: Could I tame such a force of nature? Am I enough to domesticate such a wild man? With remarkable attention to detail, Harry paints a vivid picture of Soviet Estonia and Russia. His depictions of Novgorod, Pervomaiski, the Linnahall, and Pegasus are so precise that they offer rich material for documentary or TV series creators—nothing needs to be added or imagined, it’s all there. Reading this book and experiencing it alongside the characters allows us to reflect on our analogous life trails. More often than not, this reflection brings more pain than beauty—that’s why it must be digested so that we can move forward with a clean slate, to live, create, and flourish. The clever Viking, Raudvere, leaves more loose ends in the second part of the Estonian series than he did in the first. What truly happened to the protagonist’s lover? How will the Nagant revolver, chosen by the young man working in Russia, come into play? When	Welcome to the Trap! Harri Raudvere has crafted an impeccable portrait of a young man, Toomas Jugapuu. He is ruthless towards his enemies yet tender and caring with those close to him. A bandit and a benefactor in one person. A heartthrob and an everyman with a bright soul. Various descriptions could suit this young man, bravely swimming against the currents of the Soviet regime, but none of them, taken individually, fully convey his essence. Many situations that Tom encounters can be easily relatable to the reader. Men might wonder: could I conquer women's hearts as effortlessly? Women might be intrigued by the hero’s wild temperament: could I tame such a man and curb his irresistible call of nature? The author describes life in Soviet-era Estonia and Russia in extraordinary detail. The intricate descriptions of Novgorod and Nekrasovo, the Gorhall and the Pegasus café could serve as excellent material for a documentary or TV series—nothing needs to be invented, it’s all in the book! As we read this narrative and remember those times, we can relive our own experiences and sensations. They are more likely to be painful than beautiful, but they are unique to each of us. Perhaps it's better this way—to relive, process, leave it all behind, and start from scratch... Harri Raudvere knows how to captivate his readers. In the second part of the book, he leaves even more questions unanswered than in the first, ending it at perhaps the most intriguing point. What happened to the hero's beloved who came to work in Russia through a university assignment? How will he use the revolver he bought from a neighbor? How will he handle the treasure he took to Estonia and buried in the

	will he dig up the treasure chest he buried in the Estonian forest under unbelievable circumstances? What fate awaits his friends? Will the young man take responsibility for the baby soon to be born? Who were the real lunatics who played the role of auditors—and how will the real auditors come into the story? Out of all the women who caught his eye, will he continue to connect and engage with any of them? With glowing eyes, he leaves us eagerly awaiting the next installment, trapped in suspense! Kiti Saara Vatmann, Editor Cover The adventures of Toomas Jugapuu continue in the mystical land of the Soviet Union. It was a time when unattainable dreams were driven by impossible ideas, and the artificially created social model destroyed individual initiative. It was an era when injustice and absurdity became the norms of life. Despite the general madness, there was both sorrow and joy, grief and love. Some things could not be explained in words and things that were clear without words. But despite everything, people lived, people who, while enduring daily hardships, believed in a brighter future and hated war. The story in "Hüüdnimi Eestlane" (Nickname Estonian) is based on real events. Yes, life was like this. If any readers find themselves identifying with a character, take comfort in knowing that this is a work of fiction. www.raudvere.ee	forest? What fate awaits his girlfriends? Will he take responsibility for the child that is about to be born? Who are the strange types posing as auditors? Will the real audit commission arrive? And what about the dozens of women who liked Tom? Will there be new meetings and passionate nights? This is how the author has trapped us, making us eagerly await the continuation. Kati Saar Vatmann Editor COVER The Continued Adventures of Toomas Jugapuu in Mystical Soviet Russia This was a time when impossible ideas fueled cherished desires, and the artificially created societal model suffocated individual initiative. It was an era when colossal injustice and devastating absurdity were considered the norms of life. Despite the pervasive madness of the time, there were still moments of simple and understandable joys and sorrows, grief, and love in people’s lives. During this period, some things couldn’t be explained in words, and yet there were also things that were understood without words. People lived their lives, bearing the daily hardships, and still believed. They believed in a brighter future and hated war. The story in “Nickname Estonian” is based on real events. Yes, life was like that. And if, while reading, you notice a similarity with some of the characters, take solace in knowing that this work is fictional.

109.	2022	Vanalinna detektiivid. Verega kirjutatud kirjad	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы старого Таллинна. Письма, написанные кровью / Detectives of Old Tallinn. Letters written with blood
	Rebeka ja Gregor pole üksteist mõnda aega näinud, kui äkitselt saabub salapäraselt naiselt ümbrik paberite ja kahe võtmega – see kõik tähendab, et tuleb hakata lahendama uut mõistatust. Tallinna vanalinnas liikudes otsitakse kummitusi, kuuldakse vanu legende ja kohtutakse inimestega, kellel on sellest kõigest oma arusaam. Reeli Reinaus (snd 1977) on kirjutanud üle kahekümne raamatu lastele ja noortele. „Verega kirjutatud kirjad“ on järg raamatule „Vanalinna detektiivid: Mustpeade maalid“.				И они принялись ждать. Поначалу Грегор нервно расхаживал по квартире, но Ребека велела ему упокоиться. Сказала, что, во-первых, такой топот отпугнет любое привидение, а во-вторых, соседям шаги в пустой квартире могут показаться подозрительными. Грегор нехотя сел на пол рядом с девочкой и уткнулся в смартфон. Ребеке подумалось, что электромагнитное излучение может помешать появлению духа, но не найдя, как это лучше объяснить, девочка промолчала. И пусть она не горела желанием встречаться с привидением, все-таки предпочла бы увидеть его как можно скорее, чтобы они с Грегором могли побыстрее убраться из квартиры.
	Rebeka and Gregor haven't seen each other for a while when suddenly, they receive an envelope from a mysterious woman containing papers and two keys—signaling the start of a new puzzle to solve. As they explore Tallinn's Old Town, they search for ghosts, hear old legends, and meet people with their own interpretations of these mysteries. Reeli Reinaus (born 1977) has written over twenty books for children and young adults. *"Letters Written in Blood"* is the sequel to the book "Detectives of Old Tallinn: The Paintings of the Blackheads."				And so they began to wait. At first, Gregor nervously paced around the apartment, but Rebeka told him to settle down. She explained that, firstly, such stomping would scare off any ghost, and secondly, neighbors might find footsteps in an empty apartment suspicious. Gregor reluctantly sat down on the floor next to the girl and buried himself in his smartphone. Rebeka thought that the electromagnetic radiation might interfere with the spirit's appearance, but unable to find the right words to explain it, she remained silent. Although she wasn't eager to encounter the ghost, she still preferred to see it as soon as possible so that she and Gregor could get out of the apartment quickly.
110.	2022	Vanalinna detektiivid. Mustpeade maalid	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Картины Черноголовых / Detectives of Old Tallinn. The Paintings of the Blackheads.
	Rebeka ja Gregor kohtuvad juhuslikult Tallinna vanalinnas asuvas Mustpeade majas. Pea sama juhulikult satub nende teele salapärane naine, kes teeb neile ülesandeks välja uurida, kuidas kaovad Mustpeade majast maalid. Ülesanne pole aga sugugi kergete killast, kuna vastust küsida tuleb kummitustelt. Reeli Reinaus (snd 1977) on kirjutanud üle kahekümne raamatu lastele ja noortele. Käesolev raamat on uue sarja esimene seiklus.				n/a

	Rebeka and Gregor meet by chance at the House of the Blackheads in Tallinn's Old Town. Almost as coincidentally, a mysterious woman crosses their path, giving them the task of finding out how paintings are disappearing from the House of the Blackheads. However, the task is far from easy, as the answers must be sought from ghosts. Reeli Reinaus (born 1977) has written over twenty books for children and young adults. This book marks the first adventure in a new series.				n/a
111.	2022	Vennad Luiged	Kalle Käsper	Novels	Братья Луйк
	Tulevane spiiker sulges bloknoodi, kraaksatas veel korra rahulolevalt ja märkas alles nüüd Luike. Tema nägu omandas mõtliku ilme. „Aa, Martin! Mul on sulle halvad uudised. Moskvas on putš... “ Luik tahtis öelda, et ta teab kõike ja tõttab lennuväljale, kuid spiiker peatas ta autoritaarse, keelava käeliigutusega. '„Moskvas on putš,” kordas ta, „ja sellega seoses on meie plaanid muutunud. Ma rääkisin just praegu Heisingiga. Minu sõber, Soome välisminister teatas mulle, et Eestiga side puudub. Tallinn on blokeeritud, täna hommikul ei lahkunud reidilt ainuski laev. Väga võimalik, et meie sinuga oleme ainsad koalitsiooni liikmed, kes viibivad vabaduses. Nendes oludes ei jää mul muud üle, kui järgida seitsmekümne aasta taguseid traditsioone ja moodustada uus Eesti Vabariigi välisesindus peakorteriga Pariisis. Ukraina patrioodid lubasid toimetada meid, peame reisima omal käel. Laev väljub tunni aja pärast, auto...“ Ta võttis vestitaskust kaanega kuldkella ja vajutas harjunult nupule, „auto peaks juba ees olema“.				n/a
	The future Speaker closed his notebook, croaked contentedly one more time, and only then noticed Luik. His face took on a thoughtful expression. "Ah, Martin! I have bad news for you. There's a coup in Moscow..." Luik wanted to say that he knew everything and was rushing to the airport, but the Speaker stopped him with an authoritarian, forbidding hand gesture.				n/a

	"There's a coup in Moscow," he repeated, "and consequently, our plans have changed. I just spoke with Heising. My friend, the Finnish Foreign Minister, informed me that there's no communication with Estonia. Tallinn is blocked; not a single ship left the harbor this morning. It's very possible that you and I are the only coalition members who are still free. Under these circumstances, I have no choice but to follow the seventy-year-old tradition and establish a new Estonian Government in Exile, headquartered in Paris. Ukrainian patriots promised to get us there, but we must travel alone. The ship departs in an hour, the car..." He took a golden pocket watch from his vest pocket and habitually pressed the button, "The car should already be waiting outside."				
112.	2022	Vanalinna detektiivid 3. Neitsitorni meedium	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Медиум Девичьей башни / Detectives of Old Tallinn. The medium of the Maiden's Tower
	Mõistatus, mille Rebeka, Gregor ja Lota peavad seekord lahendama, on seotud Niguliste kirikus toimuva menuka rahvusvahelise maalinäitusega. Kas maalid võivad sisaldada surmavat sõnumit? Rebekal tuleb ületada hirm kirikusse maetud muumia ees, Lotat vaevab südametunnistus ning Gregor jälitab tänaval naist, kes on Huldra. Ka seekord aitavad saladust lahendada maskeerumishuvilised näiteringipoisid Markus ja Kaspar.				Теперь вся надежда на то, что Каспар и Лота задержат Наоми. Слышно было, как Лота спросила у той, что делать, если вызванный верчением тарелки дух не желает возвращаться в потусторонний мир. Ответа Наоми она не расслышала, но тон свидетельствовал о том, что гипнотизерша сильно раздражена и вот-вот кинется вдогонку. Ребека продолжала тащить женщину с вуалью вниз, затем по короткому переходу к лестнице и еще на этаж ниже. Распахнув дверь в туалетную комнату, вторкнула туда помощницу, влетела сама – и тут силы ее иссякли. Она не знала, что делать дальше и что говорить. В голове была единственная мысль – времени у нее в обрез. И все-таки с чего-то надо было начинать.
	The mystery that Rebeka, Gregor, and Lota must solve this time is connected to a popular international painting exhibition at the Niguliste Church. Could the paintings contain a deadly message? Rebeka must overcome her fear of the mummy buried in the church, Lota struggles with her conscience, and Gregor follows a woman on the street who turns out to be a Huldra. Once again, their investigation is aided by Markus and Kaspar, boys from a theater group with a passion for disguises.				Now, all hope was that Kaspar and Lota would delay Naomi. She could hear Lota ask what to do if the spirit summoned by the spinning plate refused to return to the otherworld. She couldn't make out Naomi's response, but the tone suggested that the hypnotist was extremely irritated and about to rush after them. Rebeka kept dragging the veiled woman downwards, then through a short passageway to a staircase, and one floor lower. Throwing open the door to the restroom, she pushed the assistant inside, and rushed in herself—and at that moment, her strength gave out. She didn't know what to do next or what to say. There was only one thought in her mind—she was running out of time. Yet, she had to start somewhere.
113.	2022	Mina olin siin	Sass Henno	Novels	Я был здесь. №1: первый арест / I was here. No. 1, the first arrest.

	„Sass Henno on andnud sellise kultuurikeskkonna poolt lindpriiks kuulutatud põlvkonnale kirjandusliku hääle - kirjutab selle põlvkonna elule tagasi ning elu tagasi kirjandusse“. Berk Vaher “Hoogne stiil, selged karakterid, jõuline sõnakasutus ja valitsev pinge teevad sellest nauditava teose”. Priit Hõbemägi „Romaan on algusröögatustest peale täpne, instinktiivselt hetkeks tagasi põrganult avastad juba esimesel leheküljel, et see raev kannab, sest kohe lisanduvad nurkaaetu sõimule selged, tekstiga kaasaminemiseks nii vajalikud kujundid, vilksatab hoopis teine, kaotatud, võib-olla üldse mitte eksisteerinud, aga algtasandil ikkagi oluline maailm ning kõik sõnad, vandumine ja mittevandumine saavad teise mõõtme, puhtalt kobrutavasse vihasse lisandub kibeduse mõru mekki”. Eva Park Sass HENNO (snd 1982) esimene noorteromaan kandis pealkirja „Elu algab täna” ja see märgiti ära 2002. aasta romaanivõistlusel. Kaks aastat hiljem pani Sass põnevikuga “Mina olin siin. Esimene arest" romaanivõistluse kinni, olles tänaseni noorim võitja läbi aegade. Lisaks kirjanikutööle tegeleb ta reklaami- ja kinnisvaraäris ning on suhte- ja seksuaalvägivalla vastu võitleva ühingu MTÜ Julge Rääkida asutaja. COVER Ühelt poolt on see lugu noortest, kes elavad väljaspool kehtivaid seadusi, käibetõdesid ja moraalinorme. Teiselt poolt on see ühe poisi ülestunnistus sündmustest, mis on jäänud piisavalt kaugele, et neid saaks valutult jutustada. Sass Henno „Mina olin siin“ võitis 2004. aastal romaanivõistluse ja saavutas ilmudes kohe lugejate tulise poolehoiu. Toona nimetas üks kriitikuist autorit tuleviku klassikuks. Nüüd on see tulevik käes. 2007. aastal vaimis romaani	«Сасс Хенно дал литературный голос поколению, которое до того для культурной среды оставалось вне закона. Он вернул это поколение в жизнь и жизнь его возвратил в литературу». Берк Вахер «Динамичный стиль, ясные характеры, жесткая лексика и царящее в романе напряжение превращают его в произведение, при чтении которого испытываешь наслаждение». Прийт-Хыбемяги «Роман точен с первых криков боли; инстинктивно оглядываясь, понимаешь с первой страницы, что несет в себе этот гнев, потому что к ругани загнанного в угол персонажа сразу же добавляются ясные, так нужиые, чтобы втянуться в текст, образы; здесь просвечивает иной, утраченный, возможно, и вовсе не существовавший, но все же важный на первичном уровне мир, и все слова, ненормативная лексика и ругань получают иное измерение, к чистой клокочущей ненависти добавляется привкус горечи». Эва Парк Первый молодежный роман Сасся Хенно (р. 1982) назывался «Жизнь начинается сегодня» и был отмечен на конкурсе романов 2002 года. Два года спустя Сасс с остросюжетным произведением «Я был здесь. Первый арест» одержал победу в конкурсе романов, став самым молодым лауреатом за всю историю конкурса. Помимо литературной деятельности, он работает в сфере рекламы и бизнеса с недвижимостью и является основателем борющегося с насилием в области отношений и секса общества MTÜ Julge Rääkida («Говори смело». COVER С одной стороны, это история подростков, которые живут вне действующих законов, общепринятых истин и моральных норм. С другой – это признание

	põhjal mängufilm ja juba peaaegu 30. aastat kuulub „Mina olin siin“ soovitusliku koolikirjanduse nimekirja.	одного парня о событиях, которые произошли достаточно давно, чтобы о них можно было рассказывать, не испытывая боль. «Я был здесь» Сасся Хенно в 2004 году победил в конкурсе романов и сразу же завоевал горячую поддержку читателей. Один из критиков назвал тогда автора будущим классиком. Теперь это будущее наступило. В 2007 году по роману был снят игровой фильм, уже почти 20 лет «Я был здесь» входит в число литературы, рекомендуемой школьникам для прочтения.
	"Sass Henno has given a literary voice to a generation declared outlaws by the cultural environment—writing life back into this generation and life back into literature." —Berk Vaher "A dynamic style, clear characters, powerful use of language, and prevailing tension make this an enjoyable work." —Priit Hõbemägi "From the initial outbursts, the novel is precise. Instinctively recoiling for a moment, you discover on the first page that this rage carries weight. Immediately, the curses of the cornered are joined by clear, necessary images that drive the text forward. A different, lost, perhaps never even existing, but fundamentally important world flashes by, and all the words, swearing and non-swearing alike, gain another dimension. Purely bubbling anger is flavored with the bitter taste of bitterness." —Eva Park Sass HENNO (born 1982) had his first young adult novel, "Elu algab täna" (Life Begins Today), recognized in the 2002 novel competition. Two years later, with the thriller "Mina olin siin. Esimene arest" (I Was Here. The First Arrest), Sass won the novel competition, remaining the youngest winner. Besides his work as a writer, he is involved in advertising and real estate. He is the founder of the NGO "Julge Rääkida" (Dare to Speak), which fights against relationship and sexual violence.	"Sass Henno has given a literary voice to a generation that had previously remained outside the law for the cultural environment. He has brought this generation back to life and returned its life to literature." —Berk Vaher "A dynamic style, clear characters, sharp vocabulary, and prevailing tension make this a work that is a pleasure to read." —Priit Hõbemägi "The novel is precise from the first cries of pain; instinctively looking back, you understand from the first page what this rage carries, because the curses of the cornered character are immediately added the clear, necessary images to get into the text; here shines through a different, lost, perhaps never even existing, but still important at the primary level world, and all the words, swearing and non-swearing, gain another dimension, adding a taste of bitterness to the pure bubbling hatred." —Eva Park Sass Henno (born 1982) had his first young adult novel, "Life Begins Today," recognized in the 2002 novel competition. Two years later, with the thriller "I Was Here. The First Arrest," Sass won the novel competition, becoming the youngest winner in the competition's history. Besides his literary work, he is involved in advertising and real estate, and he is the founder of the NGO "Julge Rääkida" (Dare to Speak), which fights against relationship and sexual violence.

	COVER On one hand, this is a story about young people living outside the prevailing laws, common truths, and moral norms. On the other hand, it is a boy's confession about events that have receded far enough into the past to be recounted without pain. Sass Henno's "Mina olin siin" won the novel competition in 2004 and immediately gained readers' favor upon its release. At that time, one critic called the author a future classic. Now, that future is here. In 2007, a feature film based on the novel was made, and for nearly 30 years, "Mina olin siin" has been included in the recommended school literature list.				COVER On one hand, this is a story about teenagers who live outside the existing laws, common truths, and moral norms. On the other hand, it is a confession of a boy about events that happened long enough ago to be recounted without pain. Sass Henno's "I Was Here" won the novel competition in 2004 and immediately gained strong reader support upon its release. At that time, one critic called the author a future classic. Now, that future has arrived. In 2007, a feature film based on the novel was made, and for almost 20 years, "I Was Here" has been included in the list of literature recommended for schoolchildren.
114.	2022	Eesti rahvajutud	Friedrich R. Kreutzwald	Children's literature	Эстонские народные сказки / Estonian folklore tales
Bilingual					Фр. Р. Крейцвальд – поэт, фольклорист, общественный деятель, основоположник эстонской литературы. Собранные им произведения устной народной традиции легли в основу национального культурного фонда, стали краеугольным камнем эстонской литературы. В настоящем издании-билингва представлены пять сказок на русском и эстонском языках. В сказочных образах оживает вечная мифологическая традиция, финно-угорская древность, архаика народной культуры. В этом издании представлены 5 сказок на русском и эстонском языках. В сказочных образах оживает вечная мифологическая традиция, финно-угорская древность, архаика народной культуры.
					Fr. R. Kreutzwald was a poet, folklorist, public figure, and the founding father of Estonian literature. The works he collected from oral folk traditions laid the foundation for the national cultural heritage and became the cornerstone of Estonian literature.

					This bilingual edition features five fairy tales in both Russian and Estonian. These tales bring to life the timeless mythological traditions, the Finno-Ugric ancient past, and the archaic elements of folk culture. The book presents 5 fairy tales in Russian and Estonian. Through these fairy tale images, ancient myths and folklore are revived, preserving a deep connection to Estonian cultural roots.
115.	2022	Maa jääb paigale. Lugu Põhjasõja sündmustest Tartumaal	Arvo Valton	Novels	Сказ о Петре и Карле. Из истории Северной войны в Тартумаа / The story of Peter and Carl. History of the Northern War in Tartumaa
	Lõpetuseks Põhjasõja lõpuks, aga võib öelda ka, et juba selle keskpaigaks, 1710. aastaks, mil kogu Eestimaa oli venelaste poolt vallutatud, oli eesti rahvast alles jäänud vähem kui üks kolmandik. Selles olid süüdi nälja-aastad, katk ja muud taudid ning osalemine sõjaväljadel, kuid kõige jõhkram oli selles rahva hävingus inimeste tapmine ilma mingi näivagi põhjuseta, niinimetatud põletatud maa taktika rakendamine venelaste poolt. See hävitamine oleks peaaegu päädinud kõigi eestlaste ja lätlaste küüditamisega Venemaale ja siis poleks Eestimaale jäänud sedagi kolmandikku rahvast. Õnneks kogunes laiutava Vene impeeriumi ette palju muid probleeme, sealhulgas ka allutatud rahvaste vastupanu, vene enda viimseni piinatud talupoegade vastuhakud ja ähvardavad välisvaenlased. Raske öelda, milline näinuks välja hilisem Eestimaa, kui Peeter I lausküüditamise plaan oleks teostunud. Eestlasi poleks niisiis Eestimaale üldse alles jäänud, oleksid mõnda aega ehk siin-seal säilinud väikesed kogukonnad, mida metoodiliselt ja järjekindlalt oleks venestatud. Need säilinud kogukonnad Venemaa avarustes oleksid ehk veel mõnda aega kõnelnud moonutatud eesti keelt ja nende omanäolisest talupojakultuurist oleksid säilinud vaid vähesed riismed. Peeter I oli Vene ajaloos kahtlemata markantne kuju ning venelaste eurooplasteks painutamise algataja, seega ka vene enda traditsioonilise eripära lõhkuja. Eestlaste meeltes aga väärib see mees kõige mustemat mälestust.				n/a

	Paraku leidub veel nüüdki Eestimaal mõni ajalootark, kes on valmis talle mälestusmärki püstitama. Vahest Hitleri ja Stalini kujude kõrvale? Peetri väepealikutest suurim timukas eestlast jaoks oli Boriss Šeremetjev, keda veel 2005. aastal austati sellega, et ühele Pihkva tänavatest anti tema nimi. Eestlased pole ainsad, keda Peeter I ettevõtmised ja tegutsemine on viinud huku äärele või tema järglaste abiga täielikult hävitatud. Seda eriti tema initsiatiivil rajatud Peterburi tõttu selle ümbruses, kust häving on sirutanud oma haardeid küllaltki kaugele. On käibel ütlus, et tsaar Peeter raius akna Euroopasse. Mõni on lisanud: selle asemel, et uksest minna. Aga sõna raiuma on täpne, sest see kirvetöö on tapnud kümneid ja kümneid tuhandeid inimesi ka tema oma rahva hulgast, kuid sealkandis elanud väikesearvulised rahvad on selle linna ehitamise tõttu hävinud peaaegu täielikult. Asjatu on ka Kari XII mäletamine eesti rahva suure sõbrana, ta polnud esitanud ainsatki uuenduse kava eestlaste olukorra parandamiseks. Et ta Laiuse lossis talvitudes oli käinud ka eestlaste pulmas ning lubanud oma ohvitseridel hakata eesti vastsündinud laste vaderiks, oli ju iseenesest kena, aga ega see ikkagi tegelikult tähendanud eesti talupoegade pidamist võrdseks rootsi soost tegelastega. Mõni Karl XII eelkäijatest on head mäletamist ehk rohkem väärt. Sõdimislembeline poisike jättis Eestimaa ja Liivimaa venelaste rüüstata petlikus lootuses, et ta on võitmatu siin ja mujal. Tema isa kaotas paberi peal pärisorjuse Eestimaal, see paber polnud paraku lõpuni loetav neile, kes talumehe orjuses pidamist õigeks ja vajalikuks pidasid. Sama kuninga Kari XI ajal algas eestlaste sõjaväkke võtmine, mis ehk isegi kergitas mõne mehe eneseteadvust, sest vaenlase mõõga ees olid eesti soost taplejad sakslaste ja rootslastega peaaegu võrdses seisus, sest surm teeb võrdseks, kuid pärast surma pole selle eneseteadvusega midagi peale hakata.	

	Aga tegelikult polnud selle eneseteadvusega palju peale hakata ka enne surma lahinguväljal. Värvatud talumehele erinevalt rootslastest enamikul juhtudel palka ei makstud, korralikku varustust ega sõjariistu ei antud, sõdida tuli pahatihti kodust kaasa võetud puulõhkumise kirvega või heinatõstmise hanguga. Eestlastest moodustatud väeüksustele pandi ohvitserideks rootslasi või ka kohalikke saksu, kes neid samu talupoegi enne sõjaväkke võtmist mõisatalli juures olid piitsutada lasknud. Harva kui mõni eestlane seersandiks edutati. Samas on teada, et mõnigi kord, nagu näiteks Tartu lahingus, olid just eesti peaaegu relvitud talumehed kõige vapramad võitlejad. Samuti olid nad oma vaprust tõestanud väikestes kohalikes kaitsesalkades, mis hoidsid vene röövleid eemal oma kodupaigast. Sõjaväkke võetud eestlane oli vapper omal maal ega tahtnud oma ainumat elu odavalt ära anda. Muidugi olid sõjaväkke värvatud eestlased väljaõppeta, mis oli vajalik selleks, et osavamalt tappa teisi inimesi. Muidugi ei soovinud suur osa talupoegadest värvatud saada, vaid pages igal võimalusel rootslaste sõjaväest. Idus talumehed viimases hädas lõid oma kaitsesalku, olid nad vihased võitlema. Mitmeid sõjasangareid võib taoliste salkade eesotsas olijatest nimetada. Näiteks Tohver Kanepis, Päll Põltsamaal, Ronga Tehvan Lüganusel, teomees Suur Juhan Simunas, Paadi Andrus Räpinas, Mihku Mõnistes, Karula Naan Viljandis ja veel mitmed teised. Tobra Ants ja Jaagup oma sellise salga eesotsas olevat koguni löönud Võhandu jõe kaldal ühe vene kindrali maha. Aga kas just tapjate killast peab kangelasi otsima? Vahest on rahva säilimisel ja edasiviimisel hoopis suuremad teened nendel, kes arututest tapatalgutest kõrvale hoidsid ja maad harisid? Paljudes maailma hullumajades on üks või mitu Napoleoni, vähe teatakse nendest, kes meeltesegaduses või ka selge mõistusega on seal end põlluharijaks või leivaküpsetajaks nimetanud.	

	Mitte üksi meeltesegased, vaid ka ajalookirjutajad nihutavad esiplaanile kuulsaid tapjaid ja sageli mätsivad kinni nende tegelaste inimsusevastaseid kuritegusid. Et Eestimaad rüüstanud Vene röövsalkades oli tatarlasi ja kalmõkke, seda on ka mitmed eestlastest ajalookirjutajad rõhutanud ja vene väe hirmutegusid justkui nendele omistanud. Need rahvad olid venelaste poolt allutatud ja mehed vägisi sõjakohuslasteks tehtud, nad ei tulnud Eestimaale hirmutegusid tegema omal tahtel, vaid tegid seda suurtimuka Boriss Šeremetjevi käsul, kes omakorda sai sellise käsu tsaar Peetrilt. Koos türklastega olid venelaste vastu sõdinud ka näiteks krimmi tatarlased, kes Ivan Julma ajal olid Moskva linna kolme päevaga maha põletanud. Kui nende sõjameeste järeltulijad sattusid hiljem Vene valitsuse alla, siis küüditati seda rahvast korduval oma kodumaalt Krimmist välja ning nende tagakius jätkub ka tänapäeval. Ajalooline mälu võib olla kuri, aga enamasti tahetakse siiski unustada palju sellest, mis kurja keegi rahvale on teinud. Nii ka Peeter I puhul. Võimude vahel manööverdanud ning olude muutudes hulgi venelaste teenistusse läinud aadlikud – olid nad saksa või mistahes muud päritolu, said nüüd jälle talupojad täielikult oma meelevalda tänu sellele, et Peeter aina koogutas Euroopast pärit välismaalaste ees, kutsudes neid mitte üksi vene väeüksusi juhatama ja Peterburi linna kavandama, vaid rakendades neid paljudel elualadel, toomaks Venemaale niinimetatud euroopa kultuuri ja teadust. Välismaalased, sealhulgas ka suur osa Baltimaade aadlikest hõivasid ajapikku kõige olulisemad kohad mitte üksi vene teaduses, maadeavastamises-anastamises, vaid ka otseselt Vene troonil ja selle ümber. Tänutäheks säilitas aadelkond oma privileegid, sai balti eriseaduse, mis päästis ka eestlased ja lätlased, peab tunnistama, jõhkrast venestamisest ja õigeusu juurutamisest. Need kaks rahvast võtsid oma niinimetatud ärkamisajal üle suure osa balti parunite arvestatavast kultuurist. Omamoodi paradoks on ka see, et mingi osa nende tänastest järglastest, kes Eesti iseseisvumise järel kõrvale tõrjuti, on saanud ka eesti rahvuslasteks.	

	Aga kõige suuremat lugupidamist on siiski väärt see eestlane, kellel jätkus tarmu ja tarkust püsida omal maal ning õppida maailmalt kõike seda, mis on õppimist väärt. Sellised eesti rahva esindajad olid ka siinse loo kangelased Elmer ja Värvu, kes tõesti jäid eluks ajaks kokku ning kinkisid maailmale veel ühe poja ja ühe tütre. Nii need kaks kui ka esikpoeg Ats kasvasid suureks, olid oma vanematest palju pikemad, aga küllap ka targemad. Mõni nende hilisematest järglastest oli lausa hiiglase kasvu ja mitu neist olid ka vaimult hiiglased. Igatahes väärivad need kaks näljaaja väikest kasvu last, Elmer ja Värvu, meenutamist ka sessinatses kirjatükis. COVER: Ajaloolise ilukirjanduse aegumatu korüfee värske ja kompromissitu käsitlus Põhjasõja-aegsetest sündmustest Tartumaal pakub pilguheitu ühte tumedamatest peatükkidest meie rahva kujunemisloos. Katkuepideemiast puutumata jäänud orbude heitluste kaudu, kes kahe vaenuväe vahelises halastamatus sõjatormis endale eluõigust välja võitlevad, jutustab Arvo Valton meile elutruu ja hingekriipiva loo igipüsiva maakamara end sellega sidunud vähem või rohkem püsitute inimeste eriskummalisest saatusest. “Maa jääb paigale” on tunnustatud Eesti autori sünge ülistus ja leinalaul põlvkondadele, kellele võlgneme oma tänase vabaduse.	
	In Conclusion By the end of the Great Northern War, or one might say even by the middle of it, by 1710, when the whole of Estonia had been conquered by the Russians, less than one-third of the Estonian population remained. This was due to years of famine, plague, other diseases, and participation in the war. But the most brutal aspect of the destruction of the people was the killing of individuals without even a semblance of a reason, through the so-called scorched earth tactics employed by the Russians.	n/a

	This devastation nearly culminated in the deportation of all Estonians and Latvians to Russia, and had that happened, not even a third of the population would have remained in Estonia. Fortunately, the expanding Russian Empire encountered numerous other problems, including resistance from subjugated peoples, revolts by their own tortured peasants, and threatening foreign enemies. It is hard to say what Estonia might have looked like if Peter I's plan for mass deportation had been realized. There would have been no Estonians left in Estonia at all, and for a time, perhaps, small communities might have persisted here and there, which would have been methodically and systematically Russified. These remaining communities in the vastness of Russia might have spoken a distorted Estonian for some time, and only scant remnants of their unique peasant culture would have survived. Peter I was undoubtedly a striking figure in Russian history and the initiator of Russia's turn toward Europe, and thus also the destroyer of Russia's own traditional uniqueness. However, in the minds of Estonians, this man deserves the darkest memory. Unfortunately, there are still some history buffs in Estonia who are ready to erect a monument to him. Perhaps next to the statues of Hitler and Stalin? The greatest executioner of Estonians among Peter's generals was Boris Sheremetev, who was still honored in 2005 by having a street in Pskov named after him. Estonians are not the only people whom Peter I's actions and those of his successors have brought to the brink of extinction or completely destroyed. Especially due to the founding of St. Petersburg at his initiative, which extended its destruction far and wide. There is a saying that Tsar Peter cut a window into Europe. Some have added: instead of going through the door. But the word "cut" is apt because this ax-work killed tens of thousands of people, including many of his own people,	

	and the small nations that lived in the area almost completely perished due to the construction of this city. It is also pointless to remember Charles XII as a great friend of the Estonian people; he did not propose a single plan for improving the situation of Estonians. The fact that he attended an Estonian wedding while wintering in Laiuse Castle and allowed his officers to become godfathers to Estonian newborns was, of course, nice, but it did not truly mean that Estonian peasants were considered equal to Swedish nobles. Perhaps some of Charles XII's predecessors deserve more remembrance. The war-loving boy left Estonia and Livonia to be plundered by the Russians in the vain hope that he would be invincible here and elsewhere. His father abolished serfdom in Estonia on paper, but unfortunately, that document was incomprehensible to those who believed that keeping peasants in bondage was right and necessary. During the reign of the same king, Charles XI, the conscription of Estonians into the army began, which perhaps even raised the self-awareness of some men, for Estonian soldiers stood almost on equal footing with Germans and Swedes in the face of the enemy's sword, for death makes all men equal. But after death, there is nothing to do with that self-awareness. But in fact, there wasn't much use for that self-awareness even before death on the battlefield. The conscripted peasant, unlike the Swedes, was mostly unpaid, lacked proper equipment or weapons, and often had to fight with a wood-cutting axe or a hayfork taken from home. Estonian units were commanded by Swedish or local German officers, who had often had these same peasants whipped at the manor stables before conscription. It was rare for an Estonian to be promoted to sergeant. At the same time, it is known that in many cases, such as in the Battle of Tartu, it was these nearly unarmed Estonian peasants who were the bravest fighters. They had also proven their courage in small local defense groups that kept Russian marauders away from their homeland.	

	The Estonian conscript was brave on his own land and did not want to give up his one life cheaply. Of course, the conscripted Estonians were untrained, which was necessary to be more skilled at killing others. Naturally, most peasants did not wish to be conscripted and fled from the Swedish army whenever possible. When peasants, in their last desperation, formed their own defense groups, they fought fiercely. Several war heroes can be named among the leaders of such groups, such as Tohver in Kanepi, Päll in Põltsamaa, Ronga Tehvan in Lüganuse, farmhand Suur Juhan in Simuna, Paadi Andrus in Räpina, Mihku in Mõniste, Karula Naan in Viljandi, and several others. It is said that Tobra Ants and Jaagup, leading such a group, even killed a Russian general on the banks of the Võhandu River. But do we need to seek out heroes among killers? Perhaps those who stayed away from senseless bloodshed and worked the land have done more for the survival and progress of the people? Many asylums around the world have one or more Napoleons, but little is known about those who, in madness or clear-mindedness, called themselves farmers or bread-bakers there. Not only the insane but also historians often push famous killers to the forefront while covering up the inhuman crimes of these figures. That there were Tatars and Kalmyks in the Russian raiding parties that ravaged Estonia has been emphasized by several Estonian historians, attributing Russian atrocities to them. These peoples were subjugated by the Russians and their men were forcibly conscripted into the army; they did not come to Estonia to commit atrocities of their own free will but did so under the orders of the great executioner Boris Sheremetev, who, in turn, received such orders from Tsar Peter. Together with the Turks, the Crimean Tatars, for example, fought against the Russians, and in Ivan the Terrible’s time, they burned Moscow to the ground in three days. When the descendants of these soldiers later fell under Russian	

	rule, they were repeatedly deported from their homeland in Crimea, and their persecution continues even today. Historical memory can be cruel, but often people prefer to forget much of the evil that someone has done to them, as with Peter I. Nobles who maneuvered between the powers and, as circumstances changed, went en masse into Russian service—whether they were German or of other origins—once again gained complete control over the peasants, thanks to Peter's constant kowtowing to foreigners from Europe. He invited them not only to lead Russian military units and plan the city of St. Petersburg, but also employed them in many fields to bring so-called European culture and knowledge to Russia. Foreigners, including a large portion of the Baltic nobility, gradually occupied the most important positions, not only in Russian science and exploration-conquest but also directly around the Russian throne. As a token of gratitude, the nobility retained its privileges and received the Baltic special law, which also saved the Estonians and Latvians, we must admit, from brutal Russification and the forced adoption of the Orthodox faith. These two nations adopted a significant portion of the Baltic barons' considerable culture during their so-called national awakening. It is also somewhat paradoxical that some of their descendants today, who were sidelined after Estonia’s independence, have become Estonian nationalists. However, the greatest respect should be given to the Estonians who had the strength and wisdom to remain on their land and learn from the world all that was worth learning. Such representatives of the Estonian people were also the heroes of this story, Elmer and Värvu, who truly stayed together for life and gifted the world another son and daughter. Both of them, as well as their eldest son Ats, grew up to be taller and, likely, wiser than their parents. Some of their later descendants were true giants, and many of them were also intellectual giants. In any case, these two small children of the famine years, Elmer and Värvu, deserve remembrance in this piece of writing as well.	

	COVER The timeless luminary of historical fiction's fresh and uncompromising treatment of the events of the Great Northern War in Tartu County offers a glimpse into one of the darkest chapters in the history of our nation. Through the struggles of orphans untouched by the plague epidemic, who fight for their right to life in the merciless storm of war between two hostile forces, Arvo Valton tells us a lifelike and heartbreaking story about the strange fate of the eternal earth and the more or less impermanent people who have tied themselves to it. "The Land Remains" is a somber eulogy and dirge by the acclaimed Estonian author for the generations to whom we owe our freedom today.				
116.	2023	Luulekogu	Triin Paja, Kristjan Haljak, Andrus Kasemaa	Poetry	Похороны реки. Эстонские поэты в переводах Елены Скульской
					ОТ ПЕРЕВОДЧИКА Древнегреческий философ Сократ говорил: «Ходил я к поэтам и спрашивал у них, что именно они хотели сказать. И чуть ли не все присутствующие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Не мудростью могут они творить то, что творят, а какой-то прирожденной способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям». Не к каждому поэту можно отнести эти слова. Не каждый поэт заключает в свои стихи тайну, разгадывать которую возьмется только профан. Но чудо стихов Трийн Пая как раз «из семьи таких основ» — недомолвки ее строчек заставляют читателя дорисовывать картину, достраивать здание, сооружать мосты через пропасти, а не задавать текстам бессмысленные вопросы в поисках бессмысленных ответов. Наше читательское сотворчество возможно, если мы хотим оживить в себе померкнувшую боль потери, успокоенную горечь разлуки. Если хотим вспомнить о несчастье, давно затянувшемся ряской повседневности и притерпелости. Трагизм стихов Трийн Пая моментально ощущаешь как невыдуманный, как невозможный пережить иными путями, а только через стихи; то есть это не крик о помощи («Читателя! Советчика! Врача!»), а благодать для творчества. мир разевает рот

		и дает тишине наораться или: знаешь ли ты, что тяжелее всего удерживать в руках пустоту? и еще одна схожая конструкция: ничто не способно так ярко высветить окружающее, как полная темнота Это - не навязчивые оксюмороны, не парадоксы, претендующие на остроумие, но экзистенциальные ощущения шаткости, ненадежности всего, что якобы устроено прочно и безусловно. Потому что любимые люди, без которых немыслима жизнь, — умирают. Потому что любовь не равняется бесконечности. Потому что пыль, в конце концов, покрывает все, что еще недавно блестело и сверкало. мы еще можем так глубоко проникнуться серым существованием, что наше дыхание будет плести на манер паука паутину И схожее: стихотворение превращается в пыль. пустые водочные бутылки сияют алмазами У каждого поэта есть образы и предметы, к которым он вновь и вновь возвращается. В образной системе Трийн Пая ломкие, прозрачные крылья бабочек занимают центральное место. Есть множество цветов, трав, дождя и снега, но крылья бабочек чаще всего рассыпаются в прах, как и надежды лирической героини. но здесь только пыль на лестничной пыльной площадке и сломленные крылья бабочек — они тоже становятся пылью. Трийн Пая родилась в 1990-м году. Тема смерти - важнейшая составляющая

молодых стихов, когда смерть — то, что бывает с другими, а не приближающаяся
реальность.

бегу сквозь заросли крапивы.
выкапываю волосы бабушки,
заплетая их, начинаю понимать, что мертвые
не любят землю,
они любят небо, водное обещание.

Всякий раз, когда сталкиваешься с новыми, свежими, небывалыми, впервые найденными метафорами и сравнениями, понимаешь, что возможности поэзии никогда не будут исчерпаны.

Кристьян Хальяк родился, как и Трийн Пая, в 1990-м году. Его стихи сюрреалистичны и совершенно произвольны, хотя мы догадываемся, что за ними встает некая цельная и последовательная реальность, о которой знает поэт. Но между нами и этой реальностью — непреодолимая четвертая стена, так принято в театре, где зритель не имеет права вторгаться в действие на сцене. Стихи Хальяка сценичны и кинематографичны: мы видим то, что он хочет нам показать, но нам отказано участвовать даже в монтаже — разорванность фрагментов не предполагает сшивания, прорехи
не ждут, что кто-то возьмется их латать.

будь благословенна смерть
ты прошла сквозь пургу и метель
побитая злобным градом чтобы
так рано сегодня меня найти
наверное в жизни нет ничего отраднее
гниющего женственного ожидания -
приготовления к смерти
линии жизни заспиртованы и они устали

Кристьян Хальяк не заботится о том, чтобы мы узнали характер его лирического героя, можно даже сказать, что он говорит не от его имени, а от имени назойливой мысли, сверлящей его. От имени разных картин, которые нарисованы выдуманной реальностью. От имени персонажей, которые подменяют лирического героя и начинают действовать по своему усмотрению.

		трудно в этом признаться, но я порой представляю, будто на улице под окном стою девчонкой, положившей на плечи мальчика свои солнечные ладошки для просушки. случайная девчонка. нет, меня никогда не бросят под случайным окном на улице. за соседним столом целуются. считают сдачу. Читая Хальяка, чувствуешь себя порой в музее современного искусства, где тебя, глядящую на все с сомнением и подозрением, вдруг поразит неожиданная инсталляция. Так на одной из выставок в Париже я увидела огромный старый обеденный круглый стол, в столешницу которого были вдвинуты разные стулья — от дедушкиного удобного с подлокотниками, даже не стула, а скорее кресла — до крошечного детского стульчика для только-только научившегося сидеть ребенка. В этом, казалось бы, простом приеме был глубочайший смысл, говорящий о въевшихся в каждого человека традициях, правилах, семейных историях. Так и в выбранных мною стихах Хальяка я вижу особенным образом переданные размышления о том, как устроена жизнь человечества, куда ведет цивилизация, на чем стоит мир. обычно люди соглашаются вкушать радости плоти при условии что радости будут слащавыми даже приторными но даже если радости плоти будут отдавать марципаном для многих они все равно останутся свинством люди будущего утвердятся в мнении что плотские радости непременно свинство потому что глаза их будут оскоплены Кристьян Хальяк — поэт, говорящий сам с собой. Он не ищет собеседника, не жаждет разделить с кем-то свое одиночество, он, полагаю, назвал бы одиночество уединением, то есть состоянием желанным и добровольно выбранным. Волнение и приязнь, которые вызваны его стихами, лишены

		сентиментальности, мы любуемся ими, как могли бы любоваться пейзажами, где вовсе не обязательно присутствие человека. пытаюсь отвлечься от самого себя и тогда вдруг ниоткуда падают мне в ладони яблоки алого цвета ты издеваешься надо мной бьешь наотмашь а мне хочется верить в реальность добра и зла в сумерках тени начинают играть на стенах мне кажется что спину мою истоптал альбатрос он тащит за собой свои вонючие крылья в свете дневном затерялась стыдливость наглые сумерки пробуждают цветы в страстных садах твоих глаз счастье давно научилось без слов обходиться Такой вот парадокс: Хальяк максимально откровенен и при этом максимально закрыт. Не надо пытаться понять, что именно послужило поводом для его стихотворения, чем он был движим, вдохновлен, эти сведения — не для нас. Нам остается текст, замкнутый сам на себя, но затягивающий нас в воронку своих фрагментариев и обогащающий редкими впечатлениями, помогающими понять день сегодняшний — его странности и необъяснимости. Андрус Касемаа на шесть лет старше своих коллег по этому сборнику, что, конечно же, не делает его поэтом другого поколения. Его стихи почти всегда – рассказ, история, случай, воспоминание с завязкой, кульминацией и развязкой; баллада, публицистическое высказывание, признание в любви. Он ищет формы предельно простые, в которых не было бы и намека на ухищрения, демонстрацию мастерства. В этом «отсутствии» изыска есть особое обаяние, когда читателю кажется, что он давным-давно знаком с автором, готовым на основании многолетней дружбы поделиться с ним самым сокровенным. Эта доверительность обманчива, поэт говорит ровно столько и ровно так, как нужно для его произведения, но читателю приятно бманываться. Особенно приятно, что лирика у Касемаа органично соседствует с иронией, а ирония, чаще всего, направлена на самого себя. Человек, слишком серьезно к себе относящийся, нам неприятен (даже если мы сами страдаем этим недугом). Чувствовал себя сегодня Львом Толстым спал до обеда в стоге сена

		Правда, имения у меня нет В Париж не езжу Не женат Война и мир не написаны Анна Каренина застряла на середине О непротивлении злу насилием думаю часто Но обессилил от ненависти Характер лирического героя таков: он сосредоточен на любви — мучительной, безумной, бесконечной; настаивает на том, что любовь его запретна, вызывает неприязнь и раздражение окружающих, но он никогда от нее не откажется: и наступят ночи, когда я состарюсь и буду тосковать по тем ночам когда мы были неразделимы мне останется только спуститься под землю добраться до твоего гроба и приникнуть к тебе и эти ночи теперь уже никогда не закончатся Он страстный, одержимый, последовательный пацифист – он чувствует зловонье древнеримского поля боя, и этот запах преследует его каждодневно. пусть идут на войну те кто хочет пусть воюют те кому хочется воевать пусть убивают те кому нравится убивать а я не хочу дай мне Бог умереть за то во что я действительно верю

		Он не видит особенного смысла в своей жизни, вообще человеческая жизнь кажется ему суетной и пустой. Но он верит в связь времен, в вечность, которая не изменит его убеждений и пристрастий. Я — стихотворение длинное, короткое, свободно текущее по реке речи я - безъязыкое - выражаю себя в языке могу зарифмовать себя или остаться свободным форма, по сути, меня не меняет я живу повсюду, являюсь то здесь, то там я впиваюсь в тебя — мне не нужно для этого быть белозубым я тебя обжигаю — мне не нужен при этом огонь я тебя иссушаю — мне не нужен песок пустыни я тебя веселю — а сам не смеюсь никогда Мне очень нравится этот человек — ранимый, чуткий, нежный, отзывчивый, снисходительный, ироничный. Я бы хотела, чтобы он оказался в числе моих друзей. Я его никогда не видела, мы никогда не встречались. Только обменялись несколькими письмами и телефонными звонками. Но я невольно и настойчиво соединяю реального Андруса Касемаа с его лирическим alter ego, я почему-то уверена, что талантливое п ростодушие стихов делает автора и героя единым целым ... В названии этого тома есть слово «похороны». Но он полон жизни, новаторства, свежести. Так и надо творить молодым поэтам - пить из бездонной чаши бытия и помнить о смерти. Елена СКУЛЬСКАЯ
		Translator’s Foreword The ancient Greek philosopher Socrates once said, "I went to the poets and asked them what exactly they wanted to say. And almost all those present could explain what these poets had created better than they themselves. They do not create what they do out of wisdom, but rather through some innate ability and in a state of inspiration, like soothsayers and prophets."

		These words do not apply to every poet. Not every poet embeds a mystery in their verses that only a layperson would dare to decipher. But the magic of Triin Paja's poetry is precisely of this nature—her lines' ellipses compel the reader to complete the picture, to construct the building, to build bridges over chasms rather than to ask meaningless questions in search of meaningless answers. Our readerly co-creation is possible if we wish to rekindle within ourselves the dimmed pain of loss, the soothed bitterness of separation. If we wish to recall the misfortune long overgrown with the duckweed of everyday life and resignation. The tragedy of Triin Paja's poetry is instantly perceived as genuine, as something impossible to experience by any means other than through poetry; it is not a cry for help ("Reader! Advisor! Doctor!") but a grace for creativity. the world opens its mouth and gives silence a chance to scream or: do you know that the hardest thing to hold in your hands is emptiness? and another similar construction: nothing can illuminate the surrounding world as brightly as complete darkness. These are not intrusive oxymorons nor paradoxes striving for wit, but existential sensations of instability, the unreliability of everything supposedly strong and absolute. Because loved ones, without whom life is inconceivable, die. Because love does not equate to infinity. Because dust, in the end, covers everything that recently shone and sparkled. we can still become so deeply immersed in our gray existence, that our breath will weave a web like a spider And similarly: a poem turns into dust. empty vodka bottles shine like diamonds

		Every poet has images and objects to which they return again and again. In Triin Paja's imagery, the fragile, transparent wings of butterflies take center stage. There are many flowers, grasses, rain, and snow, but butterfly wings most often crumble into dust, just like the hopes of the lyrical heroine. but here there is only dust on the stairwell's dusty landing and broken butterfly wings— they too turn into dust. Triin Paja was born in 1990. The theme of death is an essential component of youthful poetry when death is something that happens to others, not an approaching reality. I run through the nettle thickets. I unearth my grandmother's hair, braiding it, I begin to understand that the dead do not love the earth, they love the sky, the watery promise. Every time one encounters new, fresh, unprecedented, and newly discovered metaphors and comparisons, one realizes that the possibilities of poetry will never be exhausted. Kristjan Haljak, like Triin Paja, was born in 1990. His poems are surreal and completely arbitrary, though we suspect that behind them lies a coherent and consistent reality known only to the poet. But between us and this reality is an impenetrable fourth wall, as in theater, where the audience has no right to intrude upon the action on stage. Haljak's poems are theatrical and cinematic: we see what he wants to show us, but we are denied participation even in the editing—the fragmentation of the pieces does not suggest stitching them together, the gaps do not expect anyone to patch them. blessed be death you walked through the blizzard and storm battered by vicious hail to find me so early today perhaps in life there is nothing more comforting

than the rotting feminine anticipation—
the preparation for death
life lines are preserved in spirits, and they are tired

Kristjan Haljak does not concern himself with whether we understand the character of his lyrical hero; one could even say that he does not speak on behalf of the hero but on behalf of a nagging thought drilling into him. On behalf of different images painted by an imagined reality. On behalf of characters who replace the lyrical hero and begin to act at their own discretion.

it's hard to admit, but sometimes I imagine
standing on the street under a window as a girl,
placing my sun-warmed palms
on a boy's shoulders to dry. a random girl. no, I will never be abandoned under
a random window on the street. at the next table
they kiss. count the change.

Reading Haljak, one sometimes feels like they are in a modern art museum, where they, skeptical and wary, are suddenly struck by an unexpected installation. Once in Paris, I saw an enormous old round dining table into which different chairs were embedded—from a grandfather's comfortable armchair to a tiny child's chair for one who had just learned to sit. In this seemingly simple composition lay a profound meaning, speaking of traditions, rules, and family histories ingrained in each person. Likewise, in Haljak's chosen poems, I see uniquely conveyed reflections on how humanity is structured, where civilization leads, and what the world stands on.

Andrus Kasemaa is six years older than his colleagues in this collection, which does not make him a poet of a different generation. His poems are almost always a story, a case, a memory with a beginning, climax, and resolution, a ballad, a publicist statement, and a love confession. He seeks the simplest forms, devoid of tricks or displays of skill. In this "absence" of refinement lies a special charm, making the reader feel as if they have long known the author, who, on the strength of years of friendship, is ready to share his most intimate thoughts. This trust is deceptive; the poet says exactly as much and in the way necessary for his work, but the reader enjoys the illusion.

Especially pleasing is that Kasemaa's lyricism coexists naturally with irony, which is often self-directed.

		Today, I felt like Leo Tolstoy. I slept until noon in a haystack, But I have no estate. I don't go to Paris. I'm not married. War and Peace remain unwritten. Anna Karenina is stuck halfway through. I often think about nonresistance to evil with violence. But I'm exhausted from hatred The character of the lyrical hero is as follows: he is focused on love — painful, mad, and endless; he insists that his love is forbidden, arousing the dislike and irritation of those around him, but he will never renounce it: and there will come nights when I grow old and long for those nights when we were inseparable all that will remain for me is to go down into the earth to reach your grave and cling to you and those nights will now never come to an end He is passionate, obsessive, and a committed pacifist — he can smell the stench of an ancient Roman battlefield, and that smell haunts him every day. let those who want to go to war let those who want to fight fight let those who enjoy killing kill but I do not want to God grant me that I may die for what I truly believe in

					He sees little meaning in his own life; human existence in general seems to him hectic and empty. Yet he believes in the connection between the ages, in eternity, which will not alter his convictions and attachments. I am a poem long, short, flowing freely along the river of speech I am without a tongue — I express myself through language I may rhyme myself or remain free in essence, form does not change me I live everywhere, appearing here and there I sink my teeth into you — I don't need to be white-toothed to do so I scorch you — I don't need fire for that I dry you out — I don't need the desert sand I amuse you — while I myself never laugh I really like this man — vulnerable, sensitive, tender, responsive, forgiving, ironic. I would like him to become one of my friends. I have never seen him; we have never met. We have only exchanged a few letters and phone calls. But I cannot help persistently conflating the real Andrus Kasemaa with his lyrical alter ego. For some reason, I am convinced that the talented simplicity of the poems makes the author and the lyrical hero one and the same... The title of this volume includes the word "funeral." But it is filled with life, innovation, and freshness. This is how young poets should create—drinking from the bottomless cup of existence and remembering death. Jelena Skulskaja
117.	2023	Vanalinna detektiivid. Niguliste muumia ja nõiamärgid.	Reinaus, Reeli	Children's literature	Детективы Старого Таллинна. Мумия церкви Нигулисте и магические знаки / Detectives of Old Tallinn. The mummy of the Niguliste Church and magic signs.
	Mõistatus, mille Rebeka, Gregor ja Lota peavad seekord lahendama, on seotud Niguliste kirikus toimuva menuka rahvusvahelise maalinäitusega. Kas maalid võovad sisaldada surmavat sõnumit? Rebekal tuleb ületada hirm kirikusse maetud muumia eest, Lotat vaevad südametunnistus ning Gregor jälitab tänaval naist, kes on Huldra. Ka seekord aitavad saladust lahendada maskeerumishuvilised näiteringipoisid Markus ja Kaspar. Sarjas varem ilmunud: "Mustpeade maalid"				- Не знаю… Я и правда не знаю, — пробормотал Грегор. - Он выглянул в щель между шторами в окно и увидел, что внизу, под липами, стоит и курит какой-то человек. Грегор ощутил тяжесть в животе. Это не фантазия и не игра. Это по-настоящему. За ними действительно следят. И это вопрос времени, когда кого-то из них схватят. - Ребека… — прошептал Грегор, но Ребека не слышала, рассуждая о том, как хорошо, что блокнот с символами у Вийве, она обещала

	“Verega kirjutatud kirjad” “Neitsitorni meedium”	показать его кому-то из зарубежных коллег, вдруг они смогут объяснить значение знаков.
	The mystery that Rebeka, Gregor, and Lota have to solve this time is connected to a popular international painting exhibition being held at the Niguliste Church. Could the paintings contain a deadly message? Rebeka has to overcome her fear of the mummy buried in the church, Lota is plagued by guilt, and Gregor follows a woman through the streets who is a Huldra. Once again, the mystery is solved by the theater club boys, Markus and Kaspar, who are fascinated by disguises. Previously published in the series: “The Paintings of the Brotherhood of Blackheads” “Letters Written in Blood” “The Medium of Maiden Tower”	“I don’t know… I really don’t know,” Gregor muttered. He peered through the gap between the curtains and saw someone standing and smoking down below, under the linden trees. Gregor felt a heaviness in his stomach. This wasn’t a fantasy or a game. It was real. Someone really was following them. And it was only a matter of time before one of them was caught. “Rebeka…” Gregor whispered, but Rebeka didn’t hear him. She was thinking about how lucky it was that Viive had the notebook with the symbols. Viive had promised to show it to some of her foreign colleagues—perhaps they would be able to explain what the signs meant.

Table 2. Russian corpus selected for imagological research. Full version.

№	Year	Title	Author	Genre
1.	2004	Елена / Elena	Gohar Markosyan-Käsper	Novels
	В основе романа Гоар Маркосян-Каспер лежит любовная история героини, которая, следуя чувству, устремилась, подобно Елене Прекрасной, на чужбину, в данном случае в Эстонию. Со всем тщанием автор исследует тему нечаянной эмиграции, в которой оказались многие бывшие граждане СССР, заснув в одной стране и проснувшись в другой, проблемы соприкосновения разных культур, их взаимного притяжения и отталкивания. В текст, повествующий о современности, вкраплены эпизоды из жизни подлинной Елены Прекрасной.			
	At the heart of Gohar Markosjan-Käsper's novel lies the love story of the heroine, who, following her feelings, ventures to a foreign land—Estonia—much like Helen of Troy. With great care, the author explores the theme of unexpected emigration experienced by many former citizens of the USSR, who went to sleep in one country and woke up in another. The novel addresses the challenges of the interaction between different cultures, their mutual attraction, and repulsion. The narrative, set in modern times, is interwoven with episodes from the life of the mythical Helen of Troy.			
2.	2006	Воздушный змей: альманах / Tuulelohe - Воздушный змей (TVZ) / Kite Almanac	Igor Kotjuh (ed.)	Anthologies
	ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ БАЛТИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ Игорь Котюх, редактор Хотя страны Балтийского региона имеют общую береговую линию, у них разный исторический и культурный опыт. Находясь на пересечении двух цивилизаций, Великой России и Западной Европы, они всегда привлекали к себе внимание больших народов и сами искали контактов с ними. Особенность всякого приграничья состоит в том, что оно стимулирует обмен идеями и поиск этнокультурных ориентиров. Эти вопросы особенно актуальны для некоренного населения, переехавшего внутри одной страны из других бывших советских республик в «Прибалтику», – т.е. для мигрантов и их потомков. Ведь именно им нужно выстраивать отношения с местными традициями и языком, не теряя при этом связи с наставлениями, впитанными с молоком матери. Кроме того, события мировой истории накладывают дополнительный отпечаток на мировоззрение обитателей приграничья. За последние 15 лет жизнь в Балтийском регионе очень изменилась. Границы стали более прозрачными. Живописные средневековые замки и янтарные пляжи Балтийского моря стали достоянием множества туристов. Развитие высоких технологий ускорило обмен информацией, позволяя шагать в ногу со временем в любой области знания, но при этом ускорилось и само время. Что же такое «русская литература с балтийским акцентом»? Как проживающие в Балтийском регионе авторы понимают развитие русской словесности? Каких ориентиров придерживаются? Это некоторые ключевые вопросы альманаха, не предполагающие, однако, единственно верного ответа. В настоящий выпуск альманаха вошли произведения 28 авторов из 6 стран и областей Балтийского региона: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Ленинградской и Калининградской областей России. В большинстве своем, это авторы «новой волны», известные по выступлениям на многочисленных литературных фестивалях так наз. «актуальной поэзии» и различным Интернет-акциям. Среди них есть именитые литераторы, чей талант повсеместно признан, и новички, для которых публикация в альманахе является первой.			

	Как видно из перечня стран, ставка была сделана на постсоветские балтийские республики. То, что раньше обозначалось понятием «Прибалтика» – теперь стало независимыми странами, вступившими в Европейский Союз. Впрочем, один из авторов альманаха, Дмитрий Кузьмин, имеет косвенное отношение к Балтийскому региону, поскольку проживает в Москве. Однако этот поэт и издатель в своей деятельности не раз обращался к творчеству авторов, творящих на берегу Балтийского моря и потому он со своим очерком о современной русской литературе заявлен в альманахе как гость номера. Также хотелось бы отметить поэта Эрику Друнгите. Для этого проживающего в Вильнюсе автора родным языком является литовский, на котором Друнгите выпустила два сборника стихов. Однако русский язык и культура представляются поэту настолько привлекательными, что побуждают его вступать в диалог с русской литературной традицией. И Эрика Друнгите участвует в нем со своими стихотворениями, написанными по-русски. Пока готовился альманах, из Риги пришло грустное сообщение: умер поэт Олег Золотов. Один из наиболее ярких поэтов русской Латвии готовил свою подборку вместе с другими авторами текст-группы «Орбита». Сначала товарищи прислали его подборку, а спустя некоторое время пришел некролог. Альманах «Воздушный змей» отдает должное поэтическому дару Олега Золотова и публикует последнюю составленную автором подборку стихов, вместе с воспоминаниями о нем. Итак, на страницах альманаха представлена перекличка между национальными литературами стран Балтийского региона и собственно русской литературой, между западноевропейской и русской культурами, – перекличка, в которой принимают участие авторы, мигрировавшие либо постоянно проживающие в Балтийском регионе. Это – второй номер альманаха «Воздушный змей». В первый, вышедший весной 2006 года, вошли произведения русских поэтов и писателей из эстонского города Тарту.
	Instead of a Foreword: The Baltic Borderland Igor Kotjuh, Editor Although the countries of the Baltic region share a common coastline, they each have distinct historical and cultural experiences. Positioned at the crossroads of two civilizations—Great Russia and Western Europe—these countries have always attracted the attention of larger nations while also seeking connections with them. The unique feature of any borderland is that it stimulates the exchange of ideas and the search for ethno-cultural identities. These issues are particularly relevant to non-native residents who migrated within one country from other former Soviet republics to the “Baltic States” – that is, to migrants and their descendants. These people need to establish relationships with local traditions and languages while preserving the values they absorbed from their own upbringing. Moreover, global historical events add additional layers to the worldview of borderland inhabitants. Over the past 15 years, life in the Baltic region has changed significantly. Borders have become more transparent. Picturesque medieval castles and amber beaches along the Baltic Sea have become popular tourist attractions. The development of advanced technologies has accelerated information exchange, allowing people to keep up with the times in any field of knowledge, but it has also sped up time itself. What exactly is “Russian literature with a Baltic accent”? How do authors living in the Baltic region perceive the development of Russian literature? What values do they hold? These are some of the key questions explored in this almanac, though they do not have definitive answers. This issue of the almanac includes works by 28 authors from six countries and regions of the Baltic area: Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, and the Leningrad and Kaliningrad regions of Russia. The majority of these are “new wave” authors, known for their performances at numerous literary festivals of so-called “contemporary poetry” and various online events. Among them are established writers whose talents are widely recognized, as well as newcomers for whom this publication marks their debut. As the list of countries indicates, the focus is on the post-Soviet Baltic republics. What was once referred to as the “Baltics” has now become independent countries that have joined the European Union. However, one of the almanac’s contributors, Dmitry Kuzmin, has only a tangential connection to the Baltic region, as he resides in Moscow. Nevertheless, this poet and publisher has frequently engaged with the works of authors creating along the Baltic coast, which is why his essay on contemporary Russian literature is featured in the almanac as a guest contribution. Another noteworthy participant is the poet Erika Drungyte. This Vilnius-based

	author's native language is Lithuanian, in which she has published two poetry collections. However, the Russian language and culture appeal to her so strongly that they inspire her to engage in dialogue with Russian literary traditions. Erika Drungyte contributes to this dialogue with her poems written in Russian. While the almanac was being prepared, sad news came from Riga: the poet Oleg Zolotov passed away. One of the most prominent poets of Russian Latvia, Zolotov had been preparing his selection of poems alongside other authors from the text group "Orbita." First, his peers sent in his selection, and sometime later, a necrology followed. The almanac *Vozdushny Zmey* pays tribute to the poetic talent of Oleg Zolotov and publishes his final collection of poems, along with remembrances of him. Thus, the almanac's pages feature an exchange between the national literatures of the Baltic region and Russian literature, between Western European and Russian cultures—a dialogue involving authors who have either migrated to or have long resided in the Baltic region. This is the second issue of the almanac *Vozdushny Zmey*. The first, published in the spring of 2006, included works by Russian poets and writers from the Estonian city of Tartu.			
3.	2007	Воздушный змей: альманах / Tuulelohe - Воздушный змей (TVZ) / Kite Almanac	Igor Kotjuh (ed.)	Anthologies
	ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬМАНАХУ «ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ» Берк Вахер, писатель Простая мудрость определяет писателя как того, кто всегда умеет найти правильные слова. Слова, которые даются далеко не каждому, и которые, обретая контуры, становятся естественными и понятными. Но не является ли подобная естественная понятность наибольшим врагом писателя? В уверенности, что существуют безупречно правильные слова, может таиться слово «смерть». Смерть других слов – тех, которые от одной кажущейся безупречной правильности чахнут. Счастье владеть языком, над сохранением которого трудится целое государство – по крайней мере, на бумаге. Счастье иметь читателей, которым прочитанные слова помогают сохранять нацию – по крайней мере, подсознательно. Кем тогда является автор среди этого счастья? Где он более свободен – в языке или законодательстве, а где, наоборот, более связан? Является ли он для читателей человеком, который помогает им стать людьми – либо чиновником, от которого требуется качественное обслуживание клиентов, позволяющее сократить рутину повседневных забот? Эстонские русские писатели, как птицы на ветру – не только те, которые объединились в группу «Воздушный змей». Какое сокровище им охранять? Русский язык и литературу? Эстонский язык и литературу? Либо только собственную свободу – свободу выбора языка и идентитета? Этого могло возникнуть у них как осознанная или неосознанная необходимость и большая, чем у раз и навсегда рожденных и выросших в эстонской языковой среде сверстников, которым слово «свобода» повторяли так часто, что, будучи брошенными в свободу, они без остатка тратят ее – чтобы снова почувствовать себя пленниками какой-нибудь мегакультуры. И не так-то просто выяснить, сколько свободы у «Воздушного змея» – об этом не говорится в пределах и вне пределов языка, но ревниво охраняется, отдавая словам только то, что в жизни или литературе доказало свою ценность. Это может показаться эстетством, консерватизмом, и, быть может, эпигонством. Но зачем обязательно раздавать векселя, обещая нечто совершенно новое? Многие эстонские авторы поступали так, в дальнейшем не покрыв векселя. Авторам «Воздушного змея» не нужно бояться, что они так и не станут «другими» – гибридность и даже переменчивость уже закодированы в их самосознании; СВОЙ язык проявляет себя сам, если двигаться вперед внутри своего языка. Умеют ли эстонские авторы еще писать, не ожидая и не требуя скорого признания и восхищения, статуса и звездности? Либо их представление о довольстве окончательно испортилось? Подобно другому языку «Воздушный змей» предлагает другое письмо – другое пребывание в роли писателя, другое становление на пути писателя. Его жажда удовлетворения направлена в другую сторону, она требует за свои слова другого вознаграждения. Этому, привыкшие к естественной понятности, могли бы поучиться.			

EST:

EESSÕNA TUULELOHE ALMANAHHILE

Berk Vaher, kirjanik

Tavatarkus adub kirjanikku kellegina, kes oskab alati õigeid sõnu leida. Sõnu, mis end kaugeltki igaühele kätte ei anna, ent ilmsiks saades tunduvad ometigi enesestmõistetavad.

Kuid kas pole enesestmõistetavus õigupoolest kirjaniku suurim vaenlane? Usus, et on olemas vääramatult õigeid sõnu, võib varitseda sõna surm. Teiste sõnade surm – nende, mis ühe vääramatuna näivast õigsusest lämbuvad.

Õnn on omada keelt, mille elus hoidmiseks töötab kogu riik – vähemasti paberil. Õnn on omada lugejaid, kelle jaoks loetud sõnad aitavad rahvusel kesta – vähemasti alateadvuses.

Ent kes on autor keset seda õnne? On ta keeles vabam kui seadusandluses – või veel hoopiski kammitsetum? On ta lugejaile inimene, kes aitab neil inimesteks saada – või vaid riigi ametnik, kellelt nutakse kvaliteetset klienditeenindust, mis minimeeriks argikohustuste tüütust?

Eestivene kirjanikud on ehk kõik nagu lohed tuules – mitte vaid need, kes on end rühmakesi võtnud Tuuleloheks nimetada. Mis aaret on neil valvata? Vene keelt ja kirjandust? Eesti keelt ja kirjandust? Või ainuüksi oma vabadust, vabadust keele ja identiteedi valikul?

Seda võiks neil (tunnetatud) paratamatusena ju olla rohkem kui kohe ja alatiseks eesti keelde sündinud ja kasvanud eakaaslastel, kellele on sõna “vabadus” korratud nii palju, et nad vabadusse heidetult selle jäägitult ära kulutavad – et mõne teise megakultuuri vangidena taas igatseda. Ning ei olegi lihtne teada saada, kui palju on Tuulelohel vabadust – seda ei sõnastata keele piirideni ja üle piiride ära, vaid hoitakse kiivalt, loovutades sõnadele sageli vaid seda, mis elus või kirjanduses on juba väärtuslikuks osutunud.

See võib tunduda estetismina, konservatiivsusena, ehk epigoonlusenagi. Ent milleks anda veksleid selle kohta, et ollakse kõigest senisest määratult erinev? Nii paljud noored eesti autorid on seda teinud, jättes ajapikku vekslid katteta. Tuulelohe autoritel pole vaja karta, et nad ei kasvagi “teistsuguseks” – nende identiteeti on hübriidsus ja muutlikkuski juba sisse kodeeritud; OMA keel avaldab end ise, kui oma keeles edasi liikuda.

Kas eesti noored autorid enam oskavad kirjutada, ootamata/nõudmata kohest tunnustust ja imetlust, staatust ja staarlust? Kas nende kujutlus küllusest on jäädavalt rikutud?

Samavõrd kui teist keelt on Tuulelohel pakkuda teist kirjutamist – teist kirjanikuks olemist, kirjanikuks saamist. Selle külluseihalus on suunatud mujale, see nõuab oma sõnade eest muud. Sellest on enesestmõistetavustega harjunuil küllaga õppida.

Foreword to the Almanac "The Kite"

Berk Vaher, Writer

	Common wisdom defines a writer as someone who can always find the right words—words that are not easily accessible to everyone but that, once revealed, seem natural and self-evident. But isn't this very self-evidence the greatest enemy of a writer? In the belief that there are flawlessly correct words, the word "death" may lurk—the death of other words, those that wither away under the pressure of seemingly perfect correctness. It is fortunate to have a language that a whole state works to preserve—at least on paper. It is fortunate to have readers for whom the words they read help to sustain a nation, at least subconsciously. But who is the author amidst this good fortune? Is the author freer in language or in legislation—or perhaps even more constrained? Is the author someone who helps readers become more human, or merely an official tasked with delivering quality service to ease the burdens of everyday life? Estonian-Russian writers are like kites in the wind—not just those who have grouped themselves under the name "The Kite." What treasure do they guard? The Russian language and literature? The Estonian language and literature? Or perhaps only their freedom—the freedom to choose their language and identity? This might be something they have as a conscious or unconscious necessity, more so than their peers who were born and raised entirely within the Estonian linguistic environment. These peers, having heard the word "freedom" repeated so often, are thrown into freedom only to exhaust it entirely—until they long to become captives of some megaculture again. It's not easy to determine how much freedom "The Kite" actually has—this isn't articulated within the boundaries of language or beyond them but is guarded jealously, giving words only what has proven its value in life or literature. This might seem like aestheticism, conservatism, or perhaps even epigonism. But why give promises to be radically different from everything before? So many young Estonian authors have done this, only to eventually leave these promises unfulfilled. The authors of "The Kite" do not need to fear that they won't become "different"—hybridity and even mutability are already encoded in their identity; one's OWN language reveals itself if one moves forward within that language. Do young Estonian authors still know how to write without expecting or demanding immediate recognition and admiration, status, and stardom? Or has their sense of fulfillment been irreparably spoiled? Just as with another language, "The Kite" offers another kind of writing—another way of being a writer, another path to becoming one. Its thirst for fulfillment is directed elsewhere, demanding different rewards for its words. There is much that those accustomed to self-evident simplicity could learn from this.			
4.	2008	Со всеми, кем любим, кого люблю: стихи разных лет / With everyone who loves me who I love: poetic collection of different periods	Svetlan Semenenko	Poetry
	n/a			
	n/a			
5.	2009	Объяснение в любви: 150 стихотворений 18 русских поэтов Эстонии / Confessions of love: 150 poems by 18 Russian poets in Estonia	Igor Kotjuh (ed.)	Poetry
	COVER: Любовь принято связывать с чем-то светлым и возвышенным. Однако она может вызывать и грустные чувства. Красивые и эмоциональные стихи могут рождаться как от взаимной, так и от неразделенной любви.			

	«Объяснение в любви» — это путешествие в мир сокровенных чувств.			
	COVER: Love is often associated with something bright and uplifting. However, it can also evoke feelings of sadness. Beautiful and emotional poetry can stem from both mutual and unrequited love. Confession of Love is a journey into the world of intimate emotions.			
6.	2009	Путешествие Ханумана на Лолланд / Hanuman's Travel	Andrei Ivanov	Novels
	Андрей Иванов (р. 1971) – прозаик, филолог, родился и живет в Таллинне, долгое время «осваивал» Скандинавию. Автор романов «Горсть праха» («Русская премия») и «Путешествие Ханумана на Лолланд» (шорт-лист премии «Русский Букер»). Как выжить в Европе нелегалом и не сойти с ума? Чего только не делает индиец Хануман, чтобы попасть на стров Лолланд – датскую Ибицу, где «полунагие девочки извиваются в бассейнах, как нерпы, а экстази падает в рот; туда, где музыка и буйство!» Он втридорога продает продукты, найденные на помойке, взламывает телефонные коды и изображает русского мафиози… Да так, что хитрые и вороватые беженцы в лагере для нелегалов разевают рот от изумления! Но ловко обмнывая других, они с другом – русским эстонцев Юджем – сами попадают впросак, и ясно, что путешествие на Лолланд никогда не закончится. Я заболел, читая этот роман, я боялся умереть, не дочитав его до утра, – настолько силен мир, изображенный Ивановым. Дмитрий Бавильский, «Частный корреспондент» В романе наши лишенцы вещного счастья попадают в мир внешнего благополучия, лишенный счастья универсального. Они запутываются в мечтах о разном счастье. Будто героев Горького решил воплотить в реальности Хантер Томпсон.			
	Andrey Ivanov (b. 1971) – a novelist and philologist, was born and lives in Tallinn, and spent a long time "exploring" Scandinavia. He is the author of the novels "A Handful of Dust" (winner of the "Russian Prize") and "Hanuman's Travel" (shortlisted for the "Russian Booker Prize"). How can one survive in Europe as an illegal immigrant and not lose one's mind? The Indian Hanuman goes to extraordinary lengths to reach Lolland Island – the Danish Ibiza, where "half-naked girls twist like seals in pools, ecstasy falls into your mouth, and the music and wild parties never stop!" He sells dumpster-dived groceries at a steep markup, hacks phone codes, and even pretends to be a Russian mobster… so convincingly that the crafty and thieving refugees in the illegal camp watch in awe! But while skillfully deceiving others, he and his friend, Euge, a Russian Estonian, find themselves caught in their own traps. It's clear that their journey to Lolland will never end. "I got sick reading this novel, afraid I might die before finishing it by morning – the world Ivanov portrays is that intense." – Dmitry Bavilski, *Chastny Correspondent*			

	In the novel, our dispossessed seekers of material happiness find themselves in a world of external prosperity devoid of universal happiness. They get tangled up in their dreams of different kinds of happiness. It's as if Maxim Gorky's characters were brought to life by Hunter S. Thompson.				
7.	2009	Унтерменш / Untermensch	Andrei Ivanov	Novels	
	n/a				
	n/a				
8.	2011	Анамор: два очень маленьких романа / Anamor: two very small novels	Manya Nork (Tatjana Sigalova)	Short stories	
	1. Маня Норк (псевд.) родилась в 1969 г. Окончила Тартуский университет. Живет в Тарту. «Анамор» — ее первое прозаическое произведение. 2. «Пороховой погреб» (эст.). 3. «Камышовая река» и «Дочь паромщика» (англ.). 4. «Злая собака» (эст.) 5. «Иди в задницу» (эст.) 6. «Универмаг» (эст.) 7. «Большая тень», «Маленькая тень», «Средняя тень», «Большая тень-1», «Большая тень-2» (эст.). 8. От англ. «long play» (долгоиграющая пластинка) 9. «Дуры» (эст.) 10. «Русский, руссь, капустный червь» (эст.) 11. Мама, папа, нельзя! (эст.) 12. Прозвище эстонцев, от эст. kurat («черт») 13. «Русские свиньи» (эст.) 14. От песни Сержа Генсбура «Anamouro. Это слово можно перевести как «внелюбовь» или даже «алюбовь». 15. «.. .iban a coger olivas i tornaban desmaidas i las colores perdidas en Jaen» (исп.) — из народной песни. 16. «Гороховый суп» (англ.) 17. «Porque tu me queres, ya-llah, matare?» (исп.) — народное. 18. «Кафе» (эст.).				n/a
	Comments 1. **Manya Nork** (pseudonym) was born in 1969. She graduated from the University of Tartu and lives in Tartu. *Anamor* is her first prose work. 2. *Gunpowder Cellar* (Estonian). 3. *Reed River* and *The Ferryman's Daughter* (English). 4. *Angry Dog* (Estonian). 5. *Go to Hell* (Estonian). 6. *Department Store* (Estonian).				n/a

7. *Big Shadow*, *Small Shadow*, *Medium Shadow*, *Big Shadow-1*, *Big Shadow-2* (Estonian).
8. From the English *long play* (a long-playing record).
9. *Fools* (Estonian).
10. *Russian, Russ, Cabbage Worm* (Estonian).
11. *Mom, Dad, No!* (Estonian).
12. A nickname for Estonians, derived from the Estonian word *kurat* ("devil").
13. *Russian Pigs* (Estonian).
14. From Serge Gainsbourg's song *Anamouro*. This word can be translated as *non-love* or even *a-love*.
15. *"...iban a coger olivas y tornaban desmaidas y las colores perdidas en Jaén"* (Spanish) — from a folk song. (*They went to pick olives and returned faint, their colors lost in Jaén.*)
16. *Pea Soup* (English).
17. *"Porque tú me quieres, ya-llah, mataré?"* (Spanish) — folk. (*Because you love me, ya-llah, shall I kill?*)

Cafe (Estonian).

9.	2012	Эстонский дизайн: стихи 2009–2013 / Estonian Design: 2009–2013 2009-2013	Igor Kotjuh	Poetry

Юкка Маллинен

ДИЗАЙН ГРАНИЦ И ДЗЕН ГОВОРЯЩЕГО

Как известно, культурные инновации возникают на пограничных территориях цивилизаций. Сталкиваясь друг с другом, культуры реагируют на новое раздражающее вещество, порождая новые соединения. В частности, в русской поэзии зачастую именно диаспора принимает культурные вызовы внешнего мира и предлагает новые, неожиданные способы видения мира и высказывания, конструирует ответы на эти вызовы, невидимые из метрополии. На стыке разных культур в маргинальных регионах рождаются новые феномены, такие, как русскоязычная поэзия Эстонии, рижская текст-группа «Орбита», бакинец Ниджат Мамедов, Ферганская школа.

Если в России «Родина-мать зовет» к традиционным, унаследованным формам, то русская поэзия в точке пересечения России и протестанской Балтике, в точке напряжения культурных континентальных плит, на маргинальной периферии «великой литературы» учитывает европейский опыт, или даже шире – опыт неединственной культуры, опыт разноязычия.

Подобный процесс наверняка способствовал и появлению поэтической личности Игоря Котюха (р. 1978). Он специализировался по эстонской филологии в Тартуском университете и дебютировал с переводами поэзии эстонских ровесников на русский язык, после чего перешел к написанию собственных стихотворений. Больше всего ему нравится, как он признается, эстонское «кассетное поколение» 1960-х гг. – Ян Каплинский и др. Эта отправная точка объясняет, почему его vers libre лежит в русле западной традиции и в нем не чувствуется давления русского регулярного стиха. Возникает ощущение нового начала, первых слов, которые произносятся нордически деловым тоном, естественно, без патетики. Антириторичность и антиромантичность его стихов напоминает как Бродского, так и Бертольда Брехта, эта поэзия частных имен отсылает даже к Маяковскому. В его горизонтах и ландшафте –

Эстония, Симферополь, Венеция, «милые финские города / Порвоо, Котка, Лахти». В списке действующих лиц, а точнее – субъектов осмысляющего диалога – Феллини, Вим Вендерс, Антониони, а также мордвин из Цюриха Сергей Завьялов и финский переводчик эстонских хайку Ханну Ойттинен.

Проведенные у компьютера мгновения вызывают у поэта современную медитацию, а копипейст – создает своеобразный социальный лабиринт. Все это отнюдь не научная фантастика, а знакомый, как родная деревня, быт. И здесь кроется одна из попыток ответить на ставший уже чуть ли не риторическим для современного мира вопрос: находимся ли мы теперь в глобальной деревне Маклюэна? И каково нам тут, где живут буднично и спокойно, здесь и сейчас – в Таллинне не возмущаются родники кириллицы и латиницы. «Гугление», как материализованный, фиксируемый внешним наблюдателем, поиск смысла, дает начало созерцанию, «Фейсбук», как пространство общения, – нравственному анализу. То, что у поэта прежних времен было только в голове – замыслы, сомнения, внутренняя работа, сейчас становится наглядным, видимым читателю, словно работающий мотор находится под прозрачным капотом.

<…> Стихотворение-список 1960-х годов или «эстонские хайку» представляют игру литературных форм, когда Котюх желает устроить изысканный кавардак или поделиться литературными фокусами. Стихотворение часто начинается в жанре газетной или журнальной псевдоколонки, трактата или фельетона, а потом «убегает» в неожиданном направлении. Котюх пародируя глубокомыслие, травестирует серьезность великой литературы будничностью, насмешливо, как Жак Превер или Ричард Бротиган. Голос лирического героя объявляет, что поэзия – это раздрай. Поэт встает на баррикады, защищая равное право голосования и честные выборы, т. е. «лингвосемантический парламентаризм». Слово парламент, кстати, от слова parle, «говорить» – так Котюх демонтирует «властную вертикаль» Великой Поэзии. От общих мест Котюх уклоняется в частное, в собственный опыт, в тропизмы – от абстракции и клише в персональное, аутентичное, «не прекрасное, но неповторимое». Он сопротивляется в поэзии Русской Правде, с ее сводом правил, ограничений.

<…>

Котюх говорит, что он читает эстонскую литературу, потому что ее ментальность ему близка, а русскую – чтобы развивать свой язык. Эстонская нордическая ментальность победила корни горячего украинского парня, которые наверняка все-таки видны в отказе от финно-угорской угрюмости, мрачности, суровости. «Кто я?» – спрашивает Котюх. И, отвечая, разрушает тесную клетку «этнокультурной идентичности», проращивает на её обломках нюансированный собственный опыт. Под перекрестным давлением России и Эстонии Котюх может отождествляться с персонажем переведенного им стихотворения, в котором фигурирует мать-марийка, ее дочь Надя М. и внуки: в результате пакта Молотова-Риббентропа Надю М. забросит «двойной оккупанткой» в Эстонию, и потом она окажется с эстонским супругом в Швеции – и теперь ее дети знают только шведский (и английский, конечно).

Перевод сборника стихов Котюха на финский язык («Yritys kumppanuudeksi», издательство «Savukeidas», 2010) вызвал полемику в финском журнале поэзии «Tuli & Savu». Ведущий критик молодого поколения Мария Пээярви (р.1978) отмечает уникальность Котюха в русской поэзии, которая по большей части старомодна и избегает верлибра. Она определяет Котюха «постмодернистским» автором, так как он «вряд ли означает возврат в модернизм», потому что «представляемое им постсоветское пространство уже по определению постмодернистское». По Пээярви, Котюх неизбежно нащупывает свою поэтику через модернизм и постмодернизм.

Автор этих строк (р. 1950) возразил на это, отметив, что нет необходимости предполагать в стихах Котюха влияние постмодернизма: он не бродил по темным безднам постмодерна. Поэтическая практика Котюха, скорее, тяготеет к тому направлению, которое Пабло Неруда определял как «нечистый модернизм», возникший в 1960-е годы на месте высокого модернизма. Будничный язык этой поэзии очищен от клише и риторики. Эта поэзия характеризуется новым видением, реалистичностью, отсутствием априорности и программности. Критик Вилле Роппонен (р. 1977) написал, что Котюх

противостоит нигилизму постмодернизма, отказывается от поэзии языковых игр и старается сказать что-то содержательное о времени. Я верю, что у Котюха есть четкий исторический и даже актуальный референт. Он не проблематизирует свою связь со своим временем, а шутит над ним – и, прежде всего, сохраняет свой peace of mind.

COVER:

Котюх – социальный лирик и европеец по типу стиха. Претворяя опыт лианозовцев и концептуалистов, Котюх приходит к выработке своего стиля, основными чертами которого можно считать постоянную постановку вопроса о поэте и поэзии в современном мире.

Дарья Суховей, поэт и критик (Санкт-Петербург)

Котюх отказывается от романтической напыщенности. Он – прямая противоположность символической и метафорической манипуляции. Многое из лирики начинает казаться эскапистским по сравнению со строгой речью Котюха.

Юкка Маллинен, критик (Хельсинки)

Для Игоря Котюха вопрос языка, то есть понимания строит острее, чем для многих других. Его риторические конструкции направлены на возведение мостов; его умение чувствовать другого человека отличается крайней тактичностью.

Дорис Карева, поэт (Таллинн)

Jukka Mallinen

THE DESIGN OF BORDERS AND THE ZEN OF SPEECH

It is well known that cultural innovations emerge in the borderlands between civilizations. When cultures collide, they react to the new stimulus, creating novel combinations. In Russian poetry, it is often the diaspora that takes on the cultural challenges of the external world and offers new, unexpected perspectives and expressions, crafting responses that are invisible from the metropolis. New phenomena emerge at the intersection of different cultures in marginal regions, such as Russian-language poetry in Estonia, the Riga-based text group “Orbita,” Baku native Nijat Mamedov, and the Fergana School.

While in Russia the “Motherland Calls” for traditional, inherited forms, Russian poetry at the intersection of Russia and Protestant Baltic culture, at the tension point of cultural tectonic plates, in the marginal periphery of “great literature,” incorporates European experience—or more broadly, the experience of a multi-linguistic culture.

This process likely contributed to the emergence of the poetic persona of Igor Kotjuh (b. 1978). He specialized in Estonian philology at the University of Tartu and began his career translating the poetry of his Estonian contemporaries into Russian, before transitioning to writing his own verses. He particularly admires, as he himself admits, the Estonian “cassette generation” of the 1960s, such as Jaan Kaplinski and others. This starting point explains why his free verse follows the Western tradition and is free from the pressure of Russian metrical poetry. There is a sense of a new beginning, of first words spoken in a Nordic, businesslike tone—naturally, without pathos. The anti-rhetoric and anti-romanticism of his poems evoke both Brodsky and Bertolt Brecht; his poetry of private names even references Mayakovsky.

His horizons and landscapes include Estonia, Simferopol, Venice, and "lovely Finnish towns / Porvoo, Kotka, Lahti." Among the figures populating his dialogical reflections are Fellini, Wim Wenders, Antonioni, as well as Sergei Zavjalov, a Mordvin from Zurich, and Hannu Oittinen, a Finnish translator of Estonian haiku.

The moments spent at the computer inspire contemporary meditation in the poet, while copy-paste creates a sort of social labyrinth. This is far from science fiction, but a familiar everyday existence, as commonplace as one's native village. Here lies one attempt to answer the almost rhetorical question of our modern world: Are we now living in McLuhan's global village? And what is our experience in a place where people live calmly and routinely—here and now—where the springs of Cyrillic and Latin script do not stir in Tallinn? "Googling," as a materialized search for meaning observed by an external observer, leads to contemplation, while "Facebook" as a communication space fosters moral analysis. What was once only in the poet's mind—ideas, doubts, inner work—now becomes visible to the reader, as if a working engine is encased in a transparent hood.

The poem list of the 1960s or "Estonian haiku" represents a play of literary forms, where Kotjuh arranges an elegant mess or shares literary tricks. The poem often begins in the style of a pseudo-column, treatise, or satire, then "runs off" in an unexpected direction. Kotjuh, parodying profundity, mocks the seriousness of great literature with the mundane, humorously, like Jacques Prévert or Richard Brautigan. The lyrical hero's voice declares that poetry is chaos. The poet stands on the barricades, defending equal voting rights and fair elections—in other words, "linguistic-semantic parliamentarism." The word "parliament," after all, comes from *parle*, "to speak"—thus Kotjuh dismantles the "vertical power" of Great Poetry. From commonplaces, Kotjuh shifts to the personal, to his own experience, to tropes—from abstraction and cliché to the personal, authentic, "not beautiful, but unique." He resists the constraints of Russian law with its code of rules and limitations in poetry.

Kotjuh says he reads Estonian literature because its mentality is close to him, and Russian literature develops his language. The Estonian Nordic mentality has overtaken the roots of a hot-blooded Ukrainian guy, which are still visible in his rejection of Finno-Ugric gloominess, severity, and grimness. "Who am I?" Kotjuh asks, and in answering, he shatters the narrow confines of "ethnocultural identity," cultivating nuanced personal experience from its remnants. Under the cross-pressure of Russia and Estonia, Kotjuh can identify with a character from a poem he translated, which features a Mari mother, her daughter Nadya M., and grandchildren: as a result of the Molotov-Ribbentrop Pact, Nadya M. ends up as a "double occupier" in Estonia, and later, she and her Estonian husband find themselves in Sweden—now their children only speak Swedish (and, of course, English).

The translation of Kotjuh's poetry collection into Finnish ("Yritys kumppanuudeksi," Savukeidas Publishing, 2010) sparked debate in the Finnish poetry magazine *Tuli & Savu*. Leading young critic Maria Peeyarvi (b. 1978) noted Kotjuh's uniqueness in Russian poetry, which is mostly old-fashioned and avoids free verse. She labeled Kotjuh a "postmodern" author, arguing that he does not signify a return to modernism since the post-Soviet space he represents is postmodern by definition. According to Peeyarvi, Kotjuh inevitably gropes for his poetics through modernism and postmodernism.

The author of these lines (b. 1950) countered this by arguing that there is no need to assume postmodernism's influence on Kotjuh's work: he has not wandered through the dark depths of postmodernism. Kotjuh's poetic practice leans more toward what Pablo Neruda called "impure modernism," which arose in the 1960s as a response to high modernism. The everyday language of this poetry is stripped of clichés and rhetoric. It is characterized by a fresh vision, realism, and a lack of preconception and programmatic intent. Critic Ville Ropponen (b. 1977) wrote that Kotjuh opposes the nihilism of postmodernism, rejecting language games in poetry and striving to say something meaningful about the times. I believe that Kotjuh has a clear historical and even contemporary referent. He does not problematize his connection with his era; instead, he jokes about it—and, above all, maintains his peace of mind.

	COVER: Kotjuh is a social lyricist and a European in terms of poetic style. Building on the experience of the Lianozovo group and conceptualists, Kotjuh develops his unique style, characterized by constantly questioning the poet and poetry's place in the modern world. — Darya Sukhovey, poet and critic (St. Petersburg) Kotjuh rejects romantic grandiosity. He is the direct opposite of symbolic and metaphorical manipulation. Much of today's lyric poetry seems escapist compared to Kotjuh's precise and disciplined language. — Jukka Mallinen, critic (Helsinki) For Igor Kotjuh, the issue of language and understanding is more pressing than for many others. His rhetorical constructions aim to build bridges; his ability to empathize with others is marked by extreme tactfulness. — Doris Kareva, poet (Tallinn)			
10.	2014	Белый корабль Ласнамяэ / The white ship of Lasnamäe	Viktoria Ladynskaya	Novel
	Виктория Ладынская – журналист, телеведущая, автор четырех книг. В 2006 году была награждена за лучшую статью года в Эстонии. В 2008 году Европейской комиссией была удостоена награды «За различия. Против дискриминации». Книга «Белый корабль Ласнамяэ» первоначально была опубликована на эстонском языке. ...Когда мне в очередной раз задают любимый эстонской прессой вопрос: «А если вдруг надо выбрать, Эстония или Россия, ты за кого?» – сердце сворачивается колючим ежиком. Как сделать выбор между фотографией прадеда на белом обелиске в Анапе, городе на берегу Черного моря, и распуганными рыбешками в «обнимающей» Ласнамяэ реке «Перета», как называл ее мой младший брат? Эта задача – из серии таких же ломающих сознание, как, скажем, вопрос ребенку: «Ты кого любишь больше – папу или маму?» Представляешь, бывает так, что у человека две родные стороны: историческая родина-мать и отечество сознательной жизни – mu isamaa. И все-таки родина – это, скорее, не страна в целом, а конкретное место, скажем, улица. Я выросла на улице Ляэнемере в Ласнамяэ, это и есть мой родной край.			
	Victoria Ladynskaya is a journalist, TV presenter, and author of four books. In 2006, she was awarded as the author of the best article of the year in Estonia. In 2008, the European Commission recognized her with the "For Diversity. Against Discrimination" award. The book "The White Ship of Lasnamäe" was originally published in Estonian. ...When I am once again asked the favorite question of the Estonian press: "If you suddenly had to choose, Estonia or Russia, which side would you take?"—my heart curls up like a prickly hedgehog. How can one choose between the photograph of my great-grandfather on the white obelisk in Anapa, a city on the Black Sea coast, and the startled fish in the "hugging" Lasnamäe river, "Pereta," as my younger brother called it? This dilemma is as mind-wrenching as asking a child: "Who do you			

	love more, mom or dad?" You see, sometimes a person can have two native lands: the ancestral homeland and the country of their conscious life—*mu isamaa* (my homeland). And yet, the homeland is not necessarily the country as a whole, but rather a specific place, like a street. I grew up on Läänemere Street in Lasnamäe, and that is my true home.			
11.	2014	Белые бабочки ночи / The white butterflies of night	Kaplinski, Jaan	Poetry
	Русские стихи Яна Каплинского: возможно ли такое? Вероятно, Ян Каплинский прав: «ни у кого нет своего собственного голоса и своего собственного имени». Поэт лишь, в отличие от благодушного интеллигента, видит в этом проблему (как, впрочем, он видит проблему во всём). Общепринятые представления о поэзии как диалоге автора и читателя (в том числе и «провиденциального собеседника») приобретают, таким образом, иную степень сложности. После десятилетий пристального вслушивания в себя оказывается, что поэту легче и приятнее общаться с белыми облаками и замшелыми камнями, чем с людьми. Но это – поэту. Какой бы ни была его позиция, она не отменяет существования позиции читателя. Лишь усложняет его самоидентификацию: в качестве кого он берет в руки новую поэтическую книгу? В какой роли он оказывается в результате ее «понимания»? На какой полке в аксиологическом шкафу находит ей место? Каким эмоциям ищет в ней подтверждения? Это, с первого взгляда идущее вразрез с точкой зрения автора, акцентирование «партии читателя» пусть не будет воспринято как интерпретационный эпатаж: слишком разительна дистанция между опытом русского читателя, его ожиданиями и этой книгой, чтобы не начать разговор именно с «проигрывания» этой партии. Какие же вопросы должен для себя поставить читатель, чтобы эта дистанция не выглядела со стороны столь безнадежной? Где та читательская позиция, которая позволила бы включить рефлексию относительно зрительной и слуховой специфики в том, что имеет отношение к поэзии? Ведь, казалось бы, она зиждется на беспрецедентно почетном месте поэзии в традиционной русской культуре? Наверное, с прояснения того, какая именно поэзия занимала в течение долгого времени это место, и стоит начать. Следующим же важным пунктом должно стать признание бесповоротности потери этого места. Да, правда, в последние годы советской поры русская поэзия, казалось, достигла апогея своего влияния в обществе. Сотни участников из десятков поэтических кружков, отвергавшихся, по крайней мере, в течение двух предыдущих десятилетий государственной литературной институцией, стали получать доступ к читателям, число которых исчислялось в тысячах. Интерес к поэзии и ее статус поддерживался также и широкой публикацией большой части неизвестного или малоизвестного ранее поэтического наследия XX века. И эта поэзия была предельно «поэтичной»! Она была столь переполнена символами, цитатами и аллюзиями, уводящими в мир, как тогда казалось, «вечных ценностей», что те единицы стихотворцев, что не шли в фарватере этой «великой традиции», а ориентировались на современное им европейское письмо или даже отечественный радикальный авангард революционной эпохи, казались культурно, а то и личностно неадекватными маргиналами. Однако, не успела пасть советская власть, как от этой конструкции не осталось почти ничего. Ни старому читателю в новых обстоятельствах, ни, тем более, новому читателю поэтическая продукция околодиссидентской интеллигенции оказалась, в сущности, не интересна. Да и сама пишущая стихи интеллигенция перестала находить в этом занятии то, что находила ранее: осмысленную деятельность, надежду, утешение, какие-то элементы признания. Вокруг лежала культурная пустыня, в возможность возникновения которой еще вчера невозможно было поверить: перестроечную журнально-телевизионную лихорадку, а затем восторг митингов и демонстраций, но главное – экстатику ожиданий сменила тяжелейшая фрустрация. Воздушные			

замки обернулись гиперинфляцией, корявыми жестяными ларьками, непонятно откуда взявшимися (советскую интеллигенцию мало волновал мир «простого человека») людьми с золотыми цепями на толстых шеях, одетыми в бордовые пиджаки, террористическими актами и просто уличной преступностью, авиацией и артиллерией, уничтожающими четырехсоттысячный город в собственной взбунтовавшейся провинции. Вот тогда и настало время поиска «актуального»: в поэтике, в тематике, в языке. И наиболее живое было связано как раз с демонстрацией отказа от парадигм предыдущей эпохи, с «ненавистью к поэзии».

Прошло два десятилетия. Многие из тех, кто с молодыми силами взялся тогда за этот поиск, умерли, состарились, замолчали. За это время в поэтическом мире было много «новостей» (женское превалирование среди дебютантов, эмансипация социальной тематики…). Приходили и уходили моды («новая искренность», маргинальность или, наоборот, популярность). С выходом на сцену уже третьей генерации (2010-х) число дебютантов стало еще малочисленнее, круг читателей – еще уже. Поэзия стала более современной, более космополитичной, более открытой и живой, но работа с «великой традицией» если не как с объектом поклонения, то как с точкой отталкивания (что в нашем случае в сущности – одно и то же) еще далека от завершения. И вдруг – эта книга, написанная так, словно ни «великой традиции», ни борьбы за ее преодоление не существует. А есть лишь смертный человек в смертном мире. Нет никакого «поля литературы», и нет никаких капиталов и статусов – есть лишь прикосновения к листьям и камням, глотки воздуха и воды, запахи вещей и плодов, пульсация крови и времени – всё то, что свидетельствует перед человеком о том, что он жив, и о том, что он смертен, и что заставляет человека в свою очередь свидетельствовать о себе перед Никем. Свидетельствовать вместе с затихшей кошкой и кричащей птицей, наряду с земноводными и рыбами, шмелями и пауками, снежинками и порывами ветра, не делая различия между Его странным отсутствием и присутствием.

Русская поэзия отвыкла от такой речи. Ей так не хватает всемирно признанного поэта, отказывающегося при этом разыгрывать роль «важной персоны», «любимца муз», «национального гения», «интеллектуального олимпийца». Ей так не хватает патриарха, перед лицом которого глупо фиглярствовать, неловко резонерствовать, нелепо сводить старые счеты, стыдно самообнажаться. Перестав заниматься цитированием «национальных классиков» сперва всерьез, в качестве клятвы верности «высокому», а затем иронически, якобы с целью деконструкции этого «высокого», поэзия занялась-таки, наконец, живым человеком с его проблемами, но и ее создатель и ее читатель как будто бы забыли, что поэт – это не философ, не социолог, не критический теоретик, не лингвист, что у него есть свой собственный предмет. Как раз осязаемое присутствие этого предмета так и потрясает в книге Яна Каплинского. Мы отчетливо осознаем, что речь идет об особом состоянии человека, в котором пространство ему представляется промежутком между чем-то и ничем, время – чем-то, не имеющим ни начала, ни конца, ни значения, история видится в тусклом свете времени пережившем само себя, творчество – в свободном падении из ниоткуда в никуда, состояние, в котором только и возможна предельная апофатика поэзии: не смог сказать то, что в самом деле хотел. Собственно, цитировать книгу так же бессмысленно, как пытаться ее пересказать. Не случайно сам Каплинский (если не считать выпившего крестьянина-персонажа, поющего по-русски песню о гибели крейсера «Варяг») вспоминает лишь одну цитату: «Памятник» Горация. Но это всё равно что (в другой парадигме) прошептать «Credo in unum…». Гораций – и есть такое credo. После того, как это имя произнесено, окончательно проступают контуры подлинного, не оставляющего никакой надежды, адресата книги, а не «читателя» и не «провиденциального собеседника». И еще одна важная вещь: абсолютно не важно, на каком языке ведется этот разговор. Потому что как есть вещи поважнее «поэзии» (если это не поэзия сырого воздуха), есть и формы выражения человеческой природы поважнее «языка» (если, конечно, это не язык родника или воробьев), где уравниваются стихи, которые так и останутся сразу написанными и ненаписанными, рожденные и нерожденные мысли, названное и безымянное. Собственно, вопрос, поставленный в заглавии, остался без ответа: «как такое возможно?» (я имел в виду по-русски). То есть: достаточна ли прочность русской поэзии сегодня, чтобы вынести эту книгу?

	Сергей Завьялов
	Russian Poetry by Jaan Kaplinski: Is It Possible? Jaan Kaplinski is likely right: "No one has their own voice or their own name." A poet, unlike a complacent intellectual, sees this as a problem (as indeed, they see problems in everything). The conventional understanding of poetry as a dialogue between the author and the reader (including the "providential interlocutor") thus takes on a new level of complexity. After decades of listening closely to oneself, it turns out that it is easier and more pleasant for a poet to communicate with white clouds and moss-covered stones than with people. But that's for the poet. Whatever their position may be, it does not negate the existence of the reader's position. It only complicates the reader's self-identification: in what role does the reader pick up a new book of poetry? In what role do they find themselves after "understanding" it? On what shelf in their axiological cabinet do they place it? What emotions do they seek validation for in it? This emphasis on the "reader's role," seemingly at odds with the author's perspective, should not be seen as interpretive shock value: the distance between the Russian reader's experience, their expectations, and this book is too striking not to begin the conversation by "playing out" this role. What questions should readers ask themselves to ensure this distance doesn't appear hopelessly insurmountable? Where is that reader's position that would allow them to reflect on the visual and auditory specifics of what pertains to poetry? After all, poetry has long held a uniquely esteemed place in traditional Russian culture. Perhaps it's worth starting by clarifying what kind of poetry held that place for so long. The next important point should be acknowledging the irreversible loss of that position. It's true that in the final years of the Soviet era, Russian poetry seemed to reach the apex of its influence in society. Hundreds of participants in dozens of poetic circles, long rejected by the state literary institution for at least two previous decades, suddenly gained access to readers, numbering in the thousands. Interest in poetry and its status was also supported by the broad publication of much of the previously unknown or little-known poetic legacy of the 20th century. And this poetry was intensely "poetic"! It was so saturated with symbols, quotes, and allusions leading to what then seemed to be a world of "eternal values," that the few poets who did not follow the course of this "great tradition," but oriented themselves towards contemporary European writing or even the domestic radical avant-garde of the revolutionary era, appeared culturally or even personally inadequate outcasts. However, as soon as the Soviet power collapsed, almost nothing remained of this construct. Neither the old reader in new circumstances nor, even more so, the new reader was interested in the poetic output of the quasi-dissident intelligentsia. Even the intelligentsia itself stopped finding in writing poetry the meaningful activity, hope, solace, or elements of recognition it once did. The cultural landscape turned into a desert, the very existence of which was unthinkable only yesterday. The perestroika media frenzy, followed by the excitement of rallies and demonstrations, and most importantly, the ecstasy of expectations, was replaced by severe frustration. The castles in the air turned into hyperinflation, clunky tin kiosks, people with gold chains on thick necks in burgundy jackets (who seemed to come out of nowhere—the Soviet intelligentsia was hardly concerned with the world of the "common man"), terrorist acts, street crime, aviation, and artillery destroying a city of 400,000 in its rebellious province. It was then that the search for the "relevant" began: in poetics, themes, and language. The most vibrant works were those that rejected the paradigms of the previous era and expressed a "hatred for poetry." Two decades have passed. Many of those who began this search in their youth have since died, aged, or fallen silent. In this time, the poetry world has seen many "novelties" (the dominance of women among debut authors, and the emancipation of social themes…). Fashions have come and gone ("new sincerity," marginality, or conversely, popularity). With the emergence of a third generation (the 2010s), the number of debut poets has dwindled even further, and the circle of readers has

	become even smaller. Poetry has become more contemporary, more cosmopolitan, more open and alive, but the work of engaging with the “great tradition,” whether as an object of veneration or as a point of departure (which, in our case, is essentially the same thing), is still far from complete. And suddenly — this book, written as though neither the “great tradition” nor the struggle to overcome it existed. As though there were only a mortal human being in a mortal world. There is no “field of literature,” no capital or status — there are only touches of leaves and stones, gulps of air and water, the smells of things and fruit, the pulsation of blood and time — all that bears witness to a person that he is alive, and that he is mortal, and that in turn compels a person to bear witness to himself before No One. To bear witness alongside the silenced cat and the crying bird, alongside amphibians and fish, bumblebees and spiders, snowflakes and gusts of wind, without distinguishing between His strange absence and presence. Russian poetry has grown unaccustomed to such a voice. It so desperately lacks a world-renowned poet who nevertheless refuses to play the role of an “important person,” a “favorite of the Muses,” a “national genius,” an “intellectual Olympian.” It so desperately lacks a patriarch before whom it would be foolish to clown, awkward to pontificate, absurd to settle old scores, and shameful to bare oneself. Having first ceased to quote the “national classics” seriously, as an oath of allegiance to the “high,” and then ironically, supposedly in order to deconstruct that “high,” poetry has finally turned to the living human being and his problems. Yet both its creator and its reader seem to have forgotten that a poet is not a philosopher, not a sociologist, not a critical theorist, not a linguist — that he has his own particular subject matter. It is precisely the tangible presence of that subject matter that is so stunning in Jaan Kaplinski’s book. We become acutely aware that we are dealing with a particular state of being in which space appears to a person as an interval between something and nothing; time as something with neither beginning nor end nor significance; history is seen in the dim light of time that has outlived itself; creation as a free fall from nowhere to nowhere — a state in which the ultimate apophasis of poetry is possible: I was unable to say what I truly wanted to say. In fact, quoting from the book is as pointless as trying to retell it. It is no coincidence that Kaplinski himself (apart from the drunken peasant character who sings in Russian a song about the sinking of the cruiser Varyag) recalls only one quotation: Horace’s “Monument.” But that is equivalent to (in another paradigm) whispering, “Credo in unum…” Horace is precisely such a credo. Once that name has been uttered, the contours finally emerge of the book’s true, hopeless addressee — not its “reader” and not its “providential interlocutor.” And one more important thing: it is absolutely irrelevant what language this conversation takes place in. For just as there are things more important than “poetry” (unless it is the poetry of raw air), there are also forms of expressing human nature more important than “language” (unless, of course, it is the language of a spring or of sparrows), where poems that will remain simultaneously written and unwritten, thoughts that are both born and unborn, the named and the nameless, are all made equal. In fact, the question posed in the title remains unanswered: “How is such a thing possible?” (I mean, in Russian.) In other words, is Russian poetry today strong enough to bear the weight of this book? Sergei Zavjalov			
12.	2014	Эй, Нарва! All together! /Hey, Narva! All together!	Vladimir Cherdakov	Short stories
	Уважаемые читатели!			

	Книга, которую вы держите в руках, – плод наблюдений, охватывающих несколько десятков лет моей жизни и жизни людей, которых я встречал на своём пути. Она навряд ли вас чему-либо научит, но, надеюсь, заставит рассмеяться, погрустить, вспомнить прошлое и задуматься о будущем. Прошу не относиться к данному творению серьёзно, ведь автор не историк и ни в коем случае не претендует на получение Нобелевской премии по литературе.			
	Dear Readers, The book you are holding is the result of observations spanning several decades of my life and the lives of people I've encountered along the way. It is unlikely to teach you anything, but I hope it will make you laugh, feel a bit of sadness, recall the past, and reflect on the future. Please don't take this creation too seriously, as the author is neither a historian nor someone aspiring to win the Nobel Prize in Literature.			
13.	2015	Мраморный лебедь / The Marble Swan	Jelena Skulskaja	Novels
	В «Мраморном лебеде» причудливо переплетаются три линии. Первая – послевоенное детство, мучительные отношения в семье, молодость, связанная с карикатурно-мрачным Тартуским филфаком, где правит Ю. М. Лотман, рассказ о дружбе с Довлатовым и другими... Вторая линия – сюрреалистические новеллы, родившиеся из реальных событий. И третья – особый взгляд на те великие произведения литературы, которые более всего повлияли на автора. Всё вместе – портрет эпохи и одновременно - портрет писателя, чья жизнь неизбежно строится по законам его творчества. Роман – финалист «Русского Букера», лауреат премии журнала «Звезда» и премии фонда «Эстонский капитал культуры» за 2014 год. COVER: Замечательную вещь Вы, Лилечка, написали, превосходную вещь. Поздравляю, Вы пишете ярко и страшно. Но страшней всего – два предложения (прямая речь матери) про неподдельную скорбь и про стихи на смерть отца. Если бы я написал – теперь уже не напишу – трактат о Пошлости, там были бы эти два предложения как идеальный, почти невероятный пример: она здесь острая, гибкая, блестящая, смертельная – отравленный кинжал. Самуил Лурье (из личного письма). Автор этого романа слишком долго жила в мире неприятия ее поэтических сочинений самыми близкими людьми. Естественным оказалось желание отвергнуть этот мир единственно доступным писателю способом – эстетически. Что в «Мраморном лебеде» и произошло. И вот только после этого, когда внутреннее противостояние аннигилировала жизнь, то есть смерть, что одно и то же, Елена Скульская утвердилась в свободе по-настоящему. Собственно говоря, весь сюжет этого романа – это история освобождения, путь к обретению свободы. Понятно, что дорогой ценой. То, что цена высока – это и есть катарсис, которого ждешь, сопереживая всем ужасам, настигающим героиню. И то, что повествование завешается случайным рассветом, тем, что Пастернак назвал «дивный божий пустяк», все это очень хорошо, то есть достоверно, венчает невыдуманную историю выдуманной в романе жизни. Андрей Арьев. Новый роман Елены Скульской просто создан для читательского успеха. Мемуарная проза – любимейший из жанров: короткие новеллы, ткущие просторное полотно жизни; тончайшие психологические переливы, внятные каждому; умилительные детали быта, спасенные зоркой памятью, и веселая ирония, разлитая прозрачным слоем над трагическими переживаниями. Казалось бы, интимная проза, но надо учесть, чт автор – известный поэт, прозаик, драматург, достойный собеседник лучших людей своего времени. Масштаб личности и таланта делают роман убедительным свидетельством об эпохе, черты которой были искажены цензурой, отшибленной памятью, историческим наплевательством. Жизнелюбие отца, писателя-фронтовика, который			

	воспринимал каждый день после войны как подарок, и пуританская, в духе времени, строгость матери, прощенная с опытом, наполнили книгу, как и жизнь автора, весельем, печалью, жестокой откровенностью, зрячей любовью. Отдельный интерес – вплетенные во многие сюжеты размышления о литературе, которые сделают часть заправскому литературоведу. Короче говоря, каждый найдет в этой прозе то, ради чего открываются книги. Ольга Тимофеева.
	The novel "Marble Swan" intricately weaves together three distinct narrative threads. The first delves into post-war childhood, fraught family relationships, and a youth marked by the darkly caricatured atmosphere of the Tartu philological faculty, ruled by Yuri M. Lotman, with tales of friendship with Dovlatov and others. The second thread consists of surreal novellas, born from real events. The third offers a unique perspective on the great literary works that most influenced the author. Together, these elements form a portrait of an era and of the writer herself, whose life inevitably unfolds according to the laws of her creative world. The novel was a finalist for the Russian Booker Prize and received the Zvezda magazine award and the Estonian Cultural Endowment Award in 2014. COVER: "You've written a remarkable piece, Lilechka, a superb one. Congratulations, your writing is vivid and terrifying. But what strikes me most are two sentences (direct speech of the mother) about genuine grief and the verses on the father's death. If I were to write – though now I won't – a treatise on Banality, these sentences would be included as an ideal, almost unbelievable example: here it is sharp, flexible, shiny, deadly – a poisoned dagger." Samuil Lurye (from a personal letter). The author of this novel lived for far too long in a world where her poetic works were rejected by those closest to her. The natural response was to reject this world in the only way a writer can – aesthetically. And that is precisely what happens in Marble Swan. Only after this, when inner conflict is annihilated by life, or rather by death, which are the same, did Jelena Skulskaja truly find freedom. The novel's entire plot is essentially a story of liberation, the journey toward achieving freedom, though at a high cost. The fact that this cost is high is the catharsis readers expect as they empathize with the horrors that befall the heroine. The novel concludes with a random dawn, what Pasternak called a "wonderful divine trifle," which beautifully and truthfully crowns the real-life tale of the fictionalized life depicted in the novel. Andrey Aryev. Jelena Skulskaja's new novel is poised for readerly success. Memoir prose is one of the most beloved genres: short stories weaving a broad canvas of life, delicate psychological nuances relatable to all, endearing domestic details preserved by sharp memory, and light-hearted irony permeating tragic experiences. Despite its intimate tone, it's important to note that the author is a renowned poet, prose writer, and playwright, a worthy conversationalist among the finest minds of her time. The scale of her personality and talent make the novel a convincing testimony of an era whose features were distorted by censorship, forgotten memories, and historical negligence. The joie de vivre of her father, a frontline writer who treated every day after the war as a gift, and the puritanical, era-spawned strictness of her mother, later forgiven through experience, fill the book – just as they filled the author's life – with joy, sorrow, brutal honesty, and clear-eyed love. Of particular interest are the reflections on literature woven into many of the stories, which will appeal even to professional literary scholars. In short, everyone will find something worth opening a book for in this prose.

	Olga Timofeeva.			
14.	2015	Кодумаа	Larissa Joonas	Poetry
	Стихотворения Ларисы Йоонас можно смело назвать когнитивными. Это тексты, которые живут по своим, особенным техническим и билингвистическим законам и, кажется, не подчиняются ни времени, ни пространству, ни смерти, ни человеческим страстям. И в то же время удивительно, но в центре всего стоят такие важные для каждого понятия, как Человек, Любовь, Жизнь, Смерть, Надежда или Природа .... Природа и родина (kodumaa - эст.) занимают главное место в лирике автора, и, несмотря на то, что «Tundma oma kodumaad» («Узнать свою Родину», - эст.) – единственная в сборнике прямая отсылка к эстонскому языку. Эстонию мы чувствуем осознанно или неосознанно и находим совсем иной, не такой, как она есть на страницах туристических буклетов – статичная, каменная и прохладная. В стихах Ларисы Йоонас Эстония живая, меланхоличная и немножко одинокая.			
	The poetry of Larisa Yoonas can confidently be described as cognitive. Her texts follow their own unique technical and bilingual rules, seemingly unaffected by time, space, death, or human passions. Yet, at the heart of it all lie deeply significant concepts like Humanity, Love, Life, Death, Hope, and Nature. Nature and homeland (kodumaa in Estonian) take a central place in the author's lyricism. Even though "Tundma oma kodumaad" ("To Know One's Homeland" in Estonian) is the only direct reference to the Estonian language in the collection, Estonia is present throughout, either consciously or unconsciously. However, it is portrayed differently from the static, stone-cold version found in tourist brochures. In Larisa Yoonas's poems, Estonia is alive, melancholic, and a little lonely.			
15.	2015	Там, где я родилась / Where I was born	Nadezhda Katayeva-Valk	Memoirs
	На родине совсем другой настрой: Стихи рождаются в любое время суток, В душе всё разом – и покой и смута, И я себя здесь чувствую другой. На родине меня давно не ждут: Одни ушли, другие позабыли, Но дом родной и отчие могилы Мен.я сюда по-прежнему влекут. На родине совсем другой настрой: Здесь можно всех простить И быть прощённой, Внимать словам душою восхищенной			

	И стать доверчивой, как в детстве, и простой. И этих песен кружевную нить Смешливой девочке с косичкой Подарить. Прудище, 10.06.2006 Уж за холмом печорская земля, Я близко, рядом, но уже не с вами… Моя тоска бессонными ночами В оторванном листке календаря, В погасшем дне, подаренном судьбой, Во взгляде Богородины печальном Звучит в душе мотивом поминальным: Земля родная, снова не с тобой… Куничина гора. 27.11.2010 Когда-нибудь меня не станет, Что в мир пришло, увы, не вечно, Мне ласточки веселой стаей Взамен Земли предложат Млечный Единый путь богатым, нищим

	На звездах в небе над Прудищем… Колечко бытия замкнется И дымкой растворится в небе… И мне, надеюсь, не придется Всем объяснять, что вовсе не был Мой жребий, как обед в детдоме, Остывшим, постным и без ласки… Напротив, был в сочельник гномик, Конфеты, елочки и сказки, И перламутровые краски Лесов, заснеженных зимою, И свет звезды над головою. Любовь была и своещала Наш нищий быт послевоенный, Там мама гладью вышивала Для братика ковер настенный, Там были голубки на ветке И надпись в розах: «С добрым утром», И был ковер – букварь наш первый Прекраснейшим и самым мудрым Учителем любви и веры,

	И счастья было там без меры… Я помню все и не забуду, И унесу в другие дали Тепло и свет, что вы когда-то, Меня любившие, мне дали. Хутор Тамме, Тартумаа, 2009 Спасибо, Надежда, за добрые слова о своих земляках. Вы своими воспоминаниями поставили памятник простым людям. А ведь так оно и было. У нас, в нашем Печорском крае, были и эстонцы, и полуверцы, и латыши, и русские, и местные, и советские, и красные, и белые, и кейцелиты, и лесные браться, только не было писателя, кто бы честно написал об этом времени и нашем крае. Олег Керик, Россия, Санкт-Петербург, 18.04.2014 С интересом, не отрываясь, на одном дыхании прочла рукопись Вашей автобиографической повести, причем прочла не однажды. Все, о чем Вы пишете, мне близко и знакомо, потому для меня дорого и бесценно. Замечательно, что Вы так тепло вспоминаете свою «малую родину», своих родителей, соседей, родных и знакомых. Человек силен тогда, когда помнит о своих корнях. Спасибо Вам за то, что Вы всколыхнули в моей душе воспоминания о прошлом, я несколько дней ходила с мыслями о Лабонах, о Веселкине, о своих одноклассниках и о вашей матери – мы учились с ней в одной школе, и я гуляла на ее свадьбе. Валентина Лаур, Россия, Печорский район, д. Ротово, 1.06.2014. Все написанное в твоей повести, Надежда, так значительно и так увлекательно, что тут изменять и сокращать ничего нельзя. Это как «Евгений Онегин», энциклопедия русской жизни. Как хорошо и как правительно ты пишешь о хуторских традициях – у меня одни восклицательные знаки. Благодарю тебя за прекрасные рассказы о деревне и о наших земляках. Зоя Кузнецова, Эстония, Тарту, 24.03.2013. Спасибо за бесценную повесть. Заинтересовалась малым коренным народом сету, вот поисковик и выдал Ваш прекрасный текст. Он интересен не только с этнографической точки зрения, но просто хорошо написан. Я и не слыхала про ликву. А также понравилось употребление уже забытых слов. С признательностью, Милла Синиярви, Финляндия, 26.11.2012 Вот как Русь пахнет! Никогда не была в России… Спасибо Вам, Надежда, за эту замечательную повесть – и улыбнулась, и прослезилась, столько интересного узнала о Вашей Родине. Интересно было познакомиться и с сету, вашими полуверцами. Вы сделали такой труд – раскрыли книгу своей

	доброй памяти и поделились с людьми прошлым. Память о том, как люди любили свою землю, почитали стариков и обычаи. Но больше всего меня тронуло, какими были Ваши родители – набожные, мудрные, трудолюбивые, отзывчивые, любящие всем сердцем своих детей. Это дорогого стоит – родиться в такой семье. Почитать Ваши рассказы полезно – задумываешься о жизни. Натали Фаст, Германия, Wiesmoor, Niedersachsen, 7.03.2014
	In my homeland, the mood is completely different: Poems are born at any time of the day, In the soul, all at once - both peace and turmoil, And I feel like a different person here. My homeland no longer waits for me: Some have gone, others have forgotten, But my native home and my father's graves Still, draw me here. In my homeland, the mood is completely different: Here, it’s possible to forgive everyone And be forgiven, To listen to words with a soul full of admiration And become trusting, like in childhood, and simple. And the lace thread of these songs To give to a laughing girl with braids. Prudishche, 10.06.2006 Beyond the hill lies Pechora land,

	I am close, nearby, but no longer with you… My sorrow, in sleepless nights, In a torn-off calendar leaf, In the extinguished day, gifted by fate, In the sorrowful gaze of the Mother of God, Sounds in the soul like a memorial tune: Native land, once again, I am not with you... Kunichina Gora. 27.11.2010 Someday I will be gone, What came into this world, alas, is not eternal, The swallows, in their merry flock, Will offer me the Milky Way instead of Earth, A single path for the rich and poor, On the stars in the sky above Prudishche… The circle of being will close And dissolve in the sky like mist... And I hope I won't have to explain to everyone That my fate was not, like a meal in an orphanage, Cold, tasteless, and without affection... On the contrary, there was a gnome on Christmas Eve,

	Candies, Christmas trees, and fairy tales, The pearly colors Of snow-covered forests in winter, And the light of a star above my head. There was love, and it blessed Our poor post-war life, There, my mother embroidered A wall carpet for my brother, There were doves on a branch And an inscription in roses: "Good morning," And there was a carpet – our first alphabet The most beautiful and wisest Teacher of love and faith, And there was boundless happiness… I remember everything and will not forget, And I will carry the warmth and light That you once gave me When you loved me. Tamme settlement, Tartumaa, 2009

	Thank you, Nadezhda, for your kind words about your fellow countrymen. With your memories, you have erected a monument to ordinary people. And that's how it was. In our Pechora region, there were Estonians, half-believers, Latvians, Russians, locals, Soviets, Reds, Whites, Kaitseliites, and Forest Brothers. Still, there was no writer who would honestly write about this time and our region. Oleg Kerik, Russia, St. Petersburg, 18.04.2014 I read the manuscript of your autobiographical story with great interest, without stopping, in one breath, and I have read it more than once. Everything you write about is close and familiar to me, which makes it dear and priceless. It's wonderful that you recall your "small homeland," your parents, neighbors, relatives, and acquaintances so warmly. A person is strong when they remember their roots. Thank you for stirring up memories of the past in my soul; for several days, I walked with thoughts of Labonys, Veselkin, my classmates, and your mother – we studied in the same school, and I attended her wedding. Valentina Laur, Russia, Pechora District, Roto village, 01.06.2014. Everything written in your story, Nadezhda, is so significant and so captivating that nothing should be changed or shortened. It's like "Eugene Onegin", an encyclopedia of Russian life. How well and how correctly you write about the traditions of the villages – I can only express my admiration. Thank you for the wonderful stories about the village and our fellow countrymen. Zoya Kuznetsova, Estonia, Tartu, March 24, 2013. Thank you for the priceless story. I became interested in the small indigenous Setu people, and the search engine led me to your beautiful text. It is interesting not only from an ethnographic perspective but also simply well-written. I hadn't heard of the "likva" before. I also liked the use of already-forgotten words. With gratitude, Milla Siniyärvi, Finland, November 26, 2012. This is how Rus' smells! I've never been to Russia... Thank you, Nadezhda, for this wonderful story – it made me smile and brought tears to my eyes, I learned so much about your homeland. It was interesting to get to know the Setu people, your semi-believers. You did such labor – you opened the book of your kind memory and shared the past with people. The memory of how people loved their land, respected the elderly and honored customs. But most of all, I was touched by how your parents were – devout, wise, hardworking, compassionate, and loved their children with all their hearts. To be born into such a family is priceless. Reading your stories is valuable – they make you reflect on life. Natali Fast, Germany, Wiesmoor, Niedersachsen, March 7, 2014.			
16.	2019	Пограничная любовь / Borderline Love	Jelena Skulskaja	Novels

	Новый роман Елены Скульской, лауреата международных литературных наград, впервые опубликован в петербургском журнале «Звезда» и удостоен в минувшем году премии фонда «Эстонский капитал культуры». Рассказ ведется от лица Лили (так в реальности зовут Елену близкие друзья) Скульской, которая является самым смешным, нелепым, карикатурным и фантастическим персонажем многослойного сатирического и одновременно лирического повествования. Персонаж Елены Скульской – Лиля Скульская – служит в театре (это совершенно фантасмагорическое пространство), ведет дневник, пишет пьесу, стихи… И, наконец, сочиняет сценарий о любви двух молодых людей: он живет в Таллинне, но мечтает вернуться к своим корням в Петербург, где его далекий предок служил при Петре I, возводящим город на Неве, а его избранница мечтает переехать в Эстонию, где ее пра-пра-прабабка была фрейлиной Екатерины I. Задуманная прагматично, любовь петербурженки и таллинца оказывается истинной, глубокой и заканчивается, как и положено настоящей любви, - печально.			
	Jelena Skulskaja's new novel, written by an internationally recognized author and laureate of literary awards, was first published in the St. Petersburg magazine *Zvezda* and was awarded the Estonian Cultural Capital Foundation Prize last year. The story is narrated by Lilia (a name close friends use for Jelena in real life) Skulskaja, who serves as the most humorous, absurd, caricatured, and fantastical character in this multilayered satirical yet lyrical narrative. Jelena Skulskaja's character, Lilia Skulskaja, works in a theater (a completely phantasmagorical space), keeps a diary, and writes plays and poetry. And finally, she creates a screenplay about the love between two young people: he lives in Tallinn but dreams of returning to his roots in St. Petersburg, where his distant ancestor served under Peter the Great, helping to build the city on the Neva; his beloved, on the other hand, dreams of moving to Estonia, where her great-great-great-grandmother was a lady-in-waiting to Catherine I. What begins as a pragmatic relationship between the St. Petersburg woman and the Tallinn man turns out to be genuine and profound, ultimately ending, as all true love stories should, in sorrow.			
17.	2020	Самсон выходит из парикмахерской / Samson comes out of the hairdresser's salon	Jelena Skulskaja	Novels
	Я всегда говорю, что моя родина — русский язык и русская литература, но родилась я и прожила всю жизнь в Эстонии, здесь мой дом. И конечно, на меня влияла не только русская поэзия, но не меньше и эстонская, и внутренняя свобода обреталась в общении с коллегами и друзьями, пишущими на обоих языках. Для меня бесконечно важно, чтобы русскую и эстонскую культуру связывал взаимный интерес, да, собственно, ему ничто и не угрожает, но все-таки в полнейшей мере он реализуется при условии добрых отношений между государствами, — именно этой сентиментальной мечтой питался и был движим мой роман, не имеющий ни малейшего отношения к реальным событиям. COVER: Библейский Самсон, чья непобедимая сила таилась в его волосах, полюбил Далилу, которая выведала его тайну и выдала врагам – филистимлянам; косы Самсона были острижены... Однако новый роман Елены Скульской, лауреата многих престижных литературных премий, не имеет отношения к прошлому, он предсказывает в свойственной автору фантасмагорической и сатирической манере будущее. Это вымышленное будущее – подготовка к ядерной войне между странами, в которых проглядывают черты Эстонии и России. Ученые предлагают самые смелые проекты спасения человечества: например, можно заранее пересаживать особо ценные человеческие головы крысам, ведь крыс не убивает радиация... Но все-таки самое главное в книге – не антиутопия, не сатира, а юмор, лирика и даже любовь. Вместо театра военных деиствий мы видим милый авторскому сердцу просто театр с его постоянной готовностью к перевоплощению, смене масок, вечным дальтонизмом - неразличением добра и зла, испепеляющей жаждой славы, поспешным признанием белого черным, а черного – белым...			

	I always say that my homeland is the Russian language and Russian literature, but I was born and have lived all my life in Estonia; this is my home. Of course, I was influenced not only by Russian poetry but also by Estonian poetry, and my inner freedom was shaped through interactions with colleagues and friends writing in both languages. It is endlessly important to me that Russian and Estonian cultures maintain a mutual interest in each other. This connection is not under threat but fully flourishes only when good relations between the states exist. This sentimental dream nourished and drove my novel, which has no connection to real events. COVER: The biblical Samson, whose invincible strength lay in his hair, fell in love with Delilah, who discovered his secret and betrayed him to the Philistines; Samson's locks were cut… However, Jelena Skulskaja's new novel, the laureate of many prestigious literary awards, has nothing to do with the past—it predicts the future in the author's trademark phantasmagoric and satirical style. This imagined future involves the preparation for a nuclear war between two nations resembling Estonia and Russia. Scientists propose the boldest plans to save humanity: for instance, one could preemptively transplant especially valuable human heads onto rats since radiation doesn't kill rats… Yet, the book's true focus is not the dystopia or satire but the humor, lyricism, and even love. Instead of a theater of war, we witness a beloved stage—a theater with its constant readiness for transformation, mask-swapping, and eternal colorblindness—blurring the lines between good and evil, a burning thirst for fame, and a hasty recognition of white as black, and black as white...			
18.	2021	Тоска зеленая / Broken spirits	Ilya Prozorov	Novels
	Илья Прозоров – молодой русский писатель Эстонии. Герой его произведений — это малозаметный современный человек, оказавшийся на изнанке жизни. Автору интересны колебания и сомнения героя, его конфликт с окружающим миром, попытки сближения с действительностью, которая никак ему не поддается. Этот человек живет прошлым и испытывает большие чувства, вызывая их в своей памяти. Жизнь героя – мрачная, повседневная поэзия, приправленная легкой улыбкой. Илона Мартсон			
	Ilya Prozorov is a young Russian writer from Estonia. The protagonist of his works is a subtle, almost invisible contemporary figure living on the margins of life. The author is fascinated by the character's inner oscillations and doubts, his conflict with the surrounding world, and his attempts to connect with a reality that continually eludes him. This person dwells in the past, reliving deep emotions through memory. His life is a morose everyday poetry touched with a faint smile. — Ilona Martson			
19.	2021	Театр ужасов / The horror theater	Andrei Ivanov	Novels
	«Это роман об иллюзиях, идеалах, отчаянии, это рыцарский роман, но в сервантесовском понимании рыцарства», — так определяет свою книгу автор, чья проза по-новому открывает для нас мир русской эмиграции. В его новом романе показана повседневная жизнь русскоязычных эстонцев, оказавшихся в сновидческом пространстве между двумя странами и временами: героическим контркультурным прошлым и труднопостигаемом настоящим. Бесконечная			

	вереница опасных приключений и событий, в которые автор вовлекает своих героев, превращает роман в широкую художественную панораму, иногда напоминающую брейгелевские полотна. Андрей Иванов — русский писатель, живущий в Эстонии, лауреат премии «НОС» (2013) и Русской премии (2011).			
	"This is a novel about illusions, ideals, and despair—a chivalric novel, but in the Cervantine sense of chivalry," says the author, whose prose offers a fresh perspective on the world of Russian emigration. In his latest novel, Andrey Ivanov explores the everyday life of Russian-speaking Estonians caught in a dreamlike space between two countries and two eras: the heroic countercultural past and the elusive present. The novel's endless series of perilous adventures and events, in which the author immerses his characters, turns the narrative into a vast artistic panorama, sometimes reminiscent of Brueghel's paintings. Andrey Ivanov is a Russian writer living in Estonia and a recipient of the NOS Award (2013) and the Russian Prize (2011).			
20.	2022	Меланхолия сумерек / Melancholy of twilights	Andrei Ivanov	Novels
	COVER: Читатель, ты держишь в руках книгу счастливого писателя – он жил достаточно долго, чтобы многое обдумать и описать, его частенько оставляли наедине с собой, и он это время проводил в беседах с сердцем, в размышлениях о счастье, свободе, любви и прочих мало кому доступных философских понятиях. «Меланхолия сумерек» Андрей Иванов родился в Таллинне в 1971 году, окончил Таллиннский педагогический университет, путешествовал по Скандинавии. Печатался в журналах «Носорог», «Новый журнал», Vikerkaar, Loomingu Raamatukogu и др. Автор романов «Путешествие Ханумана на Лолланд», «Бизар», «Исповедь лунатика», «Горсть праха», «Харбинские мотыльки», «Обитатели потешного кладбища». Лауреат премии им. Марка Алданова, фонда «Капитал культуры Эстонии», премии «Новая словесность» 2013. Финалист премии «Русский Букер» (2010, 2013). Его романы переведены на эстонский, французский, немецкий, английский, финский и македонский языки.			
	Melancholy of Twilight Dear reader, you hold in your hands the work of a contented writer—a writer who has lived long enough to contemplate and describe much. Often left alone with his thoughts, he spent that time in conversations with his heart, pondering happiness, freedom, love, and other philosophical concepts that are beyond the reach of most. About the Author: Andrey Ivanov was born in Tallinn in 1971 and graduated from Tallinn Pedagogical University. He traveled across Scandinavia and has been published in «Nosorog», «New Journal», «Vikerkaar», «Loomingu Raamatukogu», and other literary journals. He is the author of novels such as «Hanuman's Journey to Lolland», «Bizarre», «Confessions of a Lunatic», «A Handful of Dust», «The Harbin Moths», and «Inhabitants of the Amusing Cemetery». Ivanov is a recipient of the Mark Aldanov Prize, the Estonian Cultural Capital Foundation Prize, and the 2013 "New Literature" award. He was also a finalist for the Russian Booker Prize in 2010 and 2013. His novels have been translated into Estonian, French, German, English, Finnish, and Macedonian.			

INDEX OF NAMES. IMAGES OF ESTONIA(NNESS) IN ESTONIAN-RUSSIAN LITERARY TRANSLATION FLOWS SINCE 1991, THE MONOGRAPH

Aareleid, Kai —191, 206
Abašina-Melts, Nelli (Нэлли Абашина-Мельц), see also Nelli Melts —70, 71, 72
Abyzov, Yuri —103
Adams, Valmar —74, 144
Afanasjev, Vahur —149, 176, 191, 196, 209, 238, 249, 250, 251, 252
Akbari, Hossein —30
Aksenov, Vasily —36, 42, 47
Ala, Janar —166
Albert, Bishop —189
Albert, Mathias —20
Aleksandrova, Tatjana —71
Alexander I —35
Alle, August —74
Ambrulevičiūtė, Aelita —33
Anderson, Benedict R. O'G —31
Anderson, Ken —52
Andreyev, Nikolay —103
Andreyeva, Yekaterina —103
Annensky, Innokenty —37, 38, 194, 195, 253
Anninsky, Lev —194
Anvelt, Andres —202, 204, 245
Anvelt, Roosa —71, 202, 203, 204, 209, 245
Aru, Arnold —191
Ashrafi, Nasrin —30
Atkinson, Paul —50, 51, 57
Avdeyeva, Yekaterina —39, 42, 44, 254
Avetisyan, Venera —115
Awung, Felix —16, 17, 18
Babbie, Earl —50, 55
Baedeker, Karl —45, 46
Baljasnaja, Jelena —71, 72, 120
Baljasnõi, Boriss —71, 72, 103, 104
Balla, Olga —145
Balmont, Konstantin —37, 40, 253
Bar-Hillel, Yehoshua —12, 13
Barkhoff, Jürgen —31, 32, 50, 59, 172, 176
Barkhudarov, Leonid S —59
Batyushkov, Konstantin —35
Bavilsky, Dmitry —146
Bazileviča, Olga —136
Belobrovtsev, Vitali —62, 71, 101, 102, 104
Belobrovtseva, Irina (Ирина Белобровцева) — 36, 61, 62, 71, 86, 101, 102, 103, 104, 105, 110, 130, 136, 158, 164, 165, 167, 183, 185, 248
Belozerova, Ekaterina —136
Berezkina, Maimu —162
Berg, Maimu (Майму Берг) —166, 176, 181, 183, 188, 191, 197, 198, 204, 206, 207, 209, 245, 251, 252
Berger, Stefan —32, 33
Bergman, Vadim —74
Berseneva, Anna —115, 134
Bestuzhev-Marlinsky, Alexander —35, 41, 42, 45
Bezzubov, Valery —113, 151, 167
Bielsa, Esperança —18, 25, 27
Bjerg, Bov —153
Bljum, Lena —71, 72
Boborykin, Petr —39, 40
Bochkov, Alexei —42
Bogic, Anna —19, 20
Bolotov, Andrei —43
Bornhöhe, Eduard (Эдуард Борнхёэ) —176, 187, 245
Boulogne, Pieter —33
Bourdieu, Pierre —9, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 26, 27, 49, 58
Boyden, Michael —16
Brodsky, Josef —98, 132
Bryusov, Valery —37, 41
Bulgakov, Mikhail —102
Bulgarin, Faddei —39, 43, 254
Buzelin, Hélène —18, 19, 20, 28, 29
Callon, Michel —18, 19
Charles XII —43, 190
Chen, Shuting —21
Cherdakov, Vladimir —63, 210
Chesterman, Andrew —12, 15, 20, 22, 23, 24, 221
Chorny, Sasha —37, 40, 41
Chrupala, Grzegorz —18
Chu, Chi Yu —18, 26
Cronin, Michael —28
D'hulst, Lieven —26
Dal, Vladimir —35
Danilevski, Aleksandr —105
de Swaan, Abram —243
Delabastita, Dirk —59, 217, 218, 219
Derzhavin, Gavrila —35
Dimitriu, Rodica —33
Diomidova, Galina —71
Dovlatov, Sergei —36, 42, 47, 109, 131, 133, 253
Duan, Tianze —18
Dubrovin, Nikita —77
Dukić, Davor —33, 174, 176
Dulichenko, Alexandr —35
Eberharter, Marcus —24, 80
Edge, Lonnie —31, 163
Eessaare, Aadu —74
Ehala, Martin —89, 122, 161
Ehala, Olav —122
Einberg, Veronika —116
Einman, Maria —71, 111
Éluard, Paul —155
Enno, Ernst —74
Enríquez-Aranda, Mercedes —33
Erguvan, Mehmet —18
Eris, Emrah —17
Ernits, Heiki —122
Even-Zohar, Itamar —13, 14, 21
Fet, Afanasy —37
Filimonov, P.I. (Roman Fokin) (П. И. Филимонов) —62, 71, 72, 73, 77, 78, 110, 111, 112, 118, 119,

135, 139, 140, 141, 146, 159, 164, 165, 167, 171, 211, 248
Flynn, Peter —50, 52, 53
Fólica, Laura —30, 166, 243, 256
Fontana, Jean-Pierre —124
Fonvizin, Denis —35, 43
Gaidar, Yegor —87
Gailit, August (Аугуст Гайлит) —104, 127, 176, 183, 195, 238, 245, 249, 252
Galvani, Paolo —142
Gambier, Yves —30, 50, 52, 53
García Luque, Francisca —33
Gasparov, Boris —145
Gentile, Paola —28, 33
Georgiyevsky, Leonid —146
Gergievskaya, Elena —146
German, Yury —47
Giannakopoulou, Vasso —17, 26
Gladilin, Anatoly —102
Glinka, Fyodor —39, 44
Glinka, Grigory —35
Glück, Louise —160
Glushkovskaya, Ljudmila —88, 103
González Núñez, Gabriel —24, 25
Gouanvic, Jean-Marc —16, 17
Grigorjeva, Sveta —110, 157, 166
Groppo, Bruno —193
Grossman, Vasily —47
Grünthal-Ridala, Villem —74
Haava, Anna —74
Hainsalu, Lehte (Лехте Хайнсалу) —210, 246
Halbwachs, Maurice —190
Haljak, Kristjan —155, 185
Hammersley, Martyn —50, 51, 52, 57
Hashemi, Mohammad Reza —30
Heilbron, Johan —14, 18, 26, 27, 28, 34, 58, 88, 162, 164, 241, 242, 243, 244, 245
Heinsaar, Mehis (Мехис Хейнсаар) —90, 110, 150, 165, 176, 183
Hekkanen, Raila —17, 19, 20, 55
Henno, Sass —203, 204
Hermann, Karl August —74, 210, 225
Hermans, Theo —21, 241
Hindrikus, Kadri —101
Hint, Aadu —47
Hion, Ene —191, 192, 197
Hitler, Adolf —34
Hobsbawm, Eric —31
Holmes, James S —12, 13, 24
Hvostov, Andrei —159, 165, 197, 199, 200, 206, 207, 246
Hyde, Matthew —61
Ikoff, Ventsislav —166
Ilm, Albina —71
Ilves, Toomas Hendrik —135, 192
Inghilleri, Moira —15, 16, 18, 19, 20
Irtel-Brenndorf, Paul —35
Issakov, Sergei —35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 101, 110, 117, 145, 168
Ivanov, Andrei (Андрей Иванов) —61, 75, 77, 84, 86, 91, 104, 110, 118, 119, 128, 129, 130, 131, 143, 144, 162, 164, 165, 168, 171, 211, 214, 215, 248, 255
Ivask, Yuri —35, 138
Jääskeläinen, Riitta —29
Jakobson, August (Аугуст Якобсон) —176, 183
Jakobson, Karl Robert —38
Jakobson, Peeter —74
Jaks, Ilmar (Ильмар Якс) —74, 191, 194, 196
Jasnov, Mihhail (Михаил Яснов) —71, 72, 164, 165, 167, 249
Jiao, Mei —21
Jiménez-Crespo, Miguel A —15
Jõerüüt, Jaak —132, 166, 204
Johnson, David Cassels —15
Jones, Fransis —30
Joonas, Larissa (Лариса Йоонас) —63, 71, 73, 77, 78, 84, 110, 118, 119, 130, 141, 142, 143, 146, 160, 164, 165, 168, 171, 211, 212, 248, 254
Jurmaa, Nora —130
Kaalep, Ain —71
Kaisarov, Andrei —35
Kalaus, Natalja (Наталия Калаус) —71
Kaldmaa, Kätlin —110, 166
Kaljula, J. (Johannes Jaks) —74, 191, 194, 196
Kallas, Alla —71
Kallas, Roman —71
Kallas, Teet —132
Kallas, Tõnu —191
Kallonen, E. —71
Kangro, Bernard —112, 135, 136, 195
Kangro, Kirke —166
Kangro, Maarja (Маарья Кангро) —73, 112, 135, 136, 155, 156, 157, 165, 166, 167, 176, 183, 185, 186, 195, 204, 209, 244, 246
Kansman, E. —74
Kant, Edgar —184
Kaplinski, Jaan —61, 71, 73, 77, 78, 84, 110, 112, 165, 183, 186, 211, 212, 213, 245
Karamzin, Nikolay —35, 36, 39, 42, 43, 87
Karayev, Nikolay —71, 77, 78, 112, 201
Kareva, Doris —73, 90, 160, 166, 246
Karm, Svetlana —71
Kasekamp, Andres —161, 187
Kasemaa, Andrus —155, 185
Kashina, Valentina —89, 92, 93, 100, 164, 247
Kask-Arrak, Kai —150
Käsper, Kalle (Калле Каспер) —61, 62, 72, 73, 77, 86, 90, 104, 112, 113, 114, 115, 118, 119, 136, 137, 138, 139, 146, 158, 164, 165, 167, 168, 171, 176, 191, 197, 211, 238, 245, 246, 248, 249, 251, 252
Kass, Kristiina (Кристийна Касс) —73, 101, 153, 245
Katan, David —15, 24
Katayeva-Valk, Nadezhda —84, 115, 116, 117, 165, 167, 211, 214, 242
Kauksi, Ülle —191, 246
Kaus, Jaan —155, 165, 166, 185, 246
Kazarjan, Ljudmila (Loginova) —77, 85, 110, 116, 117, 118, 143, 144, 145, 171
Kender, Kaur —203, 204

Kesa, Aleksander —71
Kesküla, Kalev —155, 185
Kings, Ilona —71
Kippel, Enn —174, 176, 187, 215, 227, 245
Kisseljova, Ljubov —34, 35, 36, 45, 48
Kivastik, Mart (Март Кивастик) —191, 197
Kivikas, Albert —74
Kivimäe, Jüri —40
Kivirähk, Andrus (Андрус Кивиряхк) —73, 91, 96, 106, 107, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 151, 152, 164, 165, 166, 167, 171, 176, 181, 182, 183, 184, 191, 200, 201, 202, 208, 209, 238, 245, 246, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 256
Kivisildnik, Sven —166
Kivisilla, Veronika —155, 185
Koidula, Lydia (Лидия Койдула) —73, 74, 183, 184, 223, 246, 255
Koksharova, Irina —71
Köler, Johann —196
Konsin, Kalju —117
Kõomägi, Armin (Армин Кыомяги) —165, 202, 204, 246
Koreiša, Igor —71
Korinfsky, Apollon —37, 253
Koskinen, Kaisa —15, 30, 53
Kotjuh, Igor (Игорь Котюх) —38, 61, 62, 63, 71, 72, 73, 75, 77, 78, 84, 86, 90, 104, 108, 109, 110, 111, 112, 118, 119, 127, 130, 131, 134, 135, 136, 140, 145, 155, 156, 157, 159, 164, 165, 166, 167, 171, 185, 186, 211, 212, 213, 242, 247, 248, 254
Kotova, Nelli —71
Kovalev, P.A. —39
Kõvamees, Anneli —61, 130
Kramer, N. —71
Krasnov, Dmitry —77
Kreutzwald, Friedrich Reinhold —73, 74, 121, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 209, 210, 238, 245, 249, 250, 251, 252
Kross, Jaan (Яан Кросс) —26, 36, 73, 132, 151, 166, 167, 176, 177, 183, 191, 194, 238, 245, 249, 251
Krusten, Pedro —195
Kruus, Priit —136
Kryatchko, Boris —77
Kryschuk, Nikolay —133
Küchelbecker, Wilhelm —37, 42
Kudu, Reet (Рээт Куду) —174, 176, 204, 206, 207, 210, 215, 231, 233, 235, 237, 245
Kulišova, Maria —71
Kunder, Juhan —44, 74
Kung, Szu-Wen Cindy —16, 20, 55, 79, 164, 247
Kushner, Alexander —155
Kuzmin, Denis —77, 110
Laanes, Eneken —31, 172
Laast, Artur —110
Ladynskaya, Viktoria —63, 211, 214
Lakomski, Gabriele —16
Lange, Anne —26
Latour, Bruno —9, 16, 18, 19, 20, 22, 29, 50, 55, 58, 241
Laur, Mati —161
Law, John —18, 19, 20
Lazhechnikov, Ivan —42
Leerssen, Joep —31, 32, 50, 58, 59, 172, 173, 176, 178, 250
Leetna, Henn —204
Leibov, Roman —36, 40, 48
Lekmanov, Oleg —36, 40, 48
Lepik, Kalju —246
Lesiv, Andriy —108
Leskov, Nikolay —42, 44
Liiv, Jakob —74
Liiv, Juhan —62, 74, 174, 176, 177, 180, 184, 246
Liiv, Toomas —155, 185
Lipp, Martin —74
Looga, Vera —71
Loogus, Terje —25, 60, 161, 162, 164
Loorits, Oskar —184
Lotman, Yuri —13, 36, 98, 101, 102, 113, 125, 132, 167, 247, 254
Luhmann, Niklas —9, 16, 20, 21, 22, 241
Luiga, Gustav —74, 180
Luik, Viivi —113, 137, 191, 197, 245, 251
Lukas, Tõnis —161
Lukk-Toompere, Regina —122
Luo, Wenyan —20, 21
Luts, Oskar (Оскар Лутс) —73, 83, 91, 95, 121, 122, 162, 163, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 209, 210, 238, 245, 249, 250, 251, 252
Mäelo, Helmi —195
Mäesalu, Ain —161
Mälk, August —195
Mallinen, Jukka —110, 211, 213
Maltseva-Zamkovaja, Natalja —71
Mamedov, Nijat —212
Markosjan-Käsper, Gohar (Гоар Маркосян-Каспер) —62, 72, 73, 77, 78, 104, 112, 113, 114, 115, 118, 136, 137, 138, 139, 158, 164, 165, 211, 248
Martson, Ilona —106, 107, 108, 167
Matijevskaja, Jekaterina —71
Matthias, Father —188
Mayakovsky, Vladimir —102
McMartin, Jack —28, 29, 164, 242
Meljakova, Irina —71, 77, 78
Melts, Maia (Майя Мельц) —70, 71, 72, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 105, 106, 108, 116, 120, 153, 154, 164, 165, 167, 171, 181, 216, 242, 247, 248, 252
Melts, Nelli, see also Nelli Abašina-Melts —96, 98, 101, 102, 105, 106, 120
Meretoja, Hanna —31
Mereu, Keating C —33
Meri, Lennart —74, 99, 183, 204, 205, 209, 251
Meri, Mart —204
Metsanurk, Mait —187
Meylaerts, Reine —25, 55
Mifsud, Denise —20
Mihhailova, Elvira (Эльвира Михайлова) —71, 72, 145, 147
Mikita, Valdur —73, 83, 118, 119, 125, 126, 127, 128, 164, 165, 167, 171, 176, 183, 184, 209, 251, 256
Milani, Mila —20, 21
Milyukov, Alexander —42, 43

Minna, Romuald —151
Mints, Zara —101, 113, 143, 167, 247
Misnikevič, Tatjana —36, 48
Mokiyevsky, Andrei —103
Monticelli, Daniele —26
Mouton, Johann —50, 55
Munday, Jeremy —16
Muravin, Gennadi (Геннадий Муравин) —71, 74, 151
Muraviov, Mikhail —36
Mutt, Mihkel —197, 204, 205, 206, 209, 245, 251
Nael, Olga —71, 72, 96, 100
Naksitrallid *[character]* — 69, 73, 89, 107, 162, 163, 168, 244, 248, 255, 273, 278
Nalepina, Darya —71
Nartsissov, Boris —35
Nazarevsky, Boris —116
Neboryakina, Viktoria —84
Nemzer, Andrey —38
Nerlin, Nil (Нил Нерлин) —77, 103
Ni, Xiuhua —21
Niit, Heldur —180
Nõmm, Jelena —47
Nork, Manya, see also Tatjana Sigalova —145, 214
Norkus, Zenonas —33
Novič, Nikolay (Nikolay Bakhtin) —74
Novozhenina, Elena V —130
O'Brien, Sharon —50, 52, 55
O'Sullivan, Carol —26
O'Sullivan, Emer —250
Ojamaa, Maie —191
Õnnepalu, Tõnu —197, 209
Oster, Grigory —108
Ots, Ain —100
Ots, Georg —99
Paerand, Ullo —194, 195
Paert, Irina —130, 173
Paja, Triin —155, 185
Paju, Imbi —191, 192
Pajur, Ago —161
Park, Eeva —197
Pavlova, Elena —173, 195, 216
Peiker, Malle —71
Pein-Weber, Christina —31, 243
Permyakov, Andrei —145
Pervik, Aino (Айно Первик) —73, 107, 153, 163, 244, 245, 249
Peterson-Särgava, Ernst —47
Petrone, Epp —66, 167, 175, 204, 208, 215, 216
Petrosjan, Sofia —71
Piirikivi, Ado (Adolf Grenzstein) —74
Pild, Lea —36, 45, 46, 47, 48, 187
Pilv, Aare —66, 111, 142
Pogodina-Kuzmina, Olga —47, 48, 253
Põldma, Janno —122
Polyakov, Denis —146
Ponomareva, Galina —35, 36
Poryadina, Maria —154
Pozdnjakova, Jelena —71, 72
Prohorova, Vera (Вера Прохорова) —70, 71, 96, 100, 120, 147, 148, 149, 150, 164, 167, 171, 248
Prokopovich, Theophan —35
Prozorov, Ilya (Илья Прозоров) —77, 84, 86, 211, 214
Pruul, Kajar —197
Purin, Aleksei —71, 137, 164, 165, 167, 249
Pushkin, Alexander —35, 38, 97, 105, 134, 200
Pym, Anthony —15, 18, 27
Raid, Juku-Kalle —90, 132, 155, 185
Raik, Katri —204, 205, 206, 207, 209, 210, 251
Rakke, Kerttu —204
Rammo, V. —71
Rannaleet, Ain —74
Rannit, Aleksis (Alexei Dolgoshev) —74
Raud, Eno (Эно Рауд) —69, 73, 89, 107, 162, 163, 165, 167, 168, 244, 248
Raud, Piret —73, 107, 244
Raud, Rein (Рейн Рауд) —245
Raudvere, Harry —176, 181, 191, 197, 199, 252
Rebane, Jüri —71
Reifman, Pavel —113
Reinvald, Ado —74
Reio, Leander —194
Remsu, Olev —202
Repson, Kseniia —201
Reutlinger, Rudolf —45
Ricento, Thomas —15
Risku, Hanna —29, 31, 243
Ristikivi, Karl (Карл Ристикиви) —73, 95, 99, 100, 103, 176, 177, 179, 181, 183, 195, 209, 238, 245, 249, 251, 252
Robinson, Douglas —53
Rogl, Regina —29, 31, 243
Roig-Sanz, Diana —15, 30, 166, 243, 256
Romanyshyn, Romana —108
Rooste, Jürgen —110, 165, 166
Rotar, Olesja —166
Rozina, Jelena —71
Ruben, Veera —71
Rummo, Paul-Eerik —246
Rumor, Karl —195
Runnel, Hando —166
Rüütel, Sebastian —141
Saat, Mari —204, 206, 207, 209, 245
Säävel, Jüri —183
Sakova, Aija —61, 136
Saksatamm, Markus (Маркус Саксатамм) —97
Saldanha, Gabriela —50, 52, 55
Salupere, Malle —36
Saluri, Rein —132
Samma, Olga —71
Samoilov, David —36, 37, 38, 103
Sapiro, Gisèle —14, 18, 26, 27, 34, 58, 242, 243
Sarnet, Rainer —120
Sauter, Peeter —197, 246
Schenkenberg, Ivo —189
Schmidt, Vera —144
Schreiber, Michael —26
Schwartz, Lena —132
Sela-Sheffy, Rakefet —16, 29
Semenenko, Svetlan —61, 62, 71, 72, 73, 77, 78, 96, 100, 145, 146, 147, 167, 246

Semper, Johannes —74
Sen-Senko, Andrei —71, 111
Sipsik *[character]* — 73, 89, 107, 162, 168, 244, 248, 255, 273, 278
Šer, Leivi —71, 137, 192
Severyanin, Igor —36, 37, 38, 40, 74, 109, 253
Shakhov, Andrei —102
Shalamov, Varlam —108, 197
Sheremetev, Boris —190
Shumakov, Juri —74
Sigalov, Pavel —145
Sigalova, Tatjana (Татьяна Сигалова), see also Manya Nork —61, 118, 119, 145, 146, 171, 248
Siig, Arvi —246
Simagina, Ljudmila (Людмила Симагина) —70, 71, 72, 111
Simeoni, Daniel —17, 28, 29
Sinijärv, Karl Martin —155, 185
Siseykina, Irina —25, 34, 41, 75, 129, 130, 161, 162, 168, 201, 206, 208, 241, 244, 246, 256
Skryleva, Yulia —115
Skulskaja, Jelena (Елена Скульская) —61, 62, 71, 72, 77, 78, 110, 111, 116, 118, 119, 131, 132, 133, 134, 140, 144, 154, 155, 156, 157, 164, 165, 166, 167, 168, 171, 185, 209, 211, 212, 213, 242, 246, 248, 253, 254
Sluchevsky, Konstantin —37, 38, 253
Smith, David J —161, 206
Smorzhevskikh-Smirnova, Maria —35
Smuul, Juhan —47
Snell-Hornby, Mary —12, 13, 14, 15
Sokolov, Ivan —116
Sollogub, Vladimir —39
Sologub, Fyodor —37, 41
Solzhenitsyn, Alexander —102, 117, 197
Soomets, Triin —155, 185
Sööt, Karl Eduard —74, 210
Soros, George —97, 103
Sosnora, Victor —132
Spolsky, Bernard —25
Stalin, Joseph —34, 191, 192, 196
Stalnuhin, Mikhail —77
Stepaništševa, Tatjana —36, 45, 46, 48
Suits, Gustav —74, 195
Sumarok, Vladislav —71, 174
Šutting, Martin —71
Suuman, Aleksander —155, 185
Taagepera, Rein —161, 206
Talvet, Jüri —246
Talvik, Heiti —103, 246
Tamm, Evelin —215
Tamm, Jakob —74
Tamm, Marek —31, 172
Tammsaare, Anton Hansen (Антон Хансен Таммсаare) —26, 47, 61, 73, 121, 123, 138, 151, 167, 176, 177, 178, 180, 181, 183, 184, 198, 202, 209, 210, 238, 245, 249, 251, 252
Tannberg, Tõnu —161
Teede, Andra (Андра Теэде) —110, 157, 166
Tenina, Lidiya —77
Teppe, Tatjana —71, 72, 96, 100, 145, 151
Tervonen, Marina (Марина Тервонен) —71, 73, 84, 96, 100, 120, 248
Thavet, Atlas —117, 204
Timofeyev, Sergei —110
Titov, Vladimir —42
Titova, Olga (Ольга Титова) —116, 117, 130
Tode, Emil —166, 183, 197, 204, 209, 251
Tomberg, Aleksandr —71
Tomm, Leon —71
Tomm, Liidia —71
Toomet, Tiia (Тийа Тоомет) —204, 208
Toots, Ain —71, 251
Torop, Peeter —14, 26, 256
Toury, Gideon —13, 21, 53
Traat, Mats —66, 191, 195, 197, 246, 251
Trapido, Grigori —71
Trass, R. —71
Treffner, Hugo Hermann —210
Trunin, Mikhail —86
Tuch, Boris (Борис Тух) —62, 71, 73, 77, 78, 96, 100, 120, 146, 167, 181, 182, 183, 193, 198, 201, 202, 231, 248
Tuglas, Friedebert —74, 122, 141
Tugolesova, Liidia —71
Tulik, A. —227
Tulviste, Peeter —116
Tungal, Leelo (Леэло Тунгал) —73, 74, 95, 165, 176, 191, 197, 208, 244, 245, 246, 249, 251
Turonok, Henrich —131
Turovsky, Aleksei —71, 149
Tynyanov, Yury —47, 53
Tyulenev, Sergey —12, 15, 20, 21, 28, 241
Üdi, Jüri —155, 165
Ulman, Mihkel —86, 103
Under, Marie (Марие Ундер) —26, 62, 73, 74, 93, 100, 103, 112, 118, 122, 183, 184, 195, 245, 255
Undusk, Jaan —166
Urbel, Tatjana —71
Vadi, Urmas —166
Vaher, Berk —165, 211
Vaino, Leo —71
Valdemar II —188
Väli, Katrin —71, 111, 159
Vallisoo, Mari —117
Valter, Edgar (Эдгар Вальтер) —73, 96, 162, 245
Valton, Arvo (Арво Валтон) —73, 74, 132, 149, 151, 165, 166, 167, 176, 181, 183, 189, 190, 197, 238, 249, 251
van Doorslaer, Luc —12, 25, 29, 31, 32, 33, 50, 59, 60, 129, 130, 161, 162, 164, 173, 174, 206, 241
van Es, Nicky —27, 28, 34, 88, 162, 164, 241, 243, 244, 245
van Rooyen, Marlie —19, 20, 55
Vaneyeva, Larissa —77
Vares-Barbarus, Johannes —74
Veeber, Tiit —202, 203, 204, 209, 210
Veidemann, Rein (Рейн Вейдеманн) —90, 166, 167, 176, 183, 189, 191, 197, 198, 199, 209, 238, 249, 251, 252
Velmezova, Yekaterina (Екатерина Вельмезова) —116, 186

Venclova, Tomas —110
Venuti, Lawrence —29, 218
Veresayev, Vikenty —39, 40
Verhoustinskaja, Tatjana (Татьяна Верхоустинская) —70, 71, 72, 96, 100, 120, 127, 145, 147, 151, 152, 164, 165, 167, 171, 248
Vermeer, Hans J —13
Veske, Mihkel —44, 74
Vetemaa, Enn —132, 197, 245
Viiding, Juhan —90, 132, 155, 156, 165, 183, 185, 246
Viires, Piret —111
Vilde, Eduard (Эдуард Вильде) —47, 74, 123, 124, 176, 180, 183, 238, 249, 252
Vilson, Maili —195, 216
Viskovatov, Pavel —37, 38, 44, 254
Visnapuu, Henrik —74, 177, 181, 183, 184, 195, 209, 210, 246, 251, 255
Vlasov, L. —71
Voeykov, Alexander —35
Voitekhovich, Roman —146
von Bracht, Hugo —41
von Plettenberg, Wolter —46
Vseviov, David —105
Vyazemsky, Peter —35, 37
Wang, Hongtao —21
Wodak, Ruth —176, 181
Wolf, Michaela —15, 20
Xu, Minhui —18, 26
Yaroslav the Wise —35
Yashina, Ekaterina —136
Yavorskaya, Nina —151
Yavorskaya, Nora —71, 151
Yazykov, Nikolay —35, 38
Ye, Michelle Jia —30
Yeltsin, Boris —92, 112, 130, 133, 135, 138
Zabrodskaja, Anastassia —89
Zakirov, Hamdam —110
Zavjalov, Sergei —71, 110
Zhang, Cuiling —20, 21
Zhang, Ying —20
Zheng, Binghan —20
Zhukovsky, Vasily —35, 83, 85, 117, 130, 144, 146, 166
Zolotyh, Irina —71

Index of Names. Appendices to Chapter 5, Tables 1 and 2

A. Tahvanen — 402, 407
Aareleid, Kai — 442, 443
Aaremäe, H.-M. — 228
Abašina-Melts, Nelli (Нелли Абашина-Мельц), see also Nelli Melts — 299–301, 385, 390, 429
Adams, Valmar — 433, 435
Adamson, Jaanus — 245, 246
Afanasjev, Vahur — 502, 503, 581, 582, 584
Agamben, Giorgio (Джоржано Агамбен) — 410, 413
Ahola, Suvi — 336, 340
Al-Idrisi (аль Идриси) — 540, 544
Ala, Janar — 429
Albert, Bishop — 457
Aldanov, Mark (Марк Алданов) — 654
Alexander VI (Александр VI) — 255, 261
Alle, August — 226, 235
Allik, Peeter — 503
Alttoa, Kaur — 434
Alver, Betti (Бетти Альвер) — 119, 395, 399
Alviine (Lambapea tänav, Õige mehe koda) *[character]* — 223, 233
Andersson, Roy (Рой Андерссон) — 564, 567
Andreas Wiik (Piimaring) *[character]* — 433, 435, 574, 581
Andres (Luts, The Life of Andres) *[character]* — 217
Andres (Tõde ja õigus) (Андрес) *[character]* — 151, 158, 159, 285
Annie (Reconstruction) *[character]* — 436, 437
Anninsky, Lev — 188
Antonioni, Michelangelo (Микеланджело Антониони) — 634, 636
Antson, Aleksander — 235
Anvelt, Andres — 295, 296, 377, 378
Anya (Аня) *[character]* — 457, 458
Applebaum, Anne — 338, 343
Arno Tali (Арно Тали) *[character]* — 194, 197, 198, 200, 207, 210, 211, 213
Artist Jaagup *[character]* — 167, 181, 297
Artmann, Hans Carl — 413
Aru, Arnold — 400, 405, 408
Aryev, Andrey (Андрей Арьев) — 453, 642, 643
Ats (Maa jääb paigale) *[character]* — 608, 612
Augusta Caroline Frederica Louise of Brunswick (Августа Каролина Фридерика Луиза) — 392, 393
Bahovski, Erkki — 336, 340
Baljasnõi, Boris (Борис Балясный) — 271, 275, 277, 280, 292–295, 389, 429
Barbara von Tisenhusen *[character]* — 345
Barclay de Tolly, Mikhail Bogdanovich (Михаил Богданович Барклай де Толли) — 504, 507
Baturin, Nikolai (Николай Батурин) — 270, 274, 276, 279, 291–293
Baudelaire, Charles (Шарль Бодлер) — 137, 138
Bavilski, Dmitry (Дмитрий Бавильский) — 631
Beekman, Vladimir— 300
Belobrovtseva, Irina (Ирина Белобровцева) — 131, 136, 138, 139
Benjamin, Walter — 337, 341
Benois, Alexandre — 126, 132
Berg, Maimu (Майму Берг) — 167, 169, 170, 177, 289, 290, 297, 344–349, 458
Bluebeard *[character]* — 492

Boccaccio, Giovanni — 463, 489
Bock, Georg von — 117, 118
Bogdan (Богдан) *[character]* — 502, 503
Bogdanov, Jürgen (Юрген Богданов) — 118
Borgia, Rodrigo — 261
Bornhöhe, Eduard (Эдуард Борнхёэ) — 251, 509, 511
Brautigan, Richard — 636
Brecht, Bertolt (Бертольт Брехт) — 410, 413, 633, 635
Brodsky, Josef (Иосиф Бродский) — 633, 635
Bryudolf, Nadezhda (Надежда Брюдольф) — 293, 295
Buida, Yuri — 225, 235
Bulgakov, Mikhail — 454
Buñuel, Luis — 567
Calderón de la Barca, Pedro (Педро Кальдерон де ла Барка) — 506, 509
Camus, Albert — 276
Catherine II (Екатерина II) — 392, 393
Cervantes, Miguel de — 212
Charles XI — 610
Charles XII — 610
Chekhov, Anton (Антон Чехов) — 281, 285, 286, 590
Cherdakov, Vladimir — 641
Cinderella (Золушка) *[character]* — 289, 489, 491, 493, 501
Dante, Alighieri (Данте Алигьери) — 451, 454, 591
De Montepervier *[character]* — 224, 234
Delilah (Далила) *[character]* — 653
Dickens, Charles — 212
Dobbien, Gertke — 509, 511
Don Quixote (Дон Кихот) *[character]* — 151, 157, 561
Dostoevsky, Fiodor (Достоевский) — 174, 181
Dovlatov, Sergei (Сергей Довлатов) — 643
Dridzo, A. (А. Дридзо) — 116–118
Drungyte, Erika (Эрика Друнгите) — 627, 628
Duncan, Aisedora — 132
Duras, Marguerite (Маргерит Дюра) — 302, 306
Ebanoidze, Alexander — 300
Eco, Umberto (Умберто Эко) — 410, 413
Eduard (Lambapea tänav, Õige mehe koda) *[character]* — 223, 233
Eedi Maran (earlier Eedi Saalem) *[character]* — 223, 233
Ehin, Andres (Андрес Эхин) — 269, 270, 276, 292, 293
Eisen, M. I. — 499
Elina (King of Ingria) *[character]* — 409
Elmer (Maa jääb paigale) *[character]* — 608, 612
Elsa Abner *[character]* — 222, 227, 231, 237
Elsa Beckmann *[character]* — 225, 235
Elvest, Jüri (Юри Эльвест) — 173, 174, 180, 181
Enckell, Mikael — 336, 341
Enn Padrik *[character]* — 436, 437
Enzensberger, Hans Magnus (Ханс Магнус Энценсбергер) — 410, 413
Ernesaks, Gustav (Густав Эрнесакс) — 120, 121, 504, 507
Esko, Andrus — 316, 320
Espenberg, Dr. (Эспенберг) — 118
Faehlmann, Friedrich Robert (Фридрих Роберт Фельман) — 117, 118, 486, 488, 489, 504, 507
Fast, Natali (Натали Фаст) — 648, 651
Father Christmas *[character]* — 427
Father Death *[character]* — 491
Faust (Фауст) *[character]* — 151, 157, 158
Fellini, Federico (Федерико Феллини) — 634, 636
Filimonov, P. I. (Roman Fokin) (П. И. Филимонов (наст. имя Роман Фокин)) — 386, 391, 429
Fortunatus *[character]* — 467, 493
Franz (professor of philosophy) *[character]* — 143–145
Frayn, Michael (M. Фрейн) — 254, 260
Frederick the Great (Фридрих Великий) — 392
Gailit, August (Аугуст Гайлит) — 119, 120, 132, 269, 275, 544
Gainsbourg, Serge (Серж Генсбур) — 632, 633
Galsworthy, John — 229, 239
Garin-Mikhailovsky, N. (Н. Гарин-Михайловский) — 201, 213
Gasparov, Mikhail Leonovich (Михаил Леонович Гаспаров) — 553, 557
Genghis Khan — 176, 419
Georg Aadniel Kiir *[character]* — 194, 198, 199, 207, 216
Giono, Jean — 158
Glazunov, A. — 126
Glushkovskaja, Ljudmila — 429
Gogol, Nikolay (Николай Гоголь) — 199, 201, 212, 213, 220
Gorky, Maxim (Максим Горький) — 212, 632
Gregor (Грегор) *[character]* — 598–600, 624, 625
Grigorjeva, Sveta — 429
Grimm, Brothers — 462, 466, 487, 492
Groppo, Bruno — 335, 340
Gryazin, Igor (Игорь Грязин) — 242
Guildenstern (Гильденстерн) *[character]* — 518
Gulden, Beninga — 509, 511
Gulden, Paul — 509, 511
Gulliver *[character]* — 289
Gutenberg, Johannes (Иоганн Гуттенберг) — 255, 261
Haav, Margus — 263
Haava, Anna — 138
Hainsalu, Lehte (Лехте Хайнсалу) — 504, 507
Haljak, Kristjan (Кристьян Хальяк) — 613, 615, 616, 621, 622
Hamlet (Гамлет) *[character]* — 151, 157, 243, 244, 350
Hanede-Tõnu *[character]* — 466, 492
Hanuman (Хануман) *[character]* — 631, 654
Hardy, Thomas — 225, 235
Härm, V. — 294
Härma, Miina — 506, 509
Harwood, Ronald (Рональд Харвуд) — 255, 260
Hauff, W. — 465, 491
Hebel, J. P. (И. П. Гебель) — 463, 483, 488
Heiberg, M. — 134
Heifitz, Pavel (Павел Хейфиц) — 432, 434

Heinsaar, Mehis (Мехис Хейнсаар) — 378–380, 384, 389, 429, 440
Helen of Troy (Елена Прекрасная) *[character]* — 626
Hellwig, Hinrick — 510, 512
Hemingway, Ernest — 559, 561
Henno, Sass (Сасс Хенно) — 600–603
Hermann, Karl August — 508, 556
Hiir, Erni — 235
Hilda (wife of Henrik Visnapuu) (Хильда) — 127, 132
Hinrikus, Rutt — 569, 575
Hint, Aadu — 235
Hion, Ene (Эне Хион) — 547–550
Hitler, Adolf (Адольф Гитлер) — 124, 531, 605, 609
Hõbemägi, Priit — 601, 602
Homer (Гомер) — 289
Horace (Гораций) — 639, 641
Huldra *[character]* — 600, 624, 625
Hurt, Jakob (Якоб Хурт) — 162, 165, 506, 508
Huzen, Lieutenant (лейтенант Хузен) — 116, 118
Hvostov, Andrei — 391, 429
Ibsen, Henrik (Генрик Ибсен) — 137, 138
Ignatjeva, Anna (Анна Игнатьева) — 117, 118
Ignatyev *[character]* — 116, 117
Ilm, Albina — 389, 390
Ilves, Toomas Hendrik — 339, 340, 343
Indrek (Индрек) *[character]* — 158–160, 163
Ingström, Pia — 336, 341
Ivan IV / Ivan the Terrible (Иван Грозный) — 376, 449, 607, 611
Ivan Orav (Иван Орав) *[character]* — 173, 181, 261, 352–354, 382, 387
Ivanov, Andrei (Андрей Иванов) — 116, 631, 632, 653, 654
Jaagup (defense-group leader) — 606, 611
Jack the Homeless Ripper / Jack the Scum Ripper (Джек Потрошитель) *[character]* — 344, 347
Jacobson, Peeter (Пеэтер Якобсон) — 148, 155
Jaik, Juhan — 543, 545, 547
Jakob Kadarik (Якоб Кадарик) *[character]* — 220–223, 225, 229–232, 234, 239
Jakobson, August (Аугуст Якобсон) — 220, 226, 230, 235, 258, 422
Jakobson, Karl Robert — 154
Jakobson, Roman (Роман Якобсон) — 552, 557
Jaks, Ilmar (Ильмар Якс) — 242–244
Jan (Rehepapp) *[character]* — 286, 287
Järve, Jaak — 165
Jõerüüt, Jaak — 263, 297
Johannes Faber *[character]* — 224, 234
Johannes Harakka — 405, 409
Johannes Orav — 402, 407
Joonas, Larissa (Лариса Йоонас) — 429, 644
Joosep Toots (Йоозеп Тоотс) *[character]* — 198, 207, 211, 216, 507
Juhan (Lambapea tänav, Õige mehe koda) *[character]* — 223, 233
Jukolask brothers *[character]* — 157
Julius Kilimit *[character]* — 232
Julk-Jüri *[character]* — 200, 212
Jüri Säävel (Юри Сяэвель) *[character]* — 221, 230–232, 324–326, 328
Jüristo, Tarmo — 437, 438
Jürjo, Inna — 509, 511
Juur, Mart — 420, 421
Kaal, Aira — 235
Kaalep, Ain (Айн Каалеп) — 270, 275, 291, 293
Kafka, Franz (Франц Кафка) — 224, 233, 255, 261, 270, 276, 356, 367
Kahk, Leo (Лео Кахк) — 330, 333
Käis, Adolf (Адольф Кяйс) — 302, 306
Kalaus, Natalja (Наталия Калаус) — 385, 390
Kalda, Maie — 229, 239
Kaldmaa, Kätlin — 429, 440
Kalevipoeg (Калевипоэг) *[character]* — 153, 160, 161, 164, 166, 250, 281, 284, 286, 288, 461, 464, 467, 468, 474, 478, 484, 486, 487, 489–491, 494, 497, 502, 504, 507
Kallas, O. — 499
Kallas, Teet — 274, 279, 291, 309, 312
Kallas, Tõnu R. — 309, 312
Kallonen, Jelena — 387
Kangro, Bernard — 224, 234, 275
Kangro, Kirke — 429
Kangro, Maarja (Маарья Кангро) — 351, 352, 380, 381, 387, 410–415, 429, 437, 438, 440, 513, 520, 521
Kangro, Raimo — 413, 520
Kansvei, Villem *[character]* — 220, 221, 230, 231
Kant, Immanuel (Иммануил Кант) — 253, 259
Kaplinski, Jaan (Яан Каплинский) — 269, 270, 276, 292, 293, 298, 300, 429, 550, 552, 555–557, 633, 635, 638–641
Karel Sobachnik *[character]* — 282, 286
Kareva, Doris (Дорис Карева) — 119, 297, 635, 637
Karin (Карин) *[character]* — 159
Karl (The Independence Day) (Карл) *[character]* — 244
Karmin, Mati (Мати Кармин) — 506, 509
Karula Naan — 606, 611
Kasatkina, Natalia (Наталья Касаткина) — 302, 306
Kasemaa, Andrus — 613, 622, 624
Kaspar (Vanalinna detektiivid) (Каспар) *[character]* — 600
Käsper, Kalle (Калле Каспер) — 243, 244, 247, 248, 289, 440–442, 450–455, 599
Katayeva-Valk, Nadezhda — 644
Kauksi, Ülle — 167, 181
Kaus, Jan — 297, 429, 517, 521
Kaval Ants / Cunning Ants (Хитрый Антс) *[character]* — 471, 473, 490–492
Kender, Kaur (Каур Кендер) — 244–246, 298–301
Kerik, Oleg (Олег Керик) — 647, 651
Kesküla, Kalev (Калев Кескюла) — 585, 587, 590–592
King Conradin *[character]* — 224, 233, 234
King of the Misty Mountain *[character]* — 334, 488, 491, 492, 498, 501
Kipling, Rudyard (Редьярд Киплинг) — 199, 212
Kippel, Enn — 226, 235, 251

Kirss, Tiina-Ann — 569, 575
Kivastik, Mart (Март Кивастик) — 167, 179, 251, 260, 261, 380, 382, 387
Kivirähk, Andrus (Андрус Кивиряхк) — 167, 173, 181, 251, 256, 261–263, 280, 281, 285–288, 297–300, 352, 380, 382, 387, 409, 429, 436, 539, 540, 544, 559, 561, 584
Kivisildnik, Sven — 297
Kivisilla, Veronika (Вероника Кивисилла) — 564, 565, 567, 568
Koidula, Lydia (Лидия Койдула) — 119–121, 136, 138, 498, 501
Kõiv, Madis (Мадис Кыйв) — 251, 252, 258, 259, 298, 300
Köler, Johann (И. Кёлер) — 162, 165, 276, 490, 559, 561
Kõomägi, Armin (Армин Кыомяги) — 420, 421, 429, 438, 439, 521–523
Koort, Valeriya (Валерия Коорт) — 295
Kotjuh, Igor (Игорь Котюх) — 412, 415, 429, 431, 626–628, 630, 633, 635, 637
Kovrigina, Taisiya (Таисия Ковригина) — 430, 431
Kraepelin, Emil (Эмиль Крепелин) — 551, 555
Kreutzwald, Friedrich Reinhold (Фридрих Рейнхольд Крейцвальд) — 138, 160, 164, 166, 250, 284, 286, 288, 307, 460–469, 486–502, 603
Krõõt *[character]* — 158
Kross, Jaan (Яан Кросс) — 116, 146, 153, 167, 169, 170, 177, 178, 180, 182, 183, 185, 187–193, 270, 275, 291, 293, 297–300, 314, 315, 376
Krull, Hasso — 438
Krusten, Pedro — 275
Kruus, Oskar — 229, 239
Kruusvall, Jaan — 298, 300, 380, 382, 387
Kubyas Hans (Кубьяс Ханс) *[character]* — 283, 287
Kudrin, Oleg (Олег Кудрин) — 430, 431
Kudu, Reet (Рээт Куду) — 301–309
Kukk, Mai (Май Кукк) — 570, 573, 574, 576, 579, 580
Kunder, J. — 499
Kundera, Milan — 570, 576
Kurr, J. — 498, 499
Kürva, Jaan — 165, 166
Kuus, Artur (Артур Куус) — 582, 584
Kuusberg, Paul — 300
Kuzmin, Denis — 295
Kuzmin, Dmitry (Дмитрий Кузьмин) — 627
Ladynskaya, Viktoria (Виктория Ладынская) — 637
Lagos, J. — 464, 490
Laidre, Margus — 266
Laikmaa, Ants (Антс Лайкмаа) — 136, 138
Laks, Tiiu (Тийу Лакс) — 352
Lamme Goedzak (Ламме Гудзак) *[character]* — 151, 157
Läte, A. (А. Ляте) — 127, 132
Laur, Valentina (Валентина Лаур) — 647, 651
Lazarus (Лазарь) *[character]* — 412, 415
Leberecht, Hans — 544, 547
Leet, Lauri — 560, 562
Leetna, Henn — 502
Leibniz, Gottfried Wilhelm (Готфрид Вилгельм Лейбниц) — 253, 259
Lennuk, Urmas — 251, 258
Leonardo da Vinci (Леонардо да Винчи) — 255, 261
Leopardi, Giacomo (Джакомо Леопарди) — 410, 413
Lermontov, Mikhail — 134
Lesta (Spring/Summer) *[character]* — 201, 213
Lewis, Carl — 420, 421
Lias, Pärt — 418
Lible (Либле) *[character]* — 194, 198, 207, 211, 213
Liina (Rehepapp) (Лийна) *[character]* — 287
Liiv, Benjamin — 399
Liiv, Jakob — 155
Liiv, Juhan (Юхан Лийв) — 193, 393–400, 551, 555, 556
Liiv, Toomas (Тоомас Лийв) — 229, 239, 585, 586, 590, 591
Linask, Lembit (Лембит Линаск) — 432, 434, 435
Linda Reio (Линда Рейо) — 404, 408
London, Jack — 559, 561
Lota (Лота) *[character]* — 600, 624, 625
Lotman, Yuri M. (Юрий М. Лотман) — 643
Luhäär, Ingvar (Valev Mirtem) (Ингвар Лухаэр (Валев Миртем)) — 274, 279
Lui Vutoon (Луи Вутон) *[character]* — 420, 438, 439, 522
Luiga, J. (Ю. Луйг) — 393, 397
Luik, Viivi (Вийви Луйк) — 119, 269, 270, 274, 276, 279, 291–293, 380, 382, 387
Lurich, Georg — 559, 561
Lurye, Samuil (Самуил Лурье) — 642, 643
Luts, Kristjan — 569, 575
Luts, Oskar (Оскар Лутс) — 193, 209, 213, 505, 507, 547
Maari (Маари) *[character]* — 241, 242
Madame Paressez (Мадам Пареccез) *[character]* — 344
Mäelo, Helmi — 275
Maeterlinck, Moris (Морис Метерлинк) — 137, 138
Mägi, Arvo — 229, 239
Mägi, Konrad — 260
Magrelli, Valerio (Валерио Магрелли) — 410, 413
Mälk, August — 275
Mallinen, Jukka (Юкка Маллинен) — 633, 635, 637
Mamedov, Nijat (Ниджат Мамедов) — 633, 635
Manassein, N. A. (Манассеин Н. А.) — 162, 165
Mandelstam, Osip — 249
Mann, Thomas (Томас Манн) — 221, 231, 309
Marbach, G. O. (Г. О. Марбах) — 466, 492
Margo (The Miracle) *[character]* — 455
Mari (Tõde ja õigus) *[character]* — 158, 159
Maria (Smiles Went to the Singing Festival) *[character]* — 351
Marie (Lambapea tänav, Õige mehe koda) *[character]* — 223
Märka, Veiko — 245, 246
Marks (The Independence Day) (Маркс) *[character]* — 244

Markosjan-Käsper, Gohar (Гоар Маркосян-Каспер) — 243, 244, 440, 441, 451, 453, 626
Markus (Vanalinna detektiivid) *[character]* — 600
Marshak, Samuel (Самуил Маршак) — 553, 557
Martson, Ilona (Илона Мартсон) — 653
Masing, Uku (Уку Мазинг) — 117, 310, 312, 569, 575
Matroskin (Матроскин) *[character]* — 241, 242
Matthias, Father — 348
Mättik, Jakob (Якоб Меттик) — 117, 118
Maurus (Маурус) *[character]* — 159, 163, 164
Max Otto von Stirlitz (Макс Отто фон Штирлиц) *[character]* — 561
Mayakovsky, Vladimir (Владимир Маяковский) — 633, 635
Medici, Lorenzo (Лоренцо Медичи) — 255, 261
Melts, Maia (Майя Мельц) — 385, 390
Melts, Nelli (Нелли Мельц), see also Nelli Abašina-Melts — 390
Melusine (Мелюзина) *[character]* — 490
Mephistopheles (Мефистофель) *[character]* — 151, 152, 157, 158
Meri, Georg — 529
Meri, Lennart (Леннарт Мери) — 354–356, 359, 363–366, 369, 373, 374, 523–532, 540, 543, 544, 546
Meri, Mart — 531
Mets, Tiia — 376, 377, 427
Metsalt, L. — 294
Metsanurk, Mait — 218
Michelangelo Buonarroti (Микеланджело Буонаротти) — 255, 261
Michelson, Ivan, the General (генерал Иван Михельсон) — 118
Mihkel (The Miracle) *[character]* — 454, 455
Mihkelson, Ene (Эне Михкельсон) — 167, 170, 171, 178
Mihku — 606, 611
Miina (Lambapea tänav, Õige mehe koda) *[character]* — 223, 233
Mikita, Valdur — 429, 458, 540, 543–546
Mitta, A. (А. Митта) — 243, 244
Mõis, Jüri — 245, 246
Moorits, Karl (Карл Мориц) — 433, 435
Muller, Helgi (Хельги Муллер) — 274, 279, 291
Münter, Otto — 155
Muranov, Aleksandr Pavlovich (Александр Павлович Муранов) — 379
Murutar, Kati — 301, 305
Musäus, J. K. A. (И. К. А. Музеус) — 467, 472, 492, 493
Mutt, Mihkel (Михкель Мутть) — 167, 169, 177, 180, 354–356, 359, 362, 364, 365, 367, 369, 372, 374, 422, 424, 425, 427
Nabokov, Vladimir (Владимир Набоков) — 553, 557
Nadya M. (Надя М.) *[character]* — 634, 636
Naomi (Наоми) *[character]* — 600, 624, 625
Napoleon (Наполеон) — 606, 611
Natalya Filippovna (Наталья Филипповна) *[character]* — 330, 333
Neruda, Pablo (Пабло Неруда) — 634, 636
Neuman, L. — 132
Niit, Ellen (Эллен Нийт) — 119, 270, 275, 291, 293
Niit, Heldur — 218
Nirk, Endel — 220, 221, 230
Nork, Manya, see also Tatjana Sigalova — 632
Normet, Leo (Лео Нормет) — 381, 386
Northern Frog *[character]* — 491
Nurm, Miimi — 235
Nurmet, Eje (Ыйе Нурмет) — 128, 133

O

Odysseus (Одиссей) *[character]* — 289
Oittinen, Hannu — 636
Okhman, V. (В. Охман) — 161, 164
Old Devil (Нечерapp) *[character]* — 286, 287
Old Man of Lake Ülemiste *[character]* — 443, 447, 450
Old Pagan *[character]* — 490
Old Toomas (Старый Тоомас) *[character]* — 374–376, 446, 449
Õnnepalu, Tõnu — 180, 380, 384, 389
Oppenheimer, Robert (Роберт Оппенгеймер) — 254, 260
Örn, Torsten — 264, 266, 267
Orpheus (Орфей) *[character]* — 451, 454
Osila, Virve — 393, 397
Ostap Bender (Остап Бендер) *[character]* — 559, 561
Õunapuu, Ervin — 380, 385, 390
Paadi, Andrus — 606, 611
Paavo, Laine — 434
Paja, Triin (Трийн Пая) — 613–615, 620, 621
Paju, Imbi (Имби Паю) — 335–343
Päll — 606, 611
Panso, Voldemar — 530
Paramonova, Vera (Вера Парамонова) — 395, 397, 399, 400
Park, Eeva — 179
Pärt, Arvo (Арво Пярт) — 542, 547
Pasternak, Boris — 643
Patonen, Nikolay — 407
Paul, Toomas — 569, 575
Pavlov, Ivan Petrovich (Иван Петрович Павлов) — 551, 555
Pearu (Пеару) *[character]* — 151, 158
Pechkin (Печкин) *[character]* — 241, 242
Pedajas, Priit — 260
Peep, Harald (Харальд Пеэп) — 232, 326, 328
Peer Gynt (Пер Гюнт) *[character]* — 157, 350
Peeyarvi, Maria (Мария Пээярви) — 634, 636
Peiker, Malle — 394, 398
Pelevin, Viktor — 559, 561
Perrault, Charles — 466, 489, 492, 501
Perseus *[character]* — 492
Pervik, Aino (Айно Первик) — 269, 274, 279
Peter I (Петр I) — 609, 611, 612
Peterson, Kristjan Jaak (Кристьян Яак Петерсон) — 348, 506, 508, 551, 556
Petrone, Epp — 457, 458
Petrov-Vodkin, Kuzma Sergeevich (Кузьма Сергеевич Петров-Водкин) — 551, 555

Pilnyak, Boris — 132
Pinter, Harold (Гарольд Пинтер) — 255, 260
Plisetskaya, Maya — 301, 305, 306
Põder, Rein — 380, 388
Pokrovsky, K. (К. Покровский) — 161, 164
Põldmäe, Asta — 380, 383, 388
Polikarpov, Ivan (Иван Поликарпов) — 432, 434
Põlluveer, Liivia (Ливия Пыллувеэр) — 433–435
Põlluveer, Valter (Вальтер Пыллувеэр) — 433–435
Pontus de la Gardie — 468, 494
Pozdnjakova, Jelena — 390
Prévert, Jacques — 636
Priidik Maran *[character]* — 223, 233
Prince Friedrich Wilhelm of Württemberg (Фридрих Вильгельм Вюртембергский) — 392, 393
Prince Gabriel *[character]* — 509, 511
Prohorova, Vera (Вера Прохорова) — 385, 390
Prozorov, Ilya (Илья Прозоров) — 116, 653
Pushkin, Alexander Sergeyevich (Александр Сергеевич Пушкин) — 134, 591
Rabelais — 212
Raid, Juku-Kalle — 351, 513, 519
Raik, Katri — 415, 416
Raja Teele *[character]* — 194, 200, 207, 213
Rakke, Kerttu — 288, 289
Ramilda (Рамильда) *[character]* — 159
Rannap, Jaan (Яан Раннап) — 241, 242
Rannet, Egon (Эгон Раннет) — 252, 258
Rasin, Marina (Марина Расина) — 293, 295
Raud, Eno (Эно Рауд) — 166, 250
Raud, Rein (Рейн Рауд) — 436–438
Raudam, Toomas — 167, 178
Raudkivi, Aive (Айве Раудкиви) — 380, 383, 388
Raudtuvi, Juhan — 425
Raudvere, Harry (Харри Раудвере) — 533–537, 539, 594–597
Rebeka (Ребека) *[character]* — 598–600, 624, 625
Rein Korostel (Рейн Коростел) *[character]* — 287
Reinaus, Reeli — 598, 599
Reio, Leander (Леандер Рейо) — 405, 406, 408, 409
Remzu, Olev (Олев Ремзу) — 318, 320, 322, 324
Renner, Johann — 468, 494
Reyndorf, G. (Г. Рейндорф) — 479, 480, 498
Rimmel, Rudolf (Рудольф Риммель) — 270, 276, 279, 292–294
Rinaldo (Ринальдо) *[character]* — 241, 242
Rindseede, Risto — 337, 341
Ristikivi, Karl (Карл Ристикиви) — 121, 123–125, 137, 139, 220–239, 269, 275, 324, 325, 327, 328
Roger de Tressalin *[character]* — 224, 234
Roht, R. — 134
Roland (Роланд) *[character]* — 560, 561
Ronga Tehvan — 606, 611
Rooste, Jürgen — 297, 429
Ropponen, Ville — 636
Rosegger, Peter (Петер Розеггер) — 201, 213
Rosenplänter (Розенплентер) — 117
Rosenwald, Jürgen R. — 421
Rostand, Edmond — 137, 138
Rotar, Olesja — 429
Rozina, Lena — 242
Ruber, Astrid — 570, 576
Ruber, Veera (Вера Рубер) — 173, 180, 384, 389, 526, 530
Rummo, Paul-Eerik (Пауль-Эрик Руммо) — 270, 274, 275, 292, 293, 395, 399, 551, 555
Rumor, Karl — 275
Runnel, Hando (Хандо Руннель) — 276, 279, 291, 293, 297
Russow, Balthasar — 376, 427, 510–513
Ruud, Linda (Линда Рууд) — 269, 275, 293
Saat, Mari — 176, 328, 331, 334
Sadko *[character]* — 467, 493
Sakharov, Andrei (Андрей Сахаров) — 254, 260
Säkö, Mari — 337, 341
Saluri, Reine — 269, 280
Samson (Самсон) *[character]* — 116, 652, 653
Sancho Panza (Санчо Панса) *[character]* — 151, 157
Sander (Rehepapp) (Сандер) *[character]* — 287
Sartre,Jean-Paul — 276
Sauter, Peeter — 167, 180, 181, 440
Savisaar, Edgar — 367, 368
Savonarola (Савонарола) — 251, 255, 260, 261, 387
Schenkenberg, Ivo (Иво Шенкенберг) — 509–513
Schenkenberg, Kerscen — 509, 511
Schiefner, A. — 482, 488, 500
Schiller, Schiller (Фридрих Шиллер) — 136, 138
Schneider, Marika (Марика Шнайдер) — 432, 434
Schopenhauer, Arthur (Артур Шопенгауэр) — 127, 132
Schultz, W. — 464, 489
Sedakova, Olga Alexandrovna (Ольга Александровна Седакова) — 553, 558
Semenenko, Svetlan (Светлан Семененко) — 277, 314, 387–390, 399, 630
Seneca, Lucius Annaeus (Луций Анней Сенека) — 506, 508
Serafima (Серафима) *[character]* — 502, 503
Severyanin, Igor (Игорь Северянин) — 132, 134
Shakespeare, William (Уильям Шекспир) — 137, 138, 529, 557
Shakhovskoy S.V. — 165
Sharik (Шарик) *[character]* — 241, 242
Sheremetev, Boris — 609, 611
Sigalova, Tatjana (Татьяна Сигалова), see also Manya Nork — 632
Siig, Arvi (Арви Сийг) — 270, 275, 291–293
Silvet, Heikki — 569, 575
Simagina, Ljudmila (Людмила Симагина) — 328
Sinijärv, Karl Martin — 566
Sinimäe, J. — 225, 234
Sinisoo, Mark — 569, 575
Siniyärvi, Milla (Милла Синиярви) — 647, 651
Sirge, Rudolf — 226, 235
Sirkel, Jaak — 187, 188, 193
Skulskaja, Jelena (Елена Скульская) — 116, 350, 351, 429, 513, 517, 521, 565, 568, 589, 594, 619, 624, 642, 643, 651–653
Slopashev (Tõde ja õigus) (Слопашев) *[character]* — 161, 164
Smuul, Juhan — 258

Socrates (Сократ) — 619
Sologub, F. — 126, 132
Solomon *[character]* — 492
Solovyov, S. (С. Соловьев) — 243, 244
Song, Matis — 245, 246
Soomets, Triin (Трийн Соометс) — 562, 563, 566
Spinoza, Benedictus de (Бенедикт Спиноза) — 253, 259
St. George *[character]* — 492
Stalin, Josef (Иосиф Сталин) — 531, 605, 609
Stepanenko, Galina (Галина Степаненко) — 302, 306
Stolovits, Leonid — 434
Suits, Gustav (Густав Суйтс) — 134, 137, 138, 269, 275, 505, 508, 551, 555, 556
Sukhovey, Darya (Дарья Суховей) — 635, 637
Sumarok, Vladislav (Владислав Сумарок) — 393–400
Sütiste, Juhan — 226, 235
Suuman, Aleksander (Александер Сууман) — 269, 270, 276, 292, 293, 585, 590, 592, 593
Suur Juhan — 606, 611
Suur-Tõll (Большой Тылль) *[character]* — 166
Tagore, Rabindranath (Рабиндранат Тагор) — 136, 138
Talvet, Jüri — 432, 434
Tamm, Jakob — 155
Tammer, Enno — 569, 575
Tammlaan, Evald — 235
Tammsaare, Anton Hansen (Антон Хансен Таммсааре) — 146, 153–160, 163, 164, 235, 262, 284, 285, 288, 325, 327, 328, 394, 398, 504, 507, 546
Tasker, R. V. G. — 569, 575
Tätte, Jaan — 251, 298, 300
Teder, Tarmo — 380, 383, 388
Teede, Andra (Андра Теэде) — 297, 429
Teemant, Jaan (Яан Теэмант) — 506, 508
Tenner, Carl (генерал Карл Теннер) — 116, 118
Teppe, Tatjana — 301, 334, 390
Tervonen, Marina (Марина Тервонен) — 381, 382, 386, 387, 391
Thiersch, F. — 469, 495
Thompson, Hunter S. — 632
Tieck, L. (Л. Тик) — 462, 472, 487, 488, 492, 494, 501
Tiina Saalem (Тийна Саалем) *[character]* — 221, 230
Till Eulenspiegel (Тиль Уленшпигель) *[character]* — 151, 157
Timofeev, Sergey (Сергей Тимофеев) — 430, 431
Timofeeva, Olga (Ольга Тимофеева) — 643, 644
Tobra Ants — 606, 611
Tode, Emil — 139, 167, 180, 297, 389
Tohver — 606, 611
Tolstoy, Leo — 180, 181, 212, 559, 561, 623
Toman, Eduard (Эдуард Томан) — 350, 351
Tõnismägi, Heino (Хейно Тынисмяги) — 401, 404, 406, 408
Tõnisson (Spring/Summer) (Тыниссон) *[character]* — 194, 198, 207, 211, 213
Tõnisson, Jaan (Яан Тынисон) — 506, 508
Tony Buddenbrook *[character]* — 231, 235
Toomas Jugapuu (Тоомас Югапуу) *[character]* — 534, 535, 537, 538, 594–597
Toomas Nipernaadi (Тоомас Ниперпаади) *[character]* — 119, 120
Toomet, Elo-Mall — 551, 556
Toomet, Tiia (Тийа Тоомет) — 167, 239, 240, 439, 550, 555, 556
Toots, Ain — 391
Tormis, V. — 132
Traat, Mats (Матс Траат) — 167, 169, 177, 178, 269, 270, 272, 274, 275, 280, 291–293, 380, 384, 389
Trdat *[character]* — 247, 249
Treffner, Hugo Hermann (Хуго Треффнер) — 156, 163, 507
Trummal, Tiit (Тийт Труммал) — 506, 509
Truuta Maran *[character]* — 223, 233
Tuch, Boris (Борис Тух) — 258, 263, 284, 288, 297, 298, 300, 312, 314, 347, 386, 387, 391
Tuglas, Friedebert (Фридеберт Туглас) — 243, 260, 379, 381, 385, 387, 397, 398, 443, 507, 522
Tungal, Leelo (Леэло Тунгал) — 274, 279, 291, 334, 351, 374, 410, 413, 502, 520
Turgenev, Ivan — 212
Türnpu, K. — 132
Tuulik, Jüri — 269, 274, 280, 293, 294
Tuulik, Ülo — 269, 294, 298, 300, 380, 384, 389
Twain, Mark (Марк Твен) — 199, 212
Ullo Paerand (Улло Паэранд) *[character]* — 182–184, 187–192
Uncle Fyodor *[character]* — 242
Uncle Styopa (Дядя Стёпа) *[character]* — 561
Under, Marie (Марие Ундер) — 119, 136–139, 269, 275, 479, 498
Undusk, Jaan — 297
Une-Mati (Уне-Мати) *[character]* — 247, 250
Unt, Mati (Мати Унт) — 167, 168, 176, 177, 269, 270, 276, 277, 280, 292, 293, 298–301
Urgart, Oskar — 221, 230
Urgas, Silvia — 523
Uustalu, Arvo (Арво Ууссталу) — 380, 384, 389
V. Ahonen — 403, 407
Vaarandi, Debora (Дебора Ваараиди) — 119, 226, 480
Vadi, Urmas — 429
Vaher, Berk (Берк Вахер) — 429, 601, 602, 628, 629
Vahing, Vaino — 176, 269
Väino Lehtmets *[character]* — 217
Vallikivi, Arvo — 381, 386
Valton, Arvo (Арво Валтон) — 167, 168, 176, 269, 270, 276, 292, 294, 297, 300, 380, 381, 386, 416–420, 429, 443, 446, 447, 450, 455, 509, 511, 513, 604, 608, 613
Van Gogh (Ван Гог) — 254, 260
Vannas, Maarja (Маарья Ваннас) — 383, 388
Vares-Barbarus, Johannes — 226, 235
Vargas Llosa, Mario (Марио Варгас Льоса) — 569, 570, 575, 576
Värvu (Maa jääb paigale) *[character]* — 608, 612

Vasiliev, Vladimir (Владимир Васильев) — 302, 306
Vasilyev, A. (А. Васильев) — 243, 244
Vatmann, Kati Saar (Кати Саар Ватманн) — 534, 537, 595, 597
Vattimo, Gianni (Джанни Ваттимо) — 410, 413
Veeber, Tiit (Тийт Веэбер) — 315–324
Veidemann, Andra — 432, 434
Veidemann, Rein (Рейн Вейдеманн) — 125, 245, 246, 297, 380, 381, 386, 417, 419, 432, 434, 569, 575, 581
Verlaine, Paul (Поль Верлен) — 553, 557
Veske, Mihkel (Михкель Веске) — 162, 165, 508, 551, 556
Vetemaa, Enn (Энн Ветемаа) — 252, 258, 270, 274, 275, 279, 280, 291–293, 298, 300
Vihalemm, Hilja — 228, 236
Vihalepp (Tõde ja õigus) (Вихалепп) *[character]* — 161, 164
Vihma-Normet, Sirje — 380, 381, 386
Viiding, Elo — 351
Viiding, Juhan (Юхан Вийдинг) — 349–351, 429
Viires, Hugo — 229, 239
Vilde, Eduard (Эдуард Вильде) — 136, 138, 182, 202, 214, 222, 231, 398, 505, 508
Villem Maran *[character]* — 223, 233
Villu (The Veil) *[character]* — 394, 397
Vint, Toomas — 176, 274, 279, 291, 380, 381, 386
Visconti, Luchino — 261
Visnapuu, Henrik (Хенрик Виснапуу) — 125–136, 269, 275
Vysotsky, Vladimir (Владимир Высоцкий) — 253, 259
Walter (The Apprentice Walter) *[character]* — 217
Wellner, R. — 134
Wenders, Wim (Вим Вендерс) — 634, 636
Wilde, Oscar — 505, 508
Yavorskaya, Nora — 387
Yerofeyev, Venedikt — 559, 561
Yesenin, Sergei (Сергей Есенин) — 132, 249
Yevreinov, N. — 132
Young Schmerzburg *[character]* — 224, 234
Yygever, J. — 499
Zanzotto, Andrea (Андреа Занзотто) — 410, 413
Zapolu, Alexander (Александр Заполь) — 430, 431
Zavjalov, Sergei — 636, 641
Zolotõh, Irina — 390
Zolotov, Oleg (Олег Золотов) — 627, 628
Zoya Kuznetsova (Зоя Кузнецова) — 647, 651